Николай КУЗЬМИН

ВОЗМЕЗДИЕ

Николай Кузьмин

ВОЗМЕЗДИЕ

«Профессионал»
Центр политической книги
Москва 2010

ББК 66.5 (2 РОС)3.
К 89

Кузьмин Н. П.
К 89 Возмездие. – М.: "Профессионал", 2010. – С. 784.

Роман-хроника Николая Павловича Кузьмина "Возмездие" посвящен политической борьбе Иосифа Виссарионовича Сталина с происками международного сионизма, и в частности - троцкизма.

Данная тема развивается автором в книгах "Противостояние" и "Черные тюльпаны" перестройки".

ISBN 978-5-901838-66-2

© Н. Кузьмин, 2010
© "Профессионал", 2010

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

XX век по праву войдет в Историю под названием «русского». Никогда государство древних русов не достигало такого величия, как в закатившемся веке, последнем во втором тысячелетии. Эти потрясающие успехи всецело связаны с исполинской личностью И.В. Сталина, чей исторический масштаб только начинает осмысливаться всерьез.

Начало XX века ознаменовалось для России двумя мощными антирусскими восстаниями. Чрезмерное участие в обоих приняли лица «некоренной национальности». Они, «пламенные революционеры», называли Россию «этой страной», а русских — «этим народом». В своих мировых планах они отводили России роль полена, предназначенного сгореть в печке «перманентной революции». Еще живы люди, не забывшие ни «красного террора», ни расказачивания, ни борьбы с «русским фашизмом». А сколько лет неоглядная русская провинция замирала от ужаса, услыхав: «Латыши идут!» Эти «железные стрелки» не понимали ни слова по-русски и умели лишь нажимать на курок маузера.

Сталин остановил этот истребительный беспредел. Мало того, он обрушил на головы палачей меч справедливого возмездия. Авторы геноцида русского народа получили по заслугам.

Непревзойденный труженик на высочайшем государственном посту, Сталин создал государство, о котором мечтали поколения утопистов: с бесплатным образованием и лечением, с необыкновенной социальной защищенностью трудового человека. В СССР господствовал закон: «Вор должен сидеть, а предатель — висеть!» Благодаря титаническим усилиям Сталина появилась на планете наша советская цивилизация.

Постижению этих сложных и порой умопомрачительных явлений, борьбе И.В.Сталина с происками международного сионизма и, в частности, троцкизма посвящает документально-художественное повествование автор книги.

УРОКИ ОТЦА ГУРАМА

Съедобны абсолютно все грибы,
но некоторые только один раз.
народный юмор

В Тифлисской духовной семинарии о. Гурам преподавал историю религий. С детства искалеченный тяжелою болезнью, он передвигался на костылях. Каждый шаг давался старику мучительно. Выкинув обе ноги вперед, он подтягивал их, волоча по полу. Особенно трудными были крутые семинарские лестницы.

Прежде чем начать урок, о. Гурам долго устраивался на кафедре и переводил дух. В этом изломанном человеке жила только голова: седая, курчавая, переполненная поразительными знаниями по истории. Своей ученостью о. Гурам был известен всему Тифлису. Его комната на первом этаже, заваленная книгами, напоминала келью схимника. Время от времени к нему приезжали гости, и среди них глазевшие в окна семинаристы всегда узнавали И. Чавчавадзе, знаменитого поэта, издателя газет «Иверия» и «Квали», человека большой учености, известного в Петербурге и Москве. Почтенного поэта неизменно сопровождал князь И. Абашидзе.

Калечество с детских лет сильно ограничивало подвижность о. Гурама. Однако неугомонный дух заставлял преодолевать физическую слабость. Влача свое тело на костылях, он сумел облазить всю Грузию, избирая места, где в давние века находились, по его представлению, центры национальной грузинской культуры: монастыри и храмы.

История древних веков не являлась для о. Гурама закрытой книгой. Его знаний хватало, чтобы сделать вывод: судьба любимой Грузии соприкасалась и даже пересекалась с судьбой еврейского народа. Скорей всего, считал о. Гурам, жители Иудеи, рассеянные по лицу земли после гибели Первого храма, в своих скитаниях проникли сначала в Персию, а затем и на Кавказ. Здесь, в благодатной земле Грузии, они нашли вторую родину.

Широкую известность о. Гураму принесла работа из истории Макковеев. Он добрался до событий, о которых чрезвычайно сжато повествовалось на страницах Книги книг — Библии (второй век до Рождества Христова). Тогда строптивая Иудея испытала очередную ярость римских легионов. Император

Антиох разрушил стены Иерусалима и поставил в покоренном городе сирийский гарнизон. Местным жителям под страхом смертной казни запрещалось совершать обрезание младенцев и праздновать субботу. В храме Соломона на месте скинии был воздвигнут жертвенник Зевсу Олимпийскому. Такое неслыханное оскорбление религиозных иудеев вызвало сначала глухой ропот, а затем и восстание. Возглавил мятежников отчаянный Иуда Макковей.

Завершение труда не принесло желанного удовлетворения. Воображению о. Гурама открывались новые горизонты. Древность приоткрывала свои секреты и соблазняла открытиями, каких не знали даже известные историки Грузии. Старого исследователя захватил азарт археолога, почуявшего свою Трою.

Сознавая ограниченность своих сил, о. Гурам решил побывать в Крыму. Туда, так же, как и на Кавказ, устремлялись несчастные беженцы из разгромленной Иудеи. Кроме того, оттуда, из Херсонеса, двинулось на север, в Киевскую Русь, раннее христианство. И получилось так, что на земле Тавриды, как и в Палестине, стали соседствовать иудаизм, ислам и христианство.

Несмотря на отговоры почитателей, пугавших его трудностями дороги, о. Гурам отправился в Крым.

Полуостров, омываемый теплыми водами Понта Эвксинского, увиделся о. Гурамом таким, каким ему представлялась земля, на которой родился Спаситель: цветущее побережье и сухой, испепеляемый солнцем материк.

Паломнику из Грузии довелось застать в живых Фирковича, патриарха местных караимов, человека дряхлого возраста, большой учености и аскетического жития. Ветхий праведник обитал в замшелом городишке Чуфут-Кале, считавшемся столицей крымских иудеев.

Караимы — одна из ветвей библейского иудаизма, сохранившаяся на самой окраине еврейской Ойкумены, в Крыму. Как выяснил о. Гурам, караимы решительно не признавали Талмуда и, отрицая его божественное происхождение, почитали только *Пятикнижие Моисея* — священную Тору. Основоположником вероучения караимов считался Анан бен Давид, протестант, своего рода иудейский Лютер. Особенно рьяно он восставал против устного толкования таинств Талмуда — целого учения, внушенного якобы Моисею самим Иеговой на горе Синай.

Великие столетия пролетели над знойной землей Тавриды, оставив, как и всюду, молчаливые каменные надгробия. На могильных плитах о. Гурам необыкновенно часто видел изображение змеи. По древней мифологии именно Змей соблазнил легкомысленную Еву. Проклятый Вседержителем, коварный Змей был низвергнут на землю и обречен на вечное обитание среди рода человеческого.

В ветхозаветные времена, как знал о. Гурам, евреи вели кочевой образ жизни и, как всякие кочевники, в своей религиозной символике отдавали дань изображениям львов, быков, баранов, рыб. Впоследствии эта символика исчезла, евреи вдруг стали поклоняться Змею, недавнему небожителю, низвергнутому с небес на землю. Затем, по мере укрепления кастового вероучения, Змей, как грозный образ Иеговы, уступил место Золотому Тельцу.

Жизнь еврейского племени складывалась так, что бывшим кочевникам приходилось разрешать две задачи разом: с одной стороны, выжить и не исчезнуть, не раствориться среди соседей, с другой же — завоевать мир, как того требовал Иегова, беседуя с Моисеем на горе Синай. Справиться с обеими задачами было нелегко — приходилось изворачиваться из последних сил.

Из бесед с патриархом о. Гурам составил представление о религиозном мировоззрении караимов. Маленькая колония евреев, обосновавшаяся в Крыму, держалась убеждений мирного сосуществования, добрососедства. Мир Божий создан для всех, а не для одних избранных. Исповедовать эти убеждения крымских евреев заставила суровая действительность. По соседству с Чуфут-Кале находился православный Успенский монастырь, с кельями, вырубленными в скалах. От времен турецкого владычества сохранилось несколько старинных минаретов — все, что осталось от мечетей.

Караимы отвергали нетерпимость и насилие. (Фиркович нелестно отзывался о хасидах, непримиримых идеологах еврейского сопротивления). Но вот что поразило гостя из Грузии: среди непримиримых врагов крымских иудеев патриарх постоянно называл... чеченцев. Да, чеченцев, столь, казалось бы, далеких от Крыма.

Влияние старости, немощи?

Нет, тут угадывалось что-то иное.

Однажды старец поведал о каком-то корабле, который бурей принесло к мысу Херсонес. На берег сошли воины, закованные в греческие латы. Они принялись расспрашивать о стране «необрезанных людей». Им указали на Кавказское побережье. Корабль снова поднял паруса... По ряду признаков о. Гурам заподозрил, что Фиркович рассказывал легенду об аргонавтах, направлявшихся в Колхиду. Но почему они спрашивали о «необрезанных»? Не оттого ли, что сами относились к «обрезанным»? Но тогда кто же они были?

Кроме того, заставляла задуматься и цель их долгого и опасного плавания. Вроде бы они поплыли в Колхиду за золотым руном, т.е. за поживой. Но таких плаваний предпринималось великое множество (мореплаватели тех времен обогнули даже Африку!), однако в летописях сохранился один колхидский рейс. Что тому было причиной? Какая исключительность? Еще в те крымские дни о. Гурам допустил предположение: а точно ли, что аргонавты ехали за золотом? Не связано ли их путешествие с чем-то секретным, и этот секрет имеет самое прямое отношение к истории Грузии?

Отрицание караимами Талмуда невольно возбуждало подозрение, что крымские иудеи появились на земле Тавриды до нападения Навуходоносора на Иерусалим, т.е. до разрушения Первого храма. Но ЧТО, в таком случае, привело их сюда, по КАКОЙ причине они оказались так далеко от земли обетованной?

Бегство во имя сохранения жизни исключалось совершенно.

Но если не бегство, то... что?

Ответ на этот вопрос позволял разрешить о. Гураму и многие загадки Грузии.

Избежав испытаний вавилонского пленения, крымские иудеи подверглись ужасам иных нашествий: скифов, печенегов, турок. А в 1392 году в Крым нагрянули латники литовского князя Витовта, разгромили ханское войско и в качестве трофеев увели в полон целые селения караимов. На земле Литвы крымские иудеи поселились в Луцке, Галиче и Троках.

Поездка в Крым только добавила загадок. Гость из Грузии узнал довольно много, однако ни на шаг не приблизился к ответам на свои вопросы.

Жажда знаний оставалась единственной страстью о. Гурама. Поездка в Крым убедила его в том, что знает он ничтожно мало.

Он решил совершить паломничество туда, где, как ему казалось, находятся ответы на все непостижимые вопросы — на Святую Землю.

Князь Амилахвари остановил коня и, не слезая с седла, постучал рукояткой плетки в окошко жалкой лачуги сапожника Виссариона. Затем в нетерпении ударил в раму ногой. Он был по обыкновению пьян. Из хибарки выскочил хозяин, узнал князя и, подобострастно кланяясь, приблизился. Высвободив ногу из стремени, всадник протянул ее сапожнику прямо в лицо. На грязном сапоге отстала подошва. Виссарион бережно стащил сапог. Князь, не сказав ни слова, поехал прочь.

Он приехал вечером и также не сошел с седла. Виссарион натянул сапог на протянутую ногу. Князь поехал, а сапожник так и застыл в полупоклоне. Амилахвари остановился и бросил на землю несколько монет. Виссарион подбежал и жадно их подобрал... Вечером он напился в духане и ввязался в драку. В крови, в разорванной рубахе, он заявился поздно ночью домой и принялся избивать жену. Маленький Сосо со страхом наблюдал за безобразной сценой, не имея сил помочь несчастной матери.

Понадобилось время, чтобы Сосо понял: мать была единственным живым существом, на ком сапожник имел возможность отвести свою озлобленную душу. Задавленный безысходной бедностью, он находил отдушину в вине и в издевательствах над домашними. Он и смерть нашел в духане, в пьяной драке.

Унижения, связанные с бедностью, грязь и убожество детских лет навсегда наложили отпечаток на впечатлительную душу грузинского подростка. Семья, задавленная нуждой, не согревала его родительской любовью. Время, которое счастливая детвора всю жизнь вспоминает, как зеленую лужайку, залитую ярким солнцем, в памяти Сосо закрепилось пьяными выходками отца и слезами терпеливой матери. Темное голодное детство было началом его трудного жизненного пути.

Похоронив непутевого мужа, Екатерина Джугашвили все силы положила на воспитание единственного ребенка. Она зарабатывала мытьем полов в домах богатых евреев. Скудные копейки шли на пропитание, на одежду. В душу маленького Сосо навсегда вошел образ матери, великой бессловесной труженицы, задавшейся целью вывести его, сына сапожника, в люди.

Бесплатное образование в те годы давала лишь грузинская православная церковь. Мать, религиозная женщина, добилась, чтобы его приняли в Горийское духовное училище. Она мечтала сделать своего сына служителем Бога, священником.

Годы учебы в родном городе пролетели быстро. Мальчик учился жадно, поражая своих наставников. Сердце матери радовалось. Она постоянно видела своего Иосифа в черном одеянии служителя старинного Горийского храма.

Летом мать съездила в Тифлис, нашла там земляка, о. Гурама, и униженно попросила его о помощи. Изломанный старик, известный своей ученостью, принял земляков ласково. Подраставший Сосо стал учащимся Тифлисской духовной семинарии. Ему исполнилось 15 лет.

В первый год учебы Сосо совсем не видел о. Гурама. Старик отправился в Крым, и лекции по истории религий читал новый ректор семинарии о. Мераб. Семинаристы старших курсов с нетерпением ожидали возвращения о. Гурама. О его лекциях они рассказывали чудеса. По их словам, послушать старого преподавателя приезжали ученые люди из Кутаиса и Телави.

Трехэтажное каменное здание семинарии со спальнями на 30 человек напоминало солдатскую казарму. В обычае были частые обыски. У семинаристов старших курсов постоянно находили (и отбирали) запрещенную литературу. Это свидетельствовало о том, что бурливая жизнь проникала и в стены семинарии, казалось бы, наглухо изолированной от влияния улицы. Начальство, оставляя воспитанникам много времени для самоуглубления, рассчитывало, что мысли молодых людей будут заняты Богом и промыслом Его на земле. Поняв свою ошибку, воспитатели принялись ужесточать режим.

Паренек из Гори отличался среди сверстников угрюмой нелюдимостью. Он был вспыльчив, невоздержан, но в потасовках ему мешала покалеченная левая рука. Несколько лет назад пьяный извозчик врезался в толпу у церкви — пять человек, в том числе маленький Сосо, оказались под колесами пролетки.

Среди воспитанников семинарии находились дети обеспеченных родителей. Иосиф Джугашвили таких сторонился. Он болезненно переносил их пренебрежительное отношение. Они были совершенно разными людьми.

Избегая сверстников, Сосо держался нелюдимо, в привычном одиночестве.

Громадной отдушиной для мечтательного мальчика были регулярные занятия с хором. Руководитель Сандро Кавсадзе нашел у него исключительный слух и замечательный голос. Высокий чистый дискант Сосо легко взвивался под самые купола древнего храма. Сандро Кавсадзе оберегал маленького певца от перегрузок, дожидаясь, когда голос мальчика разовьется и окрепнет.

В начале зимы из Крыма наконец-то возвратился о. Гурам. Он словно помолодел в трудном путешествии и был оживлен, доступен, разговорчив. Его возвращение было радостным для всех.

По семинарской традиции первая лекция о. Гурама считалась общедоступной. Для интеллигенции Тифлиса рассказ старого путешественника об очередных открытиях становился событием в культурной жизни. В большую аудиторию набивалось столько народа, что семинаристам приходилось стоять в проходах и тесниться возле стен. С высоты кафедры гремел звучный голос неутомимого исследователя. Его открытия как бы листали забытые страницы истории грузинского народа. Любовь образованных тифлисцев к земляку Иосифа, знатоку древности, возрастала год от года, от путешествия старика к путешествию.

Исполняя обещание Екатерине Джугашвили, о. Гурам заботливо опекал своего маленького земляка. По вечерам в келье старика собирались семинаристы старшего возраста. Иосиф сделался постоянным посетителем этих собраний. Он обыкновенно сидел молча, уперев локти в колени и положив подбородок на сомкнутые кулаки. Участия в разговорах он никогда не принимал. Но все, о чем говорилось, о чем спорили (порою — очень горячо), запоминалось им и обдумывалось наедине.

Занятия с хором и вечера в келье о. Гурама не занимали всего досуга угрюмого семинариста. Как всякий нервный и застенчивый подросток, Сосо давал волю воображению, своей безудержной мечтательности. Этому способствовало также и лихорадочное чтение. Таясь от буйных сверстников, он бормочет строки собственных стихов, украдкой записывает их в тетради. Он стыдится своего занятия. «Узнают — засмеют...» Однажды в городе он отважился зайти в редакцию газеты «Ивe-

рия». Ему повезло попасть на самого редактора Илью Чавчавадзе. Стихи стеснительного подростка понравились седому маститому поэту. 14 июня 1895 года в «Иверии» увидело свет первое стихотворение худенького семинариста.

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И мир ее над дальней гранью
Играет бледной синевой...
Стремится ввысь душа поэта
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

Помимо «Иверии» Илья Чавчавадзе редактировал еще одну газету, «Квали» («Борозда»). На страницах обеих изданий князь стал печатать произведения так понравившегося ему семинариста. Он поверил в его талант и предсказывал застенчивому сочинителю блестящее будущее. Несколько стихотворений Сосело (так подписывался молодой поэт) были помещены в школьных хрестоматиях. А одна строка даже вошла в текст государственного гимна Грузии.

Первое стихотворение своего воспитанника привело о. Гурама в восторг.

— Мальчик мой, Бог отметил тебя своей Всевышней милостью. «Сначала было Слово...». Помни, великий Шота своей поэмой сделал для Грузии больше, нежели все ее цари и герои!

Он называл Боговдохновленное Слово инструментом необыкновенной силы. Благодаря Слову, люди обрели гимны, псалмы, пророчества... молитвы, наконец!

В тот вечер собрание в келье старика закончилось скандалом. Ладо Кецховели, воспитанник старшего класса, стал возражать о. Гураму — почтительно, но твердо, убежденно. Он считал, что прочней всего людей объединяет не общая вера, а классовая принадлежность. Богатые держатся один за другого страхом потерять свои сокровища. Бедняки же сплочены своею нищетой, убожеством, бесправием. Ладо заявил, что на стороне братства бедняков находится сам Спаситель. Разве это не Он изрек, что богачу проникнуть в райские кущи так же трудно, как верблюду пролезть в игольное ушко? Но почему-то служители Бога совсем забыли эти великие слова. Уж не потому ли, что стали слишком толстобрюхи?

- Безумец! - вскричал о. Гурам. - Подумай хорошенько, что ты говоришь!

Сдерживая гнев, Кецховели почтительно проговорил:

- Батоно, вы давно не говорили с простым народом. Люди ненавидят попов. Они смотрят на них как на представителей власти. Это обыкновенные чиновники в рясах... Церковь предала Спасителя. Она стала на сторону богатых.

На старика было страшно взглянуть. Его огромные разверстые глаза на изможденном лице выдавали нечеловеческую боль души. Теряя силы, он прошептал:

- Не кощунствуй. Бог всевидящ и всемогущ. Он проявит свой гнев, и тогда тебе придется возопить: «Господи, помилуй и спаси!»

- У меня есть револьвер! — запальчиво крикнул юноша и вылетел из кельи.

Силы совсем оставили о. Гурама. Он сидел потухший, удрученный. Ладо Кецховели повторил путь старших товарищей. Через эту келью уже прошли Николай Чхеидзе, Миха Цхакая, Филипп Махарадзе и Ной Жордания. Они оставили стены семинарии и с головой ушли в политику. Жизнь отбирала у о. Гурама лучших учеников.

Старик еще раз убедился в том, что его завидная ученость не дает плодов, от бесед с ним получают наслаждение пожилые образованные люди, но докричаться до рассудка своих семинаристов он не в состоянии. А ведь он жил для молодых!

Он поднял взгляд на своего молоденького земляка. Неужели и этот тоже? Старый проповедник мучительно страдал от постоянного непонимания своих подрастающих учеников.

- Твоя мать, Сосо... твоя бедная мать сидела там же, где ты сейчас сидишь. И я ей обещал... Будь благоразумен, сын мой. Не обмани ее. «Из кувшина выльется лишь то, что в него налито», - изрек старик свою любимую поговорку и вдруг спросил:
- Что там у тебя нашли?

Сосо смутился. Он надеялся, что учитель не узнает о вчерашнем происшествии. При обыске в спальне инспектор обнаружил роман французского писателя В. Гюго «Труженики моря». Книга входила в список запрещенных, ее конфисковали. Прошел слух, что семинариста Иосифа Джугашвили вызовут к ректору о. Мерабу для отеческого назидания. Сосо надеялся, что этим все и обойдется. Могло быть гораздо хуже, если

бы инспектор догадался заглянуть в прореху на матрасе. Там Сосо спрятал действительно опасную нелегальщину: листовки. С прошлого года, когда о. Гурам уехал в Крым, товарищ Сосо Петр Капанидзе затащил его на собрание членов партии «Месамедаси». У Петра, к удивлению Иосифа, уже завелась своя жизнь за стенами семинарии. На партийных собраниях всегда присутствовало несколько рабочих-железнодорожников. Эти люди горячо спорили о том, как трудно выжить человеку, обремененному семьей и получающему за тяжелую работу жалкие гроши. Однажды на собрании Иосиф встретился с Ладо Кецховели. Старший товарищ просиял улыбкой. После собрания Ладо стал расспрашивать его о здоровье о. Гурама. Сам он появляться в семинарии остерегался: полиция хорошо знала дорогу в эту обитель смуты и разномыслия.

Спустя два месяца Иосифу Джугашвили поручили вести занятия кружка рабочих железнодорожного депо.

От о. Гурама не укрылось замешательство юного земляка. Старик не мог забыть грубой выходки Ладо. Будущий священник и... револьвер? Чудовищно!

- Не надо нам крови! - проговорил он, пытаясь поймать убегающий взгляд Сосо.

Он напомнил Иосифу о матери, своей землячке, боясь, как бы не оставил его последний ученик. Почему они, такие молодые, полные сил, не хотят прислушаться к его советам, выверенным такой долгой трудной жизнью? Почему они пренебрегают опытом человека, много узнавшего и теперь подошедшего к концу своего жизненного пути? Как же они легкомысленны, как самонадеянны!

О молодость, прекрасная пора, когда жизнь кажется такою бесконечной!

Но кому же он передаст свой тяжкий, с таким трудом накопленный опыт?

Он выглядел в этот вечер болезненным, усталым и старым, очень старым. Неужели на него так подействовала запальчивость Ладо, так непочтительно хлопнувшего дверью?

В душе Иосиф был на стороне Ладо, но ему было больно добавлять страданий старому учителю, такому одинокому и несчастному. Поддерживая разговор, он не возражал, а ограничивался тем, что задавал вопросы. Разве Спаситель не выгнал

развратных торговцев из Божьего храма? Разве он не сказал, что принес не мир, а меч?

— Мальчишка! — рассердился о. Гурам. — Ты на плохом пути. Что я скажу твоей бедной матери? Не забывай — ты у нее один.

В скором времени о. Гурам вновь исчез из семинарии — он отправился на Святую Землю.

Об этом путешествии больного старика наперебой судили не только в стенах семинарии, но и в городе...

Затея казалась безрассудной: в таком состоянии да еще в такие годы!

Старик, однако, остался тверд...

Путешествие о. Гурама на Святую Землю заняло почти два года.

Добычей неутомимого исследователя из Грузии по обыкновению стали сохранившиеся следы далекой старины. На этот раз дело не ограничилось камнями. В Иерусалиме существовал грузинский православный монастырь. Там еще теплилась жизнь, доживали дряхлые священнослужители. Когда-то обитель населяли более 400 человек. Теперь осталось только 12 древних старцев. Каждое утро на рассвете их будил звон монастырского колокола. При первых проблесках зари раздавалось 33 мерных медлительных удара: по одному за каждый год земной жизни Спасителя.

Грузинская обитель на Святой Земле, как обнаружил о. Гурам, хранила множество удивительных свидетельств о событиях давно минувших лет. Своим любознательным умом он припал к этому кладезю старины, уподобившись путнику, изнывавшему от нестерпимой жажды. Открытия, малые и значительные, хлынули потоком, заполняя «белые пятна» в разнообразной мозаике его знаний. Мгновенно отлетели и померкли мучения трудного пути. Грузинский паломник благословил тот час, когда он решился на это изнурительное путешествие.

Евреям, как установил о. Гурам, всегда было чуждо понятие исторической достоверности. Их разнообразные сказания были обработаны и канонизированы с одною явной целью: доказать, что миром управляет только всемогущий Иегова и Он, мудрый и всесильный, назвал сынов Израиля своими избранниками перед остальными.

Земля Ханаанская, в которую вторглись евреи по указанию Иеговы, мало чем уступала материальной культуре Египта, Си-

рии и Месопотамии, ее города славились своими общественными зданиями и дворцами, а также высокой культурой земледелия: отсюда в Египет регулярно поставлялись вина, оливки и овощи.

И вот в этот цветущий край вторглись орды Моисея!

К небесам понеслись вопли избиваемых. Захватчики не щадили не только пленных воинов, но и женщин с детьми, а также всякий скот. Они признавали лишь одну добычу: золото и серебро.

Иудея, как еврейская держава, прекратила свое существование под мечами римского императора Тита. Произошло это в первом веке после Рождества Христова (70 г.). Второй храм Соломона на этот раз был снесен рассвирепевшими легионерами, а сам Иерусалим разрушен до основания.

Сокрушительное поражение ожесточило иудеев и вызвало внезапный взрыв национальных сил. Племя устремилось в неосвоенные регионы и вскоре появилось в Персии, а затем в Армении и Грузии. Освоив Закавказье, сыны Израиля устремились на просторы Великой Степи. Основание Хазарского каганата, третьей державы тогдашнего мира, было свидетельством великой силы древней Торы. Племя иудеев упорно осуществляло заветы Иеговы.

Русский князь Святослав взмахами боевого меча раздвигал горизонты крепнущего государства русов. Жертвой его воинственности стал и Хазарский каганат. Русь, таким образом, не приняла пришельцев с берегов Иордана. Они отхлынули на Северный Кавказ и в ожесточении закрепились на горных кручах Чечни и Дагестана. Отступать дальше они не собирались.

Здесь, в труднодоступных горных районах, обосновались самые непримиримые из иудеев — таты. Это воинственное племя полно решимости вернуть утраченное всемогущество сынам Израиля и жестоко отомстить своим врагам (в первую очередь — русам). Осуществлению этих кровожадных планов всячески помогала Турция, не оставляющая своих надежд на образование Великого Турана, государства от Босфора до Алтайских гор.

По мере течения веков еврейство совершенствовало не только методы завоеваний, но и свою внутреннюю организацию. Метод был избран окончательно: финансовый.

Знаменитые гетто, поселения евреев в черте больших городов Европы и Средиземноморья, являлись дополнительной мерой искусственной изоляции сынов Израиля от массы гоев. Там, в гетто, действовали только законы Иеговы, продиктованные Моисею. Впоследствии стены гетто рухнули, зато вознеслись под облака величественные небоскребы банков, твердынь еврейского могущества, где сейфы из самой прочной стали превратились в скинии, каждая со своим святым ковчегом.

Могущественные банки раздвинули стены древних гетто до пределов планеты.

Возвращение о. Гурама из затянувшегося путешествия стало событием в жизни Тифлиса. В келью старика началось беспрерывное паломничество. Напрасно семинаристы пытались заглянуть к любимому учителю. Застать его в привычном одиночестве никому не удавалось.

Паломничество слишком заметно сказалось на старике. Его словно высушило солнцем Палестины, он почернел и сделался беспокоен. Посетители объясняли эти перемены трудностями дороги и преклонным возрастом паломника.

Первая лекция о. Гурама была объявлена открытой. Приехали гости из города. Присутствовал весь преподавательский состав во главе с о. Мерабом, ректором семинарии.

Старик начал свою лекцию со старинного примера. В прошлые времена для проверки силачей предлагалось испытание: переломить руками пучок стрел. Сделать такое никому не удавалось. Тоненькие каждая в отдельности, стрелы, собранные вместе, оказывались не по силам даже прославленным богатырям.

Не то ли самое произошло и с Грузией?

Могучее государство карталинцев, кахетинцев, гурийцев и мингрелов оказалось вдруг раздробленным и сделалось легкой и лакомой добычей соседей-хищников.

Национальная раздробленность — вот бич даже самых сильных держав.

Разложение изнутри, порождение неустроенности и взаимной вражды — излюбленный прием захватчиков, алчных и коварных, мечтающих о покорении народов.

Так чья же алчность, чье коварство лишили Грузию могущества и обрекли ее народ на горе и национальное унижение?

Ответ на этот жгучий для грузин вопрос о. Гурам нашел, как ему казалось, еще во время поездки в Крым.

Недобросовестные летописцы с какой-то целью усердно извращают ход Истории. Прежде всего это относится к появлению евреев в Грузии. Сопоставляя даты и события, он опроверг установившуюся точку зрения. Для него является бесспорным, что евреи появились в Грузии не после гибели Первого храма Соломона в Иерусалиме, а гораздо раньше. Иными словами, Грузия стала не местом спасения евреев от ассирийского нашествия на Иудею, а жертвой хорошо рассчитанной и подготовленной экспансии, агрессии евреев.

Метод при этом был применен, испытанный Моисеем при захвате земли Ханаанской. Посланная вперед разведка установила, что грузины воинственны, отчаянны в бою (в отличие от филистимлян). Тогда агрессоры спрятали мечи и достали кошельки. Сражаться стало золото, а не булат! Крови защитников вроде бы не проливалось, однако жертвы грузинского народа оказались неисчислимы. Грузинам выпало повторить судьбу филистимлян, коренных жителей Ханаана.

Если в Палестине евреи попросту уничтожали коренных жителей, освобождая территорию от гоев, то уже в Египте они действовали иначе. Иосиф Прекрасный, купленный раб, сумел прибрать к рукам сначала фараона, а затем и всю страну. Как ему удалось? Он продуманно организовал повальный голод и скупил у отчаявшихся феллахов за бесценок основное их богатство — землю. А что народ без земли? Бесправный раб с рабочими руками и желудком.

«Египетский способ» был использован евреями и в Грузии.

Лишившись земли, грузины утратили единство как сильное, хорошо организованное государство. Появилось множество князей, владетелей огромных латифундий, а на троне верховной власти воцарилась династия Багратидов, чей род ведется от Давида, второго царя Иудеи.

Среди духовенства, занимавшего первые ряды, возникло шевеление. Несколько голов в черных клобуках склонилось к о. Мерабу. Он что-то сердито выговаривал. Один из преподавателей, высокий, весь в черном, направился к дверям, с трудом пробираясь среди семинаристов, забивших все проходы и плотно стоявших вдоль стен.

А голос старика гремел:

— Бог низринул Дьявола с небес и заставил его жить среди людей. Для своих происков Дьявол избрал евреев. С тех пор род людской потерял покой, ибо козни Дьявола порой сильнее промысла Всевышнего!

Вопреки ожиданиям о. Гурама, раскинувшего перед слушателями все богатство своих с таким трудом доставшихся открытий, его лекция вызвала большой общественный скандал. Ректору семинарии о. Мерабу пришлось унизиться до объяснений насчет почтенного возраста лектора и немыслимых трудностей утомительного путешествия. Следующая лекция была отменена, о. Гурам объявлен заболевшим. Недавняя гордость семинарии вдруг стал ее бедой, ее позором.

Затворившись в своей келье, старик мучительно переживал. Ему казалось, что он нашел волшебный ключ к истинному пониманию великих исторических событий. Но вот итог всех его исканий: волшебный ключ отвергнут, а сам он объявлен едва ли не сумасшедшим. И докричаться до рассудка окружающих его людей (даже очень образованных) он не в состоянии. Общество предпочло набор фальшивых представлений и оттолкнуло великодушный дар открытий, стоивших старому мудрецу усилий целой жизни. О, слепые поводыри слепых!

Насилие принудительного заточения придавало его страданиям оттенок религиозного мученичества. Старика согревал великий жертвенный пример Спасителя. Каждого истинно верующего ждет своя Голгофа, и он был готов даже к тяжкому кресту самопожертвования во имя Истины. Ему не жаль остатков жизни, лишь бы раскрыть людям глаза.

В начавшемся затворе о. Гурама для Иосифа Джугашвили открылась возможность чаще бывать в келье почтенного земляка и дольше беседовать.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Для Иосифа Джугашвили, семинариста старшего курса, началась жизнь зафлаженного волка — жизнь подпольщика-революционера...

Подполье — это жизнь и работа под чужими именами, а следовательно, постоянная угроза разоблачения и ареста. Против подпольщиков, смертельных врагов самодержавия, брошены лучшие сыскные и карательные силы государства.

Юный стихотворец Сосело не оправдал надежд ни о. Гурама, ни маститого И. Чавчавадзе. Он не стал служителем муз, избрав для себя служение Революции.

Рясе священника Иосиф Джугашвили предпочел куртку рабочего, скрывающегося от ищеек среди железнодорожников Тифлисского депо. Вместо стихов он стал писать прокламации, создавшие ему известность в рабочих организациях Батума, Кутаиса и Баку. Пропагандист классовой борьбы, он гневно спорит с теми, кто морочит рабочим головы, убеждая их добиваться лишь хорошей зарплаты и тем самым отвращая от политической борьбы.

Вчерашнему семинаристу полюбилось имя литературного героя — Коба. Однако на протяжении многих лет ему приходилось пользоваться и десятками других вымышленных имен.

Впервые приехав на нефтепромыслы Баку, он ужаснулся условиям труда. Скважины были обыкновенными колодцами, выкопанными над нефтяным пластом. Рабочие черпали густую пахучую нефть громадными жестяными корытами — желонками. Если пласт попадался глубокий, в колодец опускали большущий пук рогожи, затем вытаскивали и отжимали. Такая процедура называлась тартанием. Перепачканные вязкой липкой нефтью с ног до головы, рабочие походили на обитателей преисподней... А в это время хозяин промыслов Леон Манташев кутил в Париже, покупал особняки и дарил своим любовницам ночные горшки из чистого золота (вставляя в дно горшка большие бриллианты). О безумствах богача Манташева взахлеб писала вся европейская пресса.

В своих прокламациях «товарищ Коба» писал, что задача организованного пролетариата состоит не в выклянчивании у Манташева грошовых прибавок за непосильный рабский труд,

а в национализации промыслов, т.е., отобрав их у Манташева, сделать всенародным достоянием.

Сторонники чисто экономической борьбы составляли в партии «Месамедаси» внушительное большинство. Единомышленниками Кобы сделались старшие товарищи Ладо Кецховели и Александр Цулукидзе. Большим подспорьем в полемике с «экономистами» стали номера газеты «Искра», издающейся за границей. Каждый номер, добиравшийся до Тифлиса, зачитывался до лохмотьев. Обращали на себя внимание статьи за подписью Н. Тулина. В авторе угадывался глубокий, хорошо организованный ум. Своими статьями Н. Тулин вносил ясность в самые запутанные вопросы, давая указания к правильным выводам. Без «Искры», это признавали все, пришлось бы тыкаться словно в потемках...

На подпольном движении не только в Грузии, но и во всем Закавказье губительно сказывались ожесточенные националистические распри. Программы националистов были пропитаны ненавистью не столько к царскому самодержавию, сколько к русскому народу. Основные требования сводились к достижению государственного суверенитета. «Товарищ Коба» и его товарищи указывали, что национализм только разобщает силы рабочего класса. Русское самодержавие является врагом не только грузин, армян и азербайджанцев, но и русских, и в интересах политической борьбы следовало не дробить силы, а объединять.

Приближался перелом веков, начиналось новое столетие. Исполнялось ровно 100 лет с того дня, когда Россия распростерла свою могучую десницу над угнетаемой персами Грузией. Сложилось братство двух народов, грузины наконец узнали спокойную мирную жизнь. Юбилей ожидался, как великое событие в национальной жизни маленькой страны.

Следующим человеком, оказавшим, как и о. Гурам, могучее влияние на развитие вчерашнего семинариста, стал Виктор Курнатовский, приехавший в Тифлис прямо из Сибири, из села Шушенского, где он отбывал ссылку вместе с В.И. Лениным и Н.К. Крупской.

Из Шушенского... Прямиком от Ленина!

К тому времени имя «Старика» обрело в Закавказье такой авторитет, что политическое подполье межевалось на его сторонников и противников.

«Товарищ Коба» увидел человека вдвое себя старше, но державшегося чрезвычайно просто, без подавляющего превосходства. В напряженной обстановке закавказского подполья, где непрерывно шла борьба авторитетов, Курнатовский привлекал симпатии полнейшим отсутствием рисовки. Это была натура сложная, но открытая, обладающая секретами неотразимого обаяния. Иосифа, впитавшего уважение к старшим с ранних лет, порой коробило от веселого цинизма нового знакомца, но именно эта развязная насмешливость позволяла Курнатовскому растолковывать своему слушателю (а Иосиф умел слушать жадно, терпеливо) самые запутанные вопросы.

Первым делом Коба набросился на «Сибиряка» с расспросами о Ленине.

— О, «Старик»! — воскликнул Курнатовский. — Умище колоссальный. Его побаивается даже сам Плеханов! Одна беда — чистый теоретик. Практики никакой. Вечный студент.

Крупскую он называл на западный манер — Надин (с ударением на последнем слоге) и при этом почему-то играл и голосом, и глазами.

— Знаете, мой юный друг, спутница «Старика» девушка довольно-таки своеобразная. Я имею в виду ее взгляды. Во всяком случае, «Домострой» там не в чести.

Впоследствии Иосиф Виссарионович узнал, что в Шушенском у Курнатовского и Крупской случился мимолетный роман...

Евреев, которых так пламенно, так гневно обличал о. Гурам, насмешливый Курнатовский пренебрежительно называл «еврейцами».

— С ними надо уметь обращаться. Эта публика уважает только силу. А иначе — тут же усядется на шею. Народишко нахальный! Что же касается богоизбранности, то приемчик-то дешевенький. Так поступает любой бандит. «Я лучше всех!» — и — трах по башке. Ничего нового они тут не изобрели. «Нас возлюбил Господь...» Тоже мне — нашел сокровище! Будто получше не нашлось. Но — молодцы. Они не торгуют путевками в рай. У них другие гешефты. Нам бы у них следовало кое-чему поучиться.

У этого человека на все вокруг имелся сильно упрощенный, но, как видно, выверенный взгляд. Иосиф приписывал это возрасту и опыту, — старший товарищ уже успел изведать и тюрьму, и ссылку.

— Никогда не путайте, мой юный друг, две вещи: на белом свете есть евреи, а есть жиды. И жидов, кстати, очень много среди русских. А уж среди грузин, как я наблюдаю, нечего и говорить!

По всей видимости, его забавляла растерянность молодого собеседника. Нагрузка и в самом деле оказалась велика. Столько — сразу! А Курнатовский, словно потешаясь, продолжал небрежно сыпать свои парадоксы.

— А вы уверены в том, что Христос не заслан к нам еврейцами? Вспомните, он и обрезан был, и ходил в синагогу. И — вдруг! Это, мой юный друг, неважная религия, которая выскакивает вдруг. Тут надо разбираться... Да и с Магометом — тоже. Слишком уж везде торчат еврейские уши! Вы, кстати, знаете, почему Магомет сбежал из Мекки в Медину? Ну, как же! Его, как видно, в чем-то заподозрили и крепенько прищучили. Он и дернул. А Медина — это иудеи. Они его и укрыли, защитили. Такие вещи надо знать, мой юный друг. Мозги у народа закомпостированы настолько плотно и умело, что впору брать топор. Вы, как я убеждаюсь, пропагандист изрядный. Разве вам не задают вопросов по религии? Ну так зададут, будьте уверены. А на Кавказе, как я гляжу, с этим ухо надо держать востро.

Он снял квартиру у Зданевичей, в семье художника. Дом был многолюдный, шумный. Там ежедневно собиралась молодежь. Курнатовский понимал, что за ним, недавним ссыльнопоселенцем, налажен постоянный надзор и собирался переменить жилье, однако не совладал со своей натурой и немедленно завел скандальный роман с одной из дочерей художника. Жизнь его сразу усложнилась. Иосиф, понемногу разбираясь в своем наставнике, определил, что состояние постоянной влюбленности — одна из черт его характера. Без этого ему было бы скучно жить. Удивительно, что самих женщин к нему притягивало, словно мотыльков на огонек.

В Тифлис недавний ссыльный попал впервые. Город ему понравился необычайно. Особенное восхищение вызвала у него древняя азиатчина старого Тифлиса. Он полюбил подолгу просиживать, потягивая дешевое вино, в самых продымленных духанах.

— Идемте-ка, мой юный друг, потопчем улицы Тифлиса. Чудесный город! Другого такого нет. И будет жаль, если от него снова не оставят камня на камне. А к этому, как я гляжу, идет.

Как всегда, глубокие мысли у него перемежались прибаутками. Он повел Иосифа в сторону Армянского базара.

- Какой смысл обкрадывать себя? Жизнь слишком коротка. А поэтому да здравствует духан «Веселый петух» и замечательный суррогат из винограда «ркацетели». Насладимся солнцем Алазани!

В этот день, не меняя своей насмешливой манеры, Курнатовский завел речь о создании газеты. Вытянув стакан вина, он долго разглядывал его на свет, словно отыскивая на нем какие-то знаки.

- А ну-ка, - обратился он к собеседнику, - напрягите память. Как это там в Писании: «И будет в челюстях народов узда...»

Иосиф на память подхватил:

«... и будет в челюстях народов узда, направляющая к заблуждениям».

- Вот-вот! - похвалил Курнатовский. - Видимо, вы уже догадались, что из этого вытекает. А вытекает вот что: нужна газета. Га-зе-та! Своя. Здесь. На месте. «Искра», разумеется, хорошо, но необходима еще и своя «Искра». Кстати, мы об этом много толковали со «Стариком». Он считает газету едва ли не самым важным делом. Только издавать ее в Тифлисе не стоит. Завалят мгновенно. А вот подумать насчет Батума или, скажем, Баку. А?

В последнее время у Иосифа появилось ощущение, что старший товарищ посматривает на него, словно пахарь на возделываемое поле. Он на самом деле уже вложил в него немало и, естественно, ожидал обильных всходов. Первые ростки пробивались в листовках и прокламациях молодого подпольщика, активиста «Месамедаси». Курнатовский похвалил листовки Иосифа «9 марта» и «Тифлис. 20 ноября». Несколько советов он дал (со своими обычными шутками и прибаутками) насчет работы «Анархизм или социализм». Курнатовский требовал простоты и ясности. И «товарищ Коба» писал, обращаясь к рабочим, участникам манифестаций, спрашивая их: «Почему мы так бедны, хотя все вокруг нас создано нашими руками?»

Внезапно Курнатовский поднялся и быстро направился на улицу. Иосиф поспешил за ним.

- Мне кажется, - стал он выговаривать Иосифу, - вам следует исчезнуть из Тифлиса. Причем поскорее. А вы сами разве не

замечаете слежки? Лучше не ждать, мой юный друг. Тюрьма от вас не убежит. Это я вам гарантирую. Но лезть туда самому! Там слишком мерзко. Мерзко и... больно.

Он вдруг скривился, словно от внезапной боли.

— Они могут, мой юный друг, убить, могут покалечить на всю жизнь. Они все могут! Поэтому не будьте Христосиком с самого начала. Мы взялись за серьезное дело... за кровавое. Или мы, или они. И они это понимают. А поэтому так просто своего не отдадут. По крайней мере драться будут насмерть!

Батумский период жизни «товарища Кобы» отмечен нарастающей активностью трудящихся. Иосиф Джугашвили стал авторитетным партийным работником, его мнения спрашивают, с ним считаются. Он сделался агентом ленинской «Искры», а год спустя его избирают членом Тифлисского комитета РСДРП.

Батум, как и Баку, был промышленным городом. Там находились нефтеперерабатывающие заводы Ротшильда, Нобеля и Манташева. Протесты рабочих против нечеловеческих условий жизни становились массовыми — сказывались усилия местных большевиков. Во время очередной стачки полиция открыла огонь по забастовщикам. 15 рабочих было убито.

Борьба пролетариата с самодержавием запахла обильной кровью.

За опытным подпольщиком, приехавшим из Тифлиса, полиция начинает настоящую обложную охоту. Иосифу приходится жить под чужими именами: Чижиков, Иванович, Гилашвили, Чопур, Васильев... В ночь на 5 апреля 1902 года полиция накрыла заседание подпольного комитета большевистской организации. В числе арестованных оказался и руководитель из Тифлиса. Это был его первый провал.

Виктор Курнатовский не зря предупреждал его, что тюрьма приносит невыносимую боль. В Батумской тюрьме «товарищ Коба» был жестоко избит надзирателями. Их возмущало презрительное превосходство арестованного подпольщика. Его били не русские, не армяне — били грузины. Они громко сквернословили и били без разбора. Когда он упал, они принялись орудовать тяжелыми солдатскими сапогами. Несколько ударов пришлись в голову. Он плавал в крови, но не издавал ни стона. Эта стойкость привела истязателей в

исступление. Теряя сознание, он из последних сил приподнялся на руках. Его густые волосы свисали кровавыми сосульками. Устремив на своих мучителей ненавидящий взгляд, он хрипло проговорил:

— Магис деда ки вабире! (Я заставлю плакать твою мать!).

С тех пор он насовсем разучился не только смеяться, но даже улыбаться. Надзирателей он по-прежнему не замечал. С каменным лицом проходил сквозь их строй, не обращая внимания на удары и тычки. Иногда он при этом держал в руке книгу и продолжал читать.

В его лице царское самодержавие обрело несокрушимого и жестокого врага.

По обычаю тех лет, арестованным противникам режима давали ссылку в Сибирь — надолго запирали в «зеленый каземат» империи. Его привезли под Иркутск, в село Усть-Кут. Он быстро огляделся. Режим ссыльных позволял ходить на охоту. Начальство экономило на охране, более всего надеясь на гигантские пространства, которые пришлось бы преодолевать любому, кто решился на побег.

«Товарищ Коба», прикопив немного денег, решился...

Убежать просто. Но сделаться незаметным и пересечь эти гигантские русские пространства!

Иосиф Виссарионович запустил густую бороду и днями напролет валялся на верхней полке. Ему повезло: в вагон набились молодые крестьянские парни, мобилизованные в армию. Они выпивали, обильно закусывали домашней снедью и принимались горланить песни.

Путь оказался медленным, долгим, но интересным. Иосиф Виссарионович впервые так близко рассматривал русскую природу. Сибирь нисколько не походила на родную Грузию. Здесь все поражало своей громадностью: тайга, реки, степи. Отсюда Грузия казалась зелененькой изящной деревушкой.

Грузин Джугашвили-Коба медленно преображался в русского Сталина...

Совершив побег из первой ссылки, Иосиф Виссарионович удачно добрался до Тифлиса и застал крайне неприглядную картину. Национальные противоречия достигли градуса взаимного озлобления. Усилия врагов не пропали даром: Закавказье накрыла гигантская волна оголтелого национализма.

В родной Грузии доживала свои дни партия «Месамедаси». Старого товарища Ладо Кецховели не было в живых, его убили в тюрьме. Виктор Курнатовский, по слухам, уехал за границу. Многие большевики находились в ссылке. Тон в политической борьбе задавали меньшевики. Они обзавелись солидной печатной базой. Недавно в Париже князь А. Джорджадзе выпустил первый номер журнала «Сакартавело» на грузинском языке. Князь ратовал за создание «чисто грузинской партии», чтобы добиваться «свободы управления внутренними делами». Главным противником грузин объявлялось русское самодержавие. Однако РСДРП, уже набравшую известность, князь называл «реакционной партией».

До нелепых амбиций возросли претензии так называемых малых народов. Каждый из них вдруг ощутил невыносимые страдания от своей малости и незначительности и всю вину за это взваливал на русских. «Ах, если бы не русские собаки-угнетатели!» Возвеличивание собственного прошлого доходило до полного абсурда.

Чеченцы, затаившиеся в своих горах после поражения Шамиля, отважились бросить вызов не кому-нибудь, а самим евреям: они объявили себя основателями не только христианства и ислама, но даже иудаизма! Они уверяют, что Моисей был вовсе не еврей, а чеченец! Да и вообще все выдающиеся деятели человечества так или иначе происходят от чеченцев!

Осетины уверяли, что из 12 апостолов Иисуса Христа 11 человек были осетинами и лишь один еврей - Иуда.

В Грузии продолжалось Гурийское восстание. Очередной неурожай добавил ярости мятежникам. Крестьяне громили имения помещиков, как бы подчеркивая классовый характер своего возмущения. Вся власть в районах восстания принадлежала комитетам бедноты, выбранным народом.

В Баку, центре нефтяной промышленности, заметно активизировались «муджахиды». Небольшая группа террористов отправилась в Персию, намереваясь убить шаха. Боевики удачно подготовили покушение, однако в последний момент операция сорвалась: не сработало взрывное устройство.

Сталин-Коба негодовал. Какое отношение имеет персидский шах к борьбе трудящихся нефтяников? Он понимал, что за

спиной отважных «муджахидов» скрывается лукавая и вкрадчивая Турция.

Обстановка в самом Баку накалялась день ото дня. Чья-то рука убила директора завода, армянина. Он оказался членом партии дашнаков. В отместку армянские боевики убили 27 попавших под руку «муджахидов».

Пролитая кровь пьянила головы. 6 февраля 1905 года в Баку вспыхнули массовые беспорядки, началась ожесточенная резня. За 5 дней армяне убили 269 азербайджанцев.

Чья-то властная рука продолжала направлять удары по ложным целям.

В апреле Иосиф Виссарионович получил письмо от Ленина. Вождь большевиков вел речь об организации Всероссийской политической стачки. Силы протеста трудящихся должны объединиться. Для этого требовалось умелое руководство. К письму была приложена небольшая листовка.

«Мы поднимаем восстание, чтобы свергнуть царское правительство и завоевать свободу всему народу. К оружию, рабочие и крестьяне!»

Восстание... Это была настоящая вооруженная борьба народа с царской властью. В Москве на Красной Пресне разгорелись ожесточенные бои на баррикадах. В Петрограде удалось создать Совет рабочих депутатов... Сам ход борьбы трудящихся и безрадостный исход восстания изобиловали множеством подозрительных обстоятельств. Как водится, гнев народа попытались использовать совершенно чуждые для России силы. Правительству удалось одержать победу, но эта победа оказалась слишком трудной — на самом пределе военных возможностей режима. Трон устоял, и царь усидел на троне, однако будущее самодержавия рисовалось зыбким, недолговечным.

Из последней ссылки Сталина освободило царское отречение от трона. Уже 12 марта он был в Петрограде.

Прежде, в первые аресты, он, совершив побег, стремился домой, в Грузию. Годы борьбы выковали из него деятеля всероссийского масштаба. Теперь он понимал, что все — в том числе и для родной Грузии — будет решаться в самом эпицентре бурных событий, в Петрограде.

Он появился в русской столице как влиятельный руководитель большевистской партии, член ее Центрального Комитета (а таких в те годы было меньше десяти человек).

Убежденнейший интернационалист, Иосиф Виссарионович поставил так, что русский народ еще раз явил миру свое великое предназначение: добиться счастья не для одного себя, а для всех, кто когда-либо прибегал под его могучую защиту.

История, и это общеизвестно, никого и ничему не учит. Она лишь наказывает за незнание ее уроков!

Огромность России всегда страшила ее врагов.

Последний настоящий труженик на троне, Александр III, покидая грешный мир происками неприятелей, шептал со смертного одра своему незадачливому сыну, совсем не подготовленному к трудному и опасному царскому ремеслу:

— Нашей огромности боятся...

Иосиф Виссарионович внимательно изучил причины внезапной кончины этого и по сию пору недостаточно оцененного государя.

Все дело в том, что в 1893 году Александр III получил предложение рассмотреть вопрос о вхождении в состав Российской империи сразу трех азиатских государств: Китая, Тибета и Маньчжурии.

Аналогичное предложение было получено и с далеких Гавайских островов. Вождь северной части этой территории Тамари через главного правителя Российско-Американской торговой компании («Русская Америка») А. Баранова обратился к русскому царю с просьбой принять подвластные ему племена в подданство России. (Вождь Тамари уже испытывал давление со стороны Америки и Великобритании, но его страшила участь индейских племен Американского материка).

Подданство Гавайев, как и азиатских стран, не состоялось. Хозяевам планеты вовсе не улыбалось, чтобы более половины ее оказалось под скипетром Романовых! Все же на острове Кауаи появился укрепленный форт Святой Елизаветы, над которым развевался российский государственный флаг.

Борясь с растущим «расползанием» России по лицу Земли, ее ненавистники поспешили принять свои меры. Менее года спустя русский император умирает, едва успев наказать своему наследнику, чтобы он, упаси Боже, не ввязывался в войны и чтобы всячески укреплял российские армию и флот, ибо это два единственных союзника русского народа.

Мир стал свидетелем того, как распорядился Николай II отцовскими наказами...

С КИРОВЫМ

Кричащий в гневе — смешон.
Молчащий в гневе — страшен!
Абай

Известие о том, что в Ленинграде убит Сергей Миронович Киров, в Кремле получили в конце дня. Позвонил Чудов, второй секретарь Ленинградского обкома партии. С ним разговаривал Каганович. Через несколько минут в Ленинград позвонил сам Сталин. Он был ошеломлен, голос его прерывался. Выслушав сбивчивые объяснения Чудова, Иосиф Виссарионович велел позвать кого-нибудь из врачей. Трубку взял известный хирург Джанелидзе. Разговор шел на грузинском языке. Присутствующие напряженно вслушивались в незнакомую гортанную речь. Хирург отвечал коротко, деловито, не сводя глаз с тела Кирова, положенного на длинный стол для заседаний. Убитый был в сапогах и плаще. Откинутая пола плаща свешивалась со стола. Под простреленной головой на зеленое сукно натекла лужица темной крови... Закончив разговор, Джанелидзе с минуту смотрел себе под ноги, затем негромко объявил, что Москва разрешила вскрытие тела. Он добавил, что к утру, когда в Ленинград приедет Сталин, должно быть готово медицинское заключение о смерти Кирова.

Специальный поезд из Москвы отправился уже в потемках. Сталин взял с собой Молотова, Ворошилова, Жданова и незаметного, но влиятельного человека из партаппарата, Ежова. Нарком внутренних дел Ягода наспех сформировал целую бригаду работников с Лубянки.

Правительственный поезд летел без остановок, стремглав минуя тихие, присыпанные снегом полустанки. Требовательный рев мощного паровоза грозно вспарывал тишину опускавшейся на землю ночи.

В декабре темнеет рано. Иосиф Виссарионович, не зажигая в вагоне света, угрюмо стоял у окна и насасывал трубку. За окном стояла кромешная мгла. Озабоченно распоряжался Ворошилов, сердитым шепотом распекая Власика. В сталинский вагон никто не допускался. Кого надо — вызовут... В соседнем вагоне Ягода лихорадочно совещался со своими помощниками. В Ленинграде сотрудникам ОГПУ предстояла главная работа.

По словам Чудова, совершенно потрясенного случившимся, Киров целый день работал дома, готовясь к докладу на вечернем партактиве города. Несколько раз звонил по телефону в Смольный, запрашивая кое-какие цифры. В три часа дня в кабинете Чудова началось совещание. Внезапно в коридоре раздалось два резких выстрела. Все кинулись в двери. В широком и безлюдном коридоре лежало два тела. Киров был убит сзади выстрелом в голову. Убийца, Николаев, потерял сознание от нервного перенапряжения. В его руке был зажат наган.

— Офицер? — сразу же спросил Сталин.

В последнее время эмигрантские газеты, особенно парижские, настойчиво писали о «желательности устранения» Сталина в Москве и Кирова в Ленинграде. Боевой силой эмигрантов считался чрезвычайно деятельный Российский Общевоинский Союз (РОВС). Генерал Врангель, «черный барон», создатель этой организации, умер, а генерала Кутепова, его преемника, удалось недавно обезвредить. Сейчас РОВСом заправляет генерал Миллер, еще совсем не старый, энергичный и распорядительный, хорошо знающий русский Север по годам гражданской войны.

Первое подозрение таким образом пало на белогвардейцев из Парижа...

Всю ночь напролет Сталин простоял у вагонного окна. Они с Кировым расстались всего два дня назад. Пленум ЦК окончательно решил через месяц отменить в стране карточки. Из кабинета Генерального секретаря Киров позвонил в Ленинград Чудову, попросил его собрать городской партактив — он везет радостную весть. Вечером они со Сталиным были в театре, затем Иосиф Виссарионович проводил друга на вокзал.

Его привязанность к Кирову особенно возросла после недавнего самоубийства Надежды Аллилуевой, жены. Не проходило дня, чтобы они не разговаривали по телефону. Человек привязчивый, Сталин предлагал другу переехать в Москву. Киров отказывался. После знойного нефтяного Баку он попал на русский Север и с увлечением врастал на новом месте. Ленинград, центр разнообразной и хорошо развитой промышленности, нисколько не походил на захолустный Азербайджан. Иными были не только предприятия, но и люди. Здесь Киров, сменив вконец обнаглевшего Зиновьева, проявил свои качества

крупного партийного руководителя и стал таким, каким его узнали и полюбили партия, народ, страна.

Нынешней осенью Сталин, уехав на отдых в Гагру, на другой же день позвонил в Ленинград. Киров немедленно приехал. Несколько недель он скрашивал тягостное одиночество друга. Сталинское состояние он понимал лучше, чем кто-либо другой.

Оба они были людьми с неустроенной семейной жизнью и оба находили утешение в одном — в работе. Обоим не хватало суток...

«Брат мой любимый» — так обращался Сталин к нему в своих записках.

В синей и душистой Гагре Киров тихо маялся от вынужденного безделья — отдыхать он не умел и не привык. Чтобы убить время, ударился в чтение. Купался он без увлечения, обыкновенно рано утром, когда все еще спали. Вылезал из моря, отыскивал уголок пляжа, освещенного ранним солнцем, и раскрывал книгу. Здесь его и находил Иосиф Виссарионович, вставший позже всех. Откладывая книгу, Сергей Миронович бегло взглядывал на друга, на глаз определяя, как тот отнесется к сообщению об отъезде. Нет, надо еще потерпеть! Оставлять его в таком состоянии не годилось.

Сергей Миронович видел, как ожил Сталин с его приездом. Исчезла хмурость, замкнутость, неразговорчивость. Он меньше стал курить и всякий раз, забирая доставленную из Москвы почту, обещал тут же вернуться со свежими новостями. Они в те дни почти не расставались. Лишь поздно вечером, когда Киров принимался зевать, Сталин отправлял его спать, сам же забирал бумаги и уходил работать.

Поезд вдруг замедлил ход и остановился. Через вагон пробежал озабоченный Ворошилов.

— Воду берем, — объявил он на ходу.

Иосиф Виссарионович извелся от нетерпения. Ему казалось, что поезд двигается недостаточно быстро. И у него всю ночь копился гнев на кировское окружение в Ленинграде.

Кто такой этот самый Николаев?

Как он смог пробраться в Смольный?

Куда охрана-то смотрела?

Двужильный Мироныч, словно Геракл, расчищал завалы троцкистской грязи на зиновьевской конюшне. За время хозяйничанья Зиновьева, этого самодура и пустозвона, Ленинград превратился в самый настоящий антипартийный центр. Здесь у Зиновьева была надежная опора. Зря Киров защищал всю эту нечисть! Выслать надо было всех, выгнать к черту из страны вслед за их кумиром Троцким. Пускай бы щелкали зубами из-за рубежа, исходили там от бессильной злобы. А теперь что же? Кусай локти. Дуб свалили, но корешки-то остались!

Зиновьев оставил Кирову тяжелое наследство. Северная коммуна считалась надежнейшим оплотом Троцкого. Сейчас троцкистов удалось вычистить из крупных заводских парторганизаций. Они цеплялись за учреждения культуры. Продолжали тревожить Кирова и комсомольцы, молодежь. Троцкий — этого у него не отнимешь — понимал значение смены и много своих надежд связывал с подрастающим поколением. Привлечение молодежи достигалось путем самого бессовестного разложения. «Не труд, но удовольствия! Победителям дозволено все!». И молодежь массово устремлялась по соблазнительной дорожке. Особенно губительные последствия приносила пропаганда половой распущенности. В свое время старые эротоманки Александра Коллонтай и Лариса Рейснер объявили такие понятия, как совесть, мораль, нравственность, буржуазными предрассудками. Они провозгласили: «Свободу крылатому Эросу!» Из хороших рабочих парней воспитывались безмозглые существа, одержимые лишь постельными утехами. Молодежь приучали открыто бравировать бесстыдством. Наглость и отсутствие совести выдавались за классовую смелость. Убирались запоры с дверей спален и туалетов. То, что совершается интимно, наедине, стало выставляться напоказ.

Распущенность молодежи вызывала возмущение старых питерских рабочих.

Киров с неприязнью называл имена секретарей Ленинградского губкома комсомола Котолынова и Левина. Почитатели высланного Троцкого и снятого с постов Зиновьева, они обещали из неприметных комсомольских гнид вырасти в руководящих партийных вшей.

Сталин усмехнулся. Мироныч, если разволнуется, выражается размашисто, крепко...

Ах, как умел Мироныч улыбаться, как заразительно смеялся!

В последний день в Москве, вечером, после пленума, Иосиф Виссарионович повез друга в свой любимый Художественный театр. Давали «Кремлевские куранты». Роль Сталина исполнял артист Геловани. Судя по тому, как Киров украдкой пихнул друга в бок, он спектакля еще не видел. Геловани немного переигрывал, пережимал с акцентом. Но Кирову нравился чрезвычайно. Мироныч смотрел на сцену и радовался, как ребенок. Несколько раз он в восхищении толкал Сталина коленом. Он и аплодировал от всей души — самозабвенно лупил в ладони... После спектакля до поезда оставалось еще больше часа. В ложу были приглашены актеры, режиссер, дирекция театра. Геловани держался именинником. Выбрав минуту, он обратился к Сталину «с одной ма-аленькой просьбой». Для большей убедительности в роли ему требовалось понаблюдать, поизучать своего героя как можно ближе. Что, если бы дорогой товарищ Сталин позволил артисту побыть рядом с собой... ну, денек хотя бы, ну, другой... не больше? Мигом установилась напряженная выжидательная тишина. Сталин, усмехаясь, медленно поглаживал усы.

— Поизучать? — переспросил он. — Хорошая мысль. Но... почему бы тогда вам не начать с Курейки, с Туруханского края?

Первым, запрокинув голову, захохотал Киров. Он обеими руками ударил себя по коленям... Так, под общий смех, гости спустились вниз к машине.

В январские дни, во время работы XVII съезда партии к Кирову обратился Орджоникидзе. Оказывается, оппозиция никак не унимается. Целой группой: Эйхе, Шарангович, Косиор, Шеболдаев заявились к Орджоникидзе и предложили организоваться и не допустить, чтобы Сталин был вновь избран на пост Генерального секретаря. Снова вытащили на белый свет «Завещание» Ленина... Орджоникидзе их поднял на смех. На что они надеются? Кто за ними пойдет? Они что — совсем ослепли и оглохли? В день открытия съезда, стоило Сталину появиться на трибуне, весь зал поднялся на ноги и принялся бешено аплодировать. Сталин поднял руку, требуя тишины. В ответ зал с воодушевлением запел «Интернационал».

Орджоникидзе посоветовал раскольникам прижухнуть и даже не высовываться со своими намерениями. Не послу-

шались! То один, то другой добивались слова и вылезали на трибуну. Зал их моментально «захлопывал» и прогонял... А в предпоследний день, перед выборами, Никита Хрущев, молодой партийный выдвиженец, зачитал совместное заявление трех делегаций — московской, ленинградской и украинской, — предложив утвердить сталинский доклад как документ, имеющий силу партийного постановления. Это решение съезда не оставило интриганам никаких надежд.

И все-таки не унимаются!

Кирову докладывали, что время от времени из Москвы в Ленинград наезжали гости. В Смольном они не показывались, а ехали сразу на дачу Зиновьева в Ильинское. О чем они там совещались, Киров догадывался. Недавно один из гостей, Варейкис, вдруг явился в Смольный и предложил Кирову стать преемником Сталина. Он упирал на то, что на нынешнем съезде партии при выборах ЦК кандидатуры Сталина и Кирова набрали одинаковое количество голосов. «Партия вас примет без всякого сомнения!» — уверял он. Помедлив, он с хитроватым видом произнес: «Николай Иванович всецело с нами...» Это он козырнул именем Бухарина.

Нашел же чем гордиться! Киров постоянно раздражался при имени Бухарина. В этом вертлявом человечке, облысевшем, кривоногом, с вечно лоснящейся физиономией его возмущала какая-то болезненная похотливость. Все знали, что жена Бухарина, заслуженный партработник, прикована к постели. Он не придумал ничего умнее, как привести в дом молоденькую любовницу, Эсфирь Гуревич, недавно она родила ему ребенка, девочку. Сейчас он, старый, истасканный человек, соблазняет дочку своего партийного товарища Ларина, девочку-школьницу.

— Прямо царь Соломон какой-то! — возмущался Киров. — Завел целый гарем.

Варейкиса он обругал и выпроводил из кабинета. Какие же ничтожества все эти «старые гвардейцы революции» (так они себя горделиво называют)! В стране столько дел, а они знай собираются по дачам, по квартирам и без конца судят-рядят об утраченном положении, о возврате былой власти. С них ведь вполне станется снова, как при Троцком, подбить молодежь на уличные беспорядки! А что им еще остается?

Видимо, зря поверили в их раскаяние, в их заверения о лояльности, когда восстанавливали в партии. Фальшивые людишки!

Пробуждение было поздним. Понемногу расхаживаясь, Иосиф Виссарионович выглянул в окно и на пустынном пляже увидел одинокую фигуру. Человек лежал навзничь на песке и, чернея подмышками, сгибом локтя закрывал глаза от солнца. В другой руке он держал книжку. Это был Киров.

Мимо домика охраны Сталин спустился вниз, на пляж. Начальник смены Паукер, держа руку под козырек, подождал, не будет ли каких-либо распоряжений. Иосиф Виссарионович прошел мимо и, сильно утопая в сухом песке, побрел к краю воды. Киров вскинул голову, узнал и живо сел, счищая песок с колен.

— Лежу сейчас, — принялся рассказывать Мироныч, — и знаешь, что надумал? Почему, черт подери, нас, русских, так тянет поваляться? Другой за это время какой-нибудь франк или фунт стерлингов заработал. А наш растянется кверху пузом и лежит. Но ведь не зря лежит-то, вот в чем дело! Тебе не попадалось, не читал? А я сейчас вспомнил. Мужичонка, крепостной, занюханный, драный передранный... пришел к своему барину — и бух в ноги: кормилец, выручи, дай десять рублей. А десять рублей в то время — деньги. Зачем тебе? Избу поправить? Коровенку прикупить? Детишек накормить? Нет, говорит, лететь надумал! Крылья хочу сделать — ив небо. Заберусь на колокольню, прыгну и полечу... Ну, ничего у него, конечно, не вышло. Барин его отодрал чуть не до смерти. Но тут что важно? Ну, вот кому еще может влететь в башку такое? Только нашему! Больше никому! Лежал, лежал — и на тебе: лететь. Избенка у него заваливается, ребятишки от мякины пухнут, а он — дай денег, полечу!

Вчера вечером они долго засиделись. Киров рассказал, что недавно побывал на Кольском полуострове, посмотрел, как строится Хибинский комбинат. Хорошо, что перед поездкой кое-что почитал. Разговаривать пришлось со специалистами. Что же — отделываться общими словами? Раскусят сразу! Приходится доставать учебники, просматривать специальные журналы... Хороших книжек читать просто некогда, все время уходит на учебу. А иначе нельзя!

— Достань справочник Хютте, — посоветовал Сталин. — Полезная книга для нашего брата. Сам увидишь.

Киров переспросил:

— Хютте? Сильный дефицит? Попробую добыть.

— А читать все же необходимо, — подхватил мысль Сталин. — Причем читать хорошие книги. И для театров надо время находить, и на выставки художников ходить. Партийный работник не только промышленностью занимается, на его плечах и советская культура. Это очень плохо, когда в голове руководителя одни проценты плана. В своей одержимости трудностями пятилетки партработники становятся похожи на прорабов — дельных, исполнительных, старательных, но черствых, заскорузлых и даже примитивных. Книга, театр, живопись должны стать потребностью настоящего партийного руководителя.

— Сутки, что ли, черт их дери, удлинить? — смеясь, заметил Киров. В эту минуту доложили, что приехал Берия.

Сергей Миронович знал, что Сталин понемногу выдвигает этого талантливого молодого человека. Проверил его на чекистской работе, перевел в партийный аппарат — обычная сталинская манера... Берия «тянул» уверенно, умело, обещая вырасти в крупного государственного деятеля. К сожалению, в поле сталинского притяжения этот человек попал совсем недавно. Сам Киров узнал его гораздо раньше. Их пути скрестились, когда в Грузии еще не было советской власти.

В те времена в Тифлисе сидело меньшевистское правительство Ноя Жордания, упиваясь суверенитетом и не обращая внимания на возраставшие бедствия своего народа. Центр, т.е. Москву, представлял в Тифлисе Киров. Он так и назывался: полномочный представитель. Его, большевика с большим подпольным стажем, хорошо знали во всех столицах республик Закавказья. Политическое влияние Кирова веско подкреплялось военной силой: полками и дивизиями 11-й армии. Штаб армии находился в Астрахани.

Однажды Кирову доложили, что в Тифлисе арестован нелегал, пробравшийся туда из Баку для подпольной работы. Фамилию арестованного Киров записал: Берия. Он сначала переговорил с Мир Джафар Багировым, тайным резидентом разведывательного отдела 11-й армии, после чего официально обратился к главе грузинского правительства Н. Жордания. Тот ссориться не захотел и распорядился освободить арестованного.

Киров больше никогда бы и не вспомнил об этом мимолетном случае, если бы не новый досадный провал: подпольщика, посланного в Грузию из Баку, уличили в связях с грузинской охранкой. Фамилия предателя оказалась знакомой: Берия. Время было горячее, дело шло к восстанию, штаб XI армии был наготове. Попутно выяснилось, что этот Берия в годы своей бакинской жизни состоял в партии мусаватистов, но в то же время предлагал свои услуги большевистскому подполью. От услуг агента-двойника тогда отказались, потому что знали: мусаватисты тесно связаны с турецкими секретными службами, а те, в свою очередь, состоят на содержании немецкой и английской разведок.

Арестованный сумел бежать из-под ареста, но отправился почему-то не назад, в Баку, а в Астрахань.

Туда, в штаб 11-й армии, полетела телеграмма Кирова.

Сбежавшего нашли и отправили в подвал местной ЧК.

И снова Киров выкинул фамилию предателя из памяти. Голова его была занята совсем другими делами.

Вырваться из грозных лап ЧК в те годы никому не удавалось. Однако Берия уцелел. Секрет того, почему он не получил скорую расстрельную пулю, всецело связан с Багировым. Выждав, когда Кирова перевели на работу в Центр, Багиров освободил истомившегося в подвале узника и устроил его на работу у себя в ЧК завхозом. Пускай присматривается!

Появление Берии вблизи Сталина свидетельствовало о том, что ошибки молодости бывшему нелегалу пошли впрок. И все же Сергей Миронович вспомнил старинное русское присловье насчет «коня леченого, вора прощеного и жида крещеного». Однако сам Сталин аттестовал молодого человека так: «Надежный работник».

Кирову понравилось, как с первой же встречи стал держаться Берия. Он не полез с выяснением отношений, не принялся «наводить мосты дружбы». Сдержан, немногословен, всегда уважителен и не назойлив. В конце концов он прошел проверку у самого Сталина!

В тот день московская почта, ежедневно доставляемая фельдсвязью, содержала несколько сообщений, связанных, как считал Иосиф Виссарионович, с недавними событиями в Германии.

Разорвав плотный конверт, он бегло просмотрел бумаги, оставил один лист и направился в комнату к Кирову. Тот поднялся с дивана, отложил книгу.

— Прочитай, — сказал Сталин, протягивая лист, сложенный пополам.

Начав читать, Киров метнул на друга изумленный взгляд, затем медленно запустил пальцы в волосы.

Из Берлина сообщали, что Гитлер наградил орденом американского автомобильного короля Форда, а Троцкому присвоил звание «почетного арийца».

— Вот так антисемит! — вырвалось у Кирова.

В этот вечер друзья за чаем проговорили допоздна.

Совсем недавно, всего два месяца назад, Гитлер решился на кровавый и отчаянный поступок, перебив за одну ночь всех из своего ближайшего окружения, кому он не доверял. В назначенный час подобранные команды убийц по всей Германии ворвались к намеченным лицам и покончили с ними без всяких лишних слов. Это побоище получило название «ночь длинных ножей».

- Ну, — спросил Сталин изумленного друга, — что теперь ты скажешь о Гитлере?

- Поганый мужик, - заметил Киров. - Но серьезный.

- Еще бы!

- Что же... воевать придется? - И Киров прямо, ясно глянул Сталину в глаза.

Тот только дух перевел.

- Не можем мы воевать. Не мо-жем! Ничего же нету. Нам бы еще лет пятнадцать... Ну, хотя бы десять!

- Не дадут.

- Будем оттягивать. Будем ловчить. А что еще остается?

Остановившись у окна и заложив руки за спину, Иосиф Виссарионович принялся высказывать свои соображения. Гитлера в наши дни «раздувают» абсолютно так же, как после царского отречения «надували» Троцкого. И занимаются этим те же самые господа, что и тогда, в те времена, — американцы. Недавно стало известно, что Гитлер принял двух важных деятелей из правления крупнейшей американской корпорации «Телефон и телеграф» (ИТТ). Гости попросили фюрера «порекомендовать им надежных германских промышленников, с кем можно

наладить тесное сотрудничество». Такие люди были указаны. Сейчас американская ИТТ приобрела уже 28 процентов авиазаводов компании «Фокке-Вульф», а банкир из Кельна К. Шредер, член штаба СС, налаживает с помощью американцев производство синтетического бензина и каучука.

Само собой, не остаются в стороне от тесного сотрудничества и секретные службы обеих стран. Известный адвокат Г. Вестрик, являющийся представителем американских фирм в Германии, наладил тесные отношения с адвокатской фирмой братьев Даллесов, а через них сотрудничает не с кем иным, как с Генри Фордом.

Вот как нынче выглядит так называемая Большая политика и что на самом деле скрывается за удивительными награждениями фюрера германского народа!

- Да-а... — удрученно вздохнул Киров. — Денежки, денежки... «А без денег жизнь худая, не годится никуда!»

Средств в стране не хватало катастрофически. Приходилось соблюдать режим жестокой экономии на всем — даже на самом необходимом. Два года назад приняли закон о хищениях — так называемый «семь — восемь». Что и говорить — жестокий, зверский. Но что делать? В стране двести миллионов человек. Если каждый унесет по колоску, по одной картошке — получится высокая гора. А ведь на эту гору и расчет — вложить в металлургию, в машиностроение...

Нельзя красть у самих себя!

Оба, Сталин и Киров, думали об одном: где брать средства на строительство танковых, авиационных, артиллерийских заводов. Ничего же нет!

- Они предлагают, - проговорил Сталин. - Но брать - лучше сразу застрелиться.

- Да это понятно, - отозвался Киров и вдруг рассмеялся. - Анекдот. Пришел Иван к еврею. «Дай рубль взаймы». Тот требует: «Залог давай». Иван снял шапку, отдал. Еврей говорит: «Вот тебе рубль. Но отдашь два. Согласен?» Взял Иван рубль, пошел. Еврей его окликнул: «Иван, тебе будет трудно сразу рассчитаться. Ты бы, пока у тебя есть деньги, отдал половину долга». Иван подумал. А и в самом деле! Отдал ему рубль. Вышел от еврея и в затылке чешет. Что же получилось: и без шапки, и без рубля, да еще и рубль должен!

Сталин улыбнулся.

- Вот-вот. Обдерут до нитки. И жаловаться некому.

- Но брать где-то надо.

- Со всех будем брать, - жестко проговорил Сталин. - Со всех понемногу. Но больше всех - с мужика, с колхозника. Ему все-таки легче. Он на земле. Его земля прокормит.

- Эх, мужик наш, мужик, - вздохнул Киров и потер колени. - Ему же, если что, и воевать придется.

- Воевать всем придется. С таким зверем, - Иосиф Виссарионович снова показал на лист из пакета, - никто не отсидится.

- Ты думаешь, Троцкий еще что-то значит?

- Стараться будет. Звание-то надо оправдать!

Киров сидел, смотрел в пол, потирал колени. В эту минуту оба поняли, что безмятежный отдых в общем-то сильно затянулся.

- Ну что... поеду я, пожалуй?

Иосиф Виссарионович попросил друга съездить в Казахстан. Там что-то слишком уж плохи дела. И Киров тут же засобирался.

Казахстанская командировка Кирова затянулась на три недели. Он заглянул во многие углы этой степной республики, добрался даже до Рудного Алтая, сказочного Беловодья, куда убегали голодные мужики центральных российских губерний, спасаясь от безземелья и помещичьего гнета. Позднее в те места царское правительство стало ссылать важных государственных преступников (декабристов и зачинателей рабочего движения, социал-демократов). Глазам Сергея Мироновича открылись жуткие картины варварского хозяйничанья Шаи Голощекина, московского назначенца, троцкиста, палача царской семьи. Киров убедился, что в Москве не имеют никакого представления о том, до какого состояния довел несчастную республику этот безжалостный сатрап. За годы голощекинского управления население Казахстана сократилось вдвое, поголовье скота уменьшилось в десять раз! Дело пахло не ошибками в руководстве, а злостным умыслом. Иначе такого целенаправленного погрома не объяснить.

Рассказывая Сталину о том, что он увидел в Казахстане, Киров все еще не мог избавиться от потрясения. Нет, они здесь, в центре, даже не представляют, что творится на окраинах большой страны. Подумать только: казахского народа стало вдвое

меньше на Земле! И кто это сделал? Да ведь нас же проклянут на веки вечные!

- Мы здесь купаемся, на солнышке загораем, а там...

Он задохнулся от возмущения.

В степной глубинке, недалеко от Иртыша, он побывал в небольшом поселке из войлочных юрт. Казахов обязали прекратить кочевку, обосноваться на одном месте и жить оседло. Вырос целый городок. Киров увидел пустые улицы, пустые юрты. Все население вымерло от голода. Собаки одичали и убежали в степь. И таких вымерших поселков — не счесть.

- Мне говорят: это сделали вы, русские. До вас такого не было. Я голос сорвал, когда доказывал. Как будто нам, русским, досталось меньше!

Действуя от имени Политбюро, Киров снял с работы прокурора Восточно-Казахстанской области и арестовал несколько человек из аппарата местного ОГПУ.

С удрученным видом Сталин принялся набивать трубку. Ему уже доложили о том, как Киров похозяйничал в командировке.

- Снял русских? — негромко задал он вопрос.

- Да, в основном. Но не посмотрел и на местных!

Особенность ситуации в степной республике, так возмутившей Кирова, заключалась в том, что безжалостными палачами казахского народа зачастую выступали... сами же казахи. Это были активисты Шаи Голощекина из местных. Сергей Миронович достал из кармана гимнастерки записную книжку и назвал несколько фамилий: Исаев, Рыскулов, Курамысов, Кулымбетов. Послушные опричники! Рупором у них - республиканская газета «Енбекши-казах».

— Это же линия, установка. «Хватит нам кочевать, пора жить цивилизованно!». И не от Шаи, а еще от Троцкого! «Чем хуже, тем лучше».

Иосиф Виссарионович предложил другу пост секретаря ЦК с обязанностями по национальному вопросу. Киров отказался.

— Сбегать из Ленинграда? Ни за что! Я же там наобещал. И вдруг... Нет, пока всего не сделаю, не двинусь с места.

На замечание Сталина, что место пустым не окажется, подберут хорошую кандидатуру, Киров возразил:

— А если он окажется белоручкой? Ты даже не представляешь, о чем у меня сейчас голова болит. Ка-на-ли-

зация! Революцию свершили, а отхожие места — как при Петре. Выгребные ямы, бочки, золотари. Ну, это нормально? Не сделаем — захлебнемся. А делать никто не хочет. Зиновьев об этом и слышать не хотел. Еще бы: с таких высот и вдруг... А делать надо. Причем срочно. Иначе плохо будет.

В тот день, рассказывая о поездке в Казахстан, Мироныч ни словом не обмолвился о том, что едва не погиб: его автомобиль на совершенно ровной дороге вдруг опрокинулся в овраг.

Это вроде бы случайное дорожное происшествие теперь обрело в глазах Сталина зловещий смысл. «Покушались еще там. Прицеливались... Выстрелить же удалось лишь в Ленинграде».

В скудном свете начинавшегося дня правительственный поезд подлетел к Ленинграду. На перроне гулкого громадного вокзала приехавших встречало все местное начальство. Штатские стояли без шапок. Лица у них были потерянные. Начальник Ленинградского управления ОГПУ Филипп Медведь вскинул руку под козырек фуражки и так и держал ее там. Его шинель была туго перетянута ремнями.

Из вагона, где находились сотрудники ОГПУ во главе с Ягодой, выскочили военные и выстроили стенку, отгораживая приехавших от встречавших. Все они держали в руках наганы. Лица их были полны решимости отразить любое нападение.

Мгновенно установилась атмосфера ожидания неминуемого покушения.

Сталин, в фуражке и длинной шинели, спустился на перрон и медленно оглядел встречавших. В наступившей тишине слышалось лишь пыхтенье уставшего паровоза. Размеренным шагом Сталин приблизился к Медведю, остолбеневшему с рукой под козырек, и вдруг наотмашь хлестнул его перчатками по лицу.

Длинная кавалькада автомашин, издавая тревожный общий рев, понеслась по Невскому. Испуганные прохожие шарахались к стенам домов.

Не сбавляя хода, машины вылетели к ажурной ограде Смольного и, визжа колесами, круто сворачивали в широко распахнутые ворота.

Первым выскочил Ягода. Он вскинул наган и заорал: «Стоять всем! Не двигаться!». Затем он повел приехавших москвичей по широким коридорам Смольного. Стучали торопливые шаги.

Тесной кучкой шли Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов. За ними торопливо семенил крохотный Ежов. Завидев кого-нибудь в коридоре, Ягода угрожающе кричал: «К стене! Стоять!»

Иосиф Виссарионович прошел в кабинет Кирова.

Рабочий стол друга был завален документами. Отдельной стопкой лежали книги и журналы. Не вынимая из карманов рук, Иосиф Виссарионович прочитал на журнальной обложке: «Горючие сланцы». Среди книг он узнал справочник Хютте. В стопке также находились пособия по минералогии, геологии, лесному делу. Все эти мелочи напоминали о пристрастиях убитого хозяина. Не укладывалось в голове, что Мироныча нет в живых. Еще позавчера... да что там — вчера еще он с головою был в работе. А... вот же!

Растерянный Чудов, вконец потерявший голову от встречи на вокзале и зычных окриков Ягоды, стал отвечать на раздраженные вопросы Сталина. Он снова повторил, что Сергей Мироныч не должен был заезжать в Смольный, а собирался ехать сразу на актив. Николаев? Пока что установлено: безработный, исключался из партии, последнее место работы — инструктор губкома партии. Жена его, Милда Драуле, латышка, работает здесь же, в Смольном, в управлении промышленности... Николаеву около 30 лет (жена его старше на два года), производит впечатление человека с нездоровой психикой. В свое время его не взяли в армию — забраковали. После увольнения с работы беспрерывно пишет жалобы. Круг знакомых убийцы сейчас устанавливается.

— Давайте его, — распорядился Сталин.

Он сидел на простом канцелярском стуле и, волнуясь, усиленно раскуривал трубку. Рядом с ним, за плечом, поместился Ворошилов. Из всех, кто находился в кабинете, сидели только они двое.

У них за спиной стояли Чудов, секретари губкома, Молотов и Жданов. Среди них совсем потерялся маленький Ежов.

Справа у стены плотной кучкой держались чекисты, в гимнастерках с петлицами, в тугих ремнях. Филипп Медведь, неузнаваемо постаревший, горячечно блестел глазами. Лицо Ягоды, с крохотной полоской усиков под самым носом, выражало лихорадочное напряжение.

Дверь распахнулась, и головы всех разом повернулись. Возникла небольшая пауза. Двое чекистов держали за локти

какую-то неприглядную истрепанную куклу, а не человека. Убийца выглядел ничтожным, жалким. У него были обезьяньи руки до колен, короткие ноги и чурбаковатое удлиненное туловище. Явный вырожденец... Иосиф Виссарионович набрал в грудь воздуха. За время своих многочисленных арестов, тюрем, ссылок он достаточно повидал всевозможной человеческой нечисти. Этот убийца был настоящим слизняком. Что же заставило его стрелять в чудесную, полную великолепных планов, голову Мироныча? И поднялась же у подлеца рука!

В минуты гнева нижние веки сталинских глаз приподнимались, отчего взгляд его становился, как у тигра перед броском. Николаев несколько раз вскидывал голову и снова ронял. Длинные неряшливые волосы в беспорядке рассыпались по бледному нечистому лицу.

Сталин заговорил, но голос его моментально треснул и сел.

— Зачем? — проговорил он низким тягучим голосом.

Внезапно Николаев рванулся из рук конвоиров, рухнул на колени и протянул к Сталину длинные обезьяньи руки.

— Это они... они! — закричал он и тыкал в невозмутимую группу затянутых в ремни чекистов.

И здесь последовала безобразнейшая сцена, которой никто не ожидал.

Чекисты дружно сорвались с места и принялись остервенело бить, пинать, топтать валявшегося Николаева. О Сталине было забыто. Приехавшие из Москвы оказались здесь посторонними, лишними. Мелькали служебные начищенные сапоги, раздавалось напряженное сопение. Дородные, с широкими ремнями на толстых животах, они задыхались и бормотали грязные ругательства сквозь оскаленные зубы.

Внезапно из-под топочущих сапог раздался тонкий звериный вой и полетел по коридорам Смольного.

Стремительно поднявшись с места, Сталин быстро устремился к выходу. В эту жуткую минуту им владело одно желание: вырваться отсюда, скрыться, оказаться среди своих, проверенных, надежных.

Это неприятнейшее чувство незащищенности, опасности, угрозы запомнилось ему надолго, если не навсегда...

Охрану Сталина возглавлял Паукер, сменивший незадолго перед этим Беленького. Николай Власик, дюжий белорус, счи-

тался прикрепленным. Неугомонный Ворошилов разузнал, что Паукер был парикмахером Менжинского, а Беленький стал чекистом по рекомендации Свердлова. После безобразной сцены в кировском кабинете Ворошилов долго с глазу на глаз говорил с Власиком и взял на себя руководство сталинской охраной. Первое, что он сделал, — отобрал группу самого близкого и постоянного сопровождения. В каждом, кого он плохо знал, он подозревал неискреннего, недостаточно преданного и проверенного — чужого. А чужих здесь, как выяснилось, следовало остерегаться. Опасность внезапного покушения так и витала в Ленинграде.

Покидая вместе со Сталиным кировский кабинет (и машинально прикрывая ему спину), Ворошилов испытывал неприятнейшее ощущение близкой опасности, коварной и неожиданной ловушки. Слишком уж бесцеремонно, слишком нагло накинулись эти затянутые в ремни люди на Николаева!

Отныне доступ к Сталину был резко ограничен. И всякий раз, когда приходилось вызывать Ягоду с его помощниками, в кабинете непременно находились четыре человека из надежной и проверенной охраны.

Иосиф Виссарионович распорядился вызвать из Москвы опытных следователей из прокуратуры. Возглавить комиссию думалось назначить главного партийного кадровика Н.И. Ежова (из Орграспредотдела ЦК). Он известен цепкостью в расследовании и внимательностью к мелочам. В таких делах никаких мелочей быть не должно. Пускай неторопливо, петлю за петлей, распутывает весь клубок.

Аресты в Ленинграде начались в первую же ночь после выстрелов в Смольном. Ордера подписывал городской прокурор Пальчаев. Под стражу брались люди, так или иначе связанные с Николаевым, — главным образом его родственники. Тут же обнаружилось, что свояк убийцы (муж Ольги, сестры Милды Драуле) Роман Кулишер дважды исключался из партии и слыл ненавистником Сталина. Такой же репутацией пользовался и Петр, старший брат Николаева. Откровенные троцкисты... При обыске у Николаева нашли дневник и рукопись, озаглавленную «Политическое завещание». Убийца Кирова писал, что он «войдет в историю наравне с Желябовым и Радищевым». В дневниковых записях он называл своими единомышленниками

секретарей Ленинградского губкома комсомола Котолынова, Антонова и Шатского.

Стали всплывать любопытные детали. Охрана Кирова дважды задерживала Николаева, когда тот на улице пытался подойти поближе. В первый раз у него в портфеле нашли пистолет и вычерченный от руки маршрут, по которому Киров ежедневно отправлялся на работу. Этот же самый портфель с тем же пистолетом у него отобрали и при вторичном задержании. Оба раза его отпускал Борисов, начальник охраны Кирова.

В день убийства Николаев вошел в здание Смольного по партийному билету. Он слонялся по кабинетам, заглянул к Угарову, секретарю горкома партии, долго сидел в коридоре на подоконнике.

Сергей Миронович не собирался быть в Смольном. Он работал дома. В четыре часа за ним ушла машина, чтобы отвезти его на партактив. Киров спустился из квартиры и по улице Красных Зорь пешком дошел до моста Равенства. Там его ждала служебная машина. Что его заставило заехать в Смольный? Ответить мог только начальник охраны Борисов. В половине пятого Киров вышел из машины, но не у бокового «секретарского» подъезда, а у главного, общего для всех. Борисов задержался внизу, Киров пошел один. Рядом с ним, в нарушение инструкции, не оказалось ни одного человека из охраны.

Почему Николаев ждал его, сжимая в кармане пистолет? Выходит, кто-то ему сообщил, что Киров все же заедет в Смольный. Знать об этом мог только человек, находившийся рядом с Кировым.

Кто же конкретно? Борисов? Снова Борисов.

Иосиф Виссарионович распорядился доставить арестованного Борисова в Смольный. Он намеревался допросить его с глазу на глаз. Пусть не боится никого и честно скажет все, что знает, что подозревает. Защиту от этих топтунов в начищенных сапогах он ему обеспечит.

«И ведь как умело били!» — подумал он, вспомнив вчерашнее безобразное поведение чекистов. Это бесчеловечное искусство надзирателей ему было знакомо еще с первого ареста, с Баиловской тюрьмы.

В кабинет вошел встревоженный Чудов. Он сообщил, что два часа назад за городом на дороге в дачный поселок Ильинское в машину Ягоды врезался грузовик. К счастью, нарком не

пострадал. Так, легкие ушибы... Шофер грузовика сбежал и сейчас объявлен в розыск.

Усваивая новость, Иосиф Виссарионович молчал. Как всегда, быстрее всех нашелся Ворошилов.

— А что ему понадобилось в Ильинском? — спросил он.

Ответить Чудов не успел. В приемной раздался шум, и Ворошилов быстро вышел.

— Мерзавцы! — вернувшись, выругался он.

Оказывается, Борисова везли в Смольный, но не довезли. Автомобиль ОГПУ (почему-то грузовик, а не легковушка) врезался в кирпичную стену какого-то склада. Борисов, единственный из всех в кузове машины, ударился виском и моментально скончался.

Невольное ошеломление — вот что испыталось всеми, кто находился в кабинете.

Моментально вспомнилось вчерашнее поведение Николаева — человека, по всем признакам, всунутого в ситуацию, почти наёмного. Запуганный, но не устрашенный до конца, он в последнюю минуту рухнул на колени и воззвал к Сталину о помощи. Где гарантии, что Борисов не поступил бы точно так же? И — вот: он не доехал! А мертвые молчат...

Не потому ли, кстати, нашелся грузовик и для Ягоды? Кому-то потребовалось убрать и его, как только что убрали Борисова.

Однако, какая же грубая работа!

Снова, как и вчера, всей кожей ощутилось неприятное чувство смертельной опасности. Вылезли многие кончики подлого убийства Кирова. Осталось только их связать. Для тех, кто подбил Николаева на преступление, близился час расплаты. Поэтому они и суетятся, мечутся, знают, что расплата будет страшной..

За это время Ворошилов два раза выбегал в приемную и снова появлялся. Он сквернословил, не стесняясь. Лицо его покрылось пятнами. Он нервничал сверх всякой меры.

— Что там? — спросил Сталин.

Приехал Ягода и рвался для личного доклада.

— Я сейчас! — сказал Ворошилов и снова вышел.

В кабинете появились работники охраны: Румянцев, Кириллин, Кузьмичев и Кузнецов. Ворошилов указал им, кому где стать. Прикинул и сделал знак Кузьмичеву перейти поближе к двери.

Плечистый Власик глыбой возвышался за сталинской спиной.

В кабинет вошли Ягода, Паукер, Гулько и Петерсон (бывший начальник поезда Троцкого). Голова Ягоды была замотана бинтами. Он вел себя как человек, только что вышедший из боя. Глаза вошедших заметались по расставленным охранникам. Ворошилов, напряженный в струнку, стоял сбоку стола. Сталин изучал вошедших исподлобья. Глаза его превратились в щелочки.

Повисла напряженная минута.

Трогая рукой повязку на голове и болезненно морщась, Ягода принялся докладывать. Тело Борисова отправлено на экспертизу в медсанчасть ОГПУ. Виновные в дорожном происшествии арестованы, кроме шофера грузовика — сбежал. О покушении на самого себя он скупо обронил: «Дорожное происшествие».

Сталин вдруг подумал: «А ведь в Ильинском дача Зиновьева!»

Кончив докладывать, Ягода замолк в ожидании дальнейших указаний. Сталин молчал. Снова пролетела напряженная минута, и четверо чекистов гуськом пошли из кабинета. В том, как они уходили, отчетливо угадывалось что-то неисполненное, незавершенное...

Итак, вовсе не эмигранты из своего парижского далека дотянулись до широких, плохо охраняемых коридоров Смольного. Дело было страшней: с Миронычем расправились свои, допущенные близко, доверенные, без малейших подозрений. Настоящее предательство!

В свое время Ленин вписал в советский Уголовный кодекс страшную 58-ю статью. Более жуткое юридическое средство для возмездия затаившимся врагам сочинил Сталин. Это был Закон от 1 декабря 1934 года.

Подсудимых ждала скорая и беспощадная расправа: никаких защитников, никаких послесудебных апелляций, приговор окончательный и приводится в исполнение немедленно.

Так он ответил на злодейское убийство своего единственного друга, своего «брата любимого»...

Гроб с телом Кирова был выставлен в бывшем Таврическом дворце, носящем имя товарища Урицкого.

Поток ленинградцев был нескончаем. Венки, знамена, траурная медь оркестров... Скорбные колонны старых питерских рабочих.

Газеты страны печатали гневные письма трудящихся. Убийство Кирова, второго человека в партии, повергло страну в настоящий шок. После XVII съезда партии, «съезда победителей», после великолепного съезда советских писателей, первого в истории страны, после радостных известий о предстоящей отмене хлебных карточек разом наступило отрезвление от достигнутых побед. Враг не смирился со своим поражением и, затаившись, исподтишка наносил подлые болезненные удары в спину. Трудящиеся требовали от властей проникнуться сознанием опасности и раскопать вражеское подполье.

Кровь Кирова взывала о возмездии.

Весь день падал мягкий, как пряжа, реденький снежок. Снег был истолчен тысячами ног. Сталин приехал вечером. Бывшие чертоги князя Потемкина-Таврического окружало тройное кольцо охраны. Зал опустел, когда Иосиф Виссарионович стал подниматься к гробу. Он еще не видел убитого друга и страшился этой минуты. Так нелеп был переход от жизни к смерти. Столько предстояло сделать, столько имелось планов! И — вот... Киров лежал безмолвный, отрешенный, с запекшимися губами. Смертная тень покрыла блескучие глаза Мироныча. Безжизненно лежали его убитые рабочие руки. Привычная гимнастерка с отложным воротником, квадратный подбородок, мощный кировский лоб с гладко зачесанными волосами. Слева, под глазом, расплылось большое синее пятно — от падения лицом вперед... Сталин, в мешковатых брюках, в сапогах, в неизменном кителе, одиноко стоял возле гроба и смотрел, смотрел, не отрываясь. Груды венков источали аромат лесной хвои, аромат жизни. Окаменело замерли часовые с винтовками. Поблескивали жала штыков. И надрывающе звучала погребальная мелодия оркестра.

С затаенной мукой Иосиф Виссарионович глянул поверх гроба, поверх венков и штыков. Враг притаился где-то слишком близко, он трусит, но не унимается, готовит еще одну пулю...

Он склонился над дорогим лицом, поцеловал убитого и глухо произнес.

— Прощай, друг, мы за тебя отомстим!

Ночью к самому отходу поезда на вокзал приехал московский следователь Лев Шейнин (впоследствии — известный писатель). Он провел первые допросы арестованных и примчал-

ся, чтобы выложить Хозяину добытые сведения. На его взгляд, злодейская расправа с Кировым явилась итогом большого заговора. За спиной слизняка Николаева скрывается множество известных, а еще больше неизвестных лиц.

Заговорщики, докладывал Шейнин, применили детский прием, чтобы с первых же шагов направить следствие на ложный путь: в кармане Николаева находилось письмо, в котором неизвестный «Доброжелатель» сообщал ему о сожительстве Милды Драуле, жены, с Кировым. Злодейское преступление, таким образом, выглядит обыкновенной местью оскорбленного мужа. Письмо, считал Шейнин, типичная заготовка. Расчет на простаков... Об участниках предполагаемого заговора сейчас говорить рано. Однако ему уже удалось ухватиться за тоненькую ниточку, связанную с таинственным появлением в Ленинграде человека по имени Натан. Это имя сорвалось с языка одного из арестованных. Назвать фамилию он отказался наотрез. Шейнин, однако, не терял надежды, что ниточка рано или поздно приведет к главному клубку. Об этом говорил ему весь его опыт следователя-важняка.

От Николаева толку пока мало — он избит и запуган. Но арестованные комсомольские секретари держатся на допросах смело, дерзко, даже вызывающе нахально. Никто из них не запирается, не пытается увильнуть от ответственности. Расправа их нисколько не страшит. Молоденькие, но зубастые волчата, подросший выводок троцкистского не разоренного гнезда! Владимир Левин процитировал следователю знаменитые слова Степана Халтурина о мускулистой руке рабочего класса и ярме деспотизма. Котолынов и Шатский постоянно упрекают большевиков за расстрел пролетарской манифестации в январе 1918 года, после разгона Учредительного собрания. Эти ребята нисколько не скрывают своего поклонения Троцкому и Зиновьеву. У одного из них и сорвалось с языка имя загадочного Натана. Кроме того, они проговорились, что в последние дни в Ленинград зачем-то вдруг съехались Бакаев, Каменев, Евдокимов и, что особенно тревожно, Мрачковский. Вся компания засела на даче Зиновьева в Ильинском.

Сталин спросил о грузовике, смявшем на дороге машину наркома внутренних дел.

— Странное происшествие, — ответил Шейнин. — К сожалению, никак не можем найти шофера этого грузовика.

Упоминание Мрачковского заставило Сталина насторожиться. Этот человек был известен в партии своей террористической деятельностью, подпольщик-боевик. Он больше остальных страдал от бездеятельности оппозиции и упрекал своих товарищей в бесконечной пустопорожней болтовне. Против Сталина, которого он открыто называл узурпатором, давно следовало применить не слово, а дело.

Не за этим ли он примчался в Ленинград?

Напоследок Шейнин сообщил, что охрана Кирова выполняла свои обязанности из рук вон плохо. Николаев дважды задерживался при попытке приблизиться к машине Кирова, и оба раза у него лежал в портфеле пистолет.

- Его допрашивали? - спросил Сталин.

- Да. Запорожец. Оба раза.

- А Медведь?

- Ему не докладывали о задержании.

- Почему?

- Сейчас выясняем. Запорожца пока в Ленинграде нет.

Внезапно в разговор вмешался маленький Ежов, стоявший у Сталина за спиной. С нескрываемой злостью он выговорил Шейнину:

- Ты довыясняешься, что они тут все подчистят... Почему не докладываешь главного?

Шейнин растерялся.

- Простите...

- Нечего прощать! — оборвал его Ежов.

Он успел установить, что прошедшей ночью, пока правительственный поезд спешил из Москвы, в подвалах ленинградского ОГПУ гремели выстрелы: Филипп Медведь с какой-то целью спешно расстрелял несколько человек.

Кто эти люди? Почему он так торопился?

Сталин медленно поворотил голову и жестко взглянул Шейнину в самые зрачки. Он таких подробностей еще не знал. И ждал ответа.

Ежов, однако, продолжал выговаривать с нарастающей неприязнью:

- А о еврейской лавочке почему молчишь? Киров же ее прикрыл!

- Простите, Николай Иванович... какую лавочку? - взмолился Шейнин, с тревогой взглядывая на Сталина.

— ЛЕКОПО — вот какую! Ну, молчишь? А почему?

Возникшую перепалку Сталин слушал с интересом. Ежов обыкновенно не подавал голоса в общих разговорах — привык больше помалкивать и мотать на ус. Но тут, видимо, накипело!

Своим злым замечанием Ежов поставил Шейнина, еврея по национальности, в неловкое положение. Он с трудом справился с заминкой.

— Спасибо, Николай Иванович, за указание. Учту в работе.

И снова стал смотреть на Сталина, ожидая последних указаний. Паровоз уже нетерпеливо фыркал, готовясь в путь.

Иосиф Виссарионович размышлял недолго. Ему вспомнилось любимое словечко Кирова: «лавочка». Прикрыв ЛЕКОПО (Ленинградский еврейский комитет помощи), Мироныч, несомненно, сунул палку в настоящее осиное гнездо.

Направляясь в вагон, Сталин приказал Ежову остаться в Ленинграде и возглавить работу всей следственной группы. Мало будет — еще пришлем! Сейчас необходимо побыстрее подготовить и провести первый судебный процесс над убийцами Кирова. Этого ждут и народ, и партия.

— Работайте, — сухо произнес Сталин. — Сейчас это самое важное. Докладывайте чаще...

Ежов сбегал в вагон и забрал свой чемоданчик. Правительственный поезд повез тело Кирова в Москву.

Осенью, вернувшись из Казахстана, на первом же заседании Политбюро Сергей Миронович подвергся обвинению в «заигрывании перед рабочим классом в поисках дешевой популярности». Речь шла о конфискации неприкосновенного запаса Ленинградского военного округа: узнав, что в ленинградских магазинах выстраиваются очереди за самыми необходимыми продуктами, Киров своей властью опустошил армейские продовольственные склады на территории области. Последовал протест военных. К возмущению армейцев очень умело подключился нарком внутренних дел Ягода. Он был уязвлен разгромом казахстанского ГПУ, который учинил Киров в своей командировке, и оскорблен резким его выговором в адрес высшего руководства Лубянки. Теперь он откровенно сводил счеты, вкрадчиво упирая именно на заигрывание Кирова перед пролетариатом. Сергей Миронович не признавал дипломатических вывертов и отвечал резко, в своей обычной размашистой манере:

— Вы хотите, чтобы рабочие вышли на улицы? Не дождетесь! И в первую очередь этого не допущу я, я, я! Судите меня за это, наказывайте. Но я считал и считаю, что лошадь, чтобы она везла, надо кормить. И кормить как следует.

Иосиф Виссарионович любовался другом. Горяч, несдержан, но прям и чист. Человек, который никогда не станет держать камня за пазухой...

Теперь, после убийства, каждое слово на том заседании Политбюро, каждый жест участников казались Сталину сигналами о готовящемся преступлении.

Ягода... Не оставалось никаких сомнений, что он ездил в Ильинское. Ездил украдкой, тайком от всех. Что ему там вдруг понадобилось? К кому он ездил? И этот странный наезд грузовика. Решили убрать? Но почему? Испугались его как страшного хозяина Лубянки? Или же как ненадежного сообщника?

Все это предстояло решать, во всем терпеливо разбираться...

Иосиф Виссарионович никогда не испытывал страха за собственную жизнь. К этому его приучила судьба профессионального подпольщика-революционера. Но после покушения на юге, когда по его катеру на море был открыт огонь из пулемета, у него появилось неприятное ощущение постоянной мишени. Он стал сильно мешать, и его старались убрать любыми способами. Нынче, после XVII съезда партии, на котором оппозиция потерпела сокрушительный разгром, ощущение опасности сильно возросло. Ненавистники предельно озлобились. Их льстивое покаяние с трибуны съезда было всего лишь вынужденной маскировкой. Теперь, после убийства Кирова, их поведение на съезде предстало во всем коварстве.

К своему очередному съезду партия подошла с выдающимися показателями. Наконец-то созрели первые плоды великих надежд народа на индустриализацию и коллективизацию. Немыслимые тяготы и испытания оставались позади. Еще один год таких успехов, и можно будет навсегда отменить систему карточек. Жить становилось лучше, жить становилось веселее. Нытики и паникеры, участники всевозможных уклонов, блоков и платформ, пытавшиеся свернуть партию с верного пути и стращавшие народ напрасными жертвами, оказались окончательно посрамлены.

Тон работе XVII съезда задала газета «Правда».

Лев Мехлис, главный редактор центрального партийного органа, был и до конца своих дней оставался самым верным сталинцем. Его ненависть к троцкистам была безмерной. Он считал, что в борьбе с этой нечистью церемониться не следует.

Возглавив «Правду», Мехлис превратил ее в настоящий рупор сталинской политики. Он исповедовал принцип: скажут — сделаем, ошибемся — поправят. А не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Он знал, что рабочий день Сталина начинался с чтения «Правды». В кабинете Мехлиса часто раздавался звонок самого главного телефона. Хвалить Сталин не любил. Однако Мехлис, много лет работавший его помощником, научился разбираться в интонациях Хозяина. Ориентируясь на утреннюю реакцию вождя, главный редактор «Правды», словно с колокольни Ивана Великого, задавал благовест на всю страну.

Он первым запустил определение: «гениальный Вождь и Учитель». Как водится, утром Сталин позвонил и отчитал. Выждав две недели, Мехлис снова повторил свою попытку навязать советской пропаганде эту полюбившуюся ему формулировку. И снова раздался звонок «кремлевки». Все же что-то заставляло Мехлиса держаться своего. И он добился: в очередной передовой статье он вновь употребил это определение Хозяина, и утреннего выговора не последовало. С того дня примеру «Правды» стала следовать вся печать огромнейшей страны.

Мехлис, как и Сталин, не выносил штатской одежды. Он носил гимнастерку под ремнем и галифе. Речь его была отрывистой и властной. Более всего он опасался, чтобы вождь не лишил его доверия. Однако, в отличие от ловких царедворцев, предпочитающих лицемерить, лгать и таиться, Мехлис, словно преданный и верный пес, постоянно бежал впереди хозяина.

День открытия XVI съезда совпал с 10-й годовщиной со дня смерти Ленина. Передовицу «Правды» писал сам Мехлис. Он посчитал необходимым напомнить о борьбе, которую партия вынесла с теми, кто всячески мешал осуществлению ее великих планов. Напечатан был длинный список лиц, названных уклонистами, паникерами, а то и просто откровенными врагами. В списке значились: Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Сырцов, Ломинадзе, Угланов, Марецкий, Стецкий, Рютин, Смирнов и Эйсмонт. Автор передовой хотел, чтобы эти

имена узнала вся страна. Газета обращалась к этим людям с предупреждением: уймитесь же, наконец, и не мешайте, трудностей хватает и без вас. Партия больше не потерпит ваших подлых козней и, если понадобится, отшвырнет со своей дороги, словно камни под ногой.

В зале съезда Мехлис украдкой посматривал на Сталина. С утра он заезжал в редакцию, однако звонка по «кремлевке» не последовало. Выходило — доволен, получилось — угадал и угодил.

В переполненном зале раздавался слитный газетный шелест — свежий номер «Правды» имелся в руках каждого делегата. Обсуждали живо, тыкали пальцами в строчки передовицы. Так круто «Правда» еще не выступала. Делегаты, приподнимаясь с мест, высматривали «всяких Стецких-Марецких». Показывали на них один другому. Еще недавно эти люди напыщенно восседали в президиумах, теперь их ссадили вниз, в зал, в массу со всеми, и они чувствовали себя колюче, неуютно.

Каждый из названных в «Правде» почуял, что на этом съезде, скорей всего, судьба его решится окончательно: отодвинут, заменят, навсегда выметут из руководства. А как хотелось удержаться и сохранить, как недавно выразился краснобай Марецкий, «свое присутствие в общественной жизни»!

Перепуганная оппозиция стала рваться на трибуну, чтобы публично признать свои ошибки, покаяться самозабвенно, истерично, навзрыд.

Тон задал Каменев. Благообразный, с профессорской бородкой и в золотых очках, он, обличая самого себя, походил на ученого, читавшего доклад об очередном открытии. Только открытием на этот раз были темные лабиринты его собственной извилистой души. Каменев, как это называлось в партийном обиходе, разоружался, причем разоружался полностью, доставая из-за пазухи все приготовленные камни и складывая их покаянно в кучу.

— Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 год боролся с партией и с ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собой, по библейскому выражению, эту старую шкуру!

Похлопали ему слабо, снисходительно.

Внезапно грянула ликующая медь оркестра. Всех делегатов невольно дернуло к распахнувшимся настежь дверям, широ-

ким, как ворота. В зал с красными знаменами, с оркестром торжественно вступала делегация московского завода АМО. Это было новшеством: приветствовать партию от лица передовых рабочих коллективов, победителей в социалистическом соревновании. Зал дружно поднялся на ноги и принялся в такт маршу прихлопывать в ладоши. Вступившие направились вперед, к президиуму съезда. Музыканты самозабвенно дули в свои трубы, и грохот праздничного марша победительно сотрясал старинный зал.

Колыхались красные знамена, рявкал оркестр, в президиум на сцену поплыли макеты гигантского молота и гвоздя.

Рабочие были одеты празднично: в новенькие сатиновые косоворотки, в отглаженные пиджаки, в начищенные сапоги.

Гром музыки и аплодисментов разом оборвался, и в тишине с трибуны зазвучали слова пламенного пролетарского приветствия. Чудовищный гвоздь московские автозаводцы призывали «заколотить в крышку гроба мировой буржуазии». Снова грянул обвал ликующих аплодисментов. Смеясь, делегаты съезда влюбленно смотрели на принарядившихся рабочих и аплодировали.

Зал еще не успокоился, когда на трибуну стала подниматься Долорес Ибаррури, пламенная Пассионария, представительница трудящихся Испании. Снова забушевали неистовые рукоплескания. Она произнесла приветственную речь, завершив ее здравицей в честь великого государственного деятеля, руководителя страны Советов, чье светлое имя ныне с восторгом повторяют простые люди во всех уголках нашей планеты.

На этом фоне всеобщего радостного возбуждения внезапно прозвучало имя Бухарина. Продолжался процесс покаяния. И зал притих, с неохотой расставаясь с только что пережитым ощущением большого общего праздника.

Устраиваясь на трибуне, Бухарин дрожащими пальцами перебирал приготовленные бумажки. Он понимал, как трудно будет переломить радостное впечатление от делегации автозаводцев и от выступления Долорес Ибаррури. Но это делать было необходимо. Слишком многое от этого зависело.

Ловкий прихлебатель, он принялся в самых высокопарных выражениях славословить имя Сталина. Речь он закончил возгласом, после которого не хочешь, а захлопаешь; вскинув над головою кулачок, он прокричал:

— Вперед под руководством славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших — товарища Сталина!

Расчет его удался — по залу прокатились аплодисменты.

Выступили также Зиновьев, Преображенский, Ломинадзе, Рыков и Томский. Речи всех кающихся звучали одинаково: ораторы признавали собственные ошибки и в один голос славили Генерального секретаря. Зал начинал терять терпение. «Старые гвардейцы» предавались самобичеванию с такою страстью, что многим неловко было слушать. И поневоле зарождались подозрения: насколько чистосердечно это публичное отречение от своих совсем недавних убеждений?

Оценку кающимся грешникам дал Сергей Миронович Киров. Он поднялся на трибуну под бешеные аплодисменты. Партия высоко ценила его государственные заслуги, делегаты съезда знали о его дружеских отношениях со Сталиным. Зал принимал Кирова как авторитетного любимца масс. Приветствуя Кирова, делегаты демонстрировали жалость и снисхождение к проигравшим. Победа над троцкистами была бесповоротной... Киров, улыбаясь, отметил странную одинаковость в покаянных выступлениях поверженных противников. Уж не одна ли рука писала все эти речи? «...Вот возьмите Бухарина, например. Помоему, пел как будто по нотам, а голос не тот. Я уже не говорю о товарище Рыкове, о товарище Томском». В отличие от мягкого Мироныча нарком обороны Ворошилов высказался резко, словно рубанул с седла наотмашь. Обращаясь к проигравшим, он с угрозой отчеканил: «Нас не устрашит никакое свиное рыло или еще более скверное рыло, где бы оно ни появилось!» Зал разразился дружным хохотом и долгими аплодисментами...

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

Говорить труднее как раз тогда,
когда стыдно молчать.

Ларошфуко

Внезапный выбор Сталина, назначившего Ежова ответственным за расследование ленинградского убийства, оказался на редкость удачным.

Соскочив с поезда, Ежов в тот же вечер принялся лихорадочно раскручивать маховик самого дотошного следствия. Оказанное доверие переполняло его и гордостью, и тревогой. Он отдавал себе отчет, что не выполнить задания Генсека не может, не имеет права. От этого теперь зависит вся его судьба.

Николай Иванович Ежов выглядел крайне неприглядно: маленький рост и нездоровое лицо с мелкими чертами — такие лица бывают у беспризорников с голодным детством, с бродяжничеством по вокзалам и помойкам.

В своей анкете он указывал, что образование получил «незаконченное низшее».

Своих родителей Ежов не помнил. Кто-то устроил его учеником к портному, — отдал в настоящее рабство пьянице и садисту. Горькая доля таких несчастных ребятишек показана в рассказе Чехова о Ваньке Жукове. Вечно голодный, забитый, затравленный, ученик портного бегал за водкой, нянчил детишек, мыл полы, а также разогревал утюги, мотал нитки и пришивал заплаты. От дальнейшей учебы его избавила война — призвали в армию.

Война с ее бессмыслицей, с кровавыми жертвами, с бездарностью и жестокостью командования сделала его убежденным большевиком, ненавистником самодержавия.

В захолустном Витебске, где он оказался после нескольких нелепых месяцев «керенщины», Ежов впервые столкнулся с необузданным революционным произволом. Здесь он занял пост комиссара железнодорожной станции. В начале первой советской зимы ему пришлось принимать высокого гостя из Петрограда: уполномоченного Кагановича, рослого, осанистого еврея с грубыми властными манерами.

С высоты своего роста уполномоченный с недоумением посматривал на комиссара станции, похожего на заморенного

подростка. Но маленький Ежов ему запомнился, и это потом сыграло свою роль. После митинга на станции Каганович приказал прицепить свой вагон к первому же поезду на юг и укатил.

Комиссарить в Витебске пришлось недолго. Судьба дисциплинированного партийца кидала Ежова то в Саратов, то в Казань, то в Краснококшайск (прежний Царевококшайск). На последнем месте Никотин Иванович был в должности ответственного секретаря парторганизации Марийской республики. Ему сразу же довелось столкнуться с проявлениями местного национализма. «Республика Мари Эл только для марийцев! Русские, убирайтесь к себе в Россию!» Его заметили в Москве и двинули на повышение. Весной 1923 года, в 27 лет, он получает назначение в Семипалатинск первым секретарем губернского комитета партии.

Под управлением Ежова оказался гигантский край величиною больше Франции: от Черного Иртыша до Кулунды. Подчинялся он как Центру, т.е. Москве, так и местному ЦК партии в Оренбурге (затем в Кзыл-Орде, а потом в Алма-Ате). На месте, в Туркестане, сидел такой же московский назначенец, только рангом гораздо выше: Шая Голощекин — партийный деятель с большим дореволюционным стажем, делегат нескольких зарубежных съездов партии, ближайший человек Свердлова и Троцкого, один из палачей царской семьи.

Голощекин, благодаря своим знакомствам, имел неограниченные полномочия. Он приехал в степную республику с заданием в сжатые сроки покончить с кочевым образом жизни коренного населения. Феодальные порядки следовало заменять передовыми, европейскими. Первым же своим распоряжением Шая Голощекин строжайше запретил аулам сниматься с мест. А чем кормить скот? Казахи привыкли к пастбищному скотоводству и передвигались по степи вслед за табунами и отарами. Голощекин не хотел слушать никаких разумных доводов. Было так, а теперь будет эдак! Хоть околевай, но сиди на месте и не шевелись!

С нарушителями он поступал безжалостно. Это называлось борьбой с феодально-байскими пережитками. В казахской степи, как и в России, стал грозно лаять «товарищ Маузер».

Начавшаяся бескормица привела к массовому падежу скота. Затем последовал невиданный мор населения от голода. Казахи вымирали целыми уездами.

В прежние времена жители степей также испытывали периоды массовой бескормицы. Наступала эта пора внезапно, по капризу погоды: вдруг посреди зимы сваливалась оттепель, и снег превращался в воду. Затем заворачивал ветер с севера и приносил жестокие морозы. Степь покрывалась льдом. Разбить эту корку не могли даже копыта лошадей. Эти природные несчастья назывались джутом. Скот, не в состоянии добраться до травы, погибал тысячами. Вслед за этим начинался голод населения.

Примерно то же самое, как знал Ежов, происходило на Украине и в Поволжье, где столь же полновластно хозяйничали Хаим Раковский, Янкель Петерс и Мендель Хатаевич.

Внутрипартийная борьба в Москве, начавшись еще при жизни Ленина, остро отзывалась и на периферии. Ежов, участник XII, XIII, XIV съездов партии, постоянно выступал на стороне Сталина. Ненавистных троцкистов он называл емким русским словом «сволочь».

Первый секретарь губкома партии являл собою чин равный царскому генерал-губернатору. Власть его была беспредельной — умей только отчитываться перед Центром. Один изъян имелся во всевластном положении московских назначенцев — зависимость их от органов ВЧК—ОГПУ.

«Чрезвычайки» на местах несли обязанности глаз и ушей кремлевского руководства, и местные чиновники независимо от ранга старались с ними никогда не связываться. Обыкновенно чекисты в открытую не конфликтовали, однако сносились с Москвою по своим каналам и оттуда, как правило, вскоре поступали распоряжения за самыми главными фамилиями. Так что связываться с чекистами — все равно что плевать против ветра. С ними следовало, если не дружить, то поддерживать ровные, ничем не омраченные отношения. Иначе... себе дороже станет!

В то же время чекисты оказывались и сильно полезными людьми. В Семипалатинске затевалось большое строительство. Возводился громадный мясокомбинат. Предметом гордости Ежова было сооружение пивзавода. Иртышская вода, как ему объяснили, гораздо лучше волжской, поэтому семипалатинское пиво на вкус знатоков превосходит жигулевское. А в последние годы через Семипалатинск прошла трасса знаменитого Турксиба и через Иртыш строился громадный железнодорожный мост.

Ежов был озабочен сроками строительства (за этим внимательно следила Москва), и чекисты, надо отдать им должное, вникали во все трудности секретаря губкома партии. Правда, часто свою помощь они оказывали по-своему. Так, для пивзавода они в каком-то городе арестовали мастера-пивовара, доставили в Семипалатинск и обязали его здесь жить, отмечаясь в комендатуре.

И все-таки настоящей дружбы с этой организацией у Ежова не наладилось. Он ее побаивался и не без оснований: ему стало известно, что бдительные чекисты регулярно докладывают «наверх» о его запоях. Он понимал, что этим они всего лишь исполняют свои служебные обязанности, однако... черт их разберет, а вдруг да и заявятся поздно ночью с ордером на арест! Он знал — это у них водилось.

На XIV съезде партии Николай Иванович впервые принял участие в борьбе с обнаглевшими борцами за власть. Троцкисты и зиновьевцы лезли из кожи, чтобы утвердить на посту Генерального секретаря своего человека. От этого зависела не только их личная судьба, но и судьба народа, судьба страны.

Сталин предложил делегатам съезда грандиозную программу индустриализации страны. У зиновьевцев с троцкистами не оказалось никаких народнохозяйственных программ. Вся эта шваль занималась исключительно партийной склокой.

В Москве Ежова ожидала ошеломительная карьера.

Первоначальную столичную обкатку Ежов прошел на посту заместителя наркома земледелия. Он решительно поддержал и проводил идею Сталина о коллективизации сельского хозяйства. В довершение к этому он показал себя человеком редчайшей работоспособности. Среди изнеженных, барствующих ветеранов партии такие фанатики в работе были редкостью. Как правило, они вызывались в Москву с низовой работы, с периферии. Спустя год Ежова переводят в сектор партийных кадров на Старую площадь. Это был чрезвычайно важный участок в ЦК, ведавший всеми выдвижениями и назначениями кадров на руководящие посты.

На работе с кадрами Ежов сформировался, как русский националист. Он научился отличать Лазаря Кагановича от Менделя Хатаевича и Николая Бухарина от Клима Ворошилова. У него сделалось правилом, что русский русскому (как и еврей

еврею) далеко не ровня. «Шерстка мышья, да слава рысья!» Узнав, что Сталин не разговаривает с Бухариным с 1928 года (они даже не здоровались при встречах), проникся ненавистью к последнему.

Необыкновенная старательность Ежова создала ему репутацию идеального работника. Дважды повторять распоряжения таким не требовалось. Сказано — и как за каменной стеной.

11 ноября 1930 года Николай Иванович впервые попал в кабинет Сталина. Вышел он оттуда в весьма высоком чине: заведующим Орграспредотделом ЦК партии (т.е. главным кадровиком).

В порядке исключения ему было разрешено присутствовать на заседаниях Политбюро.

На XVII съезде партии Ежов злорадно убедился в том, что троцкисты просмотрели созревание такой неодолимой силы, как партийный аппарат. Они лезли на посты и не соображали, что все назначения визируются на Старой площади. Кадровая работа — основа власти! А теперь, как говорится, поезд ушел и можно лишь посылать проклятия ему вдогонку... Ежов с язвительной усмешкой выслушивал покаянные речи оппозиционеров и, в отличие от многих (от Сталина в том числе), не верил ни единому их слову.

На «съезде победителей» Ежов был избран членом Центрального Комитета. Больше того, он стал заместителем Кагановича, председателя Комиссии Партийного Контроля.

Мало-помалу он вошел в ближайшее окружение Генерального секретаря, стал членом кабинета его личной власти. Попасть в этот узкий круг было удачей величайшей важности. Подножие Генерального секретаря составляли люди преданности исключительной, верности проверенной, испытанной.

Целая цепь неожиданных событий, случившихся за два дня пребывания Сталина в Ленинграде, настойчиво указывала направление поиска Ежова: Ильинское, где находились дачи недавних руководителей Северной коммуны. Там, затворившись в оскорбленном величии, вот уже семь лет пребывал властитель Ленинграда Гершль Аронович Апфельбаум (партийная кличка — «товарищ Григорий»). Ближайший соратник Ленина, проживший с ним бок о бок все годы долгой эмиграции (и даже отправившийся с ним в Разлив), председатель Коминтерна, член Политбюро, он слишком болезненно переживал провал

своей авантюры после XIV съезда партии. Добавляло Зиновьеву спеси (а заодно и желчи) то обстоятельство, что именно он выступал вместо Ленина с отчетными докладами на двух партийных съездах: XII и XIII. Падение с завоеванных высот было крушением всех его надежд, всех планов... Однако смиряться он не собирался. Его вдохновляла гипертрофированная самовлюбленность, навсегда усвоенная вера в свое всевластие в завоеванной стране.

В партии складывалась сложная обстановка. После недавней смерти Ленина за его положение вождя (а не за совнаркомовский пост) шла ожесточенная борьба. Претендентов оказалось только двое: Троцкий и Зиновьев. Ни тот, ни другой не брали Сталина в расчет. И поплатились. После клятвы Генерального секретаря у гроба скончавшегося вождя у самовлюбленных оппозиционеров с глаз упала пелена: они увидели настоящего лидера и партии, и народа, и страны.

Волей-неволей обеим группировкам, троцкистской и зиновьевской, пришлось сомкнуть ряды. Борьба с ними малопомалу стала обретать оттенок сугубо национальный: против опостылевшего всем засилья.

В год съезда Троцкий, наконец, был снят с поста председателя Реввоенсовета. Его шансы упали сильно. Зиновьев заметно ободрился. У себя в Ленинграде он держался как самодержавный хан в своем улусе. Москву он не любил и наезжал туда с подчеркнутой неохотой. В Ленинграде он завел филиал Исполкома Коминтерна — лишь бы пореже покидать берега Невы. Он не переставал подчеркивать исключительное положение «своей» Северной коммуны.

Собираясь в Москву, на съезд, Зиновьев не скрывал своих расчетов. Свалив ненавистного Сталина, он к посту главы Коминтерна прибавлял пост Генерального секретаря партии и становился несокрушим.

В самый канун съезда появилась так называемая «Платформа четырех»: Зиновьев, Каменев, Сокольников и Крупская вспомнили ленинское «Завещание» и потребовали смещения Сталина. Эта вылазка «старых партийных гвардейцев» явилась своего рода артиллерийской подготовкой перед решающим сражением.

Партийная делегация Ленинграда держалась на съезде особняком. От нее исходила никак не маскируемая угроза.

Съезд открылся 18 декабря 1925 года. Политический отчет сделал Сталин. На следующий день с содокладом выступил Зиновьев.

Все пока текло по заведенному порядку, однако атмосфера ощутимо накалялась.

Первой из окопов оппозиции поднялась Крупская: она зачитала «Завещание» покойного мужа и предложила избрать на пост Генсека испытанного ленинского соратника и друга — Зиновьева.

Ход был сильный: «Завещание» самого, речь вдовы...

На следующий день Сталину исполнялось 46 лет. Крупская таким образом преподнесла ему подарок.

Назавтра, в самый день рождения Сталина, с утра, слово попросил Каменев. Повторяя Крупскую, он снова зачитал ленинскую характеристику Генерального секретаря (слишком груб) и заявил, что «Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба». Из зала, однако, понеслись громкие выкрики: «Чепуха! Раскрылись! Долой!» Переломить настроение попытался Евдокимов. Он вскочил на ноги и заорал: «Да здравствует партия!» Председательствующий Рыков, пресекая вакханалию, объявил перерыв...

Новое появление Зиновьева на трибуне носило характер вроде бы умиротворяющий. Он постарался сбить напряжение и заставить делегатов проникнуться необходимостью перемен. Смещение Сталина — вопрос международного рабочего движения. Так и только так следует смотреть на этот вынужденный шаг. Далее в голосе Зиновьева зазвучала плохо завуалированная угроза: он дал понять, что пролетарии всего мира могут лишить своей поддержки коммунистов Советского Союза. Как же тогда жить и бороться? И снова в зале закричали (кричал вместе со всеми и Ежов): «Не пугай! Не боимся!»

23 декабря съезд не работал. Делегаты ожесточенно совещались в номерах гостиниц. Обстановка накалялась. Обе стороны сознавали, что проигравшим придется худо.

Сталин, уловив настроение делегатов, настроился решительно. И Крупская, и Каменев выдернули из ленинского «Завещания» всего одну характеристику. Но там целых шесть! Он поднялся на трибуну и зачитал весь ленинский документ. Впечатление получилось невообразимое: те, кто рвался расправиться со Сталиным, вообще не имели права называться большевиками! Зал угрожающе загудел. Раздались выкрики. А

Сталин добивал своих противников. Он признал, что да, порой бывает груб. Но — с кем? С теми, кто не дает работать и действует как самый настоящий враг.

Да, враг! Враг партии, враг народа и страны!

Его взволнованная речь поминутно покрывалась бурными аплодисментами. Съезд выражал ему полнейшую поддержку.

Обыкновенно после съездов в партийных дрязгах наступает передышка. Обе стороны подводят итоги, подсчитывают потери, зализывают раны. На этот раз все было иначе. В Москве Зиновьев выглядел вполне смирившимся с поражением. Однако, вернувшись в Ленинград, он собрал комсомольский актив и выступил на нем с поджигательной речью. Это был иезуитский ход. Комсомольцы воспламенились и приняли чудовищное решение: они не признают решений съезда партии и не собираются их выполнять!

Демарш возмутительный: открытое неповиновение, бунт на политической палубе государственного корабля, дерзкий и нахальный!

А Зиновьев распоряжался, словно предводитель мятежа. Он запретил в «своем» городе все центральные газеты. Агентура областного ГПУ устраивала обыски в газетных киосках. Дело доходило до того, что решения XIV съезда партии пришлось распространять нелегально: листовки с текстом подкладывали на заводах в инструментальные ящики. Ленинград заволновался.

Реакция ЦК ВКП(б) последовала незамедлительно: в Ленинград выехала внушительная делегация.

Слава города на Неве покоилась на высочайшей репутации его гигантских промышленных предприятий. Рабочие коллективы заводов составляли авангард советского пролетариата.

Как водится, москвичи первым делом направились в рабочие коллективы. Состоялись многолюдные бурные собрания. И обнаружилось, что Зиновьев, затворившийся в Смольном, не пользуется никакой поддержкой рабочего народа. А дерзкой выходкой комсомольских вожаков заслуженный питерский пролетариат попросту возмущен.

Зиновьев сильно преувеличивал значение собственной персоны. Он никак не хотел уразуметь, что уже давно никого не представляет, кроме самого себя.

Многолетний спутник Ленина? Постоянные доверительные шептания с его вдовой? Мало, мало...

Открылась еще одна совершенно неприглядная картина. Годы «красного террора», а также постоянные высылки «буржуазных элементов» обновили население северной столицы. В город на Неве хлынули выходцы из «черты оседлости». Естественно, к работе у станка они нисколько не стремились... Словом, стараниями сначала Троцкого, а затем Зиновьева град Петра Великого превратился в скопище советского мещанства.

В том году, когда Зиновьев отважился на открытый бунт, именно питерский пролетариат призвал обнаглевшего временщика к порядку. Рабочие всех крупнейших заводов города единодушно выступили за великую программу индустриализации, предложенную Сталиным.

Зиновьев был снят со своего важнейшего поста, что называется, с треском. Его место в кабинете Смольного занял энергичный Киров.

С этого дня Зиновьеву оставалось что-нибудь одно: или перемениться и влезть в общую упряжку на каком-нибудь не столь значимом посту, или же спокойно, беззаботно стариться и почивать на лаврах.

К сожалению, он выбрал третий путь — озлобленного заговорщика, стремящегося во что бы то ни стало вернуть былое положение и власть.

Легальные способы борьбы за власть были исчерпаны. Настала пора методов нелегальных, подпольных, тайных.

Первый взгляд Ежова, когда он окинул сложившуюся для Кирова обстановку в Ленинграде, подтвердил самые худшие опасения. Киров слишком увлекся хозяйственными показателями. Он часто бывал на знаменитых питерских заводах и мало обращал внимания на копошившихся под ногами троцкистов и зиновьевцев. Видимо, считал, что проигравшие обязаны вести себя соответствующим образом, т.е. сидеть тихо, а не размахивать кулаками после драки.

Ежов обратил внимание на гостиницу «Астория» (теперь она называлась «Первый Дом Советов»). Прежде, до революции, «Астория» считалась центром германского шпионажа. После Октября она превратилась в общежитие ответственных работников. Здесь, в частности, проживала первая жена Троцкого

А. Соколовская с двумя дочерьми. Занимали они роскошный номер из четырех комнат. Сама Соколовская работала в Смольном, ее сестра — в областном управлении ГПУ. Муж одной из дочерей, некто М. Невельсон, поддерживал связь с высланным тестем, а также с такими деятелями, как Митька Рубинштейн.

Все эти разрозненные сведения попали на карандаш Ежова в первый же день его поисков.

О том, что Киров ликвидировал «вонючую контору» под названием ЛЕКОПО, Николай Иванович знал еще в Москве. Здесь же обнаружилось, что еще семь лет назад, едва утвердившись после Зиновьева в Смольном, Мироныч распорядился арестовать сильно настырничавшего Шнеерсона, главу любавичских хасидов (он с удобствами обосновался именно в Ленинграде). Разразился колоссальный скандал. В Москву из Ватикана приехал специальный посол. В ситуацию вмешался Кремль и освободил Шнеерсона. Тот поспешил оставить берега Невы и перебрался в Соединенные Штаты.

Старый партийный работник, Николай Иванович Ежов знал, что неприязненное отношение к органам испытывалось многими (даже евреи из партаппарата морщились при упоминании о ГПУ). Один Киров совершенно не считался с установившимися привилегиями чекистов. Он, как и Сталин, смотрел на них, как на подсобников. Чекистов это задевало, но положение Кирова было таким, что им оставалось одно: терпеть. Они и терпели. Это зловещее терпение, как установил Ежов, длилось не год и не два, а целых 15 лет. Оказывается, еще в 1919 году, в Астрахани, ночной налет чекистов на квартиру Кирова едва не кончился его смертью.

Тогда, поздней осенью этого необыкновенно трудного для республики года, под Астраханью сложилась крайне тяжелая обстановка.

Этот пыльный, пропахший рыбой городишко в самом устье Волги обрел громадную стратегическую ценность. В штабе 11-й армии определенно знали, что к Астрахани приковано внимание секретных служб Турции. Существовал хорошо разработанный план исламского воздействия на вечно неспокойную Чечню, после чего дуга нестабильности с Кавказа поднимается на север (Татария, Башкирия) и по линии Волги рассечет Россию пополам. Военные задачи таким образом увязывались с

политическими, национальными. В Астрахани в ту пору находились Киров, Куйбышев и Орджоникидзе. Город собирались защищать всеми имевшимися силами.

Внезапно из Серпухова, из полевого штаба, поступило распоряжение Троцкого оставить Астрахань «в целях выравнивания фронта». Этот чудовищный приказ привел штаб 11-й армии в состояние шока. Мгновенно заработала прямая связь, — только не с Серпуховом, а с Москвой, с Кремлем. Руководители обороны обратились к Ленину. Разговаривал с ним Киров. Председатель Совнаркома выразил и удивление, и возмущение. Ему вспомнилось совершенно такое же «выравнивание фронта» совсем недавно, при обороне Петрограда от Юденича — Троцкий предложил впустить белогвардейцев в город и попытаться измотать их в уличных боях.

Сдача Астрахани была категорически запрещена.

И тут, когда Астрахань, по сути дела, была спасена (взять ее с бою у противника не имелось сил), защитники города едва не лишились Кирова, руководителя обороны.

В ночь на 6 октября, рано утром, на рассвете, домик, где квартировал Сергей Миронович, был оцеплен и блокирован. К спящему руководителю обороны города ворвались несколько чекистов во главе с Рахилью Вассерман. Киров был связан. В домике начался обыск. Свое внезапное вторжение Вассерман объяснила тем, что в особом отделе получены сведения, будто под личиной Кирова скрывается... знаменитый монах Илиодор, сподвижник Гришки Распутина. Чекисты вели себя нагло и порывались «не канителиться, а шлепнуть контрика на месте».

Спасло Кирова сообщение ночного патруля в штаб обороны. На выручку друга примчался Орджоникидзе. Своей властью он тут же арестовал ночных налетчиков. Валериан Куйбышев не удовлетворился объяснениями чекистов и провел тщательное расследование инцидента. Выявилось, что ниточки от астраханской провокации тянутся в Москву на последний всероссийский съезд сионистов, состоявшийся в мае прошлого года. Тогда активисты еврейского движения вынесли решение, что им с советской властью не по пути. Было начато формирование специальной воинской части — «Еврейского легиона». Какая-то часть сионистов получила задание внедриться в органы власти. (Оказалось, что Рахиль Вассерман работает еще и на деникинскую разведку).

26 ноября все провокаторы-налетчики были расстреляны.

В том давнем происшествии, при всей его нелепости, задумываться заставляло очень многое.

Подтвердились сведения насчет того, что начальник областного управления ГПУ Ф. Медведь сильно запивал (причем вместе с женой). Всеми делами заправлял его заместитель И. Запорожец. У этого человека была крайне запутанная биография (Ежов судил как опытный кадровик). В молодые годы Запорожец служил адъютантом Петлюры, попал в разведку, замещал одно время Трилиссера в ИНО, работал резидентом в Вене. Обращали на себя внимание дружеские связи Запорожца с Ягодой, Аграновым, Паукером. Ходили слухи, что Запорожец поддерживает отношения с консульством Латвии в Ленинграде.

Примечательно, что оба раза, когда Николаева задерживала охрана Кирова и доставляла на Гороховую, его допрашивал Запорожец и тут же отпускал. Сам отпускал? Или звонил кому-то и получал указания? Это предстояло выяснить.

Сейчас Запорожца в Ленинграде не было, он находился в санатории.

Присматриваясь к Зиновьеву и так, и эдак, Ежов обратился к ленинскому «Завещанию». Своего многолетнего сподвижника, человека слишком близкого, вождь революции почему-то не выделил отдельно, а упомянул в связке с Каменевым. И вспомнил зачем-то Ленин такой известный эпизод, когда партия приняла курс на вооруженное восстание, а два самых видных большевика, Зиновьев и Каменев, не придумали ничего лучше, как выдать Временному правительству не только это важнейшее решение, но и назвали день вооруженного выступления. Предательство, иначе и не назовешь! Удар в спину! Однако Ленин в своем продиктованном «Завещании» высказался об этом так:

«Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». *Ничего не понять!*

Как это так — нет никакой вины в явном предательстве? И почему это предательство связывается с «небольшевизмом» Троцкого?

Получается, что и гнусный поступок Зиновьева с Каменевым, и примыкание Троцкого к большевикам в самую последнюю минуту — закономерно?

Можно, конечно, взять в расчет, что вождь диктовал, находясь в крайне болезненном состоянии. Но дело в том, что мысль свою он выразил довольно четко. Неясность возникала лишь для человека, не посвященного, не имеющего представления, о чем идет речь.

Что же скрывал Ильич? Чего не договаривал? На что намекал?

Ведь в приписке, продиктованной 4 января, вождь четко предложил убрать Сталина с поста Генерального секретаря. Здесь же...

В такие мгновения Ежов решительно обрывал себя. Да кто он такой, чтобы задавать какие-то вопросы самому вождю? Как несгибаемый большевик, Николай Иванович считал это кощунством. А между тем, чем глубже он закапывался в сохранившиеся завалы, тем все чаще попадалось ему ленинское имя. Получалось, что Ленин сам влезал в его дотошные раскопки. Выходила явная нелепица: он добирался до корней Зиновьева, а натыкался на фигуру Ленина. Это раздражало и мешало сосредоточиться на главном, т.е. вредило следствию, результатов которого нетерпеливо ждал в Москве Сталин.

На первых порах следствия Ежов обращался к своему немалому опыту партийного кадровика. Он убедился, каким кладезем ценных сведений являются серенькие папочки «Личного дела».

Однако что стоили папки отдела кадров по сравнению с папками ОГПУ? Вот где был настоящий кладезь самых разнообразных сведений о любом, кто имел несчастие обратить на себя внимание карательного ведомства!

Н.И. Ежов начал расследование, не заезжая с вокзала в гостиницу. Он направился прямо в Смольный. Там, в кабинете 631, ни днем, ни ночью не прекращались интенсивные допросы близких родственников Николаева. Сам убийца содержался в камере на Гороховой. Первым делом Ежов распорядился, чтобы в камере с Николаевым неотлучно находился надежный человек из охраны. Не хватало, чтобы вдруг исчез еще и Николаев!

Бытовой мотив убийства (письмо в кармане) Ежов отбросил без колебаний. Он согласился с Шейниным: письмо «Доброжелателя» было, безусловно, заготовкой. К тому же Николай Иванович составил свое мнение о Милде Драуле, жене Николаева: прокуренная чухонка, крайне непривлекательная, вульгарная, никак не подходила на роль «прелестницы». В распускаемых

слухах ее называли официанткой. На самом деле она работала инспектором в управлении тяжелой промышленности и с Кировым никогда не встречалась.

На первых порах Ежов сам допрашивал арестованных. Уже 2 декабря были взяты под стражу комсомольские руководители Ленинградской организации во главе с Котолыновым. На следующий день в подвалах на Гороховой оказались руководители местного ОГПУ. Кроме того, снимались показания тех, кто находился в кабинете Чудова, когда раздался выстрел Николаева. Первыми выбежали в коридор Кодацкий, Боген, Фридман и Росляков. Они и внесли тело Кирова в кабинет. Эти люди уверяли, что выскочили первыми, потому что сидели у самых дверей.

После первого же допроса Ежов потерял к Николаеву всякий интерес. Убогое создание! Ему исполнилось 30 лет. В партии он находился с 1924 года («ленинский призыв»). Отца не было, мать работала обтирщицей вагонов в трамвайном парке. В большой коммунальной квартире на Лесной улице семья Николаевых из 6 человек занимала две комнатки (с ними жили мать Милды Драуле и ее сестра с мужем). Бедность, скученность, беспросветность... В молодые годы Николаев пытался поступить в артиллерийское училище, но был забракован. Низенького роста, тщедушный, с огромной головой и кривыми ногами, он производил впечатление выродка и недоумка. Судьба его переломилась, когда он свел знакомство с Котолыновым, молоденьким секретарем Выборгского райкома комсомола. Вскоре Котолынов попал в фавор к Зиновьеву и возглавил Ленинградский губком комсомола, стал членом ЦК ВЛКСМ. Оказывая покровительство забитому жизнью Николаеву, он устроил его инспектором в РКИ, а затем — в Институт истории при Ленинградском губкоме партии. Зарплата Николаева выросла до 275 рублей (рабочий получал 120 рублей). За отказ от партийной мобилизации на транспорт ему сначала вынесли строгий выговор, а затем исключили из партии. С тех пор Николаев стал беспрерывно писать жалобы во все партийные инстанции.

Сохранились его письма, адресованные Чудову, Угарову и самому Кирову. Он истерически требовал «прекратить несправедливое отношение к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц». Партийный билет ему в конце концов вернули, но на работу в парторганы не брали.

К тому времени Котолынов также слетел со всех своих постов. Он познакомил Николаева с Юскиным, Соколовым, Звездовым, Левиным, Мандельштамом. Все они чувствовали себя страдальцами за правое дело: их исключили из партии решением XV съезда, как отъявленных троцкистов. Бывшие комсомольские деятели заразили Николаева бредовой манией стать народным мстителем. Во время работы Ленинградской областной партконференции Николаеву удалось пробраться в зал, и он послал в президиум записку: «Мы вас, сталинцев, будем давить, душить, перестреляем!»

Любопытно, что вся эта подпольная деятельность проходила под пристальным наблюдением местного ГПУ. Ежов листал регулярные донесения сексотов. (Из них особенно продуктивно работала некая «Елена Сергеевна»). В октябре, за полтора месяца до убийства Кирова, на Котолынова и Мандельштама были выписаны ордера на арест. Однако вмешался сам Киров и отказался визировать ордера.

Так складывалась преступная организация, которую Ежов назвал «Ленинградским центром».

Находясь в Ленинграде, Николай Иванович знал, что 5 и 6 декабря в Москве состоится прощание с Кировым. Ему пришлось отвлечься от расследования. Приехала жена Орджоникидзе и принялась хлопотать с М.Л. Маркус, женой Кирова. Мария Львовна находилась в психиатрической клинике. Жизнь Кирова с ней была сплошным мучением. Она бешено ревновала мужа ко всем женщинам, устраивала безобразные сцены и постоянно угрожала покончить жизнь самоубийством. В квартире Кирова пришлось на окнах установить металлические сетки. Не было спасения и от друзей жены, нахальных, болтливых, живущих сплетнями и пересудами. Невыносимая обстановка в доме заставляла несчастного Мироныча день и ночь пропадать в Смольном, находить забвение в круглосуточной работе... Пребывая в больнице, М.Л. Маркус не знала об убийстве мужа. Зинаида Гавриловна, жена Серго, подготовила ее и повезла в Москву, на похороны. Кроме того, в эти дни отыскались две сестры Кирова. Они жили в глухом селе Пермской области и ничего не знали о своем брате. Их также пришлось отправлять в Москву. Вместе с ними поехала старая крестьянка, которая воспитывала Кирова.

5 декабря в Колонном зале Москва прощалась с Кировым. Играл оркестр Большого театра. Людской поток не прекращался весь тусклый зимний день. В 11 часов ночи в зале появились Сталин, Орджоникидзе, Жданов, Молотов, Каганович. Руководители партии замерли у гроба убитого товарища в последнем почетном карауле.

В полночь гроб с телом Кирова увезли в крематорий Донского монастыря.

На следующий день состоялись похороны на Красной площади.

Позвонив в Москву, к себе в отдел, Ежов узнал о том, как «отличился» нарком внешней торговли А. Розенгольц. Он устроил прием в честь министра торговли Франции Л. Маршана. Участники приема веселились напропалую, наслаждались музыкой и танцами. На следующий день французское посольство устроило ответный прием, однако отдало дань траурному настроению страны: не было ни танцев, ни музыки, никакого веселья. Иностранцы оказались более тактичными, нежели хозяева...

Поздно ночью, закончив разговор с Москвой, Ежов не ложился отдыхать, а снова брался за бумаги. Он привык работать сутками напролет. Теперь же он совсем забыл о сне. Изнуряя самого себя, он не знал пощады и к помощникам. Особенно доставалось от его придирок Шейнину. После выговора на вокзале, в присутствии Сталина, он изводил его своею требовательностью и подозрительностью. Неприкрытый антисемитизм властного порученца коробил бедного Шейнина, однако о возмущении, а тем более о неповиновении, не следовало и помышлять. Этот крохотный человечек мог переломить его судьбу, словно соломинку. Шейнину оставалось одно-единственное — старание. И он старался.

Сталин, назначая маленького кадровика, полагал, что внимание к мелочам станет его самой сильной стороной. Так и оказалось.

- Что значит: НАТАН? - распекал Ежов Шейнина, не приглашая того сесть. - Это имя или кличка?

- Полагаю, имя.

- Тогда чего вола вертеть? Фамилию давай!

И пронизывал тучного потеющего следователя своими острыми, вечно подозрительными глазками.

- Разрешите идти? - спрашивал Шейнин.

Среди близкого и неблизкого окружения Кирова следователь настойчиво искал следы человека с именем НАТАН. Чу-

тье подсказывало ему, что это настоящее имя, а не кличка, не псевдоним. Его поиски затруднялись тем, что Киров был работником не кабинетным. Миронычу нравилось постоянно находиться среди людей, он часто бывал в рабочих коллективах, в цехах, на собраниях. Это был не затворник в капитанской рубке, а энергичный распорядитель, работающий на палубе вместе с командой.

Все-таки Шейнин — настоящий профессионал. Без него Ежов был бы как без рук.

Из случайных проговорок арестованных Шейнину вдруг удалось ухватить кончик ниточки, ведущей не куда-нибудь, а в ленинградское консульство Латвии. В протоколах появилась фамилия самого консула г-на Бисенсекеса. Этот дипломатический работник установил тесные связи с группой Котолынова, давал молодым людям инструкции по налаживанию подполья и снабжал их деньгами.

В неожиданном свете вдруг предстала фигура слизняка Николаева, убийцы Кирова. Этот убогий и ущербный человечишко, лишенный работы и презираемый в семье, использовался заговорщиками с таким расчетом, чтобы в случае провала мог заслонить собою всю организацию. Из него усиленно лепили активиста и бесстрашного боевика. Более того, он возомнил о величии своей персоны, почувствовав себя и сильным и отважным, — настоящим богатырем, которому по плечу великие дела!

Шейнин раскусил его быстрее остальных и умело подвел к раскаянию в преступлении.

13 декабря Николаев сделал важное признание:

«Я должен был изобразить убийство Кирова как единичный акт, чтобы скрыть участие большой группы».

20 декабря Николаев показал:

«Мой выстрел должен был явиться сигналом к взрыву, к выступлению против ВКП(б) и советской власти».

От него потребовали подробностей. Он попросил бумаги в камеру и принялся раскалываться начистоту.

«Я указал в своем показании от 20 декабря 1934 года, что мы всегда готовы помочь консулу правильным освещением того, что делается внутри Советского Союза. Тут я имел в виду разговор с Шатским и Котолыновым о необходимости заинтересовать консульство материалами антисоветского характера о

внутреннем положении Советского Союза. Далее я просил консула оказать нам материальную помощь, указав, что полученные от него деньги мы вернем ему, как только изменятся наши финансовые дела.

На следующей встрече — третьей или четвертой в здании консульства — консул сообщил мне, что он согласен удовлетворить мои просьбы, и вручил мне пять тысяч рублей.

При этом сказал, что установить связь с Троцким он может, если я вручу какое-либо письмо от группы к Троцкому.

О своем разговоре с консулом я сообщил Котолынову, передал ему полученные деньги в размере четырех тысяч пятисот рублей, а пятьсот рублей оставил себе...»

Бывшие комсомольские секретари свели Николаева с братьями Румянцевыми. Старший из них, Владимир, дезертировал из Красной Армии, жил по подложным документам, младший, Анатолий, воевал в армии Юденича, расстреливал пленных красноармейцев, пробрался в Ленинград нелегально и всячески избегал прописки... Обнаружился у Николаева старший брат, Петр, также дезертир, проживающий в Ленинграде без документов. Пистолет, из которого был убит Киров, принадлежал Петру.

Удалось выявить и автора анонимных писем. Их сочинял Роман Кулишер, свояк Николаева, муж сестры Милды Драуле.

Таким было ленинградское болото, в котором, словно черви в яме, копошилась всевозможная человеческая нечисть.

На подготовку первого судебного процесса ушло совсем немного времени.

На скамью подсудимых Ежов усадил Котолынова, Шатского, Румянцева, Мандельштама, Юскина, Мясникова, Левина, Сосицкого, Соколова, Звездова, Антонова, Ханина, Толмазова и, конечно, Николаева. А сам занялся дальнейшим расследованием.

Суд начался 28 декабря, менее чем через месяц после выстрела в Смольном. Из Москвы приехал военный юрист Василий Ульрих. Приговор был предопределен заранее. Недавно принятый «Закон от 1 декабря 1934 года» не оставлял подсудимым никаких надежд на спасение.

В день суда Карл Радек поместил в «Известиях» пространную статью. Он напомнил о возмутительном своеволии Ленинградского губкома комсомола, отказавшегося восемь лет назад признать решения XIV съезда партии. Тогда создалась немыс-

лимая ситуация: комсомольцы, партийная смена, отказались подчиниться постановлениям партийного съезда! Эта задиристая линия ленинградского комсомола продолжалась до последних дней и вылилась в злодейское убийство Кирова. Радек писал: «Каждый коммунист знает, что теперь партия раздавит железной рукой остатки этой банды. Они будут разгромлены, уничтожены и стерты с лица земли!»

На суде комсомольцы самозабвенно демонстрировали «упоение в бою» и нисколько не скрытничали, не петляли. Они держались дерзко и, похоже, щеголяли своей предельной откровенностью, признаваясь в любви к Троцкому и в ненависти к Сталину. Котолынов, недавний член Центрального Комитета комсомола, ничего не отрицал: ни тайнописной связи с высланным Троцким, ни получения 5 тысяч рублей от консула Латвии. Подсудимые были готовы на сотрудничество хоть с дьяволом, лишь бы вернуть в Кремль Троцкого.

Страшный приговор подсудимые встретили мужественно. Лишь Николаев, услышав о расстреле, вдруг принялся биться и вопить: «Обманули! Обманули!»

Сразу же после суда Ульрих позвонил в Москву Сталину. Он рассказал о поведении Николаева и предложил не торопиться с его расстрелом, а «поработать с ним поосновательней». О каком обмане он кричал? Кто и в чем его обманул? Ульрих был уверен, что напуганный расстрелом Николаев выложит все, что знал и скрывал до самого последнего часа.

Сталин вспылил. Что может скрывать этот слизняк? Его вытряхнули, как пустой мешок. Ничего он больше не знает и ничего не выложит. Его роль — пешки в опытных руках... Усилием воли Иосиф Виссарионович себя унял и закончил разговор в своей обычной сдержанной манере. Ульрих, безусловно, сделал разумное предложение. Однако он, председательствуя в судах, привык иметь дело с готовым, систематизированным материалом. Ему оставалось лишь выслушать признания подсудимых и зачитать приговор. А вот о том, как эти материалы готовятся, организуются, приводятся в систему... (об этом, как и о многом другом, у Сталина имелись сугубо свои источники информации, благодаря чему он по своему обыкновению проверял и перепроверял поступающие сведения). В Ленинграде, и это знал не только Сталин, но и Киров, начальником след-

ственного отдела работал некий Янкель Меклер, по прозвищу «Мясник». Его помощницей была следователь Софья Гертнер. С теми, кто попадал ей в руки, она не церемонилась. Арестованного раздевали и раскладывали на полу. Нарядной туфелькой Софья наступала лежавшему на половые органы. Раздавался истошный вопль. Склонившись, Софья вкрадчиво спрашивала: «Ну, подпишешь?» Эту садистку прозвали «Сонька — золотая ножка». Она была известна тем, что у нее сознавались абсолютно все и абсолютно во всех грехах. (С этими «мясниками» из ОГПУ собирался как следует разобраться Киров. К сожалению, не успел...)

Замордованный Николаев подпишет любой протокол, сознается в любом преступлении. Только что в них толку, в его вымученных признаниях? Сам на себя наговорит с три короба и лишь уведет следствие далеко в сторону. Для поиска настоящей правды такие раздавленные люди лишь вредят.

Заканчивая с Ульрихом разговор, Иосиф Виссарионович держал перед глазами секретную разведывательную сводку. Источники из Берлина сообщали, что на одном из приемов в министерстве иностранных дел неосторожно разболтался подвыпивший японский посол генерал Осима. Оказывается, Троцкий недавно побывал у Гиммлера и вел с ним разговор о «силовых акциях» в СССР. Об этом же вдруг заверещала эмигрантская печать, указывая на необходимость устранения любым путем Сталина в Москве и Кирова в Ленинграде. Так что планы составляются в Берлине, а исполнители находятся в Москве и в Ленинграде. Одну часть плана заговорщикам удалось осуществить — не стало Кирова. Теперь им оставалось намеченное завершить...

Разумеется, Ежов быстро раскусил, что за прикрытием отчаянно храбрившихся комсомольцев скрывается невыясненная подпольная организация. Мелкая котлыновская шваль использовалась всего лишь как бросовая агентура. Ребят ни во что серьезное не посвящали и многого они знать просто не могли. Но кое-какие ниточки благодаря им в руки следствия попали. Например, деньги от консула Латвии и письменная связь с Троцким. Должна существовать целая система связи: гонцы, посланцы, порученцы. Этим людям Троцкий доверял — скорей всего, они из числа его бывших соратников. Недаром же деяте-

ли оппозиции, приезжая в Ленинград, первым делом устремлялись в Ильинское, на зиновьевскую дачу. Многое замышлялось и планировалось там, с глазу на глаз с Зиновьевым, терпеливо дожидавшимся своего часа... Наконец привлекала загадочная личность некоего Натана, человека нездешнего, приезжего. Котолынов случайно встретил его на даче Зиновьева, явившись туда без предупреждения. Знакомство вышло мимолетным, на ходу: один приехал, другой уезжал.

О существовании своеобразного айсберга большой организации свидетельствовало упорное запирательство подсудимых, едва речь заходила об именах старших. Заставить их проговориться не удалось ни следователям, ни судье Ульриху, ни прокурору Вышинскому. Сохранение этой тайны, так необходимой властям, составляло предмет последней стойкости и молодечества осужденных. Они умирали с сознанием исполненного долга, нисколько не раскаявшись, не примирившись.

Приговор над осужденными привели в исполнение той же ночью. Первым расстреляли Николаева. Он находился в полной прострации и еле передвигал ноги... Последним привели Котолынова. К нему подошли Вышинский и Агранов.

— Подумайте, еще не поздно: кто руководил вами? Назовите хотя бы одно имя. Ваша жизнь находится в ваших руках!

Мужество не оставило этого человека и у последней жизненной черты. Он умер с возгласом: «Да здравствует товарищ Троцкий!»

Безжалостная расправа с первым слоем заговорщиков, слоем незначительным и слишком уж примитивным, неискусным, носила главным образом назидательный характер. Врагу, отважившемуся на кровавые методы борьбы, было продемонстрировано, что отныне ни о какой пощаде не может быть и речи.

Дача Зиновьева в Ильинском выглядела центром паутины заговора, настоящим змеиным гнездом.

«Товарища Григория» следовало брать под стражу.

Следователь Шейнин, едва зашла об этом речь, беспомощно развел руками и устремил взгляд в потолок. Он считал, что такой важный шаг следовало предварительно согласовать.

— Ладно, — изрек Ежов. — Свободен. Позову.

Он стал звонить в Москву.

Услышав знакомый бас Поскребышева, он попросил соединить его с Хозяином.

— Спрошу, — бесстрастно обронил секретарь.

Потянулись долгие минуты. Ежов нервно покусывал губы. Все-таки шаг предстоял необычный. Как-то отнесется к этому товарищ Сталин? Голос Поскребышева объявил:

— Товарищ Сталин занят. Он просил передать: «Пусть поступает так, как считает нужным».

— Понял, — мгновенно отозвался Ежов.

Только теперь он осознал всю полноту своей ответственности. Он хорошо представлял, какое впечатление произведет известие об аресте таких персон, как Зиновьев, Каменев и другие. Живая история партии, соратники великого Ленина!

Шейнину он раздраженно приказал:

— Пиши ордер. И смотри мне в глаза прямо. Не виляй. Я, я визирую... понял? Твое тут дело телячье!

15 декабря были арестованы Зиновьев, Каменев и еще девять человек.

Снова страна испытала настоящее потрясение. Слишком уж известными, слишком выдающимися были имена обнаруженных преступников.

Итак, прозвучали первые карательные выстрелы возмездия, покатились первые отчаянные головы.

Подготовка котолыновского судебного процесса потребовала от Ежова совсем немного усилий. Трудностей никаких не оказалось, с озлобленными комсомольскими волчатами легко управились опытные следователи. Теперь предстояло устроить открытый суд над людьми, имена которых до последних дней с придыханием произносили школьники и красноармейцы, студенты и пенсионеры, рабочие и колхозники.

Слишком громкими именами обладали все, кого пришлось взять под стражу!

Для Ежова наступила трудная пора. Исключительное положение арестованных персон требовало веских и конкретных доказательств их вины. Одними подозрениями никакой суд не удовлетворится. В эти дни Николай Иванович полностью ощутил всю меру ответственности за свои решения. Это было чувство тяжести невыносимой. Он совершенно забыл о сне и держался неимоверным напряжением сил.

На свой арест оппозиционеры смотрели, как на досадное недоразумение.

Ежов несколько раз присутствовал при допросах Зиновьева. Этот человек интересовал его чрезвычайно. Многолетний и самый близкий спутник Ленина! Бессменный член Политбюро! Первый руководитель всемирного братства коммунистов — Коминтерна! Как же великий Ленин мог не рассмотреть истинного лица этого ничтожества! Чем этот слизняк ослепил вождя партии и революции?

Ежов знал, что в дни наступления Юденича Зиновьев бомбардировал Москву паническими телеграммами, требуя немедленно вывезти его из обреченного города. Неистовый расстрельщик (более жестокий, нежели убитый Моисей Урицкий), он страшился близкого возмездия и думал лишь о собственном спасении. Тогда Политбюро срочно командировало в Петроград Сталина. Он примчался и застал Зиновьева... лежавшим на диване, лицом к стенке. Запущенный, лохматый, диктатор Северной коммуны находился в полной прострации. Пролетарский Питер готовился сражаться, а этот безжалостный палач лежал с поджатыми коленками, с зажмуренными от ужаса глазами.

Суд состоялся 16 января, всего шесть недель спустя после убийства Кирова.

Через день, 18 января, ЦК ВКП(б) разослал в низовые парторганизации закрытое письмо, в котором пытается объяснить случившееся в Ленинграде и словно бы извиняется за вынужденную бездоказательность большой вины взятых под стражу.

«Следствием не установлено фактов, которые дали бы основания предъявить членам «Московского центра» прямое обвинение в том, что они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против т. Кирова. Но все обстоятельства и весь характер деятельности подпольного контрреволюционного «Московского центра» доказывает...»

Словом, возложив на осужденных моральную ответственность за преступление, партия не считала вопрос закрытым навсегда. Наоборот, письмо свидетельствовало о том, что следствие продолжается и поиск, пусть и трудный, кропотливый, движется в правильном направлении.

Бескровность приговора успокоила троцкистов и зиновьевцев. Создавалось впечатление, что власть удовлетворилась несколькими фигурами. Их пришлось принести в жертву. «Пусть подавятся!»

Молнии первых судебных процессов ударили лишь по вершинам крупных деревьев. Основной массив заговорщиков уцелел и затаился.

Однако капитальное расследование только начиналось.

1 февраля Н.И. Ежов был назначен секретарем ЦК партии с обязанностью курировать силовые ведомства страны.

Месяц спустя А.Я. Вышинский занял пост Генерального прокурора СССР.

Закапываясь все глубже в сохранившиеся вороха документов, Николай Иванович с изумлением обнаружил, что первой жертвой революции стали вовсе не перепуганные члены Временного правительства, покорно дожидавшиеся ареста в Малахитовом зале Зимнего дворца, и не городовые, на которых в те бурные дни шла настоящая охота восторженных студентов, курсисток и гимназистов, а... архивы.

Уничтожение архивов стало первой очистительной операцией тех, кто рвался к власти, но страшился некоторых откровений насчет своей прежней деятельности. Судьбы революционеров, врагов режима, складывались слишком уж по-разному, поэтому кое-кому хотелось бы навсегда забыть о прошлом и *никогда его не ворошить*.

Сгорело очень много, но не все, кое-что сохранилось. В суматохе первых революционных дней архивный хлам небрежно сгребался в кучи и распихивался по углам, каморкам и подвалам. Системы никакой не соблюдалось. Поэтому Ежову, рывшемуся в этих безобразных кучах, то и дело попадались находки, заставлявшие его изумленно хлопать себя по коленям. После этого он с еще большей страстью принимался рыть, копать. Начиналась эпоха узнавания таких секретов, о существовании которых он прежде и не подозревал. Не смел подозревать!

С масонством наблюдается такая же картина, как и с позорными болезнями: они существуют, но о них стараются лишний раз не поминать.

Причины? Колоссальная важность дел, которыми масоны призваны заниматься. Как правило, эти дела входят в понятие «Зазеркалья» многих (если не всех) событий мировой Истории.

Любопытно, что в первые масонские ложи (а было это чуть более тысячелетия назад) евреев решительно не принимали. Существовал даже специальный параграф Устава, направленный против представителей этого зловредного племени. Однако с течением времени забота о «чистоте крови» была отброшена. Евреи, обратив внимание на совершенство организации, вкрадчиво, но неодолимо подчинили ее себе и превратили современное масонство в настоящую пирамиду власти на Планете. Сионизм гораздо шире традиционного еврейства. Поэтому на самых верхних этажах масонства находятся не одни евреи, но обязательно сионисты.

Пирамида масонства необыкновенно широка внизу, у основания, и чрезвычайно заужена вверху, у самой вершины. По правилам этой организации низшие ничего не знают о высших, те же, наоборот, ведут постоянное и разнообразное наблюдение за низшими, изучают их, словно насекомых на ладони, отбирая подходящих для повышения в градусе, — так называются в ложах ступени масонской иерархии. Многие застревают на середине этой своеобразной лестницы, но те, кто сподобился высочайшего положения, являются настоящими диктаторами, они повелевают в мире, свергая и назначая королей и президентов, устраивая такие потрясения Планеты, как войны и революции.

Для одурманивания народных масс этими властителями придуманы заклинания о демократии и правах человека, а также изобретены и отработаны красочные балаганы (шоу) всенародных выборов. На самом же деле все это лишь ловкие манипуляции для полного закабаления человеческих стад, именуемых уже не нациями, не народами и даже не населением, а звучно, но бесцветно - электоратом.

Историками зафиксирована сцена публичной казни французского короля Людовика XVI. Когда стукнул нож гильотины,

на эшафот вскочил какой-то старик, помакнул свои руки в лужу крови и завопил: «Жак Моле, ты отомщен!» Вряд ли многие из глазевшего электората догадались, о чем этот ликующий крик. Дело в том, что четыре века назад по приказу короля Филиппа Красивого в Париже был предан публичному сожжению глава тогдашнего масонства Жак Моле. И вот теперь настал миг столь же публичного возмездия. Об этом и вопил старый масон, потрясая окровавленными руками.

Одна эта сцена дает представление о том, сколь памятливы и мстительны масоны, а также насколько они властны, — им все же удалось «устроить» Великую Французскую Революцию и расправиться с представителем королевского дома, отрубив ему голову. К этому сладостному мигу мщения они стремились не год, не десятилетие, а целых четыре века! И старая Европа содрогнулась от чудовищного катаклизма, разразившегося на земле изнеженной Франции.

Путь масонства в Истории обильно полит кровью — такова его специфика. Эта мощная организация, тщательно скрывающая сам факт своего существования, сделала профессию венценосцев, обладателей тронов, самой опасной из всех существующих на белом свете. Разрушая троны и алтари, масонство исповедует «железное» правило: «Нет человека - нет проблемы!» О Людовике XVI, короле Франции, известно. Прибавьте к нему короля Швеции Густава III, короля Италии Гумберта, президентов США Линкольна, Гартфильда, Рузвельта и Кеннеди, президентов Франции Карно и Фора, герцога Беррийского, а также императоров России Павла, Александра II, Александра III и Николая II. Печальный патерик!

Не забудем при этом и нашего национального гения А.С.Пушкина. Вляпавшись в масонство по молодости лет еще в годы кишиневской ссылки (ложа «Овидий»), поэт легкомысленно подписал масонскую клятву и этим самым обрек себя на преждевременную смерть. Установлено, что Дантес, потомок тамплиеров, исполнял роль карателя за нарушение этой самой клятвы.

Считается, что в Россию масонство завез Петр Великий из Англии. До этого государственная зараза пыталась поразить русский трон при помощи «секты жидовствующих». Разрушители самодержавия находились чрезвычайно близко к цели, однако вовремя вмешалась власть и жестоко пресекла эти по-

ползновения. С «сектой «жидовствующих» расправился Иван III, а с масонством — Александр I. В 1822 году он закрыл в России все ложи, вовремя уразумев великую опасность «французской заразы», которую завезли в Россию офицеры гвардии, побывавшие в Париже после разгрома Наполеона.

Запрет, однако, — мера ненадежная. Тем более что враг хитер, изворотлив, коварен. Последние два века закатившегося тысячелетия сделали Россию ареной разнообразнейших домогательств всех сил Мирового Зла. Старинная «секта жидовствующих» полностью влилась в структуры современного масонства, придав ему не только сил, но и национальной изощренности.

Перед самой кончиной российского самодержавия масонством оказались поражены Государственный Совет и Государственная Дума, Военно-промышленный комитет и все политические партии, а также профессура и адвокатура. Гниль источила все несущие конструкции старинного государственного здания. Масонство вползло даже в саму династию Романовых!

Снова приходится напоминать, что еврейство не следует путать с сионизмом. Хотя, конечно же, не бывает сионизма без евреев.

Русских масоны определили, как самый непокорный народ Планеты.

Имелось ли у них представление об Истории этого народа?

Безусловно, имелось. Более того, они, в отличие от прикормленных подлецов-«специалистов», изучили и саму природу р у с о в (под таким названием фигурировали наши предки в летописях разных народов еще задолго до Рождества Христова).

Русские племена никогда не угрожали соседям, желающим жить с ними в мире и согласии. Тем и любезны были наши предки: при колоссальной природной силе они постоянно излучали еще и непобедимую благожелательность.

К сильному и доброму всегда тянется слабый и угнетенный.

В 1462 году, за 18 лет до окончательного освобождения от татарского ига, площадь Московского княжества составляла всего 24 тысячи квадратных километров. В 1914 году, роковом году Великой войны, русская империя раскинулась на территории в 23,8 миллиона квадратных километров. Молодая энергичная нация растекалась по лицу Земли со скоростью 80 квадратных километров в день! Северной границей русских стал Ледовитый океан, западной — Висла, восточной — берег

Тихого океана. Зыбкой оставалась южная граница. Далеко-далеко, за хребтами Гиндукуша, плескались синие волны Индийского океана. В 1893 году императору Александру III поступило предложение рассмотреть вопрос о вхождении в состав Российской империи сразу трех государств: Китая, Тибета и Маньчжурии. Перед народами Планеты отчетливо забрезжила перспектива соединиться воедино, в одну семью, под знаменем и скипетром Романовых!

Естественно, такая перспектива привела в ужас тех, кто жил в стремлениях осуществить заветы древней Торы. Мир должен стать не русским, а еврейским! Поэтому императора Александра III, настоящего русского богатыря, внезапно поразила загадочная смерть, и крайней точкой русского проникновения к берегам Индийского океана осталась крепость Кушка.

Великим нациям не прощают достигнутого величия!

Русские сумели сколотить свою державу в постоянных сражениях с разнообразными врагами. За четыре века (1055-1462 г.г.) земля русов испытала 246 нашествий. Так период с 1240 г. по 1462 г. русы не знали ни одного года без войны. Из 537 лет, прошедших после Куликовской битвы, 334 года выпали военными. *При этом неприятели все чаще наваливались «кодлой».* Русским пришлось однажды сражаться сразу с 9 налетчиками, два раза — с 5, 25 раз — с тремя, 37 раз — с двумя.

Только крымские татары увели в полон около пяти миллионов русских. Города Феодосия (Кафа), Керчь и Евпатория превратились в крупные центры работорговли. В средние века гребцы на галерах венецианских и французских купцов были исключительно из русских невольников. Куликовская битва явилась, несомненно, событием громадного национального значения. И все же два года спустя Тохтамыш сжег Москву. Только через сто лет русские наконец избавились от татарской неволи. В том году (1480 г.) на русской земле проживало всего два миллиона смердов. Затем население стало стремительно расти и к 1914 году составило 190 миллионов.

Боевые качества русских воинов испытали на себе рати многочисленных противников. К ногам русских воевод падали ключи почти всех столичных городов Европы. Победоносные знамена русских полков видели жители Амстердама и Берлина, Брюсселя и Парижа, Рима и Пекина,

Тегерана и Варшавы, Копенгагена и Вены, Стокгольма и Лиссабона.

Своеобразная собирательница народов, природная копилка наций, Россия никому и никогда не угрожала гнетом и порабощением. Даже за сожженную Москву со склоненной головы Парижа не упало и волоса.

Мстительность — удел слабых и трусливых.

Богатыри, как правило, великодушны.

Как видим, много испытаний выпало русской земле. Однако самым тяжким, самым роковым стало для нее испытание еврейством. Так вышло, что на земле Донского и Невского, Минина и Пожарского расселилась примерно половина этого злокозненного племени.

Первый еврейский погром случился в Киеве в 1113 году. На следующий год совет русских князей постановил «выбить жидов» из пределов княжеств, что и было сделано.

Таким образом, Киевская Русь стала первым государством, полностью очистившимся от самого присутствия этого племени. В 1290 году примеру киевлян последовали англичане, изгнав евреев за Ла-Манш. В 1397 году детей Израиля выгнали из Франции, в 1492 — из Испании, в 1497 — из Португалии, в 1593 — из Неаполя. Из Австрии иудеев изгоняли несколько раз: в 1421, 1544, 1554,1572,1614 годах.

В России продолжал действовать давнишний запрет: в ее просторы евреев попросту не допускали. Ошибку Петра Великого исправила его супруга Екатерина I, издав в 1726 году «Указ об изгнании жидов».

Евреи заползли в Россию после первого раздела Польши. Роковая недальновидность, основанная на уверенности в том, что могучий многонациональный организм России легко справится с таким ничтожным вкраплением зловредного элемента. Подумаешь, щепотка соли на бочку воды! К сожалению, более уместно было вспомнить о бочке меда и ложке дегтя.

«Черта оседлости», введенная в качестве защиты от евреев восточных пространств империи, оказалась крайне неэффективной. Обойти эту «засеку» удалось легко и, главное, по закону, а именно: в Сибирь, в «зеленый каземат» державы, наряду с разнообразным уголовным элементом обильно устремились (причем полностью за казенный счет) евреи-фальшивомонетчики. А

если учесть, что в Сибири добывалось основное золото России, то получилось как в известной басне: щуку бросили в реку!

В итоге евреи не только прочно оккупировали западные губернии державы, но пробрались и в Сибирь, к золотым приискам. Не оставили они без внимания и такие прибыльные отрасли, как меха, масло и лес.

Еврейский «лишай», таким образом, расползся по всему имперскому телу. Спохватившись, русское правительство запретило дальнейший въезд детей Израиля в Россию. Лучше бы оно этого не делало! Ответом мировой общественности был оголтелый вселенский хай о русском шовинизме и черносотенстве. Не случайно же, первым декретом Временного правительства эта охранная мера была отменена.

В череде событий, так или иначе сыгравших свою роль в Истории, совершенно затерялась кровавая «заварушка», случившаяся в 1912 году «во глубине сибирских руд», на далекой реке Лене. В хронике тех лет это событие получило название «Ленского расстрела».

Подоплека этого кровопускания послужила сюжетом широко известного романа В. Шишкова «Угрюм-река».

Год «Ленского расстрела» туго, как патрон в обойму, вошел в наиболее известные события той далекой поры: год назад в Киеве был застрелен П.А.Столыпин, а спустя полгода после этого убийства крупнейшие американские газеты аршинными заголовками возвестили всему миру, что «евреи объявили войну России». Пройдет еще несколько месяцев и в том же Киеве, «матери городов русских», где Мордыхай Богров всадил две пули в главу российского правительства, начнется судебный процесс над ничтожным иудеем Бейлисом, обвиненном в зверском убийстве русского мальчика Андрюши Ющинского. Этот процесс вызовет громовое эхо не только в городах России, но и Европы, повторив эффект знаменитого «Дела Дрейфуса».

Итак, еврей, убивший русского премьера, его единокровцы, объявившие настоящую войну русской империи, и ритуально умученный русский мальчик-сирота, из которого выточили кровь в преддверии еврейской пасхи...

Пряный запах христианской крови прямо-таки витает над Россией!

Немудрено, что массовый расстрел русских рабочих, совершенный русскими солдатами, но в еврейских интересах, на какое-то время вдруг выскочил на страницы газет и по обилию пролитой крови мог считаться вполне сенсационным.

«Лицом к лицу — лица не увидать...»

Однако не потребовалось много лет (а всего лишь охлаждения общественной истерики), чтобы события на сибирской реке Лене легко и просто улеглись в логический ряд обыкновенной биржевой затеи.

Да, кровь на золотых сибирских приисках пролилась исключительно в интересах биржевых марвихеров.

(Один из тогдашних бульварных листков напечатал карикатурное изображение двух беседующих евреев: «Вы знаете, у моего Абрамчика обнаружился хороший слух, так он теперь играет... на бирже!»).

Прииски на Лене по сути дела принадлежали богатому еврею Гинцбергу. А богатый еврей Гинцберг был особой, приближенной к императору. Только императором, к особе которого сумел приблизиться Гинцберг, был не царствующий Николай II, а его дед — Александр II.

Впрочем, лучше всего рассказать по порядку. Нет никакого секрета в том, что Александр II жил на две семьи. Законная императрица Мария Александровна тяжело болела, не поднимаясь с постели, и царь, видный мужчина 47 лет, «положил глаз» на молоденькую княжну Екатерину Долгорукую. Императрица скончалась в 1860 году, за год до взрыва бомбы террористов. К тому времени во второй императорской семье уже подрастали трое царственных детей.

В те времена правители державы в казну не залезали, обходясь своими личными средствами. Русскому императору для содержания детей (внебрачных официально) требовались немалые деньги. Перед ним раскрыл свой кошелек ловкий иудей Евзель Гинцберг. Александр II принял дар и отдарился тем, что вручил Евзелю поистине «золотой ключик», т.е., дав ему возможность неслыханно обогатиться за счет русской казны.

Винные откупа в России обогатили множество ловких и небрезгливых людишек. Чем больше народ вливал в себя сивухи, тем толще становились кошельки откупщиков.

Ясное дело, за право получить откуп соревновались легионы. Счастливцами же становились весьма не многие. Здесь все зависело от руки дающей, т.е. государственной, чиновничьей. Поэтому не стоит удивляться, что очередную битву за винный откуп выиграл Евзель Гинцберг. К этому подарку Александр II добавил еще одну царственную милость: он озаботил Гинцберга поставками на армию.

Не одно, а целых два золотых дна!

Разбогатев невпроворот, Гинцберг получил титул барона и открыл в Петербурге собственный банк.

Ветер удачи всегда дует в спины только богачам: к вящей радости барона Гинцберга грянуло освобождение крестьян от крепостной зависимости. Для сообразительных людей наступила пора умопомрачительных гешефтов. Любопытно заметить, что в многонациональной Российской империи крепостное состояние (т.е. двуногого скота) распространялось исключительно на русских. Только русских позволялось продавать и покупать, только русских можно было засекать насмерть в конюшнях. Ни один другой народ в России такими «привилегиями» не обладал. Даже вельможи-инородцы, выходцы из Орды, из Литвы или с Кавказа, получали царские подарки мужичьими душами русской национальности.

Отмена крепостного права избавила русских от скотского положения, но землей не наделила. Земля осталась у помещиков. Зато убытки землевладельцев, вдруг лишившихся крепостных людей, правительство покрыло с лихвой. От шальных денег, свалившихся буквально с неба, помещики потеряли голову и показали ширь русской души в загулах. Быстро промотав отступные, опухшие гуляки принялись распродавать имения и землю. Вот тут-то и настал счастливый час сообразительного Гинцберга.

Все земельные сделки государство гарантировало собственной казной, выпустив облигации займа. Банк Гинцберга немедленно их скупил. Ничего криминального в этой операции не имелось: облигации для того и выпускаются, чтобы их мог купить или продать любой желающий. Евзель Гинцберг и стал таким желающим. Скупив облигации займа, старый делец направил всю денежную гарантию государства в собственный карман.

Покончив жизненные счеты, Евзель оставил двух сыновей: Герша и Амшела. Еще при жизни отца они обрели новые имена: Гораций и Александр. Они стали владельцами роскошных вилл в Ницце и Монте-Карло. В Петербурге, на Офицерской улице, иждивением обоих братьев была построена величественная синагога. Восторженные единокровцы восславили старого Евзеля, подарившего миру таких замечательных сыновей, как нового Моисея.

Александр Гинцберг принялся потихонечку скупать землю у старинных русских вельмож типа Демидовых и Шуваловых. Эти богачи уже несколькими поколениями жили за границей и не знали русского языка.

Россия им представлялась вотчиной, дающей средства для роскошной жизни. Однако с некоторых пор вельможи стали ощущать, что дела на покинутой родине развиваются тревожно. Растет народное недовольство, случаются даже открытые бунты. Александр Гинцберг предложил им блестящий выход: совершить продажу прадедовских наследств. В самом деле, зачем ждать неминуемого краха? Лучше получить деньги (хорошие деньги!) и доживать жизнь без забот.

Испуганные вельможи легко позволили себя уговорить.

Гораций же Гинцберг устремил свой алчный взгляд на Сибирь. Там помимо золота добывалась еще и платина. Объем добычи для начала был не так уж мал: 460 пудов в год.

Компания «Лензолото» возникла в 1896 году (за год до Первого Всемирного еврейского конгресса). Патронировал Горацию сам Витте, восходящая звезда Сиона.

Благодаря Витте удалось обойти Закон, запрещающий продавать еврею землю. Но какая же компания, если она не сидит на земле? При обсуждении возникшей ситуации Витте проявил изворотливость махрового крючкотвора. Да, российский закон запрещает еврею владеть землей. Но разве Сибирь — Россия? Где государственный акт о вхождении этого громадного материка в состав империи? Такового не имелось. Следовательно, продажа земли в Сибири — вопрос особый!

В итоге Гораций Гинцберг стал обладателем огромной латифундии по рекам Витиму и Вилюю. Образовалось княжество, похожее на удельное.

Директором «Лензолота» стал внук Евзеля и сын Горация по имени Альфред.

Приближение Большой войны в Европе проходило в обстановке нарастающего государственного кризиса. Парвус, учитель Троцкого, обосновавшись в Берлине, понемногу осуществлял свою разрушительную программу. В Петербурге участились забастовки на заводах. Биржу беспрерывно лихорадило. Газеты взахлеб рассказывали о ловкачах, создающих буквально из воздуха миллионные состояния. Человеческие алчность и бесстыдство стали движущими силами российского общества.

Словом, какая-то невидимая, но мощная сила мутила ту самую воду, в которой так вольготно чувствовали себя элементы, называемые антисоциальными. Что стоила, например, завидная активность террористов, неведомо откуда бравших огромные деньги на свою кровавую деятельность!

Наступившая весна 1912 года не принесла успокоения. Студенты-агитаторы славили убийц царских министров Плеве и Сипягина и выкрикивали шальной лозунг: «Смерть тиранам!» Распространение листовок вошло в обычай. Их в изобилии печатали многочисленные «шапирографы» — простейшее приспособление для размножения прокламаций, изобретенное неким Срулем Шапиро.

Бешеная деятельность возмутителей принесла свои плоды: внезапно забастовали все крупные питерские заводы. Любопытен список их хозяев: Эриксон, Розенкранц, Крейтон, Нобель, Пинш, Круг, Шове, Чешер, Лесснер, Коппель, Кан, Киллер.

Обнаружилась любопытная деталь: рабочую массу на забастовки подбивали ...представители администрации заводов!

В такой до предела замутненной обстановке состоялось учреждение «Русского банка», созданного как бы в пику всесильному «Лионскому кредиту». Однако список членов правления нового финансового учреждения внес полную ясность в это мнимое противостояние русских и французов. В ареопаге «Русского банка» значились: Рафалович, Гаммель, Гротек, Поммер, Банг, Пинхус, Таубиурель и Юргенсон. Эти властители денег сразу же проявили интерес к налаживанию контактов с видными деятелями Государственной Думы. Депутаты все чаще стали направляться за границу, командировочные суммы позволяли им занимать самые роскошные апартаменты в отелях Парижа и Лондона.

Именно в те годы стал коваться общественный авторитет Некрасова, Милюкова, Керенского, князя Львова.

Само собой, щедрые подачки перепадали и газетам.

Почему же безмолвствовало истинно русское общественное мнение? Что за безропотность, похожая на покорность бараньего стада? Да нет, не было ни безмолвия, ни безропотности. Русский голос не имел выхода к народу — вот в чем дело. Единственную русскую газету «Новое время» заклевывали со всех сторон. В конце концов ее разорили и перекупили.

На одном из заседаний Государственной Думы случился настоящий скандал. Депутат справа Марков-второй, получив слово, начал свое выступление с того, что указал на ложу прессы и назвал ее «чертой оседлости». Газетная братия, курчавая и картавая, подняла оглушительный ор. Председательствующий князь Волконский неистово тряс колокольчик, Марков, дождавшись тишины, привел цитату из Достоевского: «Жид распространяется с ужасающей быстротою. А ведь жид и кагал - это все равно что заговор против русских».

Новый вопль возмущения потряс своды Таврического дворца.

Князь Волконский с трудом восстановил порядок. Марков продолжал:

— Русский народ не хочет стать подчиненным рабом иудиного паразитического племени. И вы боитесь сказать здесь об этом племени, ибо слишком зависите от него!

Перекрывая нарастающий рев, он успел еще прокричать:

— Вы напрасно хотите отбрыкаться от еврейского вопроса. Он поставлен русским народом во весь рост!

Князь Волконский объявил, что лишает оратора слова. Марков насмешливо указал в его сторону рукой:

— Поздравляю Думу с превосходительным шабесгоем!

Рассерженный Волконский исключил Маркова на 15 заседаний.

Покидая трибуну, неукротимый оратор бросил в зал:

— Я рад с вами расстаться на две недели, жидовские прихлебатели!

Думский скандал воскресил в памяти многих мужественные слова П.А. Столыпина, брошенные им своим врагам после взрыва дачи:

— Не запугаете!

В такой накаленной обстановке по Петербургу вдруг поползли слухи о массовом расстреле где-то в Сибири, — по сви-

детельству газет, на золотых приисках. Естественно, столичная биржа мгновенно отреагировала на новость: стоимость акций «Лензолота» полетела вниз.

Некоторые осторожные владельцы акций пытались разузнать поточнее: что там произошло на самом деле, на этих приисках. 19 сентября в столице были получены точные сведения: 4 апреля в далеком Бодайбо солдаты стреляли в рабочих, имеется много убитых и покалеченных.

Настоящий ужас пронзил незадачливых владельцев акций. Уже полгода они хранят бумажки, не имеющие никакой реальной ценности!

19 сентября стал днем настоящей биржевой паники. Акции «Лензолота» старались сбыть за гроши. А газеты, печатая сообщения «от наших корреспондентов», только поддавали жару. От прочитанных новостей создавалось впечатление, что от приисков вообще не осталось и колышка.

В эти суматошные дни Альфред Гинцберг продемонстрировал таланты великого Ротшильда, в свое время «организовавшего поражение Наполеона под Ватерлоо». Он затратил 50 миллионов рублей и через агентов скупил все акции «Лензолота», избавившись таким образом от участников в дележке прибылей.

Номинальная стоимость одной акции составляла 450 рублей.

На бирже она котировалась по 6 тысяч рублей (так велика была прибыль золотых приисков). Паника на бирже опустила стоимость акции буквально до копеек. И владельцы были рады избавиться от них по любой цене. «Хоть шерсти клок!»

Сделавшись единоличным владельцем «Лензолота» (разорив попутно компаньонов), Гинцберг стал подумывать о выпуске нового пакета акций.

Для расследования наглой аферы Гинцберга Государственная Дума создала комиссию. С трибуны звучали и гневные, и скорбные речи: расстрел в Бодайбо унес жизни 390 рабочих. Думские ораторы к месту вспомнили события 9 января 1905 года. Тогда количество жертв было гораздо меньше.

Газеты умело переломили общественное настроение. В кровавой расправе с рабочими обвинялось никудышное правительство. О вине самого Гинцберга не поминалось ни словом. Обличения царского режима прочно вошли в моду. Бешеный

авторитет приобретали деятели, смело обличавшие «свинцовые мерзости» русской жизни.

Постепенно градус возмущения стал остывать. Думская комиссия уехала в далекую Сибирь. Столица стала ждать первых результатов пристрастного и полного расследования «сибирской катастрофы».

Путь до места происшествия оказался долог. Прежде, при первых Романовых, воевода, назначенный в Якутск, добирался до места службы целых три года. Ехал он на лошадях по бездорожью. Теперь до самого Владивостока бойко бежали поезда. И все равно было далековато: до Иркутска — две тысячи верст. Но главная мука начиналась от Иркутска до Бодайбо — знаменитое сибирское бездорожье. Как и в прежние времена ехать пришлось на лошадях.

В составе комиссии ехали опытные люди, съевшие на расследованиях не одну собаку. Они уверенно рассуждали о международных связях «русских» золотодобытчиков. Компания «Лензолото» каким-то боком прилепилась к крупной английской корпорации «Лена — Голдфилдс». Хозяйничал в ней Лесли Уркварт, опытный деляга и хват. Он давно уже шарил по окраинам Российской империи. Проникнув южнее Оренбурга, Уркварт пересек бескрайнюю казахскую степь и добрался до гор Алтая. Ему принадлежали разработки природных ископаемых в Караганде, Джезказгане и Риддере.

Можно сказать, обильные деньги поступали в карманы английского хищника прямо из земли.

Доки-ревизоры с первого взгляда определили управленческий «климат» в Бодайбо. Здесь, как говорилось, «все было схвачено», т.е. власть держалась на больших деньгах. На пост главного управляющего Гинцберг подыскал коренного сибиряка, бывшего старателя, таежного волка по фамилии Белозеров. В прошлом у этого местного начальника имелась судимость за растление малолетней. Руководящим принципом Белозерова было сибирское: «Закон — тайга!». Гинцберг платил ему 150 тысяч рублей в год.

Белозеров стоил таких денег. Он крепко зажал всю округу в своем могучем таежном кулачище. Судьи у него получали по 25 тысяч рублей сверх казенного жалованья. Изрядные приплаты имели офицеры воинской команды и рядовые стражники.

Тогда почему случился какой-то бунт?

Здесь ревизоры стали отводить глаза и усиленно скрести в затылках.

Первый ответ, который, вроде бы, напрашивался сам собой: недовольство рабочих местными условиями. Белозеров и в самом деле установил в Бодайбо бандитские порядки. Денег, как таковых, рабочие никогда не получали. Заработок им выдавался на руки так называемыми купонами местной администрации. Эти купоны имели хождение только в лавках Бодайбо. На них отпускались в основном продукты питания. Цены в лавках устанавливал тот же Белозеров. Делалось это с таким расчетом, чтобы заработанных купонов хватало в аккурат на прожитье до следующей получки.

Выходило, что золотодобытчики работали только за кормежку. И все же, свыкшись с таким скотским существованием, люди не помышляли о протесте. Гурчали, конечно, но терпели. А куда деваться? «Закон - тайга!» И вдруг появились какие-то агитаторы и принялись подбивать рабочих на протест.

— Сколько так можно жить? Вы же люди, а не скоты!

Рабочие, присоединяясь один к другому, потянулись к управлению. Там их уже ждали солдаты с боевыми патронами. Не теряя времени на уговоры, офицер скомандовал: «Пли!» Грянули залпы...

Василий Маклаков, входивший в состав думской комиссии, уразумел мгновенно: кому-то крайне потребовалась кровь. Потому-то и были организованы так называемые беспорядки. По своей адвокатской профессии Маклаков привык «зрить в корень». Он сразу же усомнился в том, что думская комиссия отважится на жесткие выводы.

Какой дурак додумался проводить расследование на месте? И привел пример комиссии князя Шуйского, расследовавшей в Угличе убийство царевича Димитрия. Высокородный боярин, претендующий на трон, Шуйский всю вину за устранение царственного отрока свалил на Бориса Годунова. И народ поверил этому липовому расследованию!

Василий Маклаков нисколько не сомневался в том, какие силы вызвали обильное кровопролитие. Но остерегся даже от реплик, памятуя судьбу убитого в прошлом году Столыпина.

Большие деньги не боятся никакой крови!

Вся вина за «Ленский расстрел» была свалена на ...солдат. В самом деле, не Белозеров же стрелял, а уж тем более не Гинцберг! Солдат и наказали за кровопролитие.

Дождавшись благоприятного заключения комиссии, Гинцберг приступил к распродаже нового пакета акций. На первые торги, для пробы, он объявил номинал в 281 рубль. Моментально выстроились очереди. Тогда Гинцберг выпустил новую партию — по цене 785 рублей. Расхватали и эти. Гинцберг, внимательно изучая рынок ценных бумаг, вздумал добраться до кошельков малоимущих граждан: для них были выпущены акции ценою по 150 рублей.

В диком ажиотаже предстоящего обогащения народ позабыл о «Ленском расстреле».

А вскоре наступил 1914 год, и надо было воевать, защищать Отечество...

С именем Василия Маклакова связана одна из самых таинственных страниц зверского убийства Распутина. Покончить с властным временщиком убийцы решили при помощи яда. Порошок цианистого калия Пуришкевич получил из рук Маклакова. Яд, как известно, не подействовал. Тогда никто не ведал и даже не догадывался о том, что вместо яда Маклаков вручил Пуришкевичу растолченный аспирин.

Вскоре после «Ленского расстрела» Маклаков отправится в Киев защитником Бейлиса и станет произносить громовые речи о демократии и общечеловеческих ценностях. В 1917 году Временное правительство назначит его послом в Париж. Вот что значит входить в число посвященных!

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Когда караван поворачивает назад,
хромой верблюд оказывается впереди.
Восточная поговорка

История, как известно, не признает сослагательного наклонения.

Тем притягательней для каждого, кто занимается Историей, несостоявшиеся варианты предполагаемых событий: «А что было бы, если бы?»

Скажем, как сложилась бы история русов (и всего русского народа), склонись Владимир Святой к принятию не христианства, а ислама или иудаизма?

Или отношения с соседствующей Германией: не постоянная конфронтация, а союз до гроба двух могущественных монархий! К сожалению, никакие варианты неуместны.

Русы сменили язычество именно на христианство и, приспособив его на свой манер (превратив в православие), сделались вечной мишенью для самых изощренных сатанистов мира. В этом смысле как раз Германия и стала орудием дьявольских ухищрений ненавистников России, выступив застрельщицей двух самих кровопролитных войн. (Как при этом не вообразить состояние Европы, будь Россия и Германия друзьями и союзниками, а не постоянными врагами!).

Можно бесконечно спорить о роли личности в истории. Но разве Бисмарк, создатель империи Гогенцоллернов, не наказывал потомкам никогда не воевать с Россией? Глас вопиющего! Все перешибло мнение вкрадчивого иудея Альберта Баллина, прижившегося под крылышком кайзера Вильгельма II. Тайный советник императора, он сначала спихнул Бисмарка, а затем повернул морду германской экспансии на Восток. Самым никудышным образом действовал при этом и последний русский царь Николай II. Облепленный лукавыми советниками (один Витте что стоил!), он позволил втянуть Россию в гигантскую войну и погубил не только великую державу, но и династию, и свою семью.

Кукловоды мировых событий овладели сложнейшим искусством добывания побед, не принимая ни малейшего участия в боевых действиях (воюя, так сказать, со стороны). Так было в начале века, когда Большая война в Европе завершилась Версальской конференцией. Так вышло и в середине века, когда Гитлер, как и Наполеон, устремился на Восток, исполняя планы тех, кто незрим, но всемогущ.

Любопытно и развитие последних событий в мире: если бы не мерзавцы в Политбюро и КГБ, организовавшие в СССР контрреволюцию сверху, в каком году обрушилась бы чудовищная пирамида США, наводнившая Планету целыми завалами долларовой «зелени», не имеющей абсолютно никакого материального обеспечения, кроме авианосцев, атомных бомб и ракет?

Иудей Баллин ненавидел «железного» Бисмарка. Ему нравились люди мягкие, покладистые. Канцлер всю жизнь носился с мыслью создать «Союз трех императоров» (России, Германии и Австро-Венгрии). Баллин, наоборот, не жалел сил для того, чтобы именно между этими самыми могущественными венценосцами разгорелась жестокая взаимоистребительная бойня.

Своей цели ловкий иудей добился осенью 1914 года.

К началу Большой войны в Европе империи Гогенцоллернов не исполнилось еще и полувека. Это был молодой и хищный зверь, полный нерастраченных сил. Своими соперниками он считал Великобританию, Францию и Россию. Германские политики с отвагою голодных хищников вломились в размеренную жизнь дряхлеющей Европы и принялись на новый лад переиначивать блоки и союзы государств. Эта бесцеремонная агрессивность тонко направлялась теми, кто своим девизом навсегда избрал стояние над любыми схватками.

Обеспечив неизбежность войны между тремя европейскими монархиями, политики отошли в сторону и уступили поле деятельности генералам.

Германский Генеральный штаб с головой ушел в изучение возможностей России для сопротивления армиям кайзера. Знаменитая немецкая пунктуальность заставляла военных основательно изучить намеченного противника, как говорится, до солдатского белья. Эти задачи легли на плечи германской разведки.

Немецкий военный каток для похода на восточного соседа набирал мощь под чеканным девизом: «ДРАНГ НАХ ОСТЕН».

Русская контрразведка первой обратила внимание на постоянно возраставшую активность германских секретных служб. В 1910 году только в Варшавском военном округе было задержано 158 агентов германской и австрийской разведок.

К тому времени картина тотального шпионажа со стороны западных соседей стала, в общем-то, ясна. Будущие захватчики стремились получить не только военные сведения, но и экономические. Их особенно интересовало состояние металлургической, электротехнической, химической и топливной промышленности. Расходы, само собой, требовались колоссальные, однако финансовое бремя взвалил на свои плечи мощный «Дойче-Банк». Германская агентура предпринимала глубокие исследования на Северном Урале, в Закавказье и на Камчатке, в Забайкалье и на русском Севере.

Шпионаж в России осуществлялся под «крышей» всевозможных технических контор. В первую очередь к таковым относились «Общество электрического освещения», «Московское общество электричества» и «Киевское электрическое общество». С этими учреждениями наладил близкое сотрудничество «Пангерманский электрический союз». В обычай вошли частые и длительные поездки сотрудников по городам и весям России с целью, разумеется, насаждения света, знаний и прогресса. По каждой командировке обязательно составляли подробные отчеты, которые посылались по адресу: Берлин, Артиллерийская, 11. Там работал большой аналитический центр, имевший постоянные контакты с германским Генеральным штабом.

Не осталось в стороне от мутных дел и «Общество русского Северо-Западного пароходства», добившееся участия в обслуживании пассажирской линии Гамбург — Америка. (А там, как уже известно, всеми делами заправлял ближайший наперсник кайзера Альберт Баллин). Примечательно, что одним из директоров русского пароходства состоял печально знаменитый полковник Мясоедов.

Само собой, завидную активность проявляли банки: Азовско-Донской, Варшавские коммерческий и учетный, Петербургские учетный и ссудный, Петербургский международный коммерческий, Рижский коммерческий, Сибирский торговый и др. Своим человеком во всех этих финансовых учреждениях являлся некий Бальцер, агент «Дойче-Банка» в России. Высокий деловой авторитет Бальцеру обеспечивало его близкое знакомство с такими воротилами западного финансового мира, как братья Варбурги и Мендельсон.

В апреле 1908 года русской разведке удалось раздобыть секретный циркуляр германского Генштаба № 2348. Документ касался подбора агентуры для работы в России. В качестве таковых рекомендовалось использовать обыкновенных приказчиков. Не удивительно, что вскоре после этого в России образовался очень деятельный «Союз приказчиков и коммивояжеров». Эта общественная организация располагала внушительными средствами. Впоследствии выяснилось, что «Союз» пользовался поддержкой банка Варбурга.

Шпионская сеть покрыла Россию довольно густо. В каждом губернском городе функционировало по три резидента. В насе-

ленных пунктах с числом жителей свыше 10 тысяч работало по два резидента, в более мелких — по одному. Эти люди проявляли завидную активность в общественной жизни и устанавливали дружеские связи с представителями свободных профессий: присяжными поверенными, журналистами, врачами.

Общеизвестно, какое огромное значение во время войн приобретает транспорт. Россия не могла похвалиться своими железными дорогами, однако торговый флот имела мощный. На эту мощность и было обращено внимание. Стараниями А. Баллина с Россией удалось заключить особый торговый договор, сильно способствовавший тому, что к началу войны в руках немцев оказалась вся русская морская торговля. Напрасно министерство торговли и промышленности посылало сигналы тревоги — преодолеть сопротивление министерства финансов так и не удалось. Впоследствии выяснилось, что немцы располагали точными навигационными картами, а также подробным описанием Дальневосточного побережья и портов: Владивосток, Либава, Рига.

В самый канун войны во Владивостоке появилось отделение конторы «Флотен-Ферейн». Помимо транспортных забот это учреждение проявляло интерес к сахалинским угольным копям и предлагало русскому правительству уступить их в концессию на 90 лет. Помимо этого «Флотен-Ферейн» прибирало к рукам торговлю сибирским маслом. Многосторонние хлопоты этой необыкновенно деятельной конторы распространились даже на организации берегового отдыха моряков. В припортовых кварталах Владивостока появились увеселительные заведения с японскими гейшами. (Сын руководителя конторы, Ю. Бриннер, стал впоследствии знаменитым киноактером).

К началу войны в России воцарилась атмосфера разнузданной травли правительства. Этим занималась Государственная Дума, заседания которой напоминали уличные митинги. В поношении властей видели величайшую гражданскую доблесть лучшие представители «передовой русской интеллигенции». И только русская армия, как обычно, готовилась исполнить свой нелегкий солдатский долг.

Первое поражение немцы потерпели не на фронте, а в тылу. Хорошо сработала русская контрразведка. Уже 25 июля 1914 года специальным циркуляром министра внутренних дел был

санкционирован арест всех подозреваемых. Улов оказался богатым: за решетку угодили 870 офицеров германской секретной службы и около трех тысяч — австрийской. Не забудем также об аресте военного министра Сухомлинова и о казни полковника Мясоедова. Удар, как видим, чувствительный. Секретникам Германии и Австро-Венгрии пришлось на ходу заделывать громадные бреши. Крупных акций проводить не удавалось, пришлось ограничиваться мелочевкой. Например, на железнодорожных станциях вдруг участились кражи офицерских сумок. Этим занимались ловкие мальчишки-карманники. Удалось установить, что за любую сумку мальчишки получали по рублю. Оплату производили некие «добрые дяди». Первая же ниточка от этих «дядь» привела в село Березняки, где работала целая школа по специализации маленьких карманников.

Настоящим бедствием прифронтовой полосы стало обилие проституток, зараженных сифилисом.

Невиданный размах приобрел шпионаж евреев. В 1915 году русское правительство рассматривало вопрос о насильственном выселении их представителей из всей прифронтовой полосы.

Ход Большой войны описан в исторической и другой литературе тщательно и многократно. Россия воевала исключительно «ради исполнения союзнического долга». Жертвой армии Самсонова было обеспечено «Чудо на Марне». Удачные операции русских войск на Кавказском фронте сковали армию Турции. Брусиловский прорыв помог снять немецкое давление на Верден. Однако, когда началось наступление Макензена, союзники не шевельнули пальцем, чтобы помочь русской армии. Все их заботы сводились к тому, чтобы содрать подороже за вооружение, в котором Россия испытывала недостаток.

Вершиной подлости союзников явились хлопоты лорда Мильнера на военном совещании в феврале 1917 года. Царь, бросивший прадедовский престол, был арестован и отправлен вместе с семьей в Ипатьевский подвал.

Власть в России перешла в руки «кабинета общественного доверия», составленного полностью из масонов.

Не удивительно, что первой же акцией Временного правительства было освобождение из тюрем всех немецких и австрийских шпионов. Затем последовало уничтожение жандармских управлений. Завершило тогдашнюю «перестройку» массовое сожжение архивов...

Большая война завершилась так, как и была задумана ее устроителями: рухнули три оставшиеся в Европе монархии, непонятно зачем сцепившиеся в ожесточенной взаимоистребительной бойне.

Поражала политическая близорукость коронованных особ. И в Петербурге, и в Берлине, и в Вене с высоты престолов не умолкала патриотическая трескотня, свидетельствовавшая о полном отсутствии у сиятельных говорунов государственного разума: ни один из монархов не видел надвигавшегося краха.

Легко было лукавым кукловодам из мирового «Зазеркалья» с такими недотепами!

Россия первой оказалась среди развалин и нечистот неслыханного поражения. Однако торжество Германии было совсем недолгим: гораздо меньше года. Пожиная плоды Брестского мира (черпая солдатскими касками воду из Днепра и загорая на крымских пляжах), немцы неудержимо катились к пропасти, более глубокой, нежели российская. Всего лишь через год в Версале им будет прочитан предельно жесткий приговор. Дальнейшую судьбу германского народа отныне станут решать те, кто не принимал участия в военных действиях, — американцы.

...Николай Иванович Ежов прикидывал в уме: всего 20 лет назад он сидел в окопе, стрелял и в него стреляли, поднимался в атаку и отбивал немецкие атаки, наступал и отступал, но, как и миллионы других солдат (и русских, и немецких), не мог даже помыслить о том, какая бездна грязи скрывается в «Зазеркалье» такого грандиозного катаклизма, как мировая война.

В настоящее время, распутывая сложнейшие узлы государственного заговора, он с головой погрузился в атмосферу узнавания и порой терялся от потрясений.

Как и Сталин, он сетовал на быстротечность обыкновенных суток, растягивая рабочий день за счет отдыха и сна.

Что знали солдаты о начале Первой мировой войны? Убийство наследника австрийского престола Франца Фердинанда, хамский ультиматум правительству Сербии, естественное негодование сербов — и пушки загремели.

Какая наивность! Какая поистине детская доверчивость болтливым политическим марвихерам!

На самом деле за кулисами европейской бойни кипели страсти, достойные пера Шекспира,— столько в них на-

пряжения, неожиданных зигзагов, попранных надежд и человеческой крови.

И как это так или иначе получало продолжение в России!

Убежденнейший антисемит Ежов с удовлетворением находил доказательства «еврейских рук» в развитии событий. Оказывается, Франц Фердинанд стал жертвой сербского националиста вовсе не случайно, а по тщательному выбору — он, как и великий Бисмарк, никак не хотел войны с Россией и всячески этому препятствовал. Его убрали те, кто вместо «Союза трех императоров» затевал смертельную схватку трех монархий.

Убийца Франца Фердинанда, сербский террорист Гаврила Принцип, состоял членом тайного общества «Черная рука». Руководил этим обществом некий Гачинович, находившийся в тесном контакте с русскими эмигрантами Натансоном, Луначарским, Мартовым, а также с Троцким и Виктором Сержем, племянником известного Кибальчича, повешенного за убийство русского царя. Любопытно, что в 1917 году Натансон предлагал Гачиновичу место в «запломбированном» вагоне вместе с Лениным, — место для него имелось. Однако Гачинович ехать в Россию отказался. Здоровье его внезапно пошатнулось, последовали две срочные операции — ив августе 1917 года он скоропостижно скончался. Троцкий, старый сподвижник, отозвался на смерть руководителя «Черной руки» прочувствованным некрологом.

Само начало войны 1914 года также полно загадок. (Ежов, читая, то и дело вспоминал опостылевшие окопы). Подлецы-историки напирают почему-то на целый ряд случайностей, якобы развязавших бойню. Как-то ВСЕ слишком уж роковым образом сошлось в те несколько дней: и поездка Вильгельма II в Норвегию (отсутствие на своем рабочем месте), и визит Пуанкаре, президента Франции, в Россию, и распоряжение У. Черчилля английскому флоту находиться в боевой готовности, и приказ Янушкевича — начальника Генерального штаба России о всеобщей мобилизации (Николай II, узнав об этом приказе, повелел немедленно его отменить, однако Янушкевич нагло заявил, что уже поздно, — военная машина мобилизации запущена на полный ход).

Войну в Европе могла остановить Америка, заявив во всеуслышание о том, на чьей стороне она примет участие в

войне. Вокруг этого заявления развернулась кипучая подковерная борьба, и Николай Иванович, к своему удовлетворению, в изобилии обнаружил слишком явные, слишком пахучие «еврейские следы».

Давние устойчивые связи Германии с Америкой не были секретом. В обеих странах богачи имели одну национальность. Немецкие генералы, планируя военные действия в Европе, нисколько не задумывались о том, какой удар получат в спину. И — получили. Америка вдруг заявила, что в начинавшейся войне поддержит не Германию, а Великобританию. Причиной этому стали чисто еврейские дела: англичане пообещали сынам Израиля территорию Палестины для создания там своего суверенного государства («Декларация Бальфура»), А что могли предложить немцы? Только набор патриотических лозунгов.

Так что вспышка немецкой ненависти к евреям имела простое объяснение.

Венцом же еврейского торжества над поверженной Германией явилась Версальская конференция, где хозяйничали одни дети Израиля (Б. Барух, братья Варбурги, Е. Фридман и др.).

На этой ненависти к предателям была круто замешана потом вся мстительная националистическая авантюра Гитлера.

Немцы, вынужденные сражаться на два фронта, медленно приближались к поражению, к капитуляции. Если бы вывести из войны Россию! В 1915 году им удалось установить связь с «Лесными братьями» на Урале (партизанское соединение, орудующее в лесах). В следующем году на рейде Севастополя взорвался линкор «Императрица Мария»... Наконец, наклюнулась еще одна диверсия, на этот раз политическая: хитроумный Парвус предложил забыть о ненависти к евреям и снарядить в Россию «запломбированный» вагон с еврейскими радикалами. Маневр сработал как нельзя лучше: русская армия рухнула, рассыпалась, переговоры в Брест-Литовске поставили недавнего противника на колени.

Троцкий, фиглярствуя перед германской делегацией в Бресте, провозгласил открытость в международных отношениях. Публикацию секретных протоколов он объявил отказом от любых секретов в дипломатии. Отныне народы мира должны знать, о чем договариваются их руководители, какие они подписывают документы.

А между тем конференция в Бресте изобиловала разнообразными секретами. Сокольников и Иоффе подписали несколько протоколов (они назывались приложениями к договору), которые подписанты с обеих сторон обязались хранить в тайне не только от народных масс, но даже от некоторых членов делегации.

Глубочайшим секретом явилось соглашение по двум русским флотам: Балтийскому и Черноморскому. Их боевая мощь давно точила зависть немцев. Теперь, овладев русскими кораблями, Германия становилась соперницей Англии на морях и океанах... Такой же тайной была окутана судьба золотого запаса России: местом его хранения определены сейфы берлинского банка Мендельсона... А так называемое «Третье приложение» обязывало русских немедленно перенести столицу из Петрограда в Москву, а также обменять Николая II на Карла Либкнехта, томившегося в немецкой тюрьме. (Паспорт последнему русскому царю был выписан на фамилию Н.А. Крымова).

Однако даже среди этих умопомрачительных секретов имелся самый главный и, следовательно, самый потаенный. Документ носил название «Ноты Гинце» (по имени немецкого дипломата). Направлен он в руки Иоффе «от имени германского имперского правительства». Он содержит 11 параграфов, каждый из которых определяет какую-либо сторону дальнейшего существования республики Советов: устанавливается западная граница «новой России», закрепляется право немцев воевать с англичанами на русском Севере, предусмотрена также помощь германских войск в борьбе большевиков с белогвардейцами. Экономический раздел касался природных богатств России: немцы соглашались уступить «новым русским» треть донбасского угля и четверть марганца, добываемого в Чиатурах. Взамен этого республика Советов обязывалась гнать в Германию все зерно и масло. Особенное внимание в «Ноте Гинце» отводилось будущему Советской России. Обе стороны соглашались с тем, что постулат о «единой и неделимой» совершенно неприемлем. Этот параграф навечно хоронил саму идею о возрождении великой державы.

Словом, секретный документ закреплял взаимную договоренность большевиков и немцев о совместной эксплуатации России, как богатейшего трофея, доставшегося в результате долгих и весьма искусных комбинаций.

В марте через две недели после Брестского мира в Москву приехала германская военная миссия во главе с графом Кайзерлингом. Советское правительство только еще устраивалось на новом месте. Немцы были раздражены неразберихой и держались с вызывающей надменностью. У них на руках были срочные инструкции своего правительства.

Из 6 миллиардов марок контрибуции, которую Россия обязалась уплатить по Брестскому договору, 2 миллиарда марок немцы соглашались посчитать за счет всевозможного сырья (перечень прилагался).

Изголодавшаяся промышленность Рура алчно ожидала поставок из России.

К тому времени и большевиков, и немцев стали всерьез тревожить вспышки недовольства коренного населения. Но если на оккупированной Украине стабильность обеспечивала немецкая армия, то в большевистских губерниях такой военной силы не существовало, и власть только начинала формировать полки интернационалистов из китайцев, латышей, мадьяр, австрийцев. В повестку дня вставал вопрос о сохранении режима. Миссии Кайзерлинга поручалось определить, назрела ли необходимость ввести немецкие войска «для защиты, как указывалось, большевиков от гнева русского народа». Граф Кайзерлинг нашел, что большевистскому режиму пока ничто не угрожает.

— Оккупация ни Москвы, ни Петрограда пока не входит в наши планы,— заявил граф. — Но она станет возможной, если в России возникнут беспорядки.

Миссия уехала, а в Россию по командировке генерала Людендорфа прибыла группа немецких офицеров: майоры Эрих, Бодэ, Засс, Зуммерман, Андерс и лейтенанты Хаас, Клейн, Брейц. Они маскировались под военнопленных. Майор Эрих носил фамилию Егоров. Позднее выяснилось, что об этой офицерской командировке был мимолетный договор с Лениным еще в Стокгольме, когда русские революционеры, проехав из Швейцарии, покидали немецкий запломбированный вагон.

Следом за группой майоров и лейтенантов в Москву стали прибывать целые воинские подразделения. Назывались они довольно бесцветно: «Комиссия № 4». Отряд численностью 1500 солдат возглавлял лейтенант Балк. Эта внушительная военная сила полностью собралась в самый канун эсеровского мятежа в

Москве и восстания в Ярославле. Не исключено, что и о мятеже, и о восстании немцы знали заранее.

Для каких-то особых целей немцам отвели укромное помещение в самом центре Москвы, в Денежном переулке. Там разместился небольшой, но очень квалифицированный отдел немецкой секретной службы. Руководили им старший советник германского посольства Рицлер и майор Мюллер. Тот и другой регулярно встречались с Дзержинским и Караханом, из наркомата иностранных дел.

На Западе германская армия вела тяжелые бои. На Востоке немцам удалось оккупировать Москву без единого выстрела.

Прав оказывался Гельфанд-Парвус, доказав туповатым немецким генералам великое преимущество «тихой» войны без артогня, атак и ужасающего кровопролития.

В невероятном хаосе, воцарившемся в России после отречения царя, соблюдался тем не менее строгий порядок развития событий. На политической кухне жарко пылала раскаленная плита, клокотали кипящие кастрюли и в клубах пара очень точно и умело двигался искусник-повар, вовремя успевая снять с огня одну посудину и двинуть на самый жар другую.

Впрочем, клокотали кастрюли не только на российской, но и на европейской политической кухне. Аромат специфического варева из Петрограда и Москвы достигал берегов Ла-Манша.

Весной 1918 года, когда скучающие парижане без всякого интереса листали пресные выпуски столичных газет, Францию потрясло убийство главного редактора газеты «Фигаро» Г.Кольметта. Убийцей оказалась жена премьер-министра страны Ж.Кайо. Журналисты радостно вцепились в лакомую добычу. Газетные полосы украсились аршинными заголовками. Сенсационное происшествие позволяло вывернуть нравы высших слоев тогдашнего французского общества.

Расхожим объяснением, как и ожидалось, было убийство на любовной почве. Однако после первых допросов вся печать, не исключая и бульварной, вдруг умерила свой пыл и прикусила языки. Гибель редактора влиятельнейшей газеты напрямую связывалась с тайнами Большой политики.

Газеты, а с ними и читатели, стали с нетерпением ждать начала судебного процесса. Он проходил в дни работы Версальской мирной конференции.

На скамье подсудимых оказалась довольно пестрая компания. Все обвинялись, как немецкие шпионы. Любовная тема уступила место теме сугубо политической. Речь шла о повторении в Париже примерно таких же событий, случившихся осенью прошлого года в Петрограде. Законное правительство воюющей Франции должно было смениться правительством заранее намеченных и подготовленных заговорщиков. Роль незадачливого Керенского предназначалась как раз Ж.Кайо. На роль Троцкого и Ленина (одновременно) намечался заместитель статс-секретаря Л.Мальви. Мятеж сорвался в самую последнюю минуту: кто-то умышленно организовал утечку информации. Газета «Фигаро» со своим громадным тиражом, а следовательно и влиянием, первой ударила в колокол тревогу.

За этот сигнал о надвигающемся бедствии и заплатил своей жизнью редактор газеты Г.Кольметт.

Журналисты, набившиеся в зал суда, на все лады склоняли угрозу «большого французского пожара, едва не вспыхнувшего от российской искры». И в Петрограде, и в Париже отчетливо выявлялись усилия германских секретных служб.

Одним из главных обвиняемых перед судом предстал граф Ж.Минотто, молодой человек, родившийся в Германии. Как сотрудник «Дойче-Банка» он поселился в Америке и быстро установил тесное сотрудничество с корпорацией «Гаранти Траст». Особенная дружба у молодого графа возникла с одним из руководителей корпорации М.Мэем. С его помощью Минотто развивал не только финансовые связи, но и пытался стать сотрудником военно-морской разведки США.

С премьер-министром Кайо и его супругой Минотто познакомился в Южной Америке. Встречи их продолжились в Европе. На курорте Биарриц граф свел французскую чету с неким Боло-Паши, немецким шпионом. Этот человек давно находился под наблюдением французских секретных служб. Одно время Боло-Паши околачивался в Нью-Йорке, намереваясь раздобыть два миллиона долларов для революции во Франции.

В конце концов граф Минотто был арестован агентами ФБР. Его тесть, «король» мясных консервов Л.Свифт, добился освобождения под залог в 50 тысяч долларов. Словно в отместку за это ФБР тут же арестовало самого Л.Свифта, обвинив его в «чрезмерных симпатиях к Германии». (Летом 1917 года брат

арестованного Л.Свифта, Гарольд, отправился в Петроград в составе миссии «Международного Красного Креста» под руководством У.Томпсона).

Один из парижских репортеров, освещавших ход судебного процесса над немецкими шпионами, многозначительно заметил, что американская «Гаранти Траст» предстает как своеобразный символ гигантских общественных потрясений, — там, где появляется эта корпорация, непременно жди большого взрыва: мятежа, волнений, революции! Так сказать, «реализация социалистических идей явно несоциалистическими средствами».

Суд в Париже установил, что Ж.Кайо и Л.Мальви с целью заговора образовали весьма радикальную Социалистическую партию. Финансирование этой политической организации выявило любопытную цепочку лиц, связанных как с «Гаранти Траст», так и с «Дойче-Банком». (Мэй — Минотто — Кайо). В ходе разбирательства возникло также имя шведского банкира О.Ашберга с его «Ниа Банком». Но тут поспешили вмешаться братья Варбурги, влиятельнейшие банкиры, принимавшие участие в работе Версальской конференции в качестве экспертов и советников.

Настоящую сенсацию произвели показания на суде загадочного Боло-Паши. Он вдруг поведал, что в Лондоне дожидался отправки во Францию отряд хорошо подготовленных боевиков в количестве 300 человек. Переправка их сорвалась по самому банальному поводу: их попросту не впустили во Францию. Они негодовали и обращались за помощью в «Международный Красный Крест». Вмешаться эта организация не успела. Последовала разоблачительная публикация в газете «Фигаро», затем произошли поспешные аресты.

Словом, то, что так блистательно удалось осуществить в России, сорвалось во Франции.

После российских событий 1917 года старую Европу залихорадило. По странам воюющего материка прокатилась волна революционных потрясений. Прилипчивости «революционной лихорадки из России» способствовало предельное озлобление народов, измученных кровопролитной войной.

А тем временем с политической кухни России вдруг потянуло новыми, необыкновенно пряными ароматами...

Первым послом Германии в республике Советов стал граф Мирбах, старорежимный дипломат с монархическими взглядами. Ему выпала нелегкая судьба. Он пал жертвой ожесточенных политических интриг и своего отсталого мировоззрения. Будучи человеком консервативным, Мирбах с неприязнью относился к тем развязным господам из Берлина, которые наводнили Москву после Брестского мира. Никакой особой проницательности не требовалось: эти хлыщеватые посланцы приезжали по заданиям секретных служб.

В штате миссии графа Кайзерлинга, приехавшей в Москву для решения будто бы экономических проблем, находился майор Хеннинг. 24 мая он имел доверительную беседу с Мирбахом, после чего в тот же вечер отправил в Берлин депешу с обзором внутреннего положения в России. По его мнению, дни советской власти были сочтены. Ожидалось выступление эсеров, и этот переворот положит конец большевикам... Правда, относительно роли Троцкого взгляды Мирбаха и майора Хеннинга разошлись. Посол считал, что мятежом эсеров негласно руководит Троцкий. Майор утверждал, что Троцкий по своему обыкновению «виляет» и склоняется на сторону не столько Антанты, сколько США. Кроме того, ему удалось раздобыть доказательства того, что в ожидавшемся мятеже эсеров особенную роль будет играть всесильный глава ВЧК Феликс Дзержинский.

К огорчению Мирбаха, майор оказался более осведомлен. Неделю спустя он получил информацию о том, что состоялась встреча германского посла в Швеции Люциуса с Розеном, недавним представителем Германии в Вашингтоне. Они говорили о Троцком. Этот человек жил и работал в России по инструкциям, полученным им в США. Иными словами, американские козыри в руках Троцкого были гораздо старше всех остальных. И с этим приходилось считаться.

Самолюбие Мирбаха уязвляли своей непочтительностью Рицлер и Мюллер, обосновавшиеся в Денежном переулке. Посол знал, что Рицлер до последних дней работал в Швеции и помогал Парвусу переправлять Ленина через Германию. Мюллер был военным, из Генштаба. Оба они поддерживали тесные связи с Дзержинским, Радеком и Караханом. Видимо, встречи и разговоры с этими людьми позволяли тому же Рицлеру относиться с пренебрежением к Ленину. Председателя Совнаркома Рицлер насмешливо называл «татарином».

Продолжая придерживаться своих консервативных симпатий, Мирбах провел тайную встречу с князем Урусовым и Леонтьевым (из так называемого «Правого центра»). После этой встречи он телеграфировал в Берлин: «Советский режим, создание евреев для евреев, представляет смертельную угрозу для цивилизованного мира. Русский народ выдан на месть евреям, которые связаны с евреями мира, т.е. масонами... С большевиками надо кончать!»

3 июля, буквально накануне эсеровского мятежа, Мирбах запросил о срочной присылке денег. В тоже самое время Кайзерлинг докладывал в Берлин совсем иное. Он писал: «Россия теперь имеет руководителей, которые далеко превосходят всех руководителей буржуазных стран».

Мнение официального тяжеловесного посла решительно разошлось с заключением специального посланца. Первый считал: большевики — зло. На взгляд другого: большевики — благо. Берлин, к несчастью для Мирбаха, склонился к точке зрения Кайзерлинга.

Запрошенные Мирбахом деньги были получены незамедлительно. А в тот же день невозмутимый Мюллер посетил Дзержинского и вручил ему некий список, в котором были указаны 583 фамилии. Пробежав глазами этот список, глава ВЧК обнаружил там фамилии Савинкова и... посла Мирбаха. Он вскинул на Мюллера недоуменный взгляд. Тот ответил ему тоже взглядом, твердым и ясным. Глубоко потянув в себя, «железный Феликс» пробежал по списку более внимательно. Напротив некоторых фамилий имелись примечания. «Алексинский — щадить не должно... Локкарт — особенно следить за невыездом...». К фамилии Савинкова никаких примечаний не имелось. Как понимать? Решать по обстоятельствам?

Озадаченный Дзержинский спрятал список в ящик письменного стола. Как и ожидалось, мятеж эсеров грянул 6 июля. Начался он с того, что начальник секретной части ВЧК Янкель Блюмкин заявился в германское посольство и убил Мирбаха.

Произошла вроде бы явная нелепица: Мирбах, получив деньги из Берлина, профинансировал собственную смерть!

Но...таково было «Зазеркалье» многих тогдашних событий в России.

Мятеж эсеров закончился полнейшей неудачей. Но вот красноречивая деталь: в Ярославле, где бурно сдетонировали московские события и где разгорелись настоящие бои, в подавлении мятежников самое активное участке принимала так называемая «Комиссия № 4», т.е. полторы тысячи немецких солдат под командованием лейтенанта Балка. Захваченных в плен немцы сами не расстреливали, а передавали в руки чекистов.

И — еще: Дзержинский, попавший в плен к мятежникам, остался жив, но, вырвавшись из плена к себе на Лубянку, в тот же день без суда и следствия расстрелял 13 руководящих чекистов, в том числе своего заместителя Александровича. В чем была вина этих людей? Об этом никогда не было произнесено ни слова!

Год 1918-й был богат выдающимися событиями. И все же во всей их длинной череде самыми значительными являются убийство Моисея Урицкого и покушение на В.И. Ленина. Ответом властей на эти злодеяния стал «Декрет о красном терроре». И снова любопытная деталь: массовые расстрелы врагов советской власти начались с лиц, указанных в списке Мюллера, который он вручил Дзержинскому.

Эти 583 человека стали первыми жертвами гигантского кровопускания. Правда, один человек из этого списка уцелел: Савинков — самый непримиримый противник большевиков. Ему было отпущено прожить до 1925 года. Потом его приволокли на Лубянку и он нашел там смерть при весьма загадочных обстоятельствах.

У Ежова, как старого кадровика, укоренилась привычка «брать на карандаш» наиболее заметные сведения. Своим мелким аккуратным почерком он стал заполнять страницы толстых блокнотов. В конце концов у него образовался собственный архив, который он бережно поместил в нижнем отделении личного сейфа. Там блокноты, полные самых удивительных фактов, лежали тремя внушительными стопками.

Время от времени Хозяину требовались обзорные «Справки», и тогда архив служил маленькому наркому неоценимым подспорьем.

Итак, «немецкий след» сменил «след американский», едва миссия У.Томпсона покинула столичный отель «Франция».

Германия, исполнив свою роль торпеды, пущенной в борт российского корабля, принималась хозяйничать на русской земле.

Зачастившие в Россию гости из Германии имели встречи со многими официальными лицами из советского руководства. Протоколы, как видно, не велись, а если и велись, то они, скорей всего, тщательно прятались, а то и уничтожались. О том, какие темы обсуждались, приходилось лишь догадываться по тем отрывочным сведениям, которые каким-то чудом сохранились.

Николай Иванович Ежов теперь держал их в руках.

Из телеграммы министра иностранных дел Германии фон Кюльмана на имя кайзера Вильгельма II 3 декабря 1917 года (т.е. в тот день, когда мистер Томпсон, получив денежный перевод из Нью-Йорка, нанес прощальный визит Троцкому).

«Только после того, как большевики получили от нас постоянный приток средств по различным каналам и под различными этикетками, они оказались в состоянии создать свой главный орган — «Правду», повести энергичную пропаганду и заметно расширить первоначально узкую базу своей партии».

Из телеграммы бюро разведки германского Генштаба в Петроград на имя наркома иностранных дел Троцкого 12 января 1918 года (т.е. неделю спустя после разгона Учредительного собрания и расстрела рабочей манифестации на улицах Петрограда).

Продиктован список лиц, которых необходимо «избрать» членами ВЦИКа: Троцкий, Ленин, Зиновьев, Каменев, Иоффе, Свердлов, Луначарский, Коллонтай, Фабрициус, Мартов, Стеклов, Гольдман, Ландер, Милк, Преображенский, Соллерс, Штудер, Гольдберг, Аванесов, Володарский, Раскольников, Стучка, Петерс, Нейбут.

Странная роль была навязана кайзеровской Германии: немцы с необъяснимым упоением занимались тем, что таскали каштаны из огня, но отнюдь не для себя. А зачастую и себе во вред!

Впрочем, картина прояснялась по мере того, как в представлении Ежова мало-помалу вырисовывался могучий и необыкновенно динамичный зверь мировой политики — сионизм.

Еще в 1904 году в Париже состоялся нелегальный съезд представителей европейской социал-демократии. В президиуме этого собрания рядышком сидели Азеф и Милюков, будущий министр иностранных дел Временного правительства. Они постоянно о чем-то шептались (интересно было бы узнать — о чем?).

Из Парижа, отзаседав, негодяй Азеф отправился в Берлин и там несколько раз встречался с Парвусом. Вскоре заявило своем существовании горластый «Союз визволення Украины» и стали крепнуть националистические организации в Закавказье. Все эти оголтело «патриотические конторы» требовали одного — денег, и, естественно, получали их — из Германии.

Вопрос: на каком основании или, вернее, с какой целью царская охранка вдруг «сдала» эсера Азефа и поставила на его место большевика Малиновского?

В 1913 году именно Малиновский нанес сильнейший удар по большевистской партии, «сдав» охранке двух ее региональных лидеров: Сталина из Закавказья и Свердлова с Урала.

Подозрительно, что оба провокатора и Азеф, и Малиновский, будучи разоблаченными не кем-нибудь, а генералами охранки, укрылись от возмездия товарищей не на краю света, а в самом центре Европы — в Германии. И оба они, Азеф и Малиновский, в бурном 1918 году вдруг зачем-то появились в России. Азеф посетил Москву и Петроград (прожив несколько дней в отеле «Франция») и затем исчез. Зачем он приезжал? К кому? С кем виделся? Или не нашел никого из тех, к кому был послан? Возвращение же Малиновского вообще поставило Ежова в тупик. Сойдя с поезда, провокатор направился прямиком на Лубянку, хотя прекрасно знал о свирепости «красного террора». Что его заставило покинуть германское убежище? Или, вернее — кто?

С какой целью? Что вызвало это фантастическое самозаклание? И ведь не откуда-нибудь заявился Малиновский, а все из той же Германии!

В те дни, когда из Петрограда в Брест отправилась советская делегация во главе не с Троцким, а с Сокольниковым, новые правители России надоедали «инстанциям» в Берлине настойчивыми просьбами о присылке денег, денег и еще денег. Берлин проявил понимание и открыл кредит, однако строго ограничил круг лиц, имеющих право оперировать с «Дойче-Банком». Список доверенных был краток: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Суменсон, Козловский, Коллонтай, Сиверс и Меркольн. В последний миг немцы вдруг предупредили, что этот список должен получить одобрение берлинских банкиров. Потянулись дни нетерпеливого ожидания.

2 марта 1918 года из Берлина поступила телеграмма: одобрение получено.

3 марта советская делегация в Бресте подписала «архипохабный» Брестский мир.

Генерал Людендорф, герой немецкого народа, не скрывал, что после отречения царя разгром большевиков никогда не входил в его планы. Больше того, такой разгром опрокидывал все политические прожекты Берлина. Отсюда — и военные в Москве, и постоянный денежный ручеек. В конце концов в Германии был создан специальный «Фонд помощи большевистскому правительству» с капиталом в 40 миллионов марок.

И не очередная ли гримаса Истории: на эти деньги совершено убийство графа Мирбаха в середине года, а к концу того же года, в ноябре, произошла революция в Германии!

Ежов, забираясь все глубже в сногсшибательные узнавания, внезапно уловил в «германской мелодии» довольно четкие «английские мотивчики».

Негодуя на Троцкого, пригласившего немцев на просторы России, Ленин отчаянно требовал подписывать мир на любых условиях. В феврале, когда вал немецких войск катился по Украине, Вождь революции встретился с английским резидентом Локкартом. Разговор шел о судьбе советской власти. Локкарт выдвинул идею: «интервенция против интервентов», т.е. предложил использовать в России войска Великобритании против немцев. Ленин ухватился за спасительную мысль:

- Да, да, я готов рискнуть на сотрудничество с союзниками!

И в скором времени в Мурманске и Архангельске высадились англичане.

Следующий «мотив» касался судьбы Черноморского флота. Англичане очень не хотели, чтобы русские боевые корабли попали в руки немцев. Гораздо лучше, если бы русский флот лег на дно Новороссийской бухты. Тайком от немцев на юг России отправился специальный представитель советского правительства Вахрамеев. Полномочия его были огромны, однако с потоплением флота что-то не заладилось. Тогда в Новороссийск помчался мичман Раскольников. Половину флота он затопил, а остальная половина все же ушла в Севастополь, к немцам. Кому же потрафил мичман Раскольников: немцам или англичанам? При этом следует иметь в виду, что лихой мичман давно поддерживал связь не с кем-нибудь, а с самим Локкартом!

И как тут удержаться от подозрений насчет готовности Ленина «сотрудничать с союзниками»? Само собой, немцам такая готовность пришлась сильно не по нраву. Неизвестно, какие они приняли меры, зато известно, что вскоре Ленин стал стремительно терять силы и все чаще падать в обморок. Отечественная медицина почему-то чрезвычайно слабо привлекалась к лечению Вождя. Прибегли к международным авторитетам и, словно нарочно, все авторитеты были из Германии! Не хочешь, а задумаешься поневоле...

Очередное узнавание принесло Ежову удовлетворение насчет его личной проницательности — он внезапно получил ответ на давно мучивший вопрос: почему ему так ненавистен Свердлов? Ну, еврей... Но разве Свердлов один? А между тем ненависть к нему испытывалась необыкновенная!

Оказывается, германский Генеральный штаб, предпринимая отчаянные усилия, чтобы избежать поражения в затеянной войне, прибегал к диверсионным методам по разложению тыла противника еще в 1915 году. Изучив Россию досконально, стратеги из Берлина обратили внимание на высокую активность уральских большевиков. «Товарищ Андрей» (партийная кличка Свердлова) превратил громадный промышленный край, «кузницу России», в неспокойный регион, где власть большевистской организации успешно соперничала с официальной, государственной. Помимо боевых «пятерок» и «десяток», действующих как террористы, большевики имели настоящую армию, укрывавшуюся в лесах. Этой армией были «Лесные братья» под водительством отчаянного головореза Лбова.

В 1913 году царской охранке удалось арестовать Свердлова (благодаря Малиновскому) и загнать его за Полярный круг, в Курейку. Но даже лишившись своего главного руководителя, уральская парторганизация не снизила боеспособности и продолжала оставаться грозной силой для самодержавия.

В 1915 году к «Лесным братьям» пожаловали эмиссары из Берлина. Сознавая, какая нужда привела гостей на Урал, Лбов отчаянно торговался. Ему требовались оружие и деньги. Наконец, 21 ноября обе стороны ударили по рукам.

Параграфы секретного договора увязывали партизанские действия «Лесных братьев» с планами немецкого Генштаба. Уральские большевики обязывались в короткий срок провести

подготовительную работу для массовых рабочих беспорядков на территории всего Урала. Помимо своего региона они должны были проникнуть и в соседние,— в частности, взорвать мосты через Волгу и серией диверсионных актов парализовать добычу угля в Донбассе. В качестве платы Лбов добился обязательств немцев доставить на Урал 20 тысяч револьверов, две тысячи винтовок и более миллиона патронов. В кассу большевиков наличными поступало два миллиона марок.

С немецкой стороны секретный договор с уральскими большевиками подписал генерал фон Сект.

При оценке Брестского мира в расчет обыкновенно берутся безвыходное положение советского правительства и беспримерная наглость немецкой военщины, дождавшейся наконец-то своего часа. Почему-то начисто игнорируется третья сторона конфликта, столь же заинтересованная в разрешении создавшейся исторической ситуации — не учитываются мысли и чувства германского рабочего класса.

«Союз Спартака» — такое звучное название имела массовая организация немецкого пролетариата. Возглавляли ее выдающиеся деятели международного рабочего движения Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Убежденные марксисты, они высоко держали лозунг пролетарской солидарности и первыми приветствовали победу русских братьев по классу. Создание республики Советов они считали и своим праздником.

Заключение Брестского мира повергло «спартаковцев» в шоковое состояние. Русские большевики подписали мир с ненавистным кайзером?! Это был удар в спину, самое подлое предательство идеалов Всеобщей Пролетарской Революции!

Непонимание происходящего сыграло в судьбе «Союза Спартака» роковую роль.

Поклоняясь заветам Маркса, «спартаковцы» не верили и не могли поверить, что в революционной России осуществлен колоссальный подлог и власть оказалась в руках людей, в сознании которых привычные классовые соображения решительно перечеркнуты соображениями национальными. Поэтому и произошло братание германских генералов во главе с кайзером с еврейскими комиссарами из Петрограда, во главе которых находились Свердлов и Троцкий.

Речь отныне шла об освоении такого гигантского военного трофея, как Россия.

Зашоренные лозунгами о братской солидарности рабочих всего мира, «спартаковцы» были не в состоянии понять, что для развития «российской ситуации» они оказывались попросту лишними.

Лидеры немецкого пролетариата Р.Люксембург и К.Либкнехт продолжали томиться в тюрьмах.

Уныния добавил провал революционного переворота во Франции.

Надежда вспыхнула было в связи с убийством в Москве графа Мирбаха, однако тут же и погасла.

К осени из Москвы все же повеяло свежим ветерком. В гостинице «Дрезден» открылось «Бюро революционной пропаганды». Его возглавил Б. Рейнштейн (недавний сотрудник миссии «Международного Красного Креста», затем работник секретариата Ленина). Стал выходить журнал «Мировая революция». Главный сотрудник этого журнала Карл Радек, выступая перед рабочими завода Михельсона, объявил, что для немецкого пролетариата в России создаются громадные запасы хлеба и провозгласил многообещающий лозунг: «Красный Фронт пролетарской революции от Волги до Рейна!»

И мало кто обратил внимание, что в те же дни в Петрограде как-то слишком незаметно появился некий Г. Скларц, еврейский коммерсант, тайный посланник самого Парвуса (само собой, агент секретных служб).

Что привело его в Россию? Уж не готовил ли он возвращение предателя Малиновского? Даты совпадают: Малиновский появился в начале ноября. Расстреляли Малиновского, как известно, 6 ноября, а два дня спустя в Германии начались такие события, что снова залихорадило всю Европу.

На военной базе германского флота в г. Киле взбунтовались моряки. На мачтах кораблей заполоскались красные флаги. Команда крейсера «Кайзер» расправилась со своими офицерами и выкинула их за борт.

В Гамбурге, Бремене и Любеке образовались Советы. Кайзер Вильгельм II сбежал в Голландию. Роза Люксембург и Карл Либкнехт, освобожденные из тюремных застенков, появились в Берлине на балконе императорского дворца. Площадь перед дворцом была запружена ликующим народом.

К удивлению «спартаковцев», Москва не торопилась признать германские Советы. Выяснилось, что кремлевские правители вынашивают идею создать свое германское правительство из военнопленных солдат.

А в самый канун нового года из Москвы в Берлин внезапно пожаловал Карл Радек, главный специалист по революционным перестройкам. Он выслушал доклад о ситуации в стране и потребовал встречи с Р. Люксембург и К. Либкнехтом. Московского эмиссара повели на конспиративную квартиру, где скрывались вожди германского пролетариата (имелись сведения, что реакционное офицерство готовит на них покушение). Заканчивая разговор с товарищами по классу, Радек сообщил им московскую директиву: «Надо безжалостно убивать каждого буржуазного пса!» Речь шла о создании своей, немецкой ВЧК.

В то время еще никто не знал, что Радек, прежде чем отправиться в Берлин, тайно съездил в Вологду и имел там долгий разговор-инструктаж с американским посланником Фрэнсисом.

После появления Радека в Берлине германские события вдруг приняли скачущий характер.

15 января немецкие офицеры совершили налет на конспиративную квартиру, где застали врасплох обоих вождей германской революции. По дороге в тюрьму они были убиты «при попытке к бегству». Осталось секретом, от кого могли узнать офицеры конспиративный адрес.

12 февраля был схвачен и Карл Радек. Его поместили в тюрьму Моабит.

Политический режим, установившийся в Германии, стал называться Веймарской республикой. С этим режимом московское правительство незамедлительно установило самые сердечные отношения.

Находясь в Моабитской тюрьме, Радек развил бешеную деятельность. Его камера превратилась в своеобразный «политический салон». В гостях у арестованного московского бунтаря побывали такие важные персоны, как министр иностранных дел Ратенау и генерал фон Сект.

За время заключения Радек написал и издал семь брошюр, в кото-вых агитировал за участие германских специалистов в российской экономике. В конце декабря Радек вернулся в Москву.

Осенью того же 1918 года в Ярославле, городе на Волге, где недавно был подавлен эсеровский мятеж, местный комитет большевиков разбирал заявление молодого немца, пожелавшего стать членом партии. Немец окончил Рижский инженерный институт и говорил по-русски с сильным прибалтийским акцентом. Ярославские большевики отказали немцу по причине его буржуазного происхождения. Молодой человек обиделся и уехал в Германию. Его звали Альфред Розенберг.

Искры от российского пожара разносились по всей Европе. На этом и строился расчет закаперщиков «перманентной» революции.

В Будапеште восставшие объявили Венгерскую социалистическую республику. Немедленно на помощь им из России двинулась дивизия Григорьева, а также армии Антонова-Овсеенко и Махно. Осуществлялся хорошо продуманный военный прорыв в Европу. Затея сорвалась в самый последний момент: вдруг взбунтовался Григорьев, затем Махно... И все же советская власть в Венгрии продержалась 133 дня.

В мятежной Словакии красные флаги реяли три недели, в Баварии две недели.

Классовые бои перекидывались в Польшу, Финляндию, Эстонию. В ожидании событий в Польше, Дзержинский и Уншлихт обосновались в Минске. К пограничной реке Збруч выдвинулись части Красной Армии: Западная стрелковая дивизия (комдив Р. Лонгва) и специальная бригада Збиковского. В Киеве и Одессе спешно формировались Интернациональная дивизия и Первая Бессарабская стрелковая дивизия (рядовой состав подбирался из поляков, румын, чехов и болгар). Почуяв опасность большевистской угрозы, участники Версальской мирной конференции поспешили принять спасительные меры. Из Франции на Вислу срочно перебросили корпус генерала Галлера (70 тысяч штыков). Мощный удар этого корпуса спас положение паниковавшего Пилсудского.

Вулканные толчки из московского эпицентра стали отдаваться и в Азии: Индии, Турции, Афганистане.

В далеком г. Амритсаре войска расстреляли митинг рабочих, убив 400 человек.

Поражением англичан закончилась затяжная война в Афганистане.

В Турции к власти неожиданно пришло правительство партии «младотурков» под руководством Ататюрка.

Мощный удар по планам Троцкого нанесли поляки под Варшавой. Вся затея с военным прорывом в Европу покоилась на фальшивой основе. Вместо классовой солидарности красноармейцы встретили на польской земле необыкновенный взрыв национализма.

Уроки польской катастрофы не остудили Троцкого. Пылкий и велеречивый, этот авантюрист обвинил в неудаче Сталина и отказывался признать, что от «перманентной» революции остались одни чадящие головешки.

Николай Иванович Ежов, внимательно изучая поведение Троцкого, пришел к заключению, что этот политический прохвост совершенно неспособен на самостоятельные поступки. Всю свою жизнь он был только послушным исполнителем. При нем обязательно должен находиться руководитель. В 1905 году эту роль исполнял Парвус, в 1917 году — Томпсон. В дальнейшем его хозяева наладили регулярную связь с Москвой, с Реввоенсоветом. Без заботливой опеки Троцкий не оставался ни одного дня.

В мучительную проблему для председателя Реввоенсовета вырастала деятельность вроде бы совершенно незаметного Сталина. Они столкнулись на определении судьбы России. Троцкий, пламенный революционер, по-прежнему смотрел на эту чумазую лапотную страну, как на очередную ступеньку к завоеванию мира и порывисто устремлялся дальше и дальше. Сталин же на этой ступеньке решительно затормозил и принялся ее, эту российскую ступеньку, всячески обхаживать для того, чтобы осуществились ВСЕ посулы, которыми партия большевиков соблазняла народные массы на сокрушение самодержавия. Пламенные обещания следовало выполнять!

В ЭТОМ — вся соль начавшейся борьбы Сталина с Троцким. По Троцкому — Россия обязана сгореть в пламени «перманентной» революции и тем самым оправдать свое никчемное прозябание на Планете.

По Сталину — Россия должна не только не сгореть, но преобразиться и вознестись на немыслимую прежде высоту!

В этом — главный смысл столкновения Сталина с Троцким, сталинизма с троцкизмом.

ОТЕЛЬ «ФРАНЦИЯ»

По плодам их узнаете их.
Евангелие от Матфея

Советская официальная история называет в основном четыре здания Петрограда, так или иначе связанных с событиями 1917 года: особняк Кшесинской, где находился штаб большевиков, здание Смольного института, ставшего резиденцией первого советского правительства, Таврический дворец, место работы Государственной Думы, и Зимний дворец, в котором было арестовано Временное правительство России.

О столичном отеле «Франция» нигде не поминается ни словом. А между тем...

В самом начале незабываемого 1917 года в Петрограде начала работать большая конференция Антанты, союзников в войне с Германией. Делегацию Великобритании возглавлял лорд Мильнер. Помимо того, что он состоял членом военного кабинета, лорд занимал один из самых высших постов в системе масонских организаций мира: он являлся Великим Магистром Шотландской ложи. Деятельными помощниками высокородного лорда на все время конференции стали посол Великобритании в России Бьюкеннен, военный атташе британского посольства капитан Кроми и вице-консул Англии в Москве Локкарт.

Военное совещание союзников работало необычайно долго — едва ли не целый месяц. Председательствовал на всех заседаниях русский император Николай II, покинувший ради этого Ставку Верховного главнокомандования в г. Могилеве.

Основной темой военной конференции стала судьба Германии, дни которой, как считалось всеми, были сочтены. Сражаясь на два фронта, немцы напрягали последние силы и лихорадочно искали выхода из создавшегося положения. И германский генеральный штаб, и кайзер Вильгельм II старались избежать сокрушительного поражения и спастись от унизительной процедуры безоговорочной капитуляции. От бравого настроения немецких военных, с которым они начали войну три года назад, не осталось и следа.

Отель «Франция», где разместилась военная делегация Великобритании, стал центром непонятной, но очень ожив-

ленной деятельности. Надменный Д. Бьюкеннен стал у лорда человеком для поручений (секретных, разумеется). Прямо из номера Мильнера в бельэтаже посол отправлялся к известному земскому деятелю князю Г. Львову, к влиятельным в русском обществе Н. Некрасову и М. Терещенко. Все более частыми становились контакты английского лорда с русскими генералами Брусиловым, Рузским, Гурко и Половцевым.

Лорд-масон заваливал Бьюкеннена разнообразными и слишком непонятными поручениями. И только однажды посол сумел догадаться о тайных умыслах Мильнера. Глава делегации Великобритании попросил его приготовить справку о наличии военных сил непосредственно в Петрограде. Бьюкеннен быстро приготовил заказанный документ. В русской столице к тому времени было сосредоточено 250 тысяч тыловой распущенной солдатни, кроме того под боком, в Кронштадте, рвутся на улицы десятки тысяч хорошо откормленных матросов (в войне русский военный флот почти не принимал участия).

Бьюкеннен взял в расчет еще и усиленно формируемые отряды так называемой «рабочей гвардии», т.е. подразделений из пролетариев питерских заводов. У них пока не имеется боевого вооружения, но при захвате, скажем, арсенала они могут получить винтовки и патроны. Готовая сила для уличных боев! Силы же столичной полиции, органов правопорядка насчитывали всего 3,5 тысячи человек.

Вечером лорд снизошел до откровенного разговора с исполнительным послом. Он напомнил Бьюкеннену о двух событиях, имевших место ровно год назад в далеком Нью-Йорке. Там состоялись два мероприятия, совершенно непохожие одно на другое, но тем не менее имевшие общую цель.

В бедном еврейском районе этого гигантского города собрались убеленные сединами люди: «ветераны первой русской революции (1905 г.)». На почетных местах восседала карикатурная парочка: один — огромный, толстый, совсем заплывший жиром, другой — худенький, вертлявый, с клочковатой бороденкой и в пенсне. Это были А. Парвус и Л. Троцкий. В далеком 1905 году они вот так же дружной парочкой появились в Петербурге и пробрались к руководству тогдашнего Совета рабочих депутатов, объявив это необыкновенное учреждение подлинным правительством революционной России (т.е. со-

перником самого царя, Совета Министров и Государственного Совета великой империи). В настоящее время российская обстановка вновь свела их вместе, усадила одного возле другого в президиуме собрания потасканных «ветеранов» событий более чем десятилетней давности.

Как всегда на подобных сборищах началась ожесточенная грызня — постаревшие «бойцы» принялись поминать старые обиды, посыпались упреки в оппортунизме. Парвус властно прикрикнул на смутьянов и направил разговор в деловое русло. В итоге: здесь же, в Нью-Йорке, начала работать не то школа, не то курсы по подготовке работников для России. Во главе был поставлен Троцкий. Ему помогал Бухарин. Слушателями-учениками стали несколько сотен человек — в основном, выходцы из российской «черты оседлости».

В том же месяце и в том же городе, но только в роскошном помещении банкирской конторы «Кун, Леб и компаньоны» совещались богатейшие люди Америки — банкиры. Здесь были представлены: сам Я. Шифф, его сын М. Шифф, его зять Ф. Варбург, а также О. Кан, Ж. Ханауэр и В. Гугенхейм. Темой совещания были деньги на очередную русскую революцию. Я. Шифф доложил, что традиционный еврейский налог с каждой души — «шекель» — уже не покрывает всех необходимых затрат. Необходимо раскошелиться дополнительно. Сам Я. Шифф подписал чек на 20 миллионов долларов, банк Варбурга гарантировал 10 миллионов долларов, представитель лорда Мильнера, члена военного кабинета в правительстве Ллойд Джорджа, молча положил чек на 10 миллионов долларов.

Деньги были собраны немалые. Русская революция могла начаться.

Первый этап этой революции — отречение Николая II от трона — и организовывал лорд Мильнер в Петрограде. Днем, на пленарных заседаниях военной конференции, он разглагольствовал о победе над тевтонами, а вечерами и ночами действовал в противоположном направлении: готовил скорейшее поражение русской армии.

Контуры Великой Русской Революции определились довольно четко. Царь Николай II должен оставить трон, а власть в России получат Временное правительство и Совет депутатов (двоевластие, уже испробованное в 1905 году). Предусматривалось мощное вливание

свежих политических сил из-за рубежа: из Англии приедет Плеханов, из Швейцарии — Ленин, из Америки — Троцкий.

Само собой, Николай II, председательствуя на заседаниях, об этом ничего не знал и даже не догадывался.

В Могилеве, в Ставке, в эти дни хозяйничал генерал Алексеев, ближайший помощник императора, начальник его штаба. Николай II доверял этому человеку безоглядно, не подозревая, что Алексеев возглавлял в России военную масонскую ложу. Выманив царя, Верховного Главнокомандующего русской армии, из Могилева в Петроград, союзники предоставили Алексееву свободу рук. За месяц, что царь отсутствовал в Ставке, генерал-предатель обработал всех командующих фронтами (даже великого князя Николая Николаевича, дядю царя). Командующие дружно решили, что для победы над Германией Николай II должен немедленно отречься от престола.

Русская армия, таким образом, первой предала царя, нарушив Долг и Присягу.

Свое пребывание в Петрограде лорд-подлец завершил тем, что секретно пригласил к себе в гостиницу «Франция» известного земского деятеля Г.Е.Львова и продиктовал ему состав будущего Временного правительства России. В него вошли 12 человек — все, естественно, масоны разных степеней.

Делегации союзников покинули Петроград 22 февраля, а три дня спустя в булочных столицы не оказалось хлеба, возникли стихийные бунты женщин-работниц, потребовалось вмешательство полиции, а затем и войск... В итоге Николай II в ночь на 2 марта отрекся от престола.

Такой зигзаг вдруг сделала новейшая история России.

Так или примерно так осуществляются теперь крутые повороты в мировой политике.

Человеческая подлость превратилась в подлость политическую, государственную.

Скудные силы столичной полиции, как и предвидел лорд Мильнер, оказались не в состоянии предотвратить гигантскую государственную катастрофу. Их попросту смели. В громадном взбаламученном Петрограде основной силой стал озлобленный беспросветною войной солдатский штык.

Первым из влиятельных эмигрантов в Россию вернулся Плеханов. Он приехал в марте.

3 апреля на Финляндском вокзале состоялась восторженная встреча Ленина.

5 мая на русскую землю ступила нога Троцкого. Впрочем, ступить ей позволили не сразу: из вагона Троцкого вынесли на руках ликующие сторонники во главе с Урицким и Караханом.

3 июля состоялось плохо подготовленное выступление большевиков. Дело ограничилось массовой манифестацией рабочих, солдат и матросов. Вечером начался ливень и разогнал манифестантов... Однако два дня спустя на фронте началось мощное наступление немецких войск. Оба события — неудавшийся мятеж большевиков и удавшееся наступление германцев — невольно связывались воедино. Напуганное правительство князя Львова приступило к арестам. В камерах «Крестов» оказалось более 140 членов различных политических партий — в основном, большевиков. Был выписан ордер на арест Ленина и Зиновьева.

Правительственные меры после мятежа вызывали удивление. Почему-то арестовали Троцкого, но не тронули Плеханова. Стали искать Ленина с Зиновьевым, но оставили на свободе наиболее твердокаменных большевиков Свердлова и Сталина. Что скрывалось за такой необъяснимой избирательностью?

Ответы на невольно возникшие вопросы придут гораздо позднее...

Банкиры, распространители кредитов, похожи на торговцев наркотиками: им важней всего «посадить клиента на иглу», т.е. всучить ему заем. Дальше процесс начинает развиваться своим порядком. У должника, как правило, не хватает средств, чтобы расплатиться вовремя, в обусловленные сроки, — начинают нарастать проценты, затем проценты на проценты. Сумма долга увеличивается подобно снежному кому. И тут банкиры считают возможным проявить милосердие: они соглашаются подождать с возвращением основного долга, но категорически требуют уплаты процентов. На их языке это называется «обслуживанием долга». Для банкиров-заимодавцев начинается самое приятное: стрижка купонов. Деньги от должника текут, однако сумма долга при этом не уменьшается. И часто, очень часто количество денег, полученных за обслуживание долга, значительно превышает сумму первоначального займа. Тогда заимодавцы, куражась, изображая благодетелей, могут согласиться на сокращение долга.

Надо ли говорить, что при этом идут в ход сугубо политические соображения: достоин ли должник своим поведением подобной милости.

Таким образом, посадив клиента на финансовую иглу, банкирам остается сладострастно подсчитывать свои доходы. Клиент, под гнетом долга, заполошно мечется, хватает новые кредиты, лишь усугубляя свою зависимость от заимодавцев. В поисках средств правительства идут на увеличение налогов на своих граждан, урезают расходы на социальные программы, распродают государственное имущество — в итоге население стремительно нищает, в стране копится заряд народного возмущения.

Словом, легкомысленный получатель займов уподобляется наркоману в период ломки. С таким можно делать все, что заблагорассудится. Особенно полезен такой клиент в международных отношениях.

Банкиры, как и наркоторговцы, строго соблюдают законы мафии, «семьи» — в прямом и переносном смысле.

Сплоченность, корпоративность этих богатейших людей планеты привела к созданию Федеральной Резервной системы США. В этот круг избранных допущены очень немногие. В нашем случае интересно рассмотреть фигуру Якоба Шиффа, самого злобного ненавистника России и русского народа.

Как и многие денежные люди некоренной национальности, Якоб вышел из Германии. Его отец работал у старого Ротшильда во Франкфурте. Общеизвестно, что основатель династии, подобно Чингисхану, разделил Европу на пять улусов — по количеству своих сыновей. Шатры новых покорителей мира появились в Вене, Неаполе, Париже и Лондоне (местом старой ставки остался Франкфурт). Якоб Шифф сумел оказаться у подножия Германа Леба, одного из заправил банкирской конторы «Кун, Леб и компаньоны». Якоб женился на дочери патрона. Другой дочери Леба предложил руку и сердце Пауль Варбург, представитель обширной семьи из Гамбурга. У Пауля имелось трое братьев. Один из них, Феликс, женился на дочери Якоба Шиффа. Удачно сочетались браком и остальные двое братьев, Макс и Фриц. Благодаря семейным узам представители Европы установили родственные связи с американскими финансовыми воротилами (среди них: Оппенгеймер, Кан, Магнус и Гольдберг).

Целью своей жизни Я. Шифф поставил уничтожение России. Ради этого он не жалел ни сил, ни денег. Это он устроил гигантский военный заем крохотной Японии и, модернизировав флот этой страны, науськал ее на Россию. В Портсмуте он руководил ходом мирных переговоров и пригрозил Витте ужасами близкой революции. Первый революционный пожар в 1905 году русские быстро потушили. Однако искры продолжали тлеть и ждали своего часа. Заботой Шиффа стало втянуть Россию в колоссальную войну, в которой она, как великое государство, не имела никаких целей. Теперь речь шла о неминуемом поражении русской армии.

Об этом позаботилась «пятая колонна» в воюющей стране.

Война с Антантой (с Россией в том числе) началась для немцев несчастливо. Бисмарк оказывался прав: нельзя воевать сразу на два фронта. Пришлось напрягать все силы, подскребать последние марки. И здесь, совершенно втайне от остального мира, за дело принялись банкиры (финансы, как известно, не признают государственных границ). В Берлине не слишком заметно функционировала американская контора фирмы «Экуитабл». В ней скромным кассиром трудился отец Ялмара Шахта, будущего финансового гения Гитлера. Кассир в течение 30 лет никуда не выезжал из Германии, однако в кармане имел паспорт гражданина США. Свои первые шаги на банковском поприще Ялмар Шахт делал под отцовским приглядом. Всего важнее было установить контакты с финансистами за океаном. И это удалось. На второй год войны молодые деятели Папен и Шахт сильно помогли отечеству, изнемогавшему под бременем расходов. Американская контора «Кун, Леб и компаньоны» (та самая, что финансировала в начале века русско-японскую войну) ссудила немцам первые 400 тысяч долларов. Это был первый американский взнос в европейскую бойню. Гамбургский филиал «Куна и Леба», где хозяйничал один из братьев Варбургов, Макс, перевел на германские счета 25 миллионов марок. А вскоре «Дойче-Банк», действуя через свои филиалы в Южной Америке, получил из Лондона 4 миллиона 670 тысяч фунтов стерлингов. Только воюйте, о деньгах не беспокойтесь!

На эти щедрые миллионы не только отливались пушки на заводах Круппа, на эти деньги немцы мечтали вывести Россию из войны, взорвав в ее тылу братоубийственную революцию.

(Один из самых потаенных секретов: на эти заимствованные средства содержался сам Керенский, глава российского Временного правительства). Удивительно при этом на самом деле безграничное применение денег: на американские займы немцы финансировали и своих разведчиков в Соединенных Штатах!

Подведем итоги. Вся кажущаяся пестрота имен и названий — Морганы и Рокфеллеры, Ашберги и Варбурги, Животовские и Томпсоны, «Кун и Леб», «Ниа-банк», «Гаранти траст», «Дойче-Банк», «Сибирский банк» и «Русско-Азиатский банк» — составляла всего лишь надстройку, покоившуюся на едином мощном фундаменте, а именно — на американском золоте. Отсюда истинная подоплека таких событий, как июльские беспорядки в Петрограде и оголтелая травля Ленина. «Немецкий след» большевиков должен был увести и скрыть глубинные источники американских денег. Эта затея Томпсону удалась с блеском. Немецкий план, опирающийся на выступления большевиков, надежно прикрыл план американский.

Ленин маячил на глазах до самого выстрела «Авроры». Это имя жевала и пережевывала вся мировая пресса. Но как только дело подошло к распределению руководящих мест, имя Ленина вдруг исчезло, — заботливая Крупская увезла его в Финляндию на отдых. И на газетных страницах замелькали совсем иные имена: Свердлова, Троцкого, Дзержинского, Урицкого, Зиновьева, Каменева.

Немецкий план вроде бы осуществился - российская революция свершилась. Но в то же время сработал и американский план — вместо Ленина, вождя большевиков, у главной власти оказался невзрачный и вовсе неизвестный Свердлов, явившийся не из Европы, а с Урала... Впрочем, Ленин, поднабравшись сил в Финляндии, еще появится на русской сцене. Пока же кукловоды за кулисами русских событий усиленно дергали за свои привычные веревочки. Власть была взята. Теперь следовало думать, как ее не упустить и удержать.

Тем временем пламя российского пожарища не собиралось утихать и превращаться в пепел. Искры из России разносило по Европе. Горелым пахло в Венгрии, Германии, Франции, Италии. И это массовое распространение революционного огня входило в планы тайных поджигателей...

Капиталистическое зарубежье, свалив русское самодержавие и посадив своих людей в кабинеты Смольного, почему-то

не торопилось признавать официальный статус советской власти. Более того, дипломатические представители дружно покинули роскошные особняки посольств и обосновались в Вологде, обрекая себя на неудобную жизнь в вагонах. В Петрограде они оставили своих уполномоченных в ранге осведомителей. Как правило, эти люди являлись опытными сотрудниками секретных служб.

Подошла пора уезжать и миссии «Международного Красного Креста». Американские гости и без того сильно зажились. Полгода — громадный срок! Отель «Франция» стал пустеть.

Мистер Томпсон, понемногу отправляя членов миссии обратно в США, оставался на своем посту до 4 декабря 1917 года. Он лично проследил, чтобы новая власть в России укрепилась и взяла правильное направление в своей работе.

Вместо обрушенной системы управления страной спешно создавалась новая. Второй съезд Советов избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Это был высший орган власти. Его возглавил отнюдь не Ленин, а Свердлов. ВЦИК сразу же назначил наркомов (по старому — министров) и во главе их поставил Ленина. Таким образом, вождь партии стал всего лишь главным назначенцем-исполнителем. Реальная власть в Республике Советов принадлежала, кроме самого Свердлова, всего лишь двум его надежным назначенцам: Троцкому и Дзержинскому. И практика вскоре показала, что эта властная троица, почитая Ленина на словах, не подпускает его к делам своих специфических ведомств.

Сильно задержавшийся в Петрограде мистер Томпсон в начале зимы стал собираться домой. Он потрудился продуктивно. После мифического «Корниловского мятежа» Троцкий был, наконец, выпущен из «Крестов» и с ходу уселся в кресло председателя Петроградского Совета депутатов. Лозунг «Вся власть Советам!» (с учетом того, что Троцкий являлся еще и членом ЦК большевиков) сделал его фигурой едва ли не первого плана. Во всяком случае, его имя стало постоянно упоминаться с именем Ленина, мало-помалу оттесняя создателя партии, ее вождя, имея явную тенденцию к тому, чтобы задвинуть его за свою узкую селедочную спину.

(Ленину было бы полезней вообще сойти на нет и поскорее. Хлопот завоевателям хватало и без него).

В отсутствие Ленина, увезенного Крупской в Финляндию для очередного отдыха, в Петрограде сложилась та самая «конечная власть», о которой говорилось в таинственном плане «Марбург». Состав Совнаркома (вместе с членами коллегий наркоматов) насчитывал 556 человек. Из них русских было около 30-ти (т.е. всего пять процентов). Совершилось торжество Израиля над гоями! Такого гигантского «трофея», как Россия, еще не знала вся история завоеваний.

В течение ноября, осваиваясь в Смольном, Троцкий развил лихорадочную деятельность. У него несколько раз побывал американский генерал У. Джудсон, околачивающийся в Петрограде с какой-то загадочной целью. 30 ноября Троцкого посетили У. Томпсон и Р. Робинс. Разговор шел «о низком уровне революции», о том, что необходимо предпринять. Томпсон сообщил, что в Петрограде остается Александр Гомберг (он же — Михаил Грузенберг), работавший в миссии «Международного Красного Креста» переводчиком. Троцкий с пониманием склонил кудлатую копну перепутанных волос. Гомберг-Грузенберг, сын ветхозаветного раввина, был его земляком. Оставался он, как следовало понимать, для связи. Прозвучала и фамилия О. Ашберга с его «Ниа-Банком». Шведский финансист был окончательно утвержден на роль «большевистского банкира».

Дождавшись паузы, Троцкий язвительно вклеил:

— Банкиры... Уста их открыты, но карманы закрыты!

Мистер Томпсон позволил себе обидеться. Он устал от постоянных вымогательств революционеров, нервы его сдавали.

— Я сейчас же связываюсь с Нью-Йорком, — пообещал он Троцкому.

В Америку ушла телеграмма с просьбой срочно прислать два миллиона долларов.

Чек от Моргана пришел незамедлительно. Томпсон в сопровождении полковника Робинса посетил наркома иностранных дел и два дня спустя занял каюту на пароходе, уходящем в Лондон. Для него наступил небольшой отдых от бешеной работы. Он славно потрудился за истекшие полгода. Все сколько-нибудь значительные события в России совершались под его заботливым патронажем. Потратив на «русские дела» целых шесть месяцев, мистер Томпсон считал, что потеря такой уймы времени целиком оправдана.

Под его приглядом прошел VI съезд партии большевиков, на котором Троцкий стал не только членом этой партии, но и вошел в ее Центральный Комитет, поднявшись вровень с самим Лениным.

Сотрудники американской миссии умело провели так называемый «Корниловский мятеж» — гигантскую провокацию, в итоге которой русская армия, сидевшая в окопах, была мгновенно обезглавлена, а рабочие отряды Красной гвардии вооружены из государственных арсеналов.

Наконец, совершилось главное событие, ради которого Томпсон пожаловал в Россию: Великий Октябрьский Переворот. Уверенно распоряжаясь в создавшейся обстановке, Томпсон расставил своих людей на руководящие посты, указав им направление деятельности. Основное же достижение американского эмиссара — он обеспечил в революционной России давным-давно задуманное засилье.

Только после этого посланец из-за океана счел свою командировку завершенной.

Приехав из Петрограда в Лондон, мистер Томпсон включился в обработку Ллойд Джорджа, втолковывая ему, как специалист, особенности создавшейся в России ситуации. Британский премьер, белоголовый, багроволицый, терпеливо слушал и поматывал головой. Наставления американца были полезными. Сам он готовился к поездке во Францию, в Версаль, на первую мирную конференцию.

Томпсон, навсегда покидая Россию, не оставил «свята места» пустым: в Петрограде продолжал орудовать его заместитель по недавней гуманитарной миссии Р. Робинс. Ему предстоял непочатый край работы. Опытный его глаз заметил усилившуюся активность немцев — германские стратеги, даже проигрывая войну, продолжали думать о будущем. Робинс, подозревая Троцкого с компанией в двойной игре, разрывался между Смольным и посольствами западных держав, в чьих стенах в эти дни верховодили не дипломаты, а сотрудники всевозможных секретных служб. Один из них, Брюс Локкарт, считался человеком лорда Мильнера. Прежде чем отправиться в Петроград, он посетил в Лондоне Литвинова, личного друга Ашберга, и получил от него рекомендательное письмо на имя самого Троцкого. Благодаря этому, Локкарт чувствовал себя в

России, как дома. У него имелся пропуск-«вездеход», подписанный самим Дзержинским. Такие же мощные документы имели Жорж Садуль, приятель Троцкого еще по Франции, и Сидней Рейли, один из асов британской разведки. Позднее к этой дружной компании присоединился проворный А.Хаммер, бросивший в Америке все свои грошовые гешефты и примчавшийся в Россию закладывать основы своего баснословного богатства. Освоение такого колоссального «трофея», как Россия, год от года набирало американский размах и деловитость. Затраченные средства возвращались неслыханными дивидендами.

Показания д-ра А. Саймонса на специальных слушаниях в конгрессе США.

«В декабре 1918 года... под председательством лица, известного под именем Зиновьева-Апфельбаума... из 388 членов было только 16 настоящих русских, за исключением, может быть, одного негра из Америки, который выдавал себя за профессора Гордона.

265 человек из этого северного коммунистического правительства, которое заседает в старинном Смольном Институте, вышли из низов восточного квартала Нью-Йорка.

Я хочу еще отметить, что, когда большевики захватили власть, тотчас весь Петербург был наводнен тучей прокламаций и плакатов на еврейском языке. Ясно было видно, что этот язык должен сделаться одним из главных языков в России. Коренные русские, конечно, не очень благосклонно отнеслись к этому».

Из журнала «Еврейская хроника», Лондон, 1919 г.

«Гораздо большее значение, чем сам большевизм, имеет тот факт, что среди большевиков столь много евреев и что идеалы большевизма во многих пунктах совпадают с высшими идеалами иудаизма».

Из журнала «Азия», февраль, 1920 г.

«Во всех большевистских учреждениях начальством являются евреи... Евреи везде действуют успешно и достигают своей цели. Они умеют добиться полного себе подчинения и держать в нем людей. Но они высокомерны и презрительны, и это возбуждает народ против них. В настоящее время среди евреев наблюдается большое религиозное воодушевление, они верят, что приближается время господства избранного народа на земле. ОНИ ТЕСНО СПЛЕЛИ В ОДНО ЦЕЛОЕ ИУДА-

ИЗМ И МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ. Они видят в распространении революции исполнение слов Писания: «Если я и положу конец всем народам, между которыми я тебя рассеял, Израиль, то тебе конца не положу».

Из статьи А. Когана, газ. «Коммунист», Харьков, 1919 г.

«Можно сказать без преувеличения, что ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ ДЕЛОМ РУК ЕВРЕЕВ. Разве темные, угнетенные массы русских рабочих и крестьян были бы в состоянии собственными силами сбросить иго буржуазии? Безусловно, нет. Евреи были теми, кто дали русскому пролетариату зарю Интернационала, и не только дали, но и теперь ведут дело Советов, крепко находящееся в их руках. Мы можем быть спокойны, пока верховное командование Красной Армии находится в руках тов. Троцкого. Хотя среди рядовых Красной Армии евреев нет, но, находясь в комитетах, в советских организациях, и в командном составе, евреи ведут храбрые массы русского пролетариата к победе. Недаром при выборах во все советские учреждения евреи получают подавляющее большинство голосов. СИМВОЛ ЕВРЕЙСТВА, ВЕКОВАЯ БОРЬБА С КАПИТАЛИЗМОМ, СДЕЛАЛСЯ СИМВОЛОМ РУССКОГО ПРОЛЕТАРИАТА, что видно из принятия красной пятиконечной звезды, которая, как известно, в старые времена являлась символом сионизма и еврейства. Под этим знаком придет наша победа и смерть тунеядцам-буржуазии. За те слезы, которые пролило еврейство, она заплатит кровавым потом».

Из статьи газ. «Чикаго трибюн», 19 июня 1920 г.

ТРОЦКИЙ

Из всех вождей это был самый ненавистный для Ежова.

Николай Иванович знал, что Троцкий появился в Петрограде позже Плеханова и Ленина. Причина задержки — внезапный арест в Галифаксе. Но вот что странно: Троцкого снимала с борта парохода не канадская полиция, а сотрудники британской секретной службы. Почему? С какой целью? Все свидетельствовало о том, что в Галифаксе Троцкий и его сторонники, плывшие в Россию, проходили последний секретный инструктаж.

Привычка Ежова брать все любопытное на карандаш сделала его обладателем целого блокнота высказываний Троцкого относительно той роли, которую ему предназначалось сыграть в новой истории России.

Еще на заре своей антирусской деятельности в 1905 году, направляясь в Россию за обширной пазухой своего наставника Парвуса, Троцкий хвастливо декларировал свое национальное превосходство: «Среди русских товарищей не было ни одного, у кого я мог бы учиться. Наоборот, я сам оказался в положении Учителя». И добавлял: «Только Гению дано исправить то, что недоучел сам Создатель».

Арестованный в том году и сосланный в Сибирь, он глядел на бескрайние русские пространства и желчно изрекал:

«Она, в сущности, нищенски бедна — эта старая Русь... Стадное, полуживотное существование...»

Вскоре ему удался побег из ссылки, он снова оказался на милом его сердцу Западе, среди своих, и его представления об окружающем мире оформились в такую глубокомысленную сентенцию: «Настоящим пролетариатом, не имеющим Отечества, является только еврейский народ!»

Второе появление Троцкого в России, как уже указывалось, вознесло его в ранг диктатора. Он изрекает: «Искусство полководца состоит в том, чтобы заставить убивать неевреев нееврейскими руками».

Речь идет, как легко догадаться, о гражданской войне, о беспощадном истреблении русскими русских.

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которой мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупные банкиры из-за океана будут работать в тесном контакте с нами. Если мы выиграем Революцию, раздавим Россию, то на погребенных обломках укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть! Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного со-

стояния. А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы, Орши, Винницы и Гомеля — о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть все русское! С каким наслаждением они уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, академиков, писателей...»

Декрет об антисемитизме... «Красный террор...» Охота на «русских фашистов»...

И все же Троцкий постоянно ощущает под ногами вулканное клокотание народного гнева.

«Русские — социально чуждый элемент в России. В опасную для советской власти минуту они могут стать в число ее врагов».

Итак, новая власть более всего опасается... своего народа! Идеальная территория для успешного освоения — мертвая зона. Так поступили евреи на земле Ханаанской, так удалось освободить от индейцев американский материк. Так, в конце концов, будет и с Россией. Мало окажется пулеметных очередей — свое слово скажет Голод (такой, как в древнем Египте).

Когда к Троцкому явилась делегация церковно-приходских советов Москвы и профессор Кузнецов стал говорить о небывалом голоде, диктатор вскочил и закричал:

— Это не голод. Когда Тит осадил Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда я заставлю ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете прийти и сказать: «Мы голодаем». А пока вон отсюда! Вон!

Изучая мутное «Зазеркалье» обоих «русских революций» (1905 и 1917 гг.), Ежов обратил внимание на поразительное сходство ситуаций: и тогда, и теперь Троцкий непременно становился во главе столичного Совета депутатов. Именно он, а не Плеханов и не Ленин, чьи имена знал каждый деятель европейской социал-демократии. Секрет такого лидерства объяснялся просто: при Троцком всегда находился властный руководитель, направлявший каждый его шаг.

Если теперь его протащил на капитанский мостик зажившийся в Петрограде Уильям Томпсон, то в 1905 году его привез в Россию и поставил во главе Совета человек не менее загадочный и властный.

Это был известный международный гешефтмахер, миллионер, сделавший свое состояние на самых темных сделках, - Александр Парвус.

Александр Парвус (он же — Израиль Гельфанд) был на 16 лет старше Лейбы Троцкого-Бронштейна. Начинал он еще с «Народной воли» и чуть не поплатился жизнью от руки своих суровых товарищей по террору — оказался нечист в делах... Будучи народовольцем, он высмотрел и обласкал молоденького Троцкого, учащегося одесского реального училища Святого Павла. Отдавая дань тогдашней моде, Троцкий разгуливал по улицам в сине-красной блузе, с «морковкой» галстука. Он писал стихи, рисовал, принимал участие в скандальных выходках. Выгнанный из училища за хулиганское поведение (свистнул на уроке), недоучившийся реалист на деньги отца отправился в Европу. Там пути Парвуса и Троцкого то сходились, то расходились. Долгое время Парвус занимался мелким факторством. Троцкому он объявил: «Я ищу государство, где можно по дешевке купить Отечество». В конце концов он остановил свой выбор на Германии.

Страдая чрезмерным ожирением, Парвус передвигался вперевалку, он весил полтора центнера. Несмотря на крайне отталкивающую внешность, слыл отчаянным шармером и предпочитал пылких итальянок. Естественно, привлекательность этому слону в отношениях с прекрасным полом придавали исключительно большие деньги.

Приучая Троцкого к политике, Парвус познакомил его со своей любовницей Розой Люксембург и ввел в дом Каутского.

В 1903 году судьба свела Парвуса с Максимом Горьким. Писатель, встретившись с ним в Севастополе, выдал ему доверенность на получение гонораров за постановки пьесы «На дне» в европейских театрах. Возле мясистого задышливого Парвуса увивался человечек рыженькой местечковой масти — Ю. Мархлевский. Деньги Горького, по уговору, должны были пойти на революционную работу. Писатель впоследствии горько сетовал на свою доверчивость: получив по доверенности 130 тысяч марок, слоноподобный Парвус прокутил их в Италии.

Карл Маркс уверенно смотрел в будущее. Первой страной, которая ступит на стезю коммунизма, он наметил Англию. Однако британцы еще несколько веков назад исчерпали свой лимит на революции и приложили много сил (в лице своих спецслужб), чтобы разжечь этот «антонов огонь» в отсталой России. Действовали они проникновенно, с большим искусст-

вом. Лорд Керзон признавал: «Они (русские) превосходные колонизаторы. Их добродушие обезоруживает побежденных. У них устанавливаются отношения, которые нам, англичанам, никогда не удавались!»

В 1905 году во время первого антирусского восстания («первая революция») Парвус появился в Петербурге. Он привез с собой Троцкого (ему в том году исполнилось лишь 25 лет и он, как политический функционер, был совершенно неизвестен). Зато у него имелась влиятельная родня. Его дядя, Абрам Животовский, заправлял в «Русско-Азиатском банке». Племянник Абрама, сын его брата Тевеля, был женат на сестре Мартова, близкого друга Ленина. Через Животовских, а также через свою вторую жену Троцкий имел родственные связи с такими воротилами финансового мира, как братья Варбурги, Якоб Шифф, Герман Леб и др.

В охваченном брожением Петербурге Парвус и Троцкий возглавили новое революционное правительство России — Совет рабочих депутатов. Состав этого невиданного «кабинета министров» был как на подбор: Гельфанд, Бронштейн, Бревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Брулер. Царь терпел этот нахальный орган местечковой власти у себя под боком в течение почти двух месяцев. Терпел бы, видимо, и дольше («Ничего, их Боженька накажет!»), если бы Парвус и Троцкий не поспешили обнародовать самый ударный декрет своего «кабинета» — так называемый «финансовый манифест». Это был призыв к населению России не платить налогов и требовать от правительства выдачи зарплаты не бумажными деньгами, а золотом. Одним словом, руки новоявленных правителей из Совета жадно потянулись к государственной казне, к вожделенному золотому запасу империи. Только после этого законная власть пробудилась от спячки и прихлопнула Совет. Арестованные и осужденные к ссылке в Сибирь, Парвус с Троцким совершают побег, скрываются за границей и на некоторое время их дороги расходятся.

Парвус очутился в Турции и занялся поставками на армию. Он покупал хлеб в Германии, а сахар на Украине. Довольно часто вступал в противоречия с законами (в Киеве — дело банкира Бродского). Затем Парвус вдруг зачастил в Салоники, где еврейская группа «младотурков» пестовала своего лидера Ататюрка. Гешефты Парвуса свели его с крупным международным

торговцем оружием Базилем Захаровым, а впоследствии и с самим Альфредом Круппом.

Богатея, расширяя связи, Парвус постепенно «освоил» для Германии нейтральную Швецию, очень удобно расположенную сбоку. Кажется, он в самом деле обрел свое Отечество.

Известная революционерка Клара Цеткин называла Парвуса «сутенером империализма, который продался германскому правительству».

Германия стала постоянной сферой делового обитания Парвуса. Отсюда, из Мюнхена, он часто наезжает в Швейцарию, где его, пользующегося репутацией старого «народовольца», тепло принимают революционные эмигранты из России. Здесь, в Мюнхене, он знакомится с Лениным, и отношения у них устанавливаются настолько теплыми, что Ленин с Крупской одно время гостят в доме Парвуса.

Это было время, когда немецкие секретные службы носились с идеей суверенитета Украины. Имелся план разлома России на куски по национальному признаку. Первой должна была отделиться Малороссия. Парвус принимает активное участие в создании «Союза визволення Украини». Эта организация будущих бандеровцев щедро финансировалась из немецкой кассы. Часть средств Парвус направляет Ленину: в частности, 5 тысяч долларов на издание газеты «Социал-демократ».

В 1911 году, поздним летом, Троцкий направляется своим учителем в Россию, в Киев. 1 сентября агент охранки М. Богров убивает Столыпина. Билет в театр, где совершилась эта показательная публичная казнь премьер-министра, Богров получил из рук полковника Кулябко, начальника киевского охранного отделения. А накануне Богров виделся с генералом Курловым, главой российской охранки. В тот вечер, когда Богров стрелял в Столыпина, Троцкий сидел в кафе напротив театра и чего-то ждал, нервно пощипывая бороденку.

В следующем году, когда в Праге работала партконференция большевиков, Парвус создает «Верховный Совет народов России» (секретари: Керенский, Терещенко, Некрасов). Дело движется к развязыванию Большой войны в Европе.

Парвус не питал доверия к таким гигантским катаклизмам, как войны. Он был сторонником (и специалистом) тихих потрясений. В 1912 году он появился в Германии и добился встречи

с генералом Мольтке и с министром Ратенау. Растолковав им, что революции гораздо выгоднее войн, но что эти революции требуют хороших денег, он предложил выложить на бочку 5 миллионов золотых марок.

У генерала Мольтке насмешливо зашевелились закрученные усы:

— Уж не собираетесь ли вы, господин Парвус, стать русским царем?

Ответом было ледяное заверение:

— Зачем — я? У меня есть замечательный друг. Он и будет со временем царем в России.

Разговор тогда ни к чему не привел. Нахального Парвуса попросту спровадили... Вспомнили о нем лишь в 1915 году, когда над Германией нависла угроза военного поражения. Парвуса решили испытать.

На Балтийском судостроительном заводе готовился к спуску линейный корабль. Это была мощная плавучая крепость с орудиями 14 дюймов. На эти орудия немецкие заказчики и обратили внимание Парвуса. Изготавливались они на Обуховском заводе — там была сооружена специальная линия.

Если сможете, господин Парвус, уничтожьте эти орудия.

Ничего нет проще, господа!

Через две недели на Обуховском заводе возникли рабочие беспорядки. Пролетарии зачем-то принялись крушить новейшую линию, где изготавливались корабельные орудия.

Первый экзамен Парвус таким образом выдержал с блеском.

В начале 1915 года Парвус встретился в Турции с германским послом и заявил ему, что интересы Германии и русской революции совпадают полностью. Однако ранней весной началось большое наступление генерала Маккензена, и от предложения Парвуса отмахнулись. Вскоре, однако, о нем пришлось вспомнить. Парвус не проявил никакой обиды, но тон его на этот раз был жестким: революции стоят немалых денег, так что деньги на бочку, господа!

Взамен он положил на стол детально разработанный «Меморандум». В этом документе планировались массовые забастовки на Обуховском, Путиловском и Балтийском заводах (лозунги: «Мир и свобода!») и взрыв железнодорожных мостов на главных русских реках. В диверсионных планах

предусматривалось участие боевиков Уральской организации большевиков... Парвус также предлагал уже испробованные в 1905 году акции: поджог нефтяных скважин на Кавказе и разжигание национальной розни. Особенное внимание он уделил беспорядкам на «своей родной земле» — на юге Украины. При этом он рассчитывал на помощь Турции — в частности, ее военного флота у берегов Крыма и Кавказа.

«Меморандум» был одобрен без всяких замечаний.

29 декабря 1915 года Парвус выдал первую расписку о получении миллиона золотых рублей (банку Варбурга, в Гамбурге).

В тихом и благополучном Копенгагене внезапно появляется скромное учреждение: «Научно-исследовательский институт для изучения последствий войны». Он обзаводится филиалами в Швеции, Турции и, естественно, в Германии. К деятельности института проявляет пристальный интерес полковник Николаи, руководитель германской секретной службы. В числе научных сотрудников института подвизается Ганецкий-Фюрстенберг, один из самых надежных связников Ленина (в советское время он становится заместителем наркома иностранных дел). К концу войны денежные обороты института достигают 22 миллионов марок.

Лето 1917 года. Первые месяцы после падения самодержавия проходили в обстановке политического и хозяйственного хаоса. Армия разваливалась, промышленность останавливалась. Временное правительство судорожно дергалось и день ото дня теряло полноту власти. Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов неторопливо, но основательно завладевал влиянием в главном городе страны, опираясь на массы разнузданной тыловой солдатни и на рабочие отряды, сформированные на всех крупных заводах столицы (так называемая «Красная гвардия»).

В конце августа Россия была потрясена отчаянным воззванием Керенского («Всем, всем, всем!») о мятеже генерала Корнилова, Верховного главнокомандующего русской армии. Боевой заслуженный генерал будто бы возмутился угнетающим положением в стране, снял с фронта боевые части и двинул их на Петроград: железной рукою наводить порядок. Мятеж однако не продержался и дня и был ликвидирован в самом зародыше. Кем, какою

силой? Пустозвоном Керенским, щеголявшим в те дни в ярко-желтых сапогах с серебряными шпорами.

Николай Иванович Ежов к своему изумлению внезапно обнаружил, что никакого мятежа Корнилова не было и в помине. Керенский по чьему-то наущению прибегнул к грубой провокации, заставив Россию вздрогнуть от ожидания генеральского террора. В результате этой провокации удалось вооружить отряды «Красной гвардии», главное же — взять под арест всех боевых русских генералов, обезглавив армию, все еще сидевшую в окопах против немцев.

После «Корниловского мятежа» Керенский окончательно уступил Троцкому реальную власть в России. В эти дни военный министр Временного правительства Верховский (родственник Керенского) вынужден был с горечью признать на заседании кабинета: «Господа, у нас нет армии!» Военная сила, а точнее — сотни тысяч тыловых солдат, оккупировавших Петроград, и отряды вооруженной из государственных арсеналов «Красной гвардии» целиком и полностью подчинялись столичному Совету, а конкретно — Троцкому.

Очередное узнавание Ежова касалось бурных дней, вошедших в Историю под названием Великого Октября. Главным событием подавался штурм Зимнего дворца, где до последнего часа заседало Временное правительство. Сигналом к штурму якобы послужил выстрел из носового орудия «Авроры». Об этом писались книги, снимались фильмы, ставились спектакли.

Как же выглядели революционные события на самом деле? Штурм Зимнего дворца действительно состоялся, только без выстрелов и крови. Перепуганное правительство безропотно дало себя арестовать и поплелось через мост в Петропавловскую крепость садиться в камеры Алексеевского равелина.

Случилось это в ночь на 26 октября.

Однако тремя днями раньше Троцкий, руководимый Томпсоном из номера отеля «Франция», совершил легкий захват Петропавловской крепости. Обосновавшись там со своим личным штабом, Троцкий превратил крепость в центре Петрограда в настоящую боевую цитадель. Оттуда он стал уверенно направлять события тех исторических дней. В частности, судьбоносное заседание Второго Всероссийского съезда Советов проходило под его властную диктовку.

Так что штурм Зимнего дворца по большому счету был не нужен, а выстрел «Авроры» (кстати, не холостым, а боевым снарядом) прозвучал, можно сказать, лишь для учебников Истории.

В свете этого становится понятно, почему у власти оказался Троцкий, но не Ленин.

А в России, сбросившей и царя, и Керенского, воцарился отнюдь не ленинизм, а троцкизм!

Первое назначение Троцкого в республике Советов — народный комиссар иностранных дел. В одночасье он становится вровень с полномочными представителями великих стран планеты.

Несмотря на свержение самодержавия, Россия продолжала находиться в состоянии войны с Германией, а следовательно и в союзничестве с Францией и Великобританией.

Переговоры в Брест-Литовске явились первой крупной акцией Смольного. Правительство республики Советов объявило на весь мир, что более воевать не намерено. В январе наступившего года в пограничный Брест-Литовск отправилась полномочная делегация во главе с наркомом иностранных дел Троцким. Он, пока шло утрясение протокольных вопросов конференции, держался с подчеркнутой независимостью. С его вывороченных губ не сходила снисходительная усмешка.

...Как рассчитывал Троцкий, так и получилось: у его партнеров по переговорам, у всех этих отчаянно фальшивящих людей, прекратилось всякое шевеление, даже дыхание остановилось. Устами наркома иностранных дел советская сторона надменно заявила:

— Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем!

Немецкие генералы разинули рты от изумления. По сути дела их приглашали продолжить наступление в глубь России, пообещав не оказывать никакого сопротивления!

В довершение советская делегация в оскорбительном тоне прервала переговоры и в тот же день демонстративно покинула Брест.

Не успел Троцкий вернуться в Петроград, как немцы фурией кинулись на заброшенные позиции русской армии и чуть ли не парадным маршем стали захватывать одну губернию за другой. Снова, уже в который раз, в этой изнурительной войне они получили неожиданную помощь. Восточный «горчичник» в мгновение ока превратился в источник богатейшего снабжения

сырьем и продовольствием. С таким тылом немецкие генералы восприяли духом и вновь устремили взгляды на Париж.

Поведение Троцкого в Бресте смахивало на обыкновенное предательство. Слабая неопытная власть республики Советов получила смертельный удар. Армии не существовало, оказывать сопротивление нашествию было совершенно нечем. В течение одной недели немцы заняли Минск, Полоцк, Оршу, Юрьев, Ревель. В Петрограде началась паника. ВЦИК и Совнарком заседали беспрерывно. В Смольном кипели страсти. «Левые коммунисты» выступили с заявлением, которое отказывался принимать рассудок: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным согласиться на временную утрату советской власти». Их поддержал «сам» Троцкий: «Жили под царем, жили под Керенским — поживем и под немцем. Ничего страшного. Работа в подполье нам знакома». На трибуну выскочил Бухарин: «Наше спасение в том, чтобы массы на деле познали, что такое германское нашествие. Узнав, массы начнут священную войну!»

На Ленина было страшно смотреть. Он понял, что стал жертвой подлого обмана. Немецкая армия не удовлетворилась Эстонией и Латвией. Реальная угроза возникла Петрограду и Москве. Совнарком по настоянию Ленина провозгласил лозунг: «Отечество в опасности!» На крупных столичных заводах тревожно заревели гудки.

В Брест снова выехала делегация из Петрограда, на этот раз без Троцкого. Возглавлял ее Сокольников-Бриллиант. Он и подписал «архипохабный» Брестский мир.

Условия Брестского мира были унизительными, издевательскими. Германия получила более миллиона квадратных километров территории России (примерно с третью населения), треть железных дорог, две трети железной руды и почти всю угольную промышленность. На южных рубежах Россия уступала Батум, Карс и Ардаган. Республике Советов запрещалось иметь армию и флот. Ее морские порты открывались для свободного вывоза леса и разнообразного сырья. Кроме этого советское правительство обязывалось выплатить германским банкам 6 миллиардов марок контрибуции.

Таков был «подарок», который преподнес революционной России ее нарком иностранных дел Троцкий-Бронштейн!

Троцкий после «подвига» в Бресте оставил пост наркома иностранных дел и получил не менее важное назначение — председателем Реввоенсовета (по сути, военного министра). Его предательство на переговорах с немцами было поставлено ему в заслугу! Первым делом он приглашает к себе Фрэнсиса и обращается к нему с просьбой откомандировать в Россию несколько американских офицеров «для инспекции», как он выразился, молодой советской армии. Мало того, он просит посла обратиться к государственному секретарю Лансингу с предложением назначить в Россию «хорошо выбранного администратора» — желательно бы Баруха.

Последнее возымело действие: в Вашингтоне мгновенно прикинули все выгоды тотального администрирования молодой советской бюрократии.

Что для этого необходимо? Лучше всего — голод, повальный голод! Тогда вполне уместно наводнить страну эмиссарами гуманитарной организации по доставке продуктов питания. Во главе этой организации (ее назвали АРА) был назначен Г. Гувер, один из деятелей секретной службы.

Пока же, до организации голода, Палата военной торговли США засадила за работу молодого сотрудника Дж. Ф. Даллеса, поручив ему набросать наметки «конструктивного плана экономической помощи» русскому народу, попавшему вдруг в такой тяжелый исторический переплет.

Помощь... Помогал и Сесиль Родс чернокожим африканцам, прежде чем дать освоенной провинции свое звучное имя. Для этой помощи потребовались пулеметы «Максим». Не обойтись без пулеметов и в «русской Родезии». Следовательно, необходимо присутствие хотя бы ограниченного контингента американских войск.

После отъезда американской миссии бельэтаж отеля «Франция» пустовал недолго. Вскоре английская речь в нем сменилась немецкой. Столичная гостиница стала пристанищем персон, щеголявших в отличие от рыхловатых американцев военной подтянутостью, выправкой.

Начиналось «германское направление» в развитии русской катастрофы.

Гостиница «Франция» находилась под пристальным вниманием. Служба наблюдения, только начинавшая свою историю в

системе ВЧК, сумела засечь несколько потаенных встреч немцев с некими Залкиндом и Фейербендом. Удалось установить также, что в разговорах между собой приехавшие несколько раз упомянули какого-то «Кузьмича». Скорей всего, это была агентурная кличка. Установить, кто под этим именем скрывался, тогда не удалось.

Обращала на себя одна особенность в поведении гостей: они охотно шли на контакты с представителями русских офицерских организаций, действовавших в подполье. Вскоре, однако, все эти неосторожные белогвардейцы оказывались на Гороховой, в подвалах ВЧК.

Визит гостей из Германии в Россию принес весомые плоды. Одна из крупных берлинских газет оценила эту поездку так: «Германскому капиталу предоставлялось исключительное право участия в развитии угольной, металлургической, нефтедобывающей, машиностроительной, химической и фармацевтической промышленности. Предусматривалось также, что частные банки будут действовать в России только с согласия союза германских банков с продажей их акций на биржах через «Дойче-Банк». Немецкие банки оставляли за собой право контроля за состоянием русской экономики».

Брюс Локкарт, английский разведчик, оставленный в России за старшего дипломатического представителя западных держав, проводит серию летучих конфиденциальных встреч. 29 февраля он сидит в кабинете Ленина и ведет разговор о грабительских условиях немцев. Советская делегация сейчас находится в Бресте и пытается уговорить генерала Гофмана не настаивать на чрезмерных требованиях. Локкарт предлагает тайный сговор. Германская военщина должна почувствовать, что большевики не так уж одиноки в мире. Пусть протрут глаза и убедятся: в случае чего им придется воевать не только с русскими! Рискнут они на это? Едва ли... Ленин соображает быстро.

— Скорей всего, мы согласимся принять и военную помощь.

Локкарт уходит удовлетворенный. Интервенция по приглашению может начинаться.

6 марта, спустя три дня после Брестского мира, английские и американские морские пехотинцы вступили на северную русскую землю.

Всего ближе к Америке находился русский Дальний Восток. Едва не стало царя, туда, во Владивосток, почти одновременно с японскими военными судами примчались и американские крейсера. Началось открытое соперничество двух хищных держав за дележ богатого пирога.

Тем временем в Версале под Парижем собрались государственные мужи почти всех стран планеты. Они именовались победителями в Первой мировой войне. Присутствовали даже такие экзотические страны, как Гондурас и Гватемала.

Не было в зале конференции лишь одной России. Страна, положившая на полях сражений миллионы жизней, израсходовавшая все свои ресурсы, оказалась в числе побежденных. Так решили ее коварные союзники по Антанте.

Главными победителями на Версальской мирной конференции держались американцы, совсем не воевавшие. Впрочем, по своему обыкновению Соединенные Штаты «воевали» золотом, щедро давая займы обеим сражающимся сторонам в Европе.

Конференция в Версале заложила фундамент Лиги Наций, организации, призванной устранить военное разрешение любых конфликтов.

Решив судьбу белогвардейских генералов, финансисты утвердили деловой подход к новому назначению России:

«Гигантский российский рынок надлежало захватить и превратить в техническую колонию, которая будет эксплуатироваться немногими мощными американскими финансистами и подконтрольными им корпорациями».

Откровеннее не скажешь...

У банкиров отработаны свои приемы. В Нью-Йорке открылось московское представительство под вывеской «Советское бюро». Требовалась такая же контора и в Москве. Называть ее «Американское бюро» совершенно не годилось. Для переговоров в Кремле прибыли специалисты из «Гаранти траст».

Собственно переговорами такие встречи называть нельзя. Гости из-за океана вели себя в Москве, словно в покорном бандустане. Троцкий, срочно переключившийся на военные проблемы, оставил на Кузнецком мосту, в наркомате иностранных дел, хорошо сколоченный коллектив — «Пресс-бюро наркома». В его состав входили Карл Радек, Борис Рейнштейн, Луиза Брайант, Альберт Рис Вильямс и Жак Садуль. Позднее к ним

прибавится еще и Робер Майнор, известный американский художник-карикатурист. В полном контакте с этой иностранной публикой станут работать Джон Рид и Александр Гомберг-Грузенберг. На них будут возложены обязанности курьеров. В дипломатическом багаже они перевезут к себе в Америку многие центнеры разнообразных русских сокровищ.

Гости из «Гаранти траст», приехавшие в Россию, считались специалистами по финансам. Они получили подробные инструкции Гарримана. Кроме того, у них на руках имелось конфиденциальное письмо, отправленное прошлой осенью У. Томпсоном британскому премьеру Ллойд Джорджу.

«В России необходимо создать мощный неофициальный комитет со штаб-квартирой в Петрограде для действий, так сказать, на заднем плане. Комитет должен иметь такой состав, чтобы сделать возможным наделение его широкими и разнообразными полномочиями. Характер их станет очевидным в процессе выполнения задач».

Речь шла, таким образом, о создании руководящего центра на месте событий, в России. И такой центр (штаб-квартира) был немедленно организован. Учреждение было названо скромно — так, как посоветовал опытный мистер Гарриман: «РОСКОМБАНК».

На языке финансистов «Роскомбанк» займется тем, чтобы «возродить валютное обращение в России». На самом же деле речь шла о выкачивании ресурсов завоеванной страны и о том, чтобы по этому процессу не возникало никаких помех. Главный агент Запада, Лев Троцкий, снисходил до личного вмешательства в махинации «Роскомбанка», властно улаживая любые «недоразумения» финансистов с советскими властями.

Авторитет Троцкого в ту пору был непререкаем, он считался (и почитался!) создателем Красной Армии и организатором всех ее побед на фронтах гражданской войны. Карл Радек, входивший в «Пресс-бюро при наркоме иностранных дел», выпустил книгу, восторженно воспев военные таланты своего кумира.

Николай Иванович Ежов сам был солдатом и о военных делах судил не понаслышке. Он ворошил сохранившиеся документы и все больше убеждался в том, что военная слава Троцкого — очередной миф о непревзойденных дарованиях этого политического проходимца.

Заняв в республике Советов высший военный пост, Троцкий продолжил ту же разрушительную политику, что и в наркомате иностранных дел. Международными делами он занимался всего четыре месяца, однако и за этот короткий срок сумел «подарить» немцам Украину, Крым и Дон.

Следующий шаг на военном поприще Троцкий сделал, приступив к организации личного поезда (по примеру Николая II). В первоначальном виде эта крепость на колесах состояла из 12 вагонов. Обслуживали поезд 232 военнослужащих, в основном, латыши. Для них были сшиты специальные костюмы из черной кожи, на рукавах они носили металлические эмблемы, изготовленные на Монетном дворе. Помимо охраны в поезде имелась многочисленная обслуга: врачи, шофера, связисты и большое количество стенографисток (подбор девушек поражал контрастностью: яркие блондинки и брюнетки. Таков был вкус диктатора).

30 хорошо подобранных музыкантов составляли личный оркестр председателя РВС.

При персоне военного «министра» постоянно состояли два комиссара: П. Смидович и С. Гусев-Драбкин (предок нынешнего главного редактора «Московского комсомольца»).

При поезде имелись ревтрибунал и расстрельная команда (тоже из латышей).

Экипаж поезда получал гигантскую зарплату, в четыре раза больше обыкновенной.

Походный гараж диктатора насчитывал 10 автомобилей хороших заграничных марок. Впоследствии поезд пополнился еще и двумя самолетами. Прежде чем отправиться в первую поездку, Троцкий сформировал свой Полевой штаб. Он разместил его в Серпухове. Этот подмосковный городок стал подлинной вотчиной Эфроима Склянского, заместителя Троцкого. Бывший ротный фельдшер, Склянский во всем копировал своего начальника. Он носил такое же пенсне, отпустил бородку и щеголял в начищенных сапогах с необыкновенно высокими каблуками. На его столе, заваленном сводками с фронтов, постоянно стояло небольшое зеркальце. Отчаянный щеголь, он любил полюбоваться самим собой.

Постоянно пребывая в Серпухове, Склянский сносился от имени Троцкого со всеми важными московскими учреждения-

ми, а также оформлял в виде приказов Полевого штаба указания своего патрона.

В своей «боевой» деятельности Троцкий намеревался применять не только кнут, но и пряник. Поэтому в кладовых поезда имелось громадное количество изделий из золота: часы, перстни, цепочки с кулонами. Кроме того, был сделан запас хороших шоколадных конфет: более 180 пудов.

Тронувшись с Казанского вокзала, личный поезд председателя Реввоенсовета по «зеленой улице» примчался на Восточный фронт и остановился на правом берегу Волги, в г. Свияжске. Напротив, на левом берегу, лежала Казань, недавно занятая белогвардейцами. Падение Казани и заставило Троцкого уехать из Москвы.

Сначала вдоль перрона с мягким стуком проползла громадина бронепоезда. Не останавливаясь, он вышел за семафор и, сбавляя ход, дал продолжительный гудок. Показался поезд Троцкого. Замелькали старорежимные нарядные вагоны с занавесками на окнах. Оркестр торжественно заиграл «Интернационал».

В шинели до пят, в зеленой фуражке, надвинутой на самые глаза, Троцкий спустился на перрон. Его встречало все местное начальство. Военные застыли с руками под козырек. Не обратив на них внимания, Троцкий медленно направился к пыхтевшему паровозу. Там он энергично пожал руку машинисту: «Революционное спасибо, товарищ!» После этого грозно глянул сквозь пенсне на встречавших и, мотнув головой, пригласил всех в штабной вагон. Приказ его был страшен. В 4-м Латышском полку были расстреляны все члены полкового комитета. В Петроградском пролетарском полку Троцкий, начитавшись Цезаря, применил децимацию — расстрелял каждого десятого красноармейца. Особенно жестокая кара постигла полки из мобилизованных казанских татар: из пулеметов там расстреливали всех подряд.

Никчемный руководитель, не умеющий даже читать обыкновенной штабной карты, Троцкий признавал единственное средство военного руководства — страх.

Лариса Рейснер, журналистка, его тогдашняя любовница, приехавшая с ним под Казань, с упоением писала: «Мы убивали их, как собак!»

Массовые расстрелы породили панику и ужас. Местное командование оцепенело. Красная Армия теряла маневренность, дерзость, инициативу. Наездов Троцкого стали бояться сильнее, нежели наступления белогвардейских генералов.

Руководящее присутствие председателя Реввоенсовета в Свияжске завершилось торжественным открытием памятника Иуде Искариоту. Митинг начал председатель местного Совета, долговязый рыжий еврей с жиденькой бородкой. Отчаянно картавя, он произнес речь о Каине и Люцифере, об их страданиях от человеческой несправедливости. Иисуса Христа он назвал «падалью, зарытой в куче нечистот». Иуда первым обличил его и отдал в руки правосудия. За этот свой поступок он на протяжении 20 веков преследовался и презирался человечеством. Ныне наступило время справедливости. Предтеча мировой революции, Иуда Искариот сбрасывает гнет презрения и ненависти и становится настоящим маяком на дороге к светлому будущему.

Комиссар бронепоезда Долли, шансонетка из Ревеля, разрезала ленту. Упало покрывало и глазам собравшихся открылась угловатая фигура совершенно нагого человека, изваянного из буро-красного гипса. Человек мучительно тянулся к небу и разрывал на шее затянутую веревочную петлю.

Оркестр грянул марш, и мимо изваяния, чеканя шаг, прошли два полка.

Жестокость, беспощадность стали основой «полководческой стратегии» Троцкого. Фронтовые командиры бледнели при одном слухе о налете поезда председателя Реввоенсовета.

Особенное возмущение бойцов вызывали скорые и безжалостные расправы особых отделов. Если попал туда — пиши пропало! Повальные расстрелы объяснялись борьбой за дисциплину.

Троцкий, словно доказывая свою иноземность, с особенным старанием формировал полки интернационалистов. Состояли они из австрийцев, мадьяр, китайцев, латышей и калмыков. Эти части были незаменимы при карательных экспедициях и ничего не стоили в боях. Иноземный сброд стремился только грабить и убивать, но никак не умирать на чужой земле, за чужое счастье.

Николай Иванович Ежов с головой окунулся в грозовую атмосферу 1918 года, когда советская республика изнемогала не только от интервентов, но и от расстрельной деятельности

Троцкого. Изучая фронтовые сводки, он впервые соприкоснулся с доказательствами непримиримой вражды Сталина и Троцкого. Получив партийное поручение наладить хлебное снабжение республики, Иосиф Виссарионович превратился еще и в руководителя героической обороны Царицына. К этому городу на Волге белые генералы стянули свои лучшие войска. Рабочие полки держались из последних сил. Троцкий из своего поезда слал бешеные распоряжения. Сталин их не принимал в расчет. Коса нашла на камень. Бедному Ленину приходилось напрягать все свои способности, чтобы притушить эту пылающую злобу.

Отвечая на ленинские телеграммы, Иосиф Виссарионович уверял, что фронт под Царицыном держится не благодаря приказам Троцкого, а вопреки таковым (к сожалению, и это Сталин знал, Троцкого всецело поддерживал такой всесильный человек, как Свердлов).

Сталин искренне возмущался тем, что фанфаронистый председатель РВС всячески третирует командиров, выдвинутых из солдатской массы. Эти люди вызывали у него брезгливость своим простонародным видом, отсутствием белья и отвратительной привычкой сморкаться, приставив палец к носу... Сталину ничего не оставалось, как защищать их всем своим авторитетом, всей своей властью. Буденный, Ворошилов, Щаденко, Кулик, Пархоменко, Кочубей, Жлоба, Ковтюх... Революция позволила проявить этим людям талант военачальников.

Стараниями Троцкого Красная Армия продолжала раскалываться надвое.

В Полевом штабе республики, в Серпухове, появилась новая должность — Главнокомандующий. На этот пост Троцкий назначил царского полковника И. Вацетиса, латыша, плохо говорившего по-русски и откровенно презиравшего русского солдата. Своим первым приказом по войскам Вацетис снял с Восточного фронта латышский полк и перебросил его в Серпухов, на охрану Полевого штаба (этого потребовал Склянский, опасаясь за свою безопасность). Итогом этой срочной передислокации явился очередной успех Колчака, взявшего Симбирск, родной город Ленина.

Командующий Восточным фронтом С.С. Каменев, также полковник царской армии, возмущенно телеграфировал в Москву, что лихорадочные распоряжения Реввоенсовета и Поле-

вого штаба направлены, скорей всего, не на разгром Колчака, а на его спасение. Иначе, чем объяснить приказ Главкома остановить наступление 5-й армии на реке Белой и прекратить преследование бегущего противника? Каменев также доложил, что бригада Сапожкова, поднявшая мятеж против советской власти, на каком-то основании продолжает снабжаться из арсеналов и продовольственных баз Красной Армии.

За свою строптивость командующий Восточным фронтом был снят со своего поста и вызван в Москву. Дело запахло трибуналом. Вмешался, однако, Ленин и употребил всю свою власть, чтобы восстановить Каменева в прежней должности... Несколько месяцев спустя Вацетиса удалось спихнуть с поста Главкома. На его место был назначен Каменев.

Очередным ударом по авторитету Троцкого было решение перенести Полевой штаб из Серпухова в Москву. Затем был создан Совет Рабоче-Крестьянской Обороны. Его возглавил Ленин. Своим заместителем он назначил Сталина. Троцкий возмутился тем, что Реввоенсовет теперь обязан подчиняться не только Ленину, но и Сталину.

— Не забывайте, Лев Давидович, — сухо заметил ему вождь, — что интересы нашей армии близки не только вам одному. Что же, Красной Армией станут командовать через мою голову? Партия и Центральный Комитет имеют на это полное право!

К таким разговорам Троцкий не привык. В ответ он, ничего не объясняя, самоустранился от руководства Реввоенсоветом и с оскорбленным видом заперся в своем надежно укрепленном поезде.

Словно купчик в кураже, он предался безудержному разгулу. Стенографисткам и машинисткам выпали нелегкие дни. Их то и дело требовали «украсить компанию». Сам Троцкий переменял в течение дня нескольких утешительниц. Среди девичьего населения поезда удовлетворение похоти диктатора называлось «вызовами на допрос».

Неожиданный каприз председателя Реввоенсовета совпал с наступлением белых под Курском. Начинался рейд генерала Мамонтова по тылам Красной Армии. Конница Шкуро появилась под Чугуевым...

Фронтовые работники, занятые своим тяжким кровавым делом, ненавидели Троцкого. Его летучие наскоки порожда-

ли хаос и неразбериху, вносили дух уныния в войска. Там, где появлялся роскошный поезд председателя Реввоенсовета, начиналась череда бессудных и незаслуженных расстрелов. «Товарищ Маузер» был любимым инструментом этого нелепого выскочки с клочковатой бороденкой и безумными глазами за стеклышками старомодного пенсне.

Валентин Трифонов, донской казак, старый революционер и опытный армейский работник, пытался докричаться до Москвы, посылая в Центральный Комитет партии отчаянные письма.

«На Юге творились и творятся величайшие безобразия и преступления, о которых нужно во все горло кричать на площадях, но, к сожалению, пока я это сделать не могу. При нравах, которые здесь усвоены, мы никогда войны не кончим, а сами очень быстро скончаемся — от истощения. Южный фронт — это детище Троцкого и является плотью от плоти этого бездарнейшего организатора... Армию создавал не Троцкий, а мы, рядовые армейские работники. Там, где Троцкий пытался работать, там сейчас же начиналась величайшая путаница. Путанику не место в организме, который должен точно и отчетливо работать, а военное дело такой организм и есть».

Серго Орджоникидзе, зная Ленина давно и довольно близко, писал ему с фронта:

«Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством... Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого? Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо!»

Красная Армия создавалась и сражалась, изнемогая от борьбы не только с белогвардейцами, но и с собственным наполеончиком в пенсне.

ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЯ

Рядом с океаном не роют колодца.
Восточная мудрость

Ленину исполнилось 50 лет.

Неизбежная суета вокруг юбилейной даты раздражала председателя Совнаркома. Он считал дурным тоном выносить на широкую публику сугубо интимные события. К тому же и дела в республике не располагали к празднествам. В конце концов

его уговорили появиться в назначенный час в темно-вишневом зале Московского горкома партии в Леонтьевском переулке. Он пообещал, но с неохотой.

Заседание состоялось 23 апреля, с опозданием. Приглашенных было немного. Доклад сделал Каменев, вальяжный, благообразный, с размеренной профессорской речью. Луначарский, по обыкновению возбуждаясь от собственного красноречия, заметно оживил зал, заставил смеяться и смеялся сам, лоснясь крупным толстым носом... Ольминский со своим казенным задором партийного публициста составил выигрышный фон для следующего оратора — Максима Горького. Худой, сутулый, с выпирающими лопатками, Горький говорил взволнованно. Он искренне любил Ленина, хотя два года назад в своей газете «Новая жизнь» подвергал его жестокому разносу. Их примирило покушение на Ленина Каплан.

Искренность Горького была неподдельной. Иосиф Виссарионович внимательно смотрел, как старый больной писатель усаживается на свое место и возит смятым платком по неряшливым усам, пожелтевшим от никотина...

Внезапно в конце зала, в самых последних рядах, резко раздались аплодисменты. Люди стали оборачиваться и вскакивать на ноги. По проходу своей характерной пробежкой двигался Ленин — в наброшенном пальто, без головного убора. Жестом руки он утихомиривал все пуще бушевавший зал. Поднялся на ноги президиум. Подхватив полы пальто, Ленин легко взбежал и быстрым рыскучим взглядом отыскал сталинские глаза. Иосиф Виссарионович понял, что имеется настоятельная необходимость поскорее встретиться. Юбилейная говорильня, таким образом, выглядела досадной потерей золотого времени. Видимо, пока они тут славословили, произошло что-то существенное, важное. Уж не Врангель ли зашевелился в своем Крыму? Этого ждали...

На коленях Сталина лежал вчерашний номер «Правды», посвященный юбилею Ленина. На развороте, крупным «подвалом», помещена его, сталинская статья «Ленин как организатор и вождь РКП».

Из голенища сапога Иосиф Виссарионович достал записную книжку, раскрыл и вдруг закусил зубами кончик карандаша. Постойте-ка, а не поляки ли зашевелились? Последняя

разведывательная сводка сообщала, что в Варшаве появились и ведут с Пилсудским какие-то переговоры Петлюра и Савинков. Соединение таких персон — смесь достаточно гремучая!

Ленину пришлось выступить. Он поблагодарил за поздравления и стал говорить о дисциплине, об усложняющейся международной обстановке. Да, одолели и Деникина, и Колчака. Но Врангель! Но поляки! Война гражданская кончается и все заметнее маячит война с соседней державой. А за спиною Польши, и это не секрет, стоит Европа... да и только ли Европа?

Снова обрушились аплодисменты. Люди ринулись к сцене, к Ленину. Внизу бурлило множество счастливых улыбающихся лиц. Сутулый и нескладный Горький, выбрался из-за стола и зачем-то нес в руке стул. Ленин забрал у него этот стул и тут увидел поджидающего Сталина. Знакомым движением он тронул его за локоть и наклонился к уху:

— Едемте домой. Нам сейчас встретился самокатчик. Новости неважные...

Сталин угадал: неприятное известие, доставленное самокатчиком на трещавшей мотоциклетке, касалось Западного фронта. Две галицийские бригады внезапно взбунтовались, перебили командиров и комиссаров и перешли на сторону поляков. Стык между 12-й и 14-й армиями оказался оголенным.

В ленинском кабинете висела карта, огромная, чуть не во всю стену. Ленин, указывая место стыка, поднял руку, не достал и влез на табурет. Взглядом он пригласил и Сталина. Выбрав стул покрепче, Иосиф Виссарионович тоже влез. Неровная линия фронта на Украине была теперь перед глазами.

— Что Буденный? — поинтересовался Ленин.

О срочной переброске Первой Конной было решено еще позавчера. Загвоздка была в том, как перевезти такую массу конницы. Расчеты показали, что железная дорога не управится. Оставался старый способ — своим ходом. Послезавтра дивизии Первой Конной трогаются в путь на Украину из Ростова. Буденный обещает по дороге основательно прочистить районы, зараженные бандитизмом: вырубить и разогнать всех батек и марусек, нагло терроризирующих близкие тылы намечающихся фронтов.

Владимир Ильич знал, что отношение к Сталину среди сформировавшихся за границей эмигрантов, откровенно гово-

ря, неважное. Его не любили, им пренебрегали, ему пробовали грубить. Кое-кто делал попытку им даже помыкать. И тут же получал грубый оскорбительный отпор. Чувство собственного достоинства у кавказцев в самой крови. Нарвавшиеся на такой отпор возненавидели Сталина еще больше, ставя ему в упрек не только внешний вид и незнание иностранных языков, но и явную, по их мнению, примитивность ума и узость стремлений. Мнение, как считал Ленин, ошибочное в корне. Однажды, возражая, кажется, Свердлову, он сравнил порицаемую узость Сталина с узостью отточенного лезвия топора, предназначенного в отличие от обуха рубить, а не мозжить. Оттого-то «узкий» Сталин и был так незаменим при выполнении самых необходимых поручений...

Заседание Политбюро состоялось 28 апреля. За три дня до этого Пилсудский, сосредоточив в Украине три четверти своих военных сил, начал массированное наступление на Киев.

Поляки — давнишняя боль России, форпост католицизма на Востоке, агрессия латинян против православия. Всякий раз, когда Россия ослабевала, польские паны поднимали головы и вытаскивали из ножен дедовские сабли. Звон этих сабель слышали под стенами Смоленска, Пскова, Новгорода, услышали и ополченцы Минина и Пожарского, выбивая наглых захватчиков из древнего Московского Кремля.

Иосиф Виссарионович, работая над докладом, потребовал все материалы, так или иначе связанные с начавшейся интервенцией. Несколько раз он вызывал в Москву начальника Особого отдела фронта В.Н. Манцева, имевшего богатый и разнообразный опыт чекистской работы, в том числе и агентурной. К тому времени Сталин накрепко усвоил, что для побед в боях открытых, на полях сражений, необходим целый комплекс мер потаенных, скрытных. Без них успеха не видать.

Юзеф Пилсудский, возглавивший вторжение на Украину, в молодые годы состоял членом русской террористической организации. В марте 1887 года он был арестован за попытку покушения на жизнь Александра III. Юзеф Пилсудский, как самый молодой в террористической организации, получил пять лет Сибири и отбывал наказание в Александровском централе.

Испытания молодости сделали Пилсудского яростным ненавистником России и русского народа.

Имелся в жизни Юзефа Пилсудского один загадочный биографический провал: в 1900 году он почему-то оказывается в Петербургском сумасшедшем доме, а четыре года спустя, в самый разгар русско-японской войны, его след вдруг обнаруживается в Японии, где он вел активную работу по организации в тылу сражающихся русских войск «объемной повстанческой акции». После Японии его видели в Австрии, где он стал платным агентом полковника Редля, руководителя австрийской контрразведки (бывшего в свою очередь надежным агентом русской секретной службы).

Из секретных документов Иосиф Виссарионович обратил внимание на донесение самого Пилсудского, направленное Троцкому: предводитель польских легионеров предупреждал председателя Реввоенсовета о деталях наступательных планов Деникина. Помимо этого он раскрывал секреты своих отношений с Петлюрой, в частности, сообщал о прибытии в Украину первых отрядов так называемого «Еврейского легиона», сформированного в советской России по решению Московского съезда сионистов.

Серьезного внимания заслуживали сообщения о международных связях Пилсудского. Платный агент секретных служб Японии, Австрии и Германии, он в последнее время стал пользоваться покровительством еще и американцев. Прошлой зимой в Варшаву прибыла внушительная миссия АРА, организации по борьбе с голодом и эпидемиями. Пилсудский направил американцев на Западную Украину, во Львов. Вскоре туда, в этот опорный пункт секретников США, приехал капитан Купер, опытный летчик и разведчик. В эти дни польские легионы вторглись в пределы Восточной Галиции и Волыни, громя малочисленные соединения 12-й армии красных войск. Капитан Купер выразил желание отправиться в Архангельск, на встречу с высадившимися там англичанами, однако Пилсудский попросил его съездить в Париж и поискать там авиаторов, желающих заработать на войне поляков с русскими. Американцы пообещали Польше аэропланы, но не обещали своих летчиков. Их следовало поискать самим полякам. Париж, международный центр всевозможных проходимцев, являлся идеальным местом для вербовки «солдат удачи».

19 апреля две эскадрильи совершили первый налет на Киев. Две недели спустя польская армия заняла столицу Украины.

Раздуваясь от спеси, Пилсудский хвастливо заявлял: «Большевики — ничтожество. Я буду бить их, как захочу и где захочу!» А в польских газетах его стали сравнивать со Стефаном Баторием, Яном Собесским и Тадеушем Костюшко.

На аэродроме, где базировались американские летчики, появились указатели: «До Москвы — 400 миль. До Петрограда — 600 миль». Однако ранним утром 25 мая лейтенант Кроуфорд, вылетев на разведку, увидел на шоссе, ведущем к Умани, густые кавалерийские колонны. Это были передовые соединения Первой Конной армии Буденного.

Началась настоящая война.

Основной вывод сталинского доклада на Политбюро сводился к тому, что война гражданская, т.е. драка со своими доморощенными генералами, сменилась войной с сообществом самых оголтелых хищников мирового империализма.

Под Парижем, в Версале, в те дни заседал Союзнический военный комитет во главе с маршалом Фошем. Польскую армию следовало вооружить и снабжать для быстрого победоносного похода. Деньги отпустили США— 50 миллионов долларов. Франция не поскупилась на советников: в действующую армию поляков отправлено 9 генералов, 29 полковников, 694 офицера рангом ниже (в одной из польских частей в чине капитана сражался будущий генерал де Голль).

Так утром 6 мая поляки появились в Киеве.

Пилсудский вызвал Петлюру в Винницу. Там они подписали договор о вечном союзе и братстве. Польша признавала независимость Украины и брала обязательства оказывать ей всяческую помощь в борьбе с москалями. В благодарность Петлюра отдавал панам навечно Галицию, Волынь, часть Полесья и Холмскую область, отдавал в рабство шляхте 8 миллионов своих земляков.

Теряя голову от неслыханных удач, Пилсудский сам себе присвоил высшее воинское звание «Первый маршал Польши».

Знакомясь с секретными материалами, Иосиф Виссарионович нашел сообщение о том, что «Первый маршал», заняв древний град Гедимина — Вильно, забрал из хранилища корону польских королей, с намерением возложить ее на голову своей дочери от литовской еврейки Перловой...

Решения Политбюро по отражению агрессии поляков были выдержаны в самых решительных тонах. 24 губернии респу-

блики Советов переводились на военное положение. 12-я армия, сильно пострадавшая в боях, спешно пополнялась. Прежняя Литовско-Белорусская армия преобразовывалась в регулярную 16-ю армию, а Латвийская — в 15-ю. Первая Конная армия шестью могучими широкозахватными колоннами двигалась под Умань, очищая по пути тылы Юго-Западного фронта. Помимо поляков на Юго-Западном фронте «висел» еще и Врангель, надежно окопавшийся в Крыму.

Отправляясь в Украину, Иосиф Виссарионович не мог преодолеть душевного разлада. В борьбе с Пилсудским он считал главным военное решение проблемы. С ним никто не согласился, и в первую очередь Ленин. Товарищи считали, что борьба с начавшейся агрессией — чисто политический вопрос. Все выступавшие были убеждены, что стоит лишь Красной Армии достичь границы с Польшей, ее с радостью встретят польский пролетариат и беднейшее польское крестьянство.

Гражданская война в России явила миру двух военных гениев: Семена Буденного и Нестора Махно. Мощные кавалерийские соединения и необыкновенно подвижные тачанки с пулеметами опрокинули всю привычную стратегию войны с ее унылым беспросветным прозябанием в окопах, опутанных несколькими рядами колючей проволоки. Если прежде для овладения каким-нибудь пригорком или переправой через речку требовались недели, а то и месяцы упорнейших боев, то теперь действия нападавших обрели неслыханную маневренность. Позиционная война, как таковая, умерла навсегда.

Первая Конная армия стремительно вышла к Днепру и, отказавшись от прямого штурма Киева, прорвала польский фронт южнее города. Киев, еще занятый поляками, оказался в тылу у наступавших. Охваченные паникой легионеры стремглав бросились из города, объясняя свое бегство необходимостью выровнять растерзанный фронт.

Задачу остановить Буденного польское командование поставило перед американскими летчиками.

В первых боях аэропланы спокойно выбирали цель и сверху поражали конников огнем из пулеметов и прицельным бомбометанием.

Помогла русская смекалка.

В 6-й кавдивизии Тимошенко умельцы сколотили деревянный поворотный круг, задрав пулеметный ствол кверху. Новин-

ка сразу же принесла ощутимый результат. Моментально выявилось, что у аэроплана не защищен ни пропеллер, ни мотор, ни сам летчик. С тяжелым ранением вернулся из боя лейтенант Нобл. Словили пули также Брукс и Рорисон. Мощную очередь получил аэроплан майора Фаунтлероя, и только мастерство летчика позволило дотянуть искалеченную машину до аэродрома. На следующий день получил повреждения самолет лейтенанта Келли. Летчик не справился с управлением и разбился.

Плачевное состояние польской армии, отходившей к Висле, требовало срочного вмешательства.

5 июля в г. Спа состоялась конференция представителей союзных армий. Участники заслушали доклад Военного комитета Антанты о неудачах на Восточном фронте. Поражение Пилсудского грозило разрушить всю систему Версальского мира в Европе. Москве был предъявлен ультиматум лорда Керзона, министра иностранных дел Великобритании. От советского правительства потребовали немедленно прекратить военные действия против поляков и заключить перемирие с генералом Врангелем. Крым предлагалось объявить нейтральной зоной.

Помимо шагов официальных последовали меры неофициальные. В Киеве, оставленном поляками, вдруг взлетели на воздух склады с боеприпасами. Внезапный пожар уничтожил склады военного имущества в Москве, Хорошеве. В Белоруссии обрушился железнодорожный мост через р. Плиссу. Волна диверсий последовала на крупных предприятиях оборонного значения... Политбюро ЦК РКП(б) срочно командировало на фронт председателя ВЧК Дзержинского. Он подхлестнул деятельность особых отделов. Первые же аресты выявили хорошо продуманную систему подпольных групп. Иосиф Виссарионович тогда впервые услышал хлесткое, как щелк бича, название организации «Джойнт». Задержанный в Минске агент Цукерман рассказал о своих связях с главой белорусских сионистов Хургиным. А некая Цешковская, арестованная на явочной квартире, дала показания о том, что террористы готовили покушение на члена РВС И.В.Сталина.

Наглый ультиматум Керзона вызвал мощную волну протестов в республике Советов. «Лорду — в морду!» А 19 июля в Петрограде открылся II конгресс Коминтерна. Съехалось более 200 делегатов, представляющих пять континентов планеты. Ра-

бота конгресса проходила под ликующие донесения с фронта. Красная Армия неумолимо приближалась к стенам Варшавы. Судьба столицы панской Польши не вызывала никаких сомнений. Делегаты конгресса повторяли пламенные строки приказа молодого Тухачевского, командующего войсками Западного фронта:

«Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На своих штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. Вперед на Запад! На Берлин!»

Конгресс работал неторопливо — целых три недели. Эти дни были временем триумфа Зиновьева, надменного «хозяина» Петрограда. Он распорядился повесить в зале огромную карту и каждое утро сам зачитывал фронтовую сводку. 1 августа части Красной Армии форсировали Буг. Падения Варшавы ждали со дня на день.

Из Харькова пришла срочная телеграмма Раковского:

«Товарищи Тухачевский и Смилга выехали в Варшаву».

Делегатами овладел приступ восторженной эйфории. Они единогласно приняли текст «Манифеста»:

«Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в Федерацию Советских Республик всего мира!»

В этот же день состоялась грандиозная демонстрация на Марсовом поле, у могил жертв Великого Октября.

Никогда еще победа Мировой Революции не казалась такой близкой, почти что осязаемой. Укреплялось убеждение в том, что совсем скоро центральный штаб Коминтерна переедет сначала в Берлин, а затем и в Париж. Победоносные дивизии Красной Армии неминуемо появятся на берегах Ла-Манша и Гибралтара.

25 июля в Варшаву прибыл генерал Вейган, специалист по стратегической обороне. Он застал Пилсудского в подавленном состоянии. «Первый маршал Польши» мучительно переживал свой позор.

- Сколько дивизий вы привели с собой? — спросил он француза.

- Ни одной, — был ответ.

- Тогда зачем вы приехали? — вспылил Пилсудский.

Генерал Вейган сделал вид, что не заметил панского хамства. Он не собирался препираться с этим потерявшим голову

авантюристом. Его сюда послали для спасения трудной ситуации, он этим и займется.

Генерал потребовал полевую карту и материалы фронтовой разведки.

Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы понять: красные воюют на фу-фу. В частности, генерал сразу определил самое уязвимое место наступающих — Мозырскую группу. Как же они умудрились наступать по расходящимся направлениям? Вместо удара сжатым кулаком пытаться поразить растопыренными пальцами.

Война не терпит наплевательского отношения даже к самым незначительным мелочам. Поэтому война — высокое искусство, а не примитивное ремесло.

Вейган указал на самую мощную и маневренную группировку русских — Первую Конную. Буденного следовало сковать в боях, тем самым лишив наступающих основного преимущества. По его совету Литовскую, Галицкую и Луцкую группировки войск свели в один кулак и направили их в лоб Первой Конной. В итоге под городом Броды завязалось ожесточенное сражение.

В первые дни августа ход военных действий по-прежнему бодрил Москву. Поляки отступали. Даже осторожный Ленин в эти дни счел возможным приоткрыть краешек глубоко продуманного плана: «Штыками прощупать, не созрела ли социалистическая революция пролетариата в Польше?» Сомнений вроде бы не оставалось: созрела.

30 июля в Белосток приехали из Москвы Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон, Э. Прухняк, И. Уншлихт. Они вошли в состав Временного революционного комитета Польши и рассчитывали через несколько дней оказаться в Варшаве.

1 августа Красная Армия освободила Брест-Литовск.

На следующий день Москва настолько уверовала в близкую победу, что на заседании Политбюро было принято решение переключить Юго-Западный фронт в Крым, на Врангеля. С добиванием поляков справится один Тухачевский.

Вечером 2 августа Сталин получил телеграмму Ленина:

«Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстанием на Кубани, а затем и в Сибири опасность Врангеля становится громадной... Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать

Ваше заключение. С Главкомом я условился, что он даст Вам больше патронов, подкреплений и аэропланов».

Телеграмма показалась Сталину легкомысленной. Война — занятие серьезное. Враг еще не разбит, он по-прежнему опасен, словно раненый зверь.

По первым же впечатлениям Иосиф Виссарионович составил тревожное письмо в Центральный Комитет и, предостерегая от легкомыслия, требовал обратить внимание на состояние польского тыла.

Он писал: «Ни одна армия в мире не может победить (речь идет о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми — бойцами, настроениями, идеями. Неустойчивый, а еще более враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную армию. Тыл польских войск в этом отношении значительно отличается от тыла Колчака и Деникина к большой выгоде для Польши. В отличие от тыла Колчака и Деникина тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение — «чувство отчизны» — передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск».

Сталин предупреждал, что польский поход не будет «прогулкой», как бахвалились троцкисты из РВС.

«Вредно самодовольство тех, кто кричит о «марше на Варшаву», тех, кто горделиво заявляет, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве».

Через несколько дней Иосиф Виссарионович набросал проект «Циркулярного письма ЦК РКП(б)». Он предложил рассмотреть его на заседании Политбюро. Москва, писал он, находится в плену недобросовестной информации командующего Западным фронтом и принимает безответственные решения «в сторону продолжения наступательной войны».

Сталин отчетливо сознавал, что на этот раз он возражает не только Троцкому, но и Ленину.

Телеграмма Ленина о разделении фронтов так подействовала на Сталина, что он с досадой стукнул по ней кулаком. В

крайне раздраженном состоянии он принялся писать ответ. После полуночи в Москву ушла сталинская шифровка: «Вашу записку о разделении фронтов получил. Не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, поищите заместителя. Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов».

Раздражение Сталина, работающего на фронте, обеспокоило вождя. Он знал, что товарищ Коба никогда не жалуется на болезни, но в последние дни в Москве, готовя решение по Польше, он выглядел явно нездоровым. Ответил Ленин деликатно: «Не совсем понимаю, почему Вы недовольны разделением фронтов. Сообщите Ваши мотивы. Мне казалось, что это необходимо, раз опасность Врангеля возрастает. Насчет заместителя сообщите Ваше мнение о кандидате. Также прошу сообщить, с какими обещаниями опаздывает Главком. Наша дипломатия подчинена ЦК и никогда не сорвет наших успехов...»

Иосиф Виссарионович понимал, что Ленин говорит с чужого голоса.

Что у него там за военные советники? Гнать надо таких советников!

Москве не хотели слышать, что сопротивление поляков возрастает, а силы Красной Армии исчерпаны.

августа командованию Красной Армии свалилась в руки неслыханная удача: удалось добыть два приказа самого Пилсудского. В них говорилось о наращивании сил за р. Вепрж и называлась дата нанесения удара — 16 августа. Казалось бы, следовало приготовиться к опережению удара. Ничуть не бывало! В штаб Юго-Западного фронта приходит распоряжение Троцкого: безукоснительно выполнять все приказы Тухачевского (камешек в огород Сталина). Тут же получено указание Тухачевского: передать 6-ю дивизию из Первой Конной на Врангелевский фронт.

В последние дни перед катастрофой фронт залихорадило от неожиданных приказов. Тухачевский требовал передачи ему всех войск Юго-Западного фронта (польское командование он по-прежнему в расчет не принимал). Поспешил внести в по-

беду свою лепту и «сам» председатель Реввоенсовета. Сначала он распорядился: «Первой Конной армии уничтожить противника на правом берегу Буга и на плечах бегущих 3-й и 6-й польских армий захватить Львов». Затем последовал столь же категорический приказ Хвесину, командующему Мозырской группой войск: «Форсировать Вислу и взять Иван-город!»

Еще стучали телеграфные аппараты, еще работали шифровальщики, как вдруг началось мощное наступление польских войск.

Генерал Вейган продуманно выбрал момент для внезапного удара. С утра 16 августа 4-я армия буквально вонзилась в чахлые порядки Мозырской группы войск. Оба советских фронта были разорваны и потеряли управление. В небе над побежавшими красноармейцами реяли американские аэропланы. За два дня боев летчики совершили 127 боевых вылетов, сбросили на красные части около 8 тонн бомб. Наращивая силу удара, Вейган ввел в сражение еще и 5-ю армию генерала Сикорского.

Первую Конную армию ненавидели не только поляки, узнавшие всю сокрушительную силу ее клинков. О Первой Конной не мог спокойно слышать и сам Троцкий, председатель Реввоенсовета.

Осенью, после катастрофы под Варшавой, у Троцкого появилась возможность излить свой гнев не только на Буденного и Ворошилова, но и на многих бойцов пусть самого боеспособного, но и самого ненавистного ему соединения Красной Армии.

Прочно увязнув в боях за Львов, конармейцы вдруг увидели врага в своем тылу и вынуждены были драться с перевернутым фронтом. Задача мгновенно переменилась: теперь следовало думать не о штурме Львова, а о том, как вырваться из окружения, пробиться назад к своим.

Выход из неожиданного окружения занял больше месяца. В ожесточенных боях Первая Конная теряла тяжелое вооружение, но сохраняла свои боевые знамена. Полки и дивизии буквально прорубались, устрашая врагов своей отчаянной отвагой. Полякам не помогли даже американские аэропланы. Красные конники отгоняли их бешеным огнем из пулеметов, поставленных на поворотные круги. Летчики уже не отваживались снижаться на малые высоты и трусливо кидали бомбы с безопасного расстояния.

В конце сентября передовые части Первой Конной пробились, наконец, к своим.

И сразу же в Москву, в Реввоенсовет, на имя самого Троцкого полетело сообщение о чрезвычайном происшествии в 6-й дивизии.

Гражданская война, в которой насмерть сшиблись громадные воинские массы, к сожалению, не имела хорошо налаженного снабжения войск. Как «белые», так и «красные» зачастую вынуждены были пробавляться тем, что добывалось правдами и неправдами «от благодарного населения». Самым существенным подспорьем являлся захват трофеев. Из боевой добычи пополнялись и боеприпасами, и продовольствием, и фуражом.

В Первой Конной, вышедшей из месячных боев, бойцы еще держались, но конский состав находился в истощенном состоянии. Коней бойцы вели в поводу, и кони шатались от усталости и бескормицы.

25 сентября военком 6-й дивизии Шепелев задержал бойца 4 эскадрона 33 полка с торбой кукурузы. Хозяйка хаты голосила и хватала кавалериста за рукав. Шепелев выхватил наган.

— Стой! А ну брось сейчас же. Я тебе приказываю: брось! Слышишь, мерзавец?

Шепелева (по прозвищу «Картавый») в дивизии не любили и не уважали. Человек был не боевой, а в основном митинговый.

- Уйди, не тарахти, — сказал боец, отмахиваясь от крикливой бабы. — Я что... себе беру? У меня конь еле ходит. Его твоей газеткой не накормишь!

- А я приказываю: брось! — и Шепелев щелкнул курком.

С торбой в одной руке и с бабой, вцепившейся во вторую руку, боец грудью полез на военкома.

— Стреляй! Стреляй, гад! Застрели!

Шепелев выстрелил. Боец упал.

И здесь прорвалось накопившееся, кровь ударила людям в головы: бойцы растерзали военкома.

Убийство военного комиссара! Самосуд!

Буденный и Ворошилов оцепенели. Обоих коснулось предчувствие большой беды. Замять такое происшествие не удастся. Особисты непременно сообщат в Москву, в Реввоенсовет, самому Троцкому. А тот и без того... Напрасно комдив-6 Семен Тимошенко поспешил «разобраться» с виновниками своей властью: где кулаком, где плетью, нескольких бойцов арестовал. Не помогут даже расстрелы. Троцкий обрушит на Первую Конную свой личный гнев. И гнев этот будет страшен.

Буйный нрав конников Буденного вызвал недовольство Троцкого еще весной, в самом начале польской кампании. Первая Конная двинулась тогда на фронт своим ходом. В Ростове, в тюрьме, томился арестованный троцкистами отчаянный Думенко. Среди конников поднялся ропот. Возникла угроза самоуправленства: бойцы могли взять тюрьму штурмом и освободить Думенко. Слава Богу, пронесло. Кавалеристы поворчали и угомонились.

В Москве, в Реввоенсовете, давно уже искали повод покончить с казачьей вольницей в армии Буденного. Неистовый Троцкий всей душой ненавидел самого командарма. Ему постоянно доносили о махровом антисемитизме среди бойцов и командиров Первой Конной. Кавалеристы открыто возмущались тем, что политотделы, особые отделы и трибуналы напичканы исключительно евреями. В боях этого картавого начальства не видно и не слышно, зато после боев — самая их власть. За любое слово — в трибунал. А там долгих разговоров не разводят: чуть что — к стенке.

Особенно высокого накала ненависть к особистам достигла во время недавних боев, когда армия пробивалась из окружения. В эти страшные дни политические балаболки, трибунальцы и особисты скромненько тряслись в обозах и голоса не подавали. А мародерничали, как и все, нисколько не церемонясь с «благодарным населением». Конармейцы не оставили врагу ни одного раненого бойца. Вместе с лазаретами они вывезли к своим и эту карательную шваль. И вот теперь, когда всякая угроза миновала, эта шваль вспомнила о своем назначении. Уж теперь они своего не упустят!

В Москве конармейцам мог помочь Сталин. Но он,как назло, оказался в больнице.

Одно к одному!

Во всей 6-й дивизии царило похоронное настроение. Бойцы понимали: за такие дела по головке не погладят. Да еще и с командования хорошенько спросят. Над ним тоже имеется начальство. А с этим большим начальством даже Буденный и Ворошилов на ножах. Шепелев-то тоже дубина хорошая. Ну, арестовал бы, ну сдал бы в трибунал. Нет — сам!

33-й полк имел высокую награду — Красное знамя ВЦИКа. Завоевал в самых тяжелых боях. Теперь не посмотрят и на награды. Такой дикий случай!

Скоро стало известно, что из Москвы едет большая делегация: Калинин, Каменев, Семашко, Евдокимов, Луначарский, Курский, Преображенский, Горбунов. Засуетились особисты, готовясь к встрече: допрашивали на десятый лад свидетелей происшествия, заполняли свои папки.

Москвичи приехали 9 октября. 6-ю дивизию, сильно поредевшую в боях, построили на околице села Ольшаники, вдоль линии железной дороги. Стоял ясный осенний денек. Справа и слева показались два бронепоезда. Подъехали автомобили с московскими гостями.

Всей церемонией руководил начальник особого отдела дивизии А.Звидерис.

Первым делом у осрамившегося полка отобрали знамя ВЦИКа.

Напряженный строй бойцов прострелило задавленное движение. Их лишили боевой награды, перечеркнули все заслуги. У многих на глазах блеснули слезы.

Звидерис прочитал приказ Реввоенсовета, в котором перечислялись грехи не только 33-го полка, но и дивизии, и всей Первой Конной армии: грабежи населения, насилия, еврейские погромы.

— Трудовой народ, — выкрикивал особист, — еще недавно встречал нас с ликованием. Теперь он в ужасе разбегается и шлет нам свои проклятия!

Перед строем 33-го полка Звидерис выдержал долгую паузу.

— По-олк... слушай!.. Сложить оружие!

Повисла напряженная тишина. Строй дивизии окаменел. Стиснув зубы, стояли Буденный и Ворошилов. Словно каменное изваяние замер громадный комдив-6 Семен Тимошенко.

Пыхтели, выбрасывая дымки в чистое осеннее небо, два бронепоезда.

На землю перед строем полетели первые винтовки, потом шашки. Выросла гора оружия. Боевой полк, оказавшись обезоруженным, превратился в толпу обескураженного мужичья.

— Зачинщики... выходи!

Общее недоумение: зачинщики уже давно арестованы. Звидерис достал из сумки длинный список, составленный заранее. В нем оказалось более 270 человек.

По рядам бойцов зашвыряли особисты, отбирая намеченные жертвы. Обезоруженных бойцов увели в сторону села.

Звидерис подошел к Тимошенко и что-то коротко ему сказал. Комдив-6 направился к разоруженному полку. На него смотрели во все глаза.

— Р-разобрать оружие! — скомандовал комдив.

Бойцы обрадовано бросились к винтовкам и шашкам, валявшимся безобразной кучей.

— Стройся!... Р-рав-няйсь! Смир-р-рно!

Четким строевым шагом Тимошенко подошел к Буденному и, картинно вскинув руку к козырьку фуражки, доложил, что 33-й полк готов к выполнению боевой задачи.

— Вольно! — прокатилась зычная команда командарма.

М.И. Калинин направился потолкаться среди бойцов. Его окружили плотной массой. В строю всего не выскажешь, что накипело на душе. Другое дело — не по стойке «смирно», лицом к лицу, по человечности...

Убитого Шепелева не жалели. Вспомнили бои под Бродами.

— Гонит прямо на пулеметы. Кричим: «Даты маневр дай!» А он: «В трибунал захотел?»

— Да уж... трибуналы эти!

— Трепло он, а не командир. Одно кукует: «Поляки нам братья». А мы увидели, какие это братья. Это гады... вот это кто. Надо было с самого начала правду говорить!

Калинин мягко вставил свое слово:

— Но и командира убивать...

Поднялся галдеж со всех сторон:

— Он что... для себя эту чертову кукурузу брал? Для коня. Для нас, товарищ Калинин, конь — это все. Без коня — смерть. Как будешь рубать, если конь еле на ногах стоит? Его ж газеткой не накормишь!

- Ну, а погромы? — спросил Калинин.

- Это евреев, что ли? Брехня. Не было такого. Спроси любого.

— Зато вот с ихней стороны. Куда ни сунешься — везде они. Да вы, поди, и сами видите.

Осмелел кто-то из самых:

— Один вопрос хочу спросить, товарищ Калинин. Можно? Скажите нам: а Ленин не еврей? Нет? Вот это хорошо. Вот это правильно!

— Только зачем он вокруг себя одних евреев расплодил? Сказали бы вы ему...

На помощь растерявшемуся «старосте» поспешил комдив:

— От-ставить разговорчики!

Всех арестованных бойцов 6-й дивизии расстреляли из пулемета там же, в Ольшаниках, и закопали в общей яме. После этого московская комиссия уехала, наказав поэнергичней «подвинтить гайки», и увезла с собой толстую папку с доносами на командование Первой Конной. Больше всего почему-то досталось Ворошилову. В вину ему ставилась недостаточная борьба с антисемитизмом, а также подбор кадров (своим помощником он взял Хмельницкого, бывшего, как указывалось, деникинского офицера).

Массовый расстрел в 6-й дивизии надолго отравил атмосферу в Первой Конной. Унижала собственная беспомощность перед лицом такого наглого врага. «У кого власть, у того и петля!» Заслуженные бойцы погибли не в бою, их уничтожили, как...как...даже не находилось подходящих слов. Уцелеть в таких боях и сложить голову среди своих, не получив от товарищей по строю никакой помощи, спасения. Возмущала явная несправедливость бесчеловечного наказания. Зачинщики... Не бывает столько зачинщиков (чуть не целый полк!). А если их на самом деле столько, то называться они должны совсем иначе.

Словом, власть наглядно продемонстрировала свою национальную беспощадность. Какая же тут справедливость? Никакой справедливостью и не пахнет!

Вынужденные смириться, бойцы и командиры смотрели на расстрельщиков как на представителей совсем чужой враждебной силы. Что хотят, то и творят!

Ропот в Первой Конной не утихал.

Общее недовольство выплеснулось даже на армейской партконференции. Из зала раздавались крики: «Сколько жиды будут у власти?» «Почему даже в лазаретах одни жиды?» Управа на крикунов нашлась, но боль утраты все равно не проходила, не исчезла. В зале сидели самые заслуженные конники, герои многих завоеванных побед — будущие маршалы и государственные деятели: Тимошенко, Пархоменко, Городовиков, Апанасенко, Тюленев, Лелюшенко, Патоличев, Гречко, Москаленко, Славский, Рыбалко, Богданов. Отважные в рубках, в кон-

ной лаве, они постигали еще одну необходимую науку, более трудную, но усваиваемую крепко и надолго, навсегда. В эти дни многие задумались о том, что неспроста же вдруг поднял мятеж Маслак, командир бригады, изменил Григорьев, командир дивизии, получил расстрельную пулю отважный и бесхитростный Думенко. Да и Махно, если разобраться, неспроста мечется по Украине, сражаясь то с немцами, то с гайдамаками, а то и с «белыми» и с «красными» одновременно. А ведь он один из первых кавалеров ордена Красного Знамени!

Стенка на стенку — вот какое ощущение осталось у конармейцев от безжалостной расправы у села Ольшаники. Слишком шибал по глазам национальный оттенок чудовищного братского могильника.

Недаром Тимошенко (на что уж закаленный человек!) в 1937 году, когда для расстрельщиков настал час справедливого возмездия, не выдержал и закричал:

— Вас, сволочей, еще в двадцатом году следовало перевешать!

Прорвалось задавленное в глубине души, свалился груз, таскаемый целых 17 лет...

Иосиф Виссарионович, узнав о чудовищной расправе в Первой Конной, сразу вспомнил о массовых расстрелах Троцкого в Свияжске, под Казанью, два года назад. Это был его излюбленный метод руководства. Ничего другого он не признавал и не умел.

Сталин заявил, что он не может больше оставаться членом Реввоенсовета. Однако отставку его не приняли, обязав остаться и по-прежнему исполнять свои обязанности. Тогда он отправил в ЦК письмо с требованием наладить действенный контроль за военным ведомством (не исключая и полевых условий). Иначе неизбежны еще более внушительные катастрофы.

Иосиф Виссарионович, исходя из опыта недавних сражений, предложил «принять меры к налаживанию авто — броне — авиапромышленности». Особенное внимание следовало обратить на создание боевых резервов. С этой целью он предлагал незамедлительно приступить к формированию нескольких кавалерийских бригад из казаков Оренбургского, Терского, Сибирского и Уральского войск.

В ответ последовала насмешливая отписка председателя Реввоенсовета: «Тов. Сталина по-прежнему заботит мир только в одной стране!» И вместо создания боевых резервов, он при-

нялся сильно сокращать численность Красной Армии, объявив, что у республики трудящихся больше не осталось никаких врагов. Если же такие и найдутся, то с ними отлично справятся братья по классу — пролетариат буржуазных стран.

Зная сталинский характер, Политбюро поспешило спровадить его подальше от Москвы, на Кавказ. Там было слишком беспокойно: в Баку хозяйничали англичане, в Армении — дашнаки, а в родной для Сталина Грузии — меньшевистское правительство Ноя Жордания готовило братоубийственную войну со своим народом.

На следующий год в Риге был подписан договор между Польшей и молодой республикой Советов. За катастрофу под Варшавой пришлось заплатить чудовищную цену. Условия поляков были словно скопированы с условий немцев в Бресте. Россия лишилась громадных территорий в Украине и в Белоруссии. Миллионы православных попали под тягостное иго латинян. При таких богатейших приобретениях поляки не удержались и проявили национальные повадки мелких хищников: они потребовали более 100 скульптур, украшавших аллеи Летнего сада в Петербурге-Петрограде...

Пилсудскому с его близким окружением Вейган сказал:

— Господа, теперь вы получили свою Марну. Продолжайте!

Внезапное воскрешение казалось бы наголову разбитой Польши получило в истории название «Чуда на Висле».

Французский генерал Вейган, выполнив свою задачу, немедленно уехал из Варшавы, оставив Пилсудского купаться в лучах славы. Еще бы! Маленькая Польша сокрушила одну из самых крупных держав Европы. Это была первая победа польских войск за последние 200 лет. По условиям Рижского договора, подписанного в 1921 году, коварный Запад компенсировал почти все потери, понесенные в результате революции в Германии. В состав Польши вошли половина Белоруссии и четверть Украины. Советское правительство обязалось выплатить солидную компенсацию золотом и товарами. На долгие годы территория суверенной Польши стала базой бандитских формирований Балаховича и Тютюнника, а также террористов Савинкова. Под крылышком Пилсудского свили гнездо националисты Грузии, Азербайджана, Калмыкии, Крыма, Средней Азии и Кубани.

А год спустя, в декабре 1922 года, в варшавской газете «Мысли народовы» ксендз Лютославский, депутат Сейма, приоткрыл

краешек завесы, назвав тех, кто стоял за спиной Пилсудского (и Вейгана), науськивая их на истекающую кровью Россию. В своей гневной статье ксендз назвал Пилсудского послушным орудием международного сионизма, а все его «великие завоевания» на Востоке — одним из пунктов программы мирового еврейства. Самое поразительное при этом — автор статьи указывал на связь Пилсудского с... большевиками-сионистами из Москвы! Выходило, и Пилсудский, и Троцкий с Тухачевским действовали заодно, по одному тщательно разработанному плану!

А Троцкий продолжал ратовать и кричать о «перманентной» революции, теперь уже носился с мыслью совершить прорыв на Востоке, через Азию. Он объявил: «Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». Неистовый разрушитель, он стремился только убивать, уничтожать, оставлять после себя одни кровавые обломки. И все его бредовые несбыточные планы обречена была питать своими иссякающими соками несчастная Россия, попавшая под безжалостный каток неистовых завоевателей Вселенной.

Всей ужасающей картины разгрома Иосиф Виссарионович не видел. Его гневные грубые телеграммы с фронта надоели и в Кремле, и в Реввоенсовете. 15 августа Сталин получил вызов Крестинского, секретаря ЦК РКП(б), и выехал в тот же день в Москву.

Он заехал в наркомат и заперся в кабинете. На рабочем столе аккуратной стопкой лежали полученные документы. Потянувшись с дивана, он взял их и небрежно просмотрел. Ничего срочного не было.

Распоряжения председателя Совнаркома касались в основном вопросов быта. Ленин просил позаботиться об установке в Кремле небольшой телефонной станции, при которой нужно лишь набрать на диске номер, а не переговариваться с телефонной барышней (прообраз будущих «вертушек»).

Еще одно письмо Ленина касалось личных дач.

«Не пора ли основать 1—2 образцовых санатория не ближе 600 верст от Москвы? Потратить на это золото. Но образцовыми признать лишь те, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгих, а не обычных советских растяп и разгильдяев.

Секретно: в Зубалове, где устроили дачи Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом строят мне к осени, надо добиться по-

чинки желдорветки к осени и полной регулярности движения автодрезин. Тогда возможно быстрое и конспиративное, и дешевое сношение круглый год. Напишите и проверьте. Также рядом совхоз поставить на ноги...»

Спрашивается, почему какими-то дачами должен заниматься нарком по делам национальностей? Он же не завхоз!

Сказывалась установившаяся привычка: что ни поручи — сделает.

Советская власть, как и всякая другая, оказывалась чрезвычайно падкой на комфорт. Недавние эмигранты, набившиеся в начальственные кабинеты, получили возможность пожить и для себя. Этому помогала система пайков, установленная Свердловым. На каждой ступеньке руководящей вертикали полагались привилегии за государственный счет. На даче в Зубалово Ленин *так и не появился. Он приглядел имение Рейнбота в Горках и* приказал капитально его отремонтировать.

Троцкий облюбовал поместье князей Юсуповых в Архангельском.

Каменев, помимо дач, занимал в Москве два особняка: один на 20 комнат, другой — на 15.

За вождями тянулась шушера помельче. Причем устраивались многочисленные родственники, любовницы, родственники любовниц.

Для тех, кому особняки были не по чину, для жилья получили лучшие московские отели. Само собой, на первом месте считался Кремль с его двумя корпусами: Кавалерским и Офицерским. Затем шел «Националь», называемый «Первым домом Советов», и «Метрополь» — «Второй дом Советов». Обе эти гостиницы быстро превратились в неопрятные зловонные общежития.

В каждом «Доме Советов» — свои пайки и свои кухни. Охрана *бдительно следила, чтобы сюда не проникали люди с улицы.*

Обитатели «Второго дома» испытывали лютую зависть к тем, кому выпало жить в «Первом». Озлобленной местечковой крикливостью отличались три семьи Э. Склянского, занимавшие апартаменты на трех разных этажах. Сам Склянский с очередной женой жил в особняке и к прежним семьям не заглядывал.

В заботах об удобствах новой номенклатуры работала «Комиссия по кремлевским привилегиям». Был образован специ-

альный валютный фонд «для лечения товарищей за границей». В Кремле разрастался гараж служебных лимузинов. Существовали четкие инструкции, кому из вождей полагались для поездок по стране отдельные вагоны или отдельные поезда.

Искренне полагая, что их жизнь принадлежит партии и народу, руководители республики Советов бережно сохраняли этот ценнейший капитал.

...Иосиф Виссарионович с трудом воспринимал развитие событий: появление испуганной Нади, хлопоты врачей, переезд в Солдатенковскую больницу. Ленин сам позвонил профессору Розанову, выдающемуся клиницисту. Диагноз был отвратительный: срочно требовалась широкая резекция слепой кишки. К этому прибавился еще аппендицит.

Своему питанию Иосиф Виссарионович никогда не уделял серьезного внимания. Сказывалось тяжелое голодное детство, беспробудное пьянство дебошира-отца и грошовые заработки терпеливой матери, ходившей мыть полы в богатых домах.

Операцию Иосиф Виссарионович перенес тяжело. Улучшение наступило только на пятый день.

На плечи Нади, молоденькой жены, свалились постоянные заботы. Она отдавалась им с трогательным самозабвением. Ее вдохновляло сознание своей необходимости этому немолодому суровому человеку, которому она вверила свою судьбу.

К началу работы IX Всероссийской конференции РКП(б) 22-25 сентября 1920 г. Иосиф Виссарионович все еще находился в больнице. К тому времени в партийных и военных кругах разгорелся ожесточенный спор о виновниках поражения под Варшавой. Сталин обратился к президиуму конференции с письмом.

«Заявление т. Троцкого о том, что я в розовом свете изображал состояние наших фронтов, не соответствует действительности. Я был, кажется, единственный член ЦК, который высмеивал ходячий лозунг о «марше на Варшаву» и открыто в печати предостерегал товарищей от увлечения успехами, от недооценки польских сил. Достаточно прочесть мои статьи в «Правде».

Далее он написал, что Реввоенсовет и командование Западного фронта зачем-то объявили на весь мир о взятии Варшавы.

Сталин во всеуслышание объявил виновниками сокрушительного поражения не только Троцкого с Тухачевским, но и Ленина.

Вождь, надо отдать ему должное, нашел в себе силы признать свою ошибку. Правда, сделал он это с одной присущей ему оговоркой. Выступая на конференции, он сказал:

— Мы встретили большой национальный подъем мелких буржуазных элементов, которые по мере приближения к Варшаве приходили в ужас за свое национальное существование. Нам не удалось прощупать действительного настроения пролетарских масс и в батрачестве, и в рядах промышленного пролетариата Польши.

С тех пор в отношениях Ленина со Сталиным — это бросалось в глаза всем — проскочила огромная черная кошка.

Ни тот, ни другой внешне старались ничем не выдавать возникшего отчуждения. А порою всячески демонстрировали неизменность прежних товарищеских отношений. И даже заботливость. Так, примерно год спустя Надю Аллилуеву, жену Сталина, продолжавшую работать в секретариате Ленина, «вычистили» из партии. Причина? Недостаточная политическая активность. На ее исключении особенно настаивал Арон Сольц, которого многие считали «совестью партии». Скорей всего, Надежда Сергеевна и в самом деле не отличалась общественной активностью. Она только что родила ребенка (сынишку Василия), кроме того, на ее плечах лежало домашнее хозяйство такого строгого человека, как Сталин. Несправедливое решение исправил сам Ленин, сердито отчитав не в меру ретивого Сольца.

И — еще. Семейный человек, Сталин продолжал жить в скромной двухкомнатной квартирке. Партийная знать в это время занимала барские особняки и поместья. Луначарский, сам имевший роскошную трехэтажную квартиру, набитую произведениями искусства, написал Ленину, указав ему на жалкие жилищные условия Генерального секретаря партии. Сам, жена, ребенок да еще шумная беспокойная теща... Ленин обратился к начальнику своей охраны Абраму Беленькому и поручил ему поискать для Сталина более приличное жилье. Семья Сталина переехала в трехкомнатную квартиру и никуда из нее уже не выезжала. Правда, в поселке Зубалово для Генерального секретаря была отремонтирована дача. Иосиф Виссарионович переехал туда со всей своей многочисленной родней. Там в 1926 году Надежда Сергеевна родила дочку Светлану, любимое дитя Сталина, доставившее ему, стареющему отцу, немало радости и огорчений...

Ехать в санаторий, как того требовалось после такой тяжелой операции, Сталин отказался наотрез — не любил лечиться.

Он появился на работе, осунувшийся, бледный, избегал смотреть собеседникам в глаза и постоянно окутывался клубами дыма. Отсутствия его как будто никто и не заметил. Впрочем, Радек, столкнувшись с ним и наспех пожимая руку, на ходу сострил:

— Я гляжу: как врачи ни лечили, а больной все-таки взял да и выздоровел. Ну, поздравляю. Очень рад.

И побежал дальше.

КОГДА УМИРАЛ ЛЕНИН...

Бои под Каховкой и на Перекопе сломили отчаянное сопротивление белогвардейцев. Кинувшись на побережье, остатки армии барона Врангеля стали лихорадочно грузиться на корабли. Вооружение бросалось. Солдаты и офицеры спасали себя.

Однако кровопролитию еще не виделось конца.

В разоренном Крыму началась лихорадочная приборка. Этот райский уголок требовалось поскорей очистить от тех, кто еще недавно держал в руках оружие и не забыл, как с ним обращаться. На пароходах, увозивших участников армии Врангеля, место нашлось далеко не всем. Оставшиеся на берегу, проводив дымки в безбрежном море, стали устраиваться кто как смог. Далеко не все из воевавших в белой армии хотели отправляться в эмиграцию. Многие надеялись, что им даст убежище и приют родимая земля. Кое-кто рассчитывал на замирение, на покаяние, на прощение.

Совсем иначе были настроены победители.

Верховную власть в освобожденном Крыму осуществляли Б. Кун, Г. Пятаков и Р. Землячка — все трое «пламенные революционеры». Бела Кун менее года назад возглавлял советскую власть в Венгрии. Продержалась она недолго, несколько недель, но и за это время он продемонстрировал неслыханную жестокость и залил Венгрию кровью.

Эфроим Склянский, заместитель Троцкого, прислал властителям Крыма телеграмму, призывая их не поддаваться расслаблению от наступившего мира:

«Война продолжается, пока в красном Крыму останется хоть один белый офицер».

Бела Кун мгновенно ощутил прилив палаческих сил. Указание из Москвы предписывало ему сесть на своего любимого конька. Он вспомнил золотые деньки в Будапеште и обнародовал свой «универсал», объявив жителям Крыма:

«Товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму!»

Первым делом взялись за оставленные белыми лазареты. Раненых выволакивали из палат и приканчивали во дворах, в сараях, в подвалах, не щадили никого. Однако оставалась еще масса военнослужащих, переодевшихся, спрятавшихся, затаившихся. Как их выманить из укрытий? На помощь пришел генерал Брусилов. В крымских газетах появилось его «Обращение» ко всем, кто не сумел или не захотел уехать на чужбину. Генерал призвал их без страха явиться на регистрацию и заверил честным словом, что с их голов не упадет и волоса. Советская власть не станет унижать себя мщением побежденным. Поверив генералу, оставшиеся офицеры потянулись на регистрационные пункты. «Пламенные революционеры» с довольными ухмылками потирали руки. Сами заявились! Всех выявленных офицеров пустили под пулеметы. Генерал оказался подонком и подло обманул. Либо обманули его.

Солнечный Крым превратился в гигантскую могилу. Расстрелянными были завалены старые генуэзские колодцы. Много трупов сброшено в море. В Севастополе прямо на причалах убили 500 портовых грузчиков. Кто-то донес, что они помогали уезжавшим в эмиграцию грузить вещи. Разбираться, кто помогал, кто не помогал, у палачей не хватало времени.

Заслуги Б. Куна и Р. Землячки по очищению Крыма были отмечены боевой наградой — орденами Красного Знамени. Брусилов, получив достаточно валюты, с женой отправился в Карловы Вары.

Стремление очистить Крым от нежелательных элементов имело дальний, до поры до времени скрываемый прицел.

Задуманный троцкистами план начал осуществляться в последний год жизни Ленина. Вождь был полностью парализован, однако жизнь в нем еще теплилась. Этим следовало воспользоваться.

В адрес советского правительства поступило обращение, подписанное тремя известными деятелями того времени. Это были писатель Л. Квитко, журналист М. Кольцов и профессор

Московской консерватории А. Шор. Они предлагали образовать в Крыму Еврейскую Советскую Республику. Евреи, доказывали они, народ теплолюбивый, солнечный полуостров прямо-таки предназначен для обитания там детей Израиля. Кроме того, авторы проекта гарантировали всемерную поддержку богатейших кругов США. Они назвали организацию Гувера «АРА» и банк «Джойнт сток».

Началась организационная суета.

Влиятельный банк «Джойнт сток» раскрыл свои хранилища золота. Гешефт был выгоден прежде всего материально. На средства «Джойнт сток» в Крыму был создан Союз колонистов «Бундестрой», образовался еврейский потребительский кооператив «Самодеятельность». Деятельно засуетилось Общество содействия землеустройству евреев-тружеников «Озет».

Столицей намечаемой республики решено было объявить город русской славы Севастополь.

К великому сожалению учредителей, немедленно возникло множество помех. И все нешуточного плана.

Прежде всего, само население Крыма. Там издавна обитали татары, немцы, греки, болгары. Жили, само собой, и русские. Угадать их реакцию было совсем нетрудно. В Крыму с наступлением зимы вдруг разразился жесточайший голод. За несколько ледяных месяцев вымерло более 100 тысяч человек. Спасительная весна рано погнала зелень. Народ радостно набросился на дары земли. Летом шок от голода мог притупиться, поэтому следовало торопиться.

Из Соединенных Штатов в Крым пожаловал М. Розен, один из руководителей «Джойнта». У него состоялась встреча с А. Гавеном, председателем ВЦИК Крыма. Разговор шел на идиш. Собеседники договорились «выделить для еврейских поселенцев пустующие земли». Имелось в виду, что новоселы вопьются в землю и преобразят этот сжигаемый солнцем кусок земли. Недостаток воды? Проведем, доставим. Денег для этого достаточно. Доверительное соглашение было завершено крепким рукопожатием и радостным объятием.

В Москве дерзкая мысль нашла поддержку на самом верху: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Чичерин, Цурюпа. Газета «Правда» напечатала статьи Н.И. Бухарина, М.И. Ульяновой и некоего Абрама Брагина, близкого обоим человека.

Организаторы торопились — Ленин умирал.

Осенью 1923 года в Сокольниках открылась сельскохозяйственная выставка. Особенно хвалиться было нечем, страна голодала. И все же в одном из павильонов можно было увидеть сказочное изобилие. Этот павильон так и назывался: «Еврейский».

В один из дней на выставку привезли больного Ленина. Страшно было смотреть, что сделала безжалостная болезнь с этим человеком. Вождь походил на живые мощи, голова не держалась на исхудавшей шее. Грузная Крупская, толкавшая инвалидную коляску, «перевела» хозяевам выставки мнение своего мужа: «Ильич в восторге!»

Морозным январским днем 1924 года важный вопрос вынесли на обсуждение Политбюро. Проект постановления был подготовлен. Докладчиком выступал М.И. Калинин. Аппетиты создателей Израиля к этому дню заметно возросли. Помимо Крыма в состав Еврейской Советской Республики планировалось включить южные области Украины, а также Абхазию и российское побережье Черного моря с городом-курортом Сочи.

Иосиф Виссарионович, Генеральный секретарь и дважды нарком, давно следил за лихорадочной возней троцкистов-сионистов. Он располагал сведениями, что недавно в Москве тайно побывал банкир Феликс Варбург, зять Якоба Шиффа. Он имел ряд конфиденциальных встреч. Его собеседниками были Вайнштейн — член коллегии наркомата финансов, Димманштейн — заместитель заведующего отделом ЦК партии, Коробков — директор Внешторгбанка, Канцелленбоген — член правления Госбанка, Миндлин — ученый секретарь Госплана, Шейнман — нарком торговли. Высокий гость с воодушевлением поведал, что вопрос о захвате Крыма горячо обсуждается еврейской мировой общественностью. 49 известных писателей Запада обратились с призывом начать сбор средств. Финансовые проблемы, связанные с освоением Крыма, обсуждались на Еврейском конгрессе в Филадельфии (5 тысяч делегатов). Активное участие в этом обсуждении принимали представители 200 богатейших семейств Соединенных Штатов Америки. Идея создания Израиля в Крыму пришлась по сердцу, в частности, таким деятелям, как Рузвельт и Гувер.

Банк «Джойнт сток» выделил первый транш на освоение Крыма — 15 миллионов долларов.

Собеседники подробно обговаривали документ, который предстояло утвердить на заседании Политбюро. Особое внимание уделялось первому параграфу постановления, самому важному. В нем шла речь о массовом переселении евреев в Крым. В числе исходных документов фигурировала «Записка» по этому вопросу за подписью Ленина. Иосиф Виссарионович этому нисколько не удивился. За парализованного Ленина над «Запиской» трудились трое: Розен, Брагин и Бройдо, работник наркомата по делам национальностей.

С резкой критикой замысла сионистов выступил Смирнов, нарком земледелия. Он предостерег от поспешного решения такого сложного и опасного вопроса. Подчеркнув, что уже сейчас в Крыму заметно волнение местных татар. Насторожились и немцы (а их в Крыму было более 50 тысяч). А если об этом прознают еще и абхазы? Смирнов уверенно предсказывал обострение назревавшего национального конфликта. Грянет Вторая Крымская война!

Вопрос удалось передать для рассмотрения в специальную комиссию.

Как ни секретничали опытные гешефтмахеры, шила в мешке утаить не удалось. В Крыму заволновались местные татары и немцы-колонисты. Лидер татарской националистической партии «Милли-Фирка» В. Ибраимов сделал решительное заявление. В качестве ответной меры Ларин сочинил письмо в секретариат ЦК РКП(б), обвинив татарского лидера в буржуазном национализме. Ларина активно поддержал председатель Комиссии ЦК по антисемитизму Бухарин. В итоге В. Ибраимов оказался на Лубянке. Там с ним долго церемониться не стали — расстреляли на третий день.

Вслед за этим ОГПУ спешно подготовило судебный процесс «63-х» (бросив в камеры цвет татарской интеллигенции). После сурового приговора началась деятельная зачистка Крыма от татар.

Все же кое-кому посчастливилось избежать расстрельных подвалов. Но с Крымом им пришлось расстаться. Именно той суровой зимой на Урале нашли свою постоянную прописку более 20 тысяч крымских татар.

ВЦИК под председательством «доброго дедушки» Калинина принял специальный Закон, отдав земли Крыма «для нужд

переселения». Территория, очищенная от татар и немцев, составляла 375 тысяч гектаров. На них предстояло справить новоселье 100 тысячам евреев. Это был первый этап колонизации — задел. Насчет Одессы и Сочи сказано: «Потом!» В складывающейся обстановке важно было «зацепиться».

Новоселам сильно повредила смерть Ленина. В своей клятве у гроба скончавшегося вождя Генеральный секретарь партии предложил народу и стране совершенно новую политику советского руководства. Свежий ветер перемен ощутимо почувствовался всеми. В Кремле и на Старой площади загуляли сквозняки, выдувая прежний затхлый дух. Кое-кому сделалось слишком стеснительно, неудобно. Сталина уже успели изучить достаточно: этот немногословный человек обещаний на ветер не бросал.

Еврейское лобби в СССР прибегло к излюбленным уловкам. В продолжавшихся переговорах с «Джойнтом» была достигнута договоренность о займах. Экономика Страны Советов, и об этом знали все, крайне нуждалась в притоке свободных средств. Поступление таких средств гарантировал банк «Джойнт». Комбинация предлагалась простейшая: правительство СССР выпускает государственные облигации на обговоренную сумму займа, а финансисты США немедленно покрывают всю их стоимость. Среди влиятельных гарантов назывались имена Рокфеллера, Маршалла, Варбурга, Рузвельта, Гувера и др. Смидович, выступая на заседании Совета национальностей, утопил главный смысл комбинации в изложении технических деталей финансовой сделки. Банк «Джойнт» обязывался в течение 10 лет выплачивать по 900 тысяч долларов в год. Предусматривались и дополнительные суммы — по 500 тысяч. Условия были щадящими: по 5 процентов годовых. Выплата задолженности начиналась только в 1945 году и растягивалась до 1954 года.

С американской стороны документ подписал Ф. Варбург.

Смидович объявил, что первые 20 миллионов долларов уже поступили на счета Госбанка.

Игра была, в общем-то, сделана — финансовый крючок советской стороной заглочен.

Явное коварство сквозило в том, что ни в одном официальном выступлении ответственных лиц ни словом не упоминалось тревожное словосочетание: «Крымский проект». Но в до-

кументах этот важный термин существовал. Собственно, под него и отпускались такие деньги.

Одним из первых, кто уловил преступный умысел финансовых гешефтмахеров, был Киров. У себя в Ленинграде он довольно бесцеремонно истреблял сионистское подполье. Сталин его поддерживал. Выстрел Николаева поставил точку в начавшемся завоевании Крыма. Сворачивая свою деятельность и трусливо уползая в норы, сионисты успели организовать в Крыму всего лишь два еврейских района.

А вскоре начались слишком «громкие» судебные процессы...

«Крымский проект» воскрес после Победы над Гитлером. Чрезвычайно активизировался Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК). Распухшая от золота Америка обещала на этот раз 10 миллиардов долларов. Переговоры вел Гарриман, посол, разведчик, хозяин пронырливой «Гаранти траст». План Сиона наложился на выселение татар из Крыма. Ответом Сталина стали преследования космополитов, расправа с деятелями ЕАК и «Дело врачей».

История с Крымом продолжалась еще много лет. Только в 1954 году (срок окончательных расчетов по давнему займу!) затаившийся троцкист Хрущев одним росчерком пера разрубил узел: он отдал Крым Украине. Дальнейшие события показали, что в этом таился дальний и глубокий смысл.

Сионисты, даже проигрывая с треском, никогда не отказываются от своих намеченных планов...

Последний год своей жизни Ленин полностью находился под наблюдением Крупской. Обреченно больной и совершенно беспомощный, он зависел от ее ухода. Ближайшими же людьми Крупской считались два «Левушки»: Троцкий и Каменев. Тот и другой пользовались именем вождя революции словно дубиной, сокрушая противников всех своих планов.

Потерпев провал с организацией Израиля в Крыму, Троцкий предпринял еще одну попытку совершить прорыв в Европу (не осознав до конца причины недавнего краха под Варшавой) и в очередной раз опозорился сам и забросал грязью репутацию молодого советского правительства.

Свою новую авантюру председатель РВС назвал «немецким Октябрем». Основной упор делался на возможности Коминтерна.

К тому времени (шел 1923-й год) многострадальная Германия изнемогала под бременем Версальских санкций. Победите-

ли — американцы причислили и эту страну к своим трофеям и методично выкачивали из нее все оставшиеся соки. Изнемогая от голода и унижения, немцы не смели и помыслить об активном протесте: по условиям Версальской конференции им было строжайше запрещено иметь армию и флот.

В оккупированной Германии господствовал доллар, превратив немецкие деньги в вороха ничего не стоящей бумаги.

В этих условиях стремительно росло влияние коммунистов. Идеи национального реванша питали молодежь и обеспечивали приток в организации свежих нетерпеливых сил.

«Немецкий Октябрь» задумывался и как мощный фугас против ненавистного Сталина.

Сразу после XII съезда партии (17-25 апреля 1923 г.) Троцкий затворился с Зиновьевым в своем кабинете на Знаменке. Оба знали, что Ленин обречен. Успех в Германии мгновенно изменит ситуацию и в партии, и в стране. «Корявый Оська»» будет выглядеть жалко со своей плохо образованной ордой презренных гоев. Его тогда можно будет вообще сбросить со счетов. Победитель имеет право на диктат.

Первоначальная договоренность не касалась деталей. Оба лидера возлагали надежды на разветвленную сеть Коминтерна. Само собой, в Германию следует послать надежных и преданных товарищей (назывались имена Уншлихта, Ларина, Берзина, Мархлевского, Петерса). Потребуется и человеческая масса. В этом свете следовало начать поиски тех, кто знает немецкий язык. Возражения щепетильного Чичерина? На него имеется хорошая управа: Карахан. Да и Радек может хорошенько стукнуть кулаком!

О том, откуда брать необходимые деньги, собеседники не тревожились: в стране только что завершилось невиданное ограбление церквей. Склады Гохрана ломились от конфискованных сокровищ.

План подготовки «немецкого Октября» стал на повестке дня очередного заседания секретариата Коминтерна. У немецких коммунистов сильны позиции в Центральной Германии, в Саксонии и Тюрингии. Принимались в расчет и притязания на оккупацию французами Рейнской области. Сеть нелегалов Коминтерна была раскинута по всей стране. Центрами взрыва были намечены два крупных города: Гамбург и Мюнхен. Уси-

лия правительства раздвоятся с первых же часов, что значительно облегчит вступление в борьбу конспиративных групп в других районах.

— Мы ошиблись в 1920 году, — заявил Троцкий. — Теперь — положение совсем иное. Германия может быть захвачена одним ударом. Из полуазиатской России мы выйдем на широкую дорогу европейской революции. Она приведет нас к революции мировой!

Он уже распорядился начать переброску красной конницы к границам Польши. Воспротивится Пилсудский? Плевать! Пройдем по Виленскому коридору.

— Пульс мировой революции пора щупать штыком, — разглагольствовал Троцкий. — Я уже физически слышу шаги мировой истории. Нас ждут на Рейне!

Для инструктажа в Москву был вызван лидер немецких коммунистов Брандлер. Его ознакомили с планом подготовки террористов. Небольшими группами они начнут убийства офицеров полиции и рейхсвера. Это сильно деморализует власти. Сил для начала революции вполне достаточно: 350 тысяч коммунистов, 11 тысяч винтовок, 2 тысячи револьверов, 150 пулеметов.

Датой начала восстания — «Днем Х» — было назначено 23 октября.

23 сентября Троцкий выступил в «Правде». Он решил порассуждать о судьбах не только обреченной Европы (так он считал), но и всего человеческого рода.

«Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род снова поступит на радикальную переработку и станет объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки».

Вопрос о «немецком Октябре» поступил на обсуждение Политбюро. Для руководства восстанием был создан «Ревком Коминтерна»: Пятаков, Радек, Крестинский. Кроме них решено командировать в Германию Куйбышева, Рудзутака, Лозовского, Шацкина, Цейтлина, Стецкого.

На проведение всего мероприятия отпускалось 500 тысяч фунтов стерлингов.

Немецкие коммунисты с нетерпением ждали сигнала от «Гриши», т.е. Зиновьева, главы Коминтерна.

Внезапно от «Гриши» пришло сообщение, что «День Х» переносится. По стране помчались курьеры, сообщая эту новость на места.

Стало известно, что из Москвы приезжают Менжинский, Ягода, Трилиссер. Затем к ним присоединились крупные военные: Вацетис и Тухачевский (он приехал с паспортом на имя Полянова).

Срочно приступили к организации Германской ЧК. Руководить этим ведомством приехал некто Скоблевский (он же — Горев, Близниченко, Гельмут). Это был латыш Вольдемар Розе, участник подавления Кронштадтского мятежа, жестокий палач, которого побаивался сам Крестинский, полпред в Германии.

В этот исключительно важный момент произошел диковинный, трудно объяснимый сбой: о переносе «Дня Х» не сообщили только в Гамбург. Восстание там началось 23 октября. Рабочие батальоны заняли несколько полицейских участков, но подверглись атаке отрядов рейхсвера. Помощи из соседних городов восставшие не получили — там готовились к выступлению 8 ноября.

В течение трех дней рабочие Гамбурга сражались с армейскими подразделениями. Силы были слишком неравны. Солдаты под командованием генерала фон Секта разгромили восставших. Руководитель немецкого рабочего класса Э. Тельман успел укрыться в подполье и вскоре оказался в Москве.

В Мюнхене мятеж начался в назначенный день — 8 ноября. Однако восставшие ограничились тем, что маршировали по улицам города. Во главе их колонн шествовал знаменитый генерал Людендорф. Войска фон Секта быстро покончили с мятежом. Зачинщики были арестованы и преданы суду. Главарь путча оказался в Ландсбергской тюрьме.

Звали его Адольф Гитлер.

В том году Николай Иванович Ежов обустраивался в далеком Семипалатинске и о «германской затее» знал лишь понаслышке. Теперь же время прояснило многое. Намерение Троцкого «прыгнуть в Европу» дорого обошлось советскому государству. В подготовку мятежа вбухали все, что удалось выскрести из церковных хранилищ. Золотой запас страны сократился до ничтожного уровня. Большой удачей можно считать бегство засланных в Германию руководителей. Арестованы были только

двое: Радек и Скоблевский. Остальные вовремя улизнули. Радека поместили в тюрьму Моабит, а над Скоблевским устроили суд в Лейпциге. Палач из ВЧК был приговорен к повешению, но его удалось не то обменять, не то выкупить... Причинами скандального провала никто всерьез не интересовался. Ну, не удалось... подумаешь! Не в первый раз!

Козлом отпущения негласно выставили Радека. Он не справился с порученным заданием. Пустопорожний человек, он умел лишь болтать и бросать призывы. Так было и в Берлине. На митингах он пламенно провозглашал: «Мы теперь не Московия и не Совдепия. Мы — авангард Мировой Революции!» И требовал создать «единый красный фронт пролетарской революции от Волги и до Рейна!»

«Германская затея», как теперь выяснялось, осуществлялась на двух уровнях: официальном, но потаенном; на подпольном, но известном многим. Стало известно, например, что в самом конце июля в Германию выезжали Н. Крестинский, заместитель наркома иностранных дел, и А. Розенгольц, нарком финансов. В Берлин они прибыли инкогнито, и на частной квартире имели встречу с... канцлером Веймарской республики В.Куно.

Что за этим скрывалось?

Зачем понадобилась такая маскировка?

Ведь с тем же Тельманом «товарищи из Москвы» встречались почти открыто!

Однако больше всего Ежов ломал голову вот над чем: имелись ли в те времена контакты между Гитлером и Троцким? (Должны, должны были существовать!). Иначе как объяснить, что стоило Троцкому потерять свой архиважный пост председателя Реввоенсовета, так Гитлера тут же выпустили из тюрьмы? (Хотя сидеть ему еще оставалось почти четыре года). Такая синхронность невольно наводила на серьезнейшие подозрения!

События в Германии сильно подорвали позиции Троцкого. А через два месяца не стало Ленина.

Положение Троцкого становилось крайне шатким. На одном из пленумов ЦК партии слова попросил рабочий Н. Комаров. Речь его была краткой, но опасной для троцкистов. Он напомнил сидящим в зале, что Троцкий не имеет права называться «настоящим» большевиком. Когда он вступил в партию? Осенью 1917 года... Да и говорит ли поведение этого человека о том, что он сторонник правильного курса в государстве? Сомнительно.

Тогда, во время пленума, Троцкий гневно выбежал из зала, демонстративно хлопнув дверью. Но складывать оружия он не собирался. В сильную бурю чаще всего ломаются могучие дубы, слабенькие же лозинки гнутся к земле и снова выпрямляются. Троцкий посчитал, что настала пора сменить тактику борьбы. Вскоре в печати появился документ, подписанный 46 троцкистами. В нем объявлялось, что самым верным барометром партии является настроение молодежи. Предлагалось также «вернуться к ленинским нормам партийной жизни», т.е. отменить решение X съезда партии о запрещении фракций, блоков и платформ.

Трудности Троцкого осложнялись отсутствием повседневной связи с тем, кто направлял его действия. Многое приходилось решать на свой страх и риск. Постоянно сознавая себя уполномоченным сионизма в гоевской России, Троцкий решил использовать свое оставшееся влияние и законодательно закрепить положение евреев в завоеванной, но не окончательно покоренной стране.

Он сам подготовил документ, назвав его «Декретом о самой угнетенной нации». Это был проект закона об исключительном положении евреев в СССР. Преимущества этой нации перед всеми остальными (в первую очередь, конечно, перед русскими) касались самых разнообразных сторон жизни: от назначений на руководящие посты — до внеочередного получения квартир.

Декрет был отклонен. На заседании Политбюро при голосовании не хватило всего одного голоса.

Зато прошло предложение о создании «Комиссии ЦК по антисемитизму». Ее возглавил Бухарин.

Осуществилась также идея Ю. Ларина (Лурье) о включении в программу для поступающих в высшие учебные заведения обязательного экзамена по антисемитизму.

При этом не следует забывать, что в центре Москвы, в Псковском переулке, работал хорошо сколоченный аппарат Центрального Комитета Еврейской коммунистической партии (одна из составных частей Коминтерна). Эта партия имела низовые организации во всех крупных учреждениях (особенно в наркоматах), выпускала газеты и журналы на идиш, издавала книги.

Город Гатчина тогда все еще назывался Троцком...

Достаточно изучив Троцкого, Иосиф Виссарионович выбрал правильную тактику. Таких, как Троцкий, не надо ни

удерживать, ни подталкивать — они сами выкопают себе яму и свалятся туда с позором.

Сталина возмутила гнусная попытка Троцкого использовать в своих шкурных интересах даже саму смерть Ленина (хотя все знали о том, под каким влиянием Троцкого находился вождь партии в период своей болезни). Всерьез обеспокоенный возраставшей к нему ненавистью, Троцкий вдруг объявил, что основная вина за «издержки Великого Октября» полностью лежит на основателе большевистской партии. «Ленин несет полную ответственность и за революцию, и за «красный террор», и за гражданскую войну. И будет ее нести во веки веков!»

РАЗГРОМ

После смерти В.И.Ленина удалось создать Комиссию ЦК партии для ревизии военных дел. Ее возглавил В.В.Куйбышев.

Комиссия вскрыла, что Троцкий, маскируясь интересами народного хозяйства, стремительно уничтожает Красную Армию. Численность ее рядов уже была сокращена в десять раз! С другой же стороны, вместо боевых полков и дивизий он исподволь формирует воинские части по национальному признаку: латышские, татарские, грузинские, еврейские. Эта подлая затея Троцкого не оставляла никаких сомнений: незадачливый диктатор готовится к войне с русским народом, рассчитывая опереться на взрыв национализма. Многочисленные сторонники Троцкого мгновенно уловили, какие тучи собираются над головой их кумира.

В те времена В.А. Антонов-Овсеенко возглавлял Главное Политическое Управление Красной Армии. Нисколько не маскируясь, он громогласно заявил:

— Если тронут Троцкого, на его защиту встанет вся Красная Армия!

Это была открытая угроза всем, кому диктатор с клочковатой бороденкой стал поперек горла. Троцкисты говорили с партией и народом с позиции силы.

Положение создалось критическое, угрожающее.

Иосиф Виссарионович присматривался к своему окружению, выбирая человека, способного обуздать обнаглевших негодяев.

В эти дни от Ворошилова поступали письмо за письмом. Клим находился в Ростове, командовал войсками Северо-Кавказского военного округа. Издерганный невыносимой обстановкой в армии, он просил отпустить его на «гражданку». Он хотел поехать в Донбасс, на хозяйственную работу.

«Ах, Клим, Клим! Неужели совсем ослеп? Не отдадим мы нашу армию всяким Овсеенкам и Дубовым, Гамарникам и Фельдманам!»

Ворошилов был человеком верным, однако авторитета ему не хватало. Иосиф Виссарионович вызвал с Украины М.В. Фрунзе.

Большевик-подпольщик, приговоренный царским судом к смертной казни, Фрунзе, во-первых, обладал мощным влиянием в армии, а, во-вторых, находился на ножах с Троцким.

Как и Сталина, партия посылала Фрунзе на самые ответственные участки фронта. И везде у него начинались столкновения с председателем РВС. Война — занятие серьезное, и Михаил Васильевич не выносил опереточных приемов Троцкого. Разгневанный диктатор, угнетая строптивого военачальника, опускался до настоящей низости. Однажды по его распоряжению поезд Фрунзе, прибывший в Москву из Средней Азии, окружили части особого назначения и подвергли унизительному обыску. Искали, как потом выяснилось, золото и драгоценности, якобы похищенные в Бухаре, во дворце эмира.

Очищая аппарат Реввоенсовета от троцкистов, Фрунзе первым делом убрал многолетнего и непотопляемого Склянского. Слетели с насиженных мест и другие приспешники диктатора. Своим заместителем Михаил Васильевич предпочел видеть легендарного героя гражданской войны Г.И. Котовского.

Далеко идущие цели преследовало и создание в Москве «придворной» пролетарской дивизии с хорошо подобранным комсоставом. Казармы пролетариев разместили в самом центре Москвы с таким расчетом, чтобы они прикрывали Кремль с трех сторон.

Что скрывалось за последней акцией Троцкого, вдруг выступившего с прямо-таки людоедской речью на XIII съезде партии?

Ежов считал, что на такой самоубийственный поступок диктатор решился самостоятельно. Никакой хозяин не мог дать санкции на подобное саморазоблачение.

Все говорило о том, что почва ускользает из-под ног кровавой марионетки, не справляющейся со своими международными обязательствами.

XIII съезд РКП(б) — 23-31 мая 1924 г. собрался в крайне напряженной обстановке.

Сказывалась недавняя смерть Ленина. Невыносимы становились и результаты преступного хозяйничанья троцкистов. В стране продолжалось обнищание трудящихся, росло возмущение народа наглой роскошью нуворишей.

По мнению троцкистов, России следовало придерживаться своего пути развития. Они настаивали на так называемой «товарной интервенции», предлагая закрыть все собственные предприятия, а необходимые товары закупать у зарубежных производителей. Они считали, что свободная внешняя торговля создаст в стране здоровую конкуренцию и послужит мощным толчком для развития товарооборота. Кое-что им уже удалось осуществить: год назад Пятаков, заместитель председателя ВСНХ, своим приказом увеличил розничные цены с целью, как он подчеркнул, получения наибольшей прибыли. Итоги этого авантюрного новшества были катастрофическими: мгновенно сократилась покупательная способность населения и настал «кризис сбыта», возросла инфляция и участились задержки заработной платы, предприятия стали понемногу закрываться, выбрасывая на улицу массы безработных.

Иосиф Виссарионович к тому времени пришел к выводу, что с такими, как Пятаков, спорить бесполезно, их следует безжалостно разоблачать. Нет, нам некогда заниматься безудержной болтовней. Партия настраивалась на большую созидательную работу. Прежде всего требовалось восстановить разрушенную промышленность. Для этого необходимо максимально ограничить частный капитал. Из деревни следовало решительно изгнать ростовщика и помочь развитию кооперации. Серьезного внимания требовали и насущные вопросы партийного строительства.

Сейчас, перебирая давние документы, Николай Иванович Ежов приходил к выводу, что фронт троцкистов ощущал угрозу своему существованию и, собрав силы, пытался переломить настроение не столько в партии, сколько в народе. Все заявления троцкистов, имеющих влияние и власть, печатались в «Правде» и носили угрожающий характер.

К. Радек: «Мы не можем молча следить за тем, как подрываются силы борца, являющегося мечом Октябрьской Революции. Хватит бесчеловечной игры со здоровьем и жизнью тов. Троцкого!»

В. Антонов-Овсеенко: «Так не может долго продолжаться. Остается одно — апеллировать к крестьянским массам, одетым в красноармейские шинели, и призвать к порядку зарвавшихся вождей!»

Л. Троцкий: «Перед уходом я хлопну дверью на весь мир. Тем, кто нас заменит, придется строить на развалинах, среди мертвой тишины кладбища».

С отчетным докладом на XIII съезде партии, как и на предыдущем, выступил Зиновьев. Он вышел на трибуну при гробовом молчании зала. Несколько хлопков его сторонников прозвучали как вызов траурному настроению.

Когда объявили выступление Троцкого, зал замер. Наступил самый кульминационный момент. В походке Троцкого, в выражении его физиономии сквозила значительность.

Председатель Реввоенсовета считался признанным оратором. Не обманул ожиданий он и на этот раз. Однако от его слов делегатов продирал мороз по коже.

Как видно, греясь несколько месяцев на сухумском солнышке, теряющий власть диктатор до краев налился яростью.

По обыкновению выворачивая жирные мясистые губы, Троцкий нарочито железным голосом чеканил свою хорошо продуманную речь. Волосы на его голове стояли дыбом, глаза сверкали.

— ...Необходимо разобраться в положении дел в рядах нашей партии. К сожалению, там находится еще много таких слюнявых интеллигентов, которые, как видно, не имеют никакого представления, что такое революция. По наивности, по незнанию или по слабости характера они возражают против объявленного партией террора. Революцию, товарищи, революцию социальную такого размаха, как наша, в белых перчатках делать нельзя! Прежде всего это нам доказывает пример Великой Французской революции, которую мы ни на минуту не должны забывать.

Каждому из вас должно быть ясно, что старые правящие классы свое искусство, свое знание, свое мастерство управлять получили в наследство от своих дедов и прадедов. А это часто заменяло им и собственный ум, и способности.

Что можем противопоставить этому мы? Чем компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, — только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического, всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти.

Предупредить, подорвать возможность противодействия — в этом и заключается задача террора.

Он перевел дух, тронул горло и, вскинув голову, продолжал:

— Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения. Это то, что, уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, ученых, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они охотно приедут работать к нам. Контролировать их нам будет, конечно, значительно легче, чем наших. Здесь они не будут связаны со своим классом и с его судьбой...

Гнетущая тишина господствовала в зале, когда этот безжалостный палач деловито излагал свою кровавую программу. Прижухли даже его самые ретивые сторонники. Троцкий явно потерял ощущение реальности. Обстановка и в стране, и в партии сильно изменилась. Измученный народ хотел работать, а не заниматься взаимоистреблением, без конца и края углубляя революцию.

В этой страшной речи Троцкий весь — жестокий, пустой и неумный, дутая фигура, вспучившаяся словно пузырь на нечистотах великого общественного катаклизма.

Палаческая речь председателя РВС сплотила не только сталинских сторонников, но и перетянула на их сторону всех колеблющихся.

Съезд постановил сделать упор не на закупках товаров за рубежом (финансирование чужой промышленности), а на собственном их производстве. При этом следовало решительно забыть о паразитарной прибыли лавочников, а обратить внима-

ние на обеспечение народа не только добротными товарами, но и дешевыми одновременно. Социалистической республике не пристало наживаться на грабеже своих граждан!

Собственно, ради этого Ленин и похоронил капитализм!

Первым итогом партийных решений было резкое снижение цен на промышленные товары. Чудовищные «ножницы» в стоимости продуктов сельского хозяйства и городской промышленности исчезли. Деревня отреагировала мгновенно, устремившись со своими продуктами в города.

Оживление торговли ударило в первую очередь по оппозиции. Троцкисты, едва заходила речь об улучшении условий жизни гоев, презрительно кривили губы: а разве при царе они жили лучше?

Зинаида Гиппиус, человек умный и злой, успевшая уехать из России, так отозвалась на эту людоедскую программу революционного обер-палача:

«Кровь несчастного народа на вас, Бронштейны, Нахамкесы, Штейнберги, Кацы. На вас и на детях ваших!»

Пройдет совсем немного времени, и Сталин от имени всего несчастного народа предъявит убийцам и насильникам жестокий счет.

После скандального выступления на XIII съезде партии Троцкий сообразил, что следует сыграть на опережение. Не дожидаясь персонального разбора, он внезапно подал заявление с просьбой освободить его от должности председателя Реввоенсовета. Следует признать, что решение было своевременным и правильным: лучше уйти самому, нежели быть снятым. Постов в руководящих верхах достаточно. Добровольно сложив с себя важнейшие обязанности, он сохранил репутацию, а вместе с нею и свободу маневра.

Складывать оружия он по-прежнему не собирался.

Михаил Васильевич Фрунзе, сменив Троцкого, принял тяжелое наследство. Штаты военного ведомства разбухли до 20 тысяч человек, причем половина из них приходилась на обслугу. Троцкий превратил Реввоенсовет в свою личную крепость, хорошо укрепленную и весьма удобно обустроенную.

С приходом Фрунзе на старинной московской Знаменке повеяло ветром решительных перемен. На командные посты стали выдвигаться комдивы и комбриги легендарной Первой Конной

армии. Эти выдвиженцы всегда были ненавистны Троцкому, а видеть аршинные усищи бывшего вахмистра Буденного ему было вообще невмоготу. Тем же самым отвечал Троцкому и Буденный. Прославленный командарм не мог простить этому палачу чудовищной расправы над 6-й кавалерийской дивизией.

Одним из заместителей Фрунзе стал Григорий Иванович Котовский. В последнее время он командовал кавалерийским корпусом. Штаб корпуса находился на Украине, в Умани.

Таких замечательных людей, как Котовский, выковала русская революция. Дворянского происхождения и хорошего образования, он с детских лет знал языки: французский, немецкий, румынский и еврейский (идиш). Заразившись анархизмом, Григорий Иванович создал отряд боевиков и стал народным мстителем. Его имя гремело по всему югу России, наводя ужас на крупных помещиков. Его арестовали, приговорили к каторжным работам, он бежал и снова стал во главе лихого и бесстрашного отряда. Последний арест едва не закончился трагически — его приговорили к повешению.

Спасла Котовского революция. Легендарная слава сделала его кумиром развеселой Одессы. Известный поэт В. Коралли посвящал ему стихи, знаменитый Л. Утесов связал с его именем свою "Песню об Одессе"... В годы гражданской войны Г.И. Котовский стал командовать кавалерийской бригадой, был награжден несколькими орденами Красного Знамени.

В августе 1925 года, готовясь к переезду в Москву, Котовский отдыхал под Одессой, в Чебанке. С ним находилась жена, Ольга Петровна.

Внезапно из Умани пожаловал незваный гость, носивший странную фамилию Майорчик-Зайдер. С Котовским его связывало давнее знакомство. В дни своей революционной молодости Григорий Иванович возглавлял боевую организацию в одесском подполье. Зайдер в то время был содержателем публичного дома. В этом заведении у Котовского находилась одна из тайных явок... После гражданской войны Зайдер отыскал прославленного комбрига. Он рассчитывал стать при нем "своим человечком". Котовский назначил Зайдера директором сахарного завода (в обширнейшем подсобном хозяйстве корпуса)... Свой приезд в Чебанку Зайдер объяснил желанием помочь в сборах и хлопотах. Жена Котовского готовилась стать матерью.

В канун отъезда, 20 августа, в ранних сумерках у ворот дачи раздался выстрел. Ольга Петровна выбежала из дома и увидела мужа, лежавшего на земле. Зайдер не пытался скрыться и был арестован. Свой поступок он объяснил мужской ревностью — с ним в Чебанку приехала одна из девиц бывшего заведения, ставшая его женой.

Хоронили Котовского на родине, в Молдавии. Это были всенародные похороны. Буденный возглавлял военную делегацию из Москвы. Он произнес над могилой героя пламенную речь. Не слишком искушенный в дипломатии, Семен Михайлович открыто пригрозил тем, кто направлял шкодливую руку ничтожного Зайдера.

Сталин отозвался на гибель Котовского так: "Это был храбрейший среди наших скромных командиров и скромнейший среди храбрых".

Как и горячий Буденный, Иосиф Виссарионович не сомневался, что настоящие убийцы сами не стреляют. Они лишь намечают жертвы — заказывают убийства.

Убийцу Котовского, Майорчика-Зайдера, судили в Одессе. Любопытно, что в тот же день и в том же здании губернского суда проходил еще один процесс — судили бандита, убившего зубного врача. Бандит получил расстрел. Зайдера же приговорили к 8 годам тюрьмы.

Свое наказание Зайдер отбывал в Харькове, на Холодной горе. Через два года его освободили. Он устроился там же, в Харькове, сцепщиком вагонов.

Группа старых котовцев во главе с командиром эскадрона Григорием Вальдманом (кавалером трех орденов Красного Знамени) приехала в Харьков. Они убили Зайдера. Тело убитого бросили под проходивший товарняк.

Свой поступок котовцы объяснили местью за любимого комбрига.

Однако с убийством Зайдера исчезла последняя надежда узнать, что скрывалось за столь внезапным и загадочным устранением Котовского.

Фрунзе никак не мог поверить в бытовые причины гибели Котовского. Он потребовал доставить ему все документы, связанные с расследованием этого странного убийства. Горячо принялся за дело, но, к сожалению, не успел: его чуть ли не на-

сильно положили на операционный стол... Имена Котовского и Фрунзе пополнили печальный мартиролог военачальников, чья преждевременная смерть таила массу неразгаданных секретов: Думенко, Миронов, Щорс, Киквидзе, Боженко, Богунский и др.

Убийство Котовского и гибель Фрунзе свидетельствовали о продолжении кровавой внутрипартийной борьбы.

Сознавал ли Сталин надвигавшуюся опасность? Нет, до конца не сознавал. (Он посетил Фрунзе уже после операции, задержался в больничной палате и не вынес убеждения в преступном умысле.). В его высказываниях продолжала сквозить одна озабоченность неважным состоянием хозяйства. В частности, Иосиф Виссарионович не признавал полезности НЭПа, считая, что в итоге страна получила возросшую преступность, падение нравов и коррумпированность чиновников.

Поразительная задиристость сторонников Троцкого питалась тем, что они постоянно чувствовали поддержку из-за рубежа. Оттуда за их судьбой следили и обещали не оставить в обреченном одиночестве.

В соседней Финляндии (поближе к границам СССР) внезапно обнаружилась организация под названием "Русский национальный комитет". Возглавляли ее А. Гучков (он же — Лурье) и Д. Пасманник. Комитет располагал значительными средствами для подрывной работы на территории сопредельных государств. Как бывший военный министр Временного правительства, Гучков охотно поддерживал разговоры о неизбежности военного переворота в СССР.

Из тихой Австрии вдруг подал голос старинный ненавистник России Карл Каутский. Он прямо призвал граждан СССР к вооруженной борьбе с советской властью, пообещал, что повстанцы непременно получат действенную помощь европейской социал-демократии (Финляндии, Литвы, Польши, Балканских стран). Вправе они также рассчитывать и на классовую поддержку профсоюзов США.

Между тем приближалась 10-я годовщина Великого Октября. Страна готовилась встретить первый "круглый" юбилей высокими трудовыми достижениями.

Готовилась к этой дате и оппозиция.

9 июня на Ярославском вокзале торжественно провожали И. Смилгу. Сняв с высокого московского поста, его "бросали

на низовку" — назначили директором банка в Хабаровск. Из Ленинграда примчался тамошний затворник Зиновьев. У вагона возник стихийный митинг. Неудачника Смилгу все дружно утешали: ничего, скоро вернетесь! Намекали на близкие перемены в руководстве. Затем Троцкий и Зиновьев на руках внесли Смилгу в вагон.

10 июня в Варшаве был застрелен П.Л. Войков (Пинхус Вайнер), посол СССР.

Это была месть за убийство царской семьи. Именно Войков-Вайнер раздобыл 175 литров серной кислоты, чтобы уничтожить трупы расстрелянных. Стрелял в посла эмигрант-белогвардеец.

В ответ на это убийство на Лубянке расстреляли 20 заложников "монархистов", в их числе князь Павел Долгоруков.

В эти дни выступления Троцкого отличаются особенной озлобленностью. Он "поливает" не только "примитивность русского крестьянства", но скептически отзывается и о культурных возможностях "этого народа". Он утверждает: "Вся русская наука есть искусственный продукт государственных усилий, искусственная прививка к естественному стволу национального невежества".

В конце октября собрался очередной пленум ЦК партии. Зиновьеву, вылезшему на трибуну, не дали говорить. Его прогнали криками: "Долой!" Все же он успел выкрикнуть:

— Или вы дадите нам выступить, или вам придется посадить нас в тюрьму!

Ответом был дружный смех в зале.

Накал взаимной ненависти достиг предельного градуса, когда на трибуне появился Троцкий. У всех еще звучала в ушах его недавняя речь на съезде, воспевающая самый тотальный террор. И вот он вылез снова. Свое выступление неистовый расстрельщик начал так:

— Каждый честный партиец...

Голос его потонул в общем шуме участников пленума. Ярославский схватил папку с документами пятилетнего плана и запустил ее в голову Троцкого. Тот ловко увернулся. Кубяк бросил в него пустой стакан. Шверник — какую-то книгу. Несколько человек из зала подбежали к трибуне и стали стаскивать Троцкого с трибуны. Возникла безобразная свалка.

На следующий день оппозиция подала жалобу в секретариат ЦК.

В поддержку оппозиции высказалось несколько рабочих коллективов столицы: завода "Манометр", фабрики "Красная оборона", завода им. Ильича. Началось распространение листовок с речью Раковского, которому не дали выступить на пленуме.

Раздраженные постоянными провалами, троцкисты все еще считали, что у них достаточно сил сломить крепнущую власть ненавистного Сталина. На свет появилась "Программа 83-х", документ, подписанный большой группой старых большевиков, представителей "ленинской гвардии".

Лишившись главного военного поста, Троцкий сохранил за собою много других: он остался членом Президиума ВСНХ, председателем электротехнического управления этого учреждения, продолжал возглавлять Главный концессионный комитет. Не вывели его и из членов Политбюро ЦК.

Своего верного Склянского он засунул руководителем "Главсукно" и тут же командировал его туда, откуда семь лет назад сам двинулся на покорение России: в США. С кем там встречался заместитель Троцкого — неизвестно. Внезапно пришло известие, что он утонул. Троцкий употребил все свое влияние, чтобы тело утопленника доставили в Москву и похоронили на Новодевичьем кладбище.

Загадочная смерть Склянского дала повод наиболее ретивым троцкистам подать негодующие голоса:

— "Нельзя расшвыривать кадры партии, ее основной капитал".

— "Кем они заменят опыт таких ветеранов, как Троцкий, Смилга, Муралов, Бакаев, Лашевич, Мрачковский, Путна, Примаков?"

Они снова затевали затяжную склоку, намереваясь навязать партии безудержную говорильню вместо конкретных дел.

Ранней осенью 1927 года в лесу под Москвой состоялась встреча избранных деятелей оппозиции. Приглашены были немногие. Речь к собравшимся держал Лашевич. Он подчеркнул, что строительство социализма в одной стране решительно расходится со стратегическими планами "старой ленинской гвардии" и выдвинул лозунг для работы с молодежью: "Назад к Ленину!" В сильных выражениях Лашевич потребовал сплочения рядов и мужества, предложил провести сбор средств для борьбы со Сталиным. Взносы предлагались небольшие, делалось это скорей всего для круговой поруки. Лашевич обнадежил, что

в ближайшие дни решится вопрос с печатанием пропагандистских материалов: начнет работать подпольная типография.

В Лондоне британская полиция внезапно совершила налет на контору советской организации "Аркос". Налётчики орудовали грубо, взламывали сейфы.

После этого правительство Великобритании объявило о разрыве дипломатических отношений с СССР.

В Китае Чан Кайши совершил кровавый переворот.

Богатейший англо-голландский промышленник Детердинг соблазнил Манташева громадным кушем и приобрел у него нефтяные месторождения на Кавказе. Недавно Детердинг отправился в Германию для встречи с героем Брест-Литовска генералом Гофманом.

Промелькнуло сообщение, будто Гучков, находясь в Финляндии, направил конфиденциальное письмо генералу Врангелю. "Черный барон" немедленно прибыл на Балканы и стал проводить здесь смотры своих воинских частей.

Кажется, попахивало переворотом, подобным тому, который совершил прошлым летом Пилсудский в Польше.

И настоящим благовестом для оппозиции грянула статья в лондонской газете "Монинг пост":

"Через несколько месяцев Россия обратится к цивилизации, но с новым и лучшим правительством... С большевизмом в России будет покончено еще в текущем году, и как только это случится, Россия откроет свои границы для всех!"

Обреченным, жалким казался деятелям оппозиции "корявый Оська" (так они называли Сталина в своем кругу). Не устоять ему перед таким напором, не усидеть в своем высоком кресле!

Пасмурный день 7 ноября 1927 г. скрашивался обилием кумачового убранства улиц и площадей Москвы. Привычный праздник в этом году носил особенный характер: отмечалось первое десятилетие Великого Октября.

Сталин в окружении соратников находился на трибуне Мавзолея. Внизу по площади текла река радостных демонстрантов. Гремела музыка. Мужчины поднимали на руках детишек. Красный цвет заливал все огромное пространство площади. На громадных плакатах, плывущих над головами демонстрантов, изображены толстые изломанные линии — показатели неудержимого роста страны — цифры, цифры, цифры. В такой счаст-

ливый день каждому москвичу хотелось порадоваться успехами родного предприятия.

Внезапно на ступенях Мавзолея возникла схватка. Охрана с кем-то боролась. Наверх прорвался человек в военной форме и устремился к Сталину. В руке он держал нож. Охранник бросился к нему и получил удар ножом в руку. На нападавшего кинулись, свалили его, обезоружили.

А людской поток внизу на площади пел песни, провозглашал здравицы, размахивал флажками. Продолжала греметь праздничная музыка.

Нападавших было трое: Яков Охотников, Аркадий Геллер и Владимир Петренко. Они учились в Академии им. Фрунзе. Пропуск на Красную площадь им выдал начальник Академии Р. Эйдеман.

Одновременно с "мавзолейной заварушкой" в нескольких районах Москвы на улицах появились небольшие отряды молодежи. Они несли лозунги: "Долой Сталина!", "Да здравствует товарищ Троцкий!", "Руки прочь от ленинской партии!" На Миусскую площадь примчался на автомобиле сам Троцкий. Молодые люди принялись его качать. Троцкий выступил с горячей речью, назвав молодежь "верным барометром партии". Неистово сверкая пенсне, он пламенно выбросил руку в сторону Кремля и прокричал сорванным голосом: "Выполним заветы Ленина!".

Замысел оппозиции копировал события февраля 1917 года. Тогда именно уличные беспорядки привели к царскому отречению. На этот раз ставка была сделана на молодежь. Захватив улицы праздничной Москвы, молодые люди должны были парализовать центральную власть.

Центром событий в Москве стала квартира Смилги в доме на углу Тверской и Охотного ряда. На балконе перед собравшейся толпой стояли и провозглашали речи Преображенский, Мрачковский, Гинзбург, Мдивани, Альский. Толпа держала плакаты: "Мы за ленинский, а не за сталинский ЦК!" Внезапно подошли демонстранты с Красной площади и смешались с толпой под балконом. В ораторов наверху полетели камни, палки. Несколько человек с улицы стали ломиться в дверь квартиры Смилги.

Сам Троцкий день напролет носился на машине по Москве, обращаясь с речами к каждой группе возбужденной молодежи. Тем не менее массово-пролетарского выступления не получи-

лось. Путч, словно костер из сырых дров, дымно почадил и к вечеру погас.

В Ленинграде путчисты были настроены более решительно. Колонна молодежи направилась к Дворцовой площади с плакатами: "При штурме Смольного пленных не брать!" Вскоре кто-то бросил бомбу в Дом политпросвещения...

Самым серьезным последствием несостоявшегося путча было самоубийство А. Иоффе, близкого друга Троцкого. Они дружили с детских лет. Отец Иоффе владел большой паровой мельницей в Симферополе, отец Троцкого занимался ссыпкой зерна. Иоффе, любитель тонких вин и сигар, домогался от своего друга высокого поста. Ему хотелось стать наркомом иностранных дел (после Брестского мира). Троцкий не хотел обижать Чичерина. Вот разве наркомом РКИ? А Сталина перевести в другое место... Троцкий обещал другу "разобраться" после ноябрьских событий... Страдая от тяжелой наследственности, Иоффе лечился входившим в моду психоанализом. Последний раз он прожил за границей почти два года. Вернувшись, потребовал валюту на крайне дефицитные лекарства. "Необходимо беречь старую ленинскую гвардию!"

После скандального провала путча он, паникуя, принял яд. Троцкому Иоффе послал предсмертное письмо: "Умираю с уверенностью, что недалек тот момент, когда Вы опять займете подобающее Вам место в партии".

Похороны Иоффе вылились в шумную демонстрацию. Сначала состоялся митинг у здания Наркомата иностранных дел на Лубянке, затем толпа двинулась на кладбище. Над гробом самоубийцы выступили Троцкий, Радек, Муранов, Зиновьев, Каменев, Чичерин. Особенно резкими были речи Троцкого и Зиновьева. Оба, не выбирая выражений, поносили Сталина.

Сразу после похорон Зиновьев уехал в Ленинград и там закрылся на даче.

Троцкого выселили из Кремля. Он поселился на квартире своего друга А.Белобородова, на ул. Грановского.

XV съезд ВКП(б), состоявшийся 2-19 декабря 1927 г., принял решение исключить из партии 75 сторонников Троцкого и Зиновьева, а 30 человек выслать из Москвы. Разгромленная оппозиция отправилась в самые отдаленные города страны. Местом ссылки Троцкого была избрана Алма-Ата.

Обосновавшись на краю света, в Семиречье, Троцкий продолжал бешеную деятельность. Во все концы страны летели телеграммы, посылались письма, бандероли. Троцкий поддерживал в своих сторонниках боевитый дух. "Мы еще понадобимся партии. Сталин сам нас позовет!" Рядом с ним работал его старший сын Лев Седов, ставший чрезвычайно ловким конспиратором. На плечи сына недавний диктатор возложил исполнение самых деликатных поручений. Алма-Ата превратилась в некий центр, где пульсировала основная мысль заговора. По Москве шептались: "Лев Давидович считает...", "Лев Давидович настаивает..." Те из троцкистов, кому удалось не попасть в ссылку и остаться на месте, принимались потихоньку выполнять указания своего высланного лидера.

Песчинки скрытного вредительства подсыпались в буксы разгонявшегося поезда индустриализации. Если Сталин настаивал на рентабельности за счет снижения себестоимости производства, то троцкисты, как бы в пику, ратовали за прибыль путем неуклонного повышения оптовых и розничных цен. Бухарин, как "специалист по прогрессу", изобрел закон "падения темпов с нарастанием объемов производства". Это обрекало советскую промышленность на "экономически выверенное", а следовательно, "вполне законное" сокращение того прироста, которому так завидовал весь мир.

Поскольку страна работала в "крестьянском режиме", стремилась экономить каждую копейку и расчетливо вкладывать ее в самое важное, самое необходимое троцкисты умело проталкивали тупиковые проекты, начиная и не доводя до завершения крупные дорогостоящие сооружения. Количество обременительной "незавершенки" росло из года в год. Это была тонкая, искусная работа, основанная на радостном порыве масс к скорейшему построению социализма. Люди с песней воздвигали строительные леса и ведать не ведали, что им дадут лишь заложить фундамент и возвести наполовину стены, а затем вдруг не станет средств, финансирование прекратится, и затраченные миллионы повиснут на шее и без того скудного бюджета мертвым капиталом.

Любопытные методы вредительства были вскрыты при расследовании "Шахтинского дела". Оказывается, находились люди (их называли спецы), которые самым подлым образом

скрывали сведения о ценных пластах и направляли рабочие бригады на худшие участки. Когда шахтеры и там выполняли по несколько норм в смену, спецы организовывали обвалы и затопления, портили вентиляцию, создавали помехи в снабжении рабочих продовольствием. Гнусность этих искусственных помех заключалась в том, что спецы уверяли, будто такова хозяйственная политика большевиков.

Омерзительных вредителей удалось раскрыть. Гнев трудящихся был неописуем. Ах, твари! И без вас невыносимо трудно, а тут еще... Нет, чтобы помочь!

Серго Орджоникидзе на совещании в Наркомтяжпроме, разъясняя сволочную тактику спецов, призвал рабочих устанавливать свой контроль — экономический, технологический, политический, научный — причем не только над всей массой "реваншистов-трестовиков", но и над членами райкомов, обкомов, хозяйственных "начальников".

Терпение Сталина наконец лопнуло.

Вопрос о высылке Троцкого из страны обсуждался в Политбюро. Решительно возражали против такой меры Рыков, Бухарин, Томский. Чувствительный Бухарин даже заплакал. Однако решение все же было принято. Троцкий уезжал в Турцию, к человеку, которого в свое время также опекал Парвус,— к Ататюрку.

Троцкий, как и в Алма-Ату, забрал с собой весь свой огромный, очень ценный архив.

С головы кровавого расстрельщика не упало и волоса...

Проиграв неторопливому Сталину по всем позициям, Троцкий отправился в новое изгнание.

Теперь ему до конца жизни оставалось одно-единственное: быть озлобленным, искать сообщников, затевать интриги и заговоры...

Оставшиеся в стране троцкисты получили указание: каяться, признавать свои ошибки, разоружаться, а выпросив прощение, пролезать на важные посты и ждать руководящих распоряжений. Эти люди нужны были для напора на советский режим изнутри.

Выслав Троцкого за рубеж, советское правительство очистило атмосферу в стране, но укрепило легион ненавистников СССР. Против Страны Советов стал формироваться единый фронт от Чемберлена до Троцкого...

А в декабре 1929 года И.В. Сталин отметил свой полувековой юбилей.

Дата переломная: лучшие годы жизни остались позади.

Для обыкновенного человека в таком возрасте наступает спокойное и заслуженное наслаждение достигнутыми успехами, почет, любовь и уважение родных и близких. Жизнь течет размеренно, без потрясений.

Совсем иначе складывалась жизнь у Генерального секретаря.

Избавившись от ненавистного врага, гауляйтера Сиона, внедренного в советскую систему кознями Соединенных Штатов, Иосиф Виссарионович всего лишь приближался к свершению своих самых великих дел.

Побежден Троцкий, но оставался Гитлер.

Уверенно набирала ход индустриализация, но продолжало прозябать сельское хозяйство.

В дни сталинского юбилея в стране впервые появились его красочные плакатные портреты. Партия и народ великой страны признали его своим вождем.

ПО ОСТРИЮ НОЖА

В ненастный день ранней московской весны, когда занудный дождь сменяется мокрым снегом, в Мавзолей Ленина вступил промокший человек, незаметно достал из-под пальто обрез ружья и выстрелил в сверкающий саркофаг покойного вождя. Началась сумятица, охрана сбила человека с ног, скрутила ему руки и уволокла.

В тот же день на стол Поскребышева легло донесение Паукера, начальника оперативного отдела ОГПУ. К донесению было приложено письмо стрелявшего — его нашли в кармане арестованного. Аккуратный до педантичности Поскребышев положил донесение с письмом в красную папку для самых важных документов.

Иосиф Виссарионович, пробежав глазами донесение чекиста, стал внимательно читать письмо.

Стрелявший злоумышленник, Митрофан Никитин, работал в совхозе «Прогресс», в Подмосковье. Уже немолодой, 46 лет, он объяснял свой поступок желанием обратить внимание партийного руководства на отчаянное положение народа. Вчитываясь, Сталин несколько мест отчеркнул красным карандашом.

Впечатление от письма осталось раздражительное. Липа! Самая обыкновенная прокламация, листовка, причем фальшивая, злобная, несправедливая. Создавалось впечатление, что письмо сочинялось не теперь, а года два назад. «Люди от истощения, от голода падают и мрут, как мухи... Завтра еще хуже жизнь будет, чем сегодня». Да, было. Но именно сейчас положение изменилось настолько, что с нового 1935 года намечено отменить карточную систему. О каком голоде, о каком ухудшении речь?

Следующие строки с головой выдавали надежды тех, кто сочинял письмо и посылал этого недоумка на преступление. «Российский социализм очень, очень много принесет бедствия народу... Неужели наши правители, засевшие в Кремле, не видят, что народ не хочет такой жизни? Опомнитесь, что вы делаете? Как необходимость, в первую очередь требуется разрушить плохой фундамент!»

Вот, наш социализм им прямо поперек горла стал!

В заключение подмосковный Митрофан напыщенно восклицал: «Я с радостью умираю за народ. Да здравствует истинная свобода!»

Трескотня... Уши сочинителей прямо-таки торчат. Дескать, Сталин плохой, а вот мы были хорошие. Посадите нас снова и сразу увидите, как станет хорошо!

В верхнем углу листка Иосиф Виссарионович пометил:

«Мой архив. И. Ст.»

Он попытался заняться текущими делами, однако не смог: происшествие в Мавзолее не выходило из головы. Прогремевший выстрел был запоздалой реакцией потерпевших поражение в борьбе за советскую деревню. Эта борьба носила название «коллективизации сельского хозяйства», ее программа была принята на XV съезде партии. Съезд собрался через несколько недель после путча Троцкого и продемонстрировал окончательную победу сталинского курса.

Российская действительность в XX веке являла картины разительного контраста между городом и деревней.

В городе — электричество и рестораны, театры и трамваи, клиники и университеты. В деревне же — скудная лучина, заморенная лошаденка, а также прадедовские соха и серп.

Российская деревня по сравнению с российским городом выглядела совсем иной планетой. Время в этой деревне, казалось, остановилось навсегда.

Статистика России страшна: из каждых пяти лет ее истории три года приходилось на войны и каждое пятилетие население державы постигала Божья кара — неурожай, а следовательно, массовый голод. Причем опустошения, наносимые неурожаем, не шли ни в какое сравнение даже с самыми кровопролитными войнами: голод уносил миллионы жизней (вымирали деревнями и уездами).

Русские летописи зафиксировали ужасающий неурожай в самом начале XVII века. Несчастье совпало с годами кровавой Смуты. Правитель Борис Годунов тогда распорядился, боясь бунтов, открыть государственные житницы и кормил народ из царских запасов. Но уже второй царь из династии Романовых, тишайший Алексей Михайлович, бунтов не опасался. При нем в голодные годы холопов попросту выгоняли за ворота. Кормись как знаешь! Им предоставлялась полная свобода... умереть. Совсем иначе поставил дело Петр Великий. Последовал указ об изъятии излишков хлеба у помещиков. Особенную заботу Петр проявил о семенном фонде. Крестьяне получили зерно из хранилищ для засевания хлебной нивы. Екатерина Великая, узнав ужас пугачевщины, повелела открыть во всех крупных городах зерновые «магазины». Кроме того, она буквально силой заставила крестьян признать картофель (теперь это для русских — второй хлеб).

Тяготы голодных лет раскладывались на народ неравномерно. Страдала главным образом голь, беднота и в первую очередь крестьянство (четыре пятых населения страны).

Крестьянин в России привык к жестоким испытаниям. Вот могильные показатели «серебряного» XIX века. В первой его половине (1800—1850 гг.) 44 года выдалось неурожайных, а 35 лет по деревням свирепствовали эпидемии болезней. В 1848 году от холеры умерло 668 тысяч человек. Обильно пропадал и домашний скот. Во второй половине века (1850— 1900 гг.) неурожайными были 36 лет, а холерными — 33 года.

Голод и болезни косили население сельской России столь остервенело, что продолжительность жизни в империи составляла всего 32 года. Цифра эта — средняя, ибо русские жили всего 27,5 лет, молдаване — 40, а латыши — 43 года.

Мужик, ковыряя тощую десятину сохой, засевал ее из лукошка, сжинал серпом и обмолачивал цепом. Урожай сам-три

или сам-четыре считался — слава Богу (не более 7 центнеров с гектара). Поэтому своего хлеба крестьянину, как правило, хватало лишь до Рождества. К муке на две трети подмешивалась толченая кора. «Сосна кормит, липа одевает...» Хлеб выпекался горький, колючий от охвостьев. Но не хватало и такого!

Статистики обыкновенно оперируют данными за 1913 год, последний мирный год России.

Потребление зерна составило 250 кг на душу населения, мяса — 29 кг, молока — 154 литра, яиц — 48 штук, рыбы — 6 кг, сахара — 8 кг, овощей — 87 кг.

Не от хорошей жизни православный человек придумал 211 постных дней в году!

Так было заведено: богатые обжирались и лечились на целебных водах, у бедных же пучило животы от лебеды и сосновой коры.

Смертность, особенно детская, никого не возмущала. Бог дал, Бог взял... Еще нарожают!

Из каждой тысячи родившихся младенцев умирало 450.

За годы правления Николая II в России умерло 97 миллионов детей.

Причиной этому — голод и болезни бедноты.

Недаром Радищев грозно предостерег слишком легкомысленных любителей роскошной жизни: «Страшись, помещик жестокосердный, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение».

Лев Толстой считал: «Народ голодает оттого, что мы слишком сыты».

В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» показал всю бесчеловечность капиталистического образа хозяйствования и, как следствие этого, обострение классовой борьбы (бедные против богатых). Естественным выходом из создавшегося положения явилась революция — ликвидация частной собственности и уничтожение вопиющего неравенства.

П.А. Столыпин был человеком выдающихся способностей, настоящий государственный деятель. Прежде чем возглавить правительство России, он занимал посты губернатора и министра внутренних дел. На его взгляд, Россия медленно слабела и дряхлела. От хронического недоедания год от года убывали ее силы. При всей своей огромности она превращалась в малокровного колосса на истощенных безмускульных ногах.

Страна-дистрофик неотвратимо приближалась к своему бесславному концу.

На свою беду, Столыпин считал, что неравенство — категория постоянная. Всегда были богатые и всегда должны быть бедные. Так заведено не нами! И он решил преобразовать русскую деревню на западный манер: создать в ней класс фермеров (по-русски — кулаков) и тем самым обрести среди голодного и вечно недовольного крестьянства прочную опору для существующего режима. Фермер будет бояться революции, как пожара!

Столыпин по привычке действовал решительно и жестоко. Помня, как насаждалась картошка при Екатерине, он ломал сопротивление крестьян через колено: порол целыми деревнями и даже вешал.

Сам того не сознавая, он действовал по-революционному. Своими властными мерами он прежде всего начисто разрушил русскую общину — извечную привычку русских жить и работать совместно, соборно. Хваткие кулаки быстро прибрали к рукам всю землю и обрекли на изгнание из деревень громадное количество «лишнего» мужичья. В поисках пропитания эти «лишние» ринулись в города, пополняя там ряды люмпен-пролетариата, самого жестокого резерва приближающейся революции.

В Республике Советов с первых же дней создалось нелепейшее положение: город провел национализацию и строил социализм. Деревня же, наоборот, закрепила землю в частном пользовании и продолжала жить по законам капитализма. Рабочие говорили: «мы», «наше», в то время как крестьяне по-прежнему талдычили: «я», «мое».

Этот чудовищный общественный раздрай нахально резал глаз.

1 марта 1919 года появилось постановление ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» (создание коммун). I Всероссийский съезд комитетов бедноты вынес решение «О коллективизации земледелия». А в 1923 году газета «Известия» объявила конкурс на лучший колхоз в стране.

Так что преобразование деревни, переход к коллективной организации хозяйства сами собой просились в повестку дня.

Хваленый НЭП сыграл на руку хозяйственному мужику, однако ничего не дал пролетариату. Рабочие уникальных специальностей, искуснейшие руки, золотой фонд индустриализа-

ции, спасали свою жизнь тем, что ладили зажигалки на продажу. Мужик и слышать не хотел ни о какой индустриализации страны и по-прежнему заботился лишь о своей мошне. Тем более что в городе внезапно нашлись люди, взявшие его под защиту. В 1925 году деревенским кулакам разрешили даже наем батраков!

Мгновенная смычка троцкистов с кулаком угрожала созданием мощного фронта внутренней борьбы.

Пришлось решаться на великое насилие. Брала за горло жизненная необходимость. Кругом враги. Плачешь, а решаешься. Так надо во имя будущего, во имя жизни.

В действие вступила железная воля Генерального секретаря.

За преобразование деревни Иосиф Виссарионович принялся не с бухты-барахты. Он видел жизнь России на громаднейшем пространстве.

На столе Генерального секретаря лежали груды справок, таблиц, выписок из документов. Многолюдство русской деревни вовсе не гарантировало изобилия хлеба в стране. Сельскохозяйственное производство оставалось частным, выращивание зерна производилось на клочках захваченной земли. Эти клочки даже при умелом пользовании не давали (и не могли дать!) желанного изобилия.

Как несостоявшийся священник, Сталин часто думал о монастырском житии. В монастырях работали общиной с неразделенным имуществом, с общим хозяйством, с одинаковым распределением работ. Там не было ничего своего, все считалось общим.

Громадное значение для выработки окончательного плана имело изучение трудов великого русского ученого и мыслителя Д.И. Менделеева. Дмитрий Иванович создал не только свою знаменитую Таблицу, он может считаться и основоположником теории национальной экономики. Критикуя так привившееся в России западноевропейское резонерство («Логично — еще не значит верно, у жизни своя логика»), он требовал сделать политическую экономию наукой точной, которая могла бы стать фундаментом разумного построения всего народного хозяйства страны. Менделеев энергично протестовал против исключительно денежной оценки явлений хозяйственной деятельности. «Деньги не оправдывают худых дел». Политэкономия, как наука, должна иметь целью всестороннее развитие производ-

ства, но никак не вульгарную спекуляцию. Необходимо также учитывать, что настоящему гражданскому обществу необходим не только труд производительный, но в равной мере и непроизводительный (художники, музыканты, актеры, врачи, учителя и пр.). Благосостояние общества — категория бесспорная, однако не меньшее значение имеет и нравственное здоровье этого общества.

В своих планах по устройству общества будущего (светлого будущего, разумеется!) великий ученый предвидел торжество труда над золотом.

Участие иностранной помощи? Менделеев этого не отвергал. Однако условия ставил жесткие: «Им (т.е. иностранным инвесторам) нельзя давать прав, а только проценты».

Свои теоретические воззрения Дмитрий Иванович подкреплял — и довольно удачно — практикой. Ему удалось приобрести в Клинском уезде имение Боблово, в 400 десятин. Он стал прививать крестьянам навыки передовых методов обработки почвы, использования минеральных удобрений. Мужик стал получать познания в селекционной работе, в лесоразведении. При этом Менделеев, как рачительный хозяин, постепенно приучал деревенский люд к благам городской культуры.

Вскоре на производственную практику в Боблово стали наезжать студенты Петровской сельскохозяйственной академии.

Под конец жизни великий ученый пришел к выводу, что капитализм — величайшее зло человечества.

В качестве первой неотложной меры он призывал власти провести выкуп всей земли в державе и сделать русскую землю достоянием всего русского народа.

Затевая коллективизацию, Сталин рассчитывал решить основную государственную задачу: повысить производительность труда в сельском хозяйстве.

Сельскохозяйственное производство должно сравняться с промышленным. Частная собственность на землю отменялась, вводилась коллективная, общая, соборная. Колхозы и совхозы становились как бы заводами в деревне.

Ученый А.В. Чаянов около двух недель был членом Временного правительства, занимал там пост заместителя министра земледелия. В 1921 году он выступил на заседании Совнаркома с докладом «Генеральный план наркомзема». Книгу

Чаянова «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» внимательно изучил В.И. Ленин и взял многое оттуда для своей статьи «О кооперации».

Сейчас А. Чаянов вместе с Н. Кондратьевым организовали «Лигу аграрных реформ». Их мнение: «Для нас нет сомнения, что, организуя совхозы, мы уже реально встали на этот (то есть социалистический) путь, и он является генеральной и единственной линией нашего аграрного развития».

Беседы Генерального секретаря с выдающимися деятелями агрономической науки помогли ему принять решение, имевшее судьбоносное значение не только для крестьянства, но и для всей страны.

Ученые не скрывали, что задуманное преобразование деревни натолкнется на немыслимые трудности. Мало того, что стране потребуются трактора и минеральные удобрения, — ломать предстоит саму психологию крестьянина. Разумеется, лучше всего действовать убеждением, примером: пусть мужик сам увидит, что работать в колхозе выгодней, чем тянуть лямку единоличника. К сожалению, поджимали сроки: в Европе все ощутимей пахло порохом. Враги социализма не оставляли советским руководителям времени на спокойную неторопливую работу.

Два съезда партии подряд — XIV и XV — приняли решения, на осуществление которых требовалось не меньше пятидесяти-ста лет. Советскому народу предстояло сократить этот срок в десять раз — уложиться всего в две пятилетки. «Иначе, — сказал Сталин, — нас попросту сомнут!»

Годы коллективизации явились своего рода как бы продолжением гражданской войны.

Если на заре советской власти крестьянство в общем-то равнодушно (а порою — и злорадно) наблюдало за тем, как утверждается новый режим в городах, то теперь подошел его черед. Мужик, однако, был уже совсем не тот, что в годы революции. Тогда он самозабвенно громил ненавистные имения и даже пускал «красного петуха». Его хозяйственная хватка проявилась пусть и в надсадном, но все же радостном достижении жизненного благополучия. Он стал зажиточным, он стал хозяином. Он ощутил свой вес в державе. В его руках находился хлеб — основа жизни человека.

Таким стал кулак, главный враг сталинской политики в деревне.

Кулак с презрением посматривал на бедноту. Не смог ничего добиться? Значит, дурак. Я же вот смог! Более того, существование бедноты становилось необходимым, как неиссякаемый резерв дешевой батрацкой силы.

Деревенский труд по-лошадиному тяжел. Семья, потерявшая кормильца, становилась беспомощной. Вдове и осиротевшим ребятишкам оставалась одна дорога — «идти в куски», т.е. побираться.

Еще в 1919 году, выступая на VIII съезде партии, Зиновьев бросал в зал тревожные слова:

— Крестьяне ненавидят нас. Если сейчас ничего серьезного из этого факта не проистекает, то только потому, что нет силы, которая организовала бы их.

Нашлась, отыскалась такая сила: в стране поднялась крутая волна крестьянских мятежей. Их подавили с неслыханной жестокостью. Теперь тревожная ситуация могла возникнуть вновь. Мужик отчаянно свиреп в защите своего добра. К счастью, ярость кулачества не заразила основную массу советского крестьянства. Беднота и даже середняк сразу смекнули, что им с кулаком не по пути. Гражданской войны не возникло.

Село стало ареной ожесточенной классовой борьбы. Кулачество отступало с упорными кровавыми боями.

Борьба на селе оживила затаенные надежды разгромленных троцкистов. Появилась возможность поиграть на защите кулака как основного производителя товарного зерна (не резать курицу, несущую золотые яйца). Оппозиция предлагала заручиться и зарубежными займами или же поступить еще проще — закупить хлеб за границей. Партия пойти на это не могла, не имела права. На закупку хлеба не было средств (деньги, и большие, требовались на ускоренную индустриализацию), а зарубежные кредиты наденут на страну невыносимое ярмо и ростовщик высосет все соки.

Выход был один: затянуть потуже пояса.

Оппозиция действовала изобретательно, разнообразно. К тому времени партийные организации в зерновых районах возглавляли скрытые троцкисты: на Украине — С. Косиор, в Казахстане — Ш. Голощекин, в Сибири — Р. Эйхе, на нижней Волге — Б. Шеболдаев, на средней Волге — М. Хатаевич, в Черноземном центре — Ю. Варейкис.

Мгновенно образовалась «творческая» смычка кулачества на селе и «теоретиков» в руководящих центрах. Деревня вдруг принялась резать скот и к 1933 году сократила его поголовье на целую треть («Вот хрен вам, а не мясо. Лучше сам съем!»). Поощряя это истребление, секретарь Средне-Волжского крайкома партии Мендель Хатаевич посоветовался с Петерсом и Раковским, после чего изрек зловеще:

— Понадобится голод, чтобы показать им, кто все-таки хозяин!

Хатаевич действовал размашисто. Он объявил, что край проведет коллективизацию ударными темпами и закончит к 3 февраля наступающего года. Метод был один — принуждение. Хатаевич распорядился раздать оружие всем членам партии. Каждый, кто отказывался вступать в колхоз, считался врагом советской власти. Началось массовое выселение (более 15 тысяч семей середняков). Заодно Хатаевич решил еще одну проблему: закрыл церкви и поснимал колокола.

В Самару, в крайком партии, полетела телеграмма из Москвы за подписями Сталина, Молотова, Кагановича:

«Ваша торопливость не имеет ничего общего с политикой партии».

Хатаевич ответил заносчиво:

«Мы уверены, что допущенные ошибки не принесут вреда».

Серго Орджоникидзе, уехав на Украину, вскоре доложил в Москву: «Перекручено здесь зверски. А исправлять охоты мало».

Велеречивый пустоболт Бухарин поместил в журнале «Большевик» разгромную статью, обвинив ученых А. Чаянова и Н. Кондратьева в разрушении рыночной смычки города и деревни (этим самым он погубил обоих, как пять лет назад «мужиковствующего» Есенина).

Словом, в предельно накаленной обстановке принялись за дело как отъявленные негодяи, так и откровенные дураки. Их преступные деяния получили название перегибов.

2 марта 1930 года в «Правде» появилась статья Сталина «Головокружение от успехов» — грозный окрик в адрес дураков, карьеристов и мерзавцев.

Через неделю, 10 марта, Политбюро приняло постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

17 марта для исправления дел на местах отправились Орджоникидзе, Молотов, Калинин и Каганович.

Глазам высокопоставленных представителей из Москвы открылись картины ужасающего произвола. Крестьянин всячески мордовался и озлоблялся, его усиленно подталкивали на сопротивление, на бунт.

Вот история семьи Ивана Евдошенко из д. Черемушная Харьковской области.

В избе — 10 человек, из них 7 детей. Работников двое, муж и жена. Земельные угодья семьи составляют 5,5 десятины. В хозяйстве 2 коровы, телка, две овцы и, разумеется, лошадь. Муж и жена хлестались на своих скудных десятинах, не жалея сил, однако год выдался неласковым: посеянная пшеница сопрела и ее пришлось скосить на корм скоту. Не уродился и ячмень. Спасти удалось рожь, собрав 84 пуда, и гречиху — 24 пуда. А в избе, повторимся, 10 едоков. Как продержаться до весны?

Тут нагрянуло начальство с пузатыми портфелями. От Ивана Евдошенко потребовали сдать государству 350 пудов зерна и 100 пудов сена. Кроме того, он обязан заплатить налог 113 рублей и приобрести облигации займа на 250 рублей.

Мужик взвыл: «Да где же я возьму?»

«А где хочешь!»

В итоге глава семьи отправился в тюрьму, как злостный саботажник, а его семья — на высылку.

С отчаянной борьбой троцкистов на внутрипартийном фронте связано имя секретаря Московского горкома партии М. Рютина. Этот партийный мещанин, начетчик и догматик свято соблюдал букву теории и не хотел задумываться о смысле порученного ему дела. Такие, как Рютин, прежде чем взять на работу человека дворником, требовали, чтобы он знал наизусть всего Маркса! Из многочисленных троцкистов, окопавшихся в идеологических учреждениях, Рютин сколотил группу единомышленников и назвал ее «Союзом марксистов-ленинцев» (А. Слепков, Д. Марецкий, Я. Стэн и другие, всего около 30 человек). Группа объявила: «Сталин и его клика губят дело коммунизма. С руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее!» Это было объявление войны в открытую.

Рютиным и его группой занялась Лубянка. Сталин настаивал на примерном наказании за фракционность. Однако полнотой власти он еще не обладал. Бухарин со своими «голоснули» дружно, и Рютин отделался пустяковым наказанием: его сняли

с работы и отослали в резерв, устроив экономистом в тресте «Союзсельэлектро».

Впоследствии Иосиф Виссарионович вспоминал годы коллективизации, как самые трудные и опасные (в частности, в разговоре с Черчиллем). Казалось бы, извращения троцкистов могли спровоцировать крестьянство на «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». К счастью, сам мужик вскоре «расчухал», что колхоз несет ему освобождение от хронического голода, и пошел на решительную ломку дедовского уклада жизни. Замыслы троцкистов в который раз снова сорвались.

28 ноября 1932 года в здании Уральского областного суда слушалось дело о зверском убийстве двух деревенских мальчиков: Павлика Морозова и его пятилетнего брата Феди. Преступление отличалось неслыханной жестокостью. У обоих убиенных были вспороты животы. Их нашли в лесу, недалеко от родной деревни. Обезображенные тела детишек валялись с выпущенными кишками.

Зал суда был набит битком. Особенную остроту безжалостному преступлению придавало одно удивительное обстоятельство: убийцами являлись самые близкие родственники несчастных ребятишек.

Павлик Морозов... Это имя постоянно витало над всей историей нашей советской цивилизации, завершающей второе тысячелетие христианской эры. В честь умученного пионера слагались песни и поэмы, ему ставились памятники, но его же и поносили всячески те, кто люто ненавидел «эту страну» и «этот народ», кто с вкрадчивой подлостью готовил сокрушительную перестройку.

Так получилось, что два имени склонялись на все лады последние десятилетия нашей недолгой, но славной истории: это имя Иосифа Сталина и Павлика Морозова, великого Вождя и скромного деревенского мальчишки. В них, этих бессмертных именах, отразилась вся борьба нашего народа за преображение родной страны, борьба, получившая столь трагический исход.

В недавние годы в одиозном журнальчике «Юность», собравшем вокруг себя подрастающие кадры разрушителей страны, вдруг появилась вроде бы документальная повесть о Павлике Морозове. Написал ее некий В. Амлинский, литературный шустрик, забытый читателями слишком скоро и навсегда. Этот мелкий «творческий грызун», исполняя библейские заветы сво-

их древних предков, вылил на умученного отрока целый ушат гнусных помоев. В частности, он представил Павлика доносчиком на своего будто бы безвинного отца, с которым по его навету быстренько расправилась тогдашняя сталинская власть.

Как видим, бессовестный пачкун стрелял дуплетом: сразу по двум фигурам, наиболее ненавистным подрастающим перестройщикам, тусующимся в коридорах столичного журнала.

Нелишне заметить, что литературные пасквилянты нисколько не заботятся об исторической достоверности своих поделок. Они считают: если наша история расходится с их намерениями, то тем хуже не для них, а для истории! Писатель А.Рыбаков даже хвалился тем, что, сочиняя свой роман «Дети Арбата», он намеренно не обращался к документам, а писал «из головы». Амлинский, расправляясь с ненавистным пионером, последовал примеру старшего собрата. Времена тогда были еще советские, и возмущаться идеологическими подлецами возможности имелись. Оказалось, у Павлика Морозова живы мать и брат, живы учителя деревенской школы, где он учился. Негодованию родственников и односельчан убитого пионера не было предела.

Вот что писала старая учительница Лариса Павловна Исакова:

«В прошлом году Амлинский написал в журнале «Юность»: Павлик Морозов, ставший героем, образ пионера-доносчика, которым воспитывали не одно поколение — это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного и романтизированного предательства. ...В голове моей не укладывается, сердце кровью обливается: а чего же это так дружно все набросились на моего ученика, ведь никто из них не спросил о нем ни меня, ни его брата родного, ни других, которые его знали хорошо и живы еще».

А зачем им спрашивать, узнавать? Эти люди выполняют политический заказ!

Старая учительница продолжает:

«Павлик у меня до сих пор перед глазами стоит, слышу его голос, вижу походку... Чистой душой своей, мужеством, честностью этот мальчик огромен, — понимаете? Таких в жизни встречаешь единицы. Они очень часто попадают под нападки людей нечестных. А иногда таких кристальных и непримиримых, как Павлик, просто уничтожают. Такие невыгодны нечестным людям, вызывают у них беспокойство и ненависть.

Павлика убрали с дороги, а он и мертвый им мешает. Потому что остался жить в сердцах людей».

Что же на самом деле произошло в том далеком 1932 году в глухой уральской деревушке Герасимовке? Об этом хорошо знали и тогда (был же публичный суд!), но идеологические прохвосты все перевернули с ног на голову.

Обратимся снова к письму Л.П. Исаковой. «Сейчас много пишут о кулаках, будто они богатыми были потому, что много работали, а бедняки — ленивые. Честное слово, обидно читать и слышать такое. Из 100 герасимовских дворов кулацких было всего 7. Получается, 7 работали, а остальные на печке валялись? Работали на кулаков многие, чтобы прокормиться. А бедность — штука страшная, выбраться из нее почти невозможно было. Кулаки деревню держали в страхе — большинство бедняков зависело от них полностью».

Отвлечемся на минутку.

Перестроечная шваль, увидев, что осталось от великой державы, пытается сыграть откат. «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда...». «Метили в коммунизм, а попали в Россию...». Вранье! Прохвосты-разорители хотят уподобиться мальчишкам-шалунам, играющим в футбол: хотели попасть в ворота, а угодили в окно. Они попали как раз туда, куда нацеливались давным давно: именно в Россию. И они не были первыми в этом кровавом деле. Спрашивается, в какой коммунизм метил хан, Мамай? А Наполеон? А с какими антикоммунистами сражался Александр Невский? И смешно считать антикоммунистом Гришку Отрепьева.

Что же, мерзавцы добились своего, осуществили свои планы. Россия подплывает неслыханной кровью и стремительно исчезает с лица Планеты. Уничтожение русского народа — страшно молвить! — происходит со скоростью пять тысяч душ в сутки.

На сколько же времени нас еще хватит?

А теперь вернемся к событиям в зауральской Герасимовке.

Русский человек — он очень разный: от Сусанина — до Гришки Отрепьева, от генерала Власова — до Матросова и Космодемьянской. Из него, как из дерева: и дубина, и икона.

Семья Морозовых — тому пример.

Отца Павлика звали Трофим. Он был как раз из тех, кто свирепо проявил себя при раскулачивании и наломал столько дров,

что потребовалось срочное вмешательство Москвы. Единственный грамотный из деревенской голытьбы, он числился в активе и был поставлен председателем сельсовета (главная и единственная власть тогда в деревне!). Мужик смекалистый, он быстро сообразил, какой это выгодный пост. Мужик надулся спесью и немедленно обзавелся символом власти — приобрел внушительный портфель. Так, по его мнению, должен выглядеть всякий большой начальник.

К тому времени в Герасимовку привезли 80 семей раскулаченных с Кубани. Одни из новоселов старались поскорей прижиться, другие — вырваться, уехать. Но для того, чтобы уехать, требовалась справка, подписанная председателем сельсовета. И Трофим Морозов такими справками стал открыто торговать. Потекли шальные деньги, началось беспробудное пьянство одуревшего от своего всевластия мелкого чиновника. Трофим избивал жену в присутствии детей, затем завел любовницу и ушел из дома. Поселился он у Кулуканова, отбывшего каторжный срок за грабеж и убийство. Выглядел председатель сельсовета жутко: грязный, опухший, заросший...

Брошенная им семья бедствовала. Павлик остался в доме за единственного взрослого мужчину. Кроме него у матери было еще трое детей.

Прежде, до революции, до советской власти, мать Павлика свезла бы своих ребятишек в город и пристроила там в ученики к сапожнику или в няньки (читайте Чехова!). И писали бы несчастные забитые детишки в слезах «на деревню дедушке». Однако весь общественный климат в России уже неузнаваемо переменился!

Л.П. Исакова вспоминает:

«Я сшила Феде, брату Павлика, синие трусы, белую маечку и красный галстук. Нарядила его пионером. Он, маленький, черноглазенький — 6 лет ему тогда было — смеялся, смотрелся в зеркало. Отец увидел его, отлупил и все содрал... А видели бы вы, какие счастливые глаза были у Павлика, когда я повязала ему галстук! Отец избил и его, как Федю, и галстук сорвал».

Вот в чем оказывается дело — в пионерском галстуке. Даже 15 лет спустя после Октябрьской революции в СССР были люди, на которых красный цвет галстука действовал, как на быка.

Попутно выясняется, что у Трофима Морозова был еще жив отец, по-деревенскому — дед Серый. В молодые годы он рабо-

тал в городе, сначала посыльным в полиции, позднее надзирателем в тюрьме для политических. В Герасимовку он приехал к сыновьям, Трофиму, отцу Павлика, и Даниле.

Деталь чрезвычайно важная. В семье Морозовых, как видим, бушевал конфликт старших с младшими. Дед Серый был из той человеческой грязи, которую город регулярно сплескивал в деревню. Привыкнув к полицейскому произволу, такие «отставники» смотрят на окружающих с невыразимым презрением и злобой. Унтер Пришибеев, если снова вспомнить Чехова.

«Дед Серый, — вспоминает Л.П.Исакова, — терпеть не мог большевиков. Поэтому и грозился бить Павлика до тех пор, пока он не выпишется из пионеров. А Павлик отвечал: «Хоть убейте — не выпишусь!»

Все встало на свои места. Этим и объясняется многолетняя хула мальчика-пионера со стороны всевозможных «деятелей» в городе. Просто их породнила с дедом Серым, бывшим тюремным надзирателем, лютая злоба к нашему красному цвету!

А то — «доносчик, стукач, сексот, погубитель родного отца...». Один вопрос: как мог мальчишка из деревни отправить письменный донос в далекий город?

Разъевшаяся городская сволочь думает, что там, в деревне, тоже висят почтовые ящики: написал и опустил. Не было в деревне почтовых ящиков. Там имеется сельсовет, куда привозили и привозят всю корреспонденцию из города и откуда забирают письма жителей деревни или сейчас разносит почтальон.

В Герасимовском же сельсовете, как мы знаем, сидит и властвует вечно пьяный Трофим Морозов.

Да и не было никакой необходимости писать на него «телегу». Безобразия Трофима видела вся деревня (там же ничего не утаишь). Финал корыстной деятельности председателя сельсовета подошел к финалу своим порядком («Сколько веревочке ни виться...»). В городе стали слишком часто попадаться беглецы со справками из Герасимовки. Кончик таким образом был ухвачен. Остальное же... Нужно, кстати, помнить, что вместе с Трофимом были арестованы еще четыре таких же «добытчика» — председатели сельсоветов из соседних деревень. Их и судили вместе — всех пятерых.

Трофим и его подельники на суде выглядели жалко. «Вы торговали справками?». «Нет». «Откуда же у задержанных

справки с вашей подписью?» «Украли!» («Враги подбросили!»). Преступников обличали многие. Свидетелями по сути дела была вся деревня. Вызвали в суд и Павлика. Ему был задан вопрос: как отец относился к матери? Что он должен был отвечать? Мальчишка (пришел он в пионерском галстуке) посмотрел на свою несчастную забитую мать и у него не повернулся язык солгать.

Всем обвиняемым влепили по 10 лет.

Преступление это теперь называется по-заграничному: «коррупция». В прежние годы именовалось просто: воровство.

Дед Серый после суда напился и пригрозил внуку пионеру:

— Не жить тебе на свете, падло!

Его сын Данила, дядя Павлика, несколько раз ударил племянника палкой. На помощь мальчику кинулась мать — досталось и ей.

Соседи обратились к участковому милиционеру Якову Титову. Тот отмахнулся: «Сами разберутся!»

Красный галстук Павлика доводил деда Серого до белого каления... Он сильно переживал арест старшего сына. Его подзуживала жена Аксинья, старая баба, бывшая профессиональная воровка.

Трагедия произошла 3 сентября 1932 года. Мать, Татьяна Семеновна, ушла на три дня в Тавду. Дом остался на Павлике, как старшем. Во второй половине дня они с Федей отправились в лес за ягодами. С ними побежала дворовая собачонка.

К вечеру дети из леса не вернулись. Соседи забеспокоились. Кто-то видел, как из леса шли пьяненькие Данила с дедом Серым. С ними бежала и собачонка.

Участковый собрал народ и начал поиски. Детишек нашли недалеко от опушки. У обоих были вспороты животы.

Прямо из леса народ направился к избе деда Серого. Его жена Аксинья застирывала штаны и рубаху. Вода в корыте была красной.

Тут же сделали обыск и за иконой в красном углу нашли окровавленный нож.

Учительница Л.П.Исакова присутствовала в зале суда и слышала признания убийц.

Свои воспоминания она писала уже много лет спустя. Однако до танковой расправы с парламентом России еще было далеко. И все же многое она предугадала совершенно правильно.

Это же амлинские с компанией сгрудились на мосту и ликующе орали, приветствуя каждый выстрел из орудия. Потом они же собрали 40 подписей под письмом интеллектуалов, требуя от своего забрызганного кровью Пахана ни в коем случае не останавливаться на достигнутом. «Вешай их! Дави! Кровь их на нас, Борис Николаевич!»

Старая учительница Павлика Морозова так завершает свои воспоминания:

«Они торопятся открыть нам глаза, научить, на кого нам плевать и кого забывать. А я сама жизнь непростую и долгую прожила и знаю, где ошибки у нас были, а где то, чем можно гордиться...

Не стреляйте в павших бойцов — это самое низкое, самое подлое дело!

Павлика мы должны защищать, а то доживем до того, что не останется в нашей истории ничего чистого и светлого — такие, как Амлинский, все растопчут и порушат!».

И растоптали, и порушили...

При этом ликуя сверх всякой меры, изгаляясь над народом. Звериная суть наших вековечных ненавистников отвратительна еще и потому, что они очень любят поминать о «слезе ребенка». Но, зарезав двух гоевских детишек, они испытывают радость от их выпущенных внутренностей, от запаха крови умученных младенцев.

В канун страшной войны с фашизмом-сионизмом советская Отчизна лишилась двух своих сыновей, природных патриотов, будущих героев нашего национального сопротивления. Нет сомнений, что и Павлик, и Федя, не погибни они от кулацкого ножа, стали бы добывателями нашей Победы над фашизмом.

Да и после Победы... В конце концов, в глубины загадочного и страшного Космоса отправились не гайдарчики и хакамады, а чеховские Ванька Жуков и Варька, вскормленные советской властью: лейтенант Юрий Гагарин и ткачиха Валентина Терешкова.

И все же нет, никак не унимается перестроечная сволочь!

В г. Кургане имеется отделение «Мемориала», своеобразного министерства мщения троцкистов. В 1999 году потомки истребленных палачей русского народа предприняли попытку реабилитировать... убийц Павлика и Феди Морозовых. Они принялись активно хлопотать за деда Серого и его сынка Данилу, объявив их жертвами сталинского произвола. В претен-

зиях этих мерзавцев имеется своя логика. В самом деле, разве не был оправдан Бейлис, обвиняемый в убийстве Андрюши Ющинского? Разве не был возвеличен Янкель Юровский, зверски расправившийся с отроком царевичем Алексеем? Имена деда Серого и Данилы Морозова должны воссиять в сонме невинных жертв советского беззакония.

Мерзавцы завидно сплочены и повсюду имеют сильную руку. Дело о реабилитации детских потрошителей вознеслось аж до Верховного Суда России. Там все же нашлись разумные головы и любителям русской отроческой крови дали от ворот поворот.

Отмена карточек с января 1935 года венчала гигантские трудности коллективизации.

Объединив единоличников, создав из тощих однодворческих делянок необозримую колхозную ниву, пустив на нее тысячи тракторов, партия, помимо политических задач, разрешила проблему колоссального хозяйственного значения: создала собственную продовольственную базу. Отныне советская страна была надежно обеспечена своим хлебом.

Устранить засухи и неурожаи партия покамест не могла, однако повальный голод, когда население вымирало целыми уездами, исключался навсегда. Страна жила, как единая трудовая семья, где общий достаток распределялся на всех. Наступивший год ознаменовался небывалыми рекордами в труде.

На этом и строился дальновидный сталинский расчет. Трудовой энтузиазм развился из самой глубины народных масс. Люди теперь работали не на барина, а на себя. Богатеет страна — богаче становимся и мы: я, он, она..., все вместе.

В одиночку каждый — пропадем, а семьей — колхозом, коллективом — заживем на зависть всему миру!

А ведь сколько было страхов, угроз, сопротивления! Все перенесли, перетерпели. И — вот: результат! Соборный труд, одна общая рабочая судьба.

На Всесоюзном съезде колхозников-ударников Иосиф Виссарионович внимательно наблюдал за стеснительной повадкой съехавшихся делегатов. Люди с поля были ошеломлены поездкой в Москву, в самый Кремль. Приодевшись из последнего, они жили, будто во сне, глядя на имперскую роскошь и запоминая на всю жизнь эти необыкновенные дни. Здесь, в царских чертогах, русским смердам не позволялось появляться. В пышных

залах полагалось бывать «по чину и роду» — одним природным аристократам, тем, кто засекал своих холопов на конюшнях. Теперь же, в Стране Советов, «белой костью» народа считался тот, кто работал по-ударному, т.е. лучше всех. Вызванные на трибуну, эти колхозные «аристократы» робели и путались в словах. Работать им было привычнее, нежели ораторствовать. Тем более в таком месте, в присутствии таких людей!

Паша Ангелина приехала из Старобешевского района Донецкой области Украины. Бригадир женской тракторной бригады, она привезла в Москву всех своих девчонок-трактористок. Они всегда держались стайкой: девять глазастых обожженных солнцем украинок в одинаковых зелененьких беретах. Как они замерли, как сжались, когда их бригадиршу позвали на трибуну! Шла Паша Ангелина, словно шагала по глубокой пахоте. Она разволновалась так, что не могла произнести ни слова.

— Смелее, Паша, смелее, — раздался голос Сталина.

Трактористка вскинула голову с буйной прядью своих волос и принялась рассказывать о себе.

Самая обыкновенная деревенская судьба. Родители батрачили, семья жила в нищете и голоде. Ребятишки влезали в непосильную работу с пяти лет. Революция и коллективизация помогли Паше сесть на трактор, на мощный ХТЗ. Два года назад, в возрасте 20 лет, она создала женскую тракторную бригаду. В истекшем хозяйственном году ее девчонки (вот они, все здесь сидят!) обработали каждая по 1225 гектаров, сэкономив при этом более 20 тонн горючего. В новом году, думается, успехи будут еще лучше.

Паша быстро освоилась, к ней вернулась природная бойкость.

— Чем берем? — она подмигнула залу. — Женской чуткостью. Земля, как и мужик, не может не отозваться на женскую заботливую руку!

И пошла с трибуны под гром аплодисментов.

Бригаду Паши Ангелиной, всех девять трактористок, Иосиф Виссарионович пригласил в Кремль.

В честь ударников-колхозников бывшую Сухаревскую площадь, самое дно старой Москвы, очистили от разнообразного хлама и переименовали в Колхозную.

С тех пор проведение Всесоюзных съездов ударников сельскохозяйственного цеха стало доброй традицией в советской стране.

С особой силой воображение мужика поразил «железный конь» — трактор. Машина легко тащила тяжелый широкозахватный плуг, заменяя сотню крестьянских лошаденок. Будоражило мужика и сознание того, что этим механическим «конем» станет управлять его сопливый Ванька или Васька, учившиеся на курсах трактористов.

Организовав машинно-тракторные станции (МТС), партия уже к 1934 году выпустила на колхозные поля 381 тысячу тракторов и 32 тысячи комбайнов.

Колхозное движение сделалось массовым. Единоличнику в деревне не осталось места. Колхозы и совхозы обеспечили небывалый скачок в производстве сельскохозяйственной продукции. В конце концов колхозная система помогла СССР выстоять в войне с Гитлером и освободить народы от коричневой чумы фашизма.

Напрасно хихикали на Западе, предрекая крах как индустриализации, так и коллективизации. Отменив частную собственность на землю и средства производства, Республика Советов удивила мир невиданным расцветом промышленности и сельского хозяйства. Впервые в истории человечества было достигнуто единство рабочего и крестьянина, обеспечен нерушимый союз серпа и молота.

О достижениях нашего сельского хозяйства полезно знать, чтобы опровергать гнусные измышления нынешних подлецов от демократии.

В 1991 году, последнем году советской власти, СССР производил шестую часть пшеницы в мире, треть ячменя, половину овса и ржи. Политическая мразь типа черниченковых и других сознательно извращает картину, без устали талдыча об отставании нашего сельского хозяйства. Вот несколько цифр. Если топливно-энергетический комплекс давал в бюджет страны 31 миллиард рублей, то агропромышленный комплекс — 75 миллиардов! Так что вовсе не газ и нефть держали советский народ на плаву, а традиционный труд русского, украинского, белорусского и других народов на своей земле-кормилице.

При этом необходимо учитывать мизерные дотации селу из кармана государства. В Швейцарии, например, каждый гектар пашни «удобряется» четырьмя тысячами долларов, у нас... шестью долларами!

Вот что такое социалистический метод хозяйствования, отсутствие частной собственности на землю. При этом надо постоянно помнить о наших климатических условиях. Даже под ледяным дыханием Арктики цвели сады, выращивался лен, масличные культуры. Страна полностью обеспечивала себя не только хлебом, но и сахаром. У нас имелось самое большое на планете стадо оленей.

Повторимся: такого высочайшего уровня сельскохозяйственного производства не знала ни одна страна в мире!

Все же в 1962 году Никита Хрущев пошел на немыслимый шаг: закупил зерно в США, начав таким образом финансировать развитие сельского хозяйства в Америке.

Имелись ли в СССР отсталые хозяйства? Да, имелись. Из 24 720 колхозов убыточными считались 275.

Любопытно, что в колхоз имени Ленина под Тулой, где председателем был В.А. Стародубцев, приезжала специальная американская правительственная комиссия с одной-единственной целью — изучить опыт этого передового коллективного хозяйства. Вывод специалистов из-за океана был таков: то, что они увидели, является вершиной организации сельскохозяйственного производства!

Вот с каких высот обрушили советское народное хозяйство пролезшие во власть троцкисты, затеяв разрушительную перестройку.

В 1990 году труженикам сельского хозяйства удалось вырастить небывалый урожай — около 300 миллионов тонн. Однако уже полный ход набирала перестройка и осенью того памятного года вместо традиционной борьбы за урожай началась упорная борьба с урожаем. Сначала был спущен план: потери должны составить не менее 50 миллионов тонн. Но этот показатель был перекрыт вдвое! Рыцарям перестройки настоятельно требовалась нищета, иначе не оправдать необходимости нововведения.

Год спустя шустрик Гайдар, возглавив правительство уже «суверенной» России, распорядился сделать государственные закупки зерна в следующих размерах: у своих колхозников — 21 миллион тонн, у американских — 24 миллиона тонн. Таким образом российская власть принялась разорять свои хозяйства и субсидировать американские.

В 1995 году на закупку американского зерна ушло 13,3 миллиарда долларов, т.е. вся выручка от торговли нефтью.

Дорвавшись до власти, неотроцкисты берут реванш за былые поражения и действуют без всякой жалости (пепел Троцкого стучит в их обросшие сердца). Налоговый пресс отжимает из каждого рубля 90 копеек (для сравнения: татарское иго удовлетворялось «десятиной», т.е. всего десятой частью).

Гитлер считал, что русских следует сократить до 15 миллионов человек. Осуществить свой людоедский план ему не удалось.

МЕТАСТАЗЫ

Народ, который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить.

Сантаяна

Морозным днем 20 февраля 1880 года в Петербурге вдоль ограды Летнего сада совершал прогулку немолодой мужчина кавказской наружности. Он шел медленно, заложив руки за спину, будучи в глубокой задумчивости. Встречные почтительно уступали ему дорогу, некоторые здоровались и, отойдя несколько шагов, живо оборачивались. Мужчину, совершающего моцион, знал весь Петербург, знала вся Россия. Это был граф М.Т. Лорис-Меликов, министр внутренних дел. Недавно, буквально на днях, 12 февраля, император Александр II учредил «Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Во главе этого учреждения он поставил графа Лорис-Меликова.

В задачу «Комиссии» входила борьба с государственными преступлениями, направленными на сокрушение русского самодержавия. Враги престола и династии год от года усиливали свою разрушительную деятельность и в последнее время прибегали к тактике самого разнузданного террора. Злоумышленники не стесняли себя средствами, в ход шло все: кинжалы, бомбы, револьверы. Жертвами террористов становились лучшие люди государства. Скорбный список погибших от руки фанатичных убийц пополнялся министрами, губернаторами, чинами военного ведомства. А две недели назад жертвою обнаглевших террористов едва не стал сам император. Рабочий Степан Халтурин, член организации «Народная воля», сумел проникнуть в Зимний дворец и заложить бомбу огромной раз-

рушительной силы под царскую столовую. Государя с семьей спас счастливый случай: обед против обыкновения начался с опозданием. Страшный взрыв потряс все здание Зимнего дворца. Убитых и покалеченных были десятки.

Император Александр II пережил уже несколько покушений на свою жизнь. Дерзкие и неустрашимые народовольцы вели за ним самую настоящую охоту. На этот раз, уцелев буквально чудом, он всерьез задумался о принятии неотложных и эффективных мер по борьбе с ненавистниками государства. Для этого и была учреждена «Комиссия». Графу Лорис-Меликову, зная его решительный характер, император предоставил самые неограниченные права. Кое-кто из царского окружения уже завистливо нашептывал, что такой всеобъемлющей власти не знали ни Меньшиков, ни Бирон, ни Аракчеев.

Сейчас, прогуливаясь, граф Лорис-Меликов напряженно размышлял о том, что безграничное доверие государя потребует от него быстрых и внушительных результатов. Что же предпринять в первую очередь?

Человек блестяще образованный, в молодости друг поэта Николая Некрасова, граф Лорис-Меликов знал, что богатая Россия уже много веков является мишенью для посягательств западных держав. Завоевания Ивана Грозного, Петра Великого и Екатерины Великой породили тревогу в умах владык Европы. Всего два года назад войска генерала Скобелева, разбив турок на Балканах, не только освободили своих братьев-болгар, но и подошли к самым стенам Константинополя. Сбывалась мечта «вещего» Олега — Босфор и Дарданеллы возвращались под власть настоящих наследников древней Византии. Чтобы овладеть Константинополем, бывшим Царьградом, генералу Скобелеву требовалось не более трех часов. Однако немедленно вмешались Англия и Франция.

С властной тевтонской решимостью проявил себя и Бисмарк, «железный» канцлер, только что объединивший разрозненные и слабосильные германские княжества в единую Германию. Он тоже рвался на историческую авансцену. За спиной воодушевленных победителей, уже любующихся на минареты и дворцы турецкого султана, начались дипломатические игры, пошли в ход искусные интриги. В результате русская армия, теряя все преимущества блистательной победы, повернула назад. Обре-

ченный Константинополь так и остался за турками, наголову разбитыми в боях... Следом за этим позором — новый: в Берлине немедленно собрался представительный конгресс ведущих политиков Европы. В повестке дня конгресса стояло принуждение России дать согласие на участие международных банков в освоении ее неисчислимых природных богатств. Иными словами, украв победу над турками, денежные хищники намеревались обратить Россию в послушную бесправную колонию.

Победа над Наполеоном вылилась в слепое преклонение перед всем французским, республиканским.

Своим проницательным умом граф Лорис-Меликов понимал, что император Николай I, повесив всего пять вожаков декабрьского мятежа, болезни до конца не истребил, а загнал «парижскую» заразу в глубь государственного организма.

Мысли графа внезапно прервались. В первое мгновение он ничего не мог понять. Прямо перед ним стоял молодой человек с бледным перекошенным лицом и почти в упор раз за разом стрелял в него из револьвера. Выстрелы гулко раздавались в морозном воздухе ясного февральского дня. Завизжали женщины. Прохожие шарахнулись в стороны. Не отдавая себе отчета в том, что он стал жертвой покушения, Лорис-Меликов машинально бросился на молодого человека. Пожилой и сильно располневший, он тем не менее действовал быстро и решительно. Перед ним безумной яростью сверкали глаза отчаянного террориста. Кажется, он что-то пронзительно кричал... Граф сильно завернул руку покушавшегося и повалил его на снег. Коленом он придавил незадачливого убийцу, другой ногой наступил на валявшийся револьвер и оглянулся. Всполошившаяся улица металась. В уши вонзилась пронзительная трель полицейского свистка. К месту схватки бежал, придерживая шашку, городовой.

Передавая террориста чинам полиции, граф непроизвольно отряхнул руки. Кажется, он только теперь испытал что-то похожее на испуг, хотя смертельная опасность миновала. В мыслях мелькнуло, что со дня его высокого назначения прошла всего какая-то неделя. Узнав, террористы решили ответить правительству ударом на удар. Подготовились быстро, что и говорить! Стрелявшим оказался житель Царства Польского Игнатий Млодецкий. Он состоял членом организации «Народная воля». Через три дня его судили и повесили.

Граф Лорис-Меликов решил не давать террористам никакого спуска. В ответ на гнусные происки врагов самодержавия правительство будет действовать решительно и беспощадно.

Для борьбы с врагами изнутри любое государство создает свои особенные организации. В разные времена, при разных правителях эти структуры называются по-разному. Однако в отличие от настоящей регулярной армии они никогда не проводят ни смотров, ни маневров, ни парадов со знаменами и музыкой. Объяснить такое можно каждодневной занятостью: они находятся в состоянии постоянной войны со своими многочисленными и весьма искусными противниками.

На заре возникновения и укрепления российской государственности происки наших внутренних врагов чаще всего сводились к убийствам предводителей дружин. Так погибли от меча врагов князья Игорь и Святослав. Жертвами от ножа убийц стали Борис и Глеб, а также Андрей Боголюбский. Открытому честному бою в поле враги стали предпочитать подлое убийство исподтишка, в спину. Так коварные татары расправились со славным князем Александром Невским. Его внезапную смерть в самом расцвете сил есть все основания отнести на счет тайных происков Золотой Орды.

Чем же отвечало государство на подлую деятельность убийц? Казнями, причем самыми свирепыми. Жестокие кары должны были устрашить любого злоумышленника, покушавшегося на священную особу государя.

Стратегию тайной войны с предполагавшимся противником самым решительным образом изменил Наполеон. Он не стал подсылать убийц к Александру I. Зачем? Свято место пусто не бывает. Тем более, что никакими выдающимися талантами русский венценосец не блистал. Такой деятель на троне лишь облегчит задачу нападавшего... Однако прежде, чем двинуть свою армию за Неман, Наполеон искусно поразил российские политические и общественные силы «французской заразой». Это заражение происходило от чтения французских романов и стихов, от многочисленных гувернеров и преподавателей. Русское общество, особенно молодежь, пылко проникалось идеями «свободы, равенства и братства». Дело в конце концов доходило до того, что в некоторых гостиных Петербурга открыто восхищались казнью французского короля Людовика XVI.

Так что впереди войск у Наполеона сражалась идеология!

Разгром несметных полчищ Наполеона поверг российское общество в неистовую эйфорию. Ликование было объяснимо. Русские казаки стояли биваками на бульварах завоеванного Парижа.

Еще лишь расчищалось место для возведения храма Христа, еще работала комиссия, определяя победителя в конкурсе архитекторов, а император Александр I, к тому времени много понявший в том, что снова затевается вокруг России, получил необыкновенный документ, адресованный ему лично. По обычаю тех времен документ на высочайшее имя носил название «Записки». Озаглавлена записка была так: «О тайных обществах в России». Автором ее был свитский генерал-адъютант, начальник 1-й кирасирской дивизии лейб-гвардии А.Х. Бенкендорф.

Имя это, давайте согласимся сразу, чрезвычайно одиозное. В памяти немедленно воскресают такие аттестации: «царский сатрап», «гонитель свободы» и т.п. В особенно черном цвете выставляется его роль в судьбе нашего национального гения А.С. Пушкина.

Итак, «Записка»...

«В 1814 году, когда войска Русские вступили в Париж, — писал Бенкендорф, — множество офицеров приняты были в масоны и свели связи с приверженцами разных тайных обществ. Последствием сего было то, что они напитались гибельным духом партий, привыкли болтать то, чего не понимают, и из слепого подражания получили страсть заводить подобные тайные общества у себя».

Каково предназначение этих тайных организаций? Генерал указывает четко: подрыв существующей системы государственного правления в России. Для этой цели заговорщики заводят подпольные типографии и принимаются печатать пасквили и карикатуры на членов царствующего дома. Распространять эту возмутительную продукцию планируется на толкучих рынках и в иных местах массового скопления обывателей.

Особенную тревогу начальника кирасир вызывает «пропагаторская» работа злоумышленников в войсках. Зловредному влиянию подвергается основной столп державы: армия. В первую голову масонская зараза поражает офицерскую молодежь гвардейских полков, После возвращения из Франции гвардейцев стало не узнать.

Тлетворное влияние тайных обществ генерал сравнивает с медленным, но сильно действующим ядом. Организм гвардии, а следовательно, и державы незаметным образом ослабляется и подтачивается. Настоятельно необходимо лекарственное противоядие.

Размышляя над мерами правительства, Бенкендорф сравнивает государство с живым и полнокровным человеческим организмом. Как и у всякого существа, созданного Вседержителем, у человека деятельно бьется сердце и напряженно работает мозг. Однако наравне с этими важнейшими органами с тем же напряжением функционируют почки и печень. Назначение их выводить из организма всяческие яды. Таким образом, без этих важных органов жизнь человека невозможна.

Так отчего бы государству в интересах своего здоровья не обзавестись специальными органами, предназначенными для борьбы с ядами всяческой крамолы?

«Записка» Бенкендорфа произвела на императора неизгладимое впечатление. Немедленно были отданы необходимые распоряжения. А 1 августа 1822 года появился высочайший указ «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ».

Чтобы полностью оценить значение императорского указа о запрещении масонства в России, необходимо знать, что в свое время, в молодые годы, членами масонских лож были и генерал Бенкендорф, и сам император Александр I. Да, они оба не избежали завлекательного влияния этих искусных соблазнителей человеческих душ!

Здесь не место излагать всю историю тайных обществ. На эту тему написаны целые тома доскональных исследований. Масонство поразило доверчивое человечество много веков назад. По традиции масоны действовали тайно и с чрезвычайным напряжением. В их деятельности весьма причудливо, но очень продуманно переплелись вопросы религиозные, национальные, классовые. Масонов обыкновенно принято сравнивать с жуками-древоточцами, способными в считанное время обессилить и свалить самый исполинский баобаб.

И генерал Бенкендорф, и Александр I прекрасно знали о тайных силах, отправивших на эшафот сначала короля Англии, а затем и короля Франции. За спинами как Кромвеля, так и Робеспьера маячили тени масонов.

Так уж повелось, что масоны не прощали своим обидчикам ни малейшей их вины. По своим счетам они получали всегда и самой полной мерой. Это стало историческим обычаем.

Русский император Александр I, обнародовав свой указ о запрещении масонских лож, прожил не более трех лет. Внезапная его кончина в Таганроге до сих пор полна неясностей. Во всяком случае, эта внезапная смерть сильно смахивает на затаенную месть.

Мстительным масонским духом проникнуты и планы зачинщиков исторического мятежа гвардейских полков, начавшегося морозным утром 14 декабря 1825 года на Сенатской площади русской столицы. Первым делом мятежники собирались истребить всю царскую семью. Так что русской династии была также уготована жуткая участь жертв безжалостной революции.

Декабрьский мятеж начался по канонам традиционной русской замяти — с обмана солдат. Гвардейские полки, построенные рано утром на Сенатской площади, радостно орали: «Да здравствует Конституция!» Позднее, при расследовании, открылось, что безграмотные солдаты полагали, будто Конституцией зовут супругу великого князя Константина. Солдаты, не теряя веры в царя-батюшку, поддались приказам офицеров-заговорщиков и с восторгом приняли присягу не Николаю, а именно Константину. Им-то какая разница?!

Начало мятежу таким образом было положено.

Дальнейшее развитие событий целиком зависело от быстроты действий как руководителей смуты, так и властей.

В эти роковые минуты законный государь Николай I показал пример редкого мужества. Ему сообщили, что кто-то из мятежников выстрелом из пистолета убил военного генерал-губернатора столицы Милорадовича (героя войны с Наполеоном). Ни минуты не колеблясь, Николай I отправился на площадь, к бунтующим солдатам.

Генерал Бенкендорф находился с ним рядом с первых минут мятежа. Он решил разделить участь монарха. Надевая шинель, Николай I сказал Бенкендорфу:

— Сегодня вечером нас, может быть, обоих не будет более на свете. Но мы умрем, исполнив свой долг!

Бесстрашное появление царя на площади решило дело. Затея с мятежом лопнула, как мыльный пузырь. Начались аресты зачинщиков смуты.

Государь был изумлен, увидев в числе руководителей этой возмутительной затеи многих высокородных аристократов. Следовательно, Бенкендорф прав: зараза растленной Франции проникла чрезвычайно глубоко. Это уже не вульгарная и примитивная разинщина или пугачевщина. Это — опаснее, страшнее. Надлежало принимать меры неотложные и решительные.

Всю тяжесть излечения империи от привнесенной парижской заразы Николай I возложил на плечи верного Бенкендорфа. Этому генералу, не оставившему его в трудную минуту, государь верил безоглядно.

К сожалению, напор тайных сил нарастал с каждым годом. Масонские ложи поразили не только обе столицы. Эта зараза проникла и в большие губернские города. За соблазнительными лозунгами о «свободе, равенстве и братстве» скрывался зловещий умысел. Вековые ненавистники России понемногу отчаивались победить ее в открытом честном бою. На очередь стало духовное разложение. Это было и методом, и целью. «Русских могут победить только русские!»

Прежде, как помнил Бенкендорф, целью заговорщиков являлась всего лишь смена правителя на троне. Теперь же преступные замыслы простирались до перемены самого государственного строя России.

Само собой, для противостояния такому противнику требовались совершенно особенные и щит, и меч.

Генерал Бенкендорф с головой ушел в разработку основных положений небывалого в России учреждения. Так появился «Проект об устройстве высшей полиции». Работа заняла у Бенкендорфа всю весну и половину лета.

После этого заработала машина императорского законотворчества. 25 июня 1826 года появился высочайший указ. В России учреждалась такая должность, как шеф жандармов. На этот пост, естественно, назначался Бенкендорф. Спустя неделю, 3 июля, очередным указом объявляется о создании Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. Надо ли говорить, что Главнокомандующим этим отделением поставлен также Бенкендорф.

Высшая политическая полиция, получив небывало широкие права, обременила себя и тяжелейшими обязанностями. Сфера интересов Третьего отделения была поистине безграничной,

как и у всякой добросовестной «медицины». В сохранении здоровья нет, и не может быть, никаких мелочей.

Вот цитата из «Положения» о задачах нового учреждения, утвержденного, как мы знаем, самим императором.

«Третьему отделению надлежало ведать «все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции, сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов, известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и пр., подробные сведения о всех людях, под надзором полиции состоящих, высылка и размещение людей подозрительных и вредных, заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заключения, в коих заключаются государственные преступники».

Так что Комитет Государственной Безопасности, столь ненавидимый перестройщиками конца XX-начала XXI века, имел своего предтечу. Правда, в отличие от недавнего КГБ, штаты тогдашнего Третьего отделения прямо-таки поражали своей мизерностью. В центральном аппарате, например, состояло едва ли 30 человек. А круг их обязанностей, как можно убедиться из «Положения», был небывало широк и разнообразен.

В самом деле, сколько лет и с каким презрением советские люди относились к самому термину «жандарм»! В его звучании им слышалось что-то предельно недостойное, грязное, омерзительное. А между тем корпус жандармов исполнял ответственнейшее назначение по охране безопасности Русского государства.

Начнем хотя бы с подбора кадров. Попасть на службу в корпус жандармов было необычайно трудно. Следовало выдержать жестокий конкурс. Предпочтение отдавалось потомственным дворянам, выпускникам военных училищ по первому разряду и награжденным боевыми орденами. Решительно не принимались крещеные евреи, а также выходцы из Польши (даже женатые на полячках). Кандидату на чин не полагалось иметь денежных долгов.

Все попавшие в кандидатский список проходили обучение на четырехмесячных курсах в Петербурге, после чего держали строгие экзамены. Учеба была напряженной, спрос суровым.

К удовлетворению генерала Бенкендорфа, вверенный его заботам орган работал безотказно.

Заканчивая как-то ежегодный отчет государю, генерал Бенкендорф засвидетельствовал:

«Дух чести и бескорыстия вселен в нижних чинов корпуса жандармов не менее, как и в офицеров».

А.С.Пушкин... Многие годы в головы наших читателей вдалбливалась легенда о немыслимых страданиях поэта, испытанных им по вине безмозглых и безжалостных жандармов, злою стаею охраняющих ненавистный всем престол. Даже преждевременная смерть поэта от дуэльной раны подавалась как результат темных интриг этих тупых опричников. Многие поколения советских людей выросли с представлением о Пушкине-революционере, чуть ли не пугачевце и декабристе, и о свирепой расправе с ним царя и жандармов.

На самом же деле все было совсем наоборот.

Да, пути поэта и шефа жандармов пересекались. Да, царь был недоволен и даже разгневан умонастроением молодого Пушкина, которое он, впрочем, объяснял обыкновенным юношеским безмыслием, следствием дурного окружения и влияния.

Давайте вспомним, что годы взросления Пушкина пришлись на время, когда из Парижа с победой возвращались славные полки императорской гвардии. В Царском Селе, где помещался лицей, квартировали кавалерийские полки лейб-гвардии, офицеры которых отличались особенно безудержным разгулом, а следовательно, и отчаянной свободой языка.

Смелость речей, самое дерзкое фрондирование становились великосветской модой.

Юноша Пушкин повседневно вращался в кругу упивающихся своей болтовней гвардейцев и, по свойству молодости, поддавался общему настроению.

Не забудем также, что одним из главных пунктов в программе действий декабристов было истребление всей царской семьи.

Вот где объяснение той ненависти, которой были пронизаны строки оды «Вольность». Страстная и впечатлительная натура молодого Пушкина безрассудно откликнулась на кровожадные замыслы тайно сговаривающихся цареубийц. Горячая голова побуждала его выскочить перед первыми рядами атакующих.

Ода «Вольность» так и дышит ненавистью к обладателю престола, автор откровенно призывает к пролитию монаршей крови.

Налицо, как видим, сочинение преступное, возмутительное, обрекающее автора на самое суровое наказание.

Как же власти предержащие поступают с крамольным сочинителем?

Каждый школьник знает, что Пушкин был отправлен сначала в Крым, а затем в Молдавию, в Кишинев. Своего рода творческая командировка: оставить пышущий злокознями Петербург и проехаться по просторам Отечества, проветриться, окунуться в настоящую жизнь, нисколько не похожую на брюзгливое столичное прозябанье. К тому же в наставники согрешившему сочинителю определяются не забубённые гуляки, а достойнейшие люди, настоящие патриоты: генералы Инзов и Раевский.

Кара или погубила бы Пушкина, или сделала бы из него талантливого ехидца, всю жизнь разобижено брызжущего ядовитой слюной. К нашему счастью, государственная власть в те времена оказалась на самом деле умнее и дальновиднее. Она сохранила России великого поэта и гражданина А.С.Пушкина.

Генерал Бенкендорф, вызвав поэта и неторопливо с ним беседуя, отлично понимал метания натуры страстной и невоздержанной. Молодости так свойственны всевозможные заблуждения! Но в том-то и задача старших: не дать погибнуть, если человек оступился, поддержать его, поправить. Шеф жандармов знал, что в далеком Кишиневе Пушкин снова не удержался от соблазна и стал членом масонской ложи «Овидий». В гнусной избенке иудея Кацика он подписал обязательство, в смысл которого не вник как следует. А между тем масонская клятва грозила и грозит смертью любому отступнику. Масоны не признают пощады!

Соблюдая такт, генерал не стал изнурять молодого человека скучными отеческими наставлениями. Что толку строжиться, пустобаить? Приказы и запреты приводят к притворству и лицемерию, причем, как правило, в самые удачные лицемеры пробиваются люди худшие, а не лучшие.

Люди, подобные Пушкину, приручению не подлежат. Совсем не та порода! Таким необходимо открыть глаза, и в первую очередь на собственные заблуждения. Этим и занялся Бенкендорф. Примечательно, что в первый раз Пушкин в Третье отделение был вызван. Затем он уже туда являлся по собственной инициа-

тиве. У него укрепилась настоятельная потребность в советах старшего наставника. И генерал Бенкендорф по-отечески опекал взрослевшего поэта.

Своему другу, издателю П. Плетневу, поэт писал:

«Бенкендорф человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единственный вельможа, через которого нам доходят благодеяния государя».

Настоящее излечение Пушкина от губительной заразы юношеского вольномыслия пришло в результате напряженной работы в государственных архивах. Пушкин «заболел» реформами царя-преобразователя Петра Великого и великой замятью народного вожака Пугачева.

В те времена доступ к архивным материалам был чрезвычайно труден. Генерал Бенкендорф выступил ходатаем за поэта перед царем. Николай I соизволил не только дать разрешение «порыться в старых архивах», но и назначил исследователю денежное содержание от казны: по 5 тысяч рублей в год. Сумма весьма и весьма немалая!

Можно с уверенностью утверждать, что гений Пушкина рос и развивался по линии, так сказать, государственной. «Борис Годунов», «Дубровский», «Скупой рыцарь», книжка повестей... Он становился писателем имперским, а следовательно, великим. Феномен Пушкина невозможен в другой стране - мелкой, крошечной, невеликой. Такие глыбы под стать самому величию державы.

К числу монарших милостей принадлежит и немаловажный чин камер-юнкера. Он означает приближенность к трону, к окружению самодержавного государя. На наш недавний масштаб — это что-то вроде члена Центральной ревизионной комиссии, избираемого на съездах партии. И нам известно, что Пушкина похоронили в мундире камер-юнкера.

Венцом патриотической настроенности Пушкина явилось его знаменитое стихотворение «Клеветникам России». Это пламенная отповедь всем, кто издавна сжигаем ненавистью к нашей Родине. И грозное им всем предостережение!

Так что Пушкин, как наш национальный гений, рос и развивался от оды «Вольность» к «Клеветникам России». Это замечательное сочинение из той же «шкатулки» с драгоценностями, что и «Пророк».

Однако этой гневной отповедью всем нашим ненавистникам Пушкин подписал себе смертный приговор.

Сбылась давнишняя тревога Бенкендорфа — масонская клятва, легкомысленно подписанная Пушкиным в Кишиневе, дала о себе знать.

Негодяй Дантес — и это уже исследовано досконально — являлся потомком храмовников-тамплиеров. Он приехал в Петербург как бы на «ловлю счастья и чинов», но с первого же дня «прицелился» именно в Пушкина. Смазливый блондинчик с соблазнительными ляжками, он поддался ухаживаниям вечного холостяка Геккерена, и тот не только уложил его в свою постель, но и, восхищенный, немедленно его усыновил... Несчастьем Пушкина была сама атмосфера тогдашнего Петербурга, предельно насыщенная похотью. Гвардия и знать бесились с жиру. Мужчины-проститутки соперничали с известными жрицами любви. Гомосексуализм стал не просто модой, но и свидетельством утонченности вкуса. Пушкин, принужденный жить в этом вертепе, находил забвение в работе и надеялся загородиться, словно в крепости, в своей семье.

В 1837 году выстрел осатанелого гомосексуалиста на Черной речке оборвал жизнь Пушкина.

А семь лет спустя масоны свели свои счеты и с Бенкендорфом. Выехав на заграничные воды, поправив свое здоровье, он в сентябре 1844 года на пароходе возвращался домой в самом бодром настроении. Смерть настигла его в каюте ночью, на подходе к Ревелю.

Михаил Тариэлевич Лорис-Меликов родился в год мятежа декабристов. Происходя из древнего княжеского рода, он в молодые годы отличался невоздержанностью в поведении и был за это исключен из числа студентов Восточного института. Окончив школу гвардейских прапорщиков, едет на Кавказ и там в боях сдает суровый экзамен на зрелость. За взятие Карса и Эрзерума он награждается орденом св. Владимира 1-й степени, возводится в графское достоинство. Как боевого генерала, царь Александр II назначает его товарищем министра внутренних дел.

По исторической традиции конец века в России обязательно знаменуется великой замятью. На годы царствования Александра II выпали особенные испытания. Николай I уже на смерт-

ном одре с горечью сказал наследнику: «Сдаю тебе дело не в порядке». Державу лихорадило.

Разночинцы изобрели народничество, т.е. отправились по деревням и селам с проповедью ненависти к существующим порядкам. Мужик остался глух и даже воспротивился, сдавая связанных пропагандистов становому приставу. Тогда, в ярости от глухоты и слепоты народа, ретивые ниспровергатели стали на путь террора.

Ударную силу террористов составляли фанатичные курсистки и студенты. Молодые люди с восторгом приносили себя в жертву. Смерть в петле палача выглядела как светлая жертва за народное счастье и лишь прибавляла безумцам энтузиазма.

После халтуринского покушения на царя, когда взрыв мощной бомбы разнес чуть ли не все крыло Зимнего дворца, правительство впало в растерянность. Взрывчатка закладывалась уже под самый трон!

Вопрос о патриотичности для графа Лорис-Меликова решался однозначно: российская держава велика и многоплеменна, на ее просторах текут многие воды, струятся разные ручьи, однако она как выстроилась, так и должна остаться империей. Поэтому любой — будь это отдельный деятель или же целая партия, — кто сговаривается с иностранной державой о будущем России, тот совершает прямое предательство, настоящую измену.

Порою граф негодовал: «Откуда вообще этот наивный бред о бескорыстии международной политики и о какой-то мудрости иностранных политических штабов?»

Патриот и гражданин Лорис-Меликов испытывал одновременно и восторг от созерцания своего народа, и скорбь о нем, и в то же время порою стыд за него. Но все равно он считал, что служение России есть отнюдь не привилегия, а долг, обязанность. При этом он ставил во главу угла закон.

Человек характера железного, Лорис-Меликов отчетливо сознавал, что стоит правительству пойти на самые мизерные уступки, процесс государственного сокрушения примет форму обвала. «Коготок увяз — всей птичке пропасть...»

Граф Лорис-Меликов был поклонником пушкинского гения. Такой же вольнодумец смолоду, генерал проникновенно повторял пушкинские строки, поражаясь их государственной зрелости. Незадолго до гибели Пушкин писал: «Россия никогда

не имела ничего общего с остальной Европой... История ее требует другой мысли, другой формулы».

Здесь мы подходим к теме щекотливой и опасной, угрожающей не только репутации, но и самой жизни дотошного исследователя. Но, тем не менее, все же настоятельно необходимой, ибо без того, чтобы не приподнять над нею хотя бы краешек надежного покрывала, мы рискуем увидеть природу дальнейших событий в России неполной и до неузнаваемости искаженной.

Борьба с престолом и самодержавием принимала организованную форму. В качестве ответных мер граф Лорис-Меликов упорядочил штаты и саму структуру Отдельного корпуса жандармов. Свое внимание граф уделил охране железных дорог. Появились конные жандармские дивизионы, которые комплектовались, как и регулярная армия, за счет призывников.

Особенным нововведением явилось искусное внедрение агентов правительства в ряды самой террористической организации. Стало возможным не только вовремя узнавать о планах злоумышленников, но и незаметным образом на них влиять. Наиболее умелые и ловкие агенты проникали в самую верхушку этих преступных организаций.

Возглавил Особый отдел департамента полиции полковник Г.П.Судейкин. Это был выдающийся полицейский ум. Он первым добился ощутимых результатов от незаметной работы своих провокаторов. Ему удалось довольно быстро посеять раздоры и взаимную подозрительность в рядах фанатичных «нечаевцев». Террористы принялись безжалостно расправляться с предателями. Единый фронт врагов режима треснул.

Боевому генералу, слышавшему свист пуль и осколков, видевшему жуткий блеск турецких ятаганов, было невыносимо осознавать, что для охраны древнего трона империи приходится прибегать к услугам подозрительных людей. Провокаторство — занятие малопочтенное, и вербовку приходилось вести среди всяческого отребья. Например, прознав, что из кадетского корпуса за кражу денег изгнан некто Бейтнер, полковник Судейкин немедленно прибрал воришку к своим цепким и небрезгливым рукам. Успешно внедрился к террористам и продувной ловкач Геккельман (он же Ландезен, он же Гартинг). Чуточку позднее очень продуктивно стала работать на Судейкина смазливая бабенка Жученко-Гернгросс. Агентурный список пополнили Гудович, Батушанский, Путятый...

Сознавая недоброкачественность человеческого материала, пополнявшего ряды агентов-двойников, граф Лорис-Меликов нисколько не обманывался. Никакое количество этого «добра» никогда не перейдет в качество.

Покушения на Александра II следовали одно за другим. Наконец, 1 марта 1881 года бомба террориста Гриневицкого достигла цели. Царь-«Освободитель» был разорван на куски.

Глава жандармского ведомства испытал прилив отчаяния. Не уберег! Уже 2-го марта он явился к Александру III и попросил отставки.

Новый государь сидел угрюмый, мрачный. Его потрясла страшная смерть родителя. Он проговорил:

— В такой ситуации разве возможно уберечь!

В отставке Лорис-Меликову он отказал, приказал работать. Однако через месяц все же заменил его действительным тайным советником Д. Толстым.

Размышляя о самой природе провокаторства, граф Лорис-Меликов принимал в расчет главную ущербность своих соглядатаев в стане неприятеля: их исключительное корыстолюбие. Этим людям было неведомо самопожертвование за идею. Ими руководили интересы кошелька, утробы. В то время как террористы... Нет, нет, сравнение тут явно не в пользу правительственной стороны!

Первоначальным жалованьем начинающего провокатора было 25 рублей. В дальнейшем, в случае успехов, сумма могла быть увеличена в несколько раз. Продумано было и о старости провокаторов. Здесь все зависело от заслуг. Например, тот же Геккельман (Ландезен-Гартинг) получил чин действительного статского советника и соответствующую пенсию. Гудович (агентурная кличка «Иван Иванович») вообще со временем перешел на службу в департамент полиции. Доброскок («Николай — золотые очки») доживал свой век в Петрозаводске на посту полицмейстера. Но вот Жученко-Гренгросс пришлось скрыться за границу. Она поселилась в Германии и получала от русского правительства пенсию в сумме 3600 рублей.

Деньги, особенно большие деньги, до поры до времени выступали серьезнейшим союзником властей.

Весной 1882 года в Одессе агенты охранки проследили и арестовали артиллерийского штабс-капитана С. Дегаева. Офи-

цер наблюдался как активный член террористической организации «Народная воля». Сообщение об аресте улетело в Петербург. Полковник Судейкин срочно выехал в служебную командировку. В помещении одесского охранного отделения он попросил оставить его и арестованного с глазу на глаз. О чем они беседовали — можно только догадываться. Однако вскоре после отъезда Судейкина террорист в офицерском чине совершил побег из-под стражи. Поймать беглеца не удалось, хотя по результатам наблюдения следы его вели не за границу, как обычно в таких случаях, а прямо в Петербург.

На конспиративных явочных квартирах полковник Судейкин часто встречался с беглым штабс-капитаном. Эти свидания главы секретного отделения со своим тайным агентом приносили ощутимые плоды. За год с небольшим «Народная воля» понесла большие потери. Срывались тщательно подготовленные планы покушений, самые отважные террористы угодили в казематы и на виселицу.

Полковник Судейкин имел все основания считать, что страшная «Народная воля» потерпела сокрушительный разгром.

Такова роль в тайной войне всего лишь одного тщательно законспирированного агента.

Однако финал провокаторской деятельности Дегаева был совершенно неожиданным. В морозный день 16 декабря 1883 года полковник Судейкин отправился на очередное свидание со своим агентом. Дегаев, как всегда, ожидал его, приняв все меры предосторожности. Но из этой квартиры полковнику уже не суждено было выйти. Через несколько дней дверь взломали. На полу валялись тело Судейкина с размозженной головой и увесистый дворницкий лом — орудие убийства.

Конспиративная квартира оказалась ловушкой для полковника.

Террористы переиграли своего гонителя.

На этот раз Дегаев опрометью скрылся за границу. По примеру Степняка-Кравчинского, пять лет назад зарезавшего генерала Мезенцева, он нашел убежище в Лондоне. Там, на берегах Темзы, убийцы из России традиционно находили надежную защиту от любых посягательств русских властей на их свободу.

Чудовищный «прокол» с Дегаевым продемонстрировал властям, что провокаторство как метод оправдал себя, но вот сами провокаторы, людишки типа «и нашим, и вашим», кон-

тингент явно никудышный. За этой человеческой гнилью необходим двойной, если не тройной надзор. В случае внезапно подвернувшейся выгоды они не только продадут и выдадут, но и убьют.

Но не одним убийством лиц начальственных угрожало постоянное якшательство с этой шушерой. Угрозы простирались глубже.

Гниль, в том числе и человеческая, пачкает любого. А, запачкавшись, отмыться слишком трудно. Первый опыт «пачкотни» террористы проделали с чиновником охранки Клеточниковым. У них появился свой агент в учреждении, занимавшемся внедрением агентов в их ряды. «Вы — нам, мы — вам!» Затея удалась, дело стало развиваться вширь и вглубь и кончилось тем, что запачканными с головы до ног оказались не только рядовые сотрудники охранки, но и генералы, руководители ведомства. Генерал Лопухин, «сдавший» знаменитого Азефа, был судим и приговорен к каторжным работам. Генерала Курлова, при чьем содействии погиб Столыпин, спас от суда сам Николай II. Генерал Джунковский, последний шеф охранного отделения царской России, стал... сотрудником ВЧК, верным помощником «железного» Феликса Дзержинского.

Произошли метаморфозы самого чудовищного качества: главные врачеватели государственного здоровья превратились в его главных погубителей.

КЛУБОК ИЗМЕНЫ, ИЛИ ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

Сталин не любил портфелей. Обыкновенно он уносил с собой бумаги, заложив их в свернутую трубочкой газету.

У Ежова же, особенно в Семипалатинске, была усвоена манера таскать с собой начальственный портфель, солидный, из хорошей кожи, с металлической окантовкой углов. Первому секретарю губкома полагался портфель самый большой, самый нарядный — самый руководящий!

Теперь Ежову пришлось заменить портфель папкой, нарочито серого незаметного цвета. Бумаг, когда он отправлялся в Кремль, набиралось порядочно, в газетке их не донесешь.

Еще работая в Ленинграде, он по телефону улавливал растущее раздражение Сталина незначительностью следственных результатов. Оба судебных процесса показали, что и мальчишки-комсомольцы, и ничтожный Николаев были всего лишь слепыми исполнителями, бросовой агентурой. Настоящим убийцам Кирова удалось остаться в тени. Даже суд над группой Зиновьева—Каменева не выявил всей глубины заговора, о котором подозревал Ежов. Имелся заговор, существовал — в этом у него не возникало никаких сомнений!

Возвращаясь из Ленинграда в Москву, Николай Иванович готовился к отчету перед Генеральным секретарем. Он понимал, что разговор предстоит жесткий. Сталин умел спрашивать за порученное дело.

К сожалению, так и не нашлись водители грузовиков: ни того, в кузове которого был убит Борисов, ни того, что налетел на автомобиль Ягоды, наркома внутренних дел. Скорей всего, обоих шоферов попросту убрали. Слишком уж опасны! Особенно тот, кто таранил машину наркома. В заурядное транспортное происшествие верилось с трудом. Грузовик выполнял роль орудия убийства.

Ежов ломал голову над тем, почему вдруг так срочно понадобилось убирать Ягоду. Напрашивалось два ответа. От него избавлялись, как от слишком опасного человека, вышедшего на след главных заговорщиков, или же он был их соучастником и ему стал угрожать неминуемый провал, а значит, и арест.

Кем же на самом деле являлся нарком внутренних дел, хозяин грозной Лубянки?

Работа предстояла напряженная и трудоемкая. План поисков Ежов составил загодя и готовился докладывать об этом Сталину.

Прежде всего предстояло заняться расшифровкой кличек, попавших в его серенькую папку. Преступники, как и положено, орудовали под вымышленными именами. Одно из них — Натан — попало в папку самым первым. Пожалуй, Шейнин прав: имя настоящее, не вымышленное, требовалось лишь установить фамилию... С остальными кличками Ежов поступил, руководствуясь чутьем. Ему показалось, что «товарищ Релинский» и «товарищ Орлинский» чем-то друг с другом связаны и поместил их рядом... Особые надежды он почему-то связывал

с неизвестным, имевшим кличку Зершторенманн. Угадывался немецкий след, связь с Германией: и прежней, и настоящей. Остальные клички (а их набрался целый ворох: Роман Романович, Кузьмич, Портной, Москвич, Рыжий, Смуглый, Лапка, Кацап, Сидор и Петр) он отнес к наследию царской охранки, из агентуры генералов Белецкого, Курлова и Джунковского. В те времена, в канун царского отречения от престола, в Россию, страну полнейшего безвластия, устремились сотни, если не тысячи, авантюристов. Среди этого отребья уверенно действовали агенты секретных служб. Петроград в те годы кишмя кишел подозрительными иностранцами.

Помимо зарубежной агентуры суетилось и громадное количество отечественных провокаторов. Расследование показало, что среди функционеров различных политических партий России примерно четвертую часть составляли агенты охранки. Особенно нашпигованными оказались партии социал-демократов и анархистов.

Кроме этого специальной справкой Ежов собирался довести до сведения Хозяина свои внезапные открытия насчет Дзержинского и Ленина.

Поведение главы ВЧК вызывало недоумение по многим эпизодам: в первую очередь в связи с покушением Каплан. Относительно же Ленина у Ежова подобралось несколько фактов, требующих, по крайней мере, убедительного объяснения. Речь шла прежде всего о счастливом избавлении от ареста (и смерти) в ночь налета юнкеров: Ленин успел выскочить из квартиры Елизаровых буквально в последнюю минуту, а кроме того, о непостижимом безрассудстве Вождя, вдруг приехавшего в Питер из шалаша в Разливе в те самые дни, когда ищейки Временного правительства сбивались с ног в поисках его убежища.

Собираясь докладывать, Ежов заранее обмирал при мысли, какой будет реакция Хозяина. Шутка сказать, сам Ленин! Имел ли он право обращать внимание на странности в поведении Вождя Революции?

А разве не могло быть, что Сталин ничего не знал о выявленных фактах? Этого Ежов не исключал. В те годы Иосиф Виссарионович не вылезал с фронтов и многие события в Центре происходили без него.

Нет, никаких утаиваний!

Тем более, что узнавания на этом не кончались. Самые ошеломительные открытия ожидались впереди.

Волновался он напрасно — его отчет о работе в Ленинграде прошел успешно.

Особенное внимание Сталин проявил как раз к тому, на что и рассчитывал Ежов — к ниточкам, обещающим самые результативные открытия. Синий карандаш Вождя сделал несколько подчеркиваний, определив тем самым первостепенность предстоящих поисков. Правда, к длинному перечню кличек Сталин отнесся равнодушно, энергично подчеркнув лишь одну — товарищ Орлинский. Насчет Портного он сказал, что это знаменитый провокатор Малиновский, в свое время возглавлявший фракцию большевиков в Госдуме, а Москвич — тоже провокатор Черномазов, которому удалось пролезть на пост редактора «Правды». При этом он задержал свой карандаш на эпизоде с Лениным, вспомнив о том, каким доверием Вождя пользовались оба провокатора. Воспоминания в эту минуту настолько овладели Сталиным, что он словно забылся и долго не отрывал глаз от строчек справки.

Сложные чувства владели в эти минуты Генеральным секретарем. То, к чему подбирался Ежов своими внезапными узнаваниями, давно уже не было секретом для него самого. В свое время он достаточно пережил, ломая голову над загадками ленинского поведения (один VI съезд партии чего стоил!). Но в декабре 1922 года им был получен строго конфиденциальный документ: «Справка» Дзержинского. И у него упала с глаз пелена. Глава ВЧК по каким-то своим каналам сумел разузнать об очень многом, и после этого многое для Сталина потеряло таинственный покров.

Да, Ленин успел сбежать от юнкеров благодаря позднему ночному звонку по телефону, а звонил ему не кто иной, как заместитель министра юстиции Временного правительства Каринский. Той поздней ночью вождь Революции скрылся не на рабочей окраине Питера, как можно было ожидать, а в квартире доктора Манухина, возле Таврического сада. Манухин же, и это теперь не секрет, был крупным масоном. Свои объяснения имел и раскопанный Ежовым эпизод с бесстрашным появлением Ленина в Питере, в Лесном институте, хотя ищейки Временного правительства в поисках его вроде бы сбивались с ног.

По всей видимости, приближается время, когда посвятить в эту тайну придется и Ежова.

Пока же...

Иосиф Виссарионович внезапно поднял на Ежова мимолетный взгляд. Маленький помощник, как всегда, находился в напряженном состоянии. Ленинградская командировка с ее внезапными и страшными узнаваниями сильно подействовала на старательного порученца. Но... что делать? Таково «Зазеркалье» любых больших событий. Приходится терпеть, приходится переносить...

В кабинете Генерального секретаря Ежов, сугубо штатский человек, стал держаться на военную ногу.

— Здравия желаю, товарищ Сталин!

Во всем сталинском окружении только Молотову и Ворошилову позволялось обращаться к Вождю по имени. Для остальных существовало сухое и казенное «товарищ Сталин».

Ежов достал из папки черный конверт, вынул из него две фотографии и вместе с конвертом положил перед Сталиным. Сделав шаг назад, он остался стоять с опущенными руками, весь напряженный, как всегда при посещении этого кабинета.

Взяв снимок, Иосиф Виссарионович отнес его подальше от глаз, поразглядывал и бросил, взял другой. Брови его дрогнули, он быстро, остро глянул на Ежова. На снимке позировало семейство респектабельного буржуа, предающееся неторопливому отдыху: муж, жена и ребенок. На главе семейства было щегольское пальто с перехватом и новенькая шляпа. По всей видимости, он следил за модой. Вид жены и ребенка также свидетельствовал о солидном достатке, о спокойствии и благополучии семьи.

Удивление Сталина объяснялось тем, что в этом ухоженном и сытом моднике-буржуа он сразу узнал Дзержинского.

- Где? - коротко осведомился Сталин, все еще изучая снимок.

- В Женеве. На озере. В восемнадцатом году. Август месяц.

И снова дрогнули сталинские брови. Моментально вспомнилось: Царицын, борьба за город и за эшелоны с хлебом, скудные новости из Москвы по прямому проводу. Положение республики тогда никак не располагало к отдыху на модных и дорогостоящих курортах. Да еще с семьей. Впрочем, семья Дзержинского всегда жила за границей!.. Август... Значит, по-

сле мятежа эсеров и уничтожения царской семьи в Ипатьевском подвале. И накануне убийства Урицкого и покушения Каплан на Ленина. Тут же память подсказала, что Дзержинский на весь тот август куда-то вдруг исчез из голодной Москвы. Появился он лишь перед самыми выстрелами в Петрограде и в Москве... Вот он где, оказывается, находился: в Швейцарии!

— А эти? — Сталин ткнул в другой снимок.

Двое мужчин, по виду советские служащие, с подростком, сфотографировались на Красной площади, на фоне Василия Блаженного. Снимок был неважный, любительский.

Быстрым жестом, одним мизинцем, Ежов указал на пожилого мужчину, задравшего зачем-то голову к небу, и назвал его: Некрасов. Да, тот самый, министр Временного правительства, масон весьма высокой степени (они в том правительстве были масонами все поголовно). Некрасов почему-то за границу сбегать не стал, бесстрашно остался в России и благополучно пережил кровавую полосу «красного террора». Снимок сделан в наши дни, совсем недавно.

— Арестован?

— Пока нет. Имеются сведения, сменил фамилию.

«Черт знает что! Масоны гуляют по Москве, фотографируются на Красной площади!»

Спутником Некрасова был Прохоров, известнейший в старые времена заводчик, владелец Прохоровской мануфактуры. Подросток на снимке — его внук. Своей фамилии Прохоров не менял, устроился на работу в «Центросоюз», занимался сельской кооперацией.

Упоминание о «Центросоюзе» заставило Сталина снова поднять снимок и всмотреться пристальней. Прохоров, заводчик, миллионер... Почему же не сбежал в какой-нибудь Париж? Все поубегали, этот же остался и не один (заставил их к т о-т о не убегать!). Остались махровые миллионеры... а что избрали? Смешно сказать: утлые деревенские лавчонки с устоявшимся запахом селедки, хомутов и керосина. Это — вместо Парижа! Там же, скорей всего, следует искать и след Некрасова... Туда же, в «Центросоюз», вдруг почему-то стал стремиться снятый со всех постов Зиновьев. Зачем? Он в русскую деревню и не заглядывал ни разу в жизни!

Такая поразительная любовь к сельской кооперации нашла объяснение в годы коллективизации. «Центросоюз» забрал в свои руки руководство кулачьим возмущением и сопротивлением. Организация массовая: нет сельца без лавчонки и лавочника, тоскующего по свободе торговать. Плюс к ним заготовители и всевозможные уполномоченные, — целая армия!

Провалившись на заводах, потеряв последнее влияние в среде рабочих, оппозиция ухватилась за крестьянство. Иосиф Виссарионович внезапно остро глянул на Ежова. Справится ли? Хватит ли умения и сил?

Ежов стоял перед ним, как свято горящая свеча. Всем своим существом, всеми помыслами и стремлениями — весь его, с ним, верен и предан до самого конца. Он походил на пулю в стволе, маленькую, но убойную, отлитую прочно и заостренную для поражения наповал. Прикажи! Нажми лишь на курок! Для пули не существует никаких авторитетов! Пыхнув дымом, Сталин спросил:

- Что у вас еще?

- Прошу разрешения вскрыть сейф Свердлова.

Уловив недоумение, пояснил. Служебный сейф председателя ВЦИК после внезапной смерти Свердлова в 1919 году не вскрывался (описи не существует). Видимо, было не до описи. Сейф отнесли на склад и свалили в кучу рухляди. Там он валяется до сих пор.

В настоящее время сама личность Свердлова и вся его деятельность выявляются совершенно в ином свете. Фигура этого человека, вдруг оказавшегося вместо Ленина на самой вершине власти, представляется зловещей и загадочной.

- У него остался сын, — припомнил Сталин.

- Так точно. Работает следователем. Характеристики положительные.

Разрешение было получено. Сталин сделал какую-то пометку на своем календаре.

- У вас все?

На мелком напряженном лице Ежова отразилось сдержанное волнение. Он достал из папки и подал несколько бумаг. В том, как это было сделано, сквозило тревожное ожидание. Маленький куратор сознавал, какое действие окажут на Вождя внезапно обнаруженные документы.

Продолжая стоять, Сталин невнимательно стал перелистывать первые бумаги. Глаз его привычно схватывал весь текст.

«Поручение Троцкого исполнено, — читал он. — Со счетов синдиката и министерства 400000 крон сняты и переданы...»

Следующий документ:

«Поручение исполнено. Паспорта и указанная сумма 207 ООО марок по ордеру Вашего господина Ленина упомянутым в Вашем письме лицам вручены».

«Вот оно! — подумалось Сталину. — Деньги партии и проклятый Парвус!»

Он взял себя в руки и стал дочитывать.

«Стокгольм, 21 сентября 1917 г. Дорогой товарищ!

Банкирский дом М. Варбурга, согласно телеграмме председателя «Рейнско-Вестфальского синдиката», открывает счет для тов. Троцкого. Доверенный, по всей вероятности, г. Костров, получил снаряжение и организовал транспорт такового вместе с деньгами. Ему же вручена потребованная тов. Троцким сумма.

С приветом Фюрстенберг.»

Фюрстенберг (он же — Ганецкий) всегда считался верным ленинским помощником, самым доверенным лицом, связанным с передачей денег на революцию. А вот же: он, оказывается, одновременно обслуживал еще и Троцкого!

Слуга двух господ? Какое там — двух! Целого легиона! Интересно, знал ли об этом Ленин?

Обращало внимание, что телеграмма Фюрстенберга послана вскоре после освобождения Троцкого из «Крестов», он тогда был спешно выпущен из тюрьмы и занял пост председателя Питерского Совета...

Словом, как Сталин и предполагал, рано или поздно вся эта давнишняя история с немецким Генеральным штабом, с немецким золотом и немецким запломбированным вагоном должна была непременно всплыть. Оставались живые участники, не полностью уничтожались документы. Архивы... Черт знает, сколько грязи хранится на их полках и ждет очереди, чтобы всплыть из забытья! Сталину вспомнился Зиновьев. Этот был рядом с Лениным и принимал во всем самое непосредственное участие. Известно, например, что Парвус первоначально принес для проезда через Германию только пять паспортов: самому Ленину с Крупской и Арманд, и Зиновьеву с женой.

Сталин отложил бумаги в сторону, для себя.

Следующие два документа принадлежали к архисекретнейшим. Знали о них лишь несколько человек. Сталин, в частности, не знал. Он в те годы не вылезал с фронтов, а в Москве тогда всеми правительственными делами безраздельно заправляли Свердлов, Троцкий и Дзержинский. Роль Ленина сводилась к исполнению указаний ВЦИКа. Совнарком, тогдашнее правительство, состояло из назначенных, а не избранных руководителей, — отраслевых чиновников. Оба добытых Ежовым документа так или иначе касались генеральной линии большевиков на мировую революцию. Как один, так и другой свидетельствовали, что все решительные действия тогдашних московских правителей носили нисколько не самостоятельный, а всего лишь исполнительный характер. Кремлевская власть, такая решительная, свирепая, на самом деле смотрела из чужих рук. Первым документом повелевалось создать специальный «Фонд хлеба Всемирной Пролетарской Революции», вторым было распоряжение отпустить несколько миллионов франков на ремонт здания масонской ложи «Великий Восток» в Париже, на улице Кадэ. Оба документа скреплялись подписью председателя Совнаркома В.И. Ленина. Век бы не знать таких открытий!

Как раз об этом Сталин думал, когда примерял Ежова на роль усердного копателя. Из-под завалов времени может вывернуться вдруг такая глыба, что перевернет все заученные представления о святом назначении Революции. Закулисная сторона таких катаклизмов — страшная вещь.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА:

«Ныне боевой аппарат масонства усовершенствован, и формы будущего натиска откристаллизовались. Испытанным боевым оружием масонства уже послужил экономический фактор — капитализм... Разжигание бессознательной ненависти в народной толпе против всех и вся — таков второй и главный наступательный ход, выдвинутый ныне масонством в России. Этой мутной волной намечено потопить царя не только как самодержца, но и как Помазанника Божия, а тем самым забрызгать грязью и последний нравственный устой народной души — Православного Бога. Пройдет всего каких-нибудь десять—двадцать лет, спохватятся, да будет поздно: революционный тлен уже всего коснется. Самые корни векового государственного уклада окажутся подточенными».

(Документ этот составлен 10 февраля 1895 года, и составлен людьми, способными на точный и глубокий анализ. Как видно, правоохранительные органы старой России состояли не из одних усатых городовых и тупых квартальных надзирателей. В этих учреждениях трудились специалисты выдающихся способностей.).

Сохранился и отчет министра внутренних дел графа Игнатьева, человека проницательного и решительного, призванного к трону для борьбы с обнаглевшими террористами.

«В Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржи, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел».

Последней из оставленных бумаг была «Справка о генерале Джунковском, последнем руководителе охранного отделения царской России». Справку составлял сам Ежов, натолкнувшись в своих раскопках на следы жандармского генерала в стенах Лубянки.

Иосиф Виссарионович немедленно вспомнил главного жандарма и удивился тому, что генерал не только жив, но и... состоит в штатах наркомата внутренних дел СССР. Находка удивительная!

В свое время В.Ф. Джунковский состоял адъютантом великого князя Сергея Александровича (убитого террористами), затем был Московским генерал-губернатором, а с 1913 года возглавил корпус жандармов, являясь одновременно заместителем (товарищем) министра внутренних дел. Известность он получил резкой конфронтацией с царицей, а также тем, что вдруг провалил такого матерого провокатора в партии большевиков, как Малиновский.

В 1917 году генерал был арестован как «царский сатрап» и оказался в компании жандармских генералов Курлова и Белецкого. Судьба всех троих оказалась совершенно разной. Курлова, как организатора убийства Столыпина, отпустили за границу, Белецкого расстреляли в первый же день «красного террора», а Джунковского пригласил к себе Дзержинский, глава ВЧК. Между двумя руководителями силовых ведомств, бывшим и настоящим, состоялся содержательный разговор.

Генерал Джунковский попенял своему собеседнику, что большевики напрасно упразднили жандармское управление. Уже сейчас становится очевидным, что народ будет ожесточаться, а это чрезвычайно опасно для обладателей власти. Дзержинский лишь усмехнулся: «Ну, у нас не будет ожесточенных!» Он сделал генералу совершенно неожиданное предложение: стать сотрудником ВЧК. Джунковский, понимая, что повлечет за собой его отказ, выразил согласие. Он принимал активное участие в операции «Трест» и даже ездил за границу. Его профессиональными советами Дзержинский пользовался до самой своей внезапной смерти.

Мятеж эсеров вспыхнул во время работы V съезда Советов.

Утром в германское посольство приехал начальник Секретного отдела ВЧК Янкель Блюмкин, добился встречи с графом Мирбахом и убил его. Кроме Блюмкина в числе организаторов мятежа оказались также два заместителя «железного Феликса», Александрович и Прошьян... Восставшие при всем своем нахальстве не воспользовались растерянностью большевиков и упустили редкий шанс на удачу. Им удалось захватить Главпочтамт и они успели объявить по радио о свержении правительства Свердлова-Ленина-Троцкого. В ночь на 7 июля они могли взять Кремль, но промедлили, — скорей всего и сами не верили всерьез в успех своей затеи. Силы у мятежников имелись: 2,5 тысячи бойцов, 8 орудий, 4 броневика и 60 пулеметов.

В поддержку мятежа в Москве вспыхнуло восстание на Волге, в Ярославле и Рыбинске. Акция была хорошо продумана.

Уверенные действия властей, опомнившихся от шока, быстро переломили ситуацию. На улицах Москвы заговорила артиллерия. По особняку Морозова орудия били в упор, с близкого расстояния. Мятежники кинулись спасаться. Суровые латыши принялись за расправу с ранеными и пленными. Застучали маузеры.

В дымившийся морозовский особняк латыши вступили с опаской. Они ожидали увидеть обезображенный труп Дзержинского. Однако «железный Феликс» оказался жив и невредим. Правда, чрезвычайно злобен. Освобожденный из плена, он вернулся на Лубянку в бешенстве и немедленно без суда и следствия расстрелял 13 своих самых близких сотрудников. Он сыпал удары, не считаясь ни с постами, ни с заслугами.

За эсера Александровича, заместителя Дзержинского, попробовала замолвить слово Коллонтай. Она называла его «Славушкой», он был одним из ее любовников. Дзержинский глянул с такой яростью, что у нее застряли слова в горле.

— Не лезьте не в свое дело, мадам!

Скорбя о расстрелянном, Коллонтай сочинила некролог «Памяти тов. Александровича» и принесла его в «Правду». Там на нее вытаращили глаза и печатать некролог отказались наотрез.

Подавление эсеровского мятежа сопровождалось большой кровью. ВЧК действовала беспощадно. И поразительно, что в этой вакханалии спешных и мстительных расстрелов уцелел один-единственный человек... Янкель Блюмкин. Негодяя, едва не спровоцировавшего новое германское наступление, не тронули и пальцем.

Застрелить посла и не понести никакого наказания?!

Найти разумного объяснения столь странного милосердия неистового Дзержинского было затруднительно и теперь.

Непостижимо повела себя и оскорбленная Германия. За подлое убийство своего посла она, пусть и ублаженная условиями «архипохабного» Брестского мира, была обязана ответить применением военной силы. Каким-то чудом мстительного наступления немецкой армии удалось избежать. Германское правительство проглотило неслыханное оскорбление!

А в плену ли находился «железный Феликс», поспешив попасть в штаб мятежа?

А не руководил ли он оттуда действиями восставших?

Только при таком «раскладе» становится понятной диковинная неуязвимость главы ВЧК. Не мог он уцелеть в лапах озверелой матросни, потерпевшей разгром и ожидавшей непременного расстрела!

Но... уцелел! И объяснений этому никак не находилось.

Еще более странными (в свете того, что стало настолько подозрительным) казались действия Дзержинского 30 августа 1918 года. Страшный выдался день! Утром в Петрограде Канегиссер убил Урицкого, а вечером в Москве эсерка Каплан стреляла в Ленина. Стрельба, так сказать, дуплетом: на берегах Невы и на берегах Москвы-реки... Согласованность? Еще какая! Во всяком случае, случайное совпадение исключалось. Осуществлялся подлый и коварный замысел, угадывалась опытная руководящая рука!

Как известно, Леонид Канегиссер дожидался Урицкого в подъезде, на глазах швейцара, и застрелил его без всяких помех, едва глава Питерской ЧК вошел с улицы и направился к лифту. Случилось это в 10 часов утра — самое начало рабочего дня.

Выстрел всполошил служащих страшного учреждения, за убийцей погнались. На свою беду, Канегиссер не смешался с толпой на площади, а вскочил на велосипед и, лихорадочно оглядываясь, стал удирать. Он был заметен, как на ладони. Шофер автомобиля, на котором приехал Урицкий, разогнался и сбил вилявшего среди прохожих велосипедиста. Канегиссер отлетел к стене и сильно ударился головой.

Относительно Канегиссера было приказано провести детальное расследование. Затем Дзержинский поинтересовался, что нового в деле, связанном с недавними прокламациями «Всемирного израильского союза» и «Каморрой народной расправы». Выслушав, что нового, к сожалению, мало, глава ВЧК распорядился дело закрыть, а членов «Каморры», содержавшихся в подвалах, расстрелять.

Вернувшись в Москву, Дзержинский направился не к себе на Лубянку, а поспешил в Кремль, к Свердлову. Они заперлись вдвоем и долго совещались.

О чем совещались в Кремле «всенародно избранный» Свердлов и «железный рыцарь Революции», осталось тайной навсегда.

Однако широко известны некоторые итоги этого потаенного разговора с глазу на глаз.

Дзержинский выяснил, что стреляла в Ленина некая Каплан-Ройтман, член партии эсеров. Ее удалось арестовать. Содержалась она не на Лубянке, а в Кремле, в небольшой, специально устроенной тюрьме в подвале Кавалерского корпуса. Это секретное узилище находилось в подчинении исключительно Свердлова. Арестованную Каплан сначала допросил сам Свердлов, после чего передал ее в руки Янкеля Юровского, того, кто в середине июля с такой жестокостью расправился с семьей последнего русского царя в Ипатьевском подвале.

Несомненно, Юровский был человеком, приближенным к «всенародно избранному». Иначе ему не доверили бы столь важную преступницу.

Юровский получил указание Свердлова не допустить никаких контактов террористки с охраной. Для этого на пост воз-

ле камеры Каплан ставились латыши, совершенно не знавшие русского языка.

Ежова изумило, что Дзержинский после разговора со Свердловым отказался от допроса Каплан. Он уехал к себе на Лубянку, посчитав вопрос решенным окончательно.

Странным показалось Ежову и другое обстоятельство: Свердлов, допрашивая Каплан, не оставил протоколов. Не вел? Или потом уничтожил? Если так, то — с какой целью?

Свердлов же вызвал секретаря ВЦИК Аванесова и отдал распоряжение «оформить» немедленный расстрел томившейся в подвале террористки.

Ежов копнул поглубже и обнаружил совсем необъяснимые подробности.

В первом официальном сообщении о покушении на Ленина говорилось о двух схваченных террористах, мужчине и женщине. Мужчина, по фамилии Протопопов, был почему-то расстрелян в первый же вечер. Каплан, как выяснилось, была почти слепа (недавно перенесла операцию на глазах) и страдала трясучкой рук. К тому же арестовали ее не на месте преступления, возле ленинского автомобиля, а на улице, стоящей под деревом. Браунинг, из которого она якобы стреляла, был найден лишь два дня спустя каким-то прохожим.

Протопопов... Эта фамилия засела в памяти Ежова. Протопопов был заместителем Павлова, командира отряда, засевшего в особняке Морозова во время летнего эсеровского мятежа. Именно Протопопов отвечал за охрану Дзержинского, захваченного тогда в плен. Мятеж, как известно, разгромили, Дзержинский самым счастливым образом уцелел, Павлова поймали, а Протопопов сумел скрыться. В Москве он появился в канун покушения на Ленина. Где же он прятался до тех пор? Кто с ним контактировал? Да и вообще... а не он ли стрелял в Ленина?

Как жаль, что поторопились расстрелять такого важного участника! Он, несомненно, мог бы многое рассказать.

Эти торопливые расстрелы сильно занимали Ежова. И ведь торопился-то кто? Самые ответственные лица в государстве: Свердлов и Дзержинский!

Нет, воля ваша, а тут очень много нераскрытого и до сих пор тщательно скрываемого.

Подозрения усилились, когда Николай Иванович узнал, что пуля, извлеченная из тела Ленина, оказалась вовсе не из того браунинга, который фигурировал в «Деле».

С тех пор Ежов положил себе во что бы то ни стало разобраться и в личности самого Дзержинского, и в той роли, которую этот безжалостный «железный» человек определил для своего страшного ведомства.

Для ВЧК была выделена в Смольном одна-единственная комната №75. Однако объем работы оказался настолько велик, что вскоре ведомство перебралось на Гороховую, в здание недавнего столичного градоначальства.

Оправдывая свое кровавое неистовство, новая власть провозгласила: «Революция должна защищаться!», «Революции не делаются в белых перчатках!»

В марте нового года советскому правительству пришлось спасаться от наступающих немецких войск, и оно перебралось в Москву. В старой русской столице ВЧК облюбовала для себя массивное здание страхового общества «Россия» на Лубянке. По странной причуде архитектора это капитальное сооружение напоминало старинный замок с внутренним двором. В этом дворе, словно догадываясь, какое учреждение здесь впоследствии разместится, строители возвели еще одно здание, поскромнее, в 4 этажа. Лучшего помещения для внутренней тюрьмы не придумать!

Прежнее здание страхового общества состояло из пяти этажей. В 1930 году его надстроили на три этажа. Затем рядом возвели новое здание в одиннадцать этажей (с цоколем из черного мрамора).

Кроме главных зданий ведомство занимало еще несколько помещений по соседству — в частности, в Варсонофьевском переулке.

В эти страшные годы руководитель ВЧК, раскрутивший с таким размахом чудовищную мельницу для перемалывания русского народа, заслужил название «железного Феликса». Это был нервный, издерганный человек с больными глазами фанатика, часто страдающий припадками эпилепсии.

Подручными Дзержинского стали такие же «железные» безжалостные деятели: М. Урицкий, Я. Петерс, М. Лацис, Г. Бокий. Эти люди за пять тысячелетий истории своего малого народа впитали столько ненависти к окружающему миру, что испытывали непередаваемое наслаждение от потоков человеческой крови. Их национальная ярость напоминала клокотание

вулкана, и этот вулкан разразился на земле России. Самое же нелепое заключалось в том, что все эти люди никогда не принадлежали к партии большевиков и ухитрились в нее втереться в самый последний миг. Теперь же, завладев всеми привилегиями победителей русского самодержавия, они принялись управлять завоеванной страной под лозунгом «Горе побежденным!». Русскому народу не оставили даже глаз, чтобы оплакать свою участь.

Нелепейший исторический казус: русский бунт, «бессмысленный и беспощадный» (по Пушкину), внезапно обернулся безжалостным уничтожением самих бунтовщиков, т.е. восставшего народа!

Первой акцией массового устрашения был расстрел манифестации рабочих питерских заводов в день разгона Учредительного собрания. Тогда по колоннам столичного пролетариата ударили из пулеметов. Писатель Максим Горький сравнил это побоище с расправой 9 января 1905 года.

После пролетариата настала очередь крестьянства. Историки называют лишь Тамбовское восстание («Антоновщина») и Кронштадтский мятеж. На самом же деле пожар мужичьего возмущения властью инородцев заполыхал на всем пространстве от Камчатки до Бреста и от Кушки до Мурманска.

Государственную установку на истребление, как повелось, давал «сам» Троцкий:

«Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть лицемерным ханжой, чтобы этого не понимать».

Бухарин по своему обыкновению принялся теоретизировать:

«Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Один из ближайших помощников Дзержинского, член коллегии ВЧК М. Лацис, выступив на страницах журнала «Красный террор», директивным тоном объявил:

«Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого

он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Народная молва тех страшных лет уверяла, что расстрельная пуля ожидала всякого, кто имел привычку носить галстук или очки. Интеллигентного вида человек вызывал классовую ярость победителей и заслуживал немедленной расправы. Именно с тех пор повелось в советском обществе гордиться своим рабоче-крестьянским происхождением и похваляться тем, что «мы в лицеях не учились!».

Гигантская мясорубка совершенно девальвировала человеческую жизнь. Истребив пять сословий самых образованных людей России, чекисты лишили страну мозга. И все же душа истерзанной державы задавленно стонала — этот стон слышней всего вырывался из уст уцелевших и сохранивших национальное достоинство ученых, писателей, художников, музыкантов.

Само собой, Лубянка моментально навострила уши.

28 апреля 1918 года, всего через полгода после выстрела «Авроры», сессия Моссовета принимает постановление «Об антисемитской агитации в Москве и Московской области» (опубликовано в «Известиях» в тот же день). А Молотов, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, пригрозил «антисемитам» смертной казнью. Иными словами, молодая власть нисколько не сокращала возмутительного засилья, а всего лишь заставляла закрыть глаза и накрепко замкнуть уста. Терпи и покоряйся! Иначе...

Россия, к возмущению новых хозяев, оказалась слишком русской: избяной, сермяжной, кондовой и нисколько не походила на Европу, где они прожили так много лет. Эту Россию, а точнее — ее многочисленное население требовалось убедить, что ему выпала великая честь пожертвовать собою ради Всемирной Революции, сгореть в ее всепожирающем огне и тем самым оправдать свое существование на Планете.

Лубянские архивы выглядели как многолетние завалы разнообразного бумажного хламья. Все это валялось в полном забросе, пылилось и ветшало до желтизны. Ничей посторонний интерес к этим завалам никогда не допускался. Начав копать, Николай Иванович начал задыхаться от невыносимого смрада беззакония. Его глазам предстали доказательства того, насколько развращает власть, никем и никогда не контролируемая.

Присяжный поверенный Василий Жданов считался в прежние времена крупным и опытным юристом. Ему довелось защищать знаменитого террориста Ивана Каляева, убившего великого князя Сергея Александровича, дядю царя. Он был занят и на первых советских судебных процессах — в частности, выступал защитником адмирала Алексея Щастного, вся вина которого состояла... в спасении русского Балтийского флота от немцев. Это был самый нелепый процесс, в котором ему довелось участвовать. Прения сторон отсутствовали совершенно. Судьбу подсудимого решило горячее выступление Троцкого — не то свидетеля обвинения, не то прокурора. По сути дела, он приказал адмирала расстрелять, и суд послушно исполнил это приказание. Потрясенный чудовищностью судебного произвола, старый юрист посчитал своим профессиональным долгом воззвать к самым верхам советской власти. Он полагал, что она, эта власть, не знает и не ведает о том, что творится у нее под самым носом. Письмо В. Жданова зарегистрировано в приемной Председателя Совнаркома 11 июля 1918 года.

Время для жалоб старый законник выбрал явно неудачное. В Москве только что отгремел эсеровский мятеж, и власти сверх головы были заняты расправами с участниками внезапного восстания.

Свое письмо возмущенный адвокат начал с того, что сравнил чекистов с работниками сыскного и охранного отделений в царские времена.

«Чрезвычайная комиссия, — писал он, — обладает гораздо большими полномочиями. Она не только производит дознания и следствия, но и решает дела сама, применяет даже смертную казнь. Поэтому над ней нет контролирующего органа, который был над отделениями... И, наконец, как это ни странно, состав ее гораздо невежественнее состава бывших охранных и сыскных отделений».

Даже недолгая практика при новой власти убедила старорежимного юриста в том, что его профессия не только отмерла, но и умерла, сделавшись совсем ненужной, даже вредной.

Первое покушение на Ленина состоялось 1 января 1918 года, т.е. спустя семь недель после выстрела «Авроры» и через десять дней после образования ВЧК. Ленин только что вернулся из Финляндии, где лечился в санатории. Он спешил к открытию

Учредительного собрания. В первый день наступившего года Вождь Революции возвращался в Смольный из Михайловского манежа, с митинга. На Симеоновском мосту по его машине был открыт огонь из револьверов. Опытный шофер дал газ, а сидевший рядом с Лениным швейцарский социалист Платтен пригнул его голову и получил пулю в руку.

Газеты взвыли от негодования. Проклятые буржуи! Смерть им, смерть без пощады!

На другой день после стрельбы по ленинской машине к Бонч-Бруевичу, управляющему делами Совнаркома, обратился солдат, Георгиевский кавалер Спиридонов. Он сообщил, что его вербовали в террористическую группу и обещали 20 тысяч рублей. Бонч-Бруевич немедленно связался с Ворошиловым, занимавшим в те дни пост главы Чрезвычайной комиссии по обороне Петрограда.

Почему не в ВЧК, не к Дзержинскому? Прежде всего, Бонч-Бруевич, ближайший помощник Ленина, с неприязнью относился к руководителю карательного ведомства. Шло это от его дочери, Елены, считавшей Дзержинского зловещей личностью с необыкновенно темным прошлым. К тому же ВЧК еще только создавалась, формировалась, становилась на ноги, — постановление об организации Комиссии по борьбе с контрреволюцией появилось всего 10 дней назад.

После обращения Бонч-Бруевича лихой Клим, не мешкая, организовал налет на указанную солдатом квартиру по адресу: Захарьевская, 14. Среди арестованных оказался князь Шаховский. На Гороховой, где обустраивалась питерская «чрезвычайка», князя основательно потрясли и он признался, что причастен к покушению лишь «финансово» — пожертвовал из своих личных средств 500 тысяч рублей. Ухваченную ниточку стали тянуть и в конце концов вытянули на совершенно неприглядную длину: выяснилось, что вербовщиками к солдату Спиридонову приходили сотрудники питерской милиции Григорий Семенов и Лидия Коноплева. Они же и стреляли по машине Ленина. Словом, покушались на Вождя не осатанелые буржуи, а... сами чекисты!

Финал этой загадочной истории показался Ежову непостижимым совершенно: вскоре в ЧК поступило указание Ленина прекратить расследование, а задержанных освободить.

Что... доброта Ленина? А может быть, что-то совсем иное?

Не совсем понятна история, когда московской ночью машину Ленина остановила и ограбила банда Кошелькова. Расследованием занялся сам Дзержинский. Главаря банды быстро выследили и обложили. Когда он, поняв, что сопротивляться бесполезно, вышел из убежища с поднятыми руками, к нему направился Дзержинский и застрелил его в упор. «Нет человека — нет проблемы!» — излюбленный девиз «железного Феликса».

Также решительным обрыванием концов завершилась вся история с выстрелами Каплан.

Итак, грозная ВЧК начала свою деятельность с того, что предприняла активную охоту... на Вождя революции!

Но разве для этого создавалось страшное учреждение?

Пожалуй, в ненависти Елены, дочери Бонч-Бруевича, зернышко имеется. Над поведением Дзержинского не хочешь, но задумаешься поневоле. Странный, очень странный господин со всей его «железностью»!

Николай Иванович вспомнил безобразную сцену, когда ленинградские чекисты на глазах Сталина принялись размазывать по полу Николаева.

Сходилось!

Устранением руководящих деятелей занималось одно и то же ведомство: как с Лениным, так и с Кировым.

И еще одно лезло в глаза: одинаковость почерка. К обреченному приближался террорист и без всяких помех стрелял в упор.

Потрясающая легкость исполнения!

После этого следовала поспешная расправа: террористов объявляли убийцами-одиночками и расстреливали. Обыкновенные «козлы отпущения».

Грубая работа, как считал Ежов, неубедительная. Впрочем, кого им было убеждать? Сами хозяева!

Партийная пропаганда с помощью прикормленных историков создала в народном представлении легендарные образы героев Революции: стойкие, самоотверженные люди, все в рубцах и шрамах, полученных в ожесточенных классовых боях, отважно, с громким пением «Интернационала», шли на штурм проклятого самодержавия. Звание «старый партиец» само собой подразумевало предельное мужество и героизм.

Ф.Э. Дзержинский был одним из самых-самых! Его величайшая революционная репутация стояла едва ли не вровень с ленинской.

Так считал, так верил и сам Ежов. Грозный и неумолимый бич врагов страны трудящихся, железный рыцарь правопорядка, человек с холодным умом, пламенным сердцем и руками кристальной чистоты!

Эта легенда рассыпалась в прах при первых же узнаваниях.

Для маленького сталинского порученца начиналась мучительная пора пересмотра всего житийного списка из канонизированных партийных святцев.

Вожди Революции забыли слова Ф. Энгельса:

«Террор — бесполезная жестокость, осуществляемая людьми, которые сами боятся».

Боязнь и толкала властителей на неслыханное сокращение коренного населения.

«Враг должен быть обезврежен, — провозглашал Троцкий. — Во время войн это значит — уничтожен».

Конец 1918 года омрачился мятежом Ивана Сорокина, главкома на Северном Кавказе. Он потребовал «очистить советскую власть от евреев» и выкинул лозунг: «За Советы, но без жидов!»

Центральная «Правда», клеймя мятежников, объявила:

«Отныне вся власть — чрезвычайкам!»

И чекисты исполнили свое назначение — мятеж был утоплен в крови.

Девятый вал «красного террора» вскипел в январе наступившего года, когда из Москвы за подписью Янкеля Свердлова полетела «Директива» (циркуляр Оргбюро ЦК РКП/б/) об истреблении казачества. В этом документе указывалось:

«Учитывая опыт гражданской войны, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления».

Троцкий, выпускавший в своем поезде собственную газету, посвятил расказачиванию целый «исследовательский» трактат.

«Казачество — прелюбопытный вид самостийных разбойников. Общий закон культурного развития их вовсе не коснулся, это своего рода зоологическая среда... Мы говорили и говорим: очистительное пламя должно пройти по всему Дону

и на всех них навести страх и религиозный ужас. Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в море».

Палаческую тему тоном знатока вопроса развил член Донревкома И. Рейнгольд: «Бесспорно, принципиальный наш взгляд на казаков, как на элемент, чуждый коммунизму и советской идее, правилен. Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всяческое заигрывание с казачеством. Ни на минуту нельзя упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица — вооруженный лагерь, каждый хутор — крепость».

Прокурор Крыленко, осуществляя надзор за выполнением московской директивы, начальственно указывал:

«С казачеством борьба должна быть еще более жестокой, чем с внешним врагом».

В республике Советов было запрещено само слово «казак». Население уцелевших станиц считалось заложниками, в качестве комендантов туда назначались партийцы из австрийских военнопленных. Режим для населения станиц был установлен тюремный. Если исчезал кто-либо из семьи, расстрелу подлежала вся семья. В случае бегства целой семьи расстреливалось все население станицы.

На истребление казачества, этого воинского сословия русского народа, умело науськивали инородцев. Затеяв так называемое «переселение станиц», власти не разрешили казакам убрать созревший урожай и заставили их сняться с насиженных мест. Мужчин в станицах, как правило, не осталось — все мобилизованы на фронт. В дороге на обозы выселяемых нападали банды ингушей и чеченцев. Происходил захват скота и заложников, насилия и убийства. В станице Тарской убито 118 человек, уведено 242 лошади. В станицах Слепцовская и Ассиновская убито трое, уведено 149 лошадей и 23 быка.

В результате мощной истребительной операции из четырех миллионов казаков в живых осталось только два миллиона.

На языке международного права такое преступление квалифицируется, как геноцид (или х о л о к о с т).

«Железность» настоящих чекистов проверялась на массовых расправах. Милосердие, сострадание, жалость и доброта

считались уделом бескрылых российских обывателей, т.е. преступной слабостью характера.

Пряный запах человеческой крови привел в ряды чекистов людей с садистскими наклонностями. Убивать стали не просто выстрелом в затылок, а с выдумкой, превращая расправы с перепуганными людьми в настоящие спектакли. На этом поприще выдвинулись многие «художницы»-палачки, почитательницы библейских героинь Далилы, Эсфири и Деборы.

Безжалостные расстрелыцики, действуя по «Декрету о красном терроре», цинично пошучивали, что они закрывают глаза русской аристократии (и вообще представителям имущих классов России) исключительно из... неодолимого человеколюбия: чтобы они не страдали, наблюдая за тем, как их богатствами пользуются чужие.

А богатства были захвачены огромные.

Недвижимое имущество уничтоженных классов стало собственностью государства, а вот с имуществом движимым пришлось повозиться. Дело в том, что сокровищ России, скопленных на протяжении веков, оказалось невозможно посчитать. Специальные хранилища «Гохрана» оказались заваленными конфискованными драгоценностями, произведениями искусства, мехами, древними рукописями и раритетами. Российские буржуи понимали толк в этих вещах и показали себя настойчивыми собирателями.

Власть большевиков буквально восседала на горе уникальных сокровищ.

Во главе «Гохрана» Янкель Свердлов поставил Юровского и Ганецкого-Фюрстенберга.

Поток русских сокровищ затопил рынки Западной Европы и Америки. Исключительное место в этом беспримерном грабеже принадлежит, конечно же, А. Хаммеру.

Земляк Троцкого, одессит, он пробавлялся в Америке грошовыми гешефтами. Жилось трудно. Его отец, Юлиус, имел диплом врача и подрабатывал подпольными абортами. Когда Троцкий стал важной персоной в республике Советов, Юлиус быстренько раскинул мозгами и выступил инициатором создания коммунистической партии Соединенных Штатов. Из Москвы потекли первые деньги. Подвела Юлиуса жадность: став «американским Лениным», он не оставил подпольных абортов

и вскоре попался, угодил в тюрьму. Двое его сыновей взяли московский след отца и устремились в Россию. Оттуда так и шибало ароматами гигантских заработков. Человеку сообразительному ничего не стоило сколотить колоссальное состояние. Предприимчивые люди в этой диковинной стране ходили буквально по колена в золоте.

К тому времени Троцкий возглавлял не только военное ведомство, он еще взвалил на свои плечи обязанности председателя Специальной правительственной комиссии по продаже конфискованных сокровищ за границу. К нему и сунулись американские земляки. И не прогадали. Троцкий, а затем и Ленин предоставили молодым, непредприимчивым дельцам из-за океана широкое поле деятельности.

Действия Хаммеров напоминали охотников за крупной дичью в дикой Африке. Первая удача их ожидала... в грязной рабочей столовке. Они разглядели, что вонючий суп из селедки подается в роскошных тарелках. Выяснилось, что столовка недавно обзавелась необходимой посудой из Зимнего дворца. Это был уникальный императорский сервиз из шести тысяч предметов. На его изготовление русские мастера потратили несколько лет. Сейчас драгоценнейшая посуда небрежно швырялась в лохани для мытья и часто билась. Хаммеры предложили заведующему два сервиза из крепкого фарфора, и он с радостью согласился на этот выгодный обмен.

Так братья стали обладателями сервиза, единственного в мире. Такого больше нет нигде и никогда не будет.

В Пушкинском музее братья познакомились с реставратором Яковлевым. Реставратор разыграл перед американцами целый спектакль на тему: честный человек, отчаявшись от безденежья, соглашается на преступление. Соблазнив служителя музея пачкой долларов, братья уговорили его стащить малоизвестную картину Рембрандта, хранящуюся в запасниках. Яковлев долго ломался, но наконец уступил. Радости братьев не было предела. Рембрандт и за такую смехотворную цену! Эти русские дураки даже не представляют настоящей стоимости своих сокровищ!

Картину удалось вывезти в Америку. Там Хаммеры пригласили эксперта по живописи. Тот повозился с картиной и... чуть не лопнул от хохота. Он направил на полотно луч рентгена и на том месте, где обыкновенно художник ставил свою подпись,

Хаммеры прочитали краткое русское ругательство, которое пишут на заборах.

Яковлев оказался редкостным пройдохой и хорошо нагрел неразборчивых гешефтмахеров.

Прилетев в очередной раз в Москву, А. Хаммер явился в Пушкинский музей.

- Я тебя в суд, мерзавец! — пригрозил он реставратору.

Тот спокойно отпарировал:

- Много проиграешь.

Хаммер только дух перевел. Коса нашла на камень!

Раскинув умом, американец смиренно осведомился:

- А что у тебя еще имеется?

- Ну, вот это другой разговор!

С помощью пройдохи Яковлева пройдоха Хаммер наладил сбыт фальшивых полотен знаменитых мастеров.

Впрочем, одним подлинником Яковлев все же осчастливил Хаммера: это была картина К. Малевича «Супрематическая композиция».

В Нью-Йорке, в самом центре, Хаммеры открыли антикварный магазин, назвав его «Эрмитаж».

Обжившись в России, братья хорошо изучили характер ее новых властителей. Речи Хаммеров стали походить на демагогию митинговых ораторов. Они громили буржуев и восхваляли людей труда. Время от времени им удавалось раздобыть на Западе какую-нибудь записку Маркса или Энгельса. Они совершали широким жестом дарственное подношение в копилку Института марксизма-ленинизма. Благодарные хозяева отдаривались шедеврами из запасников музеев. Братья цинично перемигивались: снова удалось провернуть выгодное дельце!

Сначала они быстро нашли путь к сердцу жены Молотова П.С. Перль (Жемчужиной). Затем предметом их обожания стала Е.А. Фурцева, министр культуры СССР. Обе дамы чрезвычайно дорожили расположением «друзей Советского Союза». На подарки они не скупились. Ловкость получателей заключалась в том, чтобы подвести обоих помпадурш к Третьяковской галерее или Русскому музею, только там еще оставались уникумы, которые покамест не уплыли из страны. Расчет срабатывал безошибочно, заморские хапуги обыкновенно получали все, что хотели.

Сейчас известно, какой приятный шок испытал президент США Ф.Рузвельт, когда братья Хаммеры поднесли ему неслыханной ценности подарок. Это было изделие из золота, платины и бриллиантов. Изображало оно модель Волги на карте России. Изготовила его фирма Фаберже к 300-летию дома Романовых. Добыча досталась Хаммерам в результате сложных комбинаций, связанных с каким-то письмом Клары Цеткин. В «Гохране» СССР как всегда сидели «специалисты», имевшие сугубо пролетарское представление о порученных им ценностях.

Примечательно, что в 1933 году А. Хаммер опубликовал книгу под названием «В поисках сокровищ Романовых». Это исповедь преуспевающего пирата, хвастливого, циничного, беспардонного.

Впрочем, ему было чем похвастаться. На грабеже России он сколотил миллиардное состояние и вошел в число самых богатых людей планеты.

Спекулянты, подобно зверям, находят один другого по запаху. С некоторых пор вокруг удачливых Хаммеров стали увиваться два суетливых человечка: Шапиро и Шаффер. У них имелись связи, и не где-нибудь, а в «Алмазном фонде». Они предложили свои услуги факторов, выторговав десять процентов комиссионных. При одном упоминании об «Алмазном фонде» у Хаммеров вспотели ладони. Они уже освоили такие учреждения, как «Торгсин», но... «Алмазный фонд»!

В итоге сделки на рынках Амстердама и Антверпена вдруг появились драгоценности царской семьи.

Вскоре Шаффер по секрету сообщил Хаммерам, что в правительстве Ленина готовится Декрет о конфискации церковных богатств. А за столько веков православная церковь скопила в своих хранилищах несметные богатства! И Шаффер игриво подмигнул: дескать, смекаете?

Другой компаньон, Шапиро, оказался человеком завистливым. Он с горечью сообщил, какие выгодные гешефты проворачивает дипломат Д. Дэвис. Ему удалось найти ход в Киево-Печерскую лавру и в Чудов монастырь. В итоге он стал обладателем 23 редкостных икон, доставшихся ему буквально за копейки.

Шапиро потихоньку разворачивал собственный бизнес. Ему пришло в голову начать строительство на самых модных курор-

тах Европы вилл, похожих, словно копии, на великокняжеские дворцы в Петрограде и его окрестностях. Весь «цимис» идеи заключался в том, что виллы обставлялись подлинными вещами из дворцов Романовых. Шапиро наладил скупку паркета, обоев, гобеленов и пр. В Елагином дворце для него вырвали даже шпингалеты с окон и дверные ручки.

Великая пролетарская Революция неузнаваемо изменила торговое лицо России. Если раньше на Запад увозились лес, пенька, деготь, конопля и зерно, то теперь страна трудящихся заваливала мировые рынки музейными редкостями.

Как же избежать огласки и все-таки поскорее сбыть с рук свалившиеся богатства?

Разрешение этой деликатнейшей проблемы было поручено старому большевику Георгию Пятакову.

Постоянно бывая за границей, Пятаков стал присматриваться к известным гешефтмахерам, прикидывая, кто из них способен пойти на риск. Выбор его остановился на знаменитом спекулянте Гульбенкяне. Этот ловкий посредник прославился своими комбинациями в сделках с ближневосточной нефтью (в частности, с иракской). Став богатым человеком, он составил неплохую личную коллекцию. (В настоящее время его галерея в Лиссабоне считается лучшим частным музеем мира). Гульбенкян выслушал предложение Пятакова, быстренько прикинул выгоды и потребовал солидных государственных гарантий. Ранг Пятакова, как торгового представителя страны Советов, показался ему недостаточно высоким. Тогда на толковище спекулянтов отправился многомудрый и непотопляемый А. Микоян.

Два армянина и один еврей — комбинация, не имеющая никакого права на провал. К ним «пристегнулись» еще торговый представитель СССР в Париже Зеликман и глава советской торговой миссии в Лондоне Рабинович. Активное участие во всех сделках принимал директор Эрмитажа Тройницкий. И успех пришел. В качестве первого покупателя эта интернациональная компашка махинаторов наметила американского миллиардера Эндрью Меллона, алюминиевого короля, главу международного картеля. В те годы он занимал пост министра финансов США.

Совет Гульбенкяна был таков: необходимо посадить Меллона на крючок. Заглотнув наживку, он уже не найдет силы соскочить.

Миллиардеру показали полотно Тициана «Венера перед зеркалом». Знаток старинной живописи, Меллон в волнении положил руку на горло. Таких произведений его галерея не имела. Удача свалилась редкостная, небывалая. Это жулье, торгующее такими сокровищами, конечно, не случайно обратилось именно к нему. Во-первых, он спрячет картину в своем дворце, во-вторых, никакая полиция туда не посмеет сунуться... Пока он размышлял, Гульбенкян сбоку прожурчал, что кроме Тициана ему могут быть предложены произведения такой же редкости и ценности.

После недолгих препирательств продавцы и покупатель ударили по рукам. Всего за 6,5 миллиона долларов в галерею алюминиевого короля переехали произведения Рафаэля, Тьеполо, Ботичелли, Перуджино, Ван Дейка, Веронезе и Веласкеса — общим счетом 21 картина.

Сделав почин и отбив притязания уцелевших буржуев на свои сокровища, гешефтмахеры перестали прятаться.

Распродажа награбленного добра пошла в открытую, через публичные аукционы.

Ограбление церквей подавалось как забота властей о спасении народа от ужасающего голода (самой же, кстати, властью и организованного). Какое кощунство на невиданном несчастье! По оценке специалистов, опустошение церковных хранилищ принесло грабителям миллиарды золотых рублей. Из этой колоссальной суммы голодающим гоям достался... один миллион рублей. Вся остальная выручка пошла на развитие «перманентной» революции, на финансирование усилий прожорливого Коминтерна.

Торопливая распродажа в таких количествах вызвала вполне естественно катастрофическое падение цен. Однако алчные негоцианты не знали никакого удержу и спешили сбыть добычу пусть даже за гроши.

Вот цены за шедевры мировой живописи:

Рембрандт «ушел» за 4,6 тысячи долларов, Эль Греко — за 9,5 тысяч, Ренуар — за тысячу, Рубенс — за 675, Босх — за 600, Курбе — за 450 долларов!

За письменный стол императора Павла I, шедевр искусства русских мебельщиков, удалось выручить 200 долларов, за кубок шведского короля Карла XII — 57 долларов.

Пасхальные подарочные яйца Фаберже братья Хаммеры приобретали всего за 50 долларов.

«Торговали — веселились, подсчитали — прослезились...»

Всего из ограбленной России было вывезено шесть тысяч тонн редкостных предметов, украшающих и лучшие музеи мира, и частные коллекции миллиардеров.

Главное преимущество власти в том, что она сама устанавливает угодные себе законы и безжалостно карает всякого, кто их осмелится нарушить.

Один из таких законов советской власти — Декрет Совнаркома — был принят 29 июля 1919 года. Назывался он так: «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». Декретом указывалось вскрыть 39 захоронений известнейших деятелей истории России. В числе самых первых — усыпальницы Александра Невского и Сергия Радонежского.

О том, что за многие века в сокровищницах храмов и монастырей скопились громадные богатства, знал каждый обыватель. Не забудем, что сокрушение самодержавия проходило под молодецкий с присвистом призыв: «Грабь награбленное!» Наивно было надеяться, что церковь, объявленная «опиумом народа», избежит общей для имущих классов участи.

Первую попытку завладеть богатствами монахов предприняли балтийские матросы под водительством развеселой Александры Коллонтай. 19 января 1918 года пьяная орава «братишек» пошла на приступ Александро-Невской лавры. К счастью для себя, насельники лавры успели затворить ворота и ударили в набат. Питерский обыватель кинулся на тревожный звон колоколов, и матросы, убоявшись народного гнева, отступили.

Святитель Тихон, еще не ведая, какие испытания ожидают верующих и клир (да и его самого), отозвался на матросский приступ скорбным словом, озаглавленным «Россия в проказе».

«Все тело ее покрыто язвами и струпьями, чахнет она от голода, истекает кровью от междоусобной брани. И, как у прокаженного, отпадают части ее — Малороссия, Польша, Литва, Финляндия, и скоро от великой и могучей России останется только одна тень, жалкое имя».

Власть отделила церковь от государства, но оставить церкви ее накопленные сокровища не посчитала нужным. И в этом была своя логика: зачем делать какие-либо исключения? Тем

более, что вынашивались мировые планы и средств требовалось все больше и больше.

Неотразимым поводом для замышленного грабежа явился повальный голод. Зарубежье откликнулось не только помощью продуктами питания, но и ценными указаниями. Известный русофоб Карл Каутский написал: «Русские монастыри богаты золотом. Революция должна всем овладеть!» Соблазнительную тему с живостью подхватила партийная печать. «Николай Угодник, Иоанн Воин, Федор Стратилат купаются в роскоши, а бедные Иваны, Николаи и Федоры дохнут, как мухи!» Известный религиозный деятель А. Введенский (из иудеев) предпринял цикл лекций на тему «Церковь и голод».

16 февраля 1922 года высший законодательный орган республики Советов — ВЦИК принял Постановление об изъятии церковных ценностей. Специальную правительственную комиссию возглавил Троцкий.

На Постановление ВЦИКа немедленно откликнулся патриарх Тихон, обратившись к верующим с пасторским посланием. Он заявил, что «помощь страдающим — святое дело и пожертвования — отклик любящих сердец на нужды ближнего». Однако он предостерег от вопиющего кощунства — от реквизиции священных сосудов православных храмов.

По укоренившейся привычке власть действовала размашисто. Налетчики забирали все, что попадало под руку. Тем более, что священные сосуды изготавливались из серебра. Нахальство грабителей вызывало естественный гнев прихожан. В рабочем городке Шуе верующие напали на отряд чекистов, ворвавшихся в храм. Разгорелось настоящее побоище, загремели выстрелы. Шесть человек было убито, восемь ранено.

Шуйский инцидент стал предметом разбирательства на заседании Политбюро. Ленин не присутствовал — у него разболелись зубы. Но он прислал товарищам гневное письмо. Вождь Революции был возмущен, но только не действиями чекистов, а сопротивлением прихожан. Он требовал самых решительных мер.

«Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Троцкий предложил совсем иную тактику.

«Видных попов по возможности не трогать до конца кампании... Строго соблюдать, чтобы национальный состав комиссий не давал повода для шовинистической агитации».

Ленин тотчас подхватил лукавую идею Троцкого и сформулировал ее так:

«Ни в коем случае перед публикой не должен появляться Троцкий. Только Калинин!»

Все же Политбюро приняло Постановление, проникнутое стремлением дать верующим жестокую острастку. «Коноводов» в Шуе следовало расстрелять. Указано было взять под арест весь состав Синода. Кроме того, в интересах антирелигиозной пропаганды полезно было бы подготовить показательный судебный процесс священнослужителей, якобы уличенных в хищениях церковных ценностей.

Вакханалию безудержного грабежа и разрушения святынь удалось остановить лишь в 1932 году, когда на имя Сталина с отчаянным письмом бесстрашно обратился академик Орбели. К тому времени Генеральный секретарь избавился от Троцкого и понемногу набирал необходимый политический вес.

Летом 1921 года, вскоре после позорной неудачи под Варшавой и кровавейшей расправы над участниками Кронштадского мятежа, Зиновьев, утвердившийся в Петрограде на правах удельного князя, торжественно объявил о многочисленных арестах членов «Петроградской боевой организации». По его словам, большая группа русских деятелей науки и культуры сформировала преступное сообщество с явно диверсионной целью. В планах великорусских заговорщиков-шовинистов значилось «сжигать заводы, истреблять жидов, взрывать памятники (какие? — не уточнялось)». Возглавлял организацию молодой профессор В.Н. Таганцев.

Республика Советов, совсем недавно ошеломленная матросским мятежом в Кронштадте, содрогнулась от ужаса перед коварством «великорусской швали», обремененной учеными степенями и званиями. В числе арестованных оказался замечательный русский поэт Николай Гумилев. Газеты утверждали, что «Боевая организация» имела прямые связи с Финляндией, куда сумел укрыться руководитель кронштадтских мятежников Степан Петриченко.

Петроград, едва не ставший ареной злодеяний профессорской банды, был поспешно объявлен на военном положении. Для проведения следствия из Москвы примчался один из заместителей Дзержинского Янкель Агранов.

Максим Горький, уже готовившийся к отъезду в эмиграцию, не поверил в злодейские замыслы профессоров. Он написал Ленину, требуя остановить готовившееся кровопролитие. Великий писатель лично знал многих из «террористов». Он не мог поверить, что поэт Гумилев собирался взорвать Путиловский завод или убить каких-то мифических «жидов». Это был явный бред ошалевшего от колоссальной власти Зиновьева, подкрепленный откровенным провокаторством преданных ему чекистов.

Янкель Агранов считался крупным специалистом по разоблачению преступных замыслов врагов советской власти. Его не смутило, что в подвалах на Гороховой пока что содержалось только двое из «Боевой организации». Одним из них был сам профессор Таганцев, другим — боцман с линкора «Петропавловск» по фамилии Паськов. Удручало Агранова совсем другое: в Москве нетерпеливо ждали результатов следствия, в частности, известных всей стране имен, запачканных участием в заговоре (которого, в общем-то, не существовало).

Провокаторство, как метод разоблачения врагов, настоящих и мнимых, было блестяще отработано «железными» людьми Дзержинского. Агранов, не теряя времени, закатал рукава и принялся действовать.

Роль козырного туза сыграл боцман Паськов («агент из-за рубежа, от Петриченко»). По наущению Агранова он указал следствию на сенатора Лопухина, уцелевшего каким-то чудом от клыков «красного террора». Прозвучало из уст боцмана еще несколько фамилий лиц, к которым его не пустили бы даже в переднюю. Остальное, как говорится, было делом чекистской техники (правда, чрезвычайно грубой, неизобретательной). Агранов вызвал на допрос истомившегося от неизвестности профессора Таганцева и после недолгих споров они заключили компромисс: Таганцев берет на себя роль руководителя зловредной организации, Агранов со своей стороны обещает не доводить дела до расстрела. Суд состоится, без этого не обойтись, но приговор будет мягким, снисходительным.

На следующее утро Агранов и профессор уселись в служебную машину и отправились в поездку по Петрограду. Назывались фамилии «боевиков», устанавливались их адреса. Поездка по городу заняла более шести часов. Едва стемнело, несколько десятков автомашин разом выехали по адресам и свезли арестованных на Гороховую.

1 сентября 1921 года «Петроградская газета» на видном месте опубликовала длинный список (61 фамилия) расстрелянных «боевиков». В последующие дни к этим жертвам прибавились еще 18 расстрелянных, затем еще 8.

По молодости лет профессор Таганцев стал жертвой своей интеллигентской доверчивости. Истомившись в зловонном подвале, он поверил заверениям подлеца Агранова. Профессор не знал, что у деятелей Лубянки существует «железный» закон: попал — не вырвешься. Чекисты никогда не ошибаются! Не могли они ошибиться и в затее с организацией «боевиков»-профессоров. И — не ошиблись: длинный список расстрелянных контрреволюционеров, врагов трудового народа, венчал их героические усилия.

С «Дела Таганцева» началась длинная череда провокационных операций Лубянки, направленных на выгребание оставшихся мозгов русской нации.

...Сырой весенней ночью в центре Москвы, в Мерзляковском переулке, остановились две автомашины. Несколько суровых мужчин уверенно вошли в темный подъезд и мерными шагами стали подниматься на третий этаж. Раздался требовательный стук в дверь. После недолгих препирательств мужчин впустили. Они направились в спальню.

- Гражданка Толстова? — задал вопрос старший.

- Толстая, — поправила кутавшаяся в одеяло женщина.

- Вы арестованы. Вот ордер.

Александра Львовна Толстая, младшая дочь нашего классика литературы, оказалась в лапах ВЧК. Ей предстояло разделить жестокую участь тысяч и тысяч своих сограждан, всю жизнь болевших сердцем за судьбу России и ее несчастного народа, однако никак не разделявших эйфории по поводу странного союза картавых вождей революции и пьяной матросни.

Арестом графини А.Л. Толстой началось пресловутое дело «Тактического центра».

К счастью для арестованных (среди них — князь С. Трубецкой, известный историк С. Мельгунов и другие, всего 28 человек), суд над ними состоялся в дни, когда Тухачевский лихо двигался на Варшаву и судьба панской Польши должна была вот-вот решиться. Вопрос о том, какой приговор вынести участникам «Тактического центра», решался на заседании Политбюро. Докладывали двое: Агранов и Ягода. В упрек графине Толстой была поставлена ее дерзость на допросах. Когда ее спросили, что она делала на тайных сходках заговорщиков, молодая графиня высокомерно заявила: «Я ставила им самовар!» Члены Политбюро были настроены благожелательно: не сегодня-завтра красное знамя революции взовьется над поверженной Варшавой. А там — Берлин, Париж!

Решено было на этот раз — по случаю победы — обойтись без высшей меры социальной защиты.

В карательной практике Лубянки борьба с «русским фашизмом» приобрела приоритетнее значение. В ход шли подлоги, лжесвидетельства, самые гнусные инсинуации. Не проходило года, чтобы страна не узнала о новом подвиге чекистов, разоблачивших очередную организацию преступных патриотов. «Братство преподобного Серафима Саровского», «Сибирская бригада», «Народники», «Дело Академии наук», «Русская национальная партия», «Дело славистов» и некоторые другие.

Все эти «художества» Лубянки имели место до 1934 года, до злодейского убийства Кирова.

Сталинское задание насчет «товарища Орлинского» (энергичное подчеркивание синим карандашом) Ежову удалось выполнить не сразу.

Раскрыть личность таинственного человека, носившего кличку «Орлинский», удалось благодаря одной из неудач ВЧК в 1918 году.

Группа чекистов с ордерами на обыск и арест явилась к Орлинскому на квартиру. Дверь открыл сам хозяин. Мгновенно сориентировавшись, он пригласил гостей войти и сообщил, что сейчас позовет самого Орлинского. Пока неопытные агенты топтались в коридоре, сообразительный Орлинский бежал через черный ход. Найти его в Петрограде не удалось. В скором времени он появился на юге России, у Деникина, возглавив в Добровольческой армии разведку и контрразведку.

А в Петрограде Орлинский занимал значительный пост, являясь председателем следственной комиссии (по сути — заместитель Дзержинского). Когда советское правительство переехало в Москву, глава ВЧК оставил Орлинскому чрезвычайные полномочия. С ним в те годы вынужден был считаться сам Зиновьев.

И вот этот человек оказался совсем не тем, за кого он себя выдавал. Свою высокую квалификацию великого притворщика он подтвердил удачным побегом от чекистов. Находился у них в руках и все-таки сбежал!

Как же он смог пробраться в заместители к «железному Феликсу»?

Ежов продолжал ворошить сохранившиеся с тех времен бумаги, и перед ним открылся целый пласт секретов, о которых никто из современников не имел ни малейшего представления.

Под фамилией Орлинского скрывался бывший старший следователь прокуратуры Варшавского военного округа В.Г. Орлов. В царское время он имел чин действительного статского советника, т.е. штатского генерала (персона 4-го класса).

Крушение царского режима не оставило Орлова без работы. По заданию генерала Алексеева, главы масонской военной ложи, он едет в Петроград для подпольной деятельности. Ему удалось завязать знакомства с Крестинским и Стучкой. Однако главный перелом в судьбе белогвардейского подпольщика произошел после внезапной встречи с Дзержинским.

Все дело в том, что и Орлов, и Дзержинский были давними знакомцами.

Отец Дзержинского, как оказалось, родился и работал в Таганроге. По совету врачей он переехал в Западную Белоруссию и там, в Налибокской пуще, приобрел 80 гектаров земли с лесом, выстроил большой дом. В семье подрастало 8 детей.

Мать семейства, Елена Игнатьевна Янушевская, выросла в семье поляка-профессора и с младых ногтей люто ненавидела Россию и русских. В таком же духе она воспитала и своих детей. Судьба всех сложилась неудачно. Феликса за разнузданное поведение выгнали из гимназии с «волчьим» билетом. Его брат Станислав был убит в 1917 году. Владимира расстреляли гитлеровцы в 1943 году. Казимир погиб в немецком концлагере. Последний

из братьев, Игнатий, стал сотрудничать с гитлеровцами и жестоко за это поплатился.

Следователь Орлов впервые увидел Дзержинского в 1912 году, встретившись с ним в следственной камере Варшавской цитадели.

На тюремных нарах Дзержинский оказался после убийства своей сестры Ванды, девочки 14 лет. Воспылав к ней страстью, он не нашел ответного чувства, в запальчивости схватил ружье и уложил ее на месте.

Суд приговорил убийцу к 12 годам каторги. (Ежов не верил собственным глазам: такая непристойная уголовщина!)

На многие годы дороги следователя и подследственного разошлись. Орлов в текучке событий совсем забыл о своем давнем «клиенте», как вдруг в Петрограде, уже подпольщиком, столкнулся с Дзержинским, что называется, нос к носу. Душа Орлова ушла в пятки.

О репутации безжалостного главы ВЧК он уже был наслышан. Однако страх его оказался преждевременным: «железный Феликс» предложил ему сотрудничество. Орлов немедленно согласился. Ему был выдан документ сотрудника ВЧК на имя Орлинского. Высокое покровительство председателя ВЧК обеспечило Орлову-Орлинскому быстрое продвижение по службе. Когда советское правительство переехало в Москву, Орлов был оставлен в Петрограде с обширными задачами и полномочиями. Он имел касательство к такой афере ВЧК, как «Каморра народной расправы», к засылке агентуры в заграничный РОВС генерала Врангеля и к возникновению «Петроградской боевой организации», вскоре губительно сказавшейся на судьбе профессора В.Н. Таганцева. Уже в те годы зафиксирована его связь с Иваном Запорожцем, нелегалом, ставшим впоследствии заместителем Ф. Медведя, начальника Ленинградского управления ОГПУ. Одной из обязанностей Орлова-Орлинского было снабжение надежными документами офицеров, направлявшихся на юг России, в Добровольческую армию.

На своем высоком питерском посту Орлов-Орлинский кропотливо составлял обширнейшую картотеку руководящих деятелей большевистского режима.

Провалился он случайно: выдал сразу 12 разрешений на приобретение билетов в южном направлении (забыл об элемен-

тарной осторожности), кто-то из подозрительных пассажиров был задержан — в итоге скандальное разоблачение хорошо законспирированного важного агента.

Николай Иванович Ежов сообразил, что счастливый случай соприкоснул его с одной из самых сокровенных тайн тогдашнего режима — вернее, с темным прошлым, пожалуй, самого зловещего его «вождя». И у него сами собой возникли несколько вопросов.

А была ли на самом деле неожиданной встреча белогвардейского агента с главой ВЧК?

Продолжал ли он поддерживать связь с Дзержинским? Ежов подозревал, что продолжал. В этом отношении следовало присмотреться к такой персоне, как Сидней Рейли. Выдающийся британский разведчик Рейли (он же — Соломон Розенблюм, уроженец Одессы) всячески опекался чекистами в Петрограде. Именно Орлов устроил его на работу в ЧК и выдал ему пропуск-«вездеход» с подписью самого Дзержинского. Пропуск был выписан на фамилию Релинского. Примечательно при этом, что Орлов называл Рейли «хозяином», а Рейли до последних дней своей жизни считал Орлова «отличнейшим парнем».

Без всяких натяжек угадывалось начальственное положение Рейли и подчиненное Дзержинского и Орлова.

Не являлся ли Рейли-Релинский-Розенблюм эмиссаром руководящих инстанций, расположенных за пределами не только Петрограда, но и России?

Ежов никак не мог понять, каким образом, счастливо избегая арестов, Орлову постоянно удавалось спасать свой обширнейший архив? (Великую ценность, в частности, представляло богатейшее досье, собранное на 500 деятелей советского режима). Отчетливо угадывалась чья-то властная опека, оберегающая мощная рука. Сейчас, по истечении времени, вдруг всплыла фигура некоего В. Бартельса. Во времена орловского подполья этот господин состоял в штате германского консульства в Петрограде. Затем он вернулся на родину и возглавил так называемый Государственный комиссариат по охране общественной безопасности. Так вот, Бартельс не оставлял своими заботами Орлова и в Берлине!

Именно здесь, считал Ежов, следовало искать настоящие причины краха восстания в Германии в 1923 году, хорошо под-

готовленного из Москвы. Казалось бы, предусмотрено было все, а в итоге — сокрушительный провал!

Разумеется, Орлов не мог остаться в стороне от столь важного мероприятия. Замысел был грандиозен: в Германии, измученной и униженной условиями Версальского мира, устанавливается власть Советов, власть трудящихся. Сейчас, однако, выяснилось активное участие в событиях Орлова. С его подачи, например, немецкие власти узнали о многочисленных группах Коминтерна, наводнивших Германию с фальшивыми документами. Он же, Орлов, помог арестовать, пожалуй, самого страшного из московских эмиссаров, известного под именами: Скоблевский, Гельмут, Горев. На самом деле это был молодой (26 лет) чекист В. Розе, латыш, кровавейший палач, посланный в Германию на пост начальника будущей немецкой ВЧК. Через год после поражения восстания в Лейпциге состоялся суд над «Германской ЧК». Там всплыло много страшного из планов Коминтерна. В. Розе был приговорен к повешению. Однако вмешалась Москва (одновременно Коминтерн и ВЧК) и добилась его обмена.

Печальный конец таких персон, как Рейли и Савинков, расстрелянных в лубянском подвале, также не обошелся без участия Орлова. Например, Савинкова, известного своей заносчивостью, бывший следователь сломал настолько властно, что спесивый боевик ходил у него по струнке. Орлов и благословил его на роковую поездку в Советскую Россию.

На скольких же «хозяев» работал ловкий и увертливый агент? Ежов подсчитал, что Орлов был слугой самое малое пяти господ. Такая многостаночность ничего хорошего не сулила.

Партийные святцы, как и всякий сугубо религиозный документ, полны сочиненных мифов и легенд. Одними из самых расхожих вымыслов о личностях вождей — душещипательные байки о голодных обмороках, о самоотречении ради общенародных благ и прочее. Вожди не умирали, как простые смертные, а непременно «сгорали на священном огне служения советскому народу».

Быт населения страны Советов улучшался с каждым годом, но система жизненного обеспечения вождей не менялась никогда и сохранялась до последних дней существования Советского Союза.

Сохранившиеся документы — неиссякаемый кладезь самых разнообразных узнаваний. Однако с другой стороны, эти документы представляют подлинную партийную беду, ибо от первого же взгляда на, скажем, продуктовые ведомости не остается и следа от легенд о спартанском быте кремлевских владык.

Специальный Продовольственный отдел ВЦИКа установил четкую очередность для посещения кладовых. Все «пламенные и неподкупные» отоваривались дефицитными продуктами два раза в месяц. Разумеется, самые «верхние» систематически нарушали установленную цикличность. Но... в том-то и сладость власти!

Сохранилась ведомость В.А. Антонова-Овсеенкр (того, кто арестовал Временное правительство, а потом возглавлял Главное Политическое Управление Красной Армии). 3 ноября 1920 года он унес из спецраспределителя: 2 кг сахара, 150 г черной икры, 2 банки сардин, 1,2 кг сливочного масла, 800 г сыра, 800 г изюма и столько же сухофруктов, 600 г соли и 1,2 кг мыла (тогда мыло почему-то отпускалось на вес). В следующий раз он посетил кладовую через неделю, повторил весь набор, только икры прихватил побольше — 400 г.

Авель Енукидзе заглядывал в распределитель по 6 раз в месяц. Закоренелый холостяк, он «опекал» молоденьких балерин Большого театра и слыл радушным хлебосолом. Расход продуктов у него был побольше.

Чаще положенного появлялись на этом спецскладе Зиновьев, Каменев, Калинин.

А вот ведомости самого Ленина: 2 ноября — 4 кг мяса, 30 шт. яиц, 2 кг сыра; 5 ноября — 4 кг мяса, 1,2 кг масла, 4 кг огурцов; 10 ноября — 4 кг мяса, 8 кг муки, 2 кг сыра. Бросается в глаза пристрастие Вождя к мясу — за неделю 12 кг. При этом нужно учитывать, что на складе отоваривались и Крупская, и Маняша, и, само собой, Инесса Арманд. Своим здоровьем «железный Феликс» был озабочен повседневно. Он ездил за границу и вызывал врачей из-за границы. Его обследуют, берут анализы и пр. Вот врачебная запись: «В утренней моче пациента обнаружены сперматозоиды». В другой раз «установлено вздутие живота и прописаны клизмы». Опытные медики ломают головы над тем, чем и как кормить такого ценного вождя. Появляется рекомендация:

«1. Разрешается белое мясо — курица, индюшатина, рябчик, телятина, рыба.

Черного мяса избегать.

Зелень и фрукты.

Всякие мучные блюда.

Избегать горчицы, перца, острых специй».

Судя по всему, не помогло. «Рыцаря» продолжало пучить. Разрабатывается детальное меню на всю неделю: «Понедельник. Консомэ из дичи, лососина свежая, цветная капуста по-польски.

Вторник. Солянка грибная, котлеты телячьи, шпинат с яйцом.

Среда. Суп-пюре из спаржи, говядина булли, брюссельская капуста.

Четверг. Похлебка боярская, стерлядка паровая, зелень, горошек.

Пятница. Пюре из цветной капусты, осетрина ам, бобы метрдотель.

Суббота. Уха из стерлядей, индейка с соленьем (моченые яблоки, вишня, слива), грибы в сметане.

Воскресенье. Суп из свежих шампиньонов, цыпленок маренго, спаржа».

Копание в биографиях таких фигур, как Янкель Петерс, открывает глаза на странные связи чекистского ведомства не только с руководителями Белой гвардии в гражданскую войну, но и с секретными службами зарубежья, в частности, с британскими, чья агентура (хотя бы Локкарт и Рейли) вела себя в те годы на земле России, как на подмандатной территории. При этом следует помнить, британская разведка является самой старой, а следовательно, и самой многоопытной из всех секретных служб планеты. Ее авторитет высок необыкновенно, ее влияние в мире неизмеримо!

То, что Янкель Петерс появился в Петрограде, прибыв на английском пароходе, никогда секретом не являлось. Об этом знали все. В Англии у Петерса осталась семья: жена и дочь. В Россию он приехал словно бы в длительную командировку.

Ежов, однако, копнул глубже и с изумлением обнаружил, что в Англии Петерс оказался... по командировке царской охранки. Его туда заслали сразу же после событий 1905 года (первое антирусское восстание). Чем он там занимался? Первым делом сколотил немногочисленную команду, подобрав в нее людей по признаку личной преданности. Возглавлял ее болгарин Петр

Петков по кличке «художник». В нее входили Мойша Смоллер, уроженец Крыма, Люба Мильштейн из Гомеля и русские отморозки Мурмецов и Васильева, а также Гардстейн из Латвии.

10 декабря 1910 года жители четырехэтажного дома на Сидней-стрит, 100 сообщили в полицию, что им досаждает стук в квартире на втором этаже. Стражи порядка смекнули сразу: на первом этаже этого дома находился ювелирный магазин. На Сидней-стрит отправился внушительный отряд в 200 человек. Как и подозревалось, грабители пробивали лаз в магазин. Разгорелся настоящий бой с оглушительной пальбой. Трое полицейских были убиты наповал, несколько ранены. Пострадали и грабители. Но несколько членов банды были схвачены. Всем им грозила виселица за убийство полицейских. Но здесь-то и начинаются чудеса: вместо веревочной петли на шею Янкель Петерс, как агент уже секретной службы Великобритании, получает билет на рейс в Петроград.

Ежова заинтересовали туркестанские командировки Петерса. Николай Иванович сам побывал в тех краях и знал, как деятельно орудовали в Средней Азии британские разведчики. С Петерсом (впрочем, как и с самим Дзержинским) тесно сотрудничал Рейли-Розенблюм. А с Брюсом Локкартом, жившим в России с 1912 года, у Петерса сложились совершенно дружеские отношения. По имевшимся сведениям, Локкарт, наезжая в Англию, обязательно навещает там семью Петерса.

ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ

Наткнуться на забытый сейф Свердлова помог Ежову совершенно нелепый случай.

Охрану Кремля осуществлял Отдельный полк специального назначения. Служили в нем красноармейцы, прошедшие строгий отбор. Внимание обращалось и на физические данные, и на социальное происхождение. Кремлевский полк заменил прежние гвардейские части, составлявшие военную опору царского трона.

Узнав о происшествии в этом полку, Ежов поспешил приехать в Кремль.

Отделение красноармейцев во главе со старшиной получило задание перетаскать из подвалов в Георгиевский зал громадные дубовые столы — готовился правительственный банкет по

случаю Первомайских праздников. Подвал Большого Кремлевского дворца был завален разнообразной рухлядью. Внимание красноармейцев привлек роскошный гроб, обитый красным бархатом. Старик, служащий склада, рассказал, что в этом гробу лежал Ленин в Колонном зале. Молодые ребята прекратили работу, с интересом рассматривая историческую реликвию. Одного из них вдруг осенило:

— Парни, дайте полежать. Приеду домой — никто не поверит, что я лежал в одном гробу с самим Лениным!

Красноармейцы уложили товарища в гроб, накрыли тяжелой бархатной крышкой и со смехом навалили сверху два тяжелых дубовых стола. О любителе сильных ощущений они вспомнили, когда очередь дошла до этих последних столов. Подняли крышку гроба — и всех прострелило страхом: красноармеец лежал без сознания, словно мертвец. Его потащили наверх, на свежий воздух. Старшина, осознав свою ответственность, приказал делать «покойнику» искусственное дыхание. Парень, слава Богу, ожил, а старшина побежал докладывать о происшествии.

Ежов, спустившись в подвал, заинтересованно обошел вокруг бархатного гроба. Старик, служитель склада, почтительно ждал распоряжений. И тут взгляд Ежова упал на мощный куб стали, валявшийся у стены. Старик с готовностью пояснил, что это сейф из кабинета первого председателя ВЦИКа.

Как и предполагал Ежов, первому председателю ВЦИКа было что скрывать. Сейф оказался хранителем сокровищ. В протоколе зафиксировано:

золотые монеты старинной чеканки — 108 525 рублей; 705 изделий из золота и платины с бриллиантами;

7 заграничных паспортов на всю свою родню (один почему-то выписан на имя княгини Барятинской).

Иосиф Виссарионович, прочитав протокол, долго сидел с убитым видом. Перед его глазами, как живая, стояла губастенькая мордочка с пенсне, сплошь покрытая неряшливой растительностью. И слишком многое возникло в памяти... Содержимое тайника наложило последний штрих на облик этого хладнокровного безжалостного палача, сумевшего за 15 месяцев своего владычества залить несчастную Россию кровью.

В сейфе Свердлова на самой нижней полочке хранилась пачечка бумаг казенного вида. Их едва не выкинули (настолько

велико оказалось впечатление от обнаруженных сокровищ). Бумажки же, когда их разобрали, представляли ценность едва ли не большую, нежели все драгоценности сейфа — они хранили *главный секрет советской власти.*

Казенная пачечка состояла из телеграфных бланков. Их было два вида: переговоров международных и переговоров внутренних. В тех и других речь шла о судьбе царской семьи. Екатеринбургский губсовет (Голощекин, Белобородое, Юровский, Войков) запрашивал ВЦИК в Москве, требуя срочных указаний, как поступить с детьми Николая II. Судьба самого царя была решена бесповоротно, однако расстрельщиков смущала необходимость убивать также и его детей: царевен и царевича. Председатель ВЦИКа Свердлов не взял на себя такой ответственности и запросил Нью-Йорк. Ему ответил Якоб Шифф. Банкир строго указал, что любой гуманизм в данном случае недопустим, требуется кровь не одного царя, а всей семьи! Днем 16 июля 1918 года, когда власти Екатеринбурга готовились убегать из города, из Москвы от Свердлова была получена американская директива о безжалостной расправе с семьей последнего православного царя России.

Судьбы Сталина и Свердлова переплелись, и довольно крепко, благодаря мерзавцу Малиновскому: он их одновременно «сдал» охранке после Пражской конференции, где они, все трое, в том числе и Малиновский, стали членами Центрального Комитета большевистской партии. Малиновский остался на воле продолжать свою гнусную деятельность, Сталин со Свердловым отправились в далекую, слишком далекую ссылку в Туруханский край, к устью Енисея, за Полярный круг, откуда еще никто не убегал.

Для проживания обоим ссыльным была назначена Курейка, небольшая деревушка, по местному станок.

Сговорившись, Сталин и Свердлов сняли угол в избушке бабы Пузырихи. Муж ее утонул в Енисее. У Пузырихи осталось двое мальчишек. Она держала коровенку и промышляла рыбной ловлей. Это была угрюмая чалдонка с выдубленным лицом и с руками, как у мужика. Жилось ей трудно.

На первых порах оба ссыльных обживались и приглядывались один к другому. Оказаться вдвоем в этом ледяном краю да еще с товарищем, большевиком — неслыханная удача; есть с кем словом перемолвиться.

Первое лето ссылки прошло довольно сносно. От тоскливого безделья спасал рыбный промысел. Делались запасы на долгую зиму. Нестерпимо стало осенью, когда над заброшенной Курейкой в блеклом северном небе потянулись вереницы перелетных гусей. Птицы улетали на юг, к теплу, люди оставались на своих постылых местах, их лица уже ощущали стылое дыхание Карского моря, гнилого, забитого льдами водоема, где для всего материка портилась погода. Приближалась долгая полярная ночь.

В Курейке никогда и ничего не происходило, разве что на Енисее перевернется лодка с рыбаком. Зимой не доходили никакие вести с материка. Свистела пурга в непроглядной ночи, несокрушимой глыбой над материком стояла стужа Ледовитого океана. Свердлов постоянно кашлял, его легкие страдали от колючего морозного воздуха.

Известие о большой войне в Европе взволновало ссыльных. Оба не сомневались, что Россия потерпит поражение. Следовательно, самодержавие падет, царя не станет, и свершится то, о чем мечталось, — Революция.

Несколько раз разговор заходил о Малиновском. Его поведение казалось слишком подозрительным. Иосиф Виссарионович вспомнил, что Малиновский в день ареста буквально затащил его на молодежный вечер в помещение Калашниковой биржи. Уже к концу вечера Сталин заметил за собою слежку. Охранка откуда-то узнала, что он, член ЦК большевистской партии, находится здесь. Боясь, что скрыться не удается, Иосиф Виссарионович успел найти Т. Словатинскую, исполняющую обязанности связной, и сообщил ей о своих подозрениях.

Примерно такие же подозрения имелись и у Свердлова. Он не сомневался, что Малиновский работает на охранку.

— Польская дрянь! — выругался он, презрительно скривив свои чересчур спелые губы, выпирающие из кудлатой растительности вокруг рта.

Свердлов с раздражением говорил о странном поведении Ленина, упорно защищавшего прохвоста Малиновского. «Старик» считал этого человека образцом передового пролетария, типа Павла Власова из романа Максима Горького «Мать». Благодаря постоянной ленинской поддержке, Малиновский возглавил Русское бюро и депутатскую фракцию в Государственной Думе.

Свердлов оказался тяжелым человеком в общежитии. Он раздражался от любой мелочи в быту. Его выводили из себя настырные ребятишки, бессмысленное снование Пузырихи по кухне, простуженный теленок и особенно слабенький котенок, постоянно лезущий на колени или на постель.

Одно время он взял тон сообщника и пытался выведать у Сталина, нет ли у него еврейской крови. После этого, разочарованный, он стал называть Сталина «ваше преподобие», имея в виду его учебу в семинарии. Иосиф Виссарионович терпел несколько дней, а потом резким замечанием прекратил потеху. Свердлов оскорбился, он был чудовищно самовлюблен. Несколько дней прожили в испорченных отношениях.

По вечерам изломанная жизнью Пузыриха, спустив на плечи шаль и оставшись в ситцевом застиранном платке, становилась перед иконой на колени и долго молилась, излагая Богу свои обиды, просьбы, жалобы. Больше ей не к кому было обратиться. Время от времени она склонялась низко и касалась лбом холодного пола.

Свердлова эти моления тихо раздражали. Он укладывался на постель, заводил под голову руки и презрительно фыркал.

Свердлов, как заметил Сталин, вел постоянную тайную переписку с товарищами, оставшимися на воле. Полученные письма он грел над лампой до тех пор, пока не проступали коричневые строки тайнописи. Тем, что сообщалось, он ни разу не поделился со своим сожителем. Лишь однажды хмыкнул и язвительно произнес:

— Ну, поздравляю. Ваш Малиновский все же провокатор.

Сталин изредка переписывался с Аллилуевыми, старыми кавказскими знакомцами. Однажды он получил от Словатинской 50 рублей. Затем пришел перевод от Ленина на 120 франков.

Бежать! Эта мысль точила Сталина постоянно. Жизнь в Курейке становилась невыносимой. Долгое безмолвие полярной ночи, унылый вой вьюги, беспрерывная топка печей. Короткое сырое лето приносило тучи мошкары. В изнурительные белые ночи особенно угнетало сознание могильной оторванности от настоящей жизни, сознание заброшенности, обреченности.

За спиной Сталина было пять побегов, так что опыт имелся. Но в Заполярье роль крепких тюремных стен выполняли бескрайние пространства. Беглец неминуемо погибал от истоще-

ния или становился добычей диких зверей. Местные жители рассказывали, что однажды ссыльные, отважившись на побег, направились не на Запад, в Россию, а на Восток, в Америку. Удачи все равно не было: изнуренных беглецов настигли и изрубили конники Якутского казачьего полка.

В селе Монастырском находился уездный центр. Там обитала небольшая колония ссыльных. Иосиф Виссарионович добился разрешения и съездил повидаться с Суреном Спандаряном. Они были знакомы по работе в бакинском подполье. Сурен обрадовался встрече. Друзья проговорили всю ночь.

У Сурена непроизвольно вырвалось «Ой!», едва он услыхал, кто достался напарником Сталину в Курейке. Он знал Свердлова достаточно хорошо. «Страшный человек!» — признался он, сочувственно глядя на товарища. Им выпало сидеть в тюрьме, в одной камере. Арестантов одолевали крысы. Свердлов вызвался возглавить борьбу с этими мерзкими тварями. И здесь проявилась его натура. Пойманных крыс он медленно топил в параше. Еще большее наслаждение доставляла ему казнь крыс через повешение. «Черт его знает... прямо садист какой-то!»

Сурена поразили тесные связи Свердлова с местными уголовниками. Криминальный мир, уверял Сурен, находился у Свердлова в полном подчинении. Это, кстати, сказывалось на передачах с воли и на свиданиях с родными. С тщедушным губастеньким Свердловым считалось даже тюремное начальство.

Спандарян хорошо знал ближайших помощников Свердлова: Ермакова, Глухаря и Смирнова. Это были законченные бандиты. Ермаков не только застрелил разоблаченного агента охранки, но и отрезал ему голову. Илья Глухарь славился тем, что убивал свои жертвы только выстрелом между глаз. Смирнов, заподозрив, что его жена «стучит» в охранку, настоял на том, чтобы расстрелять ее собственноручно.

В последнее лето перед Большой войной утонул ссыльнопоселенец И.Дубровинский, хороший математик и переводчик. Свидетели рассказывали, что его лодка перевернулась на середине Енисея. Тут же пополз слух, что это было самоубийство.

В Париже покончили с собой П. Лафарг и Л. Маркс.

Эпидемия скандальных самоубийств политзаключенных прокатилась по Нерчинску и Зерентую. Это были свидетельства отчаяния и усталости.

Зимой Иосиф Виссарионович узнал о смерти С. Спандаряна.

К жизни ссыльнопоселенца, да еще в таком глухом углу, необходима привычка. У Свердлова такой привычки не имелось. Постепенно он превращался в сплошной клубок нервов.

Иосиф Виссарионович любил парную баню. Свердлов брезгливо негодовал, изумляясь варварской забаве хлестать себя прутьями по голому телу. В банные дни, когда Иосиф Виссарионович приходил распаренный, в чистом белье, весь легкий и даже улыбчивый, их разговоры чаще всего заканчивались ссорой.

В этот вечер Свердлов встретил его стихами поэта Веневитинова, которые уже цитировал раза два или три.

Грязь, вонь, клопы и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут.
И это русские болваны
Святым отечеством зовут!

Слова «русские болваны» он проговорил, как плюнул. Он находился в задиристом настроении. Иосиф Виссарионович, благодушествуя, не имел желания ни спорить, ни ссориться.

- Слушай, Есиф, на кой черт ты бросил свою семинарию? Революционер из тебя совершенно никудышный. Никудышный! Махал бы ты лучше кадилом, а в серьезные дела не лез.

- Ты не забыл, — спросил Сталин, — где учились Чернышевский и Добролюбов?

Последовало насмешливое фырканье:

- Поповичи и Революция! Кадилом и крестом против самодержавия! Болтуны и резонеры!

Котенок, усевшись на пороге, принялся умываться, старательно доставая лапкой за ухом. Пузыриха уверяла, что это верная примета появления неожиданных гостей. Однако, каких гостей можно ждать в ледяной заброшенной Курейке?

- Священники, — заметил Сталин, — зорче многих видят мучения народа. Все-таки они к нему поближе нас!

Свердлов вспыхнул.

- Ближе? Страдания и мучения? Откуда ты взял, что революции затеваются ради таких вот?! — он мотнул головой в сторону кухни, где в грязном закутке возле топившейся печки теснились Пузыриха, ее чумазые, по-овечьи остриженные мальчишки, телок и слабенький котенок. — Я тебя умоляю! Надоели мне твои сопли о христианстве. Ты хоть сам-то понима-

ешь, что это такое — христианство? Чему вас учат в этих ваших семинариях? С чего вы взяли, что Христос полез на крест ради вашего благополучия? Он что — совсем болван? Ему что — больше делать нечего? Ну не ослы ли вы после этого? Неужели никому из вас не стукнуло в башку, что все псалмы, которые вы гундосите в своих церквах, — это же псалмы Давида, великого нашего Давида, который сокрушил вашего дубину Голиафа? Уразумей же, что Христос пришел спасать отнюдь не весь род людской... и уж, конечно, не Пузыриху. Он пришел спасти ТОЛЬКО род еврейский! Повнимательнее надо читать-то, мой дорогой, читать и понимать, головку напрягать. А то... «Иерусалим небесный...», «Царство Божие...». Возмечтали, идиоты! Не для грязных вшивых гоев он обещал небесный Иерусалим, а для народа, возлюбленного Богом! Ну, какая-то Пузыриха может верить и надеяться. Но ты-то, ты! Тебя же столько лет учили. Столько лет тыкали носом в текст.

Нижние веки Сталина стали приподниматься.

- Ты собираешься читать мне лекцию о богоизбранном народе?

- А почему бы и нет? — запальчиво вскинулся Свердлов. — Я спрашиваю: а почему — нет? Ты же, как я вижу...

- Не трудись!

- Нет уж, потружусь. Зато все сразу станет на свои места.

Он собрался с духом и принялся чеканить, отбивая такт резкими движениями пальца:

- Я всегда считал и продолжаю считать, что в Революции важен не классовый элемент, а национальный. Да, именно национальный! Ибо нет в мире другой нации, которая изначально, со дня зарождения, не была бы заряжена на решительный протест против дурацкого устройства мира. Нет другой такой нации! И, как видно, не будет, потому что за пять тысяч лет таковая уж где-нибудь да появилась бы.

Иосиф Виссарионович сидел с опущенной головой. Вспомнились отец Гурам и Виктор Курнатовский. Все сходилось!

- Почему вы все продолжаете смотреть на еврея как на какого-то задрипанного Мошку или зачуханного Абрашку из Шклова? — взгляд Свердлова смягчился. — Почему не видите Ротшильда? Великого Ротшильда! Или это вам невыгодно? Но, дорогой мой, мир давно уже переменился. Революции сделали свое дело. И будет лучше, если ты во-

время протрешь свои грузинские глазки. Иначе... иначе может быть поздно!

«Да он же бундовец!» — внезапно озарило Сталина.

Вспомнилось ленинское определение: «Бундовская сволочь!»

Ему сразу сделалось легко. Он взглянул на занесенное снегом окошко. С подоконника капало на пол... Глухая полярная ночь стояла над бескрайним материком. А в Батуме сейчас льет обвальный дождь и в мутной волне прибоя плавают оранжевые апельсиновые корки.

Иосиф Виссарионович был обескуражен: «Жил рядом человек, терпел такие же страдания... а что в голове-то у него, что в душе-то!» Для себя он решил, что Свердлов никакой не большевик, а обыкновенный бундовец (термин «сионист» тогда еще не появился в обиходе).

Через некоторое время Свердлов переехал на другую квартиру.

Весной ссыльнопоселенцу Джугашвили пришло уведомление о мобилизации в армию. Иосиф Виссарионович отправился в Красноярск. Проститься со Свердловым он не захотел. За весь остаток зимы они ни разу не заглянули один к другому в гости.

В марте грянуло царское отречение. Ссыльные кинулись на вокзалы. 12 марта Иосиф Виссарионович приехал в Петроград. Через две недели там появился и Свердлов. Они встретились с затаенным отчуждением.

Смутные догадки о том, кто такой на самом деле губастенький Свердлов, появились у Сталина еще в Курейке. Осенью 1917 года в Петрограде эти подозрения сменились окончательным прозрением. Они вместе работали над подготовкой к VI съезду партии. Сталин выступил основным докладчиком вместо Ленина и был избран в Центральный Комитет. Но главным триумфатором и на съезде партии, и вскоре после съезда, в дни Великого Октября, оказался все же Свердлов: он не только обеспечил прием в партию большевиков бесчисленной оравы Троцкого, но и сам вознесся выше всех, возглавив ВЦИК, т.е. став первым в истории советского государства «всенародно избранным» руководителем республики Советов.

Высший пост наделил Свердлова полномочиями сформировать первое советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Ведущие наркоматы (министерства) он поручил

Троцкому и Дзержинскому, назначив Ленина председателем (премьер-министром). При тогдашней вертикали власти ленинский пост считался всего лишь третьим — после Свердлова и его заместителя Аванесова. На самом же деле Вождь Революции отодвигался еще дальше — за спины Троцкого и Дзержинского, как обладателей реальной власти.

В конце февраля 1918 года немецкие разъезды стали появляться в окрестностях Петрограда. Германская армия развивала наступление. 21 февраля ВЦИК опубликовал воззвание: «Отечество в опасности!» Три дня спустя Свердлов подписал Декрет о создании специального подразделения: «Первого автоброневого отряда». Несколько автомашин были вооружены станковыми пулеметами. Кроме этих механизированных тачанок, в отряде имелись мотоциклисты. Возглавил отряд Юлиан Конопко, земляк Дзержинского, отсидевший большой срок в царской тюрьме за нелегальный переход границы. Конопко пробирался из Германии. Его судили как шпиона.

Первый автоброневой отряд составил личную гвардию Свердлова.

Национальные дела в республике Советов шли из рук вон плохо. Вслед за Польшей и Финляндией откололась Прибалтика. Затем настала очередь Украины и Белоруссии. О Средней Азии и Закавказье нечего было и говорить. Наблюдался настоящий парад суверенитетов.

В начале мая в гавань Владивостока ворвались военные корабли Соединенных Штатов и Японии. Англичане, в свою очередь, высадились в Баку и на русском Севере.

В суматохе горячих революционных дней стали угадываться контуры сатанинского плана: раздел России на самостоятельные территориальные куски. В частности, деятельность сибирских «областников» угрожала разломить Россию по линии Обь — Иртыш.

К невыносимой обстановке, сложившейся на втором году советской власти, внезапно прибавилась еще одна угроза: на огромной территории вспыхнул мятеж чехословаков.

Кому взбрело в голову отправлять пленных чехов домой кружным путем через Владивосток? Битком набитые эшелоны протянулись от Пензы до Иркутска, заняв всю Транссибирскую магистраль. В один теплый майский день вся эта масса обо-

зленной солдатни вскипела и вместо возвращения на родину принялась стрелять, жечь, вешать. Удавшийся замысел с мятежом чехословаков отрезал Сибирь от центральной России. И тут же в порту Владивостока стали высаживаться японские и американские морские пехотинцы. Советская власть держалась на примосковском островке, окруженном сплошными фронтами.

Судьба Дальнего Востока казалась решенной навсегда. Этот край для России был потерян. В наркомате по делам национальностей стало известно, что сторонники сибирского суверенитета, «областники», готовят выборы в Сибирское Учредительное собрание.

От белогвардейцев и белочехов советская власть с трудом, но отбивалась. Но как спастись от голода?

Хлеб, и обильный хлеб, имелся лишь на юге. Требовалось забрать его любой ценой и баржами по Волге отправлять на Север, в промышленные центры. В этом было единственное спасение. ВЦИК и Совнарком приняли постановление послать в Царицын решительного человека с неограниченными полномочиями. Выбор пал на И.В. Сталина.

Так, в конце мая Иосиф Виссарионович получил партийное и государственное поручение, не имеющее ничего общего с национальными вопросами.

«Общий руководитель продовольственного дела на юге России» — так назывался его новый пост. Он наделялся чрезвычайными полномочиями. В его мандате указывалось: «Все местные власти обязываются исполнять распоряжения тов. Сталина». Настоящий диктатор с ответственностью лишь перед Москвой!

Перед отъездом состоялась встреча с Лениным. Разговор носил сугубо деловой характер.

Вблизи Ленин выглядел неважно. Гнусное поведение Троцкого в Бресте, отчаянная борьба за сохранение советской власти свели насмарку все итоги отдыха в Финляндии. Ленин работал из последних сил. Он чаще обычного сжимал ладонями виски. Лицо его при этом искажалось мучительной гримасой.

— Хлеб, — сказал Ленин, — по всей видимости, имеется и в центральных губерниях — в Поволжье, в Тамбове. Деревня гонит самогон. Хочешь, не хочешь, а придется посылать туда продовольственные отряды из мобилизованных рабочих.

«Это война, — подумал Сталин. — Встретят кольями и вилами».

- Надо бы вооружить, — высказал он предложение.

Само собой!

Декретом Совнаркома в Республике Советов вводилась продовольственная диктатура. У крестьян насильственно забирались все излишки продовольствия. В год на едока оставлялось 12 пудов зерна и один пуд крупы. Деревня переводилась на голодный городской паек и сажалась на лебеду и подножный корм.

Русскому крестьянству на многие годы была уготована традиционная обязанность содержать страну. В окопах на войне русский мужик обязывался умереть, в своей деревне в мирное время он был обязан работать до смерти. Исполнения этого Долга от него требовали все власти без исключения.

Ленин оказался прав, говоря о саботаже. В Царицыне простаивало более 700 вагонов с зерном. В городе процветала спекуляция, воровство, пьянство. «Не чувствуется железной руки советской власти!» — сообщал Сталин в первых донесениях в Москву. Пришлось срочно вводить хлебные карточки, устанавливать твердые цены. Царицын был переведен на осадное положение.

Во главе царицынской администрации подвизался какой-то ухарь Осип Летний. Он возглавлял настоящую банду вконец обнаглевших грабителей (здесь, кстати, наблюдалось то же самое засилье, что и в Смольном, и в Кремле). Осип Летний был расстрелян. С него началось «изгнание гадин».

Местным чекистам удалось арестовать двух загадочных незнакомцев. Говорили они с сильным акцентом. Однако на руках у них имелись мандаты, подписанные Троцким. Эти документы охраняли их от обысков и ареста. Арестованные оказались иностранцами: Жермен и Сабуро. В Царицыне они занимались разведывательной деятельностью.

Иосиф Виссарионович с возмущением телеграфировал в Москву: «Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево свои мандаты, то можно суверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе и этот край потеряем окончательно».

Первые решительные меры продовольственного комиссара встретили неприязненное отношение в штабе Северо-Кавказского военного округа. Генерал Носович, военный спец, назначенец Троцкого, открыто игнорировал сталинские распоряжения. Он наотрез отказался признать его мандат.

— У нас, простите великодушно, организация военная. Армия! У меня имеется свое начальство.

Он намекал на Троцкого.

Иосиф Виссарионович в беседе с Лениным военных вопросов не затрагивал. Но свои чрезвычайные полномочия распространял и на военных. Генерал Носович по любому поводу жаловался в полевой штаб. Оттуда летели указания председателя Реввоенсовета. Троцкий, сталкиваясь с крутой волей Сталина, реагировал капризно, нервно, истерично. В его глазах полномочный комиссар оставался «человеком из четвертого десятка». Он отказывался признавать его равным себе, а следовательно, и его самостоятельность. Он требовал неукоснительного подчинения. Отношения складывались невыносимые. В аппаратной прямой связи с Москвой Сталин диктовал телеграфисту:

«Хлеба на юге много, но чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречавший препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Более того, необходимо, чтобы военные помогали продовольственникам. Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей, свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».

Ленину, оказавшемуся между двух людей с неукротимой волей, приходилось постоянно напрягать свое умение сглаживать углы, выискивать компромиссы. Он стал главным уговорщиком, примирителем.

Отправка хлеба возросла до 8 эшелонов в сутки. Больше не позволяли разбитые железные дороги. Шла мобилизация и скороспелый ремонт барж. Сталин обнадеживал Москву, обещая объявить «хлебную неделю». По приблизительным подсчетам, рабочие центры могли получить с юга более миллиона пудов зерна.

Противник, определив важнейшее значение Царицына для большевиков, бросил на затыкание этой продовольственной горловины значительные силы. Белоказачьими частями командовал опытный генерал Денисов. Хлебный вопрос сам собою перерос в военный. Началась многомесячная оборона города, снискавшая впоследствии героическую славу.

За Царицын бились как за источник жизни — бились за возможность выжить и не умереть.

Сталин просил Москву перевести на Каспий несколько миноносцев. Обращался он только к Ленину, признавая его одного своим начальством. Ни со Свердловым, ни тем более с Троцким он никаких отношений не поддерживал.

В конце жаркого южного лета генерал Денисов сумел скрытно перегруппировать свои части и мощным сосредоточенным ударом пробил брешь в обороне города. В эти дни сбежал к белым генерал Носович. Он унес важные штабные документы и планы обороны города. Положение Царицына стало угрожающим. На несколько дней прервалась даже связь с Москвой. Артем и Ворошилов доложили, что не осталось никаких резервов. Поезд Сталина на вокзале оцепила охрана с пулеметами.

Генерал Денисов готовил решительный штурм Царицына, намереваясь взять город «на штык» — прямой психической атакой.

Чрезвычайный комиссар вызвал командующего артиллерией Г.И.Кулика и приказал ему скрупулезно подсчитать запас оставшихся снарядов. Кулик, громаднейший мужчина с обритой головой, порылся в карманах и бросил на стол какую-то жестянку на веревочке.

- Что это? — спросил Сталин.

- Советские иконки!

Разглядывая жестянку, Иосиф Виссарионович с изумлением узнал ненавистный профиль Троцкого. «Иконки» были изготовлены на государственном монетном дворе. Кулик, ругаясь, рассказал, что жестянки прислали из полевого штаба, приказав снабдить каждого бойца. Их полагалось носить на шее, под гимнастеркой. За этим должны следить политруки.

- Лучше бы они нам снарядиков подбросили!

От Склянского летели истерические приказы, подписанные именем Троцкого. Глянув в них, утомленный Сталин небрежно ставил резолюции: «Не принимать во внимание». Истерику никудышных деятелей Реввоенсовета понять было несложно. Белочехи, пробиваясь к Волге, вышли к окраинам Саратова. А на крайнем юге, в Закавказье, англичане 2-го августа заняли Баку. Республика Советов осталась без нефти.

В этот момент на узле связи в поезде Сталина было получено первое экстренное сообщение: утром 30-го августа в Петрограде убит председатель ЧК Северной коммуны Моисей Урицкий.

Покушение на заводе Михельсона уложило Ленина в постель.

Из своего царицынского далека Сталин оказался перед необходимостью отчитываться перед Свердловым. К нему, возглавлявшему ВЦИК, перешли и обязанности председателя Совнаркома. Человек неторопливый, вкрадаивый, но властный и жестокий, Свердлов все более укреплялся в своем единовластии.

Отношения Сталина с Москвой испортились окончательно. Свердлов не был способен ни уговаривать, ни мирить. Генерал Денисов сосредоточил под Садовой всю ударную силу лучших офицерских полков. На предполагаемый участок атаки Кулик стянул всю имевшуюся артиллерию. Сюда же свезли остаток боеприпасов. На каждое орудие пришлось по сто снарядов. Сталин, оголяя остальные участки обороны, шел на громадный риск. Однако направление главного удара белых было угадано правильно. И это принесло победу. Ранним утром офицерские полки двинулись сомкнутыми рядами и во весь рост. Яркое солнце играло на погонах. Офицеры, с винтовками наперевес, шли парадным шагом. На них обрушился ураганный огонь. Истребление отборных частей белых носило ужасающий характер.

Армия генерала Денисова была разбита наголову. В довершение к защитникам Царицына пробилась «Стальная» дивизия Дмитрия Жлобы.

Белая армия, понеся невозвратимые потери, отхлынула от города. Многомесячная блокада была снята.

Все эти дни, когда решалась судьба Царицына и готовилось контрнаступление 10-й армии, Троцкий клокотал от злобы. Он телеграфировал Свердлову:

«Я просил, чтобы донесения высылались два раза в день. Если завтра все это не будет выполнено, я предам Ворошилова военному суду и опубликую это в приказе по армии».

Затем — уже о самом важном для себя:

«Я категорически настаиваю, чтобы Сталин был отозван!»

От Свердлова в Царицын пришла увещевательная телеграмма:

«Все решения Реввоенсовета обязательны для Военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии... Никаких конфликтов быть не должно».

19 октября на станцию Царицын-2 внезапно ворвался коротенький поезд из нескольких вагонов. Это был личный поезд Свердлова. Председатель ВЦИКа САМ приехал за руководите-

лем второстепенного наркомата, забрал его и повез в Москву. Такого внимания к себе, «человеку из четвертого десятка», Иосиф Виссарионович не ожидал. Тем более от такого человека, как Свердлов, «первого из первых» в новой системе революционной власти.

О том, что привело его в Царицын, Свердлов сказал не сразу.

Едва поезд тронулся и мимо окошек поплыли осенние оранжевые тополя, он распорядился подать чаю.

— Ёсиф, тебя долго не было в Москве. Почти полгода... или больше? Спустившись со своих высот, он держался на дружеской ноге.

За чаем он озабоченно выложил последние новости. Тяжелое положение складывалось на Восточном фронте и на юге. В Пятигорске шесть дней назад поднял мятеж главком Сорокин. Он объявил, что намерен «очистить советскую власть от жидов», и первым делом расстрелял весь состав особого отдела армии. В станице Невинномысской он собирает Чрезвычайный съезд Советов. ВЦИК в Москве объявил Сорокина вне закона, как подлого изменника Революции.

— Он жестоко поплатится, мерзавец! И вообще... — вдруг вырвалось у Свердлова, — это казачество, эти проклятые нагаечники. С ними надо что-то делать.

На Восточном фронте, как Сталин уже знал, белые заняли Казань.

— Боюсь, придется сдать и Пермь. Сейчас там работает Лев Давидович. Он докладывает, что обстановка — хуже некуда.

Без всякого перехода он принялся упрекать Сталина за постоянные свары с Троцким.

— Ёсиф, ну вот зачем? Я знаю: Лев Давидович не сахар. Но ведь и ты не конфетка. Мы так ничего не добьемся. Уверяю тебя.

По обыкновению, Сталин принялся усиленно возиться с трубкой. Он заметил, что поступать по-своему его заставила сложившаяся в Царицыне обстановка.

Не дослушав, Свердлов насмешливо воскликнул:

- Ай, я тебя умоляю! Не хитри со мной, Ёсиф. У тебя это плохо получается.

- Ты читал мои доклады? — поинтересовался Сталин.

Вместо ответа Свердлов устремил на него долгий испытующий взгляд. Глаза его смеялись;

- Скажи мне, кто встречал Ленина? Ты или я? Нет, ты не спрашивай, а скажи — кто? Ну, вот. А слушал ты его в тот вечер плохо. Очень плохо. Ты уж не обижайся, не пузырись... Он что тогда сказал? «Да здравствует мировая социалистическая Революция!» Мировая! Что же ты самого-то главного не услышал? — Он помолчал и не удержался: — А ты все норовишь на Пузыриху помолиться. Ничего у нас не выйдет с Пузырихой. Нам необходима Революция в Европе. Иначе нам хана.

— Не забыл?

— Запомнил на всю жизнь. Пусть твои Пузырихи сначала хоть тараканов изведут. А то... Или ты их в социализм прямо с тараканами потащишь? Это уж, прости меня, не социализм выйдет, а... а какой-то тараканизм! — И он заливисто рассмеялся. — И вообще, — он внезапно сбился на совсем уже интимный тон, — скажи ты мне, как бедному и глупому еврею: за каким дьяволом эта самая Расеюшка так распухла? Что, например, ей понадобилось в той же чертовой Курейке? Нет, хапала, хапала... Дур-рацкая страна!

Поздно вечером, уже устав от долгого совместно проведенного дня, они пили остывший чай и переговаривались о тревожном положении на Восточном фронте. Если белогвардейцы возьмут Пермь, им откроется дорога на Москву. Ярославский мятеж задумывался как раз с этой целью. Предатель Муравьев действовал по заранее намеченному плану. «Заговор Локкарта», о котором сейчас шумят газеты, вскрыл активнейшее участие в этой вооруженной авантюре иностранных спецслужб. Замешаны и Англия, и Франция, и Америка, и даже Сербия...

Ночью на какой-то станции стоянка затянулась. Слышно было, как в глубокой тишине устало вздыхал потрудившийся паровоз. Видимо, ожидали встречного... Внезапно дверь отворилась, и вошел Троцкий. Не здороваясь, он принялся объяснять, что «страшно рад приятной неожиданности встречи». Его поезд возвращался с Восточного фронта. Мимоходом он пожаловался на отвратительное состояние железнодорожного пути. Порой приходится останавливаться и чинить своими силами.

Вагон дернулся, поплыл и скоро колеса под ногами завели свою нескончаемую песню. Троцкий остался и, сняв картуз, сел за стол. Иосиф Виссарионович понял, что встреча подстроена. Он сразу почувствовал себя совершенно беззащитным. «Зря поехал. Сделал глупость».

Свердлов продолжал играть роль радушного хозяина. Троцкий этой игры не принял и стал ломиться напрямик. Он нервно вращал горячий стакан в подстаканнике (не отхлебнув ни разу) и выговаривал Сталину свое возмущение «партизанской вольницей Ворошилова и его банды».

Сталина раздражало поблескивание двух пенсне. Он ощущал, что его настойчиво разглядывают. Долгое время он был для таких, как эти двое, провинциалом из захолустья. Теперь он вдруг поднялся вровень с ними и до предела обозлил своею неуступчивостью, своей властностью.

Пожалуй, только сейчас, в мчавшемся салон-вагоне, Иосиф Виссарионович впервые ощутил, какую ненависть он вызывает у председателя Реввоенсовета. Вызывает своим видом, акцентом, медлительностью, возней с трубкой. Троцкий горячился, вскакивал, снова садился. Он совершенно не умел владеть собой. Фамилия сбежавшего Носовича ужалила его невыносимо. Сталин же, напротив, сохранял расчетливую невозмутимость.

- Лев Давидович, вы к товарищам несправедливы. Кулик — артиллерист, Буденный — кавалерист, Ворошилов — парторганизатор. Партизанщина? Когда это было? Давно уже нет. Люди меняются, растут. Сейчас они совсем другие. Прекрасные работники.

- Прекрасные! Работники! — снова не сиделось Троцкому. - Яков Михайлович, вы слышите? Стянуть всю артиллерию! Оголить все участки обороны! Ум-му непостижимо! А если бы болван Денисов догадался нанести удар в другом месте?

- Не догадался.

- Орел — решка! Любит — не любит! Какие-то... архаровцы. Как так можно воевать всерьез?

- Ничего, воюем. Ваш Носович воевал по-другому.

- Мой Носович! Мой, твой... Дядин, теткин... Он что — за меня воюет? Мы все делаем общее дело.

- Тогда почему же вы нас ругаете за победу под Садовой?

- Да не за победу же! Не за победу... Как вы этого не поймете?

- Не понимаю, — кротко произнес Сталин, с преувеличенным вниманием ковыряясь в трубке.

- Яков Михайлович, вы слышите? Нет, я буду ставить вопрос на Совете. Так невозможно воевать. Не-воз-можно! А Ворошилова надо судить. Судить, судить!

- Тогда вашего Носовича следует наградить, — негромко вклеил Сталин.

- Опять! — подскочил Троцкий. — Да возьмите вы его себе. Тоже мне — сокровище!

- Поздно, — невозмутимо проронил Сталин. — Он далеко.

Воздев руки, плечи, Троцкий затряс головой. Он не находил больше слов.

Вмешался молчавший до сих пор Свердлов. Растягивая гуттаперчевые губы, он миролюбиво предложил:

- Все проблемы, как мне кажется, ясны. Будем считать, что в общем-то вопрос закрыт. Согласны? Тогда пожмите же друг другу руки. Ну, Лев Давидович... Ёсиф...

Возникла неприятная заминка. Троцкий, топорщась, поглядывал на руку Сталина. Поймав движение, он тут же сунулся навстречу — и две ладони сплелись в недолгом принужденном рукопожатии.

С этой минуты фальшивого примирения оба соперника стали смертельными врагами...

После знойного Царицына дождливая Москва показалась Сталину унылой, пришибленной грозными событиями на фронтах. Осень в том году сильно затянулась. Снег лег на землю поздно. Москва до середины декабря утопала в безвылазной грязи.

Ленин поправлялся медленно и выглядел слабым, болезненным, изнуренным. Комната в его кремлевской квартире была превращена в больничную палату.

Завидев в дверях Сталина, он оживился и набросился на него с жадными расспросами. Он умело подбил себе под спину несколько подушек. Рассказывая, Иосиф Виссарионович с болезненной остротой замечал истончившуюся обескровленную кожу на ленинском лице, проступившие косточки на худых кистях и сделавшийся чрезмерно мощным лоб. Вождь был сильно нездоров, болезнь точила его изнутри. Сталин в своем кителе и грубых солдатских штанах, заправленных в сапоги, ощущал укоризненный избыток собственного здоровья.

В комнате постоянно находилась Крупская. Грузно передвигаясь, она подавала какие-то микстуры, поправляла подушки, а то принималась переставлять склянки с лекарствами на столике возле кровати. Чтобы не мешать ей, Сталин всякий раз поднимался, и разговор с Лениным обрывался.

Вспышка энергии быстро лишила Ленина сил, лицо его отекло книзу, совсем больными сделались глаза. Как видно, покушение оставило свои страшные следы. Иосиф Виссарионович намеревался поговорить о Троцком. Об этом его просили армейские работники в Царицыне. Сейчас, увидев Ленина, он отказался от своей затеи. Не время и не место! И все же разговор о Троцком возник сам собой. Начал его Ленин. Его радовали вести из Германии. Туда, к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, недавно ездила группа товарищей из Москвы. Германия явно подавилась тем куском России, который заглотнула по условиям Брестского мира. В самом скором времени это скажется. Непременно скажется!

- И вообще, — снова возбудился Ленин, — участь Европы решена, Призрак коммунизма становится реальностью. Испуганная буржуазия, вполне естественно, станет отчаянно сопротивляться, защищаться. Напрасный труд! Наша Красная Армия крепнет с каждым днем. Заслуга в этом, безусловно, Троцкого.

Ни возражать, ни жаловаться Иосиф Виссарионович не хотел, — пропало всякое желание.

На него уже с неприязнью поглядывала Крупская.

Вместо трубки Сталин вынул из кармана медальон с профилем Троцкого. Щелкнув, словно монетой о прилавок, он положил его на столик с лекарствами. Этот «сувенир» он прихватил из Царицына.

Повторилась в точности царицынская сцена.

- Что это? — удивился Ленин.

- Советские иконки, — ответил Сталин и, легко ступая своей мягкой кавказской поступью, вышел из комнаты.

Сраженный пулями Вождь — это было ясно — плотно облеплен недобросовестными сотрудниками и живет информацией из чужих рук. «Мы — там, они — здесь...»

Все-таки не следовало так надолго уезжать из Москвы!

ВСКРЫТИЕ ПЛАСТА

Одним из самых радостных событий 1935 года стало открытие Московского метрополитена.

В европейских столицах городские подземки существовали давно. Советское метро должно было быть лучшим в мире, и

оно именно таким и стало. Станции выглядели, как настоящие дворцы. Никакого сравнения с тем, что построено на Западе!

Реальная заработная плата советских людей возросла в два раза. Рабочие СССР получили такую социальную защищенность, какой не имелось ни в одной стране на Западе. Социализм убеждал в своем преимуществе конкретно, материально.

Сталин снова оказался прав: СССР, отказавшись нести идеи социализма на штыках Красной Армии, убеждал трудящихся мира примером собственного обустройства: вот чего можно добиться, прогнав эксплуататоров и уничтожив частную собственность.

Соединенные Штаты Америки с трудом выкарабкивались после обвального краха производства в 1929 году. Целых четыре года эта ведущая страна Запада балансировала на краю бездонной пропасти. Спас ее умница Рузвельт. Он отбросил все капиталистические предрассудки, обратившись к опыту Советского Союза. Властной рукой Рузвельт укротил бесстыжих махинаторов и ввел строгий государственный контроль за действиями промышленников. Базарный хаос прекратился, производство упорядочилось и стало оживать.

На 1935 год пришлись новые президентские выборы. Сенатор Лонг выдвинул свою кандидатуру. Его экономическая программа учитывала недавний опыт Рузвельта в преодолении невиданного кризиса. Лонг объявил свой основной предвыборный лозунг: «Разделение накопленных богатств!» Он напомнил избирателям заветы Христа о равенстве и братстве, о неправедности «жирных пажитей» богачей. Лонг призвал конгресс США принять закон, запрещающий получение доходов более миллиона долларов в год. Естественно, миллионеры взвыли от возмущения, назвав Лонга коммунистом. 8 сентября Лонг был убит. Стрелял молодой врач К. Уайс. В газетах промелькнуло сообщение, что схваченный убийца — обыкновенный «козел отпущения». Настоящие виновники преступления остались не разоблаченными, не названными вслух... .....

Успехи Советского Союза вызывали бешеную злобу заправил капиталистического мира.

Для борьбы с СССР паникующий Запад вынужденно мобилизовал свои последние ресурсы и породил фашизм. Над планетой, в первую очередь над Европой, заклубились грозные тучи Большой войны.

Страна Советов, как постепенно выяснялось, была поражена троцкизмом. Эта болезнь проникла во все поры государственного организма. Высылка Троцкого из страны лишь обострила ситуацию. Многочисленные троцкисты, каждый на своем месте, исподтишка работали на возвращение своего Вождя. Метод был один, проверенный, надежный: «Чем хуже, тем лучше». Каждый из троцкистов, явных и замаскированных, вносил на своем рабочем месте обязательную лепту в общее антигосударственное дело. Связь Троцкого с Гитлером угрожала смертельным развитием этого опаснейшего недуга. Сама логика выживания народа и страны требовала мер жестких и неотложных.

Процент русских в руководящих органах державы возрастал. Этому сильно помогло крушение Троцкого. Красная Армия вздохнула с облегчением. Ее руководителем стал прославленный полководец гражданской войны М.В. Фрунзе, партиец с высочайшей репутацией.

Объединившись, сторонники Троцкого и Зиновьева избрали новую тактику борьбы: спокойную, вкрадчивую, без лишнего шума. На XV съезде партии, состоявшемся сразу же после неудачного путча Троцкого, помимо плана коллективизации сельского хозяйства были приняты необходимые очистительные меры: всех видных деятелей и старой, и новой оппозиции исключили из партии и выслали из Москвы.

Разосланные по самым дальним городам и весям необъятной страны оппозиционеры запаниковали и сменили боевой задиристый тон. Все они, как один, обратились в Центральный Комитет с покаянными письмами. Признав свою неправоту, они смиренно просили о прощении. Получив таковое, они снова появились в Москве. Вот их имена: Радек, Преображенский, Раковский, Пятаков, Серебряков, Смирнов, Каменев, Сафаров, Лифшин, Мдивани, Смилга, Сапронов, Дробнис. Борьба с режимом требовала от заговорщиков сплоченности, постоянного ощущения плеча соратника.

Эта завидная сплоченность в конце концов зарядила пистолет Николаева и направила его в светлую голову Кирова.

Год убийства Кирова изобиловал какими-то странными, обязательно внезапными смертями. 10 мая вдруг умирает глава ОГПУ Менжинский и «хозяином» Лубянки становится Ягода.

А буквально на следующий день, 11 мая, расстается с жизнью единственный сын Горького Максим Пешков, молодой мужчина, отчаянный спортсмен, кипучий неуемный человек. И снова возникает фамилия Ягоды: глава ОГПУ уже несколько лет является любовником Тимоши, молодой жены Максима Пешкова... А в январе 1935 года, менее чем через месяц после суда над бандой Котолынова, скоропостижно умирает Куйбышев, один из тех, кто всегда вместе со Сталиным противостоял троцкистам.

Смерть почему-то метила исключительно преданных сталинских помощников, его надежнейших единомышленников. Странная избирательность! Повторялся метод знаменитого Азефа: убирать самых ценных, почти незаменимых и потихоньку продвигать во власть самых никудышных.

До начала войны с Гитлером оставалось всего 7 лет!

К надвигавшейся схватке с таким противником советская страна была совершенно не готова: не располагала ни современной армией, ни развитой промышленностью. Все это необходимо было создать. Задача, по нормальным меркам, на несколько десятилетий. Иначе — разгром, полное порабощение, смерть страны и народа. Поэтому сталинское окно в Кремле светилось далеко за полночь.

Два дня, 7 и 8 мая, члены Политбюро разговаривали с руководителями советской разведки. Иосиф Виссарионович основательно подготовился к этой важной встрече. Он говорил о нацизме Гитлера как о разновидности сионизма. Фюрер немецкого народа позаимствовал у евреев идею «богоизбранности», только избранниками объявил немцев, белокурых викингов, носителей «голубой крови» истинных арийцев. Отсюда выходило, что перед немцами обязаны преклониться все остальные народы мира. Нацизм, как и сионизм, проникнут лютой ненавистью ко всем остальным обитателям планеты.

Приход Гитлера к власти, - сказал Иосиф Виссарионович, - это неминуемая, неизбежная война. Для этого он и востребован. Уже запахло порохом в Испании и Китае. Не перестает бряцать оружием спесивая панская Польша. В паническом смятении находятся беззубые, безвольные правители Австрии и Чехословакии. Не следует забывать и воинственного Муссолини, фюрера Италии.

Сталин особо подчеркнул: если народам Европы нацизм грозит порабощением, то русскому народу — истреблением. Этим проникнута каждая страница программного сочинения Гитлера «Майн кампф».

Эпидемию предательств в системе разведки Сталин назвал подлейшим ударом в спину. Троцкисты начали войну против советского народа еще до начала боевых действий на фронтах. Каким должно быть возмездие изменникам? Самым страшным, самым беспощадным. Предатели, сказал Сталин, сами сделали свой выбор и отныне должны знать, что неминуемая кара настигнет их даже на краю земли. Они нигде не спасутся от справедливого возмездия.

Не скрывая раздражения, Сталин признал, что работу разведывательных служб приходится начинать едва ли не с чистого листа. Нужны совершенно новые люди, далекие от сионизма — необходимы разведчики-патриоты. Настала острая необходимость готовить таких специалистов!

Затем добавил, что в настоящий момент страна совершенно не готова воевать. Поэтому войну, которой нам постоянно угрожают, следует оттягивать любыми средствами.

Тогда же, в мае, Политбюро приняло решение образовать две комиссии с необыкновенно властными полномочиями: по обороне и по безопасности. Обе возглавил сам Генеральный секретарь. В состав комиссий вошли только близкие ему люди: Жданов, Ежов, Вышинский, Шкирятов и Маленков.

После разоблачения Зиновьева и Каменева перемены коснулись ряда лиц из высшего руководства. Бухарин был передвинут в кресло редактора «Известий», Рыков стал наркомом связи, Томского оставили членом президиума ВСНХ.

Пришлось применить и крайние меры: закрыть «Общество старых большевиков», «Общество политкаторжан» и журнал «Каторга и ссылка». Эти организации превратились в сборища одряхлевших пачкунов. Тоскуя о былых годах, сочиняют самые бессовестные сказки о «вождях», с придыханием рассказывают о «подвигах» Свердлова и Дзержинского. (Насчет остальных прикусили языки.). Возносят до небес кровавые достижения палачей-русофобов, заливших страну кровью. Для советской молодежи, для подрастающего поколения от таких воспоминаний — одна отрава, вред. Пусть теперь собираются на кухнях и ворчат!

В июне, на очередном пленуме Центрального Комитета партии, с большим докладом выступил секретарь ЦК Н.И. Ежов. Он доложил о борьбе с «засоренностью партии троцкистским элементом». На этот раз пришлось прекратить прием новых членов и провести обмен партийных документов. Благодаря этим решительным мероприятиям, партия очищалась от громадного количества ловкачей и прохиндеев, лезущих к власти с нахальством носорогов.

С будущего года, объявил Ежов, прием в члены партии возобновится.

Он также обратил внимание на неблагополучное положение с подбором кадров в аппарате ВЦИКа. Докладчик употребил слово: перегруз. Среди сотрудников ВЦИКа громадное количество представителей прежних привилегированных классов: аристократии, дворянства. Обстановку в этом высшем учреждении советской власти докладчик назвал нездоровой, явно не советской... Имени Авеля Енукидзе он не произнес, но камни летели в его огород. Сидевшие в зале знали, что Енукидзе не только земляк Сталина, но едва ли не родственник: он был крестным отцом Светланы.

Новый секретарь ЦК — а Ежов впервые выступал в этой роли — понравился участникам пленума. Молод, деловит, на чины не смотрит. Так и следует!

Докладчик сообщил о прискорбном происшествии, случившемся недавно во время маневров боевых кораблей Балтийского флота. На учениях присутствовал нарком обороны К.Е. Ворошилов. Он держал свой флаг на линкоре «Марат». С какой-то стати наркому вдруг вздумалось взять штурвал громадного корабля в собственные руки. Итог получился печальный: линкор протаранил подводную лодку «Большевик». Весь экипаж подлодки погиб.

Нарком Ворошилов, сидевший в президиуме, побагровел. Нахмурился и Сталин. У них уже был крупный разговор об этом вопиющем случае. К сожалению, снимать Ворошилова с поста не позволяла обстановка. Хоть и никудышный нарком, зато верный человек. А это сейчас самое главное (Сталин освободит Ворошилова от должности наркома в 1940 году).

Завершая выступление, Ежов доложил об аресте группы террористов: Г. Шур, В. Дрейман, С. Певзнер, В. Левинский.

Установлено, что они готовили террористический акт на Красной площади во время праздничной демонстрации 7 ноября. Сейчас устанавливаются их сообщники, явки, связи.

На участников пленума с новой силой повеяло опасностью вражеского окружения. Тем более, что выступивший Каганович говорил о том же: на железнодорожном транспорте участились катастрофы с воинскими эшелонами.

20 декабря по установившейся традиции чекисты отмечали свой профессиональный праздник: 18-ю годовщину со дня образования ВЧК. Торжество, как обычно, проходило в Большом театре. Великолепный зал блистал огнями, ремнями и орденами. Ожидалось прибытие членов правительства, затем большой праздничный концерт с участием выдающихся мастеров советского искусства.

На огромной сцене в этот день за столом президиума восседали руководители наркомата внутренних дел. Члены Политбюро появились в ложах бельэтажа с левой стороны. К изумлению переполненного зала вместе со Сталиным в ложу вошли и расположились рядом с ним несколько казаков в своих старинных боевых гимнастерках с погонами и портупеями, в шароварах и сапогах. У всех картинно начесаны традиционные пышные чубы. Медленно нарастая, загремели аплодисменты. Собравшиеся восприняли неожиданную демонстрацию, как свидетельство долгожданной реабилитации казачества. К тому времени не только в СССР, но и повсеместно за рубежом люди зачитывались романом Михаила Шолохова «Тихий Дон», величайшим достижением не только советской, но и мировой литературы. 16 лет спустя после указа Свердлова представители старинного русского воинского сословия парадно появились на таком торжестве.

Эта акция, несомненно, задумана и осуществилась, как открытый вызов затаившимся силам зловредного сионизма.

Еще в 1919 году, сразу после похорон Свердлова, Иосиф Виссарионович предложил реабилитировать казачество и сформировать пять кавалерийских казачьих бригад. Этому русскому воинскому сословию следовало вернуть чувство гражданской ответственности за неприкосновенность рубежей Отчизны. С предложением Сталина тогда не согласились. Декрет расказачивания отменили, но казаков оставили как бы в положении

подозреваемых в антисоветизме. Теперь идеологический климат в стране менялся на глазах. Сталин советовался и с Ворошиловым, и с Ежовым. Готовился план формирования чисто казачьих кавалерийских дивизий: 12-й Кубанской, 13-й Донской, 6-й Чонгарской, 4-й Кубанско-Терской. Кроме того 10-ю дивизию переименовали в 10-ю Терско-Ставропольскую. Для личного состава новых воинских подразделений возвращалась старинная традиционная форма одежды.

В этой прадедовской форме казаки и пожаловали вместе со Сталиным в Большой театр.

Со сцены в этот вечер разливались протяжные степные песни с высокими подголосками, исполнялись искрометные пляски казаков, которые восторженно принимались зрителями в зале.

Торжественное заседание грозного карательного ведомства превратилось в праздник возрожденного казачества.

К своему изумлению, Ежов вскоре обнаружил, что о покушении на Кирова ОГПУ было предупреждено задолго до 1 декабря.

В руки ему попал отчет старого опытного агента Зайончковской о своей командировке в Ленинград. По фальшивому паспорту на имя Веры Николаевны Николаевой она в течение десяти дней находилась в среде ленинградской интеллигенции. Ей удалось узнать, что в скором времени ожидается слишком «громкий» выстрел в крупного представителя партийной власти. При этом ни фамилии ничтожного Николаева, ни котолыновской шпаны не называлось. Фигурировали совсем иные имена: Шарангович, Эйдеман, Корк, Фельдман. Упорно поговаривали, что роковой выстрел должен прозвучать именно со стороны военных. «Армия недовольна Сталиным и Ворошиловым... Армия не допустит...». Спрут гигантского заговора понемногу отращивал свои мускулистые щупальца и, хищно пошевеливая ими, принимался обвивать все руководящие кремлевские верхи. В разнообразных вариантах обсуждались меры Кирова по разгрому еврейских организаций. Выяснилось, что ленинградский раввин И. Шнеерсон вовсе не уехал в Америку, а назначен главным раввином Риги. Из Прибалтики он продолжал поддерживать постоянную связь с городом на Неве. У Шнеерсона обнаружились тесные отношения с лордом Мильнером, тем самым, что «устроил» отречение Николая II от престола. В последнее время Мильнер состоял директором

банка «Джойнт сток». Так что пять тысяч рублей, которые Котолынов получил от консула Латвии, были деньгами «Джойнта», т.е. на самом деле вовсе не латышскими, а американскими. Продолжалась традиция мистера Томпсона, главы давнишней миссии «Международного Красного Креста».

Это донесение Зайончковской попало в руки начальника Особого отдела ОГПУ В. Гая. Прочитав его, он возмущенно хмыкнул: «Бред глупой старухи, выжившей из ума!» И отправил важнейший документ в архив.

От бумаги, даже самой опасной, самой разоблачительной, отмахнуться легко. Но как поступить с опасным свидетелем?

Однажды в Смольный вбежала растрепанная женщина, в лихорадочном состоянии, и закричала, что ее хотят отравить, убить. Женщину провели в приемную Жданова, к одному из его помощников Кулагину. Он узнал в странной посетительнице жену Борисова, начальника охраны Кирова. Ее арестовали на другой день после выстрела Николаева. Следователи допытывались, что рассказывал ей муж. Затем ее поместили в психиатрическую лечебницу... Кулагин раздумывал недолго. Он тут же позвонил в областное управление НКВД. Оттуда примчалось несколько человек. Женщину забрали и увезли. На другой день стало известно, что она отравилась...

Странное самоотравление!

Ежов вспомнил заключение экспертизы о причине смерти Борисова. Он умер от удара в голову тяжелым предметом (предположительно, железным ломом).

Троцкисты и зиновьевцы упорно сопротивлялись разоблачению, стремились вовремя отрубить опасные концы!

В центральную фигуру заговора вырастает вроде бы такая второстепенная личность, как Бакаев. Одержим идеями Троцкого, решителен и безжалостен. В мае 1934 года, после триумфального «съезда победителей», намечалось два покушения на Сталина. В Тушине, на авиационном празднике, засланный террорист Богдан был задержан при настойчивых попытках приблизиться к правительственной трибуне. Его допросили и отпустили. Очередную попытку Богдан должен был сделать на районной партконференции, где ожидалось выступление Генерального секретаря. В последнюю минуту это выступление было отменено. Бакаев заподозрил неладное. Он посчитал,

что Богдан опасно «засветился» и за ним ведется наблюдение. Ночью он под каким-то предлогом заявился на квартиру, где скрывался террорист, и лично его застрелил. Другой террорист, Файвилович, также засланный из Германии, счел за благо сдаться добровольно и явился в органы с повинной. К сожалению, это был агент «разового использования» и знал чрезвычайно мало. Однако с его помощью следствие получило подходы к другим фигурам.

На важное положение Бакаева в руководстве подпольем указывает его будущая роль после «Дня Х»: предполагалось, что он возглавит новый Совнарком.

На первом процессе, в январе прошлого года, почему-то не прозвучали признательные показания Бакаева, сделанные им во время предварительного следствия. Протоколы сохранились, уничтожить их не успели.

«Мы питали наших единомышленников клеветнической антипартийной контрреволюционной информацией о положении дел в партии, в ЦК, в стране. Мы воспитывали их в духе злобы, враждебности к существующему руководству ВКП(б) и Сов. правительству, в частности».

Это же целая программа!

Как можно было закрыть глаза на такие откровения? С какой целью?

Ответственные лица уверяют, что виною этому лихорадочная спешка, с какой готовился процесс. Выявляли главным образом тех, кто имел непосредственное отношение к убийству Кирова.

Полезные сведения поступали от рядовых заговорщиков: имена, адреса, пароли, явки. Арестованный Н.М. Моторин в свое время исполнял обязанности секретаря Зиновьева, а Н.А. Карев обеспечивал связь с дачей в Ильинском. Е. Дрейцер прежде состоял в охране Троцкого, а Р.Пикель, известный критик, начинал свой путь в секретариате председателя Коминтерна.

Как тогда и предполагалось, имя Натан явилось обыкновенной проговоркой на следствии. Теперь выяснилось, что это был боевик Натан Лурье, засланный в СССР из Германии. Его настойчиво искали в Ленинграде, разослали ориентировки в Москву, Киев, Минск, а он отыскался в Челябинске: приехал, устроился на машиностроительный завод и затаился. Ухваченную ниточку с Натаном Ежов тянул осторожно, бережно, вытягивая ее во всю длину, и эта ниточка в конце концов привела

его туда, где опытные специалисты научили Натана обращаться с оружием и взрывчаткой, снабдили его документами и деньгами и забросили в нашу страну. Следы Натана Лурье привели сначала к Троцкому, а затем к таким зловещим фигурам, как Гейдрих и Гиммлер.

Небольшой сбой получился, когда вдруг обнаружилась некоторая путаница имен: то Натан, то Моисей. Вскоре все стало на свои места. Боевиков оказалось двое по фамилии Лурье: один — Натан, другой — Моисей. Причем даже не родственники, однофамильцы.

Личность Моисея Лурье возбудила интерес к дореволюционному Уралу, вотчине рано ушедшего из жизни Янкеля Свердлова. Моисей начинал еще тогда и был боевиком с богатым опытом. Гейдрих, готовя акции в СССР, наткнулся на него в обширной картотеке Орлова-Орлинского. Эта тщательно составленная картотека оказалась настоящим кладом — в ней гитлеровские секретчики получили имена людей, готовых на сотрудничество хоть с дьяволом, лишь бы снова завладеть властью в стране, откуда им пришлось бежать, опасаясь возмездия за совершенные злодейства.

В 1932 году, еще до прихода Гитлера к власти, в Копенгагене на базе бывшего института Парвуса состоялось сборище троцкистов, напоминавшее настоящую конференцию. Работала она конфиденциально, т.е. с соблюдением всех правил конспирации. Троцкий приехал с тремя секретарями, в окружении 25 охранников, навербованных из гамбургских студентов. С ним находился старший сын, Лев Седов, его многолетний надежный помощник. Из участников конференции обращали на себя внимание некие Берман-Юрин и Фриц-Давид, имевшие опыт террористической работы.

Троцкий, считавший себя специалистом по России, объявил целую программу подрывной работы. Он тогда впервые указал на несостоятельность так называемой «диктатуры пролетариата». Пролетариат, т.е. рабочий класс в СССР, уже никакой не диктатор. Это просто рабочая скотинка, озабоченная своим пропитанием. Иными словами, обыкновенное советское мещанство. Троцкий считал наиболее перспективной работу среди крестьянства, недовольного трудностями коллективизации. В этом отношении следовало обратить внимание на организа-

ции «Центросоюза», а также на ту часть Красной Армии, которая состояла из мобилизованного крестьянства.

Опорой для разложения советского тыла могла служить интеллигенция. Именно из ее среды в коммунистическую партию лезут самые изощренные шкурники, жадные, ловкие, завистливые.

И, конечно же, неисчерпаемые резервы таило всемерное обострение национальной розни.

Участников конференции смущала ставка Троцкого на германский фашизм. Немецкие газеты злорадно называли уважаемого Льва Давидовича «советско-жидовской ищейкой» и «людоедом Европы». Усмехаясь, Троцкий посоветовал не принимать всерьез газетную трескотню, а учиться смотреть в корень. И оказался прав: вскоре Гитлер, став фюрером «третьего рейха», присвоил Троцкому — одному из первых — звание «почетного арийца». Само собой, такое отличие карикатурному еврею давалось исключительно авансом — за будущее сотрудничество. В Троцком фюрер видел лидера «пятой колонны» в России, то есть Советском Союзе.

На конференции в Копенгагене присутствовали люди Гейдриха, которые наладили со многими участниками полезные контакты.

Именно Гейдрих взглянул на задачи троцкистов в СССР с присущей ему масштабностью. Он одобрил план устранения Сталина и Кирова, однако выдвинул идею о более массовой операции, предложив повторить в России «ночь длинных ножей», недавно осуществленную в Германии.

Убийство Кирова сильно подняло престиж Троцкого в Берлине. Он спесиво задрал свою бороденку. Все же первого успеха добились не засланные боевики Гиммлера, а его люди, члены троцкистского подполья. Он стал нагло требовать средств. «Деньги на бочку, господа!»

Теперь Троцкий стал носиться с идеей убийства Сталина, но уже не украдкой, как Кирова, а публично, при большом стечении народа, как это было в 1911 году с покушением на Столыпина.

Зиновьев и Каменев отбывали свои тюремные сроки в Челябинском политизоляторе.

Роковой излом судьбы поверг недавних диктаторов Ленинграда и Москвы в состояние крайней слезливости. Оба почти ежедневно сочиняли письма, уверяя Центральный Комитет в том, что они «разоружились» полностью, без остатка.

Зиновьев отчаянно взывал:

«Товарищи! Родные!

Я убит. Я совершенно убит. Если бы я мог надеяться, что когда-нибудь мне будет дано хоть в малейшей степени загладить свою вину. В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат и т.п. Но я стар, я потрясен. За эти месяцы я состарился на 20 лет. Силы на исходе. Помогите. Поверьте. Не дайте сойти с ума...».

Надрывные вопли звучали вроде бы искренне, исходили из глубины души полностью раскаявшегося человека. Однако ни на следствии (оно было недолгим, всего один месяц), ни на суде никто из подсудимых, вот так же каясь и колотя себя в грудь, не обмолвился о самом важном, самом секретном — о существовании заговора, об оставшейся на воле огромной организации людей, решивших любыми средствами вновь пробиться к власти и сорвать начавшееся преобразование страны.

В начале лета Зиновьева забрали из Челябинска и этапировали в Москву. Спецконвой был суров, неразговорчив. О том, куда его доставили, Зиновьев догадался по «собачнику», громадной голой комнате, где принимали арестованных и проводили первый обыск. Он снова оказался на Лубянке.

Унизительная процедура обыска стала для него уже привычной. Он покорно разделся и, переступая босыми ногами на холодном плиточном полу, заученно исполнял короткие бездушные команды: «Раскройте рот... Нагнитесь... Раздвиньте ягодицы...». В холодном «собачнике» никаких чинов не разбирали.

Оказавшись в камере, он принялся нетерпеливо ожидать. Первый допрос мгновенно прояснит ситуацию. Он надеялся, что сыграли роль его бесчисленные письма-жалобы. Он уже дважды исключался из партии, дважды высылался и оба раза восстанавливался, получал партбилет и должность. В партии его помнят, ценят. Такими людьми не бросаются. Да и оставшиеся соратники... Должны же они, наконец, хоть что-то сделать для него!

Он все еще надеялся, что желанное освобождение не за горами. А иначе зачем было везти его в Москву?

Первая же встреча со следователем повергла его в панику. О его отчаянных жалобах не поминалось. Разговор пошел о временах, когда к нему, затворившемуся на роскошной даче

в Ильинском, беспрестанно наезжали соратники из Москвы. Возмущенные своими поражениями в борьбе за ускользающую власть, они проклинали Сталина. Им казалось, что «корявый Оська» бессовестно эксплуатирует наивное незнание партийной массы — молодые коммунисты не имеют и понятия о том, как им, сподвижникам великого Ленина, приходилось «ковать победу в Октябре». Зиновьев сразу же понял, что многое из разговоров, намерений, планов известно следствию. Что же... провалы? Аресты? Чистосердечные признания товарищей?

Но если бы знать, кто провалился!

Следователь, молодой могучий парень, восседал за своим столом, как каменная тумба. Он был в ремнях, в петлицах, тщательно выбрит и гладко причесан. Как видно, из новичков, из выдвиженцев, которые постепенно заменяли в аппарате НКВД старые кадры.

Мысли Зиновьева метались. Запираться было бесполезно. Снова сделать ставку на недавнее «величие» своих имен? Поможет ли? Ах, узнать бы, кто уже раскрыт и арестован и какие дает показания!

Из вопросов простоватого следователя удалось понять, что провалились Ломинадзе и Сырцов, неосторожный Рютин со всей своей «платформой», молодые Щацкин и Чаплин.

Появилась возможность для маневра.

Он стал угодничать и «разоружаться», постоянно помня, что говорить следует правду, одну только правду, но никогда не говорить всей правды.

А в камеру он требовал бумагу и быстро, ловко сочинял покаянные письма.

«...Я полон раскаяния, самого горячего раскаяния. Кончать мне свои дни по обвинению в той или иной прикосновенности к террору против вождей партии, к такому гнусному убийству, как убийство Кирова, — это достаточно трагично. И ничего подобного мне, конечно, никогда и не снилось. Я готов сделать все, все, все, чтобы помочь следствию раскрыть все, что было в антипартийной борьбе моей и моих бывших единомышленников, а равно тех, с кем приходилось соприкасаться в антипартийной (по сути контрреволюционной) борьбе против партии.

Я называю тех лиц, о которых помню и вспоминаю, как о бывших участниках антипартийной борьбы. И буду это делать до конца, памятуя, что это мой долг».

Следователь оказался не так прост, как выглядел. К тому же он постоянно заглядывал в бумажку сбоку. Зиновьев догадался, что это «памятка» от начальства. Парень вел допрос по заранее намеченному плану.

Внезапно последовал вопрос о Скрипнике, с Украины. Еще в 1933 году, вернувшись из Москвы, он вдруг застрелил жену с детьми, а затем покончил и с собой. Что за причина этой бойни? Что так напугало Скрипника в Москве? Зиновьев пожевал губами. Скрипник, насколько он помнил, оказался ненадежным человеком. От таких в серьезных затеях один вред... Бойня в семье? Не сам же он ее устроил! Ему просто «помогли»... Кто? Этого он не знает. Мелкими функционерами он не занимался. У него имелись задачи поважнее.

И все же у Зиновьева тревожно сжалось сердце. Следствие на этот раз лезло в глубину и ворошило события, казалось бы, забытые, навсегда выброшенные из памяти. Это был грозный признак.

Все чаще стали упоминаться имена террористов, засланных из Германии. Этих молодцов он и тогда не ставил ни в грош. Уважаемый Лев Давидович в своем прекрасном далеке совершенно не имеет представления об условиях, в которых теперь приходится работать. Впрочем, он всегда был белоручкой. Его интересует один лишь результат.

Но террористы (если только они арестованы) напрямую были связаны с Ильинским, с дачей.

Ах, не следовало тогда так опускаться, путаться с этой шушерой!

Однажды в кабинет властно распахнулась дверь, и вошел Ежов. Следователь вскочил. Маленький Ежов начальственно, сверху вниз, смотрел на Зиновьева, рыхло сидевшего на табуретке. Небритый, всклокоченный, изможденный, глаза слезятся... Не узнать! А еще недавно громадные портреты этих людей украшали праздничные фронтоны зданий и плыли над колоннами демонстрантов.

Зиновьев попытался встать, но снова бессильно свалился на табурет. Он протянул к Ежову руки.

— Николай Иванович, в моей душе горит одно желание: доказать вам, что я больше не враг. Нет такого требования, которого я не исполнил бы... Я не враг, не враг, я с вами всей душой и телом! Скажите, что я должен сделать, чтобы заслужить прощение?

Ежов помедлил, разглядывая этого жалкого человека.

— Правду, — обронил он. — Только правду!

Зиновьев запричитал:

— Загляните же в мою душу, Николай Иванович! Неужели вы не видите, что я раскаялся, что я порвал со всеми...

Не дослушав, Ежов кивнул следователю и вышел.

— Продолжаем, — сухо произнес следователь и обмакнул перо в чернильницу.

Зиновьев торопливо — пальцами, кулаком, рукавом — вытер на щеках следы слез.

У следователя была манера сначала записать вопрос и затем, зачитав его, уставиться на арестованного и ждать ответа. Писал он трудно, напряженно, держа тоненькую ручку всей сильной горстью. Зиновьеву казалось, что от напряженного писания скрипят ремни на могучем теле допросчика.

— В прошлый раз вы показали, что, будучи в Швейцарии, получили от неких лиц пять паспортов на беспрепятственный проезд через Германию. Однако ехать отказались. Объясните следствию причины. Зиновьев оживленно потер коленки.

- Ну, насчет неких лиц, прежде всего. Это люди довольно известные. Во-первых, Парвус, он же Гельфанд. Он, кстати, и принес паспорта. Затем Роберт Гримм. Затем Фриц Платтен.

- Подождите, я должен записать.

Наступила длительная пауза. Зиновьев, уперев руки в колени, ссутулил плечи. Следователь писал.

- Так, продолжайте.

- Что же касается отказа ехать, то об этом лучше всего спросить Ульянова-Ленина. Я, в частности, был за поездку. Но решал вопрос не я. Хотя, повторяю, лично я готов был отправиться немедленно.

Записав ответ, следователь заглянул в памятку, лежавшую сбоку протокольного листа, и принялся записывать следующий вопрос.

— Назовите, на ваш взгляд, причины, побудившие Ульянова-Ленина отказаться ехать впятером.

Зиновьев усмехнулся.

- Ну, дорогой товарищ... Виноват, виноват! Гражданин следователь, вы должны уяснить, что о таких вещах Ульянов-Ленин моих мнений в расчет не принимал.

- Но вы же постоянно уверяете, что были ему самым близким человеком!

- Значит, были еще ближе.

- Назовите: кто?

- Ну, кто? Хотя бы, скажем, жена.

- Вы имеете в виду Крупскую?

Зиновьев вдруг понурился и стал ковырять пальцем какое-то пятнышко на коленке.

- Эта гражданка знает очень много. Во всяком случае, гораздо больше меня.

- Так, следующий вопрос. Дайте следствию вашу характеристику гражданки Балабановой.

Зиновьева позабавило казенное словечко «гражданка».

- С гражданкой Балабановой я познакомился в Москве, когда она приехала работать в Коминтерне. Нет, виноват, в Петрограде. Да, в Петрограде. Мое к ней отношение? В сущности, никакого. Обыкновенный исполнитель. Хотя-а... хотя я знал, что она является представителем такого человека, как Муссолини. Проще говоря, она была любовницей Муссолини.

- Подождите, не спешите, — прервал его следователь и принялся орудовать пером.

Памятку для следователя составлял Ежов, а он направлял следствие по указаниям Сталина. Теперь, когда начались упорные допросы Зиновьева и Каменева, когда забрезжила возможность связать наконец многие оборванные кончики, Иосиф Виссарионович решил доискаться, докопаться до размеров существовавшего подполья. Кто же предает? Кому можно верить? От этого зависели успехи всей задуманной им работы по преобразованию страны.

Следствие очень быстро установило, что арестованные обрадовано ухватились за имя Ленина. У них появилась возможность так или иначе впутать Вождя партии в свои грязные делишки, втянуть его в процесс, посадить на скамью рядом с собой и тем самым облегчить свое положение перед лицом суда.

Напрасные надежды! Ленин отошел от дел еще в 1922 году и никакого соучастия в их гнусных делах принимать не мог. Былая дружба? Тоже наивные упования...

Следствие сосредоточило внимание на убийстве Кирова. Здесь имелись увесистые показания как засланных террористов, так и разоблаченных участников подполья. Зиновьев за-

щищался, напрочь отрицая свою руководящую роль в организации террора.

В толстой папке протоколов, лежавшей перед следователем, несколько страниц были заложены бумажными вкладками.

— Зиновьев, следствие предлагает вам ознакомиться с показаниями Каменева. Слушайте: *«...Мы, т.е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которой был мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна договаривались в 1932 году об объединении обоих, т.е. зиновьевской и троцкистской, контрреволюционных организаций для совместной подготовки свершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь против Сталина и Кирова».* Дайте ваши показания насчет этих фактов.

— Я отрицаю, — растерянно проговорил Зиновьев. — То есть насчет переговоров — да. Но организация!

— Зиновьев, вам предлагается признание арестованного Моторина.

«Зиновьев мне указал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме Киров должен быть убит. Он упрекнул меня в недостаточной решительности и энергии и указал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо отказаться от предрассудков».

Повисло угнетенное молчание. У Зиновьева судорожно двигался кадык на горле.

— Вам предъявляются показания Бакаева.

«Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство товарища Сталина в Москве».

Следствие располагает признаниями Рейнгольда, Дрейцера, Берман-Юрина и других. Предупреждаю вас, что вам предстоят очные ставки с указанными лицами.

Задыхаясь, Зиновьев проговорил:

— Мне плохо. Отправьте меня в камеру.

«...Есть решение объединенного троцкистско-зиновьевского центра об организации террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде. Зиновьев сказал, что подготовка террористических актов над Сталиным и Кировым поручена Бакаеву, который должен использовать для этих целей свои связи с зиновьевскими группами в Ленинграде и Москве.

...при разговоре с Бакаевым я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над Кировым существующие в Ленинграде и связанные с ним, Бакаевым, зиновьевские группы Котолынова и Румянцева».

Н. Карев. Допрос 5 июня 1936 года.

«По указанию Зиновьева к организации террористического акта над Сталиным мною были привлечены зиновьевцы Рейнгольд, Богдан и Файвилович, которые дали согласие принять участие в тер. акте.

Наряду с нами убийство Сталина готовили И.Н. Смирнов и С.В. Мрачковский, которые получили прямую директиву Троцкого совершить террористический акт».

И. Бакаев. Допрос 17 июля 1936 года.

Содержание письма Троцкого было коротким. Начиналось оно следующими словами: *«Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи: первая — убрать Сталина и Ворошилова, вторая — развернуть работу по организации ячеек в армии, третья — в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства».*

И. Д р е й ц е р. Допрос 23 июля 1936 года.

«В беседе со мной Троцкий открыто заявил, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними методами и что Сталин должен быть физически уничтожен. О Сталине он говорил с невероятной злобой и ненавистью».

В. Б е р м а н-Ю р и н. Допрос 21 июля 1936 года.

«Каменев неоднократно цитировал Троцкого о том, что все дело в верхушке и что поэтому надо снять верхушку. Каменев доказывал необходимость террористической борьбы, и прежде всего убийства Сталина, указывая, что этот путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что «головы отличаются тем, что они не отрастают».

И. Рейнгольд. Допрос 9 июля 1936 года.

Слезливое показушное «разоружение» не обманывало ни Сталина, ни Ежова.

Над работой следственного аппарата витала тень застреленного Кирова.

Прав великий поэт Востока, древний мудрец Саади: «В то время, когда нужна суровость, мягкость неуместна. Мягкостью не сделаешь врага другом, а только увеличишь его притязания».

Ежов уверенно раскапывал норы подполья на всю глубину. День за днем, словно кольца на спицу, нанизывались все новые и новые подробности заговора. Новое судебное разбирательство на этот раз будет располагать неопровержимыми доказательствами.

И все же Зиновьев не оставлял надежд. Создавая видимость последней искренности, он вдруг назвал секретные счета в зарубежных банках. Туда еще при жизни Ленина на имя каждого «заслуженного борца с самодержавием» было перечислено по пять миллионов франков. Это было «подстилание соломки на всякий случай», если вдруг придется срочно убегать из России в неласковую и голодную эмиграцию.

Сергей Витальевич Мрачковский считался потомственным революционером. Его отец, Виталий Яковлевич, был членом «Южно-российского союза рабочих», отбывал ссылку в суровом северном Сургуте. Как и Троцкий, он бросил на месте ссылки жену с двумя детьми и с головой ушел в революционную работу. Тифлис, Баку, Пермь, Тюмень — вот места, куда бросала его судьба подпольщика.

Семья революционера бедствовала. Сергей, старший сын, с детских лет страдал костным туберкулезом и на всю жизнь остался хромым (неистребимая полицейская примета, облегчавшая слежку). Унизительное увечье придавало ему отчаянности. В 1905 году он возглавил боевую дружину рабочих в Екатеринбурге (подпольная кличка «Сокол»). Боевики убивали провокаторов и шпиков. Сергей сам просился на самые рискованные операции. Из него выработался жестокий и расчетливый террорист.

История революционного Урала по-настоящему еще не написана. По каким-то причинам замалчивается именно мощь тогдашней большевистской организации. В связи с этим до сих пор остается загадочным то поразительное влияние, каким обладал в первом советском аппарате Я.М. Свердлов.

Обладая внушительной силой, большевики открыто занимались рэкетом: под угрозой жестокой расправы они обложили постоянной данью всех богатеньких капиталистов. В деньгах

нужды не испытывалось. Большевики издавали на Урале газеты «Солдат» и «Пролетарий». Кроме того, регулярно выходила газета на татарском языке. На средства партии содержались школа инструкторов в Киеве, курсы бомбистов во Львове, а также финансировались «окна» на границе с Финляндией.

Боевики настойчиво тренировались, осваивая искусство индивидуального террора. Э. Кадомцев, например, слыл необыкновенно метким стрелком: из своего браунинга он поражал цель на 75 шагов.

Свердлову («товарищу Андрею») подчинялись знаменитые «Лесные братья» Лбова, партизанский отряд, опирающийся на секретные лесные базы.

Отряды настолько осмелели, что среди дня нападали на пассажирские пароходы.

Сейчас, с расстояния многих лет, становится ясен замысел Свердлова и тех, кто за ним стоял. Урал, промышленный хребет России, удалось подчинить полностью. В Екатеринбурге (будущем Свердловске) образовался руководящий центр задуманного завоевания и освоения России. Отсюда началось стремительное расползание большевизма. «Уральский поток» Свердлова (вместе с «ленинским» из Швейцарии и «американским» Троцкого) уверенно захватил власть в партии, а следовательно и в Революции.

В феврале 1917 года Свердлов уехал в Петроград, а Мрачковский избирается членом Уральского губкома РСДРП(б). После Октября он становится наркомом по управлению Уралом (была тогда такая должность). Вскоре, однако, Троцкий призывает его в Красную Армию и назначает комиссаром Сводной Уральской дивизии.

Боевые действия на Восточном фронте идут с переменными успехами. Белые взяли Пермь, советская власть сосредоточилась в Вятке. Наступившей зимой Мрачковский возглавляет лыжный отряд особого назначения и скрывается в лесах.

Троцкий, подтягивая кадры с Урала, назначает Мрачковского членом Реввоенсовета, а Белобородова и Юровского переводит в Москву. Начинается ожесточенная внутрипартийная борьба. Мрачковский постоянно раздражен, он осыпает своих единомышленников упреками: они изнежились, одрябли, позабыли традиции боевых лет. Он требует активности, конкретных дел. Сталин уже приступил к чистке партийных рядов. Чего еще ждем? После поражения троцкистского путча его, как

и многих, исключают из партии. Издерганный, неряшливый, он хромает по морозной Москве, вспоминая трудную зиму в уральских лесах. Он частый гость в роскошной квартире Белобородова на улице Грановского — там поселился Троцкий, недавно изгнанный из Кремля. Бывший председатель Реввоенсовета снисходительно выслушивает желчные речи гостя и с усмешкой произносит: «Скоро, скоро, потерпите». Человек действия, Мрачковский организовывает подпольную типографию.

Троцкого высылают в Алма-Ату, Мрачковского с Белобородовым — на Урал, в городишко Уфалей. Оба уральца принимают наказание с затаенной радостью. Родные места, давние связи! Мрачковский разыскивает своих единомышленников — начинаются тайные собрания, вербуются новые сторонники, по ночам на стенах и заборах появляются плакаты: «Требуйте освобождения борца за Октябрьскую революцию!» Однако ОГПУ не чета царской охранке. Мрачковского быстро «установили» и арестовали, поместили в Углический политизолятор. Скрепя сердце, он пишет покаянное письмо в ЦК партии. Власть еще слишком доверчива и снисходительна, и Мрачковский едет в Ташкент на руководящую работу. Затем он строит железную дорогу Караганда — Боровое, после чего отправляется на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Троцкий за границей, налаживая связи с врагами СССР, постоянно хвалится своей подпольной организацией. Время от времени ему удается послать Мрачковскому весточку.

Мрачковский давно не встречался с товарищами. Ему не терпится узнать обстановку, договориться о дальнейших планах. Тем более, что от Троцкого уже давно не получал никаких вестей.

Его арестовали и поместили на Лубянку.

Следователи замучились с Мрачковским. Этот немолодой колченогий террорист не боялся даже расстрела. Он отказывался отвечать на вопросы, сыпал оскорблениями, а Ежова обложил площадным матом. Его поставили «на конвейер», не давали спать. Он сделался еще неистовей. Крепкий орешек! Между тем следователи понимали, что из всех арестованных именно Мрачковский опаснее остальных.

В его лице партийное подполье угрожало настоящим террором, т.е. возрождало методы, которыми в свое боевое время большевики так успешно боролись с царизмом.

Не добившись ничего насилием, следствие передало упорного арестанта Слуцкому, начальнику ИНО. В свое время они были близкими товарищами. Но такова судьба-индейка: один оказался обреченным, другой — его палачом. Мрачковский интересовал начальника ИНО необычайно. Удалось установить, что с Мрачковским пытались зачем-то снестись такие «закордонники», как И. Рейсе и В. Кривицкий, агенты-перебежчики, изменники...

Слуцкий, зная неистовый характер своего старого товарища, умело выстроил всю встречу, весь разговор.

Когда Мрачковского ввели в кабинет, он осыпал Слуцкого грязными ругательствами, затем заявил, сжимая кулаки и оскаливая зубы:

— Я ненавижу Сталина, ненавижу! Так и передай ему!

Опытный допросчик, Слуцкий переждал поток ругани и начал задавать малостепенные, незначительные вопросы. Мрачковский продолжал топорщиться. Внезапно зазвонил телефон. Слуцкий, подняв трубку, долго слушал, лишь изредка роняя реплики. Мрачковский понял, что разговор крайне неприятный. Наконец Слуцкий кончил разговаривать и горько повесил голову. «Эх-ма...» — вздохнул он и поднял глаза:

— Вот видишь, — сказал он, как бы в забытьи. — Такие вот дела. Мрачковский ждал, не смея задавать вопросов. Но взгляд его спрашивал: что случилось?

— Наша делегация вернулась из Германии. Немцы — подлецы! У нас — ты, видимо, этого не знаешь, плоховато с авиационными моторами. Немцы продали, деньги получили, а от доставки вдруг отказались.

Слуцкий как бы приобщал его к секрету, что надвигается война. Неготовность советского самолетного парка подействовала на Мрачковского ободряюще.

— Ты что же... оборонец? — осторожно задал он вопрос.

В ответ Слуцкий снова вздохнул.

— Старинка-матушка, — горько произнес он. — А надо бы умнеть!

Так завязался разговор, не разговор, а что-то вроде спора о том, кому лучше победить в ожидавшейся войне: Гитлеру или все же Сталину?

- Я помню, — воодушевлялся Мрачковский, — Лев Давидович как-то...

- А-а! — внезапно с раздражением скривился Слуцкий. — Лев Давидович... Сейчас надо брать в расчет только Иосифа Виссарионовича. И вообще... как ты думаешь: для чего человеку голова?

- Извини, — непримиримо перебил Мрачковский, — мы с тобой здесь судим неодинаково!

Раздражаясь, Слуцкий смерил его взглядом.

- Неодинаково... Башка у тебя другим концом приставлена, вот что я скажу. Тебя сослали? Сослали. Кой черт тебя дернул проявлять свою активность? Сидел бы и сидел. Так нет! — И добавил: — Вот ты вечно такой! Никогда и никого не слушаешь!

- У тебя ко мне какие-то претензии? — вкрадчиво спросил Мрачковский. Слуцкий хмыкнул:

- У меня!.. Вот ты с порога заорал: ненавижу! Ну и что? И, чего добился?

Начиная улавливать какой-то скрытый смысл, Мрачковский тихо попросил:

— Скажи точнее. Если, конечно, можно...

— Никто не имеет права рисковать всем, что сделано. Ради чего тогда такие жертвы? Стань крайним, вот в чем дело. За тобой больше никого нет, ты самый последний! Неужели так трудно сообразить? Арестовали? Арестовали. Ну и пусть успокоятся.

Мрачковский мелко-мелко замигал.

— Хорошо. Отправь меня в камеру. Я должен подумать.

Через несколько дней Мрачковский переоценил поведение и подписал первый протокол. Больше того, он уговорил прекратить сопротивление Ивана Смирнова, такого же упрямца.

Расчет этих двоих был прост: прикрыть собою остальных участников заговора, всех тех, кто находился на свободе и продолжал борьбу.

Копаясь в биографии Каменева-Розенфельда (это имя постоянно упоминается рядом с именем Зиновьева), Ежов обнаружил два любопытных случая, заставившие его совсем по-новому взглянуть на судьбу этого человека.

Оба, Зиновьев и Каменев, тюрьмы по-настоящему-то и не нюхали. Один арест, два-три месяца в камере политических. Как будто специально для биографии «пламенных революционеров», борцов за народное счастье! Создавались легенды о сокрушителях проклятого самодержавия, наводился всевозмож-

ный глянец на истинные лики «старых ленинских гвардейцев». Примечательно, что сами «гвардейцы» настолько вжились в эти легенды, что искренне поверили в свой героизм, в свою исключительность.

Именно Каменеву было поручено выступить «забойщиком» на бурном XTV съезде партии, когда так называемая оппозиция навязала делегатам открытый бой за пост Генерального секретаря — тогда Каменев вышел на трибуну и потребовал смещения ненавистного Сталина.

Мало-помалу по мере расследования Каменев представлялся деятелем более ответственным, более замаскированным, нежели пустоватый фанфаронистый Зиновьев. Сюда прибавлялись и женитьба Каменева на сестре Троцкого, и постоянная опека Крупской (а иначе никак не объяснить, почему умирающий Ленин поручил Каменеву свой личный архив).

Из всех отобранных для первого открытого процесса Каменев имел самый большой судебный опыт. Осужденный по делу Кирова к тюремному сроку, он через три месяца был снова доставлен в Москву и выступил свидетелем по так называемому «Кремлевскому делу».

Это был самый массовый процесс: обвинялось 110 человек из обслуживающего персонала Кремля и кремлевской комендатуры. Главным подсудимым предстал Авель Енукидзе, долгие годы, еще при жизни Надежды Аллилуевой, имевший близкие отношения с семьей Сталина.

Каменев, доставленный в зал суда над Енукидзе, увидел на скамье подсудимых своего брата, жену (сестру Троцкого) и племянника. Попал в число обвиняемых по этому делу и младший сын Троцкого Сергей.

Вину подсудимых разбирала Военная коллегия, однако приговор вопреки ожиданиям вынесла щадящий: высшую меру социальной защиты получили только двое...

Подобострастное сотрудничество со следствием вконец раскисшего Зиновьева выявило весь сатанинский замысел большого государственного заговора.

«В середине 1932 года И.Н. Смирнов поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости объединения нашей организации с группами Зиновьева—Каменева и Шацкина—Ломинадзе. Тогда же было решено запросить по

этому поводу Троцкого и получить от него новые указания. Троцкий ответил согласием на создание блока, при условии принятия объединившимися в блок группами вопроса о необходимости насильственного устранения вождей ВКП(б) и в первую очередь Сталина».

С. Мрачковский. Допрос 20 июля 1936 года.

«Первый и казавшийся нам наиболее реальным вариант (захвата власти) заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным в руководстве партии и правительства произойдет замешательство и с нами, лидерами троцкистско-зиновьевского блока, в первую очередь с Зиновьевым, Каменевым и Троцким вступят в переговоры.

Появление Троцкого и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось как само собой разумеющееся.

Кроме того, мы считали не исключенным, что при организации новой правительственной власти в ней примут участие также и правые Бухарин, Томский и Рыков».

Л. Каменев. Допрос 24 июля 1936 года.

Замысел заговора был прости страшен. Предполагалось одновременно совершить покушения на самых видных руководителей СССР. В назначенный «День Х» убийства планировались в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других крупных городах страны. Расчет строился на всеобщем шоке. Оставшиеся от расправы руководители вынуждены будут пойти на переговоры с оппозицией. С сознанием собственных сил и значимости заговорщики диктуют условия и завладевают всеми рычагами власти.

Основной упор таким образом делался на террор.

Для этой цели в СССР были заброшены несколько групп боевиков. Эти молодые люди прошли основательную подготовку в ведомствах Гиммлера и Канариса.

Троцкий, помыкавшись по Европе, сделал ставку на «освободительный» поход вермахта и проникся надеждой вернуться в Кремль в обозе гитлеровской армии.

Сталин редко покидал Москву. Террористы принялись изучать его привычный маршрут: Кремль — Ближняя дача. Возник вариант совершить покушение на трассе. Группа убийц сделала засаду на окраине Москвы, там, где дорога сворачивает в лес, к сталинской даче. Возглавил группу Пикель, бывший заведую-

щий секретариатом Зиновьева. Детали операции обсуждались самым подробным образом в Ильинском. Террористам помешала сильная охрана Генерального секретаря. К тому же самого Пикеля знал в лицо начальник сталинской охраны Власик.

Неудача вызвала гнев Зиновьева. Он отпустил по адресу Пикеля бранное слово, пренебрежительно махнул рукой и заявил, что на такие важные задания, видимо, следует посылать более ответственных товарищей.

Рассматривались еще два варианта убийства Сталина: во время демонстрации на Красной площади или же на пленуме Исполкома Коминтерна. Берлин одобрил оба варианта и прислал своих исполнителей.

В. Ольберг приехал в СССР по паспорту гражданина Гондураса (документ был искусно изготовлен специалистами абвера, военной разведки Канариса). Перед отъездом из Берлина с ним беседовал Лев Седов — сын Троцкого. Он дал ему несколько дополнительных явок. В Ленинграде Ольберг побывал в редакции «Ленинградской правды», которую возглавлял Иван Гладнев (он же Самуил Маркович Закс), женатый на сестре Зиновьева Лие. В эту хорошо законспирированную группу входили работники редакции Гертик, Тойво и Антонов. Деятельность «Ленинградского центра» Ольбергу понравилась. Эти люди сильно не мудрили и умело готовили покушение на Кирова посредством озлобленного недоумка Николаева. В письме-отчете Льву Седову посланец из Берлина выразил уверенность в успехе ленинградцев. С берегов Невы Ольберг отправился на берега Волги, в Горький. Там у него была явка к директору педагогического института И. Федорову. Из студентов-троцкистов была сформирована группа боевиков. Ей предстояло действовать на Красной площади, влившись в ряды демонстрантов. Отправить ее в Москву предполагалось под видом экскурсии отличников учебы.

Вариант с покушением на Сталина во время работы пленума Исполкома Коминтерна имел больше шансов на успех. Убийцы могли приблизиться к «объекту» почти вплотную и стрелять наверняка. Однако для исполнения плана потребовались террористы-смертники. Скрыться из помещения убийцам скорей всего не удастся. Из Берлина немедленно были присланы Берман-Юрин и Фриц-Давид. Вся загвоздка теперь заключалась в том, как им пробраться на пленум Исполкома?

Сравнительно легче обстояло дело с покушениями на остальных руководителей советского государства.

Группа Натана Лурье загодя выехала в Челябинск и там стала поджидать наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе. В группу входили еще два человека: Липшиц и Константа. Они собирались применить взрывчатку. Работник германского посольства Ф. Вайц снабдил их двумя снарядами огромной разрушительной силы.

Группе Моисея Лурье ставилась задача ликвидировать Ворошилова. Изучив все маршруты наркома обороны, террористы собирались обстрелять его машину на улице Фрунзе, возле здания бывшего Реввоенсовета.

Полную гарантию удачи давала группа И. Эстермана. Ей поручалось убить Кагановича. Один из террористов, Чаговский, в течение нескольких недель следил за намеченной жертвой. У Кагановича была слишком слабая охрана. Заговорщики решили покончить с ним на территории Московского кожевенного завода, где он должен был выступать на митинге.

Ликвидация Жданова намечалась в Туле, при посещении им оружейного завода. Для этого в Туле загодя обосновались боевики Горович, Гуревич, Зайдель и Быховский.

В Киеве на случай внезапного приезда кого-либо из намеченных лиц засели хорошо подготовленные террористы братья Нырчук, братья Глухенко, а также Мухин, Звад и Фесюр.

Как всегда, болезненным был вопрос с финансами. И немцы из Берлина, и сионисты из «Джойнта» проявляли скуповатость (тем более, что никаких ощутимых результатов пока не виделось). Приходилось изыскивать внутренние ресурсы. По указанию Троцкого заместитель председателя Госбанка СССР Г. Аркус перевел Картографическому тресту (якобы на оплату работ по статистике) 30 тысяч рублей. Управляющим трестом был махровый троцкист Г. Евдокимов, недавно восстановленный в партии. Кроме того студенты-террористы из Горького попробовали свои силы в дерзких эксах (как в старину). В самом городе было ограблено несколько сберегательных касс, а под Арзамасом совершен ночной налет на сельсовет.

Гиммлер добросовестно выполнял свои обещания Троцкому. Людей он не жалел и поставлял с избытком. Однако время шло, а успехов не предвиделось. Троцкому становилось

неловко отделываться одними обещаниями. Он занервничал, от него полетели гневные шифровки. Он требовал успеха любой ценой. При этом строжайше наказывал, что в случае провала арестованные не имеют права признавать существование какой-либо подпольной организации. Пусть каждый выглядит, как террорист-одиночка (и приводил пример с Каплан и Канегиссером в 1918 году). А в канун XVII съезда партии он категорически потребовал от подпольщиков, попавших под подозрение властей, шумного покаяния с трибуны съезда. Видимость полного разоружения позволит им сохранить посты. В предвидении «Дня Х» это чрезвычайно важно.

Летом, в июне, троцкист И. Дрейцер получил из Варшавы от своей сестры Сталовицкой письмо, в которое была вложена записка Троцкого. Тотчас в Ленинград отправился Каменев. На него были возложены обязанности ревизора. В Ильинском у Зиновьева собрались Евдокимов, Бакаев и Мрачковский. Каменев нашел, что покушение на Кирова готовится убого, на уровне мальчишек-гимназистов, начитавшихся детективных романов. Тем более, что однажды Николаев уже попадал в руки кировской охраны. А если снова попадется?

Ему возражал Мрачковский. Он был покорен беззаветной решимостью комсомольцев и сам заражался их энтузиазмом. Нет, эти орлята еще скажут свое слово!

Каменев был сердит и удручен. Его отросшие сырые щеки дрожали от негодования.

— Нет, товарищи, так работать невозможно. Вот что мне отвечать Льву Давидовичу? Что? Подскажите!

В этот же день к Зиновьеву был вызван Котолынов и там с ним не успел разминуться Натан Лурье, приезжавший из Челябинска. Хозяин дачи представил гостя из Берлина так: «Товарищ от Льва Давидовича». Оставшись с Зиновьевым с глазу на глаз, Котолынов затронул деликатнейшую тему: уместно ли блокирование с фашистами? Зиновьев расхохотался:

— Дорогой мой, вспомните Лассаля. Ради интересов революции он пошел на сотрудничество с Бисмарком!

Ревизия Каменева вылилась в обыкновенный начальственный «разнос» из Центра. Заглаживая свою вину, заговорщики проявили торопливость, и Николаев, второй раз попав в руки охраны Кирова, едва не завалил всю ленинградскую организацию...

«Я действительно являлся членом объединенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 году. Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б) и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде. Это поручение мною было дано осенью 1932 года в Ильинском».

Г. Зиновьев. Допрос 25 июля 1936 года.

Таким образом, в СССР, по примеру Гитлера, готовился «День длинных ножей».

Недалек был час, когда сама идея русских коммунистов создать рай для трудящихся в одной стране должна была утонуть в новых реках крови.

Русскому народу удалось вывернуться после катаклизмов 1917 года.

После 1933 года, когда в Германии соединились Троцкий с Гитлером, спасения русским не виделось. Слишком великий накопился опыт, слишком могущественные собрались силы!

Русские были объявлены лишним народом на планете. Их национальная участь была определена раз и навсегда.

Для суда избрали помещение в самом центре Москвы — Октябрьский зал Дома Советов.

У правой стены, боком к зрителям, сделали временную выгородку: за невысоким деревянным барьером в четыре ряда поставлены скамьи. В стене за выгородкой почти незаметная дверь, за нею — помещение для охраны и подсудимых (там их, в частности, будут кормить во время перерывов). Напротив, у левой стены зала, небольшой стол для государственного обвинителя.

Рано утром незаметная дверь в стене распахнулась и конвой стал заполнять выгородку теми, кого будут судить. Потолкавшись, они уселись в четыре ряда: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов, Пикель, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян, Рейнгольд, Дрейцер, Берман-Юрин и другие, всего 16 человек. Трое красноармейцев, вооруженных винтовками со штыками, замерли возле деревянного барьера.

Подсудимые осваивались с обстановкой: негромко переговаривались и беспокойно вертели головами, поглядывая на большой безлюдный зал.

Из фойе доносился приглушенный шум большого скопления публики. Сейчас зрители ринутся заполнять ряды.

Зиновьев, болезненно морщась, расстегнул ворот сорочки и потирал дряблую шею. Его мучила астма. Он пристально всматривался в переполненный зал, отыскивая кого-то глазами. Время от времени он с раздражением выговаривал сидевшему рядом Мрачковскому. Несколько раз он гневно махнул рукой, приказывая ему замолчать.

После перерыва Мрачковский уже не стал садиться рядом с Зиновьевым.

Обвинительное заключение прозвучало страшно: террор. Зрительный зал затаил дыхание. В деревянном загончике сидели знаменитые люди, которых народ привык видеть в президиумах и на трибунах. Они были всесильны. Самый главный из них, самый пламенный, еще совсем недавно неистово вопил на всю планету своим тонким бабьим голосом: «Мы прольем океаны крови!» И проливали, и еще бы лили... Сейчас, в загородке, под конвоем, они выглядели жалко, обреченно.

Вышинский блистательно проделал трудоемкую работу государственного обвинителя. Он показал себя юристом высочайшего международного класса. Под его разящими вопросами подсудимые буквально корчились. Зрители, битком набившиеся в зал, слушали, затаив дыхание. Они увидели не прославленных политиков, а уголовников, самым подлым образом прорвавшихся к власти в такой великой и замечательной стране.

Это впечатление от ничтожности людишек, собранных в деревянной выгородке под охраной штыков, усиливалось с каждым днем, по мере того, как судебное разбирательство продвигалось к концу, к объявлению приговора. Последнее слово каждого из подсудимых звучало, как горькое сожаление и полное слезливое раскаяние. Все говорили долго, убеждая суд проявить к ним милосердие. Мрачковский распространился о своей боевой биографии и выразил запоздалое сожаление в том, что в свое время «не послушался предостережений товарища Сталина». Свое отчаянное выступление он завершил признанием того, что за свои преступления перед народом и страной заслуживает расстрела.

Каменев, начав говорить, вдруг сел и закрыл лицо руками. Сделав усилие, он все же поднялся и продолжил речь:

— Пролетарская революция десять лет предоставляла нам возможность исправить свои ошибки. Но мы этого не сделали. Я трижды был возвращен в партию. Я был возвращен из ссылки по одному лишь моему личному заявлению. После всех моих ошибок мне доверяли ответственные поручения и посты. Я стою сейчас третий раз перед пролетарским судом по обвинению в террористических намерениях, замыслах и действиях. Дважды мне была сохранена жизнь. Но всему есть предел, и этот предел мы исчерпали...

Он заявил, что любой приговор суда примет, как заслуженный и справедливый.

Сильно разговорился в последний раз Зиновьев.

— Что я могу сказать в свою защиту, если слева от меня сидит фашистский террорист, засланный из Германии, такой, как Натан Лурье, а справа Ольберг, тоже засланный из Германии? Мы превратились в настоящий филиал гестапо!

Раскаиваясь, он нисколько не жалел себя.

— Мой извращенный большевизм быстро превратился в антибольшевизм. Через троцкизм я стал фашистом. Троцкизм — это разновидность самого оголтелого фашизма!

В тот день. 27 августа, отговорили всё, кто находился в загородке. Вечером суд удалился в совещательную комнату.

Приговор был объявлен в половине третьего ночи.

Реакция подсудимых была различной. Всех поразил Моисей Лурье. Он вдруг дико завопил:

— Да здравствуют Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин!

Неузнаваемо преобразился Зиновьев. Услышав страшный приговор, он вдруг потух и весь ушел в себя.

Утром все центральные газеты напечатали краткое сообщение, что приговор суда над заговорщиками приведен в исполнение.

КАПИТАЛЬНАЯ ПРИБОРКА В ДОМЕ

Ранней осенью, в сентябре, Иосиф Виссарионович приехал на отдых в Гагру, на Холодную Речку. Здесь всего два года назад они с Кировым вместе провели почти целый месяц.

Последние аресты показали, что неутомимый Ежов взял два чрезвычайно важных следа. Следствие понемногу выходило на военную организацию. Ежов сообщал, что некие Куликов

и Луговой-Ливенштейн, ранее осужденные, вновь привлечены к дознанию и сообщают важные сведения. В интересах дела Ежов просил визы на арест неких Ровинского и Котова.

Скандальное самоубийство Томского и побег Угланова показывали, что расследование находится на правильном пути. Предстояли самые «громкие» аресты, от которых народ и страна снова испытают настоящий шок. Бесхитростным умам рабочих и колхозников трудно представить нелепейшую ситуацию, когда первые лица советского государства исподволь готовили возврат проклятого капитализма. Ради чего тогда все жертвы революции, гражданской войны, создания тяжелой индустрии и преобразования села? Уничтожались все боевые и трудовые подвиги народа. Но ради чего? Вернее, ради кого? Ради вот этой жалкой кучки разъевшихся любителей сладкой жизни?

После двух недель отдыха, устав от одиночества, Сталин позвонил в Москву и пригласил в Гагру Жданова. Иосиф Виссарионович выделял его из всей партийной молодежи, поддерживал, неторопливо продвигал.

В 29 лет Жданов возглавил Нижегородский губком партии. Десять лет спустя партия послала его в Ленинград, на место убитого Кирова. В том же году Жданов стал секретарем Центрального Комитета и членом Оргбюро. В прошлом году Сталин ввел его в Политбюро.

Жданов в глазах Сталина представлялся образцом настоящего партийного работника: образован, начитан, музыкален. Такой не зароется с головой в хозяйство, заботясь лишь о показателях в процентах, это именно политический руководитель, способный смотреть не под ноги, а за горизонт. Иосиф Виссарионович считал, что такие, как Жданов, идут и придут на смену всей состарившейся эмигрантской шушере, именующей себя «старой революционной гвардией».

Вечером Сталин и Жданов смотрели новый кинофильм «Петр Первый».

Стрекотал аппарат, в распахнутые окна зала из темноты долетал ритмичный шум волн, на море разыгрывался шторм. Порою легкие занавеси на окнах взвивало порывом ветра... Жданов сидел позади Сталина, за его плечом. Во время просмотров Иосиф Виссарионович не выносил никаких реплик, разговоров. Он бывал полностью поглощен событиями на экране.

Фильм был заказной и снимался в необыкновенной спешке. Но работа сделана безукоризненно. Еще одна удача, еще один шаг в нашу великую Историю. Мало, очень мало мы знаем о своем прошлом, а если что-то и узнаем, то в каком-то необыкновенно искаженном свете. А тут... Неподражаемы Симонов, Тарасова, Жаров. Вот она, сила кино! Сам Петр, Меньшиков, Екатерина словно ожили и с покоряющей достоверностью действуют на зрителя.

Фильм, несомненно, будет иметь потрясающий успех.

Покоряет, прежде всего, сам Петр. Исполинская фигура! Царь-новатор, царь-преобразователь сумел мощно вздернуть сонную страну на дыбы.

Что ни говори, а в русской истории слишком велика роль Вождя нации, как его ни называй: Царь, Император, Генеральный секретарь...

Додумать Жданов не успел. Стрекотание аппарата прекратилось, фильм кончился. Огня не зажигали, знали, что Хозяин любит посидеть после увиденного и пережитого (часто бывало, он просил «прокрутить» фильм еще разок и смотрел его все с тем же напряженным интересом).

Внезапно Сталин поднялся и направился на веранду, вытаскивая трубку из кармана. Жданов понял, что соблазн посмотреть еще раз полюбившуюся картину победило желание обменяться впечатлениями. Разговор сегодня будет долгим. Фильм затронул слишком многое.

Разговор начался с Малой Советской Энциклопедии. Последний десятый том вышел всего четыре года назад. Черт знает, что там понаписано! О Петре Великом омерзительно читать. А об Александре Невском? О Дмитрии Донском? О Минине и Пожарском? Вся русская История представлена сплошной помойкой!

— Покровский, — обронил негромко Жданов.

Если бы один Покровский! Там орудовала целая «школа» и руководили ею сверху. Задача этих «историков» была одна: исказить до неузнаваемости настоящую историю русского народа, перевернуть ее с ног на голову, отрезать начисто народную память о своем великом прошлом. Так сказать, месть за многолетнюю «черту оседлости»... На несколько советских лет русская история попала в грязные руки фальсификаторов. Продажные перья принялись поливать ее невыносимой грязью. А

настоящих ученых семь лет назад арестовали, загнали в лагеря. Освободить их удалось лишь в прошлом году. Троих, к сожалению, не успели — умерли в лагере.

Почти 20 лет в советских школах было запрещено преподавание русской истории (орудовал наркомпрос во главе с Луначарским и Крупской). Этот важнейший воспитательный предмет заменило какое-то «обществоведение». Советская молодежь росла и вырастала без знаний о прошлом своего народа. Но с нынешнего учебного года, с осени, история России вошла во все учебные программы. Удалось прорвать блокаду. Подрастающим поколениям Страны Советов необходимо знать свои исторические корни, связывать свое будущее со своим великим прошлым. Без этого никакая воспитательная работа невозможна.

Да, жесток был Иван Грозный. Да, Петр Великий сам рубил головы стрельцам. Но в такое время выпало им жить и править, на таких крутых переломах русской истории. Они были жестоки ради укрепления России.

Фильм «Петр Первый» — великолепное достижение молодого советского киноискусства. А почему не снять фильм об Иване Грозном? О Дмитрии Донском? О Суворове, Кутузове? О Буденном, Чапаеве, Щорсе? О выдающихся русских ученых? Пусть экран покажет всех, чьи достижения составляют гордость нашего народа.

Как всегда, Иосиф Виссарионович рассуждал с глубоким знанием предмета. Он коснулся истории русского кинематографа. Еще в 1907 году был снят «фильм» под названием «Донские казаки». Так сказать, движущаяся фотография на экране. Но уже год спустя появилась первая игровая лента «Понизовская вольница». И народ повалил в крохотные зальчики первых кинематографов... Зарождение русского киноискусства связано с именем Александра Алексеевича Ханжонкова. Казачий офицер, он построил первый павильон Ялтинской киностудии, оборудовал первый кинозал в Москве на Триумфальной площади. Ханжонков сразу же объявил верность русской теме. Он снял «1812 год», затем «Оборону Севастополя» и «Ермак — покоритель Сибири». Он стал работать над экранизацией русской классики: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Островский, Толстой, Некрасов, Гончаров... Само собой, ненавистники России принялись ему мешать. В киноискусстве началась

настоящая гражданская война. «Авторитеты» типа Шкловского брезгливо утверждали, что с экрана «понесло портянками». Им по душе были развлекательные американские боевики.

— Нам нужно наше советское кино, товарищ Жданов. А не американское.

Революция тем и велика, что открыла безграничные возможности для проявления народных сил. И разнообразные таланты появились, словно из-под земли. Один Шолохов чего стоит! А Стаханов? А Паша Ангелина? А Чкалов? В молодом киноискусстве пробивается Иван Александрович Пырьев, недавний солдат, конный разведчик 32-го Сибирского полка, уроженец городишка Камень-на-Оби, награжденный двумя Георгиевскими крестами.

Чем же встречают эти благодатнейшие «всходы» наши ненавистники? Самой оголтелой травлей. «Котят надо топить, пока они слепые». Сколько грязи льется на того Стаханова! Дескать, сам он уголь не рубил, а лишь присутствовал в забое... А как терзают Чкалова? Доходит до покушения на жизнь! А что делается с Шолоховым? Ненавистники завизжали от зависти и злости. Как такой ничтожный гой и написал такое произведение? Этого не может быть! Украл! И это нелепейшее оскорбительное обвинение принялась разбирать специальная комиссия. Шолохова, молоденького донского парня, отмеченного знаком гения, принялись буквально выворачивать: сознайся, у кого украл? Позорище несусветное! И кто же этим занимается, кто возглавляет эту пресловутую комиссию по Шолохову? Крупская, вдова Ленина. Что она может? Она еле передвигает ноги. Ее именем орудуют ловкие людишки, облепившие больную старуху...

Людишки... Эта шваль, обильно расплодившись, смертельно боится за свое привилегированное положение. По-настоящему талантливые люди попросту сметут их, как ненужный вредный хлам. Поэтому они сговариваются, сбиваются в стаи и кидаются рвать любого, кто заявляет о своих способностях.

Жданов заметил, что больная Крупская до сих пор от имени партии курирует библиотеки страны. Заботливо надзирает за тем, что советским людям разрешается читать, а что не разрешается. Были запреты на Достоевского, на Есенина, даже на Льва Толстого. А недавно разослали указание изъять сочинения Платона. Интересно, Платон-то ей чем не угодил?

Иосиф Виссарионович расстроено махнул рукой. Больной человек, совершенно немощный. Стала послушным орудием в руках всевозможной сволочи: по любому поводу ее грузную фигуру выдвигают, словно щит. Эксплуатация имени, больше ничего... Как же, вдова Ленина!

Оба замолчали, прислушиваясь к равномерному буханью волн в скалы. Ветер разгулялся, неистово мотая густую листву деревьев. Высоко над головами угадывалось беспорядочное беснование ненастных грузных туч. Ощутимо потянуло свежей пресной влагой — с моря приближался ливень.

Час был уже поздний, они вернулись в дом. Видно было, как снаружи по окнам хлестали мотающиеся ветви.

Жданов обратил внимание на странную тенденцию газет: при чтении материалов о первом судебном процессе невольно создается впечатление, будто заговор полностью разгромлен, все гнусные предатели безжалостно истреблены. Среди них — старый боевик Мрачковский, самый опытный, самый опасный, главное страшилище для партии и лично Сталина (заголовки в газетах: «Лакей фашиста Троцкого», «Подонки-террористы Мрачковского»). То и дело попадаются фамилии как раз тех, кто так неистово заходится в истерике ликования. Не стремление ли тут положить конец расследованиям и отвести глаза? Ведь главные разоблачения, судя по материалам, у Ежова еще впереди. Основная чистка еще только предстоит!

«Гм... Умно. Кто же это так старается?»

Андрей Александрович жаловаться не любил. (Как и сам совершенно не принимал ссылок на трудности в работе.). Это был уже человек сталинской школы, из партийного подроста. Новое поколение руководителей отчетливо понимало, какой сложности задачи взваливают они на свои неопытные плечи. Они исповедовали основной сталинский принцип в своей нелегкой деятельности: надо!

В СССР, в Москву, в Кремль с одной целью — увидеться с Вождем советского народа — стремились самые выдающиеся умы планеты. Сталин принимал всех, и всегда на этих встречах присутствовал Жданов. Беседы затягивались на несколько часов. Гости бывали взволнованы самой атмосферой в советской стране. Их, выросших на Западе, поражала завидная уверенность советских людей в своем завтрашнем дне. Особенно вос-

хищала молодежь. На Западе не существовало самого термина: «подвиг». Молодые люди советской страны были заряжены на свершение подвигов во имя процветания своей Родины.

Жданов понимал, что скрывается за участившимися визитами самых выдающихся писателей в Москву. Запад не на шутку беспокоили потрясающие успехи СССР. Требовалось во что бы то ни стало эти успехи смазать, принизить, очернить. Советские люди требовали от Запада одного: «Не мешайте нам жить, как мы хотим!» На это следовал наглый ответ: «Вы живете неправильно. Так не положено. Берите пример с нас. Да, у нас много свинства. Но почему у вас должно быть иначе? Мы этого не допустим. И знайте: если вы не прислушаетесь к голосу рассудка, вам придется сильно пожалеть об этом. Нам придется выполнить наш долг представителей мировой цивилизации!»

Герберт Уэллс был командирован в революционную Россию на заре советской власти. Он прожил две недели, разговаривал с Лениным. Обо всем увиденном и пережитом он написал потрясающе честную книгу «Россия во мгле». Десять лет спустя Англия послала в Москву еще одну литературную знаменитость — Бернарда Шоу. Гость побывал в Кремле, в Мавзолее, в нескольких театрах, попросил свозить его в парк отдыха имени Горького. Ходил, прислушивался, наблюдал, запоминал... В музее Революции долго стоял возле железной клетки, в которой везли на казнь Е. Пугачева, руководителя народного восстания. Поехал на электрозавод и долго разговаривал с рабочими, не жалевшими сил, чтобы выполнить пятилетку за три года.

29 июля Б. Шоу принял Сталин. Беседа продолжалась около трех часов. Прощаясь с Вождем советского народа, знаменитый англичанин с чувством произнес:

— Я был и буду другом Советского Союза до самой смерти!

Дома, вспоминая о днях, проведенных в СССР, Б. Шоу записал:

«Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена. Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели».

На Западе копилось восхищение успехами Советского Союза, но вместе с тем копилась и ненависть злобствующих недру-

гов. Поводом для кликушества стали судебные процессы над разоблаченными троцкистами. Иосиф Виссарионович, беседуя с Роменом Ролланом, нисколько не скрывал своего отношения к этой неприятной очистительной работе.

— Нам очень неприятно осуждать, казнить. Это грязное дело. Лучше было бы держаться вне политики... Но если хочешь освободить порабощенных людей, если соглашаешься заниматься политикой, то уже все делаешь не для себя, а только для государства. Государство требует, чтобы мы были безжалостны!

РАДЕК

Орава «пламенных революционеров», завладев богатствами громаднейшей империи, добилась возможности наконец-то пожить и для себя. И в этом качестве превратилась в хищную стаю мелких и бессовестных грызунов. Барские особняки, заставленные музейной мебелью, драгоценности, картины, меха, консультации насчет своего драгоценного здоровья у самых лучших специалистов мира, регулярный и продолжительный отдых на самых модных и дорогостоящих курортах. И обязательное посещение Парижа с целью изучения морального падения и развращенности буржуазии Запада.

Верховный судья ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля Рудзутак, наведавшись в Париж, решил получить наиболее полное представление о нравах обреченного класса богачей. Для этого он выбрал самый фешенебельный публичный дом, где клиентами могли быть только шейхи арабских нефтеносных стран. Изысканное заведение помещалось на тихой парижский улочке Шабанэ. Дом не блистал огнями, завлекая прохожих с улицы. Его адрес знали только посвященные, избранные. Изучение нравов было дотошным и заняло у придирчивого Я.Э.Рудзутака всю ночь до утра. Партийной и советской казне этот ночной вояж обошелся в 10 тысяч франков.

Безобразным поведением во время работы за границей отличались Войков, Антонов-Овсеенко, Раскольников и другие. Занимая высокие дипломатические должности, эти «революционные гвардейцы» вели себя

В Москве стареющие сладострастники превратили балетное училище Большого театра в кремлевский дом терпимости. Га-

зета «Известия» однажды поместила карикатуру на Калинина. «Всесоюзный староста», похожий на сельского учителя, был изображен с молоденькой балериной на коленях. После этого Калинин, прогнав старую жену, женился на 18-летней Верочке Горчаковой, племяннице бывшего начальника Михайловского артиллерийского училища. Ее дядя, полковник Горчаков был арестован и оказался на Гороховой, в подвале ЧК. В своих хлопотах Верочка добралась до Калинина и соблазнила девичьей свежестью «добренького дедушку» с бородкой клинышком и в простеньких очках. Дяде она не помогла — полковник отравился в камере.

Родители Карла Радека содержали публичный дом в столице царства Польского, в Варшаве. Ранние порочные наклонности развились у будущего революционера до болезненного состояния. Положение осложнялось крайне отталкивающей внешностью эротомана. Компенсировать этот природный недостаток приходилось невзыскательностью или же за счет громадных денег. И такие деньги Карлу Радеку предоставила революция.

С именем Радека связаны самые тайные, самые глубинные процессы сокрушения русского самодержавия и превращения России в громадный полыхающий костер, искры которого предназначались для разжигания пожара «перманентной» революции.

Карл Радек часто надолго исчезал из Москвы. Бывало, его арестовывали за границей, но неизменно тут же отпускали и вскоре снова он появлялся в своем любимом «Национале», сверкал крагами и запирался в номерах с загадочными иностранцами, постоянно наезжавшими в Москву со всех концов планеты.

Радек считался убежденнейшим троцкистом. С Троцким его связывала многолетняя дружба. Однако Иосиф Виссарионович знал, что убеждений таких натур, как этот рыженький местечковый живчик, хватит всего лишь до первого поражения своего кумира. Подобные гешефтмахеры живут лишь спросом на свои услуги. Так и вышло. После незадачливого путча Троцкого в десятую годовщину Великого Октября Радек был отправлен в ссылку и еще в дороге решительно сменил свою ориентацию, сделавшись вдруг горячим сторонником Генерального секретаря. Он привык быть «верным» спутником только победителей. Теперь его задачей стало убедить Сталина в своей преданности и верности.

Иосиф Виссарионович наблюдал за его потугами с усмешкой. Он не сомневался, что настанет время, и с этого международного хлыща будет, наконец, содран весь его дешевый камуфляж.

Вернувшись из ссылки, из Томска, Радек окопался у Бухарина в «Известиях» и стал всеми силами доказывать свою полезность. Когда Блюмкин, приехав из Стамбула, тайком вручил ему пакет от Троцкого (роман «Цусима», в обложке которого было запрятано письмо-инструкция), Радек не стал даже разворачивать пакет и помчался с ним в ЦК. «Вот видите, какой я преданный теперь!» (Блюмкина тут же арестовали и расстреляли.). А в день начала процесса над Зиновьевым и Каменевым он первым в стране потребовал от судей: «С этими извергами может быть только один разговор — расстрел!»

Расправа над заговорщиками вызвала волну протестов за рубежом. Раздался дружный вопль сионистов: «Наших бьют!» В ответ Радек поместил в «Известиях» спокойную и доказательную отповедь зарубежным кликушам: «Мы, коммунисты еврейского происхождения, гордимся своими правами в России. В Москве, Ленинграде, Минске ничто не ограничивает деятельность евреев, развитие их жизни — в соответствии с их чаяниями и желаниями».

Присматриваясь к бурной, но безрезультативной деятельности Коминтерна, Иосиф Виссарионович поражался ловкости и бесстыдству проворных гешефтмахеров. Дело было поставлено основательно. Радек, один из самых заслуженных авторитетов в этой фирме-лавочке, нес тяжкий крест постоянного перевозчика громадных сумм «братьям по классу». Как-то он не удержался от соблазнов и прокутил в публичных домах Стамбула и Каира более трех миллионов франков.

Страшным ударом по надеждам Радека было решение Генеральной прокуратуры начать расследование по группе руководящих лиц. В их числе был назван и Радек. Тут же Томский застрелился. Сокольникова сняли с поста наркома лесной промышленности и «бросили на низовку». Бухарин, заботясь теперь только о себе, вдруг высказался в «Известиях» так: «Радек — эта извивающаяся лицемерная блудливая гадина, за льстивой улыбочкой прятавшая ядовитые зубы». Тем самым, без всякого сомнения, «любимец партии» подпихнул недавнего друга и соратника к тюремным нарам.

Арестованный и помещенный на Лубянку, Радек решил побороться за жизнь.

Лубянский тюремный антураж рассчитан на мгновенное подавление воли арестованного. Всякий, кто попадал в подвалы, начинал томиться от ожидания неминуемой расправы. Спасение только грезилось. Единственной надеждой на милость оставалось полное раскаяние.

Карл Радек узнал тюремный быт многих мест заключения в Европе.

Но в те годы он ощущал постоянную поддержку товарищей, оставшихся на воле. Задача заключалась в том, чтобы не паниковать и дождаться счастливого перелома в судьбе. Теперь же никаких надежд на помощь не существовало. Приходилось выкарабкиваться самому.

У него в камере неожиданно появился сожитель, в котором он узнал Шаю Голощекина, большевика с подпольным стажем. В свое время Шая зверски расправился с семьей последнего русского царя, затем отправился в Среднюю Азию. Там за несколько лет он ухитрился вдвое сократить численность казахского народа.

Радек был слишком опытен в тюремных делах. К тому же гнусная роль, взятая на себя Голощекиным, так и сквозила в его по-собачьи угодливых глазах.

— Лейх лехо! — сразу же остудил он Шаю и по-свойски подмигнул. (Дескать, иди себе и не трать напрасно силы — я сам из таких!).

После этого они сели один против другого и повесили головы. Оба понимали, что угодили в жуткий переплет. Звериное желание жить, пусть и в неволе, владело и тем, и другим. Жить именно здесь, на земле, а не там, в небесах. Следовало выкарабкиваться любыми средствами, но... какими?

В эти минуты Радек больше всего хотел узнать имя своего следователя. На Лубянке работали многие из тех, кого он знал довольно хорошо. Здесь ему смутно виделся какой-то шанс на спасение.

Следователем Радеку попался Михаил Кедров, маниакальный садист, известный кровавыми расправами на русском Севере (Архангельск, Холмогоры, Кемь). Радек затрепетал, когда этот палач впервые взглянул на него своим горячечным безумным взглядом. Это был психически больной человек.

Кедров сразу же раскусил этого дрожащего человечка. Он потребовал от него полнейшей откровенности. На такого именитого заключенного он смотрел, как на подарок судьбы. Забрезжило очередное повышение в чине, очередное награждение. На Лубянке умели оценивать хорошую работу. Кедров считался ветераном ВЧК и был предан памяти Дзержинского. Таких, как он, оставалось совсем немного. Стариков оттирала молодежь. Кедров ощущал постоянное соперничество сына Свердлова, Андрея, зятя Бокия Льва Разгона, да и собственного сына Игоря.

Проницательности Радека хватило, чтобы уловить ущербность и убожество заслуженного палача. Перед ним сидел чиновный, но состарившийся «кадр» (недаром их стали заменять свежими людьми). Понаблюдав, как напряженно управляется с заполнением протокола Кедров, арестованный вдруг попросил пустить его за письменный стол, уселся и, читая корявые строчки, нетерпеливым шевелением пальцев показал, чтобы ему подали перо. К изумлению Кедрова, он принялся энергично править протокол: вычеркивал, вписывал, исправлял. В его действиях сквозила наторелость маститого журналиста. Радек отбросил испачканный лист и потребовал свежий, совершенно чистый. Писал он бойко и проворно. Сам, как следователь, задавал себе вопросы и сам же отвечал.

— Вот как надо! — наставительно произнес он, небрежно бросив Кедрову подписанный протокол.

Нет, Кедрову определенно повезло с таким покладистым арестантом!

Радек угодничал изо всех сил. От его беспощадных разоблачений арестованных корчило, бросало в пот и дрожь. Своими показаниями он их выворачивал наружу, словно варежки. Быстро и ловко чесал он свои рыжие, безобразно запущенные бакенбарды и пытливо заглядывал в мрачные глаза своего страшного следователя: достаточно ли, убедительно ли. «Товару» у него было таскать не перетаскать. У Кедрова хватило ума сохранять недовольную мину, и Радек продолжал стараться. Теперь он более всего боялся, чтобы его не заподозрили в двурушничестве.

Выворачивая подельников, он выворачивался и сам. Еще в начале века он стал агентом двух секретных служб: германской

и австро-венгерской. После Первой мировой войны им полностью завладели немцы. (Агентурная кличка — «Парабеллум»). Первой его заподозрила Роза Люксембург. Радека исключили сначала из польской социал-демократической партии, а затем и из германской. Через Парвуса, своего любовника, Роза Люксембург сумела дать знать Дзержинскому. Над головой Радека в Москве стали собираться тучи. Однако его решительно взял под защиту Ленин.

В январе 1919 года он имел отношение к внезапному убийству Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

(Свои счеты с «коварной Розочкой» он свел с небрежностью умелого в подлостях человека: просто сообщил кому следует адрес конспиративной квартиры, где скрывалась не только Роза Люксембург, но и Карл Либкнехт).

ФЕЙХТВАНГЕР

Второе судебное разбирательство в Октябрьском зале Дома Союзов вошло в историю, как процесс Пятакова—Радека.

Георгий Пятаков много лет был ближайшим помощником С.Г. Орджоникидзе. Он пользовался абсолютным доверием наркома. Часто уезжая из Москвы, Орджоникидзе со спокойною душой оставлял все дела на своего заместителя. Скандальные разоблачения вредительской деятельности Пятакова потрясли наркома и стоили ему жизни. Человек кристально честный, Серго не перенес позора и выстрелил себе в сердце.

Иосиф Виссарионович любил «неистового Серго», прощая ему природную кавказскую несдержанность. Это был человек надежный.

Человек кабинетный, Пятаков изумлял работников наркомтяжпрома своей невероятной усидчивостью. Такие люди в аппарате незаменимы.

Однажды утром Пятаков на работе не появился. Изумленный Орджоникидзе схватился за телефон. Вскоре он выяснил, что его заместитель находится на Лубянке — арестован. В бешенстве Серго бросился к Сталину. Тот спокойно вынес неистовый натиск своего горячего земляка. У него на столе уже лежал протокол первого допроса. Он молча подал его бурно дышавшему Серго. Пробежав глазами исписанный лист, Орджоникидзе возмущенно вздернул плечи:

- Ну и что?

- Посмотри на обороте, — посоветовал Сталин.

Прочитав, Орджоникидзе обмяк, всей рукой взял себя за подбородок и медленно опустился на стул.

Пятаков отказывался отвечать на вопросы следователя и сделал лишь одно признание: да, он не верил в затеянное партией преобразование такой отсталой страны и даже как-то позволил себе съязвить: «потемкинская индустриализация».

Орджоникидзе был обескуражен. Как так — не верил? Как так — насмешничать? А что говорил с трибуны? Что писал в газетах? А в чем постоянно уверял его, наркома? Выходит, лукавил, двурушничал? Выходит, обманывал?

Обмана прямодушный Орджоникидзе никому не прощал. Он ухватился за последний довод.

- Я знаю, что творится на... этой, на Лубянке. Они и не такое могут. Не верю!

- Что ж, правильно. Я тоже сначала не верил. Да и трудно в такое поверить!

Иосиф Виссарионович посоветовал ему поехать в НКВД и поговорить с Пятаковым лицом к лицу, глаза в глаза. Орджоникидзе отправился немедленно. Ежова на месте не оказалось. Возбужденного гостя, члена Политбюро, принял Агранов. Он колебался, но вид неожиданного посетителя был слишком грозным. Он позвонил коменданту внутренней тюрьмы и приказал доставить Пятакова.

Встреча со своим заместителем потрясла Орджоникидзе.

Едва Пятакова ввели в кабинет, Серго бросился к нему с объятиями.

— Юрий, дорогой, я ничему не верю! Я только что о тебе говорил ЕМУ!

Пятаков уклонился от объятий, отвел протянутые руки. Он был холоден, замкнут, непроницаем. Орджоникидзе растерянно глянул на Агранова и попросил оставить их одних. Тот пожал плечами и вышел из кабинета.

Разговор продолжался долго. Агранов терпеливо ждал в приемной. Внезапно дверь распахнулась, и Орджоникидзе вихрем пронесся к выходу. Агранов бросился в кабинет.

С этого дня Пятаков стал давать подробнейшие показания.

В декабре 1935 года он ездил в Берлин. Ему удалось послать письмо Троцкому в Норвегию. Пятаков жаловался на недоста-

ток средств «для внутренней работы». Троцкий ответил, что деньги обещаны германским правительством. Правда, немцы требуют слишком дорогую плату: уступить им Украину. Однако сохранялась надежда, что удастся отделаться чисто экономическими уступками.

Оформив протокол, следователь внимательно посмотрел на совершенно угнетенного Пятакова.

- Вы ничего не хотите дополнить?

- Арестованный долго молчал, наконец выдавил:

- Хочу...

Он признался, что виделся с Троцким лично.

- Где? В каком месте?

Снова долгое молчание. Пятаков хрустел пальцами.

- Так где же?

- Там... в Норвегии.

Он принялся рассказывать о том, в чем не признался даже Орджоникидзе: о тайном полете на специальном самолете.

Сломавшись окончательно, Пятаков сильно облегчил работу следствия.

Среди заговорщиков у него имелась подпольная кличка: «Рыжий». Подельники ценили его за высокое положение в системе тяжёлой промышленности (от него, в частности, зависело назначение на важные посты старых специалистов). К огорчению подполья, Пятаков страдал частыми запоями. Алкоголь настолько губительно сказывался на его организме, что на ногах у него образовались болезненные язвы. Попадая на больничную койку, он надолго «выходил из игры».

«Разоружаясь» перед следствием, Пятаков дал много показаний о роли в заговоре таких фигур, как Енукидзе и Бетал Калмыков. Последний считался лидером Северного Кавказа и поставил себя в этом неспокойном регионе на манер удельного князя.

Под властью Пятакова, как заместителя Орджоникидзе, находилась вся тяжелая промышленность страны. Повсюду на заводах и шахтах орудовали проверенные люди. Регулярные аварии удавалось объяснять невысоким профессиональным уровнем рабочих.

Налаженную систему вредительства вскрыл (совершенно невзначай) американский инженер Джон Литлпейдж. Спасаясь от безработицы в США, он подписал контракт на 9 лет и,

вне себя от радости, приехал на Урал, на Кошбарский золотой рудник. Добросовестный специалист, он горел желанием доказать, что, нанимая его на работу, советская власть не ошиблась в выборе. В первую же смену он пришел в ужас от работы большого дизельного двигателя и распорядился немедленно его остановить. Возникла рабочая пауза, забегало начальство. Американец, подвернув рукав, залез в кожух подшипника и вынул горсть кварцевого песка. Откуда он там взялся? Через час такой работы подшипник пришлось бы выбросить... Песок был обнаружен и в редукторах двигателя. А эти узлы были надежно закрыты колпаками. Выходит, кто-то их снимал? Кто же?

Только здесь, на уральском руднике, до сознания американца стал доходить смысл тихой необъявленной войны против первого в мире государства трудящихся.

Американские инженеры работали также на медных и свинцовых рудниках. Измученные безработицей на родине, они никак не могли уразуметь, почему русские специалисты всеми силами стараются завести безработицу и в СССР. Остановка любого рудника лишает работы тысячи горняков.

Ответы на свои недоуменные вопросы они получили, читая газетные отчеты о судебных процессах в Москве, Свердловске и Челябинске.

Все 8 дней судебного процесса в зале молчаливо и внимательно сидел щуплый человечек с острым аскетическим лицом. Он зябко кутал шею и подбородок в пестрый заграничный шарф. Его волнение выдавали лишь нервические движения пальцев сухонького кулачка.

Это был известнейший немецкий писатель Лион Фейхтвангер, приехавший в СССР со специальной миссией.

О том, что привело немецкого писателя в советскую столицу, гадать не приходилось. В зарубежной печати стон стоял от возмущения и протестов по поводу безжалостной расправы с так называемой оппозицией режиму. Расстрел Зиновьева и Каменева подавался, как самый разнузданный произвол власти. Новое судебное разбирательство, начавшееся вскоре после первого, свидетельствовало о направлении карательной политики. Вновь, как и полгода назад, на скамье подсудимых сидели обвиняемые, национальности сплошь некоренной. Неужели антисемитизм становится во главу угла политики в СССР?

Мировая общественность связывала эти судебные процессы с тем, что происходило в Германии. Оттуда начался великий исход евреев. Оставляя нацистам дома, имущество, предприятия, богатые евреи устремлялись в Америку. Беднота, которой нечем было откупиться, испивала горькую чашу. Кое-кому удалось спастись тем, что они вовремя согласились покинуть родные места и уехать в далекую, пустынную и совершенно не обустроенную Палестину.

Писатель Фейхтвангер, великий знаток истории еврейского народа, приехал в студеную Москву в качестве своеобразного ревизора. Такого человека, уже немолодого, знающего слишком много о том, что втайне совершается в мировой политике, никому и никакими ухищрениями не обмануть!

Собираясь в Россию, Фейхтвангер основательно подготовился. Он всегда помнил, что на территории царской России проживала примерно половина всего еврейского народа. Город Вильно считался «восточным Иерусалимом». В пресловутую «черту оседлости» входило 26 губерний — гигантское пространство, равное Европе... После событий 1917 года Советская Россия вот уже 20 лет привлекает пристальное внимание всего человечества.

«Еврейский вопрос» стал основной темой творчества Фейхтвангера. Его знаменитые романы с интересом читались в разных странах мира.

Историю творят живые люди. В своих произведениях писатель вывел исторические персонажи во всем их многообразии, показав как великие свершения героев, так и гнусные происки подонков. Проникновенный знаток человеческой натуры, Фейхтвангер сохранил способность судить здраво о самых загадочных явлениях. В данном случае его, живущего за океаном, но продолжавшего писать на немецком языке, постоянно интересовали события не только на оставленной родине, в Германии, но и в соседней России.

В настоящее время эти страны, недавно воевавшие одна с другой, стали называться Третьим рейхом и Советским Союзом.

Фейхтвангер был слишком умен и проницателен, чтобы сознательно закрывать глаза на поразительное противоречие: в то время, как из Германии начинался исход евреев, Россия наоборот испытывала настоящее нашествие евреев! У него, как

у специалиста, был свой взгляд на роль личности в Истории, и он со всех сторон приглядывался к Гитлеру и Сталину. Недаром этих государственных руководителей журнал «Лайф», самый многотиражный в США, назвал «Персонами года». Они затмили своей популярностью всех остальных политических деятелей по обе стороны океана.

В записных книжках Фейхтвангера сохранилось несколько записей, питавших его мысль и направлявших его поведение в Советской России. Выписка из еврейского журнала «Рассвет»:

«Выгодно ли распространение социалистических теорий для интересов еврейских купцов и капиталистов? Поставить этот вопрос — значит решить его... Противно спорить о таком вздоре. Всякий, кто знаком с евреями, согласится, что никто столько не боится социалистических учений, как еврей-капиталист».

(Нет банков, биржи, нет кредитов, займов — нет самой атмосферы для всевозможных спекуляций.)

«Наша задача: заполнить все поры русского хозяйства, проникнуть в рудное дело Урала, маслобойное дело Сибири, в лесную промышленность безбрежного Севера».

А эту запись Фейхтвангер сделал, изучая советскую периодическую печать. В главной советской газете «Правда» он прочел статью известного публициста Д. Заславского.

«Евреи глубоко проникли в русское общество. В некоторых отраслях свободных профессий — в периодической печати, среди врачей, в адвокатуре — евреи стали преобладать».

Кроме этого, само собой, Фейхтвангер хранил записи о поразительном засилье евреев среди наркомов и среди чинов ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Собираясь в СССР, писатель лелеял мысль поговорить со Сталиным. Примет, не примет? Совсем не исключалось, что руководитель страны откажется от встречи, сославшись на важные и неотложные дела.

Вопреки опасениям, Сталин принял немецкого писателя и охотно поддержал навязанный ему разговор.

На столе перед Сталиным лежало несколько страничек с заготовленными записями. Он взял одну из них и прочитал выписку из Торы: «Вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас». А вот интересное заключение Жаботинского, выдающегося деятеля мирового еврейства: «Мы движем гораздо

большими силами, чем те, которыми мы располагаем. Кто этого не понимает — если он только не притворяется, — с тем нет смысла вообще всерьез говорить о серьезных проблемах».

Сталин назидательно поднял палец.

- Вы, евреи, создали бессмертную легенду об Иуде... Наши троцкисты всего лишь разновидность предателей святого дела.

- Однако их имена весь мир повторяет, как главных вождей русской революции!

Советский руководитель испытующе посмотрел на собеседника. В глубине его глаз появилось жесткое выражение.

- Будьте логичны. Царь Ирод прославился истреблением младенцев. Вожди революции, как вы их называете, развязали «красный террор» и свалили в могилы пять традиционных сословий русского народа. Такая политика имеет свое точное международное название — геноцид.

- Но разве это не итог так называемой классовой борьбы?

- Итог, — согласился Сталин. — Ноя могу дать указание, чтобы вам предоставили необходимые материалы. В частности, вырезки из американских газет.

- Американские газеты мне доступны, — поспешил заметить гость.

- Я имею в виду газеты двадцатипятилетней давности. В 1912 году все крупнейшие американские газеты вышли с заголовками во всю страницу: «Евреи объявили войну России!» Теперь мы убедились в природе этого подлога. Там, где мы, коммунисты, имели в виду борьбу классовую, сионисты считали борьбу чисто национальную. Геноцид, как я уже сказал.

- Пожалуйста, не обвиняйте всех евреев, — попросил писатель. — Великий Жаботинский правильно сказал: «Евреи, как и каждый народе мире, имеет право на своих мерзавцев».

- Так почему бы мерзавцев не судить? — спросил Сталин. - Международное право не выдает индульгенций по национальному признаку.

Фейхтвангер слегка смешался.

- На Западе ваши процессы производят крайне невыгодное впечатление!

- Мы к этому привыкли, - усмехнулся Сталин. - Как будто на Западе не знают, что эти мерзавцы напрямую сотрудничают с Гитлером! Если хотите, вам доставят все необходимые матери-

алы. Вы убедитесь, до чего они докатились. Это же преступно - искать помощи... искать союза с этим человеком! И вы, евреи, скоро в этом убедитесь.

- Ну, меня убеждать не надо, — сказал Фейхтвангер.

- К сожалению, не все так думают, как вы.

Беседа двух умных и много знающих людей продолжалась.

- Мы никому не угрожаем, — говорил Сталин. — В наших планах нет агрессии. «Оставьте нас в покое!» — вот о чем мы просим. Мы хотим, наконец, осуществить то, о чем мечтали все утописты: свободный труд без частной собственности, без угнетения. Кому это угрожает? Разве только тем, кто привык жить грабежом.

Писатель заметил, что человеку с Запада многого не понять в СССР. По крайней мере, на первых порах. Он, например, по дороге в Кремль проехал мимо площади, где недавно стоял храм Христа Спасителя. Зияющая рана в самом центре! Сталин, нахмурившись, согласился.

- Да, рана. Но в СССР сейчас совсем другая вера, совсем иная, если можно так сказать, религия. Случилось то же самое, когда русские променяли язычество на христианство и сбросили статую Перуна в Днепр. Храм Христа занимал слишком центральное, слишком возвышенное положение посреди Москвы. На этом месте необходим теперь совсем другой храм, совсем другое, если хотите, культовое сооружение. Этого требует сама логика нового государственного строительства. Вот вы не застали у нас прежнего Садового кольца. Это был настоящий лес. Белки жили... Вот этого жаль!

Поколебавшись, писатель проговорил, что руководителю такой страны следовало бы опасаться судьбы царя Мидаса. Все, к чему бы ни прикоснулся царь Мидас...

- Хороший образ, — отозвался Сталин, не дав гостю договорить.

Затем, тронув усы, чтобы прикрыть улыбку, заговорил о некоем литературном критике. Читая гениальную поэму, он не заметил ее художественных достоинств, а все свое внимание сосредоточил на неправильно расставленных запятых.

Тонкая ирония! Фейхтвангер, не выдержав, рассмеялся.

Он сказал, что хотел бы побывать в зале суда. Сталин сделал жест гостеприимного хозяина. Фейхтвангер заметил, что разового пропуска, пожалуй, будет маловато. Сталин сказал, что он может сидеть в зале, пока достанет терпения и выдержки.

Писатель стал благодарить и прощаться. Хозяин кабинета, провожая его до порога, шутливо заметил, что евреев обличал еще Моисей. В его обличениях, между прочим, было много большевистского. Моисей имел твердый характер и довольно жесткую руку. Не находит ли писатель, что президент Рузвельт чем-то напоминает Моисея? Ну, хотя бы тем, что спас Америку от краха во время кризиса 1929 года. Жажде одиночек к безудержной наживе президент противопоставил разумное планирование. И победил!

— Не забывайте, — тонко улыбнулся писатель, — Моисей сорок лет водил евреев по пустыне...

— Так я и говорю, — подхватил Сталин. — Какой характер!

Фейхтвангер рассмеялся и прекратил словесное фехтование. Оба собеседника, не переставая улыбаться, обменялись крепким сердечным рукопожатием.

Фейхтвангер провел в Советском Союзе 10 недель. Одну неделю он просидел безвылазно в Октябрьском зале.

Близко наблюдая подсудимых (их было 17 человек), писатель и слушал, и жадно впитывал глазами, как они говорили, как себя вели. Для него, литератора, это имело громадное значение. День ото дня у него пропадала предубежденность, с какой он ехал в СССР, и крепла уверенность в необходимости этого великого очищения. В Германии орали и маршировали, а в Испании уже шла кровавая война. Фашизм наступал. Писатель впоследствии признался: «Мои сомнения растворились, как соль в воде». Перед ним в деревянной загородке, под охраной штыков, сидели проигравшие, раздавленные виной за свои преступления. «Нет опаснее офицера, — замечает Фейхтвангер, — с которого сорвали погоны».

Фейхтвангер, пристально наблюдая подсудимых, нашел ответ на главный вопрос западных крикунов: почему они признаются? Никаких пыток, никакого насилия. Среди обвиняемых не нашлось ни одного настоящего политического деятеля, способного как Джордано Бруно умереть за свои убеждения. Все это были сплошь политические к о т ы. В свое время они примкнули к Троцкому, а не к Сталину. Теперь увидели: ошиблись. Троцкий сумел сбежать, а они попались. Над Октябрьским залом, над Москвой, над новой Россией гудел ветер грандиозных планов и больших страстей, а эта шушера просто хотела жить. Пусть даже в лагере, в изоляторе, но жить. Вот и весь секрет.

В течение всего судебного процесса в Колонном зале незримо витала зловещая тень Троцкого.

Троцкий — настоящий демон русской Революции. И его отталкивающий образ, его безумные мечтания о возвращении во власть питали все преступления людей, сидевших в деревянной загородке для подсудимых.

Недаром отчаявшийся Норкин, когда ему предоставили последнее слово, вдруг вздел руки и визгливо прокричал проклятие Троцкому, после этого упал на место и зарыдал.

Карл Радек, напротив, усмехался. Он сказал:

— Мы бы, в общем-то, и сами явились бы в милицию. Если бы она не явилась к нам сама!

Пятаков, с убитым видом глядя себе под ноги, глухо говорил:

— Я слишком остро сознаю свои преступления, и я не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады! Не лишайте меня одного, граждане судьи. Не лишайте меня права на сознание, что в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашел в себе силы порвать со своим преступным прошлым.

30 января, поздно ночью, суд вынес приговор. 13 человек получили высшую меру. Радек, Сокольников, Арнольд — по 10 лет. Строилов — 8 лет.

Когда Радека уводили из зала суда, он обернулся на приговоренных к расстрелу, ухмыльнулся и сделал им ручкой: приветик!

Лион Фейхтвангер, вернувшись из Москвы, быстро написал книгу о своей поездке и назвал отчет обо всем увиденном в СССР так: «Москва 1937».

«Писатель, — заявил он в предисловии, — увидевший великое, не смеет уклониться от дачи свидетельских показаний. Если даже его слова будут многим неприятны».

Автор не ошибся: его книга разочаровала многих. Совсем не для того командировали классика в Москву!

Писатель искренне считал, что успехи СССР были бы немыслимы, если бы русские допустили у себя так называемую парламентскую демократию. Истинная демократия — это власть тех, кто владеет средствами производства. Потому в стране Советов настоящим хозяином является народ, сами трудящиеся.

«Еврейского вопроса» писатель коснулся только краешком.

О том, что такое «идиш херц», Фейхтвангер, несомненно, имел свое, собственное представление. Древняя мудрость на-

ставляла, что нельзя жалеть буквально всех, для этого не хватит обыкновенного человеческого сердца. Поэтому в жалости к окружающим преобладает взыскательная избранность. Старый писатель знал, что из гитлеровской Германии начался исход евреев. Речь шла о спасении их жизней. Однако спасения заслуживали далеко не все. При управлении имперской безопасности существовало специальное учреждение, занимавшееся еврейской собственностью. Там получали разрешение на выезд из Германии, как документ на сохранение жизни. Эти разрешения выдавались только богатым евреям. Делалось это под тем предлогом, что в Америке новоселы с первого же дня смогут занять свое место в обществе самых уважаемых граждан. Короче, Америка принимала лишь людей с деньгами. Бедняки ее не интересовали совершенно. Поэтому еврейская беднота Германии оставлялась на произвол нацистов. Это была жертва фашистскому Молоху. Евреи-бедняки должны были погибнуть, больше того, они обязаны были умереть. Их смерть требовалась уцелевшим, откупившимся, требовалась для ореола мучеников холокоста.

Вождь советского народа знал гораздо больше американского писателя (информация шла от секретных служб). В последние дни в Германии совершился шаг небывалой подлости, неслыханного коварства: Управление имперской безопасности в лице Эйхмана (еврея по национальности), отвечавшего за «окончательное решение еврейского вопроса», заключило тайное соглашение с д-ром Кастнером, представителем мирового сионизма. Дело касалось уничтожения сотен тысяч еврейской бедноты в лагерях смерти. Эта беднота не имела средств для спасения на земле Америки и потому оставалась в Европе для умерщвления. Немецкая сторона брала на себя обязанность осуществить их спланированное уничтожение. Подчеркнуто массовые расстрелы и так называемые газовые камеры являлись договорной обязанностью германских нацистов.

Таким образом, Гитлер со своей идеей «богоизбранности» немцев (белокурая бестия) совершал истребление беднейшей части другого «богоизбранного» народа и тем самым выдавал заправилам мирового сионизма вековечный вексель на звание единственного народа-страдальца.

Действительность в СССР на самом деле произвела на немецкого писателя неизгладимое впечатление.

Писателя восхитил ответ Валерия Чкалова на вопрос дотошного корреспондента, когда советских летчиков-героев чествовали в США. «Вы очень богаты, мистер Чкалов?» — спросил газетчик. — «Да, очень. У меня 150 миллионов». — «Долларов?» — изумился корреспондент. — «Нет, людей. У меня 150 миллионов соотечественников, которые работают на меня совершенно так же, как и я работаю на них!»

Главное, ради чего приезжал писатель — преследование евреев в СССР, — заняло в его книге совершенно ничтожное место. Нет и не было никакого преследования! Это басни, сказки, миф. Фейхтвангер побывал в еврейском театре на спектакле «Король Лир», он познакомился с выдающимися актерами Михоэлсом и Зускиным, он видел на театральных афишах имена Шекспира, Бомарше, Шиллера, Гоцци, он отмечает «первоклассную еврейскую поэзию», существующую только в СССР.

Задача Сталина — спасти Россию от Троцкого и от троцкистов. Трудящиеся Советского Союза, избравшие своими символами серп и молот, полны решимости продолжать революцию не по Троцкому, а по Сталину.

ЛИКВИДАЦИЯ

Пленум ЦК работал необыкновенно долго — 11 дней (дольше иных съездов). Такая продолжительность объясняется отнюдь не любовью к заседаниям, а важностью накопившихся дел.

Получив беспредельное доверие Сталина, Ежов не сразу осознал, в какое опасное положение он угодил: его ответственность возросла во много раз. И страшно было не оправдать такого доверия Генерального секретаря!

Главной трудностью для Ежова в новой должности стали отношения с подчиненными. Для чекистов он как был, так оставался посторонним человеком. Начальники управлений никогда не признавали его за настоящего профессионала.

Первым партийным поручением Ежову, как новому наркому, было нелегкое задание вывезти из Барселоны золотой запас Испанской республики. Испытание Ежов выдержал: несколько тонн испанского золота привезли в Одессу и отправили в Москву.

Со следующим заданием вышла досадная «накладка»: сорвалась операция по устранению главаря фашистского мятежа

в Испании генерала Франко. План покушения Ежов разрабатывал л и ч н о. Он привлек английскую агентуру. Резидент советской разведки в Великобритании Пол Харт получил задание подобрать кандидатуру подходящего боевика. Выбор резидента пал на молодого (26 лет) журналиста Кима Филби, выпускника Кембриджа. Выходец из респектабельных кругов, Филби стал журналистом и отправился в Испанию корреспондентом влиятельной газеты «Тайме». Его репортажи с полей гражданской войны свидетельствовали о симпатиях автора мятежникам. Генерал Франко, ревниво следивший за своей репутацией в глазах мировой общественности, выделял солидного не по годам английского корреспондента из всей пестрой журналистской братии.

Ким Филби получил приказ застрелить Франко при очередной встрече с генералом для интервью.

Внезапно Пол Харт получил вызов в Москву и там исчез (его расстреляли). Покушение на фашистского диктатора таким образом сорвалось в самую последнюю минуту. О Киме Филби вроде бы совсем забыли на Лубянке. Вспомнили о нем лишь много лет спустя. (В 1963 году, спасаясь от неминуемого ареста, он бежал в Москву, где скончался в 1988 году).

Проваленная операция — всегда изъян, «прокол». Сталин лишь набрал в грудь воздуха, но глянул так, что Ежов содрогнулся. Он понял, что ему зачли успех с испанским золотом. К тому же он мог пока считаться на Лубянке новичком... Но кому понадобилось именно в такой момент вызывать резидента в Москву? Со своей подозрительностью Николай Иванович был уверен, что проклятая Лубянка сопротивляется как может и умеет.

О, чертова контора с лапами в крови!

И словно нарочно его вызвали к Хозяину.

Ежов уже изучил сталинскую манеру неторопливо прогуливаться вдоль стола, а тем временем изредка, как бы невзначай бросать на собеседника короткие изучающие взгляды. Несколько раз Ежов вскакивал на ноги и вытягивал руки по швам, однако Сталин мягко клал ему руку на плечо и заставлял садиться. В наступившие минуты роздыха от бесконечных дел он был настроен пооткровенничать, направляя старательных помощников в правильную сторону.

На этот раз он решил предостеречь Ежова от примитивного антисемитизма.

— Запомните, - наставлял он, выколачивая трубку в пепельницу. - Мы воюем не с евреями. Троцкий попался, как воришка в трамвае, и сразу принялся орать. Карманники всегда орут, когда их начинают бить. А если бы он оказался не евреем, думаете, не стал бы орать?

Заметив чрезмерную напряженность собеседника, Иосиф Виссарионович старался рассуждать доходчивее, попроще.

— Разве Деникин не был русским? А генерал Краснов? Вся беда в том, что они — белогвардейцы. Так и с Троцким. Нам не важно, что он еврей. Главное: он - сионист. Запомните хорошенько, товарищ Ежов, - сионист! А это совсем другое дело. Это значит - фашист. Вы же знаете, что он спутался с Гитлером.

В дверях кабинета неслышно, как всегда, появился Поскребышев. Иосиф Виссарионович направился к столику с телефонами.

— Не ищите сионистов только среди евреев, товарищ Ежов. Их достаточно и среди русских. В этом наша самая главная опасность. Но я надеюсь, что вы останетесь настоящим интернационалистом.

Сталин сделал прощальный кивок и поднял трубку телефона. Чистить, очищать безжалостно! Искать и находить совсем иных людей!

В эти дни Ежов привел в сталинский кабинет в Кремле молодого Павла Судоплатова. Недавно этому чекисту удалось ликвидировать руководителя украинских сепаратистов Е. Коновальца. Предатель украинского народа погиб от взрыва бомбы в одном из кафе Амстердама. Осуществлялась программа неумолимого возмездия. Перебежчики, предатели метались по Планете в поисках убежища, но их всюду настигали советские мстители, получавшие задания на Лубянке.

П.А. Судоплатов (впоследствии генерал-лейтенант) получил задание во что бы то ни стало ликвидировать кровавого палача русского народа Троцкого. Этот гитлеровский приспешник, «почетный ариец» Третьего рейха, немало навредил республиканцам Испании, подняв мятеж в Барселоне. Теперь он хвалится тем, что у него осталась в СССР мощная подпольная организация, члены которой ждут с нетерпением и надеждой освободительного похода фашистских войск на советскую землю.

Троцкий учуял интерес Лубянки к своей персоне и стал предельно осторожен. Он окружил себя надежными охранниками.

Его помощником стал старший сын, выросший в опытного конспиратора. Ежов заметил, что Сталин понемногу раздражается. В самом деле, неужели с этим проходимцем не в состоянии справиться мощная система государственных спецслужб? В это не верилось. Тогда в чем дело?

Троцкий начал метаться по Европе: Норвегия, Франция, Испания. И всюду успевал оборвать за собой хвосты. Удалось лишь похитить его обширнейший архив. Хоть шерсти клок! В этот момент Троцкий испугался и смотался в Мексику. Там он сел в осаду, превратив свой дом в настоящую крепость.

Неудач («проколов», по-чекистски) на Лубянке не любили. И, как правило, не прощали. Здесь господствовали свои планы. У Ежова уже сорвалось покушение на генерала Франко. Теперь постоянным укором стал неуязвимый Троцкий. Спасала маленького наркома защита Сталина.

Генеральный секретарь понимал сложность лубянской работы и как мог помогал Ежову своей ненавязчивой, но тем не менее вдумчивой опекой. Он как бы повышал образование наркома. Подсовывал ему необходимую литературу и часто снисходил до продолжительных бесед-инструкций. В старательности Ежова он убедился. Однако плохо обстояло с кругозором, с уровнем культуры. А на таком посту без этого не обойтись!

Утешением Ежову послужил очередной успех советских секретных служб: удачное похищение генерала Е.К. Миллера, руководителя РОВСа, воинственного союза русских белогвардейцев. После смерти Врангеля эту организацию возглавил генерал А.П. Кутепов. Его ликвидировали в 1930 году с помощью надежной агентуры: бывшего белогвардейца Н.В.Скоблина и его жены, известной певицы Н.В.Плевицкой. Они заманили Кутепова в западню. Точно такой же прием сработал и в охоте за Миллером. Генерала привезли в Москву и поместили в камеру внутренней тюрьмы. С ним долго работали, склоняя к измене. Генерал отверг все предложения и был расстрелян.

К огорчению Ежова, французские власти, расследуя похищение Миллера, вышли на след Скоблина и Плевицкой. Спасаясь от ареста, Скоблин бежал в Испанию и там погиб. Плевицкую же арестовали, судили, и она надолго угодила в парижскую тюрьму.

Успехи нового наркома чередовались с неизбежными провалами.

Одновременно с известием об аресте Плевицкой в Москве получили сигнал от резидента во Франции И. Агаянца. Он сообщал, что испанское золото доставлено в СССР не полностью; часть его каким-то образом попала в руки троцкистов. От досады Ежов стукнул кулаком по донесению. Снова Троцкий со своей бандой! Сколько же можно его терпеть? Он проверил всю «цепочку» агентуры. Его подозрение пало на Шпигельгласа, начальника управления, и двух резидентов в Западной Европе: Орлова и Кривицкого. Вся троица происходила из одного западно-украинского местечка. На Шпигельгласе уже и без того висела вина за постоянные «проколы» с ликвидацией Троцкого. Оба резидента, получив вызов в Москву, немедленно ударились в бега.

Снова «проколы»!

О ликвидации Троцкого, этой зловредной международной гадины, следует рассказать особо.

Появившись в Мексике, Троцкий нашел приют в доме художника Д.Риверы. Неисправимый пакостник, он тотчас наставил хозяину дома рога: стал сожительствовать с его женой Фридой. Разразился скандал. Кричали все: и художник, и его блудливая жена, и бедная Седова — жена Троцкого, и сам Троцкий. Ему, уже потасканному и седому, помнились золотые дни, когда его сверкавший поезд Главкома был битком набит хорошенькими стенографистками, всегда готовыми явиться «на допрос». Теперь похотливому старику приходилось довольствоваться ласками одной, двух секретарш.

Изгнанный из дома художника, Троцкий приобрел поместье.

Усилиями нашей агентуры было перехвачено письмо старика Ф. Дана старухе Е. Кусковой:

«Наши товарищи, действующие в России, за последнее время заметно приободрились. Какая-то волна сочувствия поднималась им навстречу даже из коммунистических рядов».

Догадаться, чему радовался этот политический пигмей, не представляло труда: после провала «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии» и других организаций (эмигранты пышно именовали их «мощными») беззубые шамкающие политиканы тихо ликовали по поводу крысиной деятельности Мрачковского, Бухарина и присных.

Но вот следующее письмо того же Ф. Дана:

«... недавно нас постиг довольно сильный провал».

Ответом на эти загадочные провалы были открытые процессы троцкистов в Доме Союзов.

Сообщение германского консула в Женеве от 8 января 1940 года:

«Агент из Франции сообщает, что англичане планируют через группу Троцкого во Франции установить связь с людьми Троцкого в самой России и попытаться организовать путч против Сталина. Эти попытки переворота должны рассматриваться как находящиеся в тесной связи с намерением англичан прибрать к рукам русские нефтяные источники».

Через 9 дней, 17 января, на стол Риббентропу легло еще одно донесение из Женевы:

«Английской стороной будет предпринята попытка мобилизовать группу Троцкого, т.е. IV Интернационала, и каким-то способом перебросить ее в Россию. Агенты в Париже сообщают о том, что Троцкий с помощью англичан должен будет вернуться в Россию, чтобы организовать путч против Сталина».

Эти секретнейшие донесения читал не только Риббентроп, успешно слетавший в прошлом году в Москву и заключивший пакт с Молотовым (вскоре Молотов, как мы теперь знаем, для дальнейших переговоров приедет в Берлин). Эти скопированные документы читал и Сталин. Читал и устало закрывал глаза, пускал неторопливые клубы дыма и напряженно размышлял.

Троцкий... Гитлер... Англичане...

Вот кому он никогда не доверял, так это англичанам! Недаром же последний русский император Николай II однажды раздосадовано выразился: «Англичанин — это тот же жид!» Природные колонизаторы, британцы, точили зубы и на Россию, на советскую Россию. Сорвалось! Сталин помнил Брюса Локкарта, организатора «заговора послов», знал всю комбинацию с поимкой Сиднея Рейли (он же Соломон Розенблюм). Этот прожженный международный проходимец рассказал на Лубянке много интересного... Внезапно Лаврентий Берия сообщил, что в Москве в штате посольства Великобритании появился Д. Хилл, старый работник английских секретных служб, известный на Лубянке еще с 1918 года. В то время он консультировал Троцкого, председателя Реввоенсовета, по вопросам организации разведки и контрразведки, обращая особенное внимание на служ-

бу дешифровки. Английский консультант старался держаться неприметно, в глаза не лез, однако наблюдение установило его участие в покушении на Ленина, которое приписали Фанни Каплан. В том, что с Каплан, старухой, страдающей отслоением сетчатки, произошла элементарная «подстава», нетрудно было догадаться с самого начала. Однако Хилл имел связь с Блюмкиным, а следовательно и с убийством графа Мирбаха, германского посла. Уехав вскоре из Москвы, Хилл откомандировал в Россию Сиднея Рейли, а тот угодил в ловушку, расставленную в «окне» на границе под Ленинградом.

Итак, Троцкий, снова ненавистный Троцкий, надеющийся въехать в Кремль в обозе гитлеровской армии.

Во время войны с Финляндией Троцкий азартно носился с мыслью организовать специальный экспедиционный корпус для вторжения на Украину, в Закавказье и в Среднюю Азию. У себя в IV Интернационале он выделил «Советскую секцию», назначив ее главой М. Зборовского. На «финской теме» получить дивидендов не удалось. 25 апреля 1940 года, т.е. за год до начала Великой Отечественной войны, Троцкий опубликовал в газетах Запада «Письмо советским рабочим», призывая их к восстанию против Сталина. Месяц спустя появился его «Манифест об империалистической войне и пролетарской революции». В этом запальчивом документе Троцкий по сути дела объявил настоящую войну советскому правительству.

«Что ж, война есть война», — произнес Сталин и принял меры.

Дело в том, что вся раскольническая деятельность политического пачкуна находилась под постоянным и пристальным наблюдением советских секретных служб. Насыщенность нашей агентурой всех сколько-нибудь значительных организаций за рубежом была предельной. Троцкий был надежно накрыт «колпаком» Лубянки и ни один его шаг не оставался не замеченным. То же самое относится и к бурной деятельности его сына Льва Седова.

В 1937 году служба ИНО (руководитель Шпигельглас) получила указание Политбюро покончить с Троцким. Однако указание не было выполнено. Шпигельглас поплатился за это головой.

На этот раз Сталин, помня о провале Шпигельгласа, решил заняться Троцким сам.

К тому времени многоэтажная система Лубянки представляла мощнейший комплекс сокрушительного действия. Специальный «Отдел С.» (отдел генерал-лейтенанта Судоплатова) занимался диверсиями за рубежом. Он, в частности, приводил в исполнение приговоры предателям и перебежчикам, «доставая» их в любом уголке планеты. Спастись от «Отдела С.» было невозможно.

В Мексику, где нашел пристанище кровавый диктатор России, отправился заместитель Судоплатова генерал Эйтингон и с ним две группы боевиков. Одну группу, под названием «Конь», возглавлял художник Сикейрос, недавно отважно воевавший в Испании. Во главе другой группы, «Мать», находилась мужественная женщина Каридад Меркадер. Вторая группа ехала для подстраховки, на случай, если попытка Сикейроса сорвется.

Каридад Меркадер также прошла хорошую школу в Испании. Ее прадед занимал в свое время пост посла в России. Отважная аристократка решительно встала на сторону народа. С ней вместе воевали два ее сына. Старший из них погиб в бою, бросившись с гранатой под немецкий танк. Младший, лейтенант республиканской армии, показал себя опытным диверсантом и теперь ехал с ней в Мексику. На него была возложена главная обязанность: проникнуть на хорошо охраняемую виллу и покончить с Троцким.

Художник Сикейрос, боец интербригад, люто ненавидел Троцкого за барселонский мятеж и сгорал от нетерпения осуществить акт мести. В его группу входили молодые люди, не раз совершавшие диверсии в тылу войск Франко.

24 мая 1940 года они ворвались на виллу Троцкого рано утром и открыли бешеную, но беспорядочную стрельбу из автоматов. Это была грубая работа. Однако ничего другого республиканские диверсанты не умели. Троцкий с женой, разбуженные выстрелами, юркнули под кровать и тем спаслись от пуль.

Операция Сикейроса закончилась провалом.

Узнав о неудаче, генерал Эйтингон стал готовить другую группу. Он полностью отдавал себе отчет, чем обернется лично для него очередной провал. На этот раз он действовал наверняка.

Троцкий, как известно, слыл любителем молоденьких секретарш. В то время при нем состояла некая Сильвия. Рамон Меркадер, атлетический красавец 22 лет, без труда с ней позна-

комился. Сильвия представила Района своему патрону, как его пламенного сторонника и почитателя. Остальное, как говорится, было делом техники.

Рамон был подготовлен превосходно. Он владел всеми видами оружия и был искусен в рукопашном бою. Покончить с Троцким он решил острым ледорубом. На всякий случай у него имелся пистолет и нож. Расчет был на бесшумность, чтобы уйти с виллы. Генерал Эйтингон и Каридад поджидали его в автомашине. 20 августа Рамон принес Троцкому свою рукопись для отзыва. Усевшись за стол, Троцкий принялся читать. Сильно размахнувшись, Рамон ударил его ледорубом по склоненной голове. Громко вскрикнув, Троцкий облился кровью. Вскочившая в кабинет охрана схватила покушавшегося и вызвала полицию.

24 августа 1940 г. «Правда» напечатала коротенькое сообщение: «Смерть международного шпиона».

Эйтингон и Каридад сумели добраться до Кубы и там затаились на полгода. В Москву они вернулись лишь в мае следующего года, перед самой войной.

Мексиканский суд приговорил убийцу Троцкого к 20 годам тюрьмы. Он предстал перед судом под именем канадского студента Джонса. Следователи и судьи догадывались, что это не настоящее имя. Рамона жестоко избивали. Но он остался тверд: по правилам советской разведки схваченные агенты обязаны были сохранять свое инкогнито. Разоблачила его... мать, Каридад. Находясь в эвакуации в Ташкенте, она как-то не удержалась и произнесла его имя. В 1946 году об этом стало известно в Мексике. И мир наконец узнал имя того, кто поставил точку в кровавой судьбе безжалостного перестройщика мира.

Полное имя убийцы Троцкого: Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес.

Отсидев срок полностью, он вышел на свободу в 1960 году. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Золотую звезду вручал Шелепин... В Москве Рамону показалось неуютно. В стране, которую Рамон любил и которой восхищался, хозяйничал партийный хам Хрущев, махровый троцкист, уже нисколько не маскирующий своих симпатий к негодяю, чью черную жизнь он, Рамон, прекратил своей рукой, вооруженной ледорубом. Больной, состарившийся раньше времени Герой уехал сначала в Прагу, а затем на Кубу. Там он и скончался в 1978 году.

Ему не исполнилось и 60 лет. Короток век героев!

Очередной рабочий день Генерального секретаря начался с неприятнейшего разбирательства.

В начале года в Америку отправилась внушительная делегация советских специалистов по военной авиации во главе с А.Н. Туполевым. Им предстояло посетить крупные американские авиазаводы, ознакомиться с новинками и закупить несколько лицензий для производства в СССР наиболее удачных моделей. Туполев отобрал для поездки более 60 человек. Пробыли они в США несколько месяцев, истратили уйму денег, а привезли всего три лицензии. Зато отоварились ворохами всевозможного барахла, в том числе холодильниками. Лев Мехлис, докладывая о приятном времяпрепровождении наших специалистов за океаном, назвал их туристами и тряпичниками. Он потребовал самого сурового наказания, невзирая на прошлые заслуги.

Вопрос о наказании Иосиф Виссарионович отложил. Он не любил спешить. Ему сначала хотелось узнать заключение сведущих людей о приобретенных лицензиях. Может быть, овчинка все же стоит такой дорогой выделки!

Сразу же обнаружилось, что из грех лицензий для нас годится лишь одна: на транспортный самолет конструкции И. Сикорского ДС-3. При этом выявился еще один просчет: легкомысленные покупатели, заключив сделку и уплатив деньги, даже не заглянули в рабочие чертежи (некогда было?). Все расчеты американцев по их обыкновению указаны в дюймах, а не в миллиметрах, как это принято у нас. Необходима переделка чертежей, а это громадный труд, потеря времени и сил (все это обязан делать продавец). Для перевода всех расчетов из дюймов в миллиметры засадили сотрудников КБ Мясищева. Громадный коллектив работал дни и ночи в течение нескольких месяцев, совершенно выключившись из плановой работы по своей государственной программе. В итоге в серию пошла машина марки ЛИ:27.

Иосиф Виссарионович разделял возмущение Мехлиса. Умные, заслуженные люди, прекрасные специалисты, а проявили себя, как мещане-барахольщики. Глаза разбежались? Не совладали с алчностью? А соблюдение достоинства, приличий? Мехлис прав, такое позорное поведение требует примерного наказания.

В конце заседания, как обычно, разбиралась «вермишель» (так назывались незначительные мелкие вопросы). Неприятный спор возник по заявлению некоего Либермана. По заключению врачей ему необходима поездка в Германию и Францию для лечения. Он просил валюту. При этом он указывал, что его сопровождают жена и племянница. К заявлению Либермана было приложено ходатайство Н.К. Крупской. Иосиф Виссарионович выступил резко. Валюты острый дефицит. К тому же у нас имеются свои замечательные специалисты. Бухарин не стал ввязываться в спор (они со Сталиным не разговаривали с 1928 года), а, ухмыляясь, предложил голосовать. Рассчитал он правильно: «голоснули» в пользу Либермана.

Во второй половине дня, как обычно, приехал Ежов со своей серенькой папкой.

Сегодня Иосиф Виссарионович ждал его с результатами после вчерашних указаний. Дело касалось последних событий в Германии. Вчера, читая разведывательную сводку, он оставил на ее полях множество синих «галочек». Кроме того, назвал несколько фамилий работников Лубянки. Сейчас у Ежова в папке должны быть приготовленные сведения.

Разведка сообщала, что в Берлине, в окружении Гитлера, внезапно появились какие-то загадочные люди, предположительно, тибетцы. Тибет... Восток... Древняя Шамбала... Легендарная Туле... Еще одно бредовое увлечение Гитлера, помешанного на поисках родины настоящих а р и е в. Он считал, что ее следует искать где-то в Центральной Азии, в Монголии или в Тибете. Этот отдаленный от Германии регион уже вошел в официальную мифологию нацистов как легендарная прародина воинственных германцев.

Очередное задание Вождя (несколько энергичных подчеркиваний и пестрота синих «галочек») Ежов так и назвал — «Тибет».

Трудность исполнения состояла в том, что пришлось иметь дело с такими загадочными явлениями, о существовании которых Николай Иванович не имел ни малейшего понятия. К счастью, сохранилось надзорное

«Дело» некоего А.В. Барченко, попавшего в поле зрения Лубянки еще в первые годы советской власти.

Раскрыв папку, Ежов увидел заявление Барченко на имя Дзержинского. Немолодой научный работник обращался к

главе ВЧК со странной просьбой: разрешить ему ознакомиться с таинственной географической картой, сохранившейся в бумагах Александра Македонского. Великий завоеватель, как известно, умер молодым, не успев осуществить и малой доли своих планов. Карта, о которой шла речь, была будто бы вычерчена рукою самого прославленного полководца. Барченко утверждал, что по этой карте направлял свои корабли сам Христофор Колумб, когда открыл Америку.

Заявление изобиловало сведениями историческими, а более всего — мистическими (из чего Ежов заключил, что автор — человек с повредившейся психикой). Барченко собирался отыскать сказочную Атлантиду (называя ее на свой манер Гипербореей). Он считал, что эта опустившаяся на дно океана страна исчезла в результате ожесточенной борьбы «черных демонических сил». В этой кровопролитной истребительной войне роковую роль сыграли мощные «железные птицы», которые оказались неуязвимы даже для неких «волшебных стрел» (делался намек на ракеты, управляемые высшей силой).

Долгое время, заявлял Барченко, поиски исчезнувшей страны направлялись на Гималаи и Тибет. Он же считал, что искать следует на Севере (добавляя, что из поисков исключается и Антарктида).

Барченко ссылался на труды теософов и антропософов (называя, в частности, Блаватскую), на отчеты знаменитых путешественников Пржевальского и Козлова, а также на Библию, на пророка Иезекииля, вещавшего о «последней войне между Севером и народом праведным».

К изумлению Ежова, от заявления Барченко не отмахнулись. Ученый был принят сначала Дзержинским, а затем и наркомом иностранных дел Чичериным. По итогам встреч с этими государственными деятелями Барченко высказался так: «Они расширили мой кругозор и приняли меня в свою среду».

Сохранились свидетельства того, что летом 1922 года во главе небольшой, совершенно секретной экспедиции Барченко побывал на Кольском полуострове.

Дальнейшие розыски Ежова связались с личностью русского художника Н.К. Рериха, авантюриста Янкеля Блюмкина и, так или иначе, с мистическими устремлениями Адольфа Гитлера, фюрера германского народа.

Как выяснилось, Гитлер еще в 1918 году был принят в тайное общество «Туле», основанное группой людей, имевших колоссальный опыт работы в международных организациях. Два года спустя в Байрейте, в доме композитора Вагнера, будущий фюрер знакомится с Д.Эккартом, автором книги «От Моисея до Ленина». В 1923 году Гитлер создает национал-социалистическую рабочую партию. Захватив власть в Германии, Гитлер осыпал милостями генерала Гаусгофера, помешанного на разработке новейших технологий, позволяющих управлять человеческим сознанием с помощью магических методов (сатанинская власть будущего телевидения). О генерале Гаусгофере было известно, что, впадая в транс, он способен предсказать не только час атаки противника, но и точки попадания снарядов.

В 1904 году Гаусгофер, тогда совсем молодой человек, сумел побывать в Тибете.

Учеником Гаусгофера был Р. Гесс, ставший вторым лицом в нацистской партии. Сидя вместе с Гитлером в Ландсбергской тюрьме, он помог ему сочинить книгу («Майн кампф» — «Моя борьба»).

Оказавшись у власти, Гесс стал инициатором экспедиции на Тибет во главе с крупным нацистом Шефером. В составе экспедиции были исключительно офицеры СС. Путешественники пересекли Тибетское нагорье и привезли в Германию каких-то особенных «арийских лошадей», а также пчел (известно, что Гитлер был убежденным вегетарианцем). Проповеди генерала Гаусгофера сводились к праву германской нации на мировое господство.

Сильно озадачив Гитлера, генерал Гаусгофер неожиданно переменил направление поисков. Он загорелся новой идеей и указал на Южный полюс, на Антарктиду. Там, уверял он, под громадным ледяным панцирем скрывается загадочный материк, «заряженный» мощными источниками магнетизма. Порою Гаусгофер проговаривался, называя материк на Южном полюсе то Шамбалой, то Атлантидой. Среди поклонников Гаусгофера оказался и Г. Гиммлер. На горячечных идеях генерала-мистика он и основал свой «черный орден СС», включив в его систему организацию «Аненербе» («Наследие предков»).

Вопросам арийской чистоты крови германцев Гиммлер придавал громадное значение. Здесь он проявлял поистине библейский фанатизм.

За несколько лет усердных исследований по евгенике сотрудники «Аненербе» собрали внушительную коллекцию черепов так называемых «еврейских комиссаров», которых считали «тайными господами темного могущества в управлении человечеством».

Из научных разработок «Аненербе» родились чудовищные законы гитлеризма о насильственной стерилизации, об уничтожении больных и старых граждан Третьего рейха.

«Черный орден СС» стал в гитлеровской Германии чем-то вроде государства в государстве: со своими законами, трибуналами, обычаями и обрядами. Высший долг каждого эсэсовца — безоговорочное повиновение этим суровым и безжалостным законам.

В Россию тибетская мистическая магия проникла благодаря таинственной деятельности бурятского врача Бадмаева, быстро сблизившегося с Распутиным. Поклонницей нового учения стала супруга последнего царя, Александра Федоровна. У генерала Кутепова, обезвреженного агентами Лубянки, была обнаружена иконка, освященная культовыми деятелями из общества «Туле».

Русский художник Н.К. Рерих эмигрировал из России во время войны, в 1916 году. Долгое время прожил в США, затем навсегда поселился в Индии, где основал Гималайский институт научных исследований. В 1926 году он с женой и сыном посетил Москву. Состоялся ряд тайных встреч художника с Чичериным, Луначарским и Глебом Бокием с Лубянки. Вскоре после этого Рерих предпринял экспедицию с целью пересечь Тибетское нагорье. Участникам путешествия приходилось преодолевать глубокие пропасти и неприступные скалы. Горные перевалы в некоторых местах находились на высоте пяти тысяч метров.

О результатах этого трудного путешествия никаких сведений не имелось.

Николай Иванович задумался вот над чем: Рерих о чем-то усиленно хлопотал в Москве, но снаряжение экспедиции целиком взяли на себя американцы. Жгучий интерес к открытиям Рериха постоянно проявлял американский резидент полковник Олькотт, работавший в Индии под именем Радда-бай.

А как объяснить такое совпадение: авантюрист Янкель Блюмкин собирался основать в Урге какой-то университет, присвоив ему свое имя, Рерих же основал не университет, а секретную школу агентов для работы в СССР?

Долгий интерес к Тибету вроде бы не принес определенных результатов. Интерес к этому району планеты стал охладевать. Хотя возросло внимание к полюсам земного шара. Северный полюс удалось освоить и — разочароваться: под толщей льдов находился океан, вода. Совсем иное дело — Антарктида: там вековые льды укрывают мощный совершенно неисследованный материк!

Выполняя задание Вождя, Николай Иванович находился в угнетенном состоянии. Ему пришлось вторгаться в совершенно неведомые области. Здесь и академик-то сломит свою ученую голову, что уж говорить о нем!

Составляя «Справку», он постарался блеснуть своими качествами искусного копателя. Ему удалось раздобыть свидетельства того, как относились к поискам Рериха иерархи православной церкви (Сталину это должно было понравиться). Религиозные взгляды русского художника вызвали в свое время резко отрицательные отзывы епархий Петербурга, Смоленска, Харбина и Парижа. Архиепископ же Сан-Францисский даже запретил художнику переступать пороги православных храмов.

Словом, ежовский документ, составленный по заданию Сталина, свидетельствовал, что фашизм уместно сравнить со специальной сталью, насыщенной разнообразными редкоземельными присадками. В качестве присадки к бредовым идеям Гитлера заправилы мирового «Зазеркалья» применили мистику и оккультизм, убедив немцев в их праве захватывать, убивать, повелевать.

Составляя свою справку, Ежов был не в состоянии отделаться от подозрений: ему казалось, что во всей истории с Тибетом странным образом сплелись интересы «черного ордена СС» и ВЧК-ОГПУ. Напрямую он этого не высказал, однако постарался, чтобы Сталин, прочитав документ, самостоятельно склонился к этой мысли...

У Сталина имелись какие-то свои источники важнейшей информации — источники настолько секретные, что о них не знал никто, даже Ежов, нарком внутренних дел, которому подчинялось все, что имелось в государстве тайного, секретного, неведомого никому.

Николай Иванович мгновенно определил, что Хозяин не в настроении. Причиной этому был обыкновенный житейский неполадок: Иосиф Виссарионович получил письмо учителя

школы, где учились его дети. Когда Ежов входил в кабинет, Вождь размышлял о том, какие воспитательные меры уместны и продуктивны в таких случаях. Наглость Василия недопустима, но что предпринять конкретно? Отец Сталина, сапожник Виссарион, в таких случаях...

В этот момент Поскребышев впустил наркома внутренних дел.

— Здравия желаю, товарищ Сталин!

Раскрыв свою серенькую папку, Николай Иванович достал и положил на рабочий стол Генерального секретаря подготовленную справку по «Тибету».

К счастью, о Тибете не было сказано ни слова. Сталин заговорил о «гарантии надежности», упомянув не столь уж давнее дело, связанное с бегством за рубеж Бажанова, работника кремлевского секретариата. Перебежчик выбрал ночь под Новый год и перешел границу в Туркмении, слишком далеко от Москвы. Вместе с ним ушел в ту ночь и некий Максимов, оказавшийся двоюродным братом Янкеля Блюмкина. Тогда же, по горячим следам, были предприняты усилия, чтобы расправиться с предателями. В Тегеране представилась возможность их застрелить. Однако, как теперь выяснилось, вмешался Трилиссер и категорически запретил расправу. Перебежчики спокойно уехали в Европу.

Ежов мгновенно уловил: «Трилиссер!» Вот откуда сталинское раздражение. Тогдашняя неразговорчивость секретчиков объяснялась слишком просто: дело оказывалось не в халатности, а в предательстве. Вместо возмездия негодяям — сочувствие, даже содействие!

Сталин назвал еще имена Агранова, Бокия... Как уберечься от измен? Возможны ли гарантии абсолютной надежности?

К счастью, к такому разговору Ежов был готов. В системе закордонных служб приступила к исполнению своих обязанностей специальная команда Якова Серебрянского. Предателя Агабекова, завалившего более 400 наших агентов, да еще и выпустившего на Западе паскудную книжонку, возмездие настигло в Париже, в одном из отелей. Его зарезали, тело уложили в чемодан и сбросили в Сену.

Пыхнув трубкой, Иосиф Виссарионович вскинул на Ежова свой пронзительный летучий взгляд.

— Ну... а...

— Максимов недавно упал с Эйфелевой башни, — коротко доложил Ежов.

Облако густого дыма окружило сталинскую голову. Раздражение его прошло. Наступили самые приятные для Ежова минуты общения с Вождем наедине. Сталин становился доверительным.

— У нас что, — спросил он, — Бухарин на самом деле такой уж горячий охотник? Я смотрю: то он на Кавказе, а то вдруг на Памире!

И снова Ежов блеснул своей сообразительностью. Памир... А там рядом —Афганистан. А в Афганистане сейчас во всю хозяйничают немцы!

— Установлено, товарищ Сталин, что на Кавказе Бухарин регулярно связывается с Беталом Калмыковым.

Этот человек, Калмыков, считается лидером Северного Кавказа. А к этому региону нарастает интерес секретных служб Германии. Удалось засечь, в частности, проникновение немецкой агентуры в неспокойную Чечню. Воскрешается имя Шамиля...

Кавказ, и не только Северный, опасный регион в национальном смысле. Сколько стоило трудов его утихомирить! Но пепел все же остался и местами тлеет, дожидается ветерка... На это и расчет!

В самом деле, что это вдруг понадобилось слюнявенькому Бухарину сначала на Кавказе, а теперь еще и на Памире?

И все-таки напоследок Ежов осрамился. Расслабившись, он пропустил внезапный сталинский вопрос: Вождь вдруг заинтересовался Дольфусом. В голове Ежова замелькали все эти Тибеты и Гипербореи. Шамбала... «Туле»... Оказалось же, что Дольфус — всего лишь имя австрийского канцлера, на которого совершили покушение фашисты. Но, вот, поди же знай!

Вернувшись из Кремля, Николай Иванович стремительно, как всегда, миновал вестибюль и, наклонив голову, быстро шел по коридору. На приветствия сотрудников нарком не отвечал. В кабинете было тихо, сумрачно, плотные шторы от потолка до пола закрывали окна на Лубянскую площадь. Ежов швырнул папку, сорвал фуражку и плащ. Поколебавшись, растворил массивную дверь служебного сейфа и достал бутылку водки. К этому проверенному средству он пристрастился еще в Семипалатинске. Заученным движением нахлестал в стакан привычную дозу (не до краев), махнул двумя крупными глотками и прижал к губам рукав гимнастерки. Хмель подействовал благотворительно: в голове возник туманчик, притупилась тревога в груди. Он сел за стол и уронил лицо в ладони.

Плохое это место для работы, Лубянка. В других наркоматах снимают (пусть иногда и с треском) и посылают на низовку. На Лубянке все иначе. Здесь имеется свой трибунал, а трибунальцы по обыкновению дают не срок, а девять граммов свинца! Поэтому вся служба на этой проклятой Лубянке напоминает балансирование на канате...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Запах крови Янкель Блюмкин полюбил с детских лет, прислуживая старому резнику при забое коров.

Приготовление кошерного мяса обставлялось сложным ритуалом, освященным многими веками. Обреченное животное не просто забивалось, а медленно обескровливалось. Это было целое искусство, вроде врачевания: резник протыкал жилы в определенных местах и обильно спускал живую кровь. Теряя кровь, корова превращалась в груду кошерного мяса. Оставалось лишь разделать ее на куски... Занимаясь умерщвлением коровы, резник неумолчно бормотал ритуальные заклятия. Книгу с древними текстами перед его глазами обязан был держать мальчик-прислужник.

Оба брата Блюмкина, Исай и Лев, а также обе сестры, Роза и Лиза, стыдились родства с ним и нисколько не горевали, когда он покинул отчий дом и навсегда исчез из Одессы.

К изумлению родных, непутевый Янкель сильно преуспел в жизни. Помогли этому события 1917 года. Для таких натур, как Блюмкин, великая игра по переустройству мира открыла широкие возможности. Он оказался в числе сотрудников Дзержинского. Глава ВЧК почему-то выделил шустрика и поручил ему возглавить Первый отдел по борьбе с иностранным шпионажем. В опаснейшей «рулетке революции» Янкель Блюмкин сумел угадать счастливый номер.

Коридоры Смольного поразили Блюмкина: в них могли разъехаться встречные повозки. Высокие двери уходили под потолок. Блюмкин стал искать комнату № 75. За одним из столов сидел тощий еврей в очках. На взгляд Блюмкина, его съедала какая-то болезнь. Это был Трилиссер. Впоследствии он стал покровителем молоденького Блюмкина, но при первой встрече строго оборвал посетителя:

— Товарищ, вы задаете слишком много вопросов!

Из Смольного аппарат ВЧК перебрался на Гороховую, где у Блюмкина появился свой кабинет.

Вскоре Блюмкин убедился, что в карательном ведомстве (на Гороховой, а затем и на Лубянке) подобрались отборные люди, чьи сердца не знали жалости.

Отдел, который возглавлял Блюмкин, назывался Первым, но выполнял подсобную работу. Призванный бороться с иностранным шпионажем, он ограничивался тем, что только наблюдал за иностранцами. Объектов для наблюдения имелось множество: американцы, немцы, французы, англичане. Но ни одного из них Блюмкин не смел тронуть пальцем. Попробуй тронь того же Рейли-Велинского, если у него на руках удостоверение, подписанное самим Дзержинским! Но именно эти месяцы стали для Блюмкина превосходной школой. Он многое увидел и еще больше уразумел. Деятельность чекиста сплошь да рядом не имела ничего общего с теми лозунгами, что пламенно выкрикивались с трибун. Понимание того, что было неведомо для остальных, наполняло душу Блюмкина сознанием собственной исключительности, превосходства над толпой.

Из Блюмкина со временем выработался образцовый исполнитель.

Догадывались ли сотрудники его отдела о настоящей подоплеке своей работы? Блюмкин сомневался. Первый отдел комплектовался как попало, процветала текучка кадров. Всю подготовку операций, всю ответственность Блюмкину приходилось взваливать на себя. В те дни работникам Первого отдела приходилось нелегко. Служебные задания связывались с поисками повода для массовых расстрелов.

В первый день наступившего нового 1918 года председатель Совнаркома В.И. Ленин возвращался из Михайловского манежа, с митинга. На Симеоновском мосту по его автомашине был открыт беспорядочный огонь. Шофер догадался дать газ, и машина выскочила из-под обстрела. Результат покушения вышел ничтожный: ехавший с Лениным швейцарский социалист Платтен получил легкое ранение в руку. На следующий день газеты взвыли, требуя крови буржуазии. Но... пошумели и затихли. Настоящего инцидента не получилось.

6 июля мир впервые услышал фамилию Блюмкина: в Москве вспыхнул мятеж эсеров.

Утром зловещего дня Янкель Блюмкин, ответственный сотрудник ВЧК, заявился в германское посольство, добился

встречи с самим графом Мирбахом и убил его. Чудовищное преступление имело целью вызвать новое германское наступление (остановленное недавним Брестским миром). На этот раз немецкие войска непременно заняли бы и Петроград, и Москву.

По расчетам эсеровского руководства, не исключалось, что убийство германского посла вызовет Большую войну в Европе.

Янкель Блюмкин упивался своей ролью в организации столь масштабных катаклизмов. Он знал, что мятеж эсеров имел свое секретнейшее «Зазеркалье». Что стоило, например, пленение самого Дзержинского в штабе мятежников, помещавшемся в особняке Морозова в Трехсвятительском переулке. Ненавидимый всеми глава ВЧК освободился из плена совершенно невредимым. Вернувшись на Лубянку, он в тот же день без суда и следствия расстрелял 13 своих самых близких сотрудников-чекистов. Казалось бы, не сносить головы и Блюмкину (по логике обстоятельств, он должен бы понести наказание первым). Однако с его отчаянной головы не упало и волоса. Вот что значит быть посвященным!

Убийство графа Мирбаха сделало Янкеля Блюмкина одной из самых влиятельных фигур на Лубянке (и — загадочных, естественно). Помимо всех выгод он в эти дни обзавелся покровительством персон, которые навсегда остались его кумирами. Речь идет о Свердлове и Троцком. Первый вскоре после мятежа эсеров устроил ему амнистию специальным постановлением ВЦИКа, освободив его от наказания за убийство германского посла, второй принял прощенного убийцу в свой знаменитый поезд председателя Реввоенсовета и сделал доверенным порученцем для наиболее потаенных дел.

Такие люди, как Свердлов и Троцкий, казались Блюмкину библейскими богатырями. Янкеля Свердлова он сравнивал с Иисусом Навином, остановившим во время битвы с гоями само Солнце на небе, а Лейбу Троцкого — с Давидом, сокрушившим отвратительного великана Голиафа.

Свердлова вскоре пришлось лишиться, но Троцкий, его земляк, остался кумиром Блюмкина до последних дней жизни.

Осенью ему приказали отправиться в распоряжение товарища Лациса, занимавшего в то время пост председателя ЧК и Военного трибунала Восточного фронта. Красные войска снова заняли Казань, и у карательных органов работы было выше

головы. Массовые расстрелы проводились на глухой окраине Казани, по ночам. Мартин Лацис увлеченно прочищал завоеванную территорию. На официальном языке эти массовые репрессии назывались «уничтожением местных должностных лиц».

Янкель Блюмкин, истомившийся от безделья, включился в эту истребительную деятельность со всеми накопленными силами.

Идея — зарабатывать на крови — родилась в первые дни советской власти, когда правительство еще находилось в Петрограде. Тогда усиленно ломали головы над тем, что еще продать Европе. Ну, старинные картины, ну, меха, ну, конфискованные драгоценности... Потом оказалось, что на европейском рынке хорошо идут и русская водка, и кавказские вина, и детские игрушки, и даже изделия народных промыслов. И все же денег не хватало. Наконец, осенило: а почему не поторговать людьми? Всем желающим уехать за границу предлагалась такса: полторы тысячи долларов за визу. В самом деле, зачем расстреливать, если можно взять хорошие деньги?

Первыми счастливчиками, избежавшими не только казни, но и получившими свободу, стали министры Временного правительства Терещенко и Кишкин, томившиеся в каземате Петропавловской крепости. Им помогли большие деньги. За Терещенко было заплачено 100 тысяч рублей, за Кишкина — 3 тысячи. Разница стоимости жизни незадачливых министров объяснялась тем, что платила мать Терещенко, известная богачка, миллионерша. Оба министра сидели в одной камере, вместе мыкали горе, и миллионерша, выкупая сына, раскошелилась и за Кишкина, уступив просьбе сына. Чекисты сбыли Кишкина за бесценок в качестве довеска.

Нарком юстиции Штейнберг на упрек в безнравственности сделки изумленно возразил:

— Что за чушь? Нам же позарез необходимы деньги!

В Киев Блюмкин отправился в свите «железного» Петерса. Срочная командировка заместителя самого Дзержинского была вызвана прискорбным случаем: один из тамошних чекистов, Фаерман, сошел с ума. Его связали и дали знать в Москву. А что делать дальше? Глазам примчавшихся москвичей предстала удручающая картина. В среде киевских чекистов царило полное разложение (то, что нынче называется беспределом). В огромном городе функционировало целых 16 «чрезвыча-

ек». Помимо планомерного истребления определенных слоев местного населения, эти «конторы» занимались безудержным обогащением. Способы для этого изобретались самые разнообразные. В Киеве вдруг объявился... консул Бразилии господин Пирро. По городу немедленно распространился слух, что в бразильском консульстве ничего не стоит получить визу на выезд за рубеж. К Пирро потянулись многие из уцелевших киевлян. Консул всех брал на заметку и... тут же сдавал в подвалы ЧК. А уж там с несостоявшимися эмигрантами умели разговаривать!

И «железный» Петерс, и Блюмкин отродясь не носили пресловутых «белых перчаток». Никакая кровь их не страшила. И все же киевские нравы потрясли обоих. В «конторе» на Садовой улице орудовала некая Эда Шварц, недавняя проститутка. Эта дамочка, расправляясь со своими жертвами, изобрела «буржуйские перчатки»: с кистей обреченных перед расстрелом снималась кожа.

Завершив разборку в Киеве, Петерс направился на юг, в родной город Блюмкина.

В Одессе операция по отъему денег была продумана тоньше. Там спасением буржуев занималась некая баронесса Штерн. У нее якобы имелись надежные связи с германским консульством и с представительством «Международного Красного Креста». Визы добывались в основном в Константинополь. Уезжающие знали о жестоких обысках на таможне. Баронесса предлагала не рисковать и вручить драгоценности ей в руки под расписку. Получить их хозяева смогут уже в Константинополе. За свои хлопоты баронесса брала вполне приемлемый процент. Надо ли говорить о том, что всех сдатчиков арестовывало ЧК, а драгоценности и валюта обретали новых хозяев?

В Одессе, родном городе, Блюмкин задержался. Здесь он свел близкое знакомство с Заковским, занимавшим должность заведующего статистическим отделом облздрава. Незаметный пост помог Заковскому раскинуть по Одессе сеть вербовщиков. Работали в основном женщины без предрассудков и с привлекательной внешностью. Они знакомились с уцелевшими офицерами, сводили их вместе, создавая организацию, а затем подводили под арест. Особенно успешно работали две тайные сотрудницы — Адочка и Лялечка. Примечательно, что обе чекистки любили собственноручно расстреливать своих недавних кратковременных возлюбленных.

На взгляд Блюмкина, изобретательный Заковский занимался тем, что «гнал туфту». Никаких организаций-то на самом деле не существовало! Но все равно, метод массовых арестов заслуживал внимания.

Заковский доверительно открыл еще один секрет гешефтов на крови: пограничный. Речь шла о так называемых «окнах» на границах. Издавна этими секретными путями за рубеж владели местные евреи-контрабандисты. За хорошую плату они помогали и политикам: переправляли беглецов из тюрем, а также принимали нелегальщину. Сейчас владельцы «окон» стали обслуживать желающих убраться за границу. Как правило, это были люди небедные и все свои богатства несли с собой. Темной ночью, в непогоду, проводники заводили беженцев в глухой лес, приканчивали, а тела бросали в болотную хлябь. Не удержавшись, Блюмкин восхитился. Работа чистая, что и толковать! Не оставалось никаких следов...

Национальный пресс на завоеванный народ обеспечивали четкие законы новой власти.

25 июля 1918 года, спустя неделю после уничтожения царской семьи, был принят «Декрет об антисемитизме». С 5 сентября того же года, как реакция на убийство Урицкого и покушение на Ленина, стал действовать декрет о «красном терроре». В идейном плане власть вроде бы вела жестокую борьбу с пресловутой «черной сотней». Однако со временем это звучало все более неубедительно, фальшиво. Но вот в 1922 году Бенито Муссолини со своими чернорубашечниками захватил власть в Италии. Страна Петрарки стала фашистской.

Сам термин — «фашист» — был немедленно подхвачен на Лубянке. Борьба с сомнительными «черносотенцами» обрела высокий политический смысл, став войной с «русским фашизмом»!

Русских фашистов стали находить и преследовать повсюду: на заводах и стройках, в редакциях и научных учреждениях.

Скверное зрелище представляет собой осенняя Москва. Дождь вперемешку со снегом, сырой холодный ветер, слякоть под ногами. Нахохлились извозчики, сердиты милиционеры, злы и задирчивы по пустякам прохожие, с завистью поглядывая на освещенные двери ресторанов и пивных. Вот где настоящий рай в эту ненастную погоду!

Из пивной на Мясницкой улице выскочил измятый человечек и бросился к постовому милиционеру.

— Товарищ, там хулиганы проявляют антисемитизм. Идите и арестуйте их. Я требую!

В прокуренной пивной шумно гуляла компания подвыпивших поэтов. Они громко спорили, размахивали руками и часто употребляли слово «жид».

Подвыпивший детина с русыми всклокоченными волосами кричал, стуча кулачищем по столику:

— Еще Достоевский предупреждал: «жид погубит Россию». Не читали? Так надо было читать!

На горластую компанию с соседних столиков поглядывали с тревогой. Озябший милиционер подошел к захламленному столику и коротко предложил компании: «Пройдемте!»

Так началось скандальное дело «Ордена русских фашистов». Членами «Ордена» были объявлены известные поэты: Есенин, Ганин, Клычков, Орешин и другие.

Из всех задержанных в пивной поэтов самым «фашиствующим» считался Сергей Есенин. Он уже несколько раз побывал в кровавых лапах Лубянки (всего 12 задержаний и приводов). Всякий раз его отпускали с миром, но с каждым арестом удавий глаз секретных служб становился пристальней, прилипчивей. В конце концов поэта поручили Блюмкину и ловкий Янкель сделался постоянным его спутником. Есенин в Баку — и Янкель за ним, Есенин в Тифлис — Янкель снова рядом. По неким деталям Блюмкин догадывался, что великого русского поэта готовили для какого-то слишком «громкого» политического эксцесса. Персонажами его, по многим признакам, должны были стать такие фигуры, как Сталин, Ворошилов, Молотов, Киров и Чагин (журналист, друг Кирова и Есенина). Весь круг попавших в «разработку» бесспорно характеризовался подчеркнутой «русскостью», а следовательно, вполне мог сойти за «русских фашистов». Своим отточенным чутьем Янкель Блюмкин улавливал сложные ароматы «большой политики», основы которой в России заложили его кумиры Свердлов и Троцкий.

Поручая Блюмкину Есенина, шефы ВЧК учитывали его опыт точно такой же плотной опеки Николая Гумилева. Тогда, три года назад, Блюмкин словно приклеился к поэту, ходил за ним по пятам и беспрестанно бормотал его стихи. Гумилев нервничал, пробовал устраивать скандалы, однако Блюмкин смиренно объяснял свою навязчивость поклонением

и продолжал наизусть шпарить целыми саженями стихи обреченного поэта,

Обрекающее внимание со стороны косоглазого чекиста Сергей Есенин воспринимал как близкое дуновение смерти. Именно Блюмкин стал мрачным персонажем поэмы «Черный человек».

Задержанных в пивной поэтов обвинили не только в антисемитизме, но и в терроризме. В их планы будто бы входило взорвать здание Коминтерна, здание ЦК на Старой площади и здание Моссовета. Намечались вроде бы и убийства членов правительства. Словом, весомый набор задуманных преступлений, достаточный для расстрельного приговора.

Следствие, к сожалению, располагало подлинными письменными доказательствами опаснейшего умонастроения русских поэтов. Алексей Ганин, близкий друг Есенина, возмущаясь невыносимым еврейским засильем в родной стране, сочинил своего рода воззвание к русскому народу. Блюмкин читал эти обличительные строки и наливался яростью. Проклятый гой! У него чесались руки поступить с автором воззвания точно так же, как с Гумилевым.

Алексей Ганин писал:

«Наша Россия по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславие, 'превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние... Если не принять какие-то меры, то России, как государству, грозит окончательная смерть, а русскому народу —неслыханная нищета, экономическое рабство и вырождение».

Любопытно, что к преступным деяниям «русских фашистов» было притянуто нелепое происшествие в Курске. Там на улицах города вдруг появился козел, к его рогам была привязана фанерка с надписью: «Бей жидов, спасай Россию!» Козла сопровождала толпа возбужденных обывателей. Власти разогнали любопытствующих, а козла-антисемита арестовали. Вскоре в местной газете появилось извещение: «Решением Губчека козел расстрелян».

Точно такая же участь ожидала и членов пресловутого «Ордена русских фашистов».

Сергей Есенин все еще оставался на воле. Он метался по стране, по пятам преследуемый наглым чекистом с «лисьим» глазом.

Уничтожение выдающихся русских поэтов Янкель Блюмкин называл «штучной работой». Таким образом он вносил свой посильный вклад в освоение завоеванной страны.

После Есенина в лапы Блюмкина поступили два деятеля, не имеющие ничего общего с поэзией. В своем роде это были личности международного плана, оставившие свой след в истории. Речь идет о Сиднее Рейли и Борисе Савинкове.

С этими людьми Лубянка долго вела хитроумные интриги и в конце концов сумела заманить их в СССР. При переходе границы оба были схвачены и помещены во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Наступил безрадостный финал в бурных судьбах обоих. В предсмертной тоске как один, так и другой дрогнули и выложили следователям все, что знали и таили. А знали оба много, чрезвычайно много. Рейли был настоящим асом британской разведки, Савинков — известным всему миру террористом. Деятельность обоих была самым тесным образом связана с судьбой России.

Заставить арестованных дать откровенные показания — на языке чекистов называлось «расколоть». Так вот, «раскалывать» обреченных узников внутренней тюрьмы выпало Янкелю Блюмкину. По решению высокого лубянского начальства его подсадили в камеры к арестованным и он, усердно исполняя роль «наседки», сумел искусно влезть в души отчаявшихся узников и внушил им единственную надежду на спасение: полное чистосердечное признание.

Грязная работа в камерах не вызывала у Блюмкина никакой брезгливости. Героизм, считал он, вовсе не в том, чтобы очертя голову лезть на пулеметы. Настоящий героизм — понятие настолько широкое, что включает в себя как изощренное изучение людских натур, так и вкрадчивое, умное терпение в достижении поставленной цели.

Работа «наседкой» значительно обогатила его в познании человеческих характеров.

Сидней Рейли, он же Соломон Розенблюм, доводился земляком Блюмкину. Этот выходец из Одессы связал свою судьбу с секретными службами. Но вот только ли Великобритании? Блюмкин считал, что он работает на нескольких хозяев. В частности, и на американцев. Неисправимый бабник, Сидней-Соломон покорил в свое время сердце Э. Войнич, английской

писательницы, автора книги «Овод». (Вниманием женщин Рейли пользовался исключительным.). Он имел звание капитана британских военно-воздушных сил, был награжден орденом «Военный крест». Однажды судьба свела его с Базилем Захаровым, чудовищно разбогатевшим на торговле оружием. Гигантские прибыли Захарова соблазнили Рейли попробовать счастья в коммерции. Он стал компаньоном некоего Мендраховича, прогорел на первом же гешефте и сделался едва ли не антисемитом.

Искусный и опытный разведчик, Рейли знал, как зарабатывается милосердие противника. Умирать ему не хотелось. Жизнь еще не раскрыла до конца всех своих прелестей. А тут косоглазый сокамерник так и лезет в душу описанием всяческих соблазнов на воле! Он и сам достаточно поработал в России и навсегда сохранил воспоминания о ночной жизни и Петербурга-Петрограда, и Москвы. Часто вызываемый на допросы, Рейли давал ответы на самые секретные темы. Бывалый одессит впервые назвал имя того, кто в июне 1918 года застрелил комиссара по печати Володарского, — этим боевиком был эсер Семенов, состоявший сотрудником питерской милиции. Назвал Рейли также имена заместителя наркома иностранных дел Карахана и дочери Бонч-Бруевича Елены. Обоих ловкий агент британской разведки завербовал и заставил работать на себя. Эти люди, признался он, помогали ему заводить полезные знакомства на самых верхних этажах советской власти. Благодаря именно таким высоким связям ему удалось осуществить одну из самых своих блистательных агентурных операций (так он сам считал): он втайне организовал Добровольческую армию Московского района. Да, да, настоящую армию! Это было в дни, когда Деникин победоносно шел на Москву. «Добровольцы» Рейли должны были встретить Деникина ударом изнутри, т.е. мятежом, ударом в спину советской власти. Удар не состоялся, потому что Деникину не удалось взять Тулу.

Совершенно выжатый на допросах, Рейли становился все откровенней со своим сокамерником. Постепенно их отношения обрели фривольный тон двух жизнелюбивых одесситов. При этом окончательно сломленный британец допускал странные проговорки, из которых Блюмкин делал вывод: Рейли все же не до конца раскалывался на допросах. Создавалось, в частности, впечатление, что он работал не на одного британского

«хозяина». Своим умом Блюмкин вычислял, что настоящий шеф попавшегося разведчика сидит где-то невероятно высоко, — во всяком случае, куда выше Лондона.

Однако эти свои невольные открытия Блюмкин оставил для себя. Он-то прекрасно знал, что ему еще жить да жить, а вот для сокамерника, как он ни старался, песенка спета.

Рейли расстреляли. А для его хозяев пришлось разыграть небольшой спектакль на границе с Финляндией. Там при попытке перейти пограничную речку был застрелен нарушитель, и этим нарушителем Москва объявила известного британского разведчика Сиднея Рейли.

Нахождение в камере с Борисом Савинковым помогло Блюмкину получить первые представления о такой международной мощной силе, как масонство.

Борис Савинков, достигший мировой известности еще до начала Большой войны в Европе, стал масоном лишь в 1917 году. Одно это свидетельствует, что даже таким заслуженным деятелям приходится просеиваться через предельно строгое отборочное сито.

Попав в подвал Лубянки, Савинков хорохорился недолго. Еще до подсадки к нему Блюмкина опытные следователи, словно при игре в преферанс, открыли свои карты с набором козырей. И арестованный боевик воочию убедился в том, что лгать, изворачиваться бесполезно.

На отношении Блюмкина к своему «пациенту» сказалось откровение Савинкова, вырвавшееся как-то в задушевном ночном разговоре: он вдруг вспомнил, что однажды, в Париже, встретился в ресторане с Троцким и не только отбил у него женщину, но и наградил его увесистой пощечиной. Поди же знай, посмеивался Савинков, что обстоятельства могут так перемениться! Троцкий сейчас в Кремле, а он — в подвале Лубянки. Но его ладонь, признался бывший боевик, до сих пор хранит память о прикосновении к волосатой щеке диктатора.

Лучше бы он этого не вспоминал! Троцкий был кумиром Блюмкина. С той ночи отношение его к Савинкову изменилось.

Оба они состояли членами одной партии: эсеров. Блюмкин знал: у Савинкова к руководству партии на протяжении всех лет сохранялось презрительное отношение, как у породистого барина к дворне. Отчаянный руководитель боевиков, он держал

себя с надменным превосходством общепризнанного специалиста по террору. Партия, кстати, платила ему той же монетой...

Блюмкину доставило истинное наслаждение не только унизить, но и буквально раздавить спесивого боевика. Он убедительно доказал ему, что за всеми вроде бы героическими подвигами «Боевой организации» постоянно находилась... царская охранка. Ну, Азеф — история известная. А Гершуни? А вся эта шустрая братия, вроде Доры Бриллиант и Мани Школьник? А братья Зильберберги и Шпайзман? Впрочем, что толковать об этом человеческом мусоре, если даже Манасевич-Мануйлов, заведующий канцелярией премьер-министра, обхаживал Савинкова по заданию охранки! Причем не только в Питере, но и в Париже, в давние-давние времена... Так что не было никакого исключительного героизма. По заданию жандармских генералов он убивал неугодных лиц и время от времени посылал на виселицу поверивших в него людей.

Расчет Блюмкина оказался точным: Савинков убедился, что его победоносное молодечество направлялось мудрецами из жандармского ведомства. Итог жизни получился позорный: самая настоящая «шестерка», незначительная пешка на доске большой игры... Да, обидно!

Окончательно добило Савинкова доказательство того, что верный, много раз проверенный сподвижник Дерентaль находился на постоянной связи сначала с царской охранкой, а затем и с ВЧК. (Скорей всего, его передал Дзержинскому генерал Джунковский, последний руководитель корпуса жандармов, оказавшийся в этом же лубянском подвале.)

Блюмкина убрали из камеры, когда выяснилось, что в дальнейшей «обработке» арестованного больше нет нужды. Сломленный Савинков вполне созрел для самых откровенных показаний.

Покинув камеру, Блюмкин несколько раз встречался с Савинковым в кабинете следователя. Его приглашали как «специалиста по Мирбаху». Дознание касалось мятежа эсеров, начавшегося, как известно, с выстрелов в особняке германского посольства. К своему изумлению, Блюмкин узнал, что убийство графа Мирбаха (чем он втайне гордился) было всего лишь незначительной деталью в громадном «Зазеркалье» мятежа — эта сложная операция объединила усилия не одной Лубянки, но и секретных служб Антанты и Германии.

Необычность замысла заключалась в том, что до выстрела Блюмкина Лубянка сотрудничала с Савинковым и агентами Великобритании и Франции, а после убийства Мирбаха — с немцами, с «Комиссией № 4», представлявшей воинское подразделение в полторы тысячи солдат. Блюмкин вспомнил, что накануне мятежа чекисты произвели налет на штаб савинковской организации, помещавшийся в Молочном переулке, арестовали около ста человек, но не захватили ни Савинкова, ни полковника Перхурова, его ближайшего помощника. Савинкова в это время не было в Москве, он выехал в Вологду для встречи с послом Франции Нулансом, а полковник Перхуров уже находился в Ярославле. И Савинков, и Перхуров ощущали острую нужду в деньгах. Планы предстояли грандиозные. Заговорщики собирались взорвать несколько кораблей в Кронштадте, а также мосты вокруг Петрограда (чтобы вызвать голод и бунт рабочих). Планировался дополнительно подрыв поездов возле Нижнего Новгорода и Череповца. Сигнала к выступлению ждали боевые отряды в нескольких крупных городах Сибири и Поволжья. Англичанин Брюс Локкарт неутомимо доставлял оружие и взрывчатку. Ну и деньги, разумеется. У него на связи постоянно находились мистер Пуль из американского консульства, капитан Лоран и некие Эрдих и Анри, бывший морской офицер.

Венцом всего замысла планировалась высадка английского десанта в Архангельске.

В те лихорадочные дни окрепла дружба Локкарта с Савинковым. Местом их встреч чаще всего были квартира врача Винтерфельда возле Смоленского рынка и дача в Томилино.

На всякий случай заговорщики тщательно прослеживали маршруты Ленина. Первоначальной задачей мятежа было физическое уничтожение членов Совнаркома.

Новое задание, полученное Блюмкиным, было необычным даже для него, привыкшего к исполнению самых диковинных поручений своего изобретательного и строгого начальства. Он поступил в распоряжение Глеба Бокия, лубянского руководителя из когорты самых «железных». В Петрограде Бокий работал заместителем Урицкого. После выстрела Канегиссера он заменил убитого и возглавил не только кровавую вакханалию мести в городе на Неве (в первую

же ночь он расстрелял 512 заложников), но и стал главным расстрельщиком в республике Советов. Все списки жертв «красного террора» утверждены его размашистой подписью.

Блюмкин оробел под взглядом Бокия. Лицо его поражало изможденностью (в отличие от упитанных Петерса и Лациса). Глаза были глубоки и почти безумны. Сказывалось постоянное нечеловеческое напряжение. В замкнутом мире Лубянки понятия чести считались диковинкой, здесь ничего не принималось на веру и все подвергалось сомнению.

В поле зрения Лубянки попал некий А.В. Барченко, сотрудник института мозга. Врач по образованию, он со студенческих лет заинтересовался явлениями мира нематериального, неосязаемого. Занимаясь изучением высшей нервной деятельности человека, Барченко подал идею существования в природе «невидимых мозговых волн». На Лубянке идея понравилась, ее обсудили со всех сторон. Наклевывалась возможность научиться читать мысли на расстоянии. Перспективы открывались самые завлекательные!

Блюмкин впервые услышал о таком явлении, как телепатия, и о первых опытах Барченко по передаче мыслей на расстоянии.

Барченко был прямо-таки помешан на Тибете, уверяя, что именно там находится настоящий духовный центр нашей планеты.

Проникновение в загадочную Шамбалу откроет возможность разгадать секрет неведомых таинственных сил, управляющих миром.

31 июля 1925 года Барченко и Блюмкин побывали на приеме у наркома иностранных дел Чичерина. Экспедиция на Тибет показалась наркому подозрительной. Он внимательно приглядывался к лихорадочной жестикуляции Барченко. Проводив посетителей, он позвонил своему хорошему знакомцу Трилиссеру. Тот неожиданно вскипел и назвал Бокия «негодяем». На следующий день Трилиссер вызвал Блюмкина и они вдвоем направились к Ягоде, заместителю Дзержинского. События принимали такой оборот, что Блюмкин испугался. Он чувствовал, что вокруг затеи с экспедицией кипит начальственная интрига, в которой замешаны какие-то слишком высокие интересы.

В итоге экспедиция сорвалась: визы в Тибет получить не удалось.

Тем не менее Бокий приказал Блюмкину отправляться в Тибет одному. Стало известно, что к поискам таинственной Шам-

балы готовится американская экспедиция под руководством русского художника Н.К. Рериха. Блюмкин должен был присоединиться к ней.

В конце лета Янкель Блюмкин уехал в Монголию.

На Восток он попал впервые. Его покорили огромные пространства, о которых и не догадывается житель перенаселенных центральных губерний России, красота нетронутой человеком природы и удивительный колорит местного населения, его одежды, нравы, обычаи, культура и религия. Он помнил, что именно здесь, в монгольском аймаке, увидел свет великий потрясатель Вселенной Чингисхан.

Блюмкин обзавелся одеждой странствующего ламы и покинул Ургу. Где-то в конце сентября он издали увидел пыль на степной дороге. Это двигался солидный караван экспедиции Рериха. Лама, каких бродило много по степям, присоединился к едущим и бредущим.

Личность художника Н.К. Рериха до наших дней окружена ореолом загадочности, таинственности. Он прожил за границей почти всю жизнь и прославился не столько живописными полотнами, сколько своей так и не объясненной до конца привязанностью к Индии. При этом его чрезвычайно интересовал как раз Тибет. Не совсем понятны и его отношения с советской властью. Как известно, они никак не складывались, да так и не сложились.

Экспедиция Рериха была оснащена прекрасно. Американцы не поскупились. Единственное, что угнетало путешественников, — страх. О Тибете рассказывали разнообразные ужасы. Чтобы преодолеть весь путь до конечной цели, требовалось покорить не менее тридцати высокогорных перевалов. Эти перевалы будто бы настолько ужасны, что вьючные животные отказывались идти, а люди седели.

Блюмкин-лама некоторое время не вызывал никаких подозрений. Подвела его привычка разговаривать во сне (понятное дело — по-русски). Узнав об этом, Рерих пригласил навязавшегося ламу для беседы. Блюмкин решил не запираться. Тотчас выяснилось, что художник страшно рад такому неожиданному стечению обстоятельств. Он стал даже заискивать перед чекистом. Речь руководителя экспедиции приняла горячечный характер, он не справлялся с напором мыслей. Блюмкин узнал,

что в загадочный Тибет стремился сам Александр Македонский! Сейчас считается, что именно такое жгучее внимание к Востоку и стало причиной ранней смерти полководца — будто бы вмешались какие-то загадочные высшие силы... Тут же выяснилось, что из современных деятелей Рерих почитает барона Унгерна, мечтавшего, как известно, о «желтых поводьях Чингисхана», и, как это ни странно, Ленина. Художник уверял, что Вождь революции являлся носителем магической ауры и с полным правом мог считаться махатмой.

«Тоже чокнутый», — печально заключил Блюмкин, выслушав лихорадочную речь художника.

О том, как закончил путешествие Блюмкин, ничего достоверно не известно. Вместе с экспедицией он достиг перевала Дангла. Действительно, и людям, и животным предстояли испытания жестокие. А впереди, по рассказам проводников, ожидали еще 34 таких же перевала. Не то устрашившись трудностей, не то добившись от Рериха обещания непременно побывать в Москве, Блюмкин повернул назад. Забегая вперед, скажем, что Н.К. Рерих на самом деле приехал в СССР в 1926 году. Скорей всего, именно в такой своеобразной «вербовке» художника и заключалось особое задание Бокия, которое Блюмкину и удалось исполнить. Следовательно, подвергать себя трудностям дальнейшего пути он посчитал излишним.

Блюмкин недаром опасался зависти товарищей. Его стали ненавидеть. Темный человек, ловкач, любимчик самого высокого начальства! Ему не поздоровилось бы при первой же чистке, однако и Бокий, и Трилиссер не дали его в обиду.

Время, когда Блюмкин возвратился из Монголии, выдалось бурным. Переступил все мыслимые границы неповиновения и фрондерства Зиновьев — и его с треском сняли, заменив Кировым. Много надежд возлагалось на путч Троцкого — и снова неудача. Развенчанного кумира Блюмкина сначала сослали в Алма-Ату, а затем выкинули в Турцию.

Туда же, в Турцию, отправился и Блюмкин, став резидентом советской разведки.

По паспорту на имя Якуба Султан-заде «лисий глаз» открыл лавку антиквара. Торговал он старинными хасидскими рукописями из хранилищ библиотеки им. Ленина. Торговля пошла бойко. Блюмкин писал на Лубянку, поторапливая

с присылкой свежего товара, и указывал, что желательны сокровища Эрмитажа.

Само собой, резидент установил тесные связи со своим кумиром. Сын Троцкого, Лев Седов, стал частым гостем в антикварной лавке удачливого торговца. Время от времени он приводил Блюмкина к отцу. Троцкий, жестоко разгромленный в России, не падал духом. Он был уверен, что большевики не справятся с трудностями государственного управления и сами призовут его во власть.

Осенью 1929 года Блюмкина неожиданно вызвали в Москву.

На прощальном свидании Троцкий настроился на деловой лад. Он устремил на Блюмкина долгий взгляд, как бы оценивая его надежность для предстоящих дел. Для передачи в Москву у него были приготовлены две книги. Там, на условленных страницах, он написал конспиративными чернилами свои инструкции. Книги следовало передать снохе Анне Самойловне, жене Льва Седова... Внезапно Троцкий встал, прошелся по кабинету и вдруг положил на плечо Блюмкину руку — жест доверия старшего товарища. Он заговорил о том, что ОГПУ не спускает с него глаз. Ждать хорошего от этих «товарищей» не приходится. Блюмкину поручалось разузнать о тех мерах, которые вынашивают его недруги в СССР. И постараться сообщить ему сюда, в Турцию... Затем он сообщил о серии арестов, случившихся в Москве. Что скрывается за ними? Кто взят? Ничего об этом Троцкий не знает. А знать необходимо!.. В связи с этим следовало установить, почему не подает о себе вестей Ефим Дрейцер. Надо бы Блюмкину с ним встретиться, ну а если встреча по какой-либо причине невозможна, то хотя бы поподробней разузнать о нем и сообщить.

В заключение Троцкий попросил своего агента раздобыть побольше разнообразных сведений о советских военных атташе в посольствах европейских стран. Сейчас, в свете того, что предстоит, это очень и очень важно.

У Блюмкина бешено заколотилось сердце. От слов кумира на него повеяло обещанием надвигавшейся борьбы. Приближаются, как видно, золотые денечки! Он воодушевился. Троцкий покорял его своей уверенной деловитостью. Какой великий человек! Как широки его горизонты! Вот это настоящий вождь!

В Москве стояла слякотная осень. Блюмкин дал знать о своем приезде Лизе Розенцвайг-Горской. Девушка, тоже чекистка, тотчас примчалась в знакомую квартиру на Арбате. Он попросил ее найти Арона Яковлевича Пломпера, заместителя директора Еврейского театра. Телефон Пломпера не отвечал, квартира на замке. Поменялся, что ли? Уехал? Лиза сообщила, что в Москве идут аресты. Установилось правило не ночевать дома, а уходить к знакомым и друзьям.

На следующий день его принял Трилиссер. Низкая настольная лампа оставляла лицо начальника в тени. Трилиссер выглядел нехорошо. Разговор вышел коротким. Давний опекун посоветовал Блюмкину исчезнуть из Москвы. Блюмкин растерялся. Ему предстояли обязательные встречи с Радеком, Дерибасом и Сосновским. Об этом просил его Троцкий. Увидев, что Блюмкин колеблется, Трилиссер настоятельно произнес, что исчезнуть следует поскорее.

Сознание острой опасности ударило в руки и ноги. Если уж настаивает такой человек... Но не может же он не выполнить указаний Троцкого!

Несколько дней Блюмкин провел в лихорадочной спешке. Отыскался, наконец, Пломпер — он находился на нелегальном положении и ночевал у знакомых. Блюмкин не смог встретиться с Анной Самойловной и передал книги Радеку. Он переговорил с Иваном Смирновым, со Смилгой, заглянул к поэту Городецкому.

Однажды он заметил за собою слежку. Его «пасли». Прав был Трилиссер: из Москвы следовало убегать. В три часа ночи он в панике вломился в квартиру Р. Идельсон, жены художника Фалька. Поздний гость был перепуган, его «лисий глаз» косил сильней обычного. Он попросил хозяйку дома обменять сто долларов на советские деньги, сбрил усы и остригся. Поколебавшись, он снял телефонную трубку и позвонил Трилиссеру и Лизе. С Трилиссером разговора не получилось, Лиза спросила, где он находится, сказав, что беспокоится за него. Он пообещал скоро приехать.

В это время на Лубянке изучали два оперативных донесения. Одно поступило от В. Левина, сотрудника журнала «Чудак» (он находился в квартире Идельсон, когда туда вломился Блюмкин). Второе донесение принадлежало... Лизе. Все эти

дни она внимательно наблюдала за метаниями своего любовника по осенней Москве. Лиза обратила внимание на портфель Блюмкина, набитый долларами, и предупредила, что «объект» собирается улизнуть в Ростов. Ордер на арест Блюмкина подписал Ягода.

В тот же день, когда Блюмкин оказался в хорошо знакомом подвале Лубянки, в Турцию, Троцкому, ушло сообщение некоего Рабиновича, незаметного сотрудника ОГПУ. Троцкий попытался помочь своему агенту, замыслив организацию кампании, подобной защите Сакко и Ванцетти. Ничего не получилось: международная общественность никак не отреагировала на провал «лисьего глаза».

19 октября в кабинете Агранова состоялся первый допрос заигравшегося чекиста. Блюмкин откровенничал с усердием. Его показания заняли 35 страниц на машинке. По ходу признаний он сильно «заложил» не только Троцкого, но и Бокия с Трилиссером.

3 ноября состоялся суд. Судьбу чекиста решали свои: заседала коллегия ОГПУ. Трилиссер лез из кожи, чтобы спасти Блюмкина от расстрела. Но заседание вел Агранов, и у него, как говорится, оказался козырь старше. Понимая, что шансы на спасение ничтожны, Блюмкин зачем-то попросил устроить ему очную ставку с Маяковским и Кольцовым. Кроме того, он несколько раз повторил, что был перед товарищами предельно чистосердечен...

В тот же вечер его расстреляли.

Этот человек по своим многолетним занятиям и накопившимся знаниям секретнейших дел был просто обречен на исчезновение.

А ЧТО ЗА ЗЕРКАЛОМ?

Материалы, которые стал теперь приносить в своей серой папочке Ежов, касались Коминтерна. В сталинской памяти мгновенно ожил давнишний разговор со Свердловым, когда тот, самый главный человек в Республике Советов, явился вдруг за ним в Царицын и увез его в своем поезде в Москву. Октябрь 1918 года... Почти 20 лет назад...

Коммунистический Интернационал (Коминтерн) был организацией масштабной, его влияние распространялось на всю беспокойную в те дни планету. Старинная Москва стала всего лишь первой завоеванной столицей. Глаза новых хозяев, разжигавших пламя мирового революционного пожара, жадно устремлялись и на Запад, и на Восток.

Подготовка революций — дело разорительное. При изобилии горячих отчаянных голов обязательно необходимы огромнейшие деньги. Россия, тысячелетняя империя, одна из богатейших стран под солнцем, стала изобильным резервуаром средств для осуществления дерзких планов преобразователей порядков на планете.

Революционерам повезло — сокровища России оказались неисчерпаемы.

Ленин нетерпеливо требовал поторопиться с овладением Крымом, чтобы освободить руки для братской помощи революционерам Запада. Главком Красной Армии И. Вацетис отдал приказ на прорыв в Европу. Первая Украинская армия нацеливалась на Венгрию, Третья Украинская армия — на Бессарабию. В Одессе и Киеве спешно формировалась Первая интернациональная советская стрелковая дивизия (контингент бойцов — румыны, болгары, чехословаки и югославы).

23 июля 1920 года в разгар боев за Львов и Варшаву в штаб Юго-Западного фронта на имя Сталина пришла срочная шифровка Ленина:

«Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а, может, также Чехию и Румынию. Сообщите ваше подробное заключение».

В Австрию, в Вену, срочно выехал Бела Кун с крупной суммой денег.

Тухачевский, командующий войсками Западного фронта, подписал приказ, который заканчивался призывом:

«Даешь Варшаву! Даешь Берлин!»

В Москве, в Бутырской тюрьме, стали спешно сортировать арестованных анархистов, отбирая «кадры для загранработы в Италии».

Надежды на мировой пожар не покидали даже после сокрушительного поражения под Варшавой, даже после краха мяте-

жей в Венгрии, Германии, Словакии, Эстонии. Костер революции, устрашающе полыхнув, чадил и затихал. Европе удалось отбить натиск из Москвы. Однако заправилы Коминтерна не хотели и слышать о крушении своих планов. Ими владела неизбывная надежда на «перманентное» развитие великой революции.

Ячейки Коминтерна в других странах назывались «опорными пунктами». Действовали они нелегально, работали там люди, сменившие не только фамилии, но и обличья. Многие из них были в числе пассажиров «ленинского вагона» и «парохода Троцкого». Они владели искусством подпольной деятельности и бегло разговаривали на двух-трех языках. От них в Москву регулярно поступали подробные отчеты о проделанной работе, о достигнутых успехах.

Жалобы на произвольное расходование средств, отпускаемых на революцию, поступали постоянно. Находиться у такой воды и не замочить рук... Под липовые отчеты громаднейшие суммы денег попросту транжирились. Еще Ленин гневно говорил о «безобразиях и отвратительных злоупотреблениях».

Зиновьев, много лет возглавлявший эту гигантскую международную организацию, самодержавно охранял ее от малейшего контроля.

У Коминтерна с самого начала был такой недосягаемо высокий статус, что даже ВКП(б) со своим Политбюро считалась всего лишь его ячейкой, влиятельной, но не руководящей. Вся полнота власти принадлежала Исполкому Коминтерна (ИККИ), который избирался на конгрессах. Формально любые решения ИККИ считались обязательными для ВКП(б). Ведь речь шла о единой мировой организации, в которой ВКП(б) выделялась только тем, что ей удалось осуществить свою задачу на территории царской России.

Настырнейший Ежов, сломив Зиновьева, залез в самые глухие дебри Коминтерна. За все годы бурной деятельности этой организации, наглухо изолированной от повседневной трудной жизни советского народа, нар-ком был первым посторонним человеком. От всего, что творилось в этой таинственной «конторе», у него от удивления глаза вылезли на лоб. Вот где была лавочка! Вот где царила самая барабанная демагогия! Вот где процветало самое бессовестное воровство!

Ежов с его неукротимым юдофобством нашел в завалах Коминтерна богатейшую поживу. В этой организации, целиком

предназначенной для работы в зарубежье, русским духом не пахло совершенно.

Самый крупный опорный пункт Коминтерна находился в центре Европы, в Берлине. Возглавлял его некий Янкель Рейх (подпольная кличка: «товарищ Томас»), Перед назначением в Берлин он прошел собеседование с Зиновьевым, Бухариным и Радеком. Затем его принял Ленин. Напутствуя отобранного назначенца, вождь революции приказал ему взять с собой как можно больше денег и не скупиться на расходы.

Валютные запасы Республики Советов в те годы были невелики. Посланцы Коминтерна отправлялись за границу, отягощенные всевозможными драгоценностями, а также произведениями искусства, конфискованными у буржуев. Уже функционировал Г о х р а н — загадочное учреждение, куда свозились все сокровища, обнаруженные во время ночных внезапных обысков. Ведали Гохраном два Янкеля: Юровский и Ганецкий-Фюрстенберг, многолетний агент Парвуса, сумевший стать ближайшим сподвижником Ленина.

Янкель Ганецкий встретил Янкеля Рейха и повел его в кладовые. Он сказал, что Ильич уже звонил и просил снабдить «товарища в Берлин» как положено. К сожалению, наличными он может выдать только миллион марками Германии и Швеции, остальное придется выручать продажей драгоценностей в антикварных магазинах.

В кладовых у Рейха разбежались глаза. Огромные комнаты были завалены драгоценностями до потолка.

У Рейха был с собой небольшой чемодан. Он рассмотрел изделия из золота и серебра, окинул взглядом прислоненные к стенам картины и остановился у драгоценных камней, сваленных прямо на полу.

— Берите! Берите! — поощрил его Ганецкий.

Набив чемодан бриллиантами, Янкель Рейх отправился в Берлин работать на мировую революцию.

Революции Янкель Рейх не устроил не только мировой, но даже в самой Германии. Зато собственное существование обставил с немыслимой роскошью (обзавелся, к примеру, даже двумя самолетами). Несколько раз он прилетал в Москву и, пополнив запас драгоценностей, снова улетал.

Чем призрачней становились надежды на мировой пожар, тем настойчивей проявляли свою изобретательность устрои-

тели этого катаклизма. Расходы Коминтерна возрастали год от года. Уже действовали Профинтерн, Сельхозинтерн, Спортинтерн и прочие международные организации. Заработала специальная Финансовая комиссия Политбюро, возник секретнейший Франкфуртский фонд, появился постоянный «Второй текущий счет» в Госбанке, откуда уходили громаднейшие средства на финансирование мифической «Восьмой базы физкультурников из Спортинтерна».

Словом, черпали, кто хотел и что хотел, причем, брали столько, сколько могли.

Ни учета, ни контроля за расходованием денег при этом не существовало совершенно — из боязни оскорбить честь и достоинство «пламенных революционеров».

В конце концов Янкель Рейх обратил на себя внимание своими непомерными и бессмысленными тратами. Его вызвали в Москву. Он спесиво заартачился, затем сообразил, что ссориться ему не с руки. Последовало тщательное расследование (все мятежи в Германии позорно провалились). Открылось самое неприглядное: Янкель Рейх даже не имел партийного билета, т.е. оказался обыкновенным проходимцем. Что же — карательный расстрел? (Тогда безжалостно казнили за малейшие прегрешения.) Ничуть не бывало! Радек бросился к Зиновьеву, тот — к Дзержинскому и нахальный прохиндей был спасен (скончался он в 1956 году в США, прожив жизнь в довольстве и достатке).

А советские люди, превозмогая все трудности, в это время возводили Днепрогэс, Магнитку, прокладывали Турксиб.

В газетах тех лет печатались фотоснимки: косматый верблюд, нюхающий рельсу в казахской степи, черное скопище рабочих землянок у подножия горы Магнитной, хоровод девушек, укладчиц бетона в тело днепровской плотины, взявшись за руки, босыми ногами утрамбовывают вязкую массу бетона (на приобретение современных вибраторов не хватало средств)...

Ежов, готовясь к докладам в сталинском кабинете, собирал и отбирал наиболее возмутительные факты растранжиривания народных денег.

Они подтверждали, что пассажиры «ленинского вагона» и «парохода Троцкого» устроили себе райскую жизнь. А всех трудов то было — составить липовый отчет да покрасоваться на трибуне конгресса.

Работа в Коминтерне гарантировала постоянную занятость и необыкновенно высокий жизненный уровень. На такие большие деньги, как мухи на сладость, слетались авантюристы разных мастей. Анжелика Балабанова многие годы была любовницей фашистского диктатора Муссолини. Половая психопатка, она — вдвое старше своего избранника. Балабанова нашла в Москве утоление своих болезненных страстей. Одно время она работала в секретариате Коминтерна. В ее столе скопилось несколько записок Ленина с просьбами не жалеть денег, не скупиться на расходы.

В канун разгрома частей Красной Армии под Варшавой Зиновьев и Бела Кун отправились в Баку на съезд народов Востока. На текущие расходы они взяли сто тысяч золотых рублей (так сказать, командировочные).

Помощник Генерального секретаря Поскребышев доложил, что настойчиво добивается приема Надежда Константиновна Крупская. Звонки один за другим... Иосиф Виссарионович поморщился. Много лет эта пожилая женщина носит в своей душе жгучую ненависть лично к нему, когда-то «чудесному грузину». Все годы она с ними против него. Сколько раз входила в «блоки», подписывала всевозможные «платформы», выступала с самых высоких трибун, эксплуатируя имя своего давно скончавшегося мужа. Опять, скорей всего, явится плакальщицей и защитницей. Кого на этот раз?

И ведь не откажешь!

Не понимает она, что ли, что ее попросту используют без всякого зазрения совести?

Иосиф Виссарионович не ошибся. Речь шла о Пятницком-Таршисе, одном из крупных деятелей Коминтерна. Назначенный в эту организацию Лениным, он ведал там наиболее деликатными делами: денежными и агентурными.

Расчисткой Коминтерна занимался Третий отдел Первого управления НКВД. Всю сложную работу курировал заместитель наркома В.М. Курский. Оперативные и следственные мероприятия осуществлялись сотрудниками Одиннадцатого отделения: капитан Л. Полячек, лейтенанты А. Лангфанг и Д. Шварцман.

На этот раз с Лубянки в Кремль был вызван М. Фриновский, один из заместителей Ежова.

Статный военный с несколькими ромбами в петлицах, Фриновский докладывал стоя и навытяжку. Изредка он заглядывал в папку с приготовленными документами. Сталин ходил возле рабочего стола, хмуро глядя под ноги. Он представлял, какой паникой охвачен Коминтерн. Лубянка разворошила настоящее осиное гнездо.

Пятницкий-Таршис, докладывал Фриновский, не арестован, а лишь допрашивается. Обличающих материалов много, очень много. Следствие располагает показаниями самых близких друзей и сотрудников Пятницкого. Неделю назад, 28 июня, взят под стражу Бела Кун. На первых же допросах, надеясь на прощение, он самым подробным образом «осветил» тайную деятельность не слишком законспирированной организации и назвал много имен: Эберлейн, Карельский, Крепе, Смолянский, Миф, Шваб, Райман, Меринг, Глезер, Гринберг, Мертенс, Питерман, Линдерут, Чернин, Бойземахер, Мадьяр, Вуйович, Идельсон, Грольман. Руководителями организации названы Пятницкий-Таршис, Кнорин, Абрамов-Миров. Понемногу осуществлялся тайный план — создать ячейки IV Интернационала (организации Троцкого) в структуре Коминтерна. Установлено также, что заговорщики имеют связь с немецкими военными (генералы Гаммерштейн и Шлейхер).

Сталин, демонстрируя свою феноменальную память, спросил о Георгии Алиханове, начальнике отдела кадров Коминтерна (отец Елены Боннер, жены академика Сахарова). От Алиханова в органы поступило несколько разоблачительных писем. Следствие вначале опиралось на его сигналы.

«Пауки в банке» — так охарактеризовал Фриновский теперешнюю обстановку в растревоженном аппарате Коминтерна. Письма-сигналы Алиханова облегчили работу НКВД. Однако на первых же допросах выяснился неприглядный облик самого «сигнальщика»: Алиханова арестовали и допрашивают.

О Пятницком-Таршисе, одном из руководителей организации троцкистов, Фриновский заявил: уличающих показаний вполне достаточно для визы (на арест).

Отпустив докладчика, Иосиф Виссарионович с удрученным видом размышлял о назойливых хлопотах Крупской. Он знал о плохом состоянии ее здоровья. И все же никак не унимается! Не может себе представить «старых гвардейцев» мужа в роли предателей-перерожденцев.

Он распорядился подготовить очную ставку Пятницкого-Таршиса с кем-нибудь из его ближайших помощников, уже водворенных на Лубянку. Пусть вдова Ленина приедет и послушает собственными ушами!

В Коминтерне кипела напряженнейшая свара. Троцкисты стремились всеми силами спихнуть Георгия Димитрова и посадить на его место своего человека. За главное кресло дрались двое: Пятницкий и Мануильский. Мало-помалу положение Мануильского становилось предпочтительней. После того, как в Германии к власти пришел Гитлер, Франция в планах Коминтерна выходила на передний план (Пятницкий считался специалистом по Германии).

Георгий Димитров, выиграв судебный процесс в Берлине, пользовался колоссальной популярностью. Он приехал в Москву в ореоле непримиримого борца с коричневой чумой фашизма. В его лице Сталин обрел верного сторонника в выкорчевывании корней троцкизма.

Троцкий к тому времени окончательно связал свой IV Интернационал с германскими секретными службами. Георгий Димитров, встречаясь со Сталиным, подолгу рассуждал о потаенных планах затаившихся фашистских прихвостней и одобрительно отзывался о целеустремленной деятельности Ежова. Недавно НКВД прямо на конгрессе Коминтерна арестовал трех делегатов из далекой Палестины. Все трое оказались матерыми сионистами. Один из них, пекарь из городишка Яффы, был завербован еще Янкелем Блюмкиным.

Первые открытые процессы в Колонном зале позволили ухватить множество ниточек о тайных намерениях врагов советской власти. На одной из встреч Сталин говорил Димитрову:

— Они обещали немцам Украину, полякам Белоруссию, японцам Приморье. Им ничего не жалко! И они очень надеялись, что Гитлер нападет на нас. Мы все это, конечно, знали. Но не торопились. Хотелось побольше доказательств, фактов... Рисковали? Нет, не думаю. Правда, они, вроде бы, готовили акцию в июне. Но я знал и был уверен: не решатся, побоятся. Они же трусы... Но все же кое-что открылось неприятное. Кое-что мы прохлопали. Это — большой урок для нас!

Иосиф Виссарионович имел в виду доказательства того, что троцкисты в Коминтерне регулярно финансировали непо-

средственно самого Троцкого. В обстановке полнейшей безотчетности сделать это было совсем нетрудно. Сталин пришел в ярость. Поэтому заступничество Крупской легло на старые дрожжи. Вспомнились увивавшиеся возле жены умиравшего Вождя Троцкий и Каменев...

В эти дни Ежов был с головою занят подготовкой процесса Бухарина.

Этот пакостник тоже, наконец-то, оказался в «ежовых рукавицах». Он долго ловчил, удачно прятался за спинами подельников и, напрягая силы, всячески приближал «День Х». Возмездие наступало неотвратимо. В последний миг, стараясь разжать мертвую хватку маленького наркома, «любимец партии» Бухарин сделал отчаянный ход: он объявил голодовку. За ним ухаживали молоденькая жена (Анна Ларина-Лурье) и старенькая, опустившаяся М.И. Ульянова, Маняша, сестра Ленина. Маняша наставляла хорошенькую Анечку потихонечку подкармливать Николая Ивановича. Только следовало быть осторожной, чтобы об этом никто больше не знал...

Доказательства бухаринской вины были неопровержимы. Заговорщики, оказавшись на тюремных нарах, спасали свои жизни и «раскалывались» окончательно. Все хотели жить, все придерживались извечного уголовного принципа: «Умри ты сегодня, а я завтра». Следователи не успевали записывать. Лубянка работала сутками напролет.

Тем временем сам Пятницкий-Таршис названивал в приемную Ежова. Он требовал очных ставок с арестованными сотрудниками аппарата Коминтерна. С ним разговаривал Фриновский. Не говоря ни слова о сталинском поручении, он пригласил Пятницкого к себе на Лубянку.

В 9 часов вечера Пятницкий получил пропуск и поднялся на пятый этаж. Всей процедурой очной ставки руководил Курский. Подтянутый лейтенант Лангфанг вел протокол.

Из внутренней тюрьмы доставили Бела Куна, Кнорина и Абрамова-Мирова. Это были самые ближайшие сотрудники, товарищи по долголетней совместной работе. Требуя свидания с арестованными, Пятницкий надеялся, что они проявят стойкость «пламенных революционеров» и не выдадут того, что уже сделано и что предстоит осуществить. Поэтому он так хорохорился. Кроме того, ему хотелось ободрить соратников,

вдохнуть в них уверенность в близкое спасение. Не надо вешать головы! Надежды и намерения Пятницкого рухнули в первые же мгновения, едва арестованных ввели в просторный кабинет заместителя наркома. Все трое выглядели подавленными. Их обличающие показания быстро сбили спесь Пятницкого. Он потух, плечи его опустились. Домой он добрался в 3 часа ночи. На тревожный взгляд жены лишь махнул рукой и проговорил:

— Очень плохо, Юля...

Он не сказал жене, что ему дали две недели для оправдания.

Смерть Ленина значительно ослабила позиции троцкистов. Пусть больной, но живой, потерявший способность говорить и двигаться, Вождь партии большевиков с помощью своего женского окружения оказывал громадную поддержку как самому Левушке Троцкому, так и Левушке Каменеву с Гришей Зиновьевым (именно так, по именам и ласково, имела обыкновение называть их Крупская, привыкнув к этому за годы долгой эмигрантской жизни). После смерти Вождь принадлежал уже не их компании, а всей Партии. Своей клятвой у гроба Ленина Генеральный секретарь все расставил по своим местам. Фигура мертвого Вождя в руках Сталина превратилась в мощное оружие борьбы.

Обратить внимание на деятельность Коминтерна Сталина заставили несколько причин. Прежде всего, Исполком Коминтерна все ощутимей стремился подмять под себя ВКП(б), став и для нее единственным директивным органом.

К тому времени, когда Иосиф Виссарионович решил узнать, куда же утекают такие немыслимые средства, на что они расходуются, каковы итоги столь безумных трат, Коминтерн представлял чудовищно разбухшую организацию.

На первом конгрессе, состоявшемся весной 1919 года, присутствовало всего два десятка человек. Но едва весть о московской затее полетела по землям и весям планеты, в столицу Советской России хлынули потоки всякого рода «борцов» и «реформаторов». От Коминтерна, как головной организации, стали отпочковываться самые разнообразные структуры, имеющие зачастую вполне самостоятельное значение. Вот приблизительный перечень самых главных из них:

Коммунистический интернационал молодежи — КИМ.

Красный интернационал профсоюзов — Профинтерн.

Международная организация помощи борцам революции — МОПР.

Международная организация рабочей помощи — Межрабпом.

Крестьянский интернационал — Крестинтерн.

Красный спортивный интернационал — Спортинтерн.

Лига борьбы против империализма, колониального угнетения и за национальную независимость.

Международное объединение революционных писателей — МОРП.

Международное объединение революционных театров — МОРТ.

Международный комитет друзей СССР.

Интернационал свободомыслящих пролетариев.

Международное объединение бывших участников войны.

Интернационал квартиронанимателей.

Международный комитет действий против военной опасности и фашизма.

Всемирный комитет борьбы за мир.

Антифашистский центральный комитет.

Международный комитет борьбы против войны и фашизма.

Международный женский комитет борьбы против войны и фашизма.

Международный комитет пропаганды.

Тихоокеанский секретариат профсоюзов.

Латиноамериканская конфедерация труда.

Интернационал работников просвещения.

Интернационал моряков и портовых рабочих.

Тысячи и тысячи ловких, пронырливых людей, толпящихся у денежных касс и у закрытых распределителей пайков. Как номенклатура высшего разряда, они привыкли к жирной и обильной пище, обрели вкус к роскошной жизни на западный манер.

Для подготовки руководящих кадров Коминтерн располагал закрытыми учебными заведениями:

Международная Ленинская школа.

Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (с филиалом в Ленинграде).

Коммунистический университет трудящихся Востока (с филиалами в Ташкенте, Баку и Иркутске).

Коммунистический университет трудящихся китайцев.

Кроме того функционировала совершенно секретная школа в Баковке, под Москвой, где готовились специалисты диверсионного профиля. Существовали также три секретные базы в Подлипках, Ростокине и Пушкине. В глубоких недрах Коминтерна копошились сотни оперативных работников, легальных и нелегальных, курьеров, шифровальщиков, радистов, специалистов по изготовлению фальшивых документов.

Ничего удивительного, что прошедшие выучку и закалку коминтерновцы стали смешиваться с проверенными кадрами Иностранного отдела ОГПУ (ИНО) и Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ). Закордонная разведка стала одной из главных задач Коммунистического Интернационала. Этим, в основном, занимался Отдел международных связей (ОМС), самая главная и самая тайная структура Коминтерна. ОМС — настоящая нервная система всемирного коммунистического движения. Во главе этого важнейшего отдела стояли обыкновенно самые надежные, самые проверенные люди.

Сложилось так, что вся громада Коминтерна существовала совершенно отчужденно от проблем страны Советов, давшей приют главному штабу этой организации и снабжавшей ее средствами без всяких ограничений. Трудящиеся СССР рвали свои жилы, претворяя планы пятилеток, мирились с нищетой, голодом, лишениями. Коминтерн же об этом не хотел и слышать. Он жил обособленно, увлеченный одной заветной целью: осуществление мировой революции.

ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ

Дождь шел так сильно,
что свиньи стали чистыми, а люди - грязными.
Из школьного СОЧИНЕНИЯ

Гитлер не был основателем партии национал-социалистов. Он имел билет № 7.

Фигура фюрера, как и всего государственного образования под названием «Третий рейх», возникла на почве жгучего национального унижения немцев и гигантских денег, закачанных в германскую промышленность. Растерзанная решениями Версальской конференции, Германия отчаянно голодала и наливалась мстительной яростью. Котел национального возмущения

грозил взрывом неслыханной силы. Для обуздания этой разрушительной стихии, направления ее в определенное русло и была создана партия нацистов. Гитлер стал ее главой в итоге сложных политических манипуляций.

Ангажированность немцев в интересах неких тайных сил видна хотя бы по тому, что грабили и унижали Германию западные страны, а месть ее была направлена строго на Восток, на СССР.

Гитлер, неплохой оратор и выдающийся демагог, умело растравил обиды голодного немецкого обывателя. Население Германии, ослепленное животными инстинктами, превратилось в послушное стадо. Это стадо искало виновников своих неслыханных страданий. Фюрер указал на них: жиды и коммунисты. После этого величественно вскинул руку и простер ее в сторону СССР. Там, уверял он, находится смертельная угроза для немецкого народа: режим «жидобольшевиков». Отыскав таким образом «козлов отпущения», Гитлер ступил на путь Наполеона.

Судьба и Третьего рейха, и самого фюрера описана многократно. К сожалению, слишком скудно освещены те мощные усилия, с помощью которых в центре Европы вдруг вспучилась страшная слепая сила, собравшая элиту выродков и воплотившая тоталитаризм крокодила. А знать это необходимо.

Во всей истории германского нацизма отчетливо видна целенаправленная заданность. Силу пара, скопившегося в котле, направляют на колесо. Мстительную ярость немцев направили на большевиков и на Россию.

Сам Гитлер, жалкий бомж из Вены, вдруг почему-то завоевал симпатии Бехштейна, владельца крупной фабрики по изготовлению роялей. Затем на Гитлера обратил свой ласковый взор издатель Ханфштенгль. А милости еще одного издателя, Брукмана, простерлись до того, что он раскошелился и купил для нацистской партии захудалую газетенку «Фелькишер Беобахтер». Этот дождь благодеяний вдруг посыпался на Гитлера из «тучи», имевшей американское происхождение. Жены и Бехштейна, и Ханфштенгля были еврейками из США, а издатель Врукман, покупая газету, открыто расплатился не марками, а долларами. Позднее сын Ханфштенгля Эрнст по кличке Путци займет пост начальника отдела печати в нацистской партии. А жена Бехштейна, Елена, получит почетное звание «подруги-матери» Третьего рейха.

Итак, первые американские источники германского нацизма налицо.

В этом отношении необыкновенно полезно познавательно оглянуться на события истории.

Общеизвестно, как происходило освоение Североамериканского материка: поголовное уничтожение индейцев и бесчеловечная эксплуатация чернокожих рабов. Любопытно при этом, как стремительно растет среди американцев количество иудеев. Если в 1897 году их было 986 тысяч, то двадцать лет спустя их становится четыре с половиной миллиона!

Соединенные Штаты превращались в подлинную «обетованную землю».

Отсюда, скорее всего, и неудержимо возраставший ветхозаветный дух «американской нации», проникнутый собственным величием и ненавистью ко всему остальному миру.

Сенатор Лодж:

«Наша история — это история колонизации и завоеваний, с которыми ни одна нация в XIX веке не может сравниться. И никто нас в будущем не будет в состоянии остановить!»

Множество спесиво-установочных заявлений оставил Вудро Вильсон, на годы президентства которого пришлись окончание Первой мировой войны и первые годы советской власти. Вот только некоторые из них:

«Отныне только мы должны руководить миром!»

«Полная свобода действий является естественным правом США!»

Как видим, безжалостная сила завоевывает пространство, а пространство придает захватчикам новые силы!

Большая война в Европе, завершившаяся крушением трех самых сильных монархий, убедила американцев в исключительной прибыльности гешефтов с человеческими жизнями. До 1914 года долг США Европе составлял 6 миллиардов долларов. За несколько лет войны американцы не только погасили этот долг, но и повязали европейцев крепким лассо, ссудив им под чудовищные проценты 10 миллиардов долларов.

С тех пор войны стали приоритетным способом США зарабатывать умопомрачительные деньги.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила под угрозу не только колоссальные прибыли США, но и

- в перспективе - само существование мира насилия и чистогана. Гешефтмахеров потрясло дерзкое посягательство на священные принципы частной собственности. Русские объявили на весь мир, что решительно возвращаются к заповедям Спасителя, принявшего крестные муки ради счастья всех нищих, обездоленных.

С того времени борьба с государством трудящихся стала во главу угла всей мировой политики. Мир частников пошел войной на молодое общество, где покончили с господством капитала.

Первым президентом Соединенных Штатов стал не банкир и не заводчик, а простой лесоруб с могучими руками труженика. Он вовремя разглядел, в какую пропасть увлекают его народ хищные гешефтмахеры. Покидая высокий пост, А. Линкольн предостерег своих сограждан:

«В недалеком будущем произойдет опасный перелом. Приход к власти корпораций повлечет за собой эру продажности, и капитал станет утверждать владычество над демократией, играя на самых темных инстинктах масс до тех пор, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих — и тогда конец демократии и равенству».

На Версальской мирной конференции тон работе задавали исключительно банкиры. В. Вильсон, наследник лесоруба, пугал планету нашествием русских лесорубов и требовал для борьбы с ними «быть зверски грубыми и беспощадными».

Стране Советов пришлось испытать самые разнообразные формы американской грубости и беспощадности: от Троцкого до Колчака. Знаменитая «АРА», вроде бы спасавшая русский народ от голода, возглавлялась Г. Гувером. Этот респектабельный господин являлся не только крупным кадровым разведчиком, но и владельцем нефтяных месторождений Майкопа. О том, как он спасал несчастных русских, говорит его признание: «Цель моей жизни — уничтожение Советской России!»

Хорош заботливый, что и говорить!

Первым, кто протоптал тропу фашизма, считается Муссолини, диктатор Италии. В отличие от Гитлера он предпочитал не коричневый цвет, а черный. Его легионеры так и назывались: «чернорубашечники».

Основателями партии Муссолини являлись в основном евреи. Они же впоследствии составили и ядро фашистского режи-

ма на Апеннинском полуострове. Центральный печатный орган Муссолини, газета «Пополо де Италия», была куплена на деньги банкира Э. Ионы. Благодетель, преподнося фашистам свой подарок, поставил перед ними одно условие: не трогать синагог.

Хаим Вейцман, председатель Всемирной Сионистской Организации (ВСО), немедленно поспешил в Рим. Следом за ним направил туда же свои стопы и видный сионист Наум Гольдман. Тому и другому Муссолини пообещал: «Я помогу вам создать еврейское государство!»

В благодарность за столь сердечную отзывчивость Совет еврейских издателей США включил Муссолини в символический список 12 христианских апостолов, объявив, что диктатор Италии «внес выдающийся вклад в борьбу с антисемитизмом».

Примерно таким же почитанием сионистов пользовался и диктатор Венгрии адмирал Хорти.

В самом центре Берлина, по соседству с наиболее мрачными учреждениями рейха, размещался «Палестинский офис». В его конторе более трех лет работал Леви Эшкол, будущий премьер Израиля. «Палестинский офис» раскинул свои филиалы по всей территории Третьего рейха. Сначала он преобразовал «Союз сионистов Германии», назвав его «Имперский союз евреев Германии».

При этом не затихали вопли о невыносимой судьбе евреев в рейхе.

Эти отчаянные крики первыми услышали те, на кого они и были рассчитаны: американцы. Государственный секретарь США К. Хэлл откомандировал в Европу своего ответственного чиновника Г. Шенфельда. Ему предстояло посетить концентрационные лагеря Германии и своими глазами убедиться в жестокостях фашистского режима. Посланец из-за океана побывал в лагерях (в те времена их было совсем немного) и убедился в том, что сидели там одни коммунисты. Шенфельд вернулся из командировки откровенно обескураженным.

Затем следом за ним в США отправился Я. Шахт, финансовый гений фюрера. У него состоялся ряд встреч с тузами Уолл-стрита. Ссылаясь на авторитетные свидетельства Шенфельда, посланец Гитлера заверил американских (читай: еврейских) финансистов в том, что «нет более демократического правительства в мире, чем правительство Гитлера». Так что вкла-

дывайте смелее деньги, господа, и не берите в голову разные глупости относительно евреев!

Итогом поездки Шахта за океан был внушительный заем.

В том же 1933 году конференция финансистов в Лондоне приняла так называемый «Меморандум Гугенберга». Этот документ четко указал основное назначение щедрых инвестиций в военно-промышленный комплекс Третьего рейха: опасность большевизма, надвигавшуюся с Востока. Я. Шахт, участник конференции, встретился с Г. Норманом, директором Английского банка, и договорился о займе в миллиард фунтов стерлингов.

Одна незадача тревожила тем летом и Гитлера, и его финансовых благодетелей: растущее недовольство в рядах самой национал-социалистической партии. А. Дрекслер, основатель партии, сердито указывал фюреру на то, что «он играет на руку мировому еврейству». Дрекслера поддерживали капитан Рем, Штрассер и другие основатели германского нацизма.

Гитлер покончил с недовольными одним ударом: в «ночь длинных ножей» со всеми «критиканами» решительно расправились. Ответом на эту кровавую акцию был вздох облегчения в финансовых столицах.

В это же время в Соединенные Штаты отправился племянник фюрера Патрик. Он объехал ряд городов Америки, выступая с лекцией на тему: «Мой дядя — еврей».

В свою очередь Р. Гейдрих, шеф РСХА, самый страшный человек в рейхе, сумел достать в Вене полицейское досье Гитлера. Там хранились документы о самоубийстве Гели, племянницы фюрера, обесчещенной своим дядей, и справка о не залеченной позорной болезни Гитлера. Достоин внимания тот факт, что копии добытых документов были переправлены в Англию.

Словом, Гитлера сажали не только на финансовый крючок...

«Палестинский офис» был легальным учреждением, открыто сотрудничавшим с РСХА. Гораздо любопытнее приглядеться к деятельности сионистов полулегальной, а то и вовсе нелегальной. В этом отношении приоритет, бесспорно, принадлежит организации под названием «Хагана». Возглавлял ее Файвел Полкес, уроженец Львова, бегло болтающий на 12 языках. Этот человек пользовался личным покровительством Гейдриха. Изредка, не имея возможности приехать в Берлин, Полкес отправлял к Гейдриху своего надежного агента Моше

Даяна. Впоследствии и Полкес, и Даян удостоверили, что сионистское движение предвоенной и военной поры полностью управлялось «черным орденом» СС.

В том же году, когда Гитлер пришел к власти, в июне, начала работать система по «честному» отъему денег у богатых евреев. Им предлагалось отправиться в Палестину и там, на земле обетованной, включиться в строительство суверенного Израиля. Легко представить, что испытывали кандидаты в поселенцы, когда с ними разговаривали белокурые бестии в черных мундирах. Отказчиков, как правило, не находилось. Тогда их направляли в контору под названием «Палтрой». Там они должны были внести все имеющиеся ценности (в первую очередь деньги). Получить их обратно им предлагалось в Тель-Авиве, обратившись в тамошнее учреждение под названием «Хаавара». За эту услугу организаторы брали ровно половину внесенной суммы.

Братский дележ своим накопленным имуществом с эсэсовцами был не чем иным, как щедрым финансированием нацизма.

«Как же там живут мои дорогие евреи?» — однажды задумался Мильденштайн и выпросил у Гейдриха командировку на Святую Землю. О том, как немецкие евреи героически осваивают скудную, выжженную солнцем землю Палестины, шеф Еврейского отдела рассказал в серии статей, напечатанных в геббельсовской газете «Ангрифф». Итоги командировки посчитали настолько важными, что в честь Мильденштайна выбили специальную медаль. На одной стороне медали изображалась свастика, на другой — шестиконечная звезда Давида.

Судьба Польши, государства, расположенного в самом центре Европы, полна исторических потрясений. Худо ей пришлось и в годы гитлеризма. Фюрер немецкого народа по-еврейски ненавидел спесивых шляхтичей и определил им горькую долю рабов. Не помог и фашист Пилсудский. Недаром на территории Польши немцы разместили огромные предприятия, связанные с вредным производством. В цехах этих химических заводов полякам предстояло сгинуть как народу, как нации.

Гитлер напал на Польшу 1 сентября 1939 года. Весь август ушел у него на сложные международные маневры. Фюрер страшился получить отпор, но не от поляков, а от объединенных сил Европы.

11 августа Гитлер встретился в Берлине с Верховным комиссаром Лиги Наций Буркхардом. Фюрер потребовал:

— Я должен иметь свободу рук на Востоке. Все, что я предпринимаю, направлено только против России.

Прежде чем скормить Польшу нацистам, посланец Лиги Наций намекнул на важность согласия британцев. Просияв, Гитлер распорядился советом гостя по-своему: в Лондон ушел запрос о том, могут ли там принять Геринга, а в Москву — о приеме Риббентропа.

Полет Геринга в Англию был назначен на 23 августа. Визит носил крайне секретный характер. Англичане сами прислали за посланцем фюрера свой самолет (почему-то окрашенный в ярко-зеленый цвет).

Внезапно Гитлер переменил свое решение, вылет Геринга задержал и отправил в Москву Риббентропа.

Вечером того же дня в Кремле состоялось подписание знаменитого пакта.

Помимо Ф. Полкеса, руководителя деятельной «Хаганы», глубокий след в крайне затуманенной истории сердечных отношений сионистов и нацистов оставил Р. Кастнер. Именно этому человеку было доверено подписать тайное соглашение между РСХА и ВСО. От имени Главного Управления Имперской Безопасности Третьего рейха документ подписал А. Эйхман. Р. Кастнер поставил свою подпись от имени Всемирной Сионистской Организации.

Сионисты не любят вспоминать об этом бесчеловечном сговоре. Тайное соглашение они квалифицируют точно так же, как и знаменитые «Протоколы сионских мудрецов»: фальшивка. И понять их в таком упорном непризнании можно: пакт Эйхман — Кастнер обрек на смерть сотни тысяч еврейской бедноты. Нет, не вообще евреев, а именно бедных, еврейскую голь перекатную. Как уже упоминалось, богатые евреи уезжали в Америку, молодые, но бедные отправлялись осваивать Палестину, бедных же и старых загоняли в скотские вагоны и увозили в Польшу — там, на болотистых равнинах, дымили трубы гигантских заводов по производству синтетического каучука и бензина. Без этих важнейших материалов военная машина Третьего рейха остановилась бы.

Немцы, мужчины Германии, надели мундиры вермахта и взяли в руки оружие. Их места в цехах предприятий заняли

рабы — независимо от расы и национальности. Рабочие руки в Третьем рейхе считались материалом стратегическим, поэтому бездумное уничтожение любого раба выглядело бы настоящим преступлением. Прежде чем умереть, раб обязан был отдать все свои силы на алтарь воюющего рейха.

Истребительная акция, которую ныне называют Холокостом, коснулась не одних евреев, а всех народов завоеванной Немцами Европы. Причем в самой основе холокоста лежит сугубо классовый подход: на страдания и смерть несчастных обрекала только бедность. Богатым было хорошо и при нацистах!

ПРОВОКАТОР

В провокации, как и во всякой другой сфере человеческой деятельности, имеются свои «герои».

Известность Романа Малиновского, крупного большевика, ничем не уступала знаменитому Евно Азефу из партии эсеров.

Странная судьба лежала за плечами «большевистского Азефа».

Царская охранка накопила колоссальный опыт по внедрению провокаторов в ряды различных политических течений. Не имелось ни одной организации, где не присутствовали бы ее тайные «глаза и уши». Соблазняя «революционеров» на предательство, охранка умело действовала рублем: в этом ведомстве существовала сдельная оплата. Малиновский начал с мелочи — 25 рублей в месяц, однако вскоре добился предельной ставки — 500 рублей.

Стремительный успех Малиновского во многом объяснялся тем, что он с первых же шагов стал любимчиком «Старика» (Ленина). Молодой, энергичный, резкий в суждениях, уверенно разбирающийся в политических событиях, провокатор сумел мгновенно завоевать привязанность как самого Вождя, так и Крупской (особенно Крупской!). Именно таким, по мнению Ленина, должен быть передовой рабочий. Всячески выделяя его и продвигая, Ленин ввел Малиновского в Центральный Комитет, сделал его главой так называемого «Русского бюро» и даже поручил возглавить думскую фракцию большевиков. Иными словами, провокатор сделался в партии фигурой вровень с самим Вождем!

Если учесть, что главным редактором «Правды» к тому времени был также опытный провокатор Мирон Черномазов, то контроль охранного отделения за деятельностью большевиков стал абсолютным.

Внедряясь в партию большевиков, Малиновский получил главное задание: проникнуть в самое ближайшее окружение Ленина. С помощью провокатора охранка намеревалась держать Ленина на коротком поводке. Ей хотелось «быть в курсе всей деятельности Ленина, а также использовать его и руководить им в направлении интересов политики Департамента полиции».

С этим поручением Малиновский справился блестяще.

В 1912 году в Праге состоялась конференция РСДРП(б). Малиновский присутствовал как представитель мощного Союза металлистов. Он так себя поставил, что за ним ухаживали, его слова ждали. Совершенно очарованный им Ленин повез его из Праги в Лейпциг, где познакомил с Ганецким и Уншлихтом. В том же году в Вене собрался общий съезд всех политических организаций, представляющих русскую эмиграцию. Нагрянул даже Троцкий в сопровождении Урицкого и Ларина. К этому событию охранка подготовилась заблаговременно. Венское собрание выглядело настоящим сборищем матерых провокаторов. Вот их имена: Г. Алексинский (полицейская кличка «Лапка»), А. Поляков (Петр, Александр, Кацап, Сидор), Р. Малиновский (Портной), А. Романов (Пелагея), М. Черномазое (Москвич), доктор Я. Житомирский (Андре, Доде).

Каждый из провокаторов не только написал отчет о съезде, но и внес в его работу свой посильный вклад. Дело в том, что основной задачей собиравшихся было объединение всех имеющихся сил. Для этого следовало разделаться с Лениным, объявив его узурпатором и диктатором. Однако такой ход событий не устраивал генералов из охранки. Ленин был им нужен для осуществления дальнейших планов. И провокаторы, каждый на свой манер, внесли разлад в работу съезда и сорвали намечавшиеся «похороны» Ленина.

После Праги и Вены Малиновский стал получать высший провокаторский оклад — 500 рублей в месяц.

Охранное отделение постоянно испытывало нужду в неистовых горланах, в крикливых выступальщиках против существующего режима. Такие базарные ниспровергатели своей

показушной смелостью значительно облегчали властям применение репрессивных мер.

Как правило, все провокаторы отличались поразительной дерзостью в своих митинговых выступлениях.

В Государственной Думе Малиновский пользовался славой скандалиста. Он открыто призывал к свержению самодержавия и упрекал робких деятелей в постоянном соглашательстве с режимом. Его завидное бесстрашие создало ему славу пламенного борца за народное счастье, которому плевать на аресты, тюрьмы, суды.

Последним летом перед войной Малиновский принял участие в работе IV Всероссийского съезда торговых служащих. Собрание было многолюдным и настроено по-боевому. Председательствовал Керенский. Одному из первых он предоставил слово Малиновскому. Зажигательная речь большевистского делегата произвела оглушительное впечатление. Полиция такого позволить не могла и немедленно прикрыла съезд. Несколько человек из числа организаторов были тут же арестованы.

Год спустя после Пражской конференции Малиновский отправился к Ленину в Польшу, в Поронино. Они горячо и много говорили о провокаторстве. Охранка не дремала. Малиновский кипел негодованием. Из Поронино он уехал с ленинским заданием. Вождь поручил именно ему возглавить борьбу с провокаторами в партии. Узнав об этом, охранка без промедления пришла ему на помощь. Генерал Джунковский распорядился «стравить» некую Шорникову, не очень ценного агента. В качестве ответной меры Малиновский «сдал» Сталина и Свердлова. Они оба были арестованы в Петербурге и сосланы за Полярный круг, в Курейку.

Долгой полярной ночью Сталин и Свердлов подробно обсудили подозрительное поведение любимчика Вождя (особенно же — Крупской). Все в нем поражало нарочитостью, фальшивостью. Не таким он был, каким хотел казаться! Пожалуй, лишь одно в нем было натуральным — усугубляющееся год от года пьянство. Но... что делать? — за него горой стояли Ленин с Крупской. У них в семье провокатор был принят как родной.

Елена Розмирович, тогдашняя любовница Малиновского, работала в думской фракции большевиков. С ней провокатор перестал стесняться. Она обратила внимание, что ее сожитель

проматывает чересчур большие деньги. Со своими подозрениями Розмирович обратилась к Ленину и Крупской. Те подняли ее на смех. Заподозрить такого человека! И — в чем?! Крупская, глядя на нее своими мертвящими глазами, обезображенными запущенной базедовой болезнью, посоветовала ей обратиться к психиатру.

Внезапно над партией большевиков грянул гром с ясного неба: на самом пике своей большевистской деятельности Малиновский заявился к председателю Государственной Думы Родзянко, швырнул ему свой депутатский мандат и, не вдаваясь в объяснения, объявил, что слагает с себя все полномочия. Что и говорить, поступок был из ряда вон. Такого еще не бывало.

Многомудрый Родзянко, поразмыслив, обратился к шефу жандармов генералу Джунковскому. Тот сначала отвечал уклончиво, затем, однако, признал, что Малиновский много лет был у него «на окладе», но он решил с ним расстаться «по моральным соображениям». Лукавый генерал умолчал, что провокатор уже получил заграничный паспорт и положенные в таких случаях наградные в размере годового оклада — 6 тысяч.

Признания главного жандарма повергли Родзянко в глубокие раздумья. Повторялась история с Азефом. Того, тщательно законспирированного провокатора, вдруг на совершенно ровном месте «сдал» генерал Лопухин, тогдашний глава царской охранки. О том, что заставило его совершить столь чудовищное служебное преступление, не смог выяснить даже закрытый суд. Лопухин точно так же, как и Джунковский, объяснил свой поступок «соображениями нравственного порядка». Суд приговорил Лопухина к каторжным работам. Джунковский же не понес никакого наказания и продолжал занимать свой высокий и важный пост.

Что же, черт возьми, заставляло этих «секретных» генералов так внезапно расставаться со своими, казалось бы, самыми ценными агентами?

Ответ на этот мучительный вопрос был получен четыре года спустя, когда совсем забытый Малиновский, по слухам, скрывшийся в Германию, вдруг объявился в Москве и скрылся за массивными дверями грозной Лубянки.

Разоблачение Малиновского произвело и в партии, и в обществе эффект разорвавшейся бомбы. Газеты зашумели. В

Думе ответ держал тучный и басовитый Родзянко. Не вдаваясь в подробности, он рассказал о своей беседе с генералом Джунковским.

Взбудораженному обществу оставалось лишь развести руками: что ж, еще одна грязная история. От провокаторов уберечься невозможно!

Свой мандат руководителя большевистской фракции в Госдуме Малиновский выбросил 8 мая.

В тот же день вечером к нему на квартиру бросился Григорий Петровский (старый масон высокой степени). Он спешил потребовать от предателя вразумительных объяснений. По его словам, он застал партийного товарища угарно пьяным и в слезах. Малиновский рвал на себе рубаху и умолял ничему не верить. Он объявил, что едет к Ленину.

Обыкновенно провалившиеся провокаторы, страшась расплаты за предательство, стараются забиться в какую-либо щель, сменить фамилию, затаиться. Совсем не так повел себя Малиновский. Получив в охранке не только наградные, но и отпускные, он нахально заявился к Ленину в Поронино. Рассказывая о случившемся, Малиновский снова плакал, возмущался, порою даже взвизгивал. Его успокаивали, как умели и могли. Ни Ленин, ни тем более Крупская не поверили в его паскудство. Предатель был обласкан, обнадежен. Ленин немедленно сел писать статью в его защиту.

Статья получилась гневной, по-ленински яростной. Вождь партии приказывал «не пачкать имени своего товарища».

В истрепанном, зачитанном до дыр номере «Правды» за 25 мая напечатано коллективное письмо за подписями Ленина, Зиновьева и Ганецкого. Авторы клеймят «грязных клеветников» и решительно объявляют: «Мы абсолютно уверены в политической честности Малиновского». Затем состоялось заседание партийного суда чести. Судьи: Ленин, Зиновьев, Ганецкий. Вердикт выносится категорический: к столбу позора гнусных клеветников-черносотенцев!

В начале войны Малиновский вроде бы добровольцем отправляется на фронт. Вскоре пронесся слух, что он убит. И снова Ленин берется за перо. Появляется прочувствованный некролог. Скорбь Вождя безмерна. Однако тут же выясняется, что Малиновский находится в плену. Живет он в лагере военнопленных и активно настраивает солдат на поражение в войне.

Говорит он зажигательно, к нему тянутся, его жадно слушают. Он куда-то часто уезжает, снова приезжает, привозит вороха газет, журналов, листовок. С лагерным начальством запанибрата. Вольный режим в лагере вроде бы позволял ему регулярно встречаться с Лениным и Крупской.

Партийная карьера Малиновского совершалась на глазах старых большевиков-подпольщиков. Все они поражались упорству, с каким Ленин продолжал защищать разоблаченного провокатора. За месяц до царского отречения, 31 января 1917 года, Вождь вновь выступил в защиту Малиновского, напечатав о его деятельности восторженную статью.

Что скрывалось за этим непостижимым уму упорством? Слепая вера? Но Ленин совершенно не таков. Обаяние Малиновского? Как раз обаянием-то провокатор не блистал... скорей — наоборот. Как и Азеф, он производил отталкивающее впечатление.

Так что же все-таки?

Почему Вождь партии, словно соревнуясь с генералами охранки, не только постоянно покрывал, но и настойчиво протаскивал заведомого негодяя к вершинам партийного руководства?

В предательстве своего любимца Ленин убедился лишь в немецком вагоне, пересекая Германию и направляясь в Швецию. В Берлине, невзирая на запрет, Карл Радек выскочил к газетному киоску и принес изнемогавшим от неизвестности товарищам целый ворох изданий на разных языках. Газеты наперебой обсасывали потаенные отчеты Малиновского, найденные в архивах охранного отделения (не все, оказывается, сгорело). Провокатор, рассказывая о Пражской конференции, не скупился на язвительные характеристики «вождей». Ленин, прочитав, прикрыл глаза и еле слышно прошептал: «Расстрелять мало!»

Малиновский после разоблачения, как и Азеф, отправился в Германию. Там он прожил всю войну.

Что его заставило вернуться на место своих гнусных преступлений? На что он надеялся? Ведь возвращался провокатор явно на расстрел.

И все-таки вернулся!

Кто-то заставил, принудил? Но... к т о? И — зачем? С какою целью?

Само собой напрашивалось сравнение с прошлогодней историей, когда линию фронта перешел прапорщик Ермоленко,

объявил себя шпионом и признался, что направлен для связи с Лениным. Тогда газеты взвыли о немецком золоте большевиков и о запломбированном вагоне. Ленину пришлось спасаться от ареста в шалаше на станции Разлив.

Что же последует за появлением негодяя Малиновского?

Уже через три дня после своей ошеломившей многих явки, 5 ноября, Малиновский был предан суду Революционного трибунала. Обвинителем выступал Крыленко. Свидетелями были вызваны двое: Елена Розмирович (теперь она находилась замужем за Крыленко) и Виссарионов, крупный чиновник охранного отделения, не сумевший скрыться и ожидавший неминуемого расстрела на Лубянке. Обстоятельства закрытого суда остались известны лишь узкому кругу людей и никогда не предавались гласности. Иосиф Виссарионович узнал о них от своего верного Товстухи. Весь долгий день, пока работал трибунал, в небольшом сумрачном зале находился Ленин. Он сидел в отстранении, был бледен и не поднимал головы. Перед ним лежала стопа бумаги, но он ничего не записывал, а лишь чертил какие-то фигуры.

Вопросов ему не задавали, сам он слова так и не попросил.

Малиновский, отчаянно защищаясь, часто, слишком часто называл имя Ленина, но в его сторону ни разу не взглянул.

Допрос свидетельницы Розмирович прошел комом. Крыленко, чувствуя неловкость, не донимал свою жену детальными расспросами. Зато он отыгрался на Виссарионове.

Опытный секретчик, практически работавший с целым легионом провокаторов в различных политических партиях, Виссарионов отвечал неторопливо, обстоятельно, сохраняя достоинство человека, владеющего всеми секретами своего очень трудного и важного, хотя и неприглядного ремесла.

В поле зрения охранки Малиновский попал в 1907 году. Мелкий уголовник, он третий раз попался на краже со взломом. Вербовке он поддался без малейшего сопротивления. Ему присвоили агентурную кличку «Портной». Однако в платежной полицейской ведомости он расписывался еще одним псевдонимом: Икс.

— Портной приносил мне всю свою переписку, — рассказывал Виссарионов. — Там были письма Ленина, Крупской, Зиновьева. Много было документов: разработанные планы, подготовленные речи. Большой интерес представляли сообще-

ния о том, кто из подпольщиков и куда выезжает. Это облегчало агентурное наблюдение.

Благодаря тому, что провокатору удалось стать самым близким человеком в ленинской семье, охранка быстро наладила «полный параллелизм» в деятельности партии большевиков и Департамента полиции. Виссарионов заявил, что «внезапно обнаружилось совпадение всего: и средств, и целей».

С этих пор Ленин волей или неволей оказался в положении «бычка на веревочке».

— Наш Портной вел свою работу в партии отнюдь не по Ленину. Нет, нет! Он вел ее под руководством моим и его превосходительства Белецкого. Я имею в виду — в основном. А в общем-то весь «правдизм», как мы тогда говорили, руководился полностью из нашего департамента.

Одним из серьезных партийных поручений Малиновскому было «поставить» (организовать) подпольную типографию в Финляндии. Он взялся за дело горячо и вскоре выполнил задание. Однако никто из его товарищей по партии не знал, что и помещение, и станок, и шрифты для типографии дал... генерал Белецкий.

Подлая деятельность Малиновского представала в самом отвратительном виде. При этом постоянно называлось имя Ленина. Мало-помалу стало создаваться впечатление, что судят вовсе не провокатора, а разбирают вину Вождя, чье многолетнее слепое покровительство позволило мерзавцу хозяйничать в недрах партии на протяжении столь долгих лет. Крыленко задал вопрос:

- Благодаря Малиновскому были арестованы многие наши товарищи. Но разве сам Ленин охранное отделение не интересовал? Я имею в виду... в смысле личной безопасности... ну и прочего.

- Понял, — солидно кивнул Виссарионов. — Все дело в том, что существовал специальный циркуляр...

— Чей, чей же циркуляр?

— Департамента полиции. Он был нам объявлен под расписку о неразглашении. Боюсь за память, но это было... было... в общем, военные действия уже начались.

— То есть в начале войны?

— Да. Именно так. Циркуляром категорически запрещалось подвергать Ленина аресту. Больше того, чины полиции обязывались оказывать ему всяческое содействие.

Гнетущее молчание установилось в этом затхлом зале, куда сквозь засыпаемые снегом окна с трудом пробивался скудный свет умирающего дня.

Крыленко вспомнил о своих обязанностях.

— Свидетель, а как вы объясните совершенно непонятное поведение своих начальников? Я имею в виду внезапную «засветку» своих самых ценных, самых надежных агентов. Ведь и Азеф, и сегодняшний подсудимый... оба они разоблачались генералами, а не кем-нибудь еще!

Собираясь с мыслями, Виссарионов повесил лобастую жандармскую голову. Он колебался. Зная, как покупается жизнь, он и без того не скупился на самые сокровенные признания. Здесь же требовалось переступить роковую черту. Этого не решился сделать выдавший Азефа генерал Лопухин — сохранив секрет, он отделался всего лишь каторгой. В данном же случае... Разве не содержатся на Лубянке арестованные генералы Белецкий, Курлов и Джунковский? На подобные вопросы лучше всех могут дать ответ именно они! (Виссарионов тогда еще не знал, что генерал Курлов за организацию убийства Столыпина отпущен за границу, генерал Белецкий расстрелян в первый же день «красного террора», а генерал Джунковский активно сотрудничает с самим Дзержинским).

Уступая настойчивым расспросам обвинителя, Виссарионов наконец с трудом проговорил:

— Полагаю, что тут действовали соображения по масонской линии.

И наотрез отказался добавить что-либо сверх сказанного под таким нажимом.

— Имею вопрос к подсудимому, — объявил Крыленко. — Скажите, Малиновский, после всего, что вами сделано, вы не испытываете... н-ну, как бы это вам?..., мук совести, так сказать!

Взгляд провокатора дернулся в сторону Ленина, безмолвно сидевшего в своем сумрачном углу. Малиновский застенчиво улыбнулся.

— Вы знаете... меня постоянно подмывало. Хотелось, очень хотелось облегчить душу. Прийти и рассказать все без утайки.

- Так что же?

- Не смог. Уж очень они мне слишком верили!

Смотреть на Ленина было невыносимо. Он сидел с опущенной головой и что-то лихорадочно чертил. Резко треснул карандаш в его руке.

Дождавшись перерыва, он ушел, унося свою больную опозоренную голову.

Обвинительная речь Крыленко поразила судей. Он вдруг принялся не обличать предателя, а читать проповедь о том, что помимо явного вреда тайная деятельность провокатора приносила партии также определенную пользу. Чего же набиралось больше? Судьям предлагалось взвесить это и вынести свое решение.

Последнее слово Малиновского длилось шесть часов. Пока он говорил, дважды объявлялся перерыв.

Под конец Малиновский настоятельно просил позволить ему встретиться с Лениным и поговорить с ним с глазу на глаз.

Судьи вынесли расстрельный приговор.

В камере он принялся сочинять письмо на имя Ленина. На этот раз он просил пощады, совсем не зная, что право миловать, а не казнить в республике Советов принадлежит не Ленину, а Свердлову.

Предателя расстреляли той же ночью.

Никаких документов судебного разбирательства почему-то не сохранилось. Товстуха уверял, что все бумаги были тут же уничтожены. Зачем? С какою целью?

Ушла в небытие еще одна жгучая ленинская тайна...

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЛЕНИНА

В 1920 году Ленин скромно, даже чрезмерно скромно, отпраздновал свое 50-летие. Пышности он не переносил, да и не имелось поводов для ликования. Страна лежала в развалинах, народ сатанел и брался за оружие. На международной арене провал следовал за провалом. Всего через три месяца после ленинского юбилея нахальные поляки захватят Киев, впереди — позор под Варшавой, кровавая Антоновщина и Кронштадтский мятеж.

Этот нелегкий год ознаменовался еще и трагедией в личной жизни Вождя: внезапно умерла Инесса Арманд. Семейная жизнь Ленина до сих пор окутана пологом тайны. Прикормленные историки изображают облик Вождя в настолько нарочитом свете, что «за кадром», как и у библейского Христа, остается его природное мужское начало.

Инесса Арманд появилась в жизни Ленина в 1912 году. Это была женщина независимого поведения. Она трижды побывала замужем, имела пятерых детей. Перед знакомством с Лениным у нее был бурный роман с братом последнего мужа... С первых минут знакомства Ленин попал под обаяние этой женщины и совершенно забыл о том, что он женат. Началось семейное счастье втроем. В те времена Инесса преподавала в партийной школе Лонжюмо, затем занимала руководящий пост в Московском губсовнархозе, состояла сотрудницей журналов «Коммунистка» и «Новая работница». В кремлевской квартире их комнаты находились рядом. Инесса носила не свою фамилию, а называлась на тогдашний партийный манер «товарищ Петровой».

Становилось все заметней, что Инесса тяготилась пресным существованием с нездоровым человеком, да еще и перегруженным государственными заботами. Из пламенных революционеров не получаются пламенные любовники. Она вырвалась на отдых в Нальчик, уехала одна, и там, подхватив холеру, скончалась почти скоропостижно. Хоронили ее в Москве, на Красной площади. Ленин находился в обморочном состоянии. Крупская отпаивала его лекарствами. Опасались даже за его рассудок.

Потрясение было настолько сильным, что Ленин стал на глазах сдавать, слабеть. Он потерял сон, осунулся, пожелтел. Не помогал уже и много раз испытанный активный отдых.

В эти месяцы Ленин невероятно ожесточился и, словно в отместку за удары судьбы, сыпал грозными распоряжениями: «Расстрелять!»

Лечащим врачом Вождя Революции был Ф.А. Гетье, главный специалист Боткинской больницы. Ему никак не удавалось поставить точного диагноза. Симптомы указывали на развивающийся склероз сосудов головного мозга. Перспективы открывались удручающие, и Гетье страшился высказать их вслух. Он часто советовался с Троцким — они были близки и дружили, что называется, домами. Троцкий насмешливо фыркал. Какой склероз? 50 лет считается для политика цветущим возрастом.

Гетье преклонялся перед Троцким и с неприязнью относился к Ленину. В марте 1921 года, прослушав выступление Ленина на X съезде партии, он сделал запись в дневнике:

«Глупая речь Ленина на съезде. Я не понимаю, как этого пошлого нахала считают за умного человека?»

После напряженных дней съезда Ленину стало хуже. Гетье посоветовал привлечь зарубежных специалистов. Из Германии приехали профессора Борхерт и Клемперер. Вердикт их был страшен: прогрессирующий паралич. Ленина увезли в Горки и заперли там навсегда. В Москву он теперь только наезжал. Ему было строжайше прописано сократить рабочий день.

Следующий год выдался чрезмерно напряженным. Завершался сложный процесс образования Союза Советских Республик, разразилось скандальное «грузинское дело», состоялся очередной XI съезд партии. В мае организм Ленина не выдержал. Он свалился в коридоре и потерял сознание. Последовал правосторонний паралич.

Врачи, однако, не теряли надежды, и к осени Ленин поправился настолько, что 13 ноября он выступил на IV конгрессе Коминтерна, а неделю спустя — на пленуме Исполкома Моссовета.

Это было последнее выступление Вождя. 18 декабря последовало настолько сильное кровоизлияние в мозг, что в Кремле возникла паника. В спешном порядке собрался специальный пленум Центрального Комитета партии.

Люди, облеченные самой большой властью в республике, растерялись. Свалившееся испытание срочно потребовало от них совершенно неординарных мер. Болезнь, человеческая немощь... Здесь не помогут ни Красная Армия, ни ВЧК. Бесполезны и бессильны любые карательные меры.

Неожиданная болезнь Вождя слишком унизительно напомнила этим бесцеремонно-властным людям, что от обыкновенных телесных недугов не защищает ни один высокий пост.

Что от них требовалось? Принять решение. И они его приняли, возложив строжайшее соблюдение режима заболевшего Вождя на товарища Сталина. В протоколе записано:

«На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки».

Режим... Это значило: избавить мозг Ленина не только от постоянных перегрузок, но даже от нагрузок обыкновенных. Иными словами, обеспечить ему покой, полное отстранение от всего, что может вызвать малейшее напряжение, волнение, расстройство. Идеальное ничегонеделание, полнейшее безмыслие — вот самое лучшее лекарство для пораженного мозга Вождя.

Вождь относился к своему страшному заболеванию, как к временному недомоганию, и настойчиво требовал новостей, докладов, документов. Без этого он попросту не мог существовать. Каждое его утро начиналось с жадного хватания свежей газеты.

Чтобы полностью оградить больного от волнений текущей политики, Орджоникидзе однажды предложил выпускать для Ленина специальный номер «Правды» в единственном экземпляре.

Забота о режиме Вождя осложнялась для Сталина неважными отношениями с заболевшим. Их разногласия обострились после поражения Красной Армии под Варшавой. Ленин горячо защищал прохвоста Троцкого и никудышного полководца Тухачевского, его любимца. Всю вину за «польскую авантюру» он возлагал на Сталина и Егорова.

Неприязнь Ленина в отношении Сталина втихомолку подпитывала Крупская. После похорон Арманд она полностью завладела заболевшим мужем. Теперь, в критические дни, она не отходила от него.

Из Берлина один за другим наезжали светила медицины. Невропатолог Ферстер высказал догадку, что на организм Ленина действует оставленная в теле пуля. Приехал хирург Борхард и удалил пулю. К изумлению окружающих, положение больного стало еще хуже. Срочно примчался профессор Крамер и уверенно установил тромбоз сосудов головного мозга.

Одну загадку никак не могли решить эти виднейшие специалисты: несмотря на постоянные удары в мозг, у Ленина не было гипертонии. Профессор Крамер, отвечая на какие-то свои невысказанные подозрения, подверг больного испытанию на сложение и умножение, после чего установил, что у него «утрачены непрофессиональные навыки». Он прописал Ленину... игру в шашки. Ленин, естественно, возмутился и заявил Крупской:

— Да они что... меня совсем уж дураком считают?

Крамер уехал, посоветовав на всякий случай обратиться к специалисту по сифилису. В палате Ленина появился профессор Кожевников. Он настоял на спинномозговой пункции. Ленин стойко перенес мучительную процедуру. И снова загадка: реакция Вассермана была полностью отрицательной.

Все же лечение было назначено специфическое: мышьяком и сальварсаном.

А между тем болезненное состояние Ленина оживило фракционную деятельность. В перспективе забрезжила ожесточен-

ная борьба за «ленинский кафтан». Обитатели кремлевских кабинетов сильно обрадовались возможности сбегаться, разбегаться, блокироваться и распадаться — словом, с головой погрузиться в интриги, создающие иллюзию активной деятельности больших политиков.

В партийном руководстве образовалось три четкие группы, три самые настоящие фракции: Троцкого, Зиновьева и Бухарина. Генсека Сталина никто из этой троицы всерьез не принимал. Однако все трое старались заручиться его поддержкой, понимая всю выгоду такого работоспособного и исполнительного аппаратчика в предстоящей борьбе. Сталин, как союзник, был незаменим. Тем более, что Троцкого откровенно побаивались все руководители обозначившихся фракций. Что ни говори, а у председателя Реввоенсовета в руках находилась армия — самая мощная сила в Республике Советов. Никто из троицы не сомневался, что в критический момент Троцкий без малейших колебаний введет в игру этот свой самый сильный козырь. Безжалостность его была известна.

Отчуждение, наступившее в отношениях Ленина и Сталина, было настолько резким, что бросалось окружающим в глаза. Возле постели больного теперь деятельно копошились Крупская с Марией Ильиничной, а также преданные исполнительные секретарши Володичева и Гляссер. Сталин был задет, но виду не показывал. Никакой своей вины он не знал, не ощущал. Утешением служило состояние Вождя. Ему поручили — он исполнил. Что же касается личных отношений... Он не хрупкая барышня, как-нибудь переживет!

Словно нарочно, в эти смутные дни возникло так называемое «грузинское дело». Втянутыми оказались обитатели самых верхних этажей власти. Ленин вломился в эту историю со всей активностью, накопившейся в нем за месяцы вынужденного постельного безделья.

Самая суть этого конфликта, получившего столь неслыханную остроту, выглядела крайне неприглядно.

Свою родную Грузию Иосиф Виссарионович считал великой неудачницей. Грузии выпало оказаться на пути несметных полчищ захватчиков из глубин Азии. Древняя история грузин написана кровью. О страданиях несчастного народа рассказывается в легендах, преданиях, песнях. Только в XIX веке, до-

бившись покровительства России, истерзанная Грузия избавилась, наконец, от алчных притязаний соседствующих наций.

Каково жилось Грузии под русскою опекой? Всяко! Поэтому недовольных было хоть отбавляй. Мирная жизнь будоражит мысль, побуждает национальные стремления, зовет к активности. Плохое быстро забывается, а хорошего кажется крайне недостаточно — хотелось бы побольше. Как водится, образовались политические общества и партии, стала печататься возбудительная литература. Русская защита обернулась как бы колонизацией, захватом, оккупацией. Горячие головы подготовили вооруженное восстание, однако вмешался князь Чавчавадзе и решительно все поломал. Он гневно напомнил соотечественникам, что нельзя за великое добро платить великой подлостью. Этот великий грузин запретил даже помышлять о братском кровопролитии.

Острота «грузинского дела» объяснялась и кавказским происхождением самого Сталина, хотя он уже давно перестал считать себя грузином и, как все искренние интернационалисты, ненавидел узколобый шовинизм, презрительно называя его местечковым.

Национальный вопрос в Закавказье всегда имел взрывной характер. В начале XX века эта гремучая смесь стала особенно опасной. В пику горластым «местечковым» националистам все мощнее заявлял о себе и своих растущих силах пролетарский интернационализм — братская сплоченность рабочих самых разных национальностей и конфессий.

Марксизм на Кавказе был круто замешан на острейших межнациональных отношениях и представлял собой смесь Маркса с Шамилем. Недаром Закавказье делегировало как большевикам, так и меньшевикам с эсерами столь значительное количество чрезвычайно решительных людей, совершенно не признающих никаких компромиссов.

Великий Октябрь сильно раздразнил аппетиты националистов. 26 мая 1918 года в Тифлисе меньшевики провозгласили независимость Грузинской республики. Главой правительства стал Ной Жордания. Гарантами суверенитета молодого государства стали немцы. С Грузией они поступили точно так же, как и с Прибалтикой: с помощью своих штыков установили марионеточные режимы местных шовинистов. 28 мая, т.е. два

дня спустя после провозглашения независимости, грузинское правительство признал германский кайзер... Год спустя немцам пришлось спешно убираться не только из Закавказья, но даже из Польши и Прибалтики: в Германии грянула собственная революция. Ной Жордания заметался: потребовались новые гаранты его зыбкой власти. Словно осиротевшая проститутка, он искал сутенера понадежней. На помощь пришли англичане. Они очень деятельно осваивали Закавказье. В Баку, пролетарском, черном от жирной нефти, они даже расстреляли весь большевистский комитет: 26 бакинских комиссаров.

Ной Жордания снова надулся спесью. Однако англичане подталкивали его к тесному союзу с армией Деникина. На свою беду туповатый Жордания не различал политических оттенков и с одинаковой ненавистью относился ко всем русским. Его главным лозунгом было: «Бей русских!»

Грузинские меньшевики с интересом приглядывались к автономному Крыму, где правительство Сулькевича также лишилось поддержки немцев и теперь заигрывало с Турцией, отвергая все домогательства как Скоропадского, так и Петлюры. Министр иностранных дел Грузии Гегечкори, надеясь использовать спрос на рынке суверенитетов, делал официальные визиты в соседние страны и раздавал обещания. Меньшевистское правительство, как и всякая проститутка, украдкой от сутенера совала часть выручки в чулок.

Иосиф Виссарионович, вернувшись из-под Львова, с удивлением узнал, что Ленин, председатель Совнаркома, признал правительство Ноя Жордания, врага России. Этим решением, как ему сообщили, бурно возмущались большевики Закавказья. Они отказывались понимать политику Центра.

В конце концов, Жордания с Гегечкори слетели со своих постов и едва успели удрать во Францию, в Париж.

Меньшевистская зараза оказалась прилипчивой и живучей. В Тифлисе было по-прежнему неспокойно. Местные большевики с трудом владели ситуацией. Местная ЧК то и дело перехватывала послания вождей грузинской эмиграции из Франции.

Недовольные бурчали и кипятились при царе.

Недовольные злобились и при Ленине...

В июне 1921 года Иосиф Виссарионович приехал в Тифлис на партийный пленум. Вечером он отправился в железнодо-

рожное депо на митинг. Рабочие встретили его свистом: «Предатель!», «Убирайся в свою Москву!» Сталин ушел с трибуны и покинул митинг. Он негодовал. Что за поразительная слепота? Кто разжигает эту ненависть среди пролетариата? С какою целью? Грузин по-прежнему стращают кознями Москвы. Громадная Россия выставляется жестокой поработительницей грузинского народа. Безумцы и слепцы! Нет, — политические негодяи. Насколько царь Георгий был мудрее этой сволочи. Что стало бы с бедной Грузией, не защити ее Россия? Все эти Жордании и Гегечкори позабыли, что много лет Грузия платила Персии самую унизительную дань, «живую дань» — поставляла красивых девушек для гаремов. Только Россия со своей мощью избавила грузин от этого национального позора! Да и теперь... Разве не Россия, сама еще в разрухе, а все же выделила Грузии выгодный заем и настояла, чтобы соседний Азербайджан помог ей бесплатной нефтью? А постоянная защита от турок и персов? Только русская армия продолжает оберегать маленькую беззащитную Грузию от свирепого вторжения алчных захватчиков. Виновниками разжигания националистических страстей Сталин считал Филиппа Махарадзе и Буду Мдивани. Считаются большевиками, подлецы, а далеко ли ушли от тех же Жордании и Гегечкори? Узколобость, полнейшая зашоренность глупых шовинистов приводила его в бешенство. В августе того же года он настоял, чтобы в Закавказье были посланы из Центра Киров и Орджоникидзе. Наглеющим националистам требовалось «ломать рога». В частности, Грузию следовало, как считал Сталин, «перепахать заново». Киров был с ним согласен целиком. «Владея Грузией, — говорил Киров, — мы вышибаем англичан с восточного берега Черного моря». Вот кто понимал все тонкости национальной политики!

После недавнего тифлисского оскорбления Сталин стал называть свою неласковую родину пренебрежительно: «Некоторый кусок советской территории, именуемый Грузией».

Осенью будущего года, в ноябре, в Тифлис отправился Рыков. По мере того, как поднималась волна местного национализма, в Москве все острее сознавали и ценили стратегическое значение республик Закавказья и Средней Азии.

Ленин, задавшись целью переустроить мир, умело использовал свою партию, как мощный механизм разрушения. Боль-

шевистские успехи были поразительны: недавняя Российская держава потеряла силу и развалилась на куски. Временное правительство умело лишь плыть по течению и с равнодушием взирало, как центробежные силы продолжают свое истребительное действие. Дело доходило до курьезов: в самом центре Москвы ломовой извозчик Терентий Козолуп внезапно объявил суверенную республику Самотеку и целых три недели управлял ею в качестве президента.

Балаган суверенитетов, облегчив задачу большевиков при захвате власти, теперь стал этой власти угрожать.

Провозглашенное право наций на отделение обещало оставить власть большевиков только в пределах Садового кольца.

Прежние центробежные силы требовалось обратить в центростремительные. Из партии разрушения РКП(б) предстояло стать партией созидания.

После страшных потрясений под Краковом Иосиф Виссарионович попал на операционный стол и несколько недель в тяжелом состоянии провалялся на больничной койке. Силы восстанавливались медленно. Выехать на Кавказ ему удалось не сразу.

Он отправился к себе на родину, как народный комиссар по делам национальностей.

Орджоникидзе потребовал от него объяснений: «Что происходит с Ильичем?» Он быстро ввел наркома в курс событий. Тифлисские «социал-духанщики» (так он называл сепаратистов) чутко ловят московские ветерки. Ленинская поддержка прибавила им уверенности, а некоторым даже наглости. Развращенные ухаживаниями немцев и англичан они усвоили отвратительную манеру держаться с приезжающими из Москвы свысока, совершенно позабыв о кавказских вежливости и гостеприимстве.

По своему характеру Серго как был, так и оставался горячим человеком. «Пойми, — доказывал он Сталину, — это не грузинский вопрос. Это — еврейский вопрос! Кто подписал декларацию о независимости Грузии? Три еврея! Ну? Какие еще могут быть вопросы? Эти твари валялись под немцами, легли под англичан, теперь лезут под турок. Проститутки, шлюхи! Настоящие грузины себя так не ведут».

При меньшевиках национальные отношения в Грузии достигли небывалой остроты. Из Тифлиса принялись насильно

выселять армян. Женщины-грузинки, вышедшие замуж за негрузин, теряли гражданство. Худо приходилось населению окраин: абхазам, аджарцам, осетинам!

Хозяйничали повсюду так называемые «маузеристы»: молодые наглые парни с усиками, одетые в кожаные куртки. У каждого из них на поясе болталась деревянная коробка с маузером.

Перед отъездом из Москвы Иосиф Виссарионович получил письмо от Александра Сванидзе, брата жены-покойницы. Родственник тоже жаловался на засилье «социал-духанщиков» и просил помочь выбраться из Тифлиса. Он соглашался на любую работу за пределами Грузии.

Орджоникидзе указывал на главарей «социал-духанщиков» — Филиппа Махарадзе и Буду Мдивани. Они беспрестанно ездят в Москву и пишут жалобы. У них там, как они хвастаются, повсюду «свои люди». Недавно удалось избавиться от Буду Мдивани: его спровадили на учебу в Комакадемию. Уезжал он с неохотой. «Я буду не Буду, — заявил он, — если через месяц в Тифлисе не буду!»

Иосиф Виссарионович вспомнил, что в секретариате Ленина уже получена жалоба Б. Мдивани на него, наркома по национальным делам.

Началом «грузинского дела» послужил досадный случай. Из Москвы для проверки бесконечных жалоб приехал Алексей Рыков. Первый разговор у него состоялся с Серго Орджоникидзе. Затем они поехали на квартиру Кобахидзе, временно исполнявшего обязанности уехавшего Мдивани. Беседа с первых же минут пошла на высоких тонах. Хозяин дома нисколько не считался с высоким рангом гостя и горячился, грубил. Орджоникидзе сделал ему замечание. Кобахидзе вскричал: «Молчи, сталинский ишак!» Орджоникидзе не выдержал и с размаху залепил ему пощечину.

Инцидент получил неожиданно широкую огласку. Ленин, узнав о возмутительном рукоприкладстве, потребовал показательного наказания виновных. Его поддержал Бухарин, заявив, что всегда считал главным врагом социалистического строительства... русских. В Тбилиси отправилась специальная партийная комиссия во главе с Дзержинским.

Последующие события описаны с достаточной подробностью. Дзержинский, приехав в Тифлис, разобрался быстро.

«Базарная политика!» — вынес приговор Дзержинский и решительно взял сторону Орджоникидзе. К несчастью, Ленин, узнав о выводах Дзержинского, вознегодовал, изрек свою знаменитую фразу о великодержавности нацменов и потребовал исключить из партии и Орджоникидзе и Дзержинского. Именно тогда он обратился с письмом к Каменеву, азартно заявив: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть!»

Войну... Смертельную... А самому жить оставалось всего год и четыре месяца.

Зачем он это написал? Да и кому: Каменеву! Нашел же...

Словом, весь неприятный инцидент, так или иначе, связывался с обостряющейся болезнью Ленина. Троцкисты в Грузии, пользуясь информацией из Москвы, торопились. Через «своих людей» они отыскивали ходы к болевшему Вождю и склоняли его на свою сторону. Помогали им скорей всего секретарши Ленина или же сама Крупская.

Незадолго до XII съезда партии в Москве появились М. Окуджава, Л.Думбадзе и К.Цинцадзе. Они связались с А.Енукидзе, тот помог им протолкнуть жалобу прямо в руки Ленину. Вождь ответил решительной поддержкой «социал-духанщиков», обратившись к ним с запиской. А вскоре поползли слухи о какой-то «бомбе» против Сталина, которую Вождь намерен взорвать в своей речи на предстоящем партийном съезде.

Складывающаяся обстановка нервировала Сталина.

Последние действия умиравшего Ленина оставляли гнетущее впечатление. Куда девался его великий, неповторимый ум? Угасая, он оставлял своим наследникам вороха причин для ядовитых ссор, обиднейших попреков и ожесточеннейшей вражды.

А поступавшие к Сталину сведения предупреждали о необыкновенной активности троцкистов.

Став Генеральным секретарем и постепенно прибирая к рукам рабочий аппарат партии, Сталин первым делом наладил получение разнообразной информации. Он словно предвидел бурные сражения на поле власти. Ему требовалось знать о своих противниках буквально все. И он этого добился. Болтливые, праздные, острословящие наперегонки обитатели верхних, властных этажей не принимали всерьез угрюмого грузина в кителе и сапогах. Они привыкли относиться к нему всего лишь как к исполнительному чиновнику. Скажи такому — он все

сделает, исполнит, дважды повторять не нужно... Они тогда и не догадывались, какая гроза собиралась на их беспечные ветреные головы в этом человеке, накапливающем о каждом вороха разнообразных сведений. Впоследствии осведомленность Сталина будет повергать их в настоящий шок, в столбняк.

Сталин изучал эту ораву довольно близко. Их деятельность проходила на его внимательных глазах. Он знал почти все и обо всех. О нем же никто из них, по сути дела, ничего не знал. Да и не хотел знать!

Вскоре они спохватятся, но будет уже слишком поздно...

Пули, выпущенные в вождя, были отравлены. Ленину казалось, что с тех пор недомогание его связано с ядом. Свинец удалили, а неведомая стойкая отрава осталась и подтачивает организм. Никогда же не болел... да и не подошло еще время немощей и болезней! Пятьдесят лет — разве это возраст для нормального мужчины?

Особенное беспокойство вызывала голова. Никогда он не испытывал таких острых головных болей. Прежде, до покушения, он был способен работать чуть ли не сутками. Небольшой отдых, короткий сон — и бодрость мозга восстанавливалась полностью. Теперь же после двух часов работы возникала боль в висках, наступала вялость, апатия, в глазах словно насыпали песку.

Кураре... Что-то индейское, из детских приключенческих книжек. Как его вымыть из организма, очиститься окончательно?

Недавно он попросил коменданта поставить в кабинете диванчик, отгородить его ширмочкой. Слабость накатывала внезапно, совершенно опускались руки. Он выбирался из-за стола и валился на диванчик. Блаженством было забыться хотя бы на минуту. Он ощущал физически, как мозг, отключившись, словно очищался от разъедающего яда утомления, а, очистившись, вновь обретал прежнюю работоспособность.

Однако выпадали дни, когда отключаться не удавалось. И тогда он, сжимая лоб, принимался постанывать. Выходило это непроизвольно, и однажды он поймал себя на этом. А если услышат? С тех пор он стал следить за собой, как бы присматривать за самим собой со стороны.

В эти невеселые минуты им овладевало отчаяние. Почему-то так и виделся запомнившийся с детства паралитик, неподвижный, полностью беспомощный остаток человека, в котором

живы были одни глаза, да, пожалуй, еще желудок. Подобного состояния он страшился. Нет, нет, всё что угодно, но только не такое!

Сталин приехал с фронта в один из таких периодов. Он вошел как обычно без доклада, чрезвычайно удивился, увидев пустой стол и, осторожно, стараясь не стучать сапогами, прошел и заглянул за ширмочку. Владимир Ильич лежал опрокинутый, зажмурившись, сильно сжимая рукою лоб. Одна нога свесилась и доставала до пола. «Гм... Значит, вот оно что... Значит, так...»

Ленин тяжело дышал с закрытыми глазами. На желтом лице лежала маска терпеливого страдания. Под истонченной кожей обозначились кости его мощного лба.

Да, чрезвычайно хрупкий инструмент — мозг человека. Всего какая-нибудь мелочь — и вот! Внешне все вроде бы цело, а — инвалид, полнейшая беспомощность, абсолютная зависимость от ухода.

Иосиф Виссарионович с особенною остротою ощутил свое здоровье, крепкую голову, грубое сукно на кителе и кожу на сапогах.

Ленин никак не мог сообразить, кто это стоит над ним. Порывисто поднялся, сел.

— Нет-нет, лежите, — с непривычной интонацией проговорил Сталин и легким касанием заставил его снова лечь. Он принес стул и сел в ногах, так, чтобы больному не нужно было поворачивать головы.

Не поднимая на диванчик свесившейся ноги, Ленин завел руку под голову, отчего вся его поза приобрела некий легкомысленный характер, словно прохлаждающегося от безделья человека.

— Иосиф Виссарионович, сколько мы с вами знакомы?

Вопрос удивил Сталина, он достал из кармана трубку, однако тотчас ее спрятал.

— Если считать с первого письма, то — семнадцать. А как встретились — пятнадцать.

Ленин помедлил. И все же решился.

— Я долго думал... Мне, в общем-то, больше не к кому обратиться. Пообещайте, что все это останется между нами?

Нижние веки Сталина настороженно поднялись. Он ответил молчаливым, взволнованным кивком.

— Знаете что: достаньте мне яду. Мне это очень нужно, важно! Вы себе даже не представляете...

Он заговорил сбивчиво, многословно, рассказал и о запомнившемся паралитике. Склонив голову с низким лбом, Сталин хмуро слушал. Он медленно полез в карман френча, достал трубку, взял в зубы. И неожиданно улыбнулся.

- Я понимаю вас. Но я разговаривал с врачами. Сам говорил! Они уверяют, что не все еще потеряно. Понимаете? Не так все плохо.

- Лукавите? — живо спросил Ленин, ловя взгляд своего собеседника.

Глубоко потянув в себя, Сталин поднялся и, сжимая в кулаке трубку, сурово осведомился:

— Вы когда-нибудь видели, чтобы я лукавил?

Ленин поднялся легко, словно его подкинула пружина. Этот грубоватый, вечно хмурый человек один из всех вдохнул в него уверенность в желанном выздоровлении. Начни бы он сюсюкать, как остальные, с фальшивой искренностью не пряча взгляда, Ленин не поверил бы ни одному слову. Сколько уверений он уже выслушал! А этот ляпнул по-солдатски, напрямик: еще не все потеряно, надежда есть.

Надежда... В конце концов, это же главное! А уж остальное от нас самих зависит. Режим, отдых, почаще отключаться...

— Иосиф Виссарионович, еще одна просьба, да и займемся делом.

Сталин сходил за давешним стулом, уселся и приготовился слушать.

Ленин заговорил о болезни Мартова, — ему сообщили об этом неофициально. Ну, что такое Мартов — всем известно. И вот человек в положении воистину безвыходном.

— Нельзя ли послать ему немножко денег? В его возрасте необходимы и лекарства, и регулярное питание...

Лицо Сталина окаменело. Пальцы, сжимавшие трубку, побелели.

Иосиф Виссарионович моментально вспомнил плотоядные губы Мартова, губы любителя сладко пожрать. За едой Мартов имел обыкновение безудержно болтать, при этом отвратительно причмокивая и подсасывая.

— Еще чего? — грубо заметил Сталин. — Чтобы я стал тратить наши деньги на эту тварь? Нет уж, поищите себе другого секретаря!

И сердито вышел из кабинета.

После этой неприятной стычки наступило заметное отчуждение. Ленина перевезли в больницу, состояние его ухудшалось.

Иосиф Виссарионович не оставлял своего надзора, но в палату не заглядывал, ограничиваясь расспросами Маняши. Угнетало состояние собственной беспомощности. Что предпринять еще? Где отыскать докторов-кудесников?

Однажды Маняша позвонила и передала, что брат хочет его видеть.

Он вошел в палату один, без Крупской. Обе женщины остались за дверью.

Ленин лежал навзничь, прерывисто дышал и часто облизывал воспаленные губы. Сталин двинул стул, наклоняясь к ленинскому лицу совсем близко. Больной услышал, но глаз так и не раскрыл. Его рука заметалась и нашарила грубое колено Сталина. Замерла... Трепетанием век Ленин попросил его нагнуться ближе, совсем низко. Губы его, прилипавшие к зубам, произнесли ту самую давнюю просьбу: достать яду. Сталин вздрогнул.

Что... снова отговариваться, снова утешать?

А Ленин сильно зажмурился, закрыл глаза рукавом, и по его желтым изможденным щекам, уже тронутым тленом, покатились две слезинки.

Плачущий Ленин! Властный и безжалостный Вождь...

С невыразимой тяжестью на сердце Сталин вышел из палаты и увидел дожидавшихся Крупскую и Маняшу. Он остановился и машинально, словно в бреду, проговорил:

— Мучается... сильно мучается.

Обе женщины ничего не поняли (вернее — поняли по-своему) и поспешили в палату.

Сталин же побрел тяжелым шагом, повесив голову и отрешенно щурясь...

Не тогда ли в голову Сталина вступило первое подозрение насчет того, что незаурядное здоровье Ленина, еще совсем нестарого, вдруг почему-то о стало катастрофически ухудшаться с того самого дня, когда большевикам наконец-то удалось захватить власть? Как будто Вождь революции кому-то стал мешать!

Что и говорить: роковые подозрения, страшные догадки... В официальных партийных документах зафиксировано: «Начиная с конца 1921 года, Ленин вынужден был все чаще и чаще прерывать свою работу».

Смысл этой записи страшен — коварная болезнь не поддавалась даже самому интенсивному лечению.

.В периоды, когда болезнь отступала, Вождь старался наверстать упущенное. Осенью 1922 года в Москве целый месяц работал IV конгресс Коминтерна. Ленин чувствовал себя как в лучшую пору. 13 ноября он выступил перед делегатами с большой речью. Кроме того, неделю спустя он принял участие в работе пленума Моссовета. А через две недели, в последний день работы конгресса Коминтерна, подготовил и предложил для утверждения чрезвычайно важный документ. Это было запрещение для членов партии состоять в любых масонских ложах. Мера была вынужденная, наболевшая. Масонство лезло во все щели Коминтерна и вязало руки. Очиститься от его зловредного влияния стало попросту необходимо.

Голосование прошло почти единогласно (воздержался один Зиновьев).

Этот запрет явился мощным и неожиданным ударом по масонам. Коминтерн, организация всемирная, уходил из-под их влияния.

Поэтому паралич Ленина, наступивший после удара 15 декабря, вызвал невольное подозрение о жестокой и коварной мести.

С этого дня Ленин превратился в живой труп. Пока еще владея речью, он мог диктовать по 10—15 минут в день. Того, что записывалось, он проверять не имел возможности. Таким образом, все последние ленинские документы целиком зависят от тех, кто вел запись.

Вождь Революции всегда был человеком страстным, порывистым. В последние месяцы жизни, по мере убывания сил, эта страстность все чаще переходила в какую-то болезненную сверхвозбудимость. При этом день ото дня нарастала его душевная тяга к Троцкому (а ведь всю жизнь были лютыми врагами!). Тут, скорей всего, сказывалось влияние Крупской, терпеливой жены-сиделки. Ее давнишнюю привязанность к Троцкому Иосиф Виссарионович разгадать так и не смог. Привязанность, однако, существовала, об этом знали все вокруг. Теперь Крупская откровенно радовалась тому, что отношения больного мужа с Троцким становились доверительными, дружескими, близкими.

Эта рыхлая немолодая женщина в нелепом балахоне, с лицом, обезображенном базедовой болезнью, завладев прикованным к постели мужем, проявила вдруг себя великим мастером нашептываний, распусканием разнообразных слухов. В этом ей помогала Маняша, золовка, несчастное существо с неудачно сложившейся женской судьбой.

А Ленин рвется работать, безделье удручает его и выводит из равновесия. Он не хочет считать себя больным. Однако врачи определили режим его жизни, а надзирателем Политбюро назначило Сталина, человека, который привык неукоснительно выполнять партийные поручения.

Начались неприятные стычки больного Вождя и вежливого, но несговорчивого надзирателя.

В эти дни усилилось сближение Зиновьева с Каменевым. Оба опасались усиления Троцкого. В борьбе с председателем РВС очень пригодился бы Генеральный секретарь партии. Иосиф Виссарионович без лишних раздумий сделал ход навстречу этой сладкой парочке — так образовалась пресловутая «тройка» в большевистском руководстве. При этом главенствующее положение в группе занимал тщеславнейший Зиновьев.

Парализованный Ленин настойчиво интересуется «грузинским делом» и требует к себе в палату все поступающие документы. Сталин непреклонно мотает головой: никаких бумаг, полный покой. Ленин сердится, осыпает его упреками. Крупская с враждебной непримиримостью смотрит в пол. Она молчит, но ее молчание зловеще.

В «грузинском деле» мнение «тройки» на Политбюро оказалось решающим. Ни Орджоникидзе, ни Дзержинский не пострадали. Раздосадованный Ленин, подогреваемый нашептываниями жены и сестры, отправляет письмо Троцкому, открыто предлагая ему блок против «тройки». Сталин сначала не хотел такому верить. Сознательное союзничанье с Троцким?! Тут угадывались симпатии не только политические, но и личные. Однако как при этом быть с решениями X съезда партии, где в 7-м пункте категорически запрещалась (под страхом исключения из партии) любая фракционность? И вот сам Вождь грубейшим образом нарушал строгий партийный закон!

В последних числах декабря планировался пленум ЦК по вопросам внешней торговли. Ленин живо интересовался подготовкой. Профессор Гетье разрешил ему диктовать, — пока недолго, по 15 минут. Крупская, грузная, ходившая вперевалку, приводила к нему стенографисток, делала выписки из газет. Утром, в день открытия пленума, она попросила Ярославского незаметно для окружающих записать по возможности полнее речи Пятакова и Бухарина. Больной Ленин почему-то перестал доверять этим людям.

Ярославский выполнил заказ. Ленин, слушая чтение Крупской, разволновался и потерял сознание. Забегали врачи. Возникло подозрение на новое кровоизлияние.

Иосиф Виссарионович, узнав о подробностях происшествия, схватился за телефон. Он в бешенстве заявил Крупской:

— Какая же вы, к чертовой матери, жена!

С Крупской сделалась истерика. Она побежала жаловаться Каменеву.

Выслушав ее, он многомудро посоветовал пока перетерпеть и не обострять и без того натянутых отношений. Вот скоро очередной съезд партии. Тогда поглядим. Надо подождать...

Вечером Сталин позвонил и принес извинения.

Инцидент казался исчерпанным. Заваленный работой, Иосиф Виссарионович совсем забыл о происшествии. Но не забыли те, кому он постепенно становился поперек пути. В самом начале весны наступившего года, 5 марта, он вдруг получил личное письмо Ленина.

«Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее.

Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Яне намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против моей жены, я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением — Ленин».

Иосиф Виссарионович не сразу взял в толк, о какой телефонной ссоре с Крупской идет речь. Потом вспомнил... Но это же было три месяца назад! Что за нужда приспела ворошить старое? Кстати, тогда против Ленина не было сказано ни слова. Наоборот, — сплошная забота о нем, о его здоровье. Сраженный инсультом, он нуждался в абсолютнейшем покое.

Что заставило Крупскую именно сейчас бередить старые раны? Молчала, молчала — и вдруг! Кто заставил? С какой целью?

Пока ясно одно: кому-то и зачем-то понадобилось разворошить давнишнюю историю и подбить смертельно больного человека на этот слишком демонстративный шаг.

Из полученного письма (тщательно составленного, кстати) прямо-таки брызгало крайнее озлобление. Ленин без колебаний шел на открытую ссору и решительно подводил черту под многолетним знакомством и сотрудничеством. Видно было, что Вождь искал лишь повод. Причина его внезапно прорвавшейся вражды крылась гораздо глубже.

Иосиф Виссарионович немедленно написал Ленину записку.

«Т.Ленину от Сталина

Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь однако понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего собственно от меня хотят».

Прочитал ли ее Вождь, он не знал.

10 марта болезнь сделала еще один меткий выстрел.

Постоянное ухудшение ленинского здоровья сильно озадачивало кремлевские «верхи». Неумолимо приближался срок, когда место Вождя партии окажется пустым. Кто станет его преемником? Кому по плечу такая почетная и тяжкая ноша?

Осенью 1923 года в Кисловодске на правительственных дачах оказались на отдыхе сразу несколько крупных руководителей. В один из жарких дней Зиновьев собрал их в прохладной пещере близ города. Пришли Лашевич, Бухарин, Фрунзе, Орджоникидзе, Ворошилов... Тема разговора: что предпринять,

пока Ленин жив? Речь шла о секретариате — вернее, о месте и роли Генерального секретаря. Без Ленина этот пост приобретает абсолютно решающее значение!

Собравшихся сдерживало присутствие Ворошилова. Все знали о его давней дружбе со Сталиным.

Жирный Зиновьев, то и дело потиравший грудь, без конца пил нарзан. Как бы со смехом он вдруг вспомнил недавнее предсказание Троцкого: «Скоро кукушка прокукует смерть советской власти!» И всем мгновенно представился беспомощный Ленин... Мало-помалу разговорились. Беседа обрела степень сдержанного откровения. Каменев вкрадчиво, как всегда, предложил лукавый ход: заменить Сталиным Троцкого на посту председателя Реввоенсовета. Простоватый Петровский «снизил планку»: не лучше ли перевести Сталина на место Дзержинского в ВЧК? При этом все посматривали на Ворошилова. Тот отмолчался — ни протеста, ни одобрения. Однако, едва вернулся с отдыха, все рассказал Сталину, с мельчайшими подробностями.

Иосиф Виссарионович, заволакиваясь дымом, щурил свои характерные глаза с приподнятыми нижними веками, отчего взгляд его становился текуч, задумчив, как бы отстранен. Это была неразгаданная отстраненность.

В ближайшее время Сталин ожидал оживления закулисных интриг и не ошибся. Вскоре появилась так называемая «Платформа 46-ти». Этот откровенно фракционный документ выдавал тайные намерения «рыкающих» и «бухарящих»: навязать партии долгую и бесцельную дискуссию.

О своих правах на «ленинский кафтан» откровенно заявляли Троцкий и Зиновьев. Никаких других соперников они не видели и не признавали. Зиновьев возглавлял Коминтерн, всемирное объединение коммунистических партий. Он полагал, что пост главы РКП(б) должен достаться ему «по штату». К тому же кто, как не он, долгие годы являлся ближайшим сотрудником Ленина, прожившим с ним бок о бок долгие годы эмиграции? Троцкий, сознавая эти преимущества, кипел от ярости. Интересно, неужели этот пустомеля не сознает, какой реальной силой является Красная Армия?

Накал партийной междоусобицы возрастал день ото дня. Ареной ожесточенных схваток становились съезды партии, которые собирались в те времена ежегодно.

напряженный период знаменитого Парвуса — учителя Троцкого и опекуна многих из «межрайонцев», проникших в революционную Россию и в ряды большевистской партии. Связавшись с Радеком, он заявил, что не против войти в состав Совнаркома, т.е. стать одним из министров в советском правительстве. Обескуражены были многие, но в первую очередь Троцкий и Зиновьев. Этого еще не хватало! Парвус мог вломиться в ситуацию, как слон в посудную лавку. Начались лихорадочные переговоры. У нового претендента имелись на руках сильные козыри. Он недвусмысленно намекал на ужасающие разоблачения. В конце концов, от него откупились, заплатив ему, в качестве отступного, два миллиона марок.

А страна жила, вполне удовлетворенная сообщениями в тогдашних газетах. К партийным дрязгам уже привыкли. Всем верилось, что партия, бесконечно дискутируя, все равно найдет единственно правильный путь.

Последний год жизни Ленина ознаменовался образованием общества для покорения неба «Добролета». Стране требовались самолеты. Был объявлен сбор пожертвований. Средства поступали со всех сторон. Рабочие завода «Динамо» внесли три тысячи рублей. Редакция газеты «Красноярский рабочий» — 1700 рублей. Ленин с Крупской перечислили 60 рублей. Чуть поменьше — М. Ульянова и Д. Бедный.

Первый самолет был построен к концу года. Его назвали «Правда». Церемония передачи самолета «Добролету» получилась торжественной. На ней присутствовал старейший русский летчик Б. Российский. Новая машина, как было объявлено, готовится к гигантскому перелету по маршруту: Москва—Маньчжурия—Китай.

А в это же время умирал мучительно Ленин.

Полностью парализованный и потерявший речь, он мог передвигаться на инвалидной коляске и объясняться с окружающими на каком-то птичьем языке: «вти-вти-вти...». Вид его был страшен: исхудавший, с безумными глазами, постоянно пытающийся что-то сказать заплетающимся языком.

При нем постоянно находились Крупская и Маняша.

Приехав однажды в Горки, Иосиф Виссарионович, двигаясь по аллее, издали разглядел каталку с Лениным, Крупскую

и профессора Гетье. Вся группа позировала фотографу. Тот, накрывшись черной простыней, наводил аппарат и знаками показывал, как лучше поставить коляску с Лениным. Иосиф Виссарионович возмутился: кому взбрело в голову фотографировать умирающего человека? Зачем? С какой целью? Почему, кстати, позволяет это делать Крупская?

В тот раз он уехал, не повидавшись с Лениным. Ему все неприятней становилось встречаться с Крупской.

Последний год жизни Ленина отмечен необыкновенной активностью Крупской. Ее влияние на больного стало абсолютным. Используя имя умиравшего мужа, она стала все чаще быть лидером всевозможных групп и группочек оппозиционеров. Самыми близкими людьми Крупской были Троцкий и Каменев, с которыми она советовалась, сверяла каждый свой шаг.

Живущий последние дни Вождь стал также постоянным союзником сионистов. С именем Ленина связана их самая крупная победа при создании Союза Советских Социалистических Республик — СССР: как ни противился Сталин, а в Основной закон образовавшегося содружества наций вошел важнейший пункт, закрепляющий за любой нацией права суверенитета, вплоть до отделения. Это была мина замедленного действия, которая рванула много лет спустя.

Заключив блок с Троцким, Ленин просил представлять его, больного и немощного, при разборе «грузинского дела».

Под конец жизни Ленин обрушился на Сталина за плохую работу Рабоче-Крестьянской инспекции.

Наконец Ленин дал Сталину отрицательную характеристику в своем пресловутом «Завещании», добавив в приписке свое предложение снять его с поста Генерального секретаря партии.

За всем этим четко угадывается негативная роль его многолетней жизненной спутницы. Обыкновенно, жалуясь мужу на козни окружавших (чаще всего, как ей казалось, Сталина), она угрюмо смотрела в пол и говорила:

— Они тебя совсем уже похоронили!

В планах троцкистов больной Ленин, целиком находившийся в руках Крупской, использовался с максимальной пользой. Его именем они орудовали, словно увесистой дубиной.

В последние месяцы и дни тяжело больного В.И.Ленина Крупская вела себя безжалостно. Она принялась поднимать

его, парализованного, из коляски и заставлять ходить на своих ногах. Затем ей вздумалось учить его писать левой рукой. Она же решительно снарядила Ленина на выставку в Сокольники для посещения еврейского сельскохозяйственного павильона.

Последний ход Крупской был исполнен дьявольского умысла: в Политбюро вдруг поступило ее требование, чтобы Сталин, как надзирающий за режимом Вождя, дал ему порцию цианистого калия.

Иосиф Виссарионович наотрез отказался выполнять эту просьбу-приказание. Если жена Ленина на самом деле проявляет милосердие к страдающему мужу, то ей лучше и проще обратиться к брату Ленина, Дмитрию, — врачу по профессии. Кроме того, уже два года в кремлевском «Зазеркалье» функционирует специальная лаборатория под руководством доктора Казакова. Так что не следует втягивать в это дурно пахнущее дело И.В.Сталина!

Таким образом, последний год жизни Вождя оказался до предела заполненным проявлениями как открытой, так и тайной борьбы.

16-18 января 1924 г. проходила XIII партконференция. Ожесточение соперничающих сил нарастало. В Москве продолжала находиться крикливая делегация Грузии. Все более подло вел себя А. Енукидзе, вроде бы близкий друг Сталина (он был крестным отцом Светланки). Енукидзе исподволь подкапывался под Орджоникидзе. Он хотел довести до конца замысел Ленина: исключить из партии Орджоникидзе и Дзержинского. Обе эти фигуры занимали немало места в ближайших планах сионистов.

О состоянии здоровья Ленина стал печататься правительственный бюллетень (признак нехороший). Из Германии приехали два крупных специалиста по сифилису: профессора Штюмпель и Нонне. Из Швеции пригласили профессора Геншена, специалиста по мозгу. Состоялся консилиум врачей с участием Семашко и Кожевникова. Ареопаг светил вынес решение: лечение оставить прежнее.

Снова послали за профессором Ферстером.

Отчеты о работе XIII партконференции печатались в «Правде». Каждое утро Крупская усаживалась возле постели мужа со свежим номером газеты. Ленин, слушая, волновался, краснел и принимался лихорадочно бормотать «вти-вти-вти». 21 января

он вдруг откинулся, захрипел. В палату вбежал дежурный врач Елистратов, ввел камфору, стал делать искусственное дыхание. Появился вальяжный профессор Ферстер... Все было напрасным.

Любопытным было поведение в эти непростые дни профессора Гетье.

18 января он примчался на квартиру Троцкого в Кремле и застал хозяина в плачевном состоянии. Военный министр лежал на диване с поджатыми коленками и отрешенно смотрел в стену. Профессор бросился к нему и принялся тормошить, призывая встряхнуться и взять себя в руки. За весь этот день он посетил квартиру Троцкого четыре раза. Последний раз — в самую полночь.

Утром Троцкий отправился на вокзал. Его салон-вагон был прицеплен к сухумскому поезду.

Знал ли он о состоянии умирающего Ленина? Бесспорно. И все же поспешил уехать, сбежать. Это поспешное бегство председателя Реввоенсовета с места такого события, как смерть Вождя, слишком смахивало на обретение алиби. Более того, на вокзале в Тифлисе он узнал о кончине Ленина и не захотел вернуться. Не успевал? Чушь несусветная. Для военного министра можно было бы выделить и самолет. Нет, он без колебаний продолжил свой путь к синему теплому морю.

Вскрытие тела умершего Вождя проводил профессор Абрикосов. Причины смерти выявились моментально. Ленин страдал сужением артерии, питающей мозг кровью. Рубцевание этого жизненно важного сосуда объяснялось только одним: нарушением тканей посторонним предметом (т.е. одной из пуль). Исследовав мозг умершего, профессор Абрикосов нашел «очаговое разложение тканей», но не обнаружил ни малейших признаков сифилиса, от которого Ленина лечили с предельной интенсивностью (мозг Ленина до сих пор хранится в Институте мозга).

Душа Ленина отлетела вечером 21 января (в 18 ч. 50 мин.). В ту же ночь состоялся экстренный пленум ЦК и заседание ЦИК. Страна услышала взволнованное правительственное сообщение:

«Умер человек, под боевым водительством которого партия водрузила красное знамя Октября по всей стране. Умер основатель Коминтерна, любовь и гордость международного пролетариата, вождь мирового коммунизма, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России».

Председателем похоронной комиссии был утвержден Ф.Дзержинский.

Пока руководители заседали, скульптор С. Меркуров снимал гипсовую маску скончавшегося Вождя.

На Красной площади, в жуткий мороз, наспех сооружался деревянный Мавзолей. Распоряжался архитектор Щусев.

26 января открылся траурный II Всесоюзный съезд Советов. На нем Сталин произнес свою знаменитую клятву.

На следующий день состоялись похороны В.И.Ленина. По всей стране ровно в 16 часов по московскому времени на пять минут остановилась жизнь: «Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу!»

Смерть Ленина не внесла окончательной ясности в расстановку сил в руководстве партии и молодой Республики Советов. Началось соперничество авторитетов, состязание былых заслуг перед революцией. А поскольку самыми именитыми считались исключительно те, что «боролись с самодержавием» из-за рубежа, то они и сцепились в ожесточенной схватке. И.В. Сталина при этом никто не принимал всерьез.

Сталин, как это ни странно, находился в выгоднейшем положении: до поры до времени не заявляя о себе, он наблюдал за всеми ухватками этой развязной международной сволочи и собирал, подкапливал силы. Он ждал своего часа.

Человека, равного по авторитету Ленину, не имелось на всем кремлевском верху. Заменять скончавшегося Вождя следовало «по частям».

Пост председателя Совнаркома был предложен Каменеву. Он немедленно выступил с самоотводом:

— Назначать во главе правительства е в р е я? Да вы с ума сошли! Народ нас может не понять.

Аристократы революции, ее инфанты и маркизы, они понимали сами, что сильно зарвались. Все-таки революция в России должна развиваться по Марксу, а не по ветхозаветной Торе!

Итак, на такой пост следовало назначить только русского — это будет правильно политически. Но где его сыскать?

В конце концов остановились на кандидатуре Алексея Рыкова. При этом пришлось закрыть глаза на его пагубную страсть, которой он и не скрывал: Рыков беспробудно пил. Ничего, подлечим. По слухам, в Германии научились кардинально излечивать алкоголизм.

Каменев остался во главе Москвы, Зиновьев — в Северной столице, переименованной в Ленинград. Власть как одного, так и другого намного превышала положение и власть Рыкова.

В молодой Республике Советов, похоронившей своего Вождя, стало понемногу оформляться два центра власти: Москва и Ленинград. Застарелый алкоголизм Рыкова позволял Зиновьеву и Каменеву пренебрежительно относиться к влиянию Центра. Однако существовал еще Центральный Комитет партии с деятельными Секретариатом и Оргбюро. А там заправлял Сталин. Только теперь троцкисты и зиновьевцы поняли свой промах. Бросив Сталину титул Генерального секретаря, словно побрякушку дикарю, они вдруг убедились, что старший чиновничий пост в Секретариате обрел державную силу и уже пишется с заглавной буквы.

Сталин таким образом стал главной опасностью для троцкизма.

На их стороне находилась Крупская, вдова скончавшегося Вождя. Это был сильный козырь. Однако на стороне Сталина отныне сражался сам Ленин (даже со своим «Завещанием», которым он до поры до времени позволял им козырять). Иосиф Виссарионович превратил умершего Вождя в могучую культовую фигуру и утвердился на его плечах, как продолжатель бессмертного дела. Он слишком хорошо знал, с каким пренебрежением вся эта шушера относилась к Ленину. Что стоила одна брань Троцкого! Обзываемый Лениным «проституткой» и «свиньей», он в долгу не оставался и отвечал с уязвленной желчностью: «неряшливый адвокатишко», «отвратительная карикатура на Робеспьера», «эксплуататор всяческой российской отсталости» и, наконец, — «мерзкий и морально отталкивающий субъект». О партии большевиков он выразился так: «Ленин и вся его группа — уголовники». Чем было теперь крыть? Нечем!

Сам Ленин теперь безмолвствовал. Но во весь голос говорили документы, связанные с его жизнью и деятельностью. И Сталин умело обрушил их на головы своих врагов.

Работа Сталина на посту Генерального секретаря напоминала хлопоты главного механика партии: засучив рукава, он обеспечивал надежное сцепление разнообразных шестеренок и прочность приводных ремней. Оппозиция слишком поздно спохватилась. Все эти ничтожные болтуны надеялись, что привычно налаженная машина будет их везти и дальше. Ошиба-

лись! Механизм налаживался не для них, а против них. И Сталин лишь ждал повода, чтобы их решительно ссадить, как надоевших и сварливых пассажиров. Слава Богу, заменить их есть кем. Этому изношенному хламу предстояло оказаться в канаве у дороги и посвятить остаток своих дряблых сил интригам и заговорам.

День рождения Троцкого, словно нарочно, приходился на 7 ноября. Стоя в этот день на праздничной трибуне и пропуская мимо себя кумачовые колонны демонстрантов, он напыщенно воспринимал ликование народных масс, как поклонение своей выдающейся персоне.

Иосиф Виссарионович, став Генеральным секретарем, не ускорял событий. После XI съезда партии (27 марта-2 апреля 1922 г.) он оставил в секретариате Молотова и пополнил его состав двумя новыми кандидатурами — Куйбышева и Андреева. Всех троих удалось ввести также в состав Оргбюро.

Троцкий в эти дни подчеркнуто демонстрировал свое исключительное положение. На заседаниях Политбюро он сидел безучастно и, закинув ногу на ногу, читал французский роман. Вкрадчивых усилий Сталина он пока не замечал. «Серая клякса» — так отозвался он о Генеральном секретаре. Его попрежнему раздражал Зиновьев. Кроме того, он с опаской стал посматривать на Дзержинского. Мощную силу главы Лубянки он признавал. Но вот рискнет ли он применить ее против армии? Сомнительно. Скорей всего постарается избрать какой-нибудь тайный способ. Для этого у него огромные возможности.

Первую угрозу своему всесилию Троцкий ощутил, когда пленум Центральной Контрольной Комиссии решил обследовать положение в Красной Армии. Возглавил контролеров секретарь ЦК В.В. Куйбышев. Помимо этого заколебалось положение двух его самых надежных помощников: Склянского и Антонова-Овсеенко. А в конце года в Москве появился вызванный с Украины М.В. Фрунзе. Стало известно, что из Умани, тоже с Украины, переводится герой Гражданской войны Г.И. Котовский. Кажется, готовился и назревал русский национальный протест против засилья. Троцкий пренебрежительно фыркнул. Видимо, разгром Антоновщины и Кронштадтского мятежа уже забылись. Ничего, пусть попробуют еще! Отучим навсегда!

В эти дни он отозвался на просьбу военного атташе Норвегии майора Квислинга и дал ему разрешение посетить Украину

и Крым (женат будущий предатель норвежского народа был на русской). Тайно под вымышленной фамилией посетил Москву банкир Ф. Варбург... На Соловецких островах произошел массовый расстрел белогвардейских офицеров...

Готовясь к очередному съезду партии, Сталин предложил подготовить «Заявление» о внутрипартийном положении. Мнения резко разделились. Открытого голосования не затевали, обошлись сбором подписей по кругу. Втайне Сталин именно этого и добивался. Теперь у него на руках имелся полный список откровенных противников. В этом списке оказались: Е. Преображенский, Л. Серебряков, А. Белобородов, А. Розенгольц, В. Антонов-Овсеенко, Л. Сосновский, Е. Бош и М. Эльцын.

Членами Политбюро стали Молотов, Ворошилов, Калинин.

В личном секретариате Генсека появились Мехлис и Маленков.

Николай Иванович Ежов сам был далеко не рядовой фигурой нового режима. В 26 лет он возглавил регион величиной с Францию. С его прямым и деятельным участием советская держава строилась и укреплялась. На своем посту он знал гораздо больше остальных и успел привыкнуть к этой исключительности, искренне считая, что так и полагается, — капитанский мостик несравним с матросской палубой.

Привычно заполняя свои блокноты-накопители, Николай Иванович только теперь получил представление о том, какая колоссальная работа была проделана, чтобы сочинить настоящие жития всем ветеранам Революции, «бойцам ленинской гвардии». Над этим потрудились лучшие мастера страны в области литературы, театра, кино, живописи и скульптуры. С особенной тщательностью создавался образ Ленина - Основателя Партии, Вождя Революции, Создателя Союза Советских Социалистических Республик. Соратники, знавшие живого Ленина, постепенно уходили в небытие, а перед глазами живых возвышался исполинский образ Человека, изменившего картину мира.

Началом культа Ленина Ежов считал речь Генерального секретаря у гроба скончавшегося Вождя. Затем, через четыре месяца, 26 мая, Сталин организовал коллективное посещение Мавзолея. Делегаты XIII съезда партии спустились к сверкающему саркофагу и провели там несколько минут в глубоком траурном безмолвии. Это припадание к телу создателя большевистской партии и советского государства станет постоянным и превратится в культовый, почти языческий обряд.

Протекали годы, менялись времена, и на недосягаемую высоту возносился бессмертный образ Человека, всей своей жизнью изменившего облик современного мира.

Если бы не проклятые архивы, сохранившие совсем иные свидетельства земной жизни человека, занимавшего третий пост в молодой республике Советов! Все чаще Ежов испытывал раздражение, не поддающееся объяснению. Ему уже не хотелось досадных узнаваний, однако они вылезали сами собой и, нанизываясь одно на другое, совершенно искажали затверженный иконный облик.

Кто знает, например, что В.И. Ленин 15 октября 1917 года (за 10 дней до выстрела «Авроры») тайно встретился с двумя майорами немецкой армии: Эрихом и Андерсом. Первый из них носил русскую фамилию Егоров, второй — Рубалов. О чем они говорили? Об этом нет никаких свидетельств и можно лишь строить догадки.

Или — вот: встреча председателя Совнаркома с американским представителем Буллитом, опытным дипломатом и разведчиком. Ленин просит своего собеседника посодействовать тому, чтобы правительство Соединенных Штатов признало Советскую Россию в ее существующих границах (т.е. небольшим улусом, сложившимся вокруг Садового кольца). Буллит усмехается и едет разговаривать с Троцким. Тот заявляет американцу: «Никаких признаний! Это бред!» Оба они понимают один другого без лишних слов. Тот и другой находятся в России для осуществления более глубоких планов. По этим планам большевикам гарантируется победа в гражданской войне. Самое ответственное начнется в «этой стране» после разгрома Белой гвардии. Но об этом пока речи не идет. Всему свое время!

Вскоре Буллит уезжает из России, оставив здесь полковника Робинса, уже никакого не дипломата, а просто умелого разведчика. И вот у Робинса с Лениным складываются удивительные отношения!

Как известно, немцы, получив от Троцкого в Бресте настоящий «карт-бланш», развили стремительное наступление. Казалось, Петроград был обречен. Иностранные представители покинули город и обосновались в Вологде.

Сохранилась телеграмма, отправленная полковником Робинсом из Вологды Ленину.

«Каково положение в Петрограде? Какие новости о германском наступлении? Подписан ли мир? Выехали ли английское и французское посольства? Когда и какой дорогой? Скажите Локкарту, в английском посольстве, что мы доехали».

Ежова поразил начальственный тон запроса. Так обращаются не к главе правительства, а к подчиненному.

Но что же Ленин? Возмутился? Поставил наглеца на место? Ничуть не бывало. Через 20 минут после запроса Робинса он отвечает:

«Перемирие еще не подписано. Положение без перемен. На остальные вопросы Вам ответит Петров из наркоминдела».

Выходило, что даже в суматохе лихорадочных сборов, когда немцы уже стояли у ворот Петрограда, Ленин бросил все дела, и кинулся исполнять запрос американского полковника.

Да, рушился светлый образ Великого Вождя. Мало-помалу Николай Иванович узнавал совсем другого Ленина!

Ежов считал, что любой исследователь станет в тупик, попытавшись ответить на вопрос: ЧТО остановило немцев у ворот обреченного Петрограда? Неужели они испугались оставленных в городе Зиновьева с Урицким? И все же продвижение германских войск остановилось. Им был отдан непостижимый «стоп-приказ»!

Кто его отдал? Почему?

А как объяснить поразительную синхронность в действиях спецслужб двух воюющих держав: России и Австро-Венгрии?

Арестовав Ленина в Польше, в Поронино, австрийская контрразведка выпустила его через 12 дней. И тут же, 16 сентября 1914 года, российский Департамент полиции издает свой секретнейший циркуляр, запрещающий подвергать Ленина аресту.

Налицо, как полагал Ежов, полезность Ленина как для охранки, так и для австрийцев. Уж не один ли хозяин руководил обеими спецслужбами? Иного ответа пока не находилось...

Питерцы приготовились умереть, но не пустить белогвардейцев в родной город. Вдруг поступило чудовищное распоряжение Ленина: впустить наступающих в Питер, чтобы измотать их в упорных уличных боях!

Страшно представить, что осталось бы от замечательного города: одни развалины.

Поэтому питерцы вознегодовали. Из Москвы примчался Сталин и возглавил оборону города. Враг был разбит и отброшен! А шашни Ленина с немецкими военными? А угодливость в сношениях с Робинсом?

А подозрительная терпеливость к грубейшим выходкам Троцкого?

Ленин, и это знали все, тяжело пережил испытание Малиновским. После расстрела провокатора Вождь стал жестче относиться к наглеющему властному триумвирату. Похоже, ему вконец надоела унизительная роль «дворянина при евреях». Образовав Совет Труда и Обороны, Ленин включил в его структуру и Реввоенсовет, лишив, таким образом, Троцкого «суверенитета». У клочковатого диктатора взыграло самолюбие.

Выходит, все приказы по армии теперь будут отдаваться через мою голову?

Не забывайте, Лев Давидович, что интересы Красной Армии дороги не вам одному, — спокойно срезал его Ленин.

Разговор происходил в присутствии нескольких членов СТО. Троцкий вспылил, назвал Ленина «хулиганом» и выбежал из помещения.

Кровь бросилась Ленину в лицо. Однако он сдержался и, стараясь говорить ровно, произнес:

— Кажется, кой у кого нервишки не в порядке...

Что здесь было с ленинской стороны: выдержка или же... подчиненное положение?

Но случай возмутительный!

На трудные размышления навели Ежова свидетельства того, что Дзержинский командировал Ганецкого в Польшу, в Поронино, с заданием купить или похитить все документы, связанные с арестом Ленина в 1914 году.

Зачем ему понадобились эти документы? Для шантажа? Или... Ответа Ежов пока не находил.

Мало-помалу Николай Иванович открывал для себя Вождя такого, каким его никто не знал.

И вдруг — словно гром с ясного неба: ленинская идея ГОЭЛРО, грандиозный план электрификации России!

К этому времени ленинский блокнот Ежова распух от избранных записей. Маленький нарком, как опытный кадровик, проследил всю жизнь создателя партии и собрал все его речи,

доклады, реплики, резолюции: письменные свидетельства умонастроения человека, бесспорно, великого, но, к сожалению, отрицательно относившегося к стране, где ему выпало родиться и умереть.

Из блокнота Ежова: «Ленин не выносил традиционной формулы русской государственности: «единая и неделимая».

Писатель А. И. Куприн, побывавший у Ленина в Кремле, обратил внимание на «бездонные глаза умалишенного» и на «его темный разум» (Троцкий напомнил Куприну «чудовищную голову клопа под микроскопом»).

Писатель пришел в ужас от сознания того, что ожидает несчастную Россию и ее народ...»

Полечившись в декабре 1917 года в Финляндии, Ленин вернулся в Петроград и, не успев приступить к исполнению обязанностей главы советского правительства, попал под пули террористов (покушение на Симеоновском мосту). 10 января 1918 года он выступает со статьей «Как организовать соревнование». Речь идет о соревновании в работе специфической — Ленин называет ее «очисткой земли российской от всяких вредных насекомых». Кто же попадает в разряд этих «насекомых»? Ответ Вождя: все «классово-чуждые», а также «рабочие, отлынивающие от работы», и «саботажники-интеллигенты».

Поразительное отношение Ленина к России, русскому народу. Что это? Материнская кровь? Месть за повешенного брата?

«Бывает, — рассуждал Ленин с трибуны XI съезда партии, — что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным... Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю».

Мысль Вождя пока увилиста, шкодлива — он пытается по-своему объяснить русскому народу поразительное засилье.

Но вот суждения Вождя обретают директивную категоричность: «...угнетающая или так называемая «великая» нация — хотя великая только своими насилиями...». Он поднимает свой голос в «...защиту российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса — шовиниста, в сущ-

ности, подлеца и насильника...». И негодует по поводу «шовинизма великорусской швали».

«Что русские? Всем хороши, но не хватает одного — твердости. А наше спасение именно в этом. Вы же, надеюсь, не собираетесь делать революцию в белых перчатках? А некоторые, к сожалению, и до сих пор... В общем, это рассусоливание надоело. Надо дело делать! А Лев Давидович человек надежный. Таких, батенька, днем с огнем...»

Оба, председатель Совнаркома и председатель Реввоенсовета, решительно сбросили «белые перчатки».

Телеграммы Ленина только в 1918 году.

26 июня в Петроград: «Это не-воз-мож-но! Надо поощрять энергию и массовидность террора...».

7 июля в Царицын (Сталину): «Будьте беспощадны. Повсюду надо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов».

9 августа в Пензу: «Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».

В тот же день в Нижний Новгород: «Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор. Ни минуты промедления!»

22 августа в Саратов: «Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...».

12 декабря в Астрахань: «Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять кулаков и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили!»

1919 год вошел в историю как время беспощадного расказачивания. У истоков этой каннибальской операции стоял председатель ВЦИКа Я.М. Свердлов. На юг России выехал сам Дзержинский. Он сообщает Ленину о том, что «за последнее время сдались в плен около миллиона казаков. Прошу санкции». Телеграмма Ленина: «Расстрелять всех до одного». Так Вождь справил тризну по Свердлову, недавно похороненному у Кремлевской стены.

Помимо казачества и других привилегированных сословий царской России лютую ненависть у вождей революции вызывали служители православной церкви.

Директива — 19 марта 1922 года:

«Данный момент представляет собой не только благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с

99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции намного десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) произвести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления.

Изъятие должно быть произведено с беспощадной решимостью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам расстрелять, тем лучше».

1 мая 1919 г. Дзержинскому:

«В соответствии с решениями ВЦИК и СНК необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.

Председатель ВЦИК Калинин

Председатель СНК Ленин».

Вдогонку этой телеграмме в тот же день ушла еще одна:

«Расстреливать беспощадно и повсеместно всех, кто молится богу».

Ленин, при всей его врожденной страсти к разрушению (ученые называют эту особенность человеческой натуры антисоциальностью), не обладал такой же страстью к созиданию. Ломать - не строить!

Сторонникам мировой революции «эта страна» и «этот народ» требовались всего лишь как изобильный материал для раздувания вселенского пожарища.

Враждуя всю жизнь с Троцким, ярым ненавистником «тюрьмы народов», Ленин с 1917 года вдруг сам набивается в друзья и союзники к этому страшному человеку. Началось с приглашения его, не большевика, в редколлегию «Правды», затем чудовищное по своим последствиям решение VI съезда партии, затем защита Лениным обоих незадачливых полководцев, Троцкого и Тухачевского, после катастрофы под Варшавой. А финал непостижимой дружбы наступил в дни ленинской болезни, когда едва живой Вождь просил Троцкого стать своим пер-

вым заместителем и в «Завещании» (вернее, в приписке к нему) предложил убрать Сталина с поста Генерального секретаря.

Сталину много раз докладывали о возмутительных шагах Ленина, направленных против него. Всякий раз Иосиф Виссарионович морщился, словно от невыносимой боли, и заявлял:

— Это не Ильич. Это — его болезнь. Понимать же надо!

Кроме всего, он отлично видел, какую роль играло в жизни Вождя его постоянное женское окружение: Крупская, Маняша, Арманд.

По примеру Троцкого, заболевший Ленин потерял веру в созидательные силы русского народа. Если Троцкий заявлял: «Нам нужен организатор наподобие Баруха», то Ленин тут же откликался: «Удержать пролетарскую власть в России без помощи крупного капитала — нельзя!» 23 ноября 1920 года, вскоре после разгрома под Варшавой, Ленин подписал Декрет о сдаче всех месторождений полезных ископаемых в концессии западным компаниям. Срок эксплуатации установлен в 70 лет (т.е. заканчивался в 1990 году, к началу «перестройки»). Вечером того же дня, 23 ноября, Ленин отправился на пленум Московского областного комитета партии и там заявил: «Мы обязаны помочь Западу нашими богатствами!» Вскоре стало известно, что в результате тайных переговоров председатель Совнаркома склонился к тому, чтобы уступить Камчатку американцам. Сделке помешали японцы, — они сами точили зубы на этот кусок русской территории. А год спустя на X съезде партии Ленин принялся убеждать делегатов: «Не жалко поступиться сотнями миллионов, а то и миллиардами из наших необъятных богатств!»

Троцкий, приехавший в Россию из Америки, и Ленин, проникший в страну благодаря Германии, вели дело к тому, чтобы превратить Россию в сырьевой придаток так милого их сердцам Запада. Лучшей участи, по их мнению, Россия не заслуживала.

Недаром же Ленин, уходя из жизни, объявил «войну не на жизнь, а на смерть великорусскому шовинизму», а несколько ранее, в тяжелые недели катастрофы под Казанью, он телеграфировал Троцкому в Свияжск:

«Наше дело — бороться с господствующей черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов».

Трансформировались и взгляды Ленина на роль Великого Октября, события, к которому он стремился всю свою бурную,

целенаправленную жизнь (правда, об этих упаднических настроениях Вождя стараются не поминать).

Выступая на XI съезде партии (1922 г.), В.И.Ленин с горечью признался:

— «Вырывается машина из рук как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины».

Понять Вождя нетрудно — русский народ никак не соглашался лечь под каток «западной цивилизации». Он хотел жить своим умом. Советская власть попыталась сломать народ через колено — сорвалось.

И Ленину пришлось сказать горькие слова:

«Мы хотели повернуть Историю, но, оказывается, повернулись мы, а История не повернулась».

И — еще: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по-щучьему велению. Между тем, это вопрос поколений... Попытка не удалась. Так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни, нельзя. Можно потребовать загнать население в новый строй силой, но вопрос — сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке?»

Что и говорить, горькие и бессильные признания!

Вот где корни нэпа, этого открытого возврата к прошлому и признания того, что пресловутая «диктатура пролетариата» — всего лишь ловкий прием социальных демагогов для достижения сиюминутной выгоды. В качестве доказательства достаточно вспомнить зверский расстрел рабочей манифестации на улицах Петрограда днем 5 января 1918 года. Первой жертвой «диктатуры пролетариата» стали как раз сами питерские пролетарии!

Диктатура... Была, была. Только никакая не пролетарская, то есть отнюдь не классовая.

Закончив составление документа, Николай Иванович испытал чувство усталости от длительного напряжения, — прежде такого никогда не замечалось. Все трудней даются ему опустошающие душу узнавания!

Интересно, знает ли обо всем этом Хозяин?

Ну так теперь узнает!

И он, подхватив свою серенькую папку, поехал в Кремль.

Передать «Справку» из рук в руки не удалось. Поскребышев, помощник Сталина, дал понять, что в распорядке дня Хозяина вдруг что-то изменилось. Он попросил оставить документ.

Весь вечер он провел в тревожном ожидании — ждал звонка по главному телефону. Ближе к полночи из Кремля фельдсвязью доставили пакет. Волнуясь, Николай Иванович нетерпеливо разорвал плотную бумагу, стал читать и... обомлел!

НКВД РСФСР 25 декабря 1922 г. ГПУ № 14270 Секретарю ЦКВКП (б) тов. И.В. Сталину

...Известно, что «Кузьмич» был действительно завербован представителем германского Генерального штаба (в 1915 году) Гельфандом Александром Лазаревичем (он же Парвус, он же Александр Москвич, урожденный в семье еврейского ремесленника в местечке Березина, Минской губернии. Обучался в Одессе, окончил Базельский университет. Доктор философии).

Парвус встречался с «Кузьмичом» в мае 1915 года и письменно оформил все формальности. Для того, чтобы «Кузьмич» получал деньги, была написана расписка, автобиография, дана подписка о сотрудничестве, присвоен псевдоним «Зерторенманн». Все встречи, организованные Парвусом с «Кузьмичом», носили конспиративный, тайный характер. Парвус был на службе в министерстве иностранных дел Германии и состоял на должности в Генеральном штабе. Был вхож в семью германского канцлера Бетмана-Гольвега, являлся помощником Эриха Людендорфа (военный мозг Германии). Людендорф писал в своей книге о сотрудничестве большевистских вождей с германским правительством. Сейчас Людендорф заявляет, что большевистское правительство «существует по нашей милости».

Известно, что Парвус через подставных лиц и лично передавал «Кузьмичу» крупные суммы денег, о расходовании которых он не ставил в известность ЦК и близких товарищей.

Сподручным Парвусу являлся Фюрстенберг Яков Станиславович (он же — Борель, Ганецкий, Гендричек, Франтишек, Куба, Келлер), бывш. член Польской соц. дем. партии, делегат

II, IV, VI съездов РСДРП, член ЦК и Загранбюро ЦК, личный казначей «Кузьмича» с 1915 года. Был доверенным лицом Парвуса в финансовых делах, платным агентом Генерального штаба Германии, значившимся под псевдонимом «Мириан».

Вербовочная операция Парвусом готовилась тщательно на протяжении многих лет, с 1906—1907годов. Для контактов Парвус посылал Ганецкого. Несмотря на конспиративную обставленность встреч и придание им секретного характера, «Кузьмич» однако разбалтывал об этом Инессе Арманд, во время отдыха в Зеренберге, в мае 1915 года. «Кузьмич» рассказывал, что для того, чтобы получать деньги, ему необходимо было пойти на политические уступки германским властям.

Екатерина Гормон также свидетельствует, что она приезжала в Швейцарию вместе с Парвусом и Ганецким. Они разместились в одной из шикарных и дорогих гостиниц и через нее Парвус распределил около 20 миллионов немецких марок среди нуждающихся русских эмигрантов, среди которых, кроме обозначенных, были также: Троцкий, Бухарин и др. Ей были известны связи Парвуса с германским правительством, которое требовало отчета за использование денег. Поэтому Парвус всегда отбирал расписки с тех, кому выдавались деньги.

Еще раньше Каспаров и Арманд рассказывали о встрече Парвуса с «Кузьмичом» в 1906 году. Парвус забрал из ресторана «Кузьмича» и Крупскую к себе на квартиру, где беседовали до позднего вечера.

Во время проживания «Кузьмича» в Мюнхене Парвус специально проживал от него в нескольких минутах ходьбы для удобства периодических встреч.

... Как правило, связь между большевиками и русскими эмигрантами поддерживал по поручению Парвуса Ганецкий. Как стоит полагать, ими были завербованы Чудновский, Зурабов, Урицкий, Бухарин, Зиновьев и многие другие.

Известно, что в Сибирский банк в Петербурге Парвус и Ганецкий на счета родственницы Ганецкого Евгении Мавриkиевны Суменсон и Михаила Юрьевича Козловского (члена Исполкома Петроградского Совета) переводили очень большие суммы через «Ниа Банк» в Стокгольме, куда деньги поступали из Берлина при посредничестве Ганецкого.

Известно, что в 1916 году в Берлине был создан специальный отдел «Стокгольм» под председательством Траутмана. На него через Парвуса и при посредничестве Ганецкого «замыкались» Бухарин, Радек, Зиновьев.

...Ганецкий по указанию Парвуса руководил «переправкой» «Кузьмича» в Россию. Известно, что в операции принимали участие не только германский Генеральный штаб и министерство иностранных дел, но и сам кайзер Вильгельм II. «Кузьмич» был отправлен в Россию в дипломатическом вагоне при личном поваре и в сопровождении 35 соратников, среди которых были: Крупская, Зиновьев, Лилина, Арманд, Сокольников, Радек и другие.

...Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы денег. Об этом я узнал еще в декабре 1917 года... Теперь я абсолютно достоверно выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше 50 миллионов золотых марок. Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор. Генерал Гофман, который там вел переговоры, в двояком смысле держал большевиков в своих руках и он это сильно давал им чувствовать.

... Другим источником поступления денег от германского правительства непосредственно «Кузьмичу» следует отнести Карла Моора. Он является высокооплачиваемым агентом Берлина (псевдоним — «Байер», он же — «Тернер»)... Моор регулярно информирует Берлин об обстановке в ЦК и правительстве. Фактически мы имеем нахального и ничего не стесняющегося агента Берлина, пользующегося покровительством «Кузьмича» и других членов правительства.

Председатель Государственного Политического Управления при НКВД РСФСР Ф. Дзержинский».

Ошеломление Ежова было настолько велико, что он схватился за виски и тупо уставился в последнюю страницу документа. Мысли его скакали. «Значит, и Ленин...».

Но — Сталин, Сталин! Выходит, он все это знал давно и хранил, молчал, тащил свой воз. Вот она откуда, эта сталинская молчаливость и сосредоточенность!

«Справка» Дзержинского густо синела от сталинских подчеркиваний. Как всегда, Вождь обращал внимание на детали

вроде бы совершенно незначительные, однако при внимательном рассмотрении... Вот, в частности, «личный повар Ленина». Кто такой? Список всех приехавших в «ленинском потоке» опубликовал Бурцев, охотник за провокаторами, еще в 1917 году. Там — 159 человек. Так, который же из них? Попробуй-ка теперь определи! Русских в этом списке Бурцева — ни одного. Не исключено, сменил фамилию (если только дожил до сегодняшних времен). Ежов не сомневался, что никакой это не повар, а хорошо подготовленный агент. Посылали его тогда для приглядывания за поведением всей этой компании, а дальше... Дальше у этого человека могли быть (и наверняка имелись!) более ответственные цели. Агент глубокого залегания! Так где же его теперь искать?

Сокрушительный документ Дзержинского не раздавил маленького наркома, как того боялся Сталин, а лишь ожесточил его и зарядил. В ответ на величайшее доверие Вождя Ежов готов был вырвать сердце из груди. Он не пожалеет ни сил, ни времени, но раскопает всю эту помойку до самого дна. И настанет миг, когда от его раскопок изумится даже этот кремень-человек, стальная глыба, неподвластная казалось бы, никаким эмоциям.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ «ЛЮБИМЦЕВ»!

«Любимец партии» Бухарин (именно так назвал его в своем «Завещании» умиравший Ленин) являлся одной из самых омерзительных партийных фигур. Без всякого образования, демагог и наглец, этот человек сумел создать свою «бухаринскую» школу идеологических ловкачей, набив ими все поры государственного механизма.

В конце XX века этот же прием применила еще одна столь же отвратительная тварь, ставшая «серым кардиналом» затеянной членами Политбюро перестройки.

Между первым и последним существовало поразительное сходство: оба были отталкивающей внешности.

Отличались они один от другого отношением к военным: «академик» Яковлев боялся их как огня, Бухарин же орудовал с ними в полном согласии, поэтому расстрел Тухачевского явился для него крахом всех планов и надежд.

Военным в заговоре троцкистов отводилась роль штурмовой группы, роль мощных челюстей с крупными и острыми клыками. Отсюда та поспешность, с какой проводились их аресты, велось следствие и чинился беспощадный суд-расправа.

Между судебными процессами над Тухачевским и Бухариным прошло около года, чуть больше 10 месяцев.

Этот процесс, последний над главарями окончательно разгромленного заговора, снова был открытым, с публикой и прессой.

Три фигуры выделялись на этот раз в деревянной загородке для преступников: Бухарин, Ягода и Раковский. Все остальные были чуточку поменьше, с подчиненным положением этим главарям.

Самым любопытным деятелем из этой троицы, несомненно, представляется Христиан Раковский. Можно лишь догадываться, как он вел себя в начале следствия. Скорей всего что-то признавал, от чего-то решительно открещивался, — словом, все как обычно. Но вот что возбуждало любопытство и недоумение тех, кто распутывал это дело: подследственный вел себя хоть и раскаянно, однако держался с неподражаемым достоинством. По манерам в нем угадывался человек, угодивший в сеть Лубянки совершенно случайно. Он никак не вписывался в компанию мелкой политической шантрапы, которая в настоящее время извивалась в соседних следственных кабинетах. Совсем другого полета угадывалась птица! Раковский зачастую путал известные фамилии, морщился, припоминая, о каком человеке ведет речь следователь. Поражало и то, что остальные заговорщики также не давали на Раковского достаточного обличительного материала. Порою, когда ведущий следствие становился слишком уж назойливым, на губах Раковского появлялась снисходительная усмешка. Нет, не понимали эти люди, какая редкостная рыба угодила в их широко расставленные сети!

Еще одно обстоятельство заставляло следователей смотреть на этого человека с пристальным интересом. Обыск при аресте Раковского затянулся на всю ночь: квартира была огромная и набита разнообразными вещами. Сам хозяин вел себя невозмутимо, демонстрируя завидную выдержку. Хозяйка же заметно нервничала, не находила себе места. Уже под утро она вдруг попросила разрешения подать мужу стакан свежего чаю. Старший опергруппы пожал плечами: пожалуйста... Но что-то показалось ему странным в поведении хозяйки и он перехватил

стакан с чаем. Чутье оперативника сработало отменно: чай оказался отравленным. Всего один глоток — и Раковский свалился бы замертво.

Следовательно, арест этого человека кому-то представлялся чудовищно опасным. Поэтому его попытались вовремя устранить. «Нет человека — нет проблемы!»

Устранение таких фигур на ранних стадиях расследования называется «обрубанием концов».

А время между тем шло, приближалось окончание следствия.

Внезапно Раковский сделал заявление, потребовав, чтобы ему устроили встречу с людьми, занимающимися высокими государственными проблемами. Он хотел разговаривать не со следователями, а со специалистами по анализу международной политики. Делу, естественно, был дан ход, и 18 января 1938 года, т.е. примерно за месяц до начала процесса в Октябрьском зале, такая встреча состоялась. Разговор, как можно догадаться по протоколу, происходил не на Лубянке, а в к а к о м-т о доме и собеседником Раковского оказался не следователь с кубарями в петлицах, а к а к о й-т о человек сугубо штатского вида, укрывшийся за странным псевдонимом Габриэль.

Однако прежде чем начать пролистывать страницы редкостного протокола, необходимо окинуть взглядом жизненный путь загадочного арестанта.

Любопытно само появление Раковского в России.

Едва в Румынию пришло известие о царском отречении, тамошние власти спешно выпустили Раковского из тюрьмы, и снарядили специальный поезд, доставивший его в Одессу. Оттуда он добрался до бурлящего Петрограда и оказался там примерно в одно время с Троцким.

Точно так же, как и Троцкий, он сразу попадает в объятия Ленина. Вождь уговаривает его вступить в партию большевиков и обеспечивает ему избрание в члены Центрального Комитета. Если учесть, что в те времена количество членов ЦК не превышало десяти человек, то легко представить, какую власть сразу же обрел этот засланный в Россию деятель.

Такое сосредоточение разрушительных сил, собираемых со всего света, лишний раз убеждает в планомерности действий, в стратегической и тактической направленности усилий по сокрушению не только самодержавия, но и самой России.

Из Польши Раковский бежал, спасаясь от призыва в русскую армию. Масонство помогло этому выходцу из захолустья пожить в Швейцарии, Германии, Франции. Он бегло говорил на четырех европейских языках и знал все балканские языки. По-русски он всю жизнь изъяснялся с чудовищным акцентом. Дома, с женой, он разговаривал по-румынски, с Троцким — на французском.

После Октября главным полем деятельности Раковского стала Украина. Ненавистники России старались всеми силами вбить клин между Русью Белой, Малой и Великой, сделать народы, населяющие эти территории, не братскими, а вражескими. (На память сразу же приходит поведение И. Якира во время боевых действий на Украине. Заняв село, он часто принимал решение «о сокращении мужского населения». Начинал работать пулемет... Не предвидел ли Якир-расстрельщик, что украинские мужики, дай срок, поднимутся с вилами и обрезами на картавых завоевателей?). Посланный на Украину, Раковский тайно установил связь с гетманом П.Скоропадским, получившим свой высокий титул от кайзера Вильгельма. В тот год, когда Свердлов проводил кровавейшее расказачивание, Раковский объявил борьбу с украинским антисемитизмом. Сохранив в «своей» республике комитеты бедноты, он всячески натравливал их на хозяйственных мужиков и вскоре добился того, чего и хотел: чудовищного голода на этой богатейшей, но разоренной земле. То, что начинал массовыми расстрелами кишиневский аптекарь Иона Якир, завершал польский местечковый деятель Хаим Раковер.

Крах Троцкого нисколько не отразился на советской карьере Раковского. Только с партийной работы его «перебросили» на дипломатическую: он получает назначение в Париж, полномочным представителем СССР во Франции.

Посольский особняк на улице Гренелль становится местом, где тайно и слишком часто собираются заправилы белоэмигрантского «Торгпрома». Создается хорошо законспирированная организация под названием «Опус» во главе с известным Милюковым. Нити из Парижа тянутся в СССР. Под Москвой создается подпольная типография, в ней заправляет бывший врангелевский офицер Щербаков. Частым гостем в типографии замечен рвущийся действовать Мрачковский...

В 1926 году в Париже состоялась международная экономическая конференция. Аппетиты международных корпораций по-прежнему алчно устремлялись на Россию. Советская власть была бедна, в кредитах ей отказывалось напрочь. А если и предлагались займы, то на условиях воистину кабальных. Взять их — значило добровольно согласиться на положение большой колонии... Как и в далеком 1884 году (во время Берлинского конгресса), произносились речи о природных богатствах России и о скудости русских умов, неспособных этими сокровищами воспользоваться. Выход предлагался один-единственный: призвать на помощь крупные транснациональные корпорации (иными словами, пустить в российский огород бесцеремонных и жадных козлов с Запада).

Ораторы убеждали: вам же будет лучше! Зачем вам лишнее беспокойство? Все сделают специалисты. Вам же останется одно: получать деньги.

Слово, наконец, было предоставлено советскому полномочному послу.

Никак не возразив на соблазнительные увещевания собравшихся, Раковский вдруг повел речь о внутреннем положении в СССР. По его словам, советское руководство, не понимая катастрофического состояния российской экономики, ведет совершенно неправильную хозяйственную политику. Камни полетели главным образом в огород ненавистного всем заговорщикам Генерального секретаря с его бредовым планом индустриализации. Ну не смешно ли, в самом деле, сажать лапотного, грязного мужика в кабину современного самолета, оторвав его от дедовской сохи?

Речь советского посла заставила участников конференции насторожиться. Кое-кто начал переглядываться. И лишь несколько посвященных лиц спрятали лукавые усмешки.

Что скрывалось за странным поведением посла СССР? С какой стати вдруг так откровенно «засветился» такой умный, вдумчивый, такой неопрометчивый Раковский?

Все дело в том, что надвигался год 1927-й, приближалась 10-я годовщина Великого Октября, «День Х» для путча Троцкого. Заговорщики тогда были слишком уверены в своем успехе.

В ноябре Раковского отозвали из Парижа и сослали сначала в Астрахань, а затем еще подальше, в Барнаул. Троцкий, выслан-

ный в Алма-Ату (городишко без железнодорожного сообщения), всячески поддерживал в своих сторонниках уверенность в победе. С ним сносились письмами и телеграммами. ГПУ в Казахстане сильно прибавилось работы. Троцкий вовремя уловил в настроении Раковского нотки отчаяния. Немедленно последовало обращение Троцкого к «международной общественности». Он пишет Р. Роллану, Б. Шоу, М. Горькому (на Капри), настоятельно требуя, чтобы эти писатели с мировой известностью вмешались и спасли «пламенного борца за народное счастье» (он один знал настоящий вес Раковского, единственный, кто был посвящен в его тайну). Призыв Троцкого был услышан, писатели вмешались. Над Раковским сжалились и вернули его в Москву. На Ярославском вокзале ему устроили торжественную встречу, с митингом и музыкой... Осенью 1934 года Раковский получает назначение послом в Японию.

Теперь же мрачная обстановка лубянских подвалов сильно действовала на мятущуюся душу Раковского. Если уж Барнаул приводил его в отчаяние, что же толковать об условиях внутренней тюрьмы. Тогда он дождался помощи могущественного Троцкого. А сейчас откуда ждать? Он долго высчитывал, прикидывал, соображал. Окончательное решение он принял, когда почувствовал, что следствие располагает сведениями о его финансовой помощи Троцкому. На душе стало скверно. Любая связь с Троцким грозила смертью. Он уже знал, что даже люди, избавившиеся от расстрельного приговора, отмечались в лагерных документах роковой литерой «Т» (троцкист). По установленному правилу таких осужденных полагалось использовать только на общих работах, т.е. самых тяжелых, самых изнурительных. А выдержать («оттянуть») весь срок на общих работах было совершенно невозможно. Лесоповал или ледяной забой быстро высасывали силы, и истощенный зэк ложился в общую могилу, вырытую в стылой северной земле.

Литера «Т» означала пусть и медленную, но неминуемую смерть.

В сложившихся условиях Раковский решил побороться за жизнь собственными силами. Теперь он мог помочь себе только сам. Путь был один-единственный: бросить на стол следствия свой самый главный козырь. Само собой, платой за такую откровенность Раковский обговорил сохранение своей жизни. Он полагал, что мена равнозначная, — речь шла о сокровеннейших замыслах мирового масонства.

Итак, загадочный подследственный доставлен с Лубянки для беседы, которой он добивался.

«Габриэль» начинает разговор:

— Согласно тому, как мы договорились на Лубянке, я ходатайствовал о предоставлении вам последней возможности. Ваше присутствие в э т о м доме обозначает, что я этого добился. Посмотрим, не обманете ли вы нас.

— Я не желаю и не собираюсь этого делать, — заявляет Раковский.

И началась, по сути дела, настоящая лекция о тайных замыслах заправил мирового «Зазеркалья». Раковский говорил со знанием дела. Порой ему приходилось опускаться до обыкновенного популяризаторства, до примитивного растолковывания азов того, с чем не только рядовые следователи, но и те, что сидели гораздо выше, никогда еще не сталкивались.

«Габриэль» своими вопросами всего лишь направлял откровения Раковского.

Речь шла о так называемом «Финансовом Интернационале».

— Обратили ли вы внимание, — спрашивает Раковский, — на странное сходство между Финансовым Интернационалом и Интернационалом пролетарским? Я бы сказал, что один — оборотная сторона другого, и этой оборотной стороной является пролетарский, как более модерный, нежели финансовый.

Озадаченный таким началом «Габриэль» потребовал более доходчивого объяснения.

Следует длинная и, в манере Раковского, замысловатая тирада о том, что составляет самую суть всех событий в настоящем беспокойном мире. Само собой, широкие массы народа об этих процессах не догадываются и не имеют о них никакого представления.

— Финансы отрицают и не признают ничего национального. Они не признают государства, — Раковский помедлил и заключил: — Государство, как таковое, это только власть. А деньги — это исключительная власть! Финансист настолько же интернационален, как и коммунист. Финансовый Интернационал сделался хозяином денег, этого магического талисмана, ставшего для людей тем же, чем были для них Бог и нация.

Видя напряженные мыслительные усилия своего собеседника, Раковский снизошел до разъяснения самих азов. Он на-

помнил, что в 1913 году конгресс США уступил право печатать доллары группе частных банков, т.е. небольшой кучке людей с деньгами, и с тех пор эти несколько человек и управляют всеми событиями на планете, — в первую очередь, разумеется, войнами и революциями. Это обидно и даже неприятно сознавать, но тем не менее это именно так. В качестве примера Раковский помянул Французскую революцию — событие, все пертурбации которого постоянно перед глазами деятелей революции в России (по крайней мере, многое из того, что они ныне совершают, взято из подражания тем, кто так жестоко орудовал во Франции полтора века назад).

— Массы, оглушенные воплями и помпой революции, совершенно не заметили, как горсточка таинственных, осторожных и незначительных людей овладела настоящей королевской властью. Власть короля эти люди присвоили и вскоре подвергли народ рабству более жестокому, чем свергнутый король. Обескураженный «Габриэль» не сдержал недоумения:

- Что же это за люди... вернее, что же это за мифическая власть?

Раковский усмехнулся и изрек:

- Они присвоили себе реальную привилегию чеканить деньги!

На просьбу допросчика назвать хотя бы несколько имен Раковский ответил:

— Я сообщаю вам факты, а не имена, ибо я их не знаю. Думаю, что не ошибусь, если скажу вам, что ни один из НИХ не занимает политической должности или должности в мировом банке. Такие должности они раздают людям-посредникам. Так что известные банкиры и политики — это всего лишь соломенные чучела...

Как видно, «лекция» незаметно увлекла самого рассказчика. Раковский заговорил о создании Первого Интернационала, назвал имена Вейсгаупта, братьев Ротшильдов, Дизраэли, Гейне и Герцена. Мало-помалу события истории приблизились к российским катаклизмам.

— Я желаю, — произнес «Габриэль», — чтобы вы придерживались фактов.

Раковский подавил вздох.

— Ну, хорошо. Выслушайте тогда небольшую историю. Вспомните события русско-японской войны. Это ОНИ дипломатически изолировали русского царя, и Соединенные Штаты

профинансировали Японию. Говоря точнее, это сделал Якоб Шифф. Потом из лагеря пленных прибыли в Петербург солдаты, натренированные как революционные агенты... Русско-японская война благодаря организованному поражению царской армии вызвала революцию 1905 года. Она, как вы знаете, едва не завершилась триумфом. Но, не победив, она создала необходимые условия для победы в 1917 году.

После этого речь наконец-то зашла о человеке, личность которого жгуче интересовала следствие, — о Троцком.

— Надеюсь, вы читали его биографию. Припомните первый революционный период. Он, еще совсем молодой человек, в 1905 году возвращается в Россию без партии, без собственной организации. И все-таки становится первой фигурой в революции! И выходит из нее, как никто другой, обретя влияние и популярность. Ни Ленин, ни Плеханов, ни Мартов такой популярности не завоевывают. Вопрос: почему он одним взмахом приобретает власть более значительную, чем старые влиятельные революционеры? О, вы задумались... Да очень просто: он женится. А вы знаете, кто такая Седова? Она из финансовой группы Варбургов и Шиффа. А я вам говорил, что именно эти люди финансировали революцию в России... А теперь сделаем скачок в 1914 год. За спиной людей, покушавшихся на эрцгерцога, стоит Троцкий. А проанализируйте развитие боевых действий. Пораженчество — это образцово провернутая операция! Помощь союзников царю была дозирована с таким расчетом, чтобы понуждать Николая II к непрерывным наступлениям. А масса русского пушечного мяса, конечно, велика, но не беспредельна. Ряд поражений — а они были организованы — привел к революции. Но это еще не все! — с воодушевлением продолжал Раковский. — Керенский получил задание сделать так, чтобы демократическая революция вышла из берегов. Больше того — Керенский обязан был сдать Россию — целиком! — коммунизму. И он это совершает с блеском. Благодаря этому Троцкий получил возможность оккупировать весь государственный аппарат целиком и полностью. Вот в чем главная реальность Октябрьской революции: большевики получили всего лишь то, что им вручили.

«Габриэль» возмутился:

— Вы осмеливаетесь говорить, что Керенский был сообщником Ленина?

- Ленина - нет. Троцкого - да.

Наступила минута молчания.

- Хорошо, — произнес «Габриэль», — примем это за гипотезу...

— Я прошу позволить мне закончить эту маленькую историю. А затем мы вместе сделаем выводы.. Вспомните: как только Троцкий появился в Питере, он был немедленно открыто принят Лениным. А ведь между ними — глубокие разногласия! Секрет такой внезапной дружбы известен только одному человеку — Крупской. Только она прекрасно знала о том, что такое Троцкий. И это она заставила своего мужа принять Троцкого. Без этого Ленин остался бы в Швейцарии и не попал бы в Россию. Кроме того, не забывайте и колоссальной финансовой помощи.. Троцкий моментально объединил в партии большевиков все левое революционное крыло. Но основной упор он сделал на свой древний Бунд. Именно оттуда он почерпнул девяносто процентов руководящих советских кадров.

Начинавший уже догадываться «Габриэль» нетерпеливо спросил:

- Масоны?

Раковский с удовлетворением подтвердил:

- Именно. Эта ассоциация могущественна по-настоящему. Масоны находились в правительствах и во главе всех государств буржуазных наций. Причем количество их все время увеличивалось...

- Прошу вас, вернемся к Троцкому.

- А я о нем и говорю. Когда, по-вашему, появилась так называемая троцкистская оппозиция? Во время Брестского мира. Этот мир был изменой Ленина интернациональной революции. Представьте себе большевиков, заседающих в Версале на мирной конференции? Или Красную Армию в Германии, в центре Европы? Ленин, располагая хорошей материальной силой, навязал Европе свою волю. Так родился «социализм в одной стране». Апогея этот национал-коммунизм достиг сейчас, при Сталине.

- Прошу вас, вернемся к Брестскому миру. Разве вы станете отрицать ленинскую прозорливость? В марте — подписать, а уже в ноябре — разорвать!

Раковский тонко усмехнулся.

- Все верно. Но не забывайте, вместо Брестского мира вы получили Рижский. Неужели это вам ни о чем не говорит? А

вспомните договор с Эстонией в том же году. Отвалили ей кусище территории, да еще и деньгами— миллионов, кажется, пятнадцать. За что? За какие такие заслуга?.. Не ломайте головы. Просто Эстонии заплатили за помощь в развале тыла Юденича. Благодаря этому и удалось тогда отстоять Петроград. Да и вообще... теперь на многое следует смотреть совсем иначе. Неужели вы всерьез считаете, что Белую гвардию во главе с опытными генералами разбили Буденный с Ворошиловым? Да, рубились славно. Но если бы важные дела решались на полях сражений! Приговор всему Белому движению был произнесен в парижском особняке Базиля Захарова. Это имя вы должны знать. Он ваш соотечественник из Петербурга. Богатейший торговец оружием, миллионер... У Захарова в особняке собрались Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон. Святая троица! И было решено: прекратить поставки белогвардейским генералам. И — все! Их участь была решена. Впрочем, только ли генералов... К вашему сведению, именно в тот день, в особняке, старый Клемансо вздохнул: «Бедная Россия. Ее больше нет». И сделал это вполне искренне.

- Вы говорите, насколько я понимаю, о прямой зависимости белогвардейцев от иностранных денег?

- Совершенно верно. Должен сказать, что вы меняетесь прямо на глазах. Сейчас вы на подходе к правильной точке зрения. Кстати, единственной.

- Оставьте ваши комплименты, Раковский. Я в них не нуждаюсь.

- Я понимаю, — огорчился арестованный и с убитым видом стал рассматривать собственные руки.

Повисла минута неловкого молчания.

«Габриэль» почувствовал, что он напрасно оборвал «лектора» резким замечанием. Не исключено, что он перебил его на самом важном, самом интересном месте. Несколькими вопросами он постарался вернуть его к теме Брестского мира, заключенного почти 20 лет назад.

Раковский стал заметно утомляться. Его раздражала отсталость собеседника. Азарт просветительства пошел на спад.

- Вам известны секретные статьи Брестского договора? Уверяю вас, они имеются. Их не может не быть. Так не положено. Не думайте, ради Бога, что Брестский мир заключала Германия. Что за наивность, в самом деле! Там сказали свое слово

настоящие Хозяева. И вы, если заглянете в секретные статьи, убедитесь в этом сами. Конкретно? Ну, хотя бы в путях русского золота. Не спорю, с договором хорохорился дурак Гофман. Но в секретных статьях учтены интересы вовсе не Германии. Ну, Мендельсон... это понятно. Но там же речь идет главным образом о банках Америки и Великобритании. Да, да, о них! Да и Франция не забыта... я имею в виду Ротшильдов.

Назидательно подняв палец, Раковский изрек:

- Банкиры войн не проигрывают. Никогда! Это — обязанность дураков военных. Банкиры — только выигрывают. Это - правило. И пора, наконец, это понять.

Далее разговор пошел о событиях хорошо известных: об ожесточавшейся внутрипартийной борьбе. Однако Раковский подчеркнул, что оппозиция при этом имела твердый приказ: ни в коем случае не допускать разгрома коммунистического государства! Этот приказ, это категорическое требование оттуда необходимо иметь в виду постоянно.

Раковский снова вернулся к Троцкому тех лет.

- Это же Троцкий организовал покушение на Ленина. По его приказу Блюмкин убил Мирбаха. Государственный переворот, замышлявшийся Спиридоновой с ее эсерами, был согласован с Троцким. Его человеком для всех этих дел был тот Роземблюм, литовский еврей, который пользовался именем Рейли. Это лучший шпион при Британской «Интеллидженс».

На самом деле это был человек от НИХ... Троцкий сделался начальником Красной Армии. До этого времени армия беспрерывно отступала перед белыми. И вдруг начинает побеждать! Как вы думаете, почему? Троцкому было необходимо побеждать, а белых уже можно было разгромить. Это давало ему престиж и силу. А тут президент Вильсон привез в Европу свои 14 пунктов мира, и шестым пунктом было запрещение воевать с Россией. Преградой Троцкому в СССР становился только Ленин. Этому старому революционеру пора было умереть, будучи прославленным. От пули он уцелел, но против тайного процесса для прекращения его жизни он был бессилен.

- Как? - вскричал пораженный «Габриэль». - Троцкий сократил жизнь Ленина? Это же гвоздь для процесса!

- Я не советую вам этого. Оставьте это дело в покое. Оно достаточно опасно для самого Сталина. Поверьте, они имеют на-

столько мощную пропаганду, что заставят мир увидеть убийцу Ленина не в Троцком, а в Сталине.

- Так, так, так... Выходит, «Завещание» Ленина...

- Вы правильно мыслите. «Завещание» у своего супруга вырвала Крупская, чтобы помочь Троцкому свалить, наконец, Сталина. А дальше... дальше все известно. Троцкий оказался мелким человеком. Он не хотел никому помочь. Все опасался, что вытеснят его самого! Таким образом, мы оказались лицом к лицу со Сталиным, который, надо отдать ему должное, развил бешеную деятельность. При его национальном атавизме он еще всячески стал подчеркивать свой панрусизм. Он сейчас пестует класс, с которым мы должны были покончить: класс национал-коммунистов в противовес коммунистам-интернационалистам. Он ставит Интернационал на службу СССР, и тот уже ему подчиняется полностью. Сталин — это Наполеон и Фуше, соединенные вместе...

- Хватит, Раковский, вы здесь не для того, чтобы заниматься троцкистской пропагандой!

- Но вы же должны знать, с кем вам придется иметь дело!

- Вот об этом и поговорим. Вы назвали Шиффа... Затем другого, кто служил для связи с Гитлером... ну, в смысле его финансирования.

- Дались же вам эти имена! Ну, хорошо, записывайте. Шифф, Варбург, Леб и Кун. Я говорю о семьях — они связаны между собой. Затем Барух, Франкфуртер, Альтшуль, Кохем, Беньямин, Штраус, Штейнхарт, Блом, Розенжан, Липман, Леман, Дрейфкс, Ламонт, Ротшильд, Лод, Мандель, Моргентау, Ласский... Я думаю, довольно. Любое из перечисленных мною лицо всегда сможет довести до НИХ любое ваше предложение существенного характера. Разумеется, непосредственного ответа ждать нельзя.

- А как же поступить?

- Очень просто. Надо ограничиться высказыванием, изложением какой-нибудь гипотезы... скажем так. Зависящей, само собой, от определенных неизвестных.

- А затем?

- А затем остается только ждать.

Разумеется, одной «лекцией» дело не ограничилось. С Раковским разговаривали разные люди. И он старательно зарабатывал себе право на жизнь.

Все протоколы, все записи внимательно анализировались специалистами. Каждый из них излагал свои соображения и выводы.

Эти важные бумаги оказывались на сталинском столе. По полям документов гулял синий карандаш, задавая работу помощникам. Как правило, уже на следующий день Генеральный секретарь получал на стол детально разработанные справки по вопросам, выделенным синими «галочками» на полях.

Снова и снова допрашивался важный узник внутренней тюрьмы. Его откровения становились все глубже и масштабнее. Перед глазами Генерального секретаря открывались глубочайшие подвалы мирового «Зазеркалья». Он постигал сложнейшую систему управления планетой. Завершалось образование, начатое некогда уроками о. Гурама.

Порою Раковский впадал в раздражение — его выводила из себя необразованность собеседников, их вопиющая неосведомленность в, казалось бы, совершенно простых вопросах. И он переходил на менторский тон, принимался не просто объяснять, а — втолковывать, пристукивая при этом пальцем по краешку стола.

В первую очередь он потребовал переменить усвоенный взгляд на роль и значение Соединенных Штатов Америки. Да, богатая невпроворот страна. Да, задиристая, дерзкая, временами даже нахальная. Однако по большому счету это всего лишь освоенный Англией материк — освоенный, полностью прибранный к рукам и нацеленный на исполнение самых разных команд.

Раковский сравнил Америку с охотничьим псом, молодым и старательным, но послушным командам опытного охотника.

В роли охотника выступает Англия, старая, искушенная, закаленная в самых невероятных хитросплетениях мировой политики.

Разве государственный опыт Англии вызывает у кого-нибудь сомнения? Но достигнуть этого англичанам удалось усердной вековой работой. Началось с революции, первой не только в Европе, но и на планете. Чем остался Кромвель в памяти потомков? Неслыханными зверствами (казнь, в частности, короля) и тем, что вернул в Англию евреев, изгнанных оттуда несколько веков назад.

Долгое изгнание пошло сынам Израиля только на пользу. Они полностью освоили масонство и проникли во все секретные службы европейских государств. Вернувшись же на

острова, они утвердили самую несокрушимую организацию: шотландский обряд. В этой организации соединилась мощь как масонства, так и секретных служб всех держав.

Образовалась мировая сила, не признающая никаких государственных границ и различий по национальности. Раковский добавил:

- Я понимаю, сразу этого не уяснить, не усвоить. Но без этого совершенно бесполезно соваться в серьезные международные дела!

О том, какую силу обрели евреи в Англии, он показал на примере Ротшильда. Общеизвестно, что евреи никогда и ни перед кем не снимают шляп. Но в палате лордов существовал древний обычай встречать королеву с непокрытыми головами. Сделать то же самое потребовали и от Ротшильда, когда его утвердили членом этого собрания самых родовитых представителей британской аристократии. Ротшильд отказался наотрез. И гордые британцы, ублажая Ротшильда, пошли на нарушение своих традиций. Сломалась даже королева. Ротшильду было позволено соблюсти не британские, а свои национальные обычаи! Основу всей деловой жизни современного мира составляют банки. Банки же торгуют золотом. Так вот цену на золото устанавливает один-единственный человек на свете — великий Ротшильд. Каждый день ровно в десять часов утра из Лондона раздается стук молоточка знаменитого финансиста, и он называет сегодняшнюю цену на золотую унцию. Иными словами, он заводит часы планеты!

- Выводы, — заметил Раковский, — я думаю, вы в состоянии сделать сами. Освоение Америки в основном завершилось в эпоху Наполеона. Этот самонадеянный корсиканец родился из пены Французской революции. А устроили этот страшный катаклизм англичане И. Бентам и У. Пегги. Затем их из Франции переправили в Америку.

Раковский внезапно усмехнулся.

- Вы думаете, в 1812 году сгорела одна только Москва? Нет, в том же году сгорел и город Вашингтон. Там были полностью уничтожены все важнейшие архивы. Так было надо!

Синие «галочки» на полях протоколов потребовали от Раковского дополнительных сведений о тайных рычагах всемирной власти. Он потупился, потер колени и вздохнул.

- В Париже имеется тайная «Ложа Девяти Сестер». В ней заседают девять Неизвестных. В Лондоне функционирует «Ложа Четырех Корон». Состоит она также из девяти персон. Девять да девять — восемнадцать. Вот они-то всем и заправляют! Для широкой публики этот ареопаг владык называется довольно буднично: «Королевский институт по международным делам». Знаменитый писатель Г. Уэллс вовсе не из любопытства два раза приезжал в Россию. Он выполнял ответственную миссию. Какую? Скорей всего, разведывательную. Но не такую, как, скажем, Б.Локкарт или С. Рейли. Он — персона более высокого ранга. Г. Уэллс считается близким другом Р. Сесилла, иудея, любовника королевы Елизаветы I. Оба они состоят членами узкого кружка, собирающегося раз в месяц за обедом в отеле «Сент-Эрминс». А на таких встречах обсуждаются самые сложные проблемы. Вопросы, связанные с Россией, — одни из самых-самых!

Осведомленный «просветитель» предостерег от пренебрежительного отношения к королевскому дому Великобритании.

- Кому-то взбрело в голову считать должность короля чисто номинальной, ритуальной. Глубочайшее заблуждение! Британская корона — центр мирового контроля. Что такое Английский Банк — объяснять не требуется. Одним из директоров этого Банка состоит А. Огильви, женатый на принцессе Александре, сестре герцога Кентского. На Версальской конференции присутствовал О. Янг, вписавший свое имя в историю своим разработанным планом по освоению измученной Европы. Но помощником Янга работал Д. Сарнофф, человек Ротшильда. Следовательно, весь «План Янга» не что иное, как план Ротшильда из Лондона!

Отдельная беседа была посвящена вопросам, связанным с управлением событиями.

- Человечество попросту не имеет права допускать хаоса в политике. Иными словами, человек, как животное общественное, требует жесткой руки, пусть и в бархатной перчатке. Если пастух управляет стадом при помощи кнута и окрика, то на человека лучше всего воздействовать через его мозговые центры. Вспомните библейскую притчу о стаде свиней, в которых вдруг вселился нечистый дух. В итоге стадо само устремилось к обрыву и погибло в морской пучине. Какой впечатляющий образ!

Свиней никто не гнал, не принуждал. Само! Вот в чем дело. Но разве нельзя то же самое сделать и с людьми? Задача, разумеется, не из легких, но достижимая вполне.

Без всякой подготовки Раковский вдруг заговорил о княжестве Монако.

- Мир знает о процветающем кусочке европейской территории, где властвует такое низменное развлечение, как рулетка. На самом деле вовсе не рулетка правит бал в Монако, а наркотики. Только не надо делать изумленных глаз! Карточный азарт — один из самых пагубных и неодолимых. Но что он значит по сравнению с наркотической зависимостью! На этом и построена одна из самых мощных индустрии планеты — торговля наркотиками. В Европу этот дурман вливается как раз через Монако. Крохотное княжество не имеет ни границ, ни пограничной стражи, но обладает суверенитетом. Наркотики из Азии доставляются на Корсику и оттуда без помех ввозятся в Монако. Преступление? Как посмотреть. Торговля наркотиками приносит не только астрономические доходы, но еще и позволяет держать в зависимости миллионные массы населения. Особенно молодежь! Кто не слышал о знаменитой Ост-Индской компании? Она процвела на торговле с Азией. Но редко кто знает, что основной ее доход — наркотики, азиатский опий. И вовсе не чай доставляли на Британские острова парусные клиперы, огибая Африку. Они везли в своих трюмах суррогаты, изготовленные из опийного мака. Баснословные прибыли оседали в сейфах Английского Банка. А контроль за его деятельностью осуществлял королевский дом Великобритании. Наркотики — это очень важно. Это важнее хлеба! Кто владеет наркотиками, тот управляет миром. Недаром деловая деятельность на планете руководствуется ценами на два предмета: на золото и на опий. Проверьте, сейчас это не так уж трудно сделать. И считайте, что вы предупреждены!

Из остальных средств массового воздействия на поведение «человеческого стада» Раковский назвал секс, печать и церковь.

- Чем отличается человек от скота? Совестливостью. Вот сюда и будет нанесен удар. Человек перестанет стыдиться и сравняется со скотом. Церковь же удобнее всего унифицировать. Что касается печати... Читать следует только «Таймс». Это — главная газета. «Нью-Йорк таймс»? «Орден» существует уже

150 лет. Структура его, естественно, постоянно совершенствуется. Поэтому смешно бороться с ним посредством каких-то Совнаркомов и даже Центральных Комитетов! Не исключено, что главные люди на планете сочтут возможным назвать имя того, кто находится на самой вершине пирамиды власти. Пока это считается нецелесообразным. Однако вполне возможно, что уже нынешнее поколение о нем услышит и его воочию увидит. Все как будто идет к этому. Трудные испытания ждут не только Россию. Худо придется очень многим. Почти всем! Мальтус был совершенно прав, указав на ограниченные возможности планеты. Но человечество все растет и растет. Что же — погибать всем вместе? Глупо. Предстоит решительная выбраковка, «Лучше меньше, да лучше!» И здесь на помощь придет наука. Ну, о влиянии на мозговые центры мы уже имели разговор. Манипулирование общественным поведением людских масс уже достигнуто. Наука идет дальше. Люди будут в состоянии вызывать землетрясения, а также извержения вулканов. Вспомните библейский миф о всемирном потопе. Устроил его сам Господь, убедившись в несовершенстве рода человеческого. Но разве сейчас мир лучше? И разве не сравнился человек в своем могуществе с Вседержителем? Уверяю вас, на планете имеются мощные умы, которые мыслят гораздо шире пятилеток! Россия сама виновата в своих несчастьях. Зачем ей понадобилось так расползаться по лицу Земли? Мало того — Камчатка, Сахалин, всякие там Кушки. Так нет же — еще Аляска, Калифорния, Гавайи! Кому это понравится? Ей следовало бы вести себя скромнее. «Орден» был просто вынужден принять меры. Теперь ей придется трудно. Это можно гарантировать.

План ГОЭЛРО? Но почему осталось незамеченным, что этот на самом деле грандиозный план появился следом за декретом о «красном терроре»? Ну, как же, как же! «Красный террор» подготовил население России для полезного использования. План же ГОЭЛРО призван обеспечить производственную территорию России для наиболее эффективной эксплуатации. Рабочие руки и энергия... А что еще нужно? Убежден, эта мысль пришла вовсе не в ленинскую голову. Поверьте, над проблемами России размышляли люди поумней его!

Кромвель, отрубив голову Карлу I, обеспечил королевскому дому Великобритании вечный вексель мучеников. Человече-

ство обречено оплачивать этот вексель без всякого учета сроков. У евреев, как мы знаем, святое место — камень Мошиа. На нем стоял Моисей, разговаривая с Иеговой. На этом камне Соломон воздвиг свой храм. Британцы построили храм своего мирового могущества на отрубленной голове короля Карла I. Людовик XVI и Николай II — всего лишь публичные акции устрашения. Никак не больше! Да и заслуживают ли они лучшей участи? Как правители они были ничтожны.

«Лекции» Раковского настолько придавили Сталина, что он совсем замкнулся в своих тяжелых одиноких размышлениях.

Как разнообразно и как всесильно зло! Дьявол, низвергнутый на Землю, превратил планету в настоящий заказник для своих преступных вожделений. И напрасно человечество на разных языках взывает к небесам. Дьявол с завидною уверенностью творит свои черные дела. Пока он все же вынужден еще скрываться, маскироваться, надевать фальшивые личины. Следовательно, для человечества еще не все потеряно!

Как многое теперь сошлось, какие кончики вдруг связались воедино! А ведь он давно задумывался, подозревал... Утечка русского золота в заграничные банки... Хозяйничанье в Петрограде и Москве Локкарта и Рейли... Непостижимое поведение Дзержинского... Крупская и Троцкий... И наконец Ленин, несчастный Ленин, окончательно сломленный, плачущий, просящий яду. Он, бедный, не рассчитал своих скромных сил для ожесточенной практической борьбы и слишком заигрался. Этим и погубил себя. Хотя, собственно, погубил он себя по-настоящему в ту самую минуту, когда согласился принять ИХ кабальные условия — опять же в расчете переиграть. Нет, не вышло. Не на тех нарвался!

Иосиф Виссарионович несколько раз возвращал своих помощников в загадочное «Зазеркалье» Брестского мира (о чем так уверенно разглагольствовал Раковский). В первую очередь дело касалось тайных соглашений, секретнейших статей.

Суровой зимой 1918 года, 21 февраля, Совнарком объявил всему миру, что советское правительство решительно отказывается от признания долгов царской власти (большевики, кстати, в свое время предупреждали иностранные банки не давать царю взаймы). Долгов набралось порядочно — только у Франции было взято 15 миллиардов франков. Эту уйму денег

царское правительство профукало на войну, которая велась совершенно неизвестно для чего и для к о г о. Об отказе платить чужие долги узнал не только мир капиталистический. Об этом смелом шаге с удовлетворением узнали и счастливые граждане России. И они, эти граждане, преисполнились гордости за своих руководителей. Молодцы! Так с буржуями и надо разговаривать! Однако на самом деле в те же самые дни из России текли настоящие золотые реки. Уплывали в зарубежные банки золотые запасы русской империи.

Раковскому, по его калибру, не находилось места на таком процессе. Он не шел в сравнение ни с одним из тех, кто томился в деревянной загородке под караулом вооруженных красноармейцев. Это был руководитель, а не исполнитель.

Все же его подготовили к процессу. Пусть те, кто следил и продолжает наблюдать за его судьбой, останутся в уверенности, что ему удалось провести за нос следствие и сохранить свою значимость в заговоре нераскрытой. Для этого пришлось пойти на некоторую режиссуру: далеко не все из его «лекций» следовало делать достоянием гласности. С какой стати? Главные сведения должны остаться в секрете.

Раковского попросту подверстали к компании этой политической швали, ничем не выделяя, ничем его не выпячивая. Точно такой же, как и все остальные!

Его замаскировали тем, что объявили английским шпионом с 1926 года, а японским — с 1936 года. Что он продавал своим хозяевам? Сведения о промфинплане и подготовку к отмене карточной системы. Кроме того, ему инкриминировали передачу во вражеские руки текста Советской Конституции (хотя он был опубликован во всех газетах).

Режиссура удалась. Раковский на процессе выглядел весьма некрупно. Он затерялся среди подсудимых и воспринимался отнюдь не вожаком, а всего лишь одним из многих, пожалуй, даже чуть помельче остальных.

Его сотрудничество с теми, от кого зависел приговор, продолжалось и на процессе. На этот раз он вовсю подыгрывал обвинителю Вышинскому.

Как и ожидалось, заграничные масоны проявили к судьбе Раковского живой и близкий интерес. Все время, пока длилось судебное разбирательство, в Октябрьском зале, в первом ряду, сидел американский посол Д.Дэвис.

На посту полномочного представителя Америки в Москве традиционно находились люди, сведущие не столько в дипломатии, сколько в секретной деятельности. Не был исключением и Дэвис. Юрист по образованию, он сделал свою карьеру благодаря масонству. Когда в Москве начались открытые процессы, президент Ф. Рузвельт обременил его дополнительным статусом своего специального представителя. Обязанностью Дэвиса было ежедневно отправлять подробные шифровки на имя государственного секретаря К. Хэлла. В Америке сильно беспокоились успехами следователей с Лубянки. На этот раз в их руки угодил один из самых засекреченных воротил — Раковский. Не приведи Бог, если у него вдруг развяжется язык! Последствия такой откровенности могли быть попросту непредсказуемы.

Жизнь в Москве чрезвычайно нравилась американскому послу. Как и все представители Нового Света, он успешно сочетал приятное с полезным, а служебное с личным. Он завел широкие знакомства среди торговцев антиквариатом, его часто видели в магазинах торгсина. Кроме того, он быстро освоил такое советское явление, как блат. Благодаря полезным знакомствам, ему удалось приобрести за мизерную цену 23 иконы XVI века из запасников Третьяковской галереи (на зависть такого «знатока» русских сокровищ, как Хаммер).

Было замечено, что в первый день суда он поймал взгляд Раковского и сделал условный масонский жест. К удивлению посла, Раковский этому нисколько не обрадовался и в дальнейшем избегал смотреть в его сторону. Такое поведение подсудимого собрата показалось американцу подозрительным: уж не раскололся ли он на следствии до самого доньщка? Но нет, вроде бы этого не произошло. Допрос обвинителем Вышинским успокоил Дэвиса. Самый обыкновенный допрос, — как и всех остальных, кто находился в загородке. И лишь снисходительный приговор — не расстрел, а 20 лет тюрьмы — вновь заставил Дэвиса засомневаться. Отчего вдруг такая милость? За какие заслуги?

Американец знал о суровой каре, ожидающей всякого масона за измену. Знал об этом и Раковский, разумеется. Неужели все же дрогнул? Дэвис впивался взглядом в осунувшееся лицо Раковского. Он искал следов пыток. Но нет, он видел лишь отчаяние и страх. Раковский, как и все, кто сидел с ним рядом, изводился ожиданием приговора.

Незаметные, но глазастые наблюдатели в зале суда сумели засечь, что в последний день процесса (длился он 16 дней) Дэвис предпринимал отчаянные усилия, чтобы подкрепить угасавший дух подсудимого. Вроде бы его старания были замечены. Сначала Раковский, а затем вдруг и Розенгольц ответили американцу условными знаками.

После процесса Дэвис срочным образом отправился в Лондон. Ему предстояли объяснения с влиятельными лицами из лож шотландского обряда.

А служба советского радиоперехвата еще 2 марта, на рассвете, неожиданно засекла кодированную передачу из Лондона. Шифр был британский, дипломатический. «Помилование всем, или возрастет угроза нации...». Непонятно, о какой угрозе и о какой конкретно нации шла речь. Однако 12 марта, когда в Октябрьском зале завершалось судоговорение, Европа вздрогнула от грохота фашистских танковых колонн — в 5 часов 30 минут Гитлер вторгся в Австрию. Начался «Дранг нах Остен». Цель вооруженного до зубов нацизма обозначалась четко: Страна Советов.

Так ТЕ, кто управлял в мировом «Зазеркалье», дали ответ на события в Москве.

Подсудимые в деревянной загородке вели себя непринужденно. Они сидели, бросив ногу на ногу, расстегнув пиджаки, расслабив галстуки. Им приносили чай с ломтиками лимона. Обстановка сильно напоминала милые их памяти эмигрантские сборища для чтения рефератов.

Лишь один человек держался хмуро, замкнуто. С соседями он не заговаривал, не обращались к нему и соседи. Этот подсудимый в командирской гимнастерке, с полоской усиков под висячим носом был на положении отверженного, презираемого, обреченного заранее. И даже его помощник Буланов всячески демонстрировал нерасположенность к своему еще недавно грозному начальнику. Это был Генрих Григорьевич Ягода.

В синагоге г. Рыбинска 46 лет назад сделана запись: в семье аптекаря Гирша Фишелевича Иегуды (жена — Хася Гершаевна) родился мальчик, которому дали имя Генах. Кроме него в семье имелось еще два мальчика и пять девочек.

Три поколения назад семья аптекаря породнилась с такой же многочисленной семьей Свердловых из Нижнего Новгорода.

Сруль Свердлов выдал свою сестру за Фишеля Иегуду. Таким образом, мальчик Генах приходится троюродным братом Я.М. Свердлову (Иешуа Соломону Мовшевичу), будущему председателю ВЦИК, верховному правителю Советской России.

Родственные связи обоих семей еще более укрепились, когда Генах, став Генрихом Ягодой, женился на Иде, племяннице Свердлова (дочери его старшей сестры Сары и купца Лейбы Авербаха). Родной брат Сары, Леопольд Авербах, станет главным литературным начальником страны, возглавив РАПП. А брат Свердлова, Зиновий, таинственная личность, масон и генерал французской армии, считался приемным сыном Горького.

Родственные отношения с кланом Свердлова заложили основу быстрой и удачливой карьеры Ягоды.

Партия большевиков в лице всевластного Свердлова посылала Генриха Ягоду на самые разные участки. Он принимал участие в борьбе с Юденичем, работал в комиссии по демобилизации старой русской армии (где довольно близко сошелся с будущим маршалом Егоровым, а также с такими деятелями, как Подвойский, Кедров, Артузов), пока не оказался в штатах грозной ВЧК.

Три фигуры олицетворяли всю полноту власти в тогдашней Республике Советов: Троцкий, Свердлов и Дзержинский.

Поручив Дзержинскому ВЧК, карательный орган диктатуры пролетариата, Свердлов принялся наполнять эту истребительную организацию своими надежными людьми. Дзержинский с первых же дней превратил Лубянку в независимый орган власти. Чекисты, составлявшие подножие «железного Феликса», считали себя вершителями судеб не только отдельных граждан, но и всего советского народа. Люди военные, щеголявшие в гимнастерках, ремнях и сапогах, они пользовались неслыханной привилегией: чин любого чекиста считался на три порядка выше обыкновенного армейского (майор ВЧК был равен армейскому генералу).

Дзержинский скончался внезапно, прямо в Кремле, во время заседания. Произошло это примерно за год до троцкистского путча. Ягода к тому времени уже приблизился к первому креслу на Лубянке. Менжинский страдал множеством пороков, и все об этом знали. Ягоде ничего не стоило прибрать его к рукам. Медленно умирая, Менжинский ничем, по сути дела,

не занимался, так что еще при его жизни власть фактически полностью находилась в руках Ягоды.

Буквально накануне путча Троцкого поэт Михаил Светлов пламенно провозглашал:

Опять приближаются
Дни грозовые
И время готовит грозу,
Но сомкнутым кругом
Стоят часовые,
Но зорки глаза ГПУ!

Зоркость глаз страшного ведомства должен был обеспечивать Г. Г.Ягода.

Троцкистский путч в 1927 году сказался только на судьбе главного заговорщика: его в конце концов выдворили из страны. Остальные лишь сомкнули свои ряды.

В 1930 году Ягода, помогая Тухачевскому чистить армейские ряды, успешно проводит операцию «Весна». В одну ночь оперативники арестовывают около пяти тысяч военных специалистов. Ягода привинтил на гимнастерку второй орден Красного Знамени. Три года спустя завершается строительство Беломорско-Балтийского канала. Ягода приглашает руководителей партии и правительства своими глазами посмотреть эту рукотворную реку. Пароход «Анохин» принял на борт Сталина, Ворошилова, Кирова, а также большую группу именитых писателей. Плыли неторопливо, преодолев все 19 шлюзов. Берега канала были прибраны, обсажены зеленью. Глазам открывался роскошный вид. Ягода принимал восторги зрителей как собственную заслугу. Вечером, подвыпив на палубе, экспансивный Ворошилов плясал, лихо щелкая себя по голенищам. Ягода вместе со всеми хлопал в такт ладошками и незаметно приглядывался к отношениям Сталина и Кирова — похоже, не просто тесные соратники, а настоящие друзья... После этой поездки он получает орден Ленина.

Преемник Менжинского во главе Лубянки, таким образом, определился (Менжинский скончался 10 мая). Генрих Ягода получает звание: Генеральный комиссар Государственной безопасности.

В эти дни он пережил легкое потрясение. Глава московской ЧК Нечаев и секретарь московского горкома партии Бауман

случайно вышли на след организации, которая впоследствии получит название «Заговор ОГПУ против Сталина». Попались на какой-то мелочи курсанты школы ОГПУ Орлов, Юрчик и Середа. Все трое входили в состав тайной роты боевиков. Моментально запахло жареным. Ягода, сильно рискуя, действовал быстро и решительно. Оба, и Бауман, и Нечаев, были арестованы и расстреляны. «Нет человека, нет и проблемы».

Убийство Кирова сильно способствовало тому, что партийное ведомство на Старой площади и слишком самостоятельная Лубянка мало-помалу оказывались на ножах. Независимость карательной «конторы» становилась поперек горла руководству партии.

Обострялись отношения Ягоды с куратором Ежовым.

Николай Иванович имел обыкновение приезжать на Лубянку без предупреждения. Однажды, заявившись, он не нашел на месте никого из высших. Он обошел несколько кабинетов. Везде его встречали неприветливо. Лубянка не любила посторонних. Наконец в приемной Воловича он застал группу сотрудников, столпившихся у окон и живо наблюдавших за тем, что происходит во дворе. Ежов тоже выглянул и тут же поспешил вниз.

Во внутреннем дворе проводилось учебное занятие какой-то неизвестной воинской части. Отборные парни двухметрового роста штурмовали объект, похожий... похожий... в самом деле, на какое же учреждение был похож объект учебной атаки? Нападавшие демонстрировали искусство штыкового и рукопашного боя. За действиями штурмующих внимательно наблюдало все руководство НКВД — Ягода, Агранов, Волович, Черток. Среди этого начальства Ежов узнал и Ткалуна, коменданта Кремля. Тот, заметив Ежова, поспешил куда-то скрыться.

Первая реакция Ежова: «Зачем же прятаться? Странно...»

Затем Николай Иванович признал в атакуемом объекте правительственное здание в Кремле, куда он в последнее время стал являться почти ежедневно. Заподозрив неладное, он в тот же день приступил к расследованию. Оказалось, в НКВД с некоторых пор сформирована Особая рота боевиков. Подбирались парни богатырского телосложения. Воспитание было спартанским. Боевики давали клятву выполнять любые приказания начальства.

Что это за секретная спецчасть? С какой целью? Для чего?

Рота боевиков создавалась по образцу такого же подразделения, какое существовало при рейхсфюрере СС Гиммлере. У

немцев она называлась «Команда ваффен СС» и чрезвычайно эффективно действовала при расправе Гитлера с Рэмом в «ночь длинных ножей». О существовании специальной роты на Лубянке знали немногие. Подчинялась она самому Ягоде. В последнее время боевики усиленно готовились к некоему «Дню Х».

Ежов немедленно отправился в Кремль, к Сталину.

Борьба с самодержавием Лубянки проводилась осторожно. В сентябре 1936 года Ягоду снимают с поста наркома внутренних дел и переводят в наркомат связи. Сделано это было внезапно. Явившись утром на Лубянку, Ягода не был допущен в свой кабинет. В его сейфе обнаружилось множество любопытных документов. Прежде всего, личные дела старых агентов царской охранки Зубарева, Зеленского и Иванова. (Все трое ныне занимали весьма высокие посты). Затем наблюдательные материалы на Рыкова, Бухарина и Каменева (собирался потихоньку разнообразный компромат). Заставили насторожиться и бумаги, в которых указывалось на связь старого троцкиста Евдокимова (секретаря крайкома, успевшего расстрелять в Ростове более 12 тысяч человек) с такими людьми, как Раковский и Трилиссер.

В огромном кабинете наркома на третьем этаже Лубянки воцарился маленький Ежов. Первые же распоряжения нового наркома встряхнули весь массивный аппарат карательного ведомства. Руководящие работники НКВД были срочно отправлены в командировки. Им поручалось ответственнейшее задание: провести проверку политической надежности руководящих кадров на местах. В Москве, в своих кабинетах, осталось лишь четыре человека: Слуцкий, Фриновский, Паукер и Реденс. Полномочия поехавших с проверкой были чрезвычайно велики. Вскоре отовсюду на Лубянку спецвагонами стали доставляться арестованные.

Вся затея с массовым выездом в командировки завершилась тем, что под арест угодили и сами командированные (все без исключения). Их также привезли в Москву и разместили в одиночных камерах внутренней тюрьмы.

Трое из самых главных — Курский, Даген и Ткалун — успели застрелиться. Черток, когда пришли брать его под арест, выбросился из окна 7-го этажа.

Сам Ягода оказался во внутренней тюрьме в апреле 1937 года примерно за месяц до ареста Тухачевского.

Если с военными расправились торопливо, то следствие над хозяевами Лубянки заняло около года.

Началось с «пионеров»: руководителей Ленинградского управления ОГПУ. После убийства Кирова оба — И. Запорожец, и Ф. Медведь — были вроде бы осуждены, на самом же деле просто отправлены подальше от глаз. Ф. Медведь возглавил Северное горное управление в Магадане, И. Запорожец стал начальником транспортного управления «Дальстроя». Обоих арестовали и этапировали в Москву. Запорожец своими показаниями внес вклад в очищение аппарата Коминтерна. В этой организации он работал много лет, побывал почти во всех странах Европы, знал близко руководителей, как в Москве, так и на опорных пунктах.

Вал арестов нарастал. В тюремных камерах оказались заместитель наркома Я. Агранов, начальник Особого отдела А. Артузов (племянник безумного М. Кедрова), заместитель начальника Особого отдела М. Горб, начальник Московского областного управления В. Каруцкий, резидент ИНО в Берлине Э. Гольденштейн и многие другие — все комиссары государственной безопасности, т.е. генералитет.

В «ежовые рукавицы» попали многие из тех, кого, спасая от разоблачения, предусмотрительно отправляли работать на периферию, подальше от Москвы. Среди них: С. Реденс, нарком государственной безопасности Казахстана (свояк Сталина), его заместители И. Шнейдер и М. Молотковский, начальник Саратовского областного управления П. Пиляр (племянник Дзержинского), начальник «Дмитлага» Э. Кацнельсон (бывший заместитель наркома госбезопасности Украины), С. Пузицкий, начальник отдела «Дмитлага», М. Логановский, Н. Самсонов и др.

Следствие установило, что у заговорщиков-чекистов имелась своя особенная цель: взять в свои руки абсолютно всю власть в СССР (не делясь ни с кем). При этом Ягода намеревался сесть в кресло председателя Совнаркома, на свое же место, во главе Лубянки, планировал посадить Бакаева. Вскрылись и такие черные дела, как медленное умерщвление Менжинского, связь с послом Японии в Берлине генералом Осима, подтвердилось и давнишнее подозрение насчет 3 декабря 1934 года, когда чекистские главари в Ленинграде готовы были вслед за Кировым расправиться и со Сталиным...

Семья, в которой родился Бухарин, по всем признакам, была из разночинцев, без культуры и традиций. Следствием этого было впитанное с молоком матери отвращение ко всему русскому, национальному, традиционному. Маленький Николаша с малых лет начисто отрекся от своей русскости или, как он сам хвалился, «разделался с Богом к чертовой матери».

Воспитание в семье наложилось на саму атмосферу тогдашнего «культурного общества». Это были годы, когда «истинный интеллигент» стыдился своей русскости и старался выглядеть «гражданином мира».

Учился Бухарин в 5-й московской гимназии на Арбате, «знаменитой» тем, что там набирались знаний такие люди, как Эренбург, Пастернак, Брик и будущий нарком Сокольников. С последним Бухарина связывали какие-то вывихнутые отношения — совершенно не мужские. Сокольников, из семьи богатого аптекаря (собственный дом на Трубной площади, гувернеры, бонны), окружал Бухарина сладострастным обожанием и называл его «Букашкой» и «Ниночкой».

В те времена среди гимназистов получили широкое распространение всевозможные подстрекательские брошюрки и прокламации. Ушибленный крамольным чтивом, гимназист Бухарин был покорен легендарной фигурой антихриста, смутьяна и разрушителя всего извечного. Он подолгу простаивал перед зеркалом, стараясь отыскать в своем одутловатом невыразительном лице роковые черты демона-ниспровергателя. Озадаченный тем, что настоящий антихрист обязан родиться только от блудницы, он стал приставать к своей несчастной матери с расспросами: не было ли у нее внебрачной связи, не впадала ли она в блуд?

Рано покинув родительский кров, он уехал за границу и прожил там до 30 лет. Царское отречение застало его в Нью-Йорке, где он вместе с Троцким руководил школой революционеров, а также издавал газету «Новый мир». Узнав, что дома, в России, свершилась долгожданная революция, они с Троцким немедленно закрыли школу, наняли пароход и вместе с учениками стали пробираться в Петроград.

Путь Бухарина лежал отдельно от остальных — он ехал через Японию. Там с ним случился неприятнейший казус: он выбрал публичный дом с малолетними японками, где его на-

крыла полиция, обвинив в совращении несовершеннолетней. Разумеется, это была самая обыкновенная подстава. Так поступают все спецслужбы мира. Спасаясь от скандала и суда, русский сладострастник вынужден был подписать вербовочное обязательство. Впоследствии, уже после ареста, он цинично заявит следователю: «Ну и чти? Напился, подрался, завербовался!» Тогда же, в 1917 году, следом за Бухариным во Владивостоке появился загадочный «товарищ Александр» (Аарон Тобисон-Краснощеков) с далеко идущими планами. Год спустя он появится в Москве с идеей создания суверенной Дальневосточной республики под протекторатом США. Посетив Бухарина в редакции «Правды», он вместо приветствия сделает масонский жест «узнавания» — положит правую ладонь на левое плечо.

На роковом для большевистской партии VI съезде Бухарин, не будучи настоящим большевиком, был, как и Троцкий, избран членом Центрального Комитета. Он занял важнейший пост редактора «Правды», став, таким образом, главным идеологом страны. Как и вся свора Троцкого, захватившая партию, Бухарин ненавидел большевиков и в качестве первой неотложной меры считал быстрейшее устранение Ленина. Перед мятежом эсеров у него состоялась тайная встреча с Прошьяном и Камковым. Они договорились «решить все проблемы власти разом», т.е. арестовать весь Совнарком во главе с Лениным.

Захватив власть в огромнейшей стране, эмигранты столкнулись с чудовищными трудностями управления. Ломать — не строить! Собственно, никаких строек ими не планировалось. Десятки миллионов русских, поверивших, что крах самодержавия наконец-то приведет их к счастью, предназначались на роль соломы для пламени мировой революции.

Но как убедить эту гигантскую народную массу дать свое согласие на добровольное заклание?

Прежде всего, следовало ахнуть по лбу обухом (так делают с быком на бойне). После этого проворно режут горло и сливают всю живую кровь.

«Красный террор» и оглушил народ, и обескровил. Захватчики добились своего.

Троцкий, ставший настоящим диктатором ошеломленной, истекающей кровью России, наставительно заявлял: «Русский народ нам нужен лишь как навоз истории. Россия — наш враг.

Она населена злыми бесхвостыми обезьянами, которых почему-то называют людьми. Нет ничего бездарней и лицемерней, чем русский мужик».

Упоенному своим всевластием диктатору вторил его подручный Бухарин:

«Русский народ — нация обломовых, нация рабов, с рабским прошлым, народ-растяпа с присущей ему азиатской ленью».

Словом, русским предоставлялась высокая честь сгореть в кострище мировой («перманентной») революции и тем самым хоть как-то оправдать свое ненужное пребывание на планете.

«Любимец партии» — так назван был в ленинском «Завещании» Бухарин.

Любимец... Только воспаленный мозг умирающего в состоянии родить такое. Однако какую победительную силу придали эти два слова Вождя всем наглым действиям аттестованного! Сейчас, в ходе неторопливого судебного разбирательства, выявлялся весь фактический урон бухаринского господства в советской идеологической политике.

Русским предлагалось отказаться от своей великой Истории и жить только тем, что им обещалось. Идеологи революционной перестройки пламенно боролись с влиянием Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского. Мракобесами также объявлялись Бунин, Репин, Коненков, Нежданова, Есенин, Маяковский, Шолохов, Булгаков, Рахманинов. Они мстительно лишили Шаляпина звания народного артиста... В советских школах было запрещено преподавать историю. От педагогов требовалось воспитывать не русского ребенка для русского государства, а некоего «гражданина мира». Они взорвали памятники на славном Бородинском поле и торжественно воздвигли монумент... Иуде Искариоту!

Русским законодательно запрещалась любовь к своему Отечеству. Нечем вам гордиться, совершенно нечем! Вам надлежит каяться, каяться и каяться!

Оплевывая святыни русского народа, они заливали ложью и клеветой умы и сердца подрастающих поколений.

Еще в 1923 году умница Л.Б.Красин, инженер-электрик по образованию, резко поставил вопрос о деловой пригодности многих из тех, кто так кичился своим участием в революции. Эти люди с «тюремным образованием» способны были лишь

ломать. А разоренная страна требовала строителей. На него немедленно набросился Бухарин. Во-первых, он принялся доказывать, что экономический развал совершенно неизбежен, как необходимый этап перехода от капитализма к социализму (так сказать, закон революционного разложения); во-вторых, он же гневно обвинил Красина в забвении заслуг пламенных борцов за народное счастье, высокопарно именуя их «старой ленинской гвардией».

С трибуны XII съезда партии Бухарин изрекал:

— Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны поставить себя в неравное положение. Только при такой политике, когда мы искусственно поставим себя в положение более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций!

«Покупая» доверие «младших братьев», русские заняли место в самом грязном углу многонационального государства. В великом СССР образовались национальные республики и края, не имелось только территориального образования русских. И они не смели этим возмущаться — немедленно следовала самая безжалостная кара.

Став главным редактором «Правды», Бухарин повел борьбу против «русского шовинизма», как против своего личного смертельного врага. Обливая высокомерием «квасной патриотизм» и «мужиковствующих» сочинителей, он затравил Есенина, отправил в расстрельный подвал Ягоды группу крестьянских поэтов и открыто угрожал любому, кто собирается «национализировать» советскую культуру, а заодно и тем «наивным простачкам, которые им подсвистывают».

В 1927 году, незадолго до путча Троцкого, вышел из печати 8-й том Большой Советской Энциклопедии. Иосиф Виссарионович обратил внимание, что И. Бунину и М. Булгакову отведено всего несколько строк, зато громадная статья о Бухарине занимает 13 столбцов убористого текста. О Бунине сказано: «Все его творчество дышит злобой крепостника». О Булгакове: «Художественный выразитель правобуржуазных слоев нашего общества». Совсем иное о Бухарине. Автор статьи Д. Марецкий называет своего учителя «выдающимся теоретиком коммунизма» и завершает свой панегирик тем, что делится открытием: оказывается, Ленин учился вовсе не у Маркса, а у... Бухарина!

Впрочем, удивляться нечему. В редколлегии БСЭ были Радек, Преображенский, Ларин (третий тесть Бухарина) и, естественно, сам Бухарин.

Очередной съезд партии работал в трудные дни. Снова срывались хлебозаготовки (крестьянин, имея хлеб, требовал промышленных товаров), росло количество «долгостроя», т.е. замораживались и без того скудные средства на индустриализацию, и нагло торжествовала самая бессовестная демагогия бухаринцев, совершенно невыносимая оттого, что окружавшая действительность не подавала никакого повода для похвальбы.

Тон для работы съезда попытался задать Бухарин. Он выступил с отчетом о деятельности Коминтерна. Он ни словом не обмолвился о том, что происходило в прошлом месяце на улицах Москвы, а разливался соловьем о ближайших перспективах «торжества пролетарской справедливости на всей планете».

— Товарищи, земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы с вами пережили и перечувствовали!

(В этом отчете он, кстати, сумел сделать тонкий ход для скорого раскола международного рабочего движения, назвав социал-демократов «социал-фашистами»).

Выступивший Ворошилов привел удручающие факты о состоянии наших вооруженных сил. Для оснащения Красной Армии не хватало качественных сталей, свинца, цинка, меди. До сих пор главным мотором нашей армии являлась лошадь. По танкам мы отставали даже от польской армии...

Много говорилось и о хлебозаготовках (через полтора месяца, в феврале, Иосиф Виссарионович отправился в большую поездку в Сибирь).

В перерыве съезда, не сдержав раздражения, Иосиф Виссарионович принялся резко выговаривать Бухарину за его пренебрежение к постоянному пополнению своих знаний. Он же совершенно не учится, не читает. Не окончив даже гимназии, продолжает обходиться старым багажом. А что там, в багаже-то? Один Писарев с его устойчивым презрением к русской культуре. Если Писарев громил «дворянскую культуру», то Бухарин «сбрасывает с корабля современности» не только «мужиковствующих», но и Пушкина с Тютчевым... Научился болтать по-немецки — и уже европеец? Поклоняется авангардизму — и уже поскакал впереди прогресса?

Оскорбившись, Бухарин запальчиво назвал желчного Генсека «мелким восточным тираном» и убежал.

С того дня они перестали разговаривать и даже не здоровались.

В декабре 1929 года страна и партия пышно отпраздновали полувековой юбилей Генерального секретаря. Тогда впервые на улицах появились красочные портреты Сталина.

После этого бухаринцы решили сменить тактику. Сам Бухарин, а также Рыков и Томский обратились в ЦК партии с покаянным письмом: «Мы — ошиблись!» Они поклялись, что отныне полностью переходят на партийную платформу. Такими же лицемерами и притворщиками оказались Крестинский, Розенгольц и полтора десятка других, кто сейчас сидел в загородке перед трибуналом.

Розенгольц... Чем прославился этот деятель? Своей исключительной жестокостью. Его боялся даже Блюмкин, «самый отчаянный еврей в ВЧК». При подборе кадров у Розенгольца был один единственный критерий: «Сколько контриков сумел шлепнуть?» Только Розенгольцу поручал Троцкий проведение самых массовых расстрелов. Недаром в «День Х» именно Розенгольцу предстояло пробраться к Сталину и застрелить его.

На первых судебных процессах Бухарину места не нашлось. Его считали мелким пакостником, истасканным эротоманом, человеком низменных страстей, который привык использовать доставшуюся ему власть, как вечный пропуск к роскошному столу с самыми изысканными яствами. На конкретные политические действия его признавали просто неспособным. В расчет при этом брался здравый смысл главных заговорщиков: они обязаны были отдавать себе отчет, что связываться в серьезных делах с таким гнилым типом им явно не с руки.

Ежов тем временем продолжал настойчиво копать. Подозревая всех и каждого, он ворошил прошлое многих партийных работников. Высокий ранг подозреваемого его нисколько не смущал.

Богатая пожива ждала его в архивах царской охранки. Спалить все без остатка не сумели, кое-что сохранилось, и было вытащено на свет.

В агентурных донесениях лета 1915 года сообщалось о поездке трех социал-демократов в Стокгольм. Цель поездки? Конфиденциальная встреча с представителями банка Варбурга. Старшим из приехавших был некто Мойша Долгалевский. Это-

го имени нигде, ни в одних списках не значилось. Двух других визитеров Ежов установил быстро: это были Г. Пятаков и Е. Бош. Так кто же этот таинственный Долгалевский? Надо полагать», рангом он повыше Пятакова... Перед трудностями Ежов никогда не отступал. Тайну псевдонима «Долгалевский» он все же установил: это был Бухарин!

Деньги на революцию... Связь с банкирами... Самое сокровенное, самое тайное!

Ранг Бухарина в глазах Ежова моментально вырос. Ему становилось понятно, почему именно этого человека Свердлов назначил на такой важный пост, как главный редактор «Правды».

Разоблачением Бухарина следствие занималось с особенною кропотливостью. Ежов сам, без сталинской подсказки, раскопал среди малоизвестных ленинских работ статью «Кризис партии». Уже тогда, в январе 1921 года, Вождь с возмущением писал: «...верхом распада идейного являются тезисы Бухарина и К0... Это — полный разрыв с коммунизмом... До сих пор «главным» в борьбе был Троцкий. Теперь Бухарин далеко «обогнал» и совершенно «затмил» его... договорился до ошибки, во сто раз более крупной, чем все ошибки Троцкого, взятые вместе». Тогда Бухарин затаился и стал ждать подходящего момента. Он понял, что поспешил и выскочил не вовремя (а сам тем часом втирался в ленинскую семью, обхаживая несчастную Маняшу, сестру Ленина). Время для ответного удара вскоре наступило: в мае следующего года Ленина свалил первый инсульт. И тогда Бухарин напечатал в «Правде»: «Политика Ленина губительна для революции!» Это был приговор заболевшему Вождю (то-то Ленин стал метаться и просить яду).

Бухарин уверенно «обрабатывал» обведенный ему участок заговора. Его выкормыши заняли все сколько-нибудь важные посты в идеологии. Это была пресловутая «бухаринская школа», орда шкурников-цитатчиков, начетчиков и фарисеев.

Удалось установить участие Бухарина и в организации повального голода в стране. Это искусственное бедствие стоило советскому народу миллионов жертв.

Юношеская мечта Бухарина об антихристе осуществилась: он стал редкостным Иудой. И достиг на этом гнусном поприще выдающихся успехов.

Мало-помалу выявились настолько омерзительные делишки, что Вышинский, государственный обвинитель на процессе, не удержался и назвал этого совершенно разложившегося прохвоста «помесью лисицы и свиньи». Бухарин производил наиболее отвратительное впечатление из всех, кто томился в загородке.

1936 год стал последним в преступной деятельности «любимца партии».

Весной Бухарин предпринял длительную поездку за рубеж, побывал в Германии, Франции, Голландии. 3 марта он приехал в Прагу и выступил с лекцией перед эмигрантами из России. Зал был переполнен. Появившись на трибуне, Бухарин исполнил «узнавательный» масонский знак. Те, кому следовало, теперь не сомневались, что из Советской России, где было так неспокойно и тревожно, наконец-то прибыл свой человек.

В воспоминаниях Анны Лариной (она приехала к нему в Париж) рассказывается, что друзья уговаривали Бухарина стать невозвращенцем, остаться во Франции. Он ответил решительным отказом. События в Москве приближались к установленному «Дню Х» и Бухарин, нисколько не сомневаясь в силе военной организации Тухачевского, считал своим долгом оставаться рядом с красным маршалом.

В Москве завершился процесс над Зиновьевым и Каменевым. Оба получили расстрельный приговор. Вернувшийся Бухарин обращается к Ворошилову (которого люто ненавидел) с личным, как бы дружеским письмом. Там есть такие строки: «Циник-убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак — страшно рад!» Расчет отчаянно трусившего «любимца партии» был ясен — через Ворошилова эти строки попадут к Сталину (который с ним уже давно не разговаривает и не здоровается).

Сам же «любимец» в это время отправился в Ленинград. Примитивный человечишко, он даже не подумал, что за ним ведется наблюдение. В ночном поезде, как установлено, Бухарин будто бы по ошибке вломился в купе международного вагона и там задержался. Быстренько выяснилось, кто же ехал в том купе. Пассажиром оказался г-н Буллит, посол США (женатый на вдове Джона Рида, «пламенного революционера»). О чем же толковали два вроде бы невзначай столкнувшихся пассажира? Надо полагать, не о походе я не о любезных сердцу Бухарина девочках.

Рассказывая следствию о той ночной встрече, «любимец партии» припомнил, что речь шла о подсчете сил для «Дня Х». Громадные надежды внушала военная часть заговора. Убеждая своего ночного собеседника, Бухарин развил такую мысль: Гитлеру, бесспорно, следует всячески помочь. Кроме него сейчас попросту нет реальной силы, чтобы нанести поражение Красной Армии. Поражение в войне полностью ляжет на прежнее партийное руководство во главе со Сталиным. Всех их следует потом отдать под суд. А на их фоне стать спасителями Отечества, чем завоевать бесконечную признательность народа.

Короче, «любимец партии» рассматривал Гитлера всего лишь как послушную марионетку. Разгромив Красную Армию и взяв Москву, фюрер ничего не придумает умнее, как вручить власть над Россией этой жалкой и ничтожной кучке рукосуев. Хотя прекрасно знал, что для освоения восточных территорий нацисты намеревались построить 17 мыловаренных заводов — для сокращения излишков завоеванного населения.

На одном из совещаний у себя на квартире Бухарин собрал Крестинского, Трилиссера, Ягоду и Виктора Копта. У него невольно вырвалось: «Сталин — это Чингисхан!» Трилиссер сообщил, что виделся с Тухачевским. Последний план таков: 15 мая собираемся у него на квартире, после чего проникаем в Кремль, захватываем телефонную станцию и быстренько устраняем всех руководителей. Ягода, трогая свой висячий нос, меланхолически заметил, что его всерьез тревожит воинственность «красного Наполеончика» (так он постоянно называл Тухачевского). В обычае таких решительных людей в первую очередь расправляться со своими союзниками, убирая конкурентов на власть. А с Тухачевского станется! Товарищ без комплексов и предрассудков...

На втором процессе, в январе 1937 года, подсудимый Карл Радек заявил, что после убийства Кирова и начавшихся репрессий именно Бухарин принялся упрекать заговорщиков в трусости и потребовал усиления террористической деятельности. Он выразился так: «Перейти к плановому террору».

Главной мишенью террористов считался Сталин. Некий Куликов, в свое время осужденный, но вновь привлеченный к дознанию, показал, что Бухарин настаивал на скорейшем устранении именно Сталина как основной помехи в осуществлении

всех планов подполья. Бывший нарком земледелия Яковлев-Эпштейн создал две террористические группы. О нескольких группах для террора рассказал и Станкин, секретарь застрелившегося Томского (в частности, группа Славинского собиралась убить Сталина в Большом театре во время торжественного заседания 6 ноября 1936 года).

Бухарин все ощутимей чувствовал жаркое дыхание погони — Ежов его настигал. Заметавшись, он стал торопить главных заговорщиков (Ягоду, Тухачевского, Трилиссера). А сам тем временем изо всех сил лебезил перед любым представителем власти. Он не оставлял надежды на спасение.

При очередных арестах в Ленинграде у заговорщиков вдруг были найдены полевые радиостанции. Это старался Рыков, нарком связи. В ожидании «Дня Х» он наделил заговорщиков таким современным и мобильным средством связи.

Последний судебный процесс готовился неторопливо, основательно. На примере «любимца партии» страна должна была окончательно убедиться в гнусном облике перерожденцев, согласившихся ради личных благ стать пособниками фашизма.

Суд над Бухариным стал последним открытым процессом. Головка мощного заговора была разоблачена. Оставалось добивание остатков подполья — рутинная приборка, подметание, подчистка...

Допрос Бухарина начался на четвертый день процесса.

Вышинский мастерски владел своим искусством прокурора и несколькими точными вопросами припирал подсудимых к стенке.

По своей привычке блудословить, Бухарин сделал попытку втянуть обвинителя в пустопорожний многословный спор.

ВЫШИНСКИЙ. Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре.

БУХАРИН. В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным.

ВЫШИНСКИЙ. Прошу суд разъяснить обвиняемому Бухарину, что здесь он не философ, а преступник. О гегелевской философии ему полезно воздержаться говорить.

БУХАРИН. Он сказал: «должны». Но смысл этих слов не «зольден», а «мюссен»...

ВЫШИНСКИЙ. Вы вашу филологию оставьте. «Должен» по-русски — это значит «должен»!

БУХАРИН. «Должен» имеет в русском языке два значения.

ВЫШИНСКИЙ. А мы здесь хотим иметь одно значение!

БУХАРИН. Вам угодно так, а я имею право с этим не соглашаться.

(Заходит речь о месте Бухарина в заговоре и о задачах троцкистского подполья.).

БУХАРИН. Я главным образом занимался проблематикой общего руководства. Так сказать, стороной идеологической.

ВЫШИНСКИЙ. Какие цели преследовала ваша организация?

БУХАРИН. Эта организация, если сформулировать коротко... Она преследовала, по существу говоря, хотя, так сказать, может быть, недостаточно сознавала и не ставила все точки над «и», своей основной целью реставрацию капиталистических отношений в СССР.

ВЫШИНСКИЙ. Свержение советской власти?

БУХАРИН. Свержение советской власти — это было средством для реализации этой цели.

ВЫШИНСКИЙ. При помощи?

БУХАРИН. При помощи использования всех трудностей, которые встречаются на пути советской власти. В частности, при помощи использования войны, которая прогностически стояла в перспективе.

ВЫШИНСКИЙ. На условиях?

БУХАРИН. На условиях, если говорить конкретно, целого ряда уступок. Вплоть до территориальных.

(И подсудимый называет эти территории: Украина, Белоруссия, Приморье, Средняя Азия.).

Дает показания Иванов, старый агент царской охранки, продвинутый Бухариным на руководящий пост в Северо-Кавказском крайкоме партии.

ИВАНОВ. По заданию Бухарина я в 1928 году пытался организовать повстанческую Вандею на Северном Кавказе. В 1932 году по его же установкам я включился в восстание по свержению советской власти... В 1934 году он говорил со мной о необходимости ориентироваться на агрессивные фашистские страны, в первую очередь на Германию и Японию. В соответствии с этим группа правых в Северном крае под моим руководством развертывает террористическую, диверсионную

и шпионскую деятельность. После всего этого мне странно было слушать здесь заявление Бухарина о том, что он лишь «чистый теоретик» и занимается только «проблематикой» и «идеологией»... Да, я делал чудовищные преступления, я за них отвечаю. Но я их делал вместе с Бухариным, и отвечать мы должны вместе.

(В конце своего пространного признания Иванов внезапно вспомнил одну, как он выразился, «характерную подробность».).

ИВАНОВ. Бухарин, утверждая необходимость рядом диверсионных и террористических ударов сорвать оборону страны, говорил о том, что правые в нашем крае очень лениво готовят повстанческие кадры, и заявлял следующее: «Конечно, за помощь придется заплатить уступками окраин. Даром не дают, не помогают. Но в конце концов не обязательно России быть одной шестой частью мира, она может быть и одной десятой!»

На совести Бухарина лежит организация жуткого голода во многих районах страны, в том числе и на Северном Кавказе. Голод заговорщики решили использовать для массового недовольства советской властью.

ВЫШИНСКИЙ. У вас ставилась задача организовать повстанческое движение? Вы посылали на Северный Кавказ Слепкова для этого дела? Посылали вы в Бийск Яковенко?

БУХАРИН. Да.

(После перерыва речь заходит об убийстве Кирова.).

ВЫШИНСКИЙ. Это преступление тоже совершено с ведома и по указанию «право-троцкистского блока»? БУХАРИН. Это мне не было известно.

ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Рыков, что вам известно по поводу убийства Кирова?

РЫКОВ. Я ни о каком участии не знаю. ВЫШИНСКИЙ. Подсудимый Ягода...

ЯГОДА. И Рыков, и Бухарин говорят неправду. Рыков и Енукидзе участвовали в заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве Кирова.

ВЫШИНСКИЙ. Имели к этому убийству отношение подсудимые Рыков и Бухарин?

ЯГОДА. Прямое.

Припертый тяжестью улик, Бухарин теряет самообладание и всю свою пустопорожнюю велеречивость. Едва речь зашла о

планах убийства Ленина в 1918 году, он стремительно вскочил с места и, мотая пальцем, закричал.

— Я не говорил: убить. Не говорил. Я говорил: надежно изолировать!

Председательствующий и обвинитель молча смотрели на него до тех пор, пока он не смешался сам, и не уселся на свое место.

Последним испытанием Бухарина явилось выявление его подлой роли в расправе с вождем немецкого рабочего класса Э. Тельманом. После поражения восстания в 1923 году Тельман скрылся в подполье. Бухарин «достал» его тем, что хозяйничал в те времена в Исполкоме Коминтерна. Он украдкой провел решение об исключении Тельмана из коммунистической партии. На защиту чести пламенного антифашиста выступил Сталин. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года он добился отмены этого кощунственного решения.

Государственный обвинитель Вышинский выступил с пространной и суровой речью.

Он потребовал для всех обвиняемых высшей меры социальной защиты.

В тот же день вечером выступили защитники И. Брауде и Н. Комодов.

Весь следующий день, 12 марта, подсудимые выступали с последним словом. Ни один из них не ждал приговора с поднятой головой, с гордыми словами о смерти ради своих высоких идеалов. Все без исключения униженно каялись и просили пощады.

Подошла очередь говорить Бухарину.

— Я обязан здесь признать, — заявил он, — что в параллелограмме сил, из которых складывалась контрреволюционная тактика, Троцкий был главным мотором движения. И наиболее резкие установки — террор, разведка, расчленение СССР, вредительство — шли в первую очередь из этого источника...

Слова предателя падали в напряженную тишину переполненного зала. В голосе Бухарина внезапно зазвучали искренние нотки.

— Я около трех месяцев запирался. Потом стал давать показания. Почему? Причина этому заключается в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если

бы захотел умереть, не раскаявшись. И наоборот, все то положительное, что в Советском Союзе сверкает, все приобретает другие размеры в сознании человека. Это, в конце концов, меня разоружило окончательно, побудило склонить свои колени перед партией и страной...

Голос Бухарина пресекся, он помедлил, пожевал бледными губами.

— Чудовищность моих преступлений безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР.

Зал, казалось, не дышал. Бухарин сделал над собой усилие и ровным голосом произнес:

— С этим сознанием я жду приговора.

Словно предвидя нынешние спекуляции по поводу «невинных жертв сталинского произвола», Бухарин вдруг предупредил, что не хочет и не примет никакой защиты с Запада.

— Я не хочу такой защиты! — с надрывом произнес он.

В самом конце дня случился казус: подсудимый Розенгольц внезапно прервал свою речь и громко запел: «Широка страна моя родная», после чего упал на скамью и зарыдал.

Ягода в своем последнем слове был предельно краток:

— Товарищ Сталин, товарищи чекисты, если можете, — пощадите!

В 4 часа утра, когда над Москвой занимался рассвет, был зачитан приговор. Чтение его заняло ровно полчаса. Из всех подсудимых в живых были оставлены лишь двое: врач Плетнев получил 25, а Раковский 20 лет тюремного срока.

Оказавшись в камере, Бухарин попросил бумаги, и принялся сочинять прошение о помиловании. Он писал:

«... Я считаю приговор суда справедливым возмездием за совершенные мною тягчайшие преступления против социалистической родины, ее народа, партии, правительства. У меня в душе нет ни единого слова протеста. За мои преступления меня нужно было расстрелять десять раз. Пролетарский суд вынес решение, которое я заслужил своей преступной деятельностью, и я готов нести заслуженную кару и умереть, окруженный справедливым негодованием, ненавистью и презрением великого героического народа СССР, которому я так подло изменил... Я рад, что власть пролетариата разгромила все то преступное, что видело во мне своего лидера и лидером чего я действительно был.

Я твердо уверен, пройдут годы, будут перейдены великие исторические рубежи под водительством Сталина, и вы не будете сетовать на акт милосердия и пощады, о котором я вас прошу. Я постараюсь всеми своими силами доказать вам, что этот жест пролетарского великодушия был оправдан.

Николай Бухарин. Москва, И марта 1938 года. Внутренняя тюрьма НКВД».

Отдав написанное, он принялся лихорадочно ходить по камере. Мысли его метались. Внезапно он застучал в дверь и снова попросил бумаги. Ему показалось, что он не полностью выразил свое раскаяние в содеянном.

«Прошу Президиум Верховного Совета о помиловании. Я глубоко виновен перед социалистической родиной и преступления мои безмерны... Я стою на коленях перед родиной, партией, народом и его правительством и прошу Президиум о помиловании».

Сутки спустя, 14 марта, прошение Бухарина (как и других осужденных) было отклонено.

Приговор привели в исполнение.

Любопытна судьба заговорщиков, купивших себе жизнь активным сотрудничеством со следствием. Радек и Сокольников отбывали наказание в разных местах, но были убиты сокамерниками в один и тот же день — 19 мая 1939 года.

Начало Великой Отечественной войны застало Раковского в старинном Орловском централе. Осенью 1941 года, когда фашисты приблизились к Москве, и во всех местах заключения проводилась первая «зачистка», он был расстрелян вместе с М. Спиридоновой и О. Каменевой (женой Каменева и сестрой Троцкого).

Молоденькой сожительнице Бухарина, Анечке Лариной-Лурье, пришлось испить часть горькой чаши, выпавшей на ее долю. К тому времени в СССР появился Закон о наказании не только заговорщиков (врагов народа), но и людей, так или иначе, с ними связанных. Хорошенькая хохотушка Анечка была взята под стражу через полгода после ареста Бухарина и выслана в Астрахань. Так поступали со всеми «чесирами» — членами семей изменников Родины. После расстрела Бухарина ее вновь арестовали, уже в Астрахани, и сослали в Мариинские лагеря.

Когда началась реабилитация троцкистов, А.М. Ларина сделала сенсационное заявление: будто бы ее муж, Н.И. Бухарин, накануне своего ареста сочинил послание «Будущему по-

колению руководителей партии» и заставил ее выучить текст наизусть. Это «пламенное слово» расстрелянного мужа (смесь фальшивой патетики и дешевой демагогии) она и поведала изумленным современникам.

Получилось что-то вроде эстафеты: расстрелянный подонок из прошлого обращался к будущим.

После первых открытых процессов, когда их курировал сам Сталин, для Ежова настала пора самостоятельных решений. Его как бы спустили с поводка. Он, распираемый от гордости за оказанное (завоеванное!) доверие, весь устремился в поиск и принялся докапываться до самых хитрых и увертливых, до самых затаившихся, не разоблаченных.

Вал разоблачений не убывал, а нарастал.

«Стальная метла» неукротимого маршала госбезопасности продолжала шаркать энергично и безостановочно.

В карательной работе НКВД процвело производственное ударничество — как на заводе. Отличия и награды лежали через «полные и чистосердечные» признания обвиняемых. Борьба с затаившимся врагом превратилась в нелепое чекистское соревнование. Если в Белоруссии удавалось «раскрыть» большую организацию троцкистов, точно таких же успехов старались добиться чекисты на Украине, в Казахстане, на Дальнем Востоке. Соревновались в подлости, в бесчеловечности.

Могущество НКВД росло. При этом цинизм самих чекистов принимал размеры беспредельные.

Агранов, заместитель Ежова, однажды допрашивал «крепкого» арестованного из военных. За несколько месяцев тот не подписал ни одного протокола. Он возмущался тем, что его впрямую называют «врагом народа».

— Я еще не осужден. Меня только подозревают. Суд решит! Усмехнувшись, Агранов вылез из-за стола, подошел к окну и поманил арестованного пальцем.

— А ну, иди сюда. Иди, я сказал! Смотри, — он указал на бегущих по улице москвичей. — Подозреваемые — это они, а ты — готов. Раз уж попал – никуда не денешься. У нас ошибок не бывает. Пойдешь или в лагерь, или же... Сам понимаешь. В общем, бросай свою дурость. Иди и подумай хорошенько. Ишь ты, по-до-зре-ваемый!

И, хмыкнув, грязно выругался.

В июле 1937 года после процесса Тухачёвского и праздничной встречи из Америки экипажа Чкалова чекисты собрались на даче Реденса, сталинского свояка. Приехал и Ежов. Подвыпив, он принялся наставлять подчиненных:

— Секретарь обкома? Да я плевать на них хотел! Они должны ходить под нашими людьми и вздрагивать. Только так!

«Ежовые рукавицы» стали понятием нарицательным.

Имя маленького наркома постоянно упоминалось в числе высших руководителей страны.

Попасть в «ежовые рукавицы» можно было за сущие пустяки — чаще всего за болтовню. Беспредельные возможности для этих обвинений открывала универсальная статья 58 («сто шестнадцать пополам»). В ночной «воронок» запихивали за пересказанный анекдот, за острую шутку, за неправильно истолкованную газетную заметку, за невпопад сказанное слово. «Язык мой — враг мой!» Для обвинения достаточно было установить, что гражданин, желая повеселить приятеля, вдруг толкал его в бок, и подмигивал: «Знаешь, что такое ВЧК? Всякому Человеку Конец!» Более тяжкими преступлениями считалась расшифровка таких аббревиатур: «ВКП(б) — Второе Крепостное Право (большевиков)»; «СССР — Смерть Сталина Спасет Россию». А то еще: «Ну, как живешь? Да как Ленин: не кормят и не хоронят!» За такие остроты забирали целыми компаниями рассказчиков и слушателей и оформляли, как преступную организацию врагов народа.

Получал срок читатель, которому не нравились произведения Максима Горького, «пролетарского писателя». К расстрельному приговору подвели следователи подвыпившего гуляку, которому вдруг взбрело в голову загорланить на ночной улице: «Над страной весенний ветер веет, с каждым днем все радостнее жид!»

Как водится, в обычай вошло самое низменное доносительство. Письмо-сигнал в органы помогало негодяям убрать неугодного человека, обрести приглянувшуюся квартиру, занять хорошую должность.

Разврат бесконтрольной власти превратил НКВД в страшного удава с леденящим взглядом. Этот взгляд не знал ни сна, ни покоя. И страна оцепенела, как испуганный кролик...

Первые сигналы о том, что «ежовые рукавицы» превратились в пугало не троцкистов, а народа, стали доходить до

Сталина еще осенью 1937 года. Сказал ему об этом Жданов. Выбрав подходящую минуту, он завел разговор о продолжающемся «красном терроре». Употребив слово «ежовщина», Андрей Александрович высказал догадку о «провокации во всесоюзном масштабе».

Большой знаток «еврейского вопроса», Жданов не сомневался, что старательного наркома подловили, приняв во внимание его замороченность цифрами показателей.

— Они же мастера. «Чем хуже, тем лучше». А он, дурак, старается. Вот и...

Много негативного стало поступать к Сталину от его личной контрразведки, о существовании которой знали всего несколько человек. Эту секретнейшую организацию возглавляли два абсолютно преданных генерала: А.М. Лавров и А.М. Джута.

В этот момент Ежова как на грех «попутал нечистый»: он доложил об устранении сына Троцкого Льва Седова. По своим каналам Иосиф Виссарионович знал, что к этой смерти Москва не имела никакого отношения. Однако Ежов докладывал, как о своем успехе, скатившись, таким образом, к примитивному очковтирательству.

Затем последовал безрассудный арест Хейфеца, нашего резидента в США. Этот разведчик, по национальности еврей, сумел добиться потрясающих успехов. В частности, он установил надежную связь с молодым ученым Понтекорво, а через него советская разведка выходила на таких специалистов-атомщиков, как Ферми, Жолио-Кюри и Оппенгеймер.

Совершенно бессмысленным показался Сталину скоропалительный расстрел митрополита Феофана в г. Горьком. Зачем? Чего достигли, кроме озлобления верующих? Жданов был прав: продолжалась линия на истребление русского народа. Ежов, такой старательный и неукротимый, мало-помалу превращался в игрушку в опытных руках ненавистников России-СССР.

По инициативе Кагановича (он был уже на ножах с Ежовым) была создана комиссия ЦК. Возглавил ее Маленков. Он побывал в Белоруссии, Армении, Ярославле, Туле, Казани, Саратове, Омске и Тамбове. Его глазам предстала удручающая картина соревнования за высокие показатели в борьбе с троцкизмом. Людей расстреливали по пустяковым обвинениям (а часто и без всякой вины). Итогом поездки Маленкова

явился обстоятельный доклад «Об ошибках партийных организаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Это была мощная мина под всесилие Ежова. Не удовлетворившись этим, Маленков составил «Записку» о перегибах в работе НКВД. Он запечатал документ в конверт и сделал надпись: «Лично т. Сталину». Вручив конверт Поскребышеву, он направился к себе. Через 40 минут раздался звонок сталинского помощника. Хозяин уже прочитал «Записку», был хмур и неразговорчив. На документе имелась его виза: «Членам Политбюро на голосование».

Это был фактический конец Ежова.

По предложению Кагановича в Москву, для «укрепления руководства НКВД», перевели Л.П. Берию. Он стал заместителем наркома. При этом Каганович специально обговорил, чтобы новичку был «обеспечен доступ ко всем без исключения материалам НКВД».

При обысках в квартире Ежова и на даче нашли и конфисковали (записав подробно в протокол) 9 пар сапог, 13 гимнастерок и 14 фуражек. Больше никаких богатств маленький нарком не нажил.

Сидел он в Сухановке, небольшой, особо секретной тюрьме для избранных, за чертой Москвы, в красивой местности, на территории Дома отдыха архитекторов.

Старинное имение князей Волконских соседствовало с монастырем. При советской власти монахов разогнали, а помещение приспособили под следственную тюрьму, небольшую, на 68 камер. В служебных документах Сухановка называлась объектом № 110. Пищу арестованным доставляли с кухни Дома архитектора, но каждую порцию делили на 12 человек. Узники голодали. Режим Сухановки считался самым суровым. Никаких прогулок и оправка раз в сутки, в 6 часов утра. Здесь существовали стоячие карцеры, тесные бетонные шкафы, в которых выжигал глаза нестерпимо яркий электрический свет. Среди надзирателей были преимущественно женщины-латышки, суровые, мясистые.

Ежова привезли в добротной командирской гимнастерке с маршальскими звездами в петлицах. Первым делом его заставили раздеться догола. Начался унизительный осмотр узника. Его принимали, словно вещь. Под конец латышка коротко

обронила: «Рот» и долго светила электрическим фонариком в его раскрытый рот. Затем ему бросили груду грязного тряпья и велели одеваться. Он натянул громадные брюки без ремня и пуговиц, сунул ноги в сырые опорки. Когда его вели в камеру, он шаркал ногами и придерживал штаны обеими руками.

Поместили его в камере № 44, и этот номер до конца жизни заменил ему фамилию. Камера оказалась крохотной, шесть квадратных метров. Койка опускалась только на ночь. Днем разрешалось сидеть лицом к дверям на металлическом табурете, вделанном в бетонный пол.

Возле камеры № 44 выставили круглосуточный пост наблюдения.

Арест Ежова упал на подготовленную почву. На его примере страна еще раз убедилась в том, насколько хитры и коварно изобретательны враги.

— Неужели и он? Вот это да-а! Что же это делается, а?

Заключенный № 44 поступил под ферулу опытного следователя Бориса Родоса. Этого работника Ежов знал, не раз ставил его в пример на общих собраниях.

Когда бывшего наркома привели на первый допрос, Родос, громадный еврей с волосатыми ручищами, вяло кивнул ему на стул и устремил на него долгий сонный взгляд. Он словно гипнотизировал этого еще недавно всесильного человека, превратившегося вдруг в такое ничтожество.

Ежов не знал, что Родос имел поручение самого Берии сразу же «обломать гаду рога».

— Н-ну, вот что, русский сучонок... — проговорил Родос и грузно поднялся из-за стола. Он запустил пальцы в густые волосы арестованного, приподнял его и несколько раз сильно ударил по лицу. Затем бросил его на пол и принялся бить ногами, норовя попасть в пах.

Устав, он налил в стакан нарзану и вызвал конвой.

Ежова, скорчившегося комком, потерявшего сознание, поволокли в камеру.'

Родос много не мудрил и по трафарету «лепил» обвинение в создании террористической организации (убийство Сталина, свержение советской власти) и в работе на несколько вражеских разведок: польской, германской, английской и японской. Подписи под протоколами добывались бесчеловечным битьем.

С первых же дней Ежов был раздавлен, но вовсе не жестоким обращением (он этого ждал), а коварством своих врагов: Родос предъявил ему «Досье», якобы обнаруженное в его служебном сейфе. Едва смысл провокации достиг сознания избитого наркома, он вскочил и в отчаянии закричал. Против столь кощунственного обвинения запротестовало все его существо преданного до гроба человека. Да, собирал... но только не на Сталина... нет, нет и нет!

В этот день его снова утащили в камеру волоком.

Так вот почему любимый Сталин смотрел на него своим тигриным взглядом! И не оправдаться теперь, не докричаться. Кто его услышит?

Талантливые негодяи, что и толковать!

К удивлению Ежова, следователь разрешил дать ему в камеру лист бумаги и огрызок карандаша. Николай Иванович написал короткое письмо своему главному недругу:

«Лаврентий! Несмотря на всю суровость выводов, которых я заслужил и воспринимаю по партийному долгу, заверяю тебя по совести в том, что преданным партии, т. Сталину останусь до конца».

После этого он заявил Родосу, что больше ничего подписывать не станет, и потребовал встречи с членом Политбюро.

На следующий день в Сухановку приехал Берия в сопровождении своего нового заместителя Богдана Кобулова.

Лицо Ежова было в синяках и кровоподтеках. Выглядел он страшно. Оба высокопоставленных посетителя Сухановки не обратили на это никакого внимания. Старательный Родос основательно «обломал рога» бывшему наркому.

Берия начал встречу с того, что налил Ежову полный стакан водки.

Два кавказца, оба еще молодые, но чрезмерно раздобревшие, с громадными животами, с лоснящимися, хорошо выбритыми щеками, снисходительно проследили, как он её выпил.

Ежов утер губы рукавом грязной куртки.

Берия бросил ему на колени яркий апельсин.

- Николай, — заговорил он, — не по-партийному ведешь себя. По-троцкистски себя ведешь! Товарищ Сталин тобой недоволен, дорогой.

- Ты зачем приехал? — дерзко спросил Ежов.

Усмехнувшись, Берия снял очки, и Николай Иванович впервые близко, очень близко разглядел глаза своего врага, как бы

обнаженные и оттого особенно страшные: глаза убийцы, палача, наслаждающегося унижениями своей жертвы.

Ежова осенило внезапное открытие: Берия вовсе не был близорук. Он носил стеклышки на лице, чтобы камуфлировать свой неприятнейший змеиный взгляд.

Снова насадив пенсне на нос, Берия поднялся и распахнул окно. От избитого, давно немытого Ежова исходил неприятный запах. В следственный кабинет влетели звуки музыки, стук волейбольного мяча, хоровое пение. Это веселились отдыхающие Дома архитектора.

Окно пришлось закрыть. Берия стал говорить о необходимости осознания Ежовым того, что с ним произошло. От него ждут искреннего признания своей большой вины. Как это... кто ждет? Все ждут. Партия, народ, страна... Товарищ Сталин ждет!

В качестве награды Берия пообещал приговор «не по максимуму» и заботу о дочери Наташе.

Напоминание о ребенке заставило Ежова сморщиться, словно от невыносимой боли.

Возбужденный алкоголем мозг работал бешено. Он вдруг подумал, что эти самоуверенные наглецы являлись представителями такого зла, какого его народ еще не ведал, не испытывал.

Он понимал, что на спасение нет никаких надежд. Эти раскормленные твари не выпустят его из своих когтей. Николай Иванович собрал оставшиеся силы и воспрянул душевно.

Обоим своим жирным допросчикам маленький нарком высокомерно заявил:

— Настоящий чекист умирает или от рук врага, или от рук НКВД. Естественная смерть для нашего брата исключена!

В ответ Берия и Кобулов, колыхая животами, расхохотались. Слишком смешным показался им этот встопорщившийся карлик. (Им обоим в то время было невдомек, что в словах обреченного Ежова пророчески прозвучал приговор их собственной судьбе.)

От Берии, однако, не укрылась перемена в настроении изуродованного узника. Он вкрадчиво спросил: что передать товарищу Сталину? Опустив голову, Ежов уставился на свои безобразные опорки. Задача была одна: дожить до суда (если таковой, конечно, состоится). Вполне возможной могла быть смерть «от сердечной недостаточности». Сколько их было! Нет,

надо дожить. И там не только отречься от позорнейших признаний, но и заявить под протокол, изложив все свои последние соображения, открытия.

Да, он станет все подписывать, брать на душу все грехи.

Берия просиял и, щегольски задрав бутылку вверх дном, налил еще один стакан водки...

Суда он дождался, но ничего из задуманного не осуществил. Председательствующий В. Ульрих показал себя великим докой и пресекал любое многословие подсудимого.

За окнами скудного судебного зала стоял серенький денек начала февраля.

Николай Иванович отказался от всех признаний во время следствия. Его заявление внесли в протокол, но... что это могло изменить? Он решил воспользоваться последним словом.

Хотелось сказать много, очень много, однако он вовремя сообразил, что надо выбрать самое главное в расчете на то, что Сталин вдруг потребует протокол судебного заседания.

Трудно говорить, сознавая, что выступаешь последний раз в жизни.

- Придя в органы НКВД, я первое время был совсем один. Помощников у меня не было, не дали... Вначале я присматривался, а затем начал. Начал я с разгрома шпионов, которые пролезли во все отделы ЧК. В их руках была вся советская разведка. Всё было в их руках! Потом я взялся за чистку контингента перебежчиков... («Не то совсем... ах, совсем же не о том!»)

Есть такие преступления, за которые меня надо расстрелять. Я почистил 14 тысяч предателей в ЧК. Много? Нет, не много. Моя огромная вина заключается в том, что я их не дочистил. Мало сделал...

(Неожиданно голос бывшего наркома окреп и возвысился.)

- Прошу передать товарищу Сталину, что я никогда не обманывал партию. Не исключена возможность, что ко всему враги приложили свои руки... Передайте Сталину, что умирать я буду с его именем на устах!

Спохватившись, он убитым тоном попросил позаботиться о его малолетней дочери, не мстить ребенку.

Отговорив, он сел, склонил голову и принялся сжимать и разжимать маленькие кулачки...

В этот же день расстрельные приговоры получили Заковский, Фриновский и Реденс (свояк Сталина).

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

На бывшей Никольской улице, в центре Москвы, испокон веков сохранялась старинная аптека Феррейна. Ее не задевали никакие перемены. При всех властях она продолжала снабжать москвичей разнообразными лекарствами, сохраняя внутри прежний тихий уют. В соседних же зданиях ничего не сохранилось, и, прежде всего, переменились сами хозяева. Чижевское подворье заняло общежитие Реввоенсовета, в трехэтажном особняке с другой стороны аптеки разместилась Главная Военная прокуратура. (В наши дни там находится Московский горвоенкомат).

Внутренние дворики на этой улице, как и везде в центре Москвы, тесны, темны и неприглядны. Туда попадали с улицы через арочные проходы, похожие на туннели: длинные, узкие, с каменным низким сводом над головой.

11 июня 1937 года рано утром закрытая тюремная автомашина четко развернулась возле дома № 21 и, пятясь задом, стала въезжать во внутренний двор через тесный арочный проезд. Раздались скребки о стены, несколько раз машину тряхнуло на выбоинах в асфальте. Едва задняя стенка «воронка» показалась из туннеля, послышалась команда «стоп». Внутренний двор Главной Военной прокуратуры превратился в помещение, закрытое со всех сторон.

Распахнулись массивные двери «воронка» и расторопные конвойные солдаты стали выводить доставленных с Лубянки подсудимых. Каждого брали по двое под локти и направлялись к черному ходу в здание. Ободранная расхлябанная дверь была распахнута настежь и заложена обломком кирпича.

Подсудимых проводили на второй этаж. В темноватом тесном зале поблескивали штыки конвоя. Массивный стол для судей еще был пуст. Высоко торчали дубовые спинки старорежимных кресел.

Во главе судейского стола сидел В.Ульрих, армвоенюрист 1 ранга, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР. Государственным обвинителем выступал А.Вышинский. Преступления подсудимых рассматривались по закону от 1 декабря 1934 года. Следовательно, суровый приговор был предопределен заранее.

Ответственность за охрану здания и за порядок в помещении судебного зала несли маршал А.Егоров и комендант Москвы комдив М.Лукин.

Бесстрастные конвойные, вооруженные винтовками со штыками, замерли по стойке «смирно». Подсудимые сидели с опущенными головами. В измятой неряшливой одежде они походили на изловленных дезертиров. В глубокой тишине раздавался бесцветный ровный голос — председательствующий заканчивал чтение обвинительного заключения:

«...обвиняемые систематически доставляли военным кругам сведения о состоянии Красной Армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью».

За судейским столом произошло движение. Маршал Блюхер встал и, скрипя сапогами, вышел из зала. На скамье подсудимых царило угнетенное молчание. Свет блестел на штыках конвоя.

Василий Ульрих придвинул к себе толстую папку и начал допрос подсудимых.

Первым со скамьи поднялся высокий статный военный с длинными оленьими глазами, в измятой гимнастерке распояской. Это был знаменитый Тухачевский...

Михаил Николаевич Тухачевский происходил из старинного дворянского рода Смоленской губернии.

По семейной традиции он избрал военную службу и, окончив Александровское училище в Москве, стал офицером гвардейского Семеновского полка.

С юных лет будущий маршал отличался непомерным честолюбием. Еще юнкером он решительно заявил: «Если к 30 годам не стану генералом — застрелюсь!» Учился он отлично, показал себя прекрасным строевиком, гимнастом и фехтовальщиком. Его назначили фельдфебелем курса. В дни празднования 300-летия дома Романовых юнкер Тухачевский был представлен императору.

Среди товарищей по учебе Тухачевский выделялся редчайшей жестокостью и бездушием. За один год он своим беспо-

щадным «цуканьем» (мелочными унизительными придирками) довел до самоубийства троих юнкеров младшего курса: Красовского, Яновского и Авдеева.

Первый офицерский чин Тухачевский получил в год начала большой войны в Европе. Семеновский полк он нашел на боевых позициях. 6-й ротой командовал отважный капитан Веселаго. 21 февраля 1915 года в боях под Ломжей рота попала в окружение. Капитан Веселаго погиб в сражении, получив два десятка штыковых ран. Подпоручик Тухачевский в это время спал в землянке, завернувшись в бурку. Немцы взяли его сонного.

Из плена его освободила революция 1917 года. Множество счастливых обстоятельств обусловили блистательно скорую карьеру молодого офицера. Началось, пожалуй, с лагеря военнопленных. Тухачевского поместили вместе с французским капитаном де Голлем и итальянским священником Пачелли, будущим кардиналом, а затем и римским папой Пием XII. Неволя тяготила. Унылые дни скрашивались долгими беседами и спорами, а также чтением обильно доставляемых в лагерь газет и журналов (иногда, «журнал» состоял всего из нескольких страничек, отпечатанных на машинке). Пленных офицеров усиленно обрабатывали, уверяя их, что поражение в войне не позор, а благо. Россия называлась не иначе, как «тюрьмой народов».

В дружеских перебранках с капитаном де Голлем русский подпоручик совершенствовал свой французский язык. Он показал себя знатоком западной литературы, хотя любимым его героем был князь Андрей Болконский. Кроме французского языка Тухачевский прилично владел немецким, а по латыни читал «Записки о гальской войне» Ю.Цезаря.

Возвратившись в Москву, Тухачевский сходится с неким Кулябко и благодаря его знакомствам добивается приема у Ленина. Из кабинета «кремлевского мечтателя» недавний военнопленный выходит с завидным назначением - командующим 5-й армией (принимает, По сути дела, целый фронт, не пройдя, как это положено, ни одной ступени военной службы). Что стояло за таким счастливым назначением? В рядах Красной Армии находились заслуженные боевые генералы. Нет, выбор пал на скромного, красивого подпоручика, просидевшего всю войну во вражеском плену. Одним ленинским росчерком Тухачевский становится военачальником высочайшего ранга.

На Восточном фронте молоденький командарм быстро входит в фавор у всесильного Троцкого, тогдашнего председателя Реввоенсовета республики. Троцкий, будучи сам жестоким человеком, восхищен скорыми и безжалостными расправами ленинского назначенца.

Более двух лет по фронтам гражданской войны носился специальный поезд председателя Реввоенсовета, превращенный в кочующую ставку Верховного Главнокомандования. Совершив налет на какой-нибудь фронт, Троцкий прибегал к единственному средству — массовым расстрелам. Для расправ в его поезде имелся трибунал и комендантский взвод.

Несколько раз Троцкий посещал позиции 5-й армии. Блистающий поезд председателя Реввоенсовета был битком набит хорошенькими секретаршами, стенографистками и телефонистками. Тухачевский, получив приглашение на ужин, демонстрировал гвардейский лоск: галантно целовал душистые ручки и сыпал остротами на превосходном французском языке.

За столом патлатого диктатора в пенсне командарм-пять свел знакомство с литераторами Ларисой Рейснер и Демьяном Бедным. Последнего Троцкий наградил орденом, назвав его в приказе «отчаянным кавалеристом слова».

В успехах 5-й армии против Колчака специалистам бросалось в глаза отсутствие военного профессионализма в действиях Тухачевского. Молоденький командарм предпочитал навал, ни разу не предприняв хотя бы примитивного маневра на окружение. Не будучи стратегом, он попросту выпихивал противника с занимаемых позиций.

Однако... все равно пряные, сладко пахнущие лавры победителя! И постоянно возраставшая привязанность Троцкого.

Авантюрный характер Троцкого и Тухачевского, их никудышная военная подготовка стали причиной гигантской катастрофы Красной Армии под Варшавой. Особенно чудовищной была вина Тухачевского, командовавшего войсками Западного фронта. Провалив ответственную кампанию, он выказал еще и поразительное малодушие: пока его войска дрались, отступали и прорывались из окружения, он заперся в своем поезде и не показывался более суток. Войска разгромленного фронта остались без управления в самые жестокие дни и часы. За такие поражения полагается военный трибунал. Однако обоим

незадачливым военачальникам — Троцкому и Тухачевскому, удалось свалить всю вину на командование соседнего Юго-Западного фронта (в этом их поддержал Ленин). Тухачевский, как ни в чем не бывало, продолжал занимать самые высокие посты в РККА.

«Таланты» свирепого расстрельщика выдвинули Тухачевского на роль усмирителя мятежа в Кронштадте и восстания Антонова в Тамбовской губернии. Тысячи балтийских моряков были уничтожены без суда и следствия и спущены под лед. В Тамбове же приказами Тухачевского и Антонова-Овсеенко предписывалось расстреливать старшего мужчину в крестьянской семье (чаще всего это были подростки 14 лет), сжигать дотла мятежные села и даже применять с самолетов отравляющие вещества. Из приказов командования войсками Тамбовской губернии:

«...Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда».

г. Тамбов, 11 июня 1921 года.

«Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространилось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем спряталось.

Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ...»

г.Тамбов, 12 июня 1921 года.

Применение газов и бессудные расстрелы подростков являются преступлениями против человечности. Такие преступления наказываются без срока давности.

Карьера бездарного военачальника, но удачливого усмирителя, продолжала расти, как на дрожжах.

21 февраля 1933 года он награждается орденом Ленина (высшим в СССР), а 7 ноября принимает парад войск на Красной площади.

На XVII съезде партии («съезде победителей», 1934 г.) он произносит пламенную речь и становится кандидатом в члены Центрального Комитета партии.

В 1935 году ему в числе первых присваивается высшее воинское звание «Маршал Советского Союза».

Всесилие Троцкого прекратилось после смерти Ленина. Год спустя Красную Армию удалось вырвать из-под его власти. Лишившись реальной власти, развенчанный диктатор принялся интриговать, склочничать, сколачивать «блоки» и «платформы», а затем устраивать прямые заговоры. Его сторонники продолжали занимать посты на всех этажах военного ведомства, они командовали округами, армиями, корпусами и дивизиями. Целиком троцкистским было Главное политическое управление — ГлавПУР РККА.

В десятую годовщину Великого Октября троцкисты предприняли открытую попытку захвата власти. Путч сорвался.

Высланный из страны, Троцкий не оставлял надежд вернуться в Россию на белом коне триумфатора. Его единомышленники потихоньку действовали каждый на своем посту. Им всем были ненавистны фигуры Сталина и Ворошилова, выдвигавшим в основном командиров из Первой Конной, мужиковатых, с простонародными крестьянскими лицами и грубыми манерами. Как они разнились от вылощенных, щеголяющих знанием иностранных языков «спецов», многие из которых прошли курс обучения в германской Академии генштаба! Непримиримые отношения между обеими группами установились еще с Гражданской войны. Окружение Сталина, Ворошилова и Буденного никак не ладило с окружением Троцкого и Тухачевского.

Сталин был человеком государственным и обладал способностью, затаив в душе личную неприязнь, ценить каждого, кто был полезен на доверенном посту.

Так вышло и с Тухачевским. Став заместителем наркома обороны, молодой маршал проявил завидную активность по решительному перевооружению Красной Армии. Новая боевая техника стала его любимым «коньком». Власть Тухачевского простиралась на все конструкторские бюро и на весь зарождавшийся военно-промышленный комплекс.

До поры до времени Сталин поддерживал маршала всем своим авторитетом и всей своей немалой властью.

Любой военный знает, что малейшее смещение мушки при стрельбе уводит пулю далеко от цели. «Смещение прицела» — вот хорошо отлаженный метод сторонников высланного Троцкого. Занимая слишком высокие посты, тайные троцкисты украдкой заводили и страну, и армию в глухие тупики.

Тухачевский показал себя изощренным мастером в «смещении прицела».

Первая военная реформа позволила ему повсюду расставить свои надежные, проверенные кадры. Ради этого он провел решительную чистку армейских рядов. За короткий срок из Красной Армии было изгнано 47 тысяч боевых командиров. Более 3 тысяч арестовано и осуждено. Троцкизм, как лишай, проникал в военные академии и в военные училища. Упор делался на командирскую массу. У армии поражался ее мозг. Таким образом Троцкий, находясь за границей, продолжал командовать своей презренной шайкой.

Летом 1930 года в ЦК ВКП(б) поступило письмо двух слушателей Академии им. Фрунзе. Они сообщали, что Тухачевский осторожно вербует сообщников для каких-то своих тайных планов. Сталин, повертев письмо, пожал плечами. Какая-то нелепость... Он сам занялся проверкой этого сигнала. Авторам письма и Тухачевскому была устроена очная ставка. Сталин свел их лицом к лицу. Само собой, маршал с негодованием отмел все обвинения. И Сталин поверил ему с легким сердцем (до убийства С.Кирова он просто поражал своей доверчивостью людям). В тот же день он сообщает Молотову, что страшно рад оправданию Тухачевского (хотя недолюбливал его еще со времен Гражданской войны и особенно после поражения под Варшавой).

Сталин, при всей суровости своего характера, очень хотел верить помощникам и он им верил безоглядно... пока свидетельства подлой измены не стали слишком явными.

Вооружение царской армии было убогим. В последней войне русские солдаты посылались в бой, имея одну винтовку на троих. Николай II едва не подписал приказ, по которому вместо винтовок солдат вооружали топорами, насаженными на длинные рукоятки (типа старинных бердышей).

Для Тухачевского, ведавшего внедрением новых видов оружия, открылись необыкновенные возможности для «смещения прицела». Своим достижением он считал создание танка Т-35. Это была махина весом 54 тонны, с пятью башнями, тремя пушками и четырьмя пулеметами. Экипаж танка состоял из 11 человек. Он величественно выглядел на Красной площади, поражая своей грандиозностью зрителей на трибунах, однако в бою оказался совершенно беспомощным: не мог одолеть даже небольшого бугорка. А Тухачевский планировал еще более тяжелую машину Т-39, весом 90 тонн. Броню его пробивала очередь из пулемета. Ворошилов, как нарком, пришел в отчаяние. Он сумел убедить Сталина и не пустил этого стального мастодонта в серийное производство (за что «тухачевцы» еще больше его возненавидели).

Удалось остановить и производство быстроходных танков Т-26 (с тремя башнями). В армии эту машину прозвали «смерть танкиста»: ее подбивали из винтовки.

Страна напрягала силы, чтобы увеличивать выпуск специальных сталей для вооружения, но весь дорогостоящий металл уходил на производство помпезных многобашенных сооружений, красивых на парадах, но беспомощных в бою.

Одним из «достижений» Тухачевского были также громадные изъяны в самолетостроении. Военная авиация получала несовершенные И-16, но оставалась без «яков» и «петляковых» (осваивать их пришлось уже в ходе боев). Красная Армия совершенно не имела самолетов-разведчиков (у немцев — знаменитая «рама»).

Стараниями Тухачевского наша армия была оставлена без радиосвязи. Образно говоря, он сделал ее слепой и глухой. Танкистам в бою приходилось «переговариваться» с помощью флажков.

В отвратительном состоянии оказалась ремонтная база. Сложными путями до Сталина дошло письмо ракетчика С.П.Королева. Он послал его с Колымы, с «гибельного прииска Мадьяк». «Меня оклеветали Клейменов, Лангемак и Глушко...». Взяв синий карандаш, Иосиф Виссарионович поставил на полях «галочку». На следующий день исполнительный Поскребышев приготовил все необходимые сведения. Открылось банальнейшее дело: талантливый изобретатель без «мохнатой» руки и завистники-прохвосты со знакомствами и связями. В ре-

зультате Королев едва не попадает под расстрел. Изобретение (знаменитая в войну «Катюша») присваивают себе другие, получают награды, чины, славу... Примерно то же самое произошло и с замечательной пушкой конструктора В.Г.Грабина (до сих пор находится на вооружении).

Происходил чудовищный перекос в оснащении Красной Армии новейшей техникой.

За все эти тщательно продуманные упущения пришлось платить кровью на полях сражений в годы войны.

В «Деле Тухачевского» имеется несколько страничек секретных донесений. За будущим советским маршалом велось пристальное наблюдение еще в унылые времена лагерного житья-бытья. Источник по кличке «Сократ», находившийся рядом с Тухачевским в немецкой крепости Ангельштадт, сообщает: «объект» за время нахождения в плену совершил четыре побега. Все они закончились неудачей. В пятый раз беглецы убили часового. Верная виселица (как и товарищу Петерсу в Англии). Однако Тухачевский казни избежал, дав обязательство на сотрудничество. Пятый побег ему был уже устроен и, естественно, получился удачным. Вернувшись в Россию после Великого Октября, Тухачевский почему-то изо всех сил рвется к Ленину. Аудиенцию он получает и выходит от Вождя революции с высоким назначением: командующим 5-й армией на Восточном фронте. Таким образом, не имея опыта командования даже ротой, вернувшийся из плена подпоручик сразу становится во главе фронта! Вполне уместно предположить, что Ленин по этому поводу советовался (согласовывал) и со Свердловым, и с Троцким.

Немецкие связи бывшего военнопленного значительно окрепли в годы после Гражданской войны. В 1925 году Тухачевский присутствовал в

Германии на маневрах. О том, с кем он имел встречи, сообщает секретный агент под кличкой «Жозефина» (исполнявшая вроде бы и обязанности связной). А совсем недавно, в декабре 1936 года, тот же «Сократ» сообщает, что Тухачевский, будучи в Берлине проездом, имел встречи не только с немецкими генералами, но и с сыном Троцкого Львом Седовым.

Адольф Гитлер в своей программной «Майн кампф» истерически вопит о зловещей роли мирового еврейства. Одна-

ко главная цель фюрера немецкого нацизма вовсе не сионизм. Славянство, Россия, русский народ—вот ради чего создавалась могучая военная машина германского фашизма.

Немецкие нацисты намеревались стереть русских, как народ, с лица земли. Запускалась в действие чудовищная машина уничтожения целого этноса. На русском сырье должны были работать 17 мыловаренных заводов. Два из них предназначались для москвичей. Каждый завод способен переработать около двух миллионов человек в год.

Холокост готовился, но только не еврейского, а русского народа!

Троцкий, без конца мотаясь по Европе, увидел в Гитлере реальную силу, способную сокрушить социалистическую республику трудящихся. Он предложил себя немецким секретным службам. «Пятая колонна» была излюбленным приемом нацистов. С помощью предателей вермахт покорил не одну страну. Троцкисты сами предложили себя на роль такой «колонны» в СССР.

Сотрудничество облегчалось тем, что в свое время (после Рапалльского договора) крупнейшие военачальники Красной Армии более года прожили в Берлине, слушая курс лекций в германской Академии генштаба. Немцы внимательно приглядывались к каждому и выделили аптекаря из Кишинева И.Якира.

Досье на этого человека было составлено с немецкой скрупулезностью. В годы Гражданской войны Якир орудовал на Украине. Всякий раз, заняв селение, он прикидывал количество мужского населения (потенциальная сила недалеких мятежей). Если он находил, что мужчин многовато, следовали массовые аресты и расстрелы. Таким образом обезмужиченная Украина заранее приспосабливалась для самой грабительской эксплуатации.

Когда советские военачальники закончили курс обучения в Берлине, престарелый немецкий фельдмаршал Гинденбург подарил приглянувшемуся Якиру свою книгу с надписью: «Лучшему полководцу современности».

Первоначальный замысел генералов Гитлера был прост: спровоцировать советскую сторону на прямую конфронтацию, а когда немецкие армии приблизятся в Москве, советские заговорщики ударят изнутри, подняв мятеж.

Над Страной Советов снова заклубились грозовые тучи. Над всем кровавым умыслом маячила нелепая фигура Троцкого — бывшего председателя Реввоенсовета с клочковатой бороденкой и с бешеными глазами за стеклышками пенсне.

Летом 1935 года с Путной, советским военным атташе, встретился в Лондоне Лев Седов, сын Троцкого. У них состоялся продолжительный разговор, похожий на инструктаж. Лев Седов обрадовал Путну, что его отцу наконец-то удалось установить «творческую» связь с гитлеровским Генеральным штабом. Путна получил в руки личное письмо Троцкого, адресованное маршалу Тухачевскому. Письмо ушло в Москву. Красный маршал передал на словах, что на него можно рассчитывать. Для регулярной связи с Тухачевским был назначен В.Ромм, работавший корреспондентом ТАСС в Женеве. Таким образом, к «Объединенному центру» заговорщиков примкнули и военные.

Осенью 1936 года маршал Тухачевский возглавил делегацию, поехавшую на похороны английского короля. Путь лежал через Германию. На Берлинском вокзале к главе советской делегации внезапно подскочил какой-то молодой человек, произнес несколько слов и поспешно удалился. Кратковременная встреча советского маршала с загадочным незнакомцем заняла несколько секунд, не больше. Однако вся соль этого мимолетного свидания состояла не в его продолжительности, а в личности молодого человека, бесцеремонно подскочившего к столь важному официальному лицу. Этим молодым вокзальным незнакомцем был сын Троцкого Лев Седов.

В Лондоне на траурной церемонии Тухачевский оказался рядом с немецким генералом Рунштедтом. С другой стороны, слева, соседом советского маршала был низенький и тучный, отчаянно пыхтевший военный в необыкновенно пестром мундире. Это был представитель Испанской республики генерал Франко.

Похоронная процессия двигалась медленно, в торжественном безмолвии.

Внезапно немецкий генерал обратил к Тухачевскому костлявое лицо и еле слышно обронил, что им необходимо поговорить. Советский военачальник, не меняя скорбного выражения, кивнул, — он был предупрежден о таком разговоре. Немецкого генерала интересовал новый укрепрайон на предполагаемых

путях вторжения — Летичевский, который строили в громадной спешке. Маршал ответил, что никаких данных по памяти он сообщить не может. Несколько вопросов было задано по вооружению Советских Вооруженных сил и организации снабжения войск, о состоянии авиации ПВО. Шествие продолжалось. Тихим голосом Тухачевский осведомился: на каких направлениях следует ожидать нанесения главных ударов? Рунштедт, пожав плечами, не смог скрыть удивления подобной торопливостью. Как правило, окончательные решения о направлении наступательных действий принимаются в последнюю минуту. Тухачевский занервничал. «Но в таком случае, когда же вы планируете... начать?» Немец снова уклонился от ответа, сказав, что такие даты назначает только фюрер.

Собеседники условились встретиться в будущем году здесь же, в Лондоне, на коронации Георга VI.

На пути из Лондона домой Тухачевский сделал остановку в Париже. Здесь он имел официальную встречу с министром иностранных дел Румынии. Выбрав подходящую минуту, советский маршал заявил своему собеседнику:

— Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Умные люди сейчас ориентируются на новую Германию. Этой стране, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, господин министр, Гитлер означает спасение для нас всех!

Кроме встреч на официальном уровне Тухачевский сумел тайно встретиться с представителями генерала Миллера, руководителя воинственного РОВСа.

Таким образом «пятая колонна» в Советском Союзе приступила к подготовке «Дня Х». Военные заговорщики разработали капитальную программу сотрудничества с врагом — так называемый «План поражения».

Через связных этот план, постоянно дополняясь, согласовывался с немецким Генеральным штабом. Из Берлина требовали точных графиков сосредоточения войск в Киевском и Белорусском военных округах, а также сведений о «запасе артиллерийских выстрелов», т.е. о производстве снарядов и других боеприпасов. Указывалось, что следует привлечь к участию в заговоре «людей с большим партийным и политическим весом».

В мирное время невозможно полностью определить пригодность военачальников для будущих сражений. Только война делает свой безжалостный и точный выбор. Однако восхождение по ступеням службы совершается и в мирные годы.

На стратегической игре, проведенной в Генеральном штабе РККА, рассматривался вариант столкновения армий Германии и Польши. «Немецкой» стороной командовал Тухачевский, «польской» — Якир. Особенное внимание уделялось согласованности действий групп вторжения и преодоления «поляками» оперативных трудностей на стратегических направлениях. Присутствовало все высшее руководство Красной Армии. На разборе игры высокую оценку получили четкие действия польской стороны. Тухачевский предложил перевести Якира из Киева в Москву, на пост заместителя наркома обороны. Ему резко возразил Уборевич и доказал, что такой военачальник, как Якир, гораздо полезнее именно в Киеве, на посту командующего важнейшим военным округом.

Впервые «военный след» троцкистского заговора обнаружился еще во время первого открытого процесса (Зиновьев — Каменев). Тогда, не выдержав напряжения, внезапно застрелился Томский. НКВД немедленно взяло под стражу его секретаря, некоего Станкина. Арестованного допрашивал сам Ежов. Перепуганный Станкин назвал множество фамилий. На даче Томского, в Болшево, часто собирались самые разнообразные компании. Однако Ежова насторожило имя комбрига Д.Шмидта.

Дмитрий Шмидт, сын еврея-сапожника,воевал в Гражданскую в корпусе Червонного казачества у Примакова. Сейчас он командовал бригадой тяжелых танков, первым таким соединением в РККА. Как все конники, он отличался крайней невоздержанностью. Узнав об исключении Троцкого из партии, он стал бегать по знакомым: «Наших бьют!» Его пытались урезонить, он не унимался. Во время торжеств на Красной площади он вдруг загородил Сталину дорогу к Мавзолею и развязно пригрозил: «Смотри, я тебе уши отрежу!» От таких в серьезных заговорах один вред.

Станкин также назвал директора челябинского завода «Магнезит» Дрейцера и начальника строительства железной дороги Караганда-Балхаш Рейнгольда.

После доклада Ежова Сталину последовала череда арестов. Из военных помимо Шмидта на Лубянке оказались Примаков, Путна и другие.

Раскрытию заговора военных сильно помог Карл Радек. Именно через него Троцкий посылал свои инструкции из-за границы. Последние указания Троцкого внесли поправку в первоначальный план. Прежде считалось, что мятеж военных в Москве должен был начаться, когда немецкие войска приблизятся к столице на 80 километров. Теперь, подсчитав, срок мятежа перенесли, заговорщики обязаны ударить изнутри, когда немцы будут в 30 километрах от Москвы.

Сильные помехи у заговорщиков возникли в результате внезапных арестов и первых судебных процессов.

Однако потери перекрывались тем, что Центр заговора установил контакты с руководителями НКВД. Во время пленума ЦК партии, когда решалась судьба Енукидзе, по дороге в зал, на лестнице, Енукидзе неожиданно столкнулся с припоздавшим Тухачевским. На долгую беседу времени не имелось. Енукидзе назвал маршалу два имени: Ягоды и Карахана. На процессе по «Кремлевскому делу» Енукидзе ни словом не проговорился о глубинных замыслах заговорщиков. Он получил расстрельную пулю, но тайну унес с собой. А вскоре на банкете по случаю 60-летия Калинина к парадно одетому Тухачевскому приблизился подвыпивший Ягода и развязно начал разговор:

— Ну, как дела, главный из борцов?

Этот настолько был уверен в успехе, что отбросил всякую осторожность.

В последние недели интерес к заговору советских военных стала проявлять и польская разведка.

Тухачевский, «красный Наполеон», стал последней ставкой Троцкого и троцкистов. К военным пристегнули и Бухарина с целым сонмом его сторонников. Сплочение оставшихся рядов обещало несомненный успех.

Бухарин, съездив в Париж и встретившись там с крупным масоном Николаевским, донимал Тухачевского расспросами о степени готовности военных. Тухачевский отговаривался тем, что собирается в Лондон, на коронацию нового английского монарха. После суда над Пятаковым и Радеком он заявил Бухарину, что начало планируется примерно на середину мая, когда он вернется из Англии.

Прошлогодние аресты военных заставляли тревожиться. Выдержат ли? Хватит ли у них твердости и мужества? Люди

вроде бы крепкие, надежные. И знают, что «День Х» близок. По сути, все уже готово. 21 апреля Ежов, явившись к Сталину с очередным докладом, сообщил о показаниях Гая, Воловича и Прокофьева. Рамки заговора постепенно раздвигались. Вырисовывались контуры могучего блока, в который кроме выявленных групп, входили также лица из Главного разведывательного управления, Иностранного отдела НКВД и Коминтерна. Загадочной фигурой оставался сотрудник Комакадемии И. Трусов. Должность он занимал незначительную, однако при обыске у него была обнаружена часть архива Троцкого. Следовательно, человек доверенный!

Неделю спустя, 28 апреля, на приеме в посольстве США Тухачевский как бы мимоходом столкнулся с неким чиновником из германского посольства и сквозь зубы процедил, что все идет нормально, по намеченному плану. (В эти дни он особенно «копал» под Б.М.Шапошникова, возглавлявшего Генеральный штаб РККА).

Из Германии продолжали наезжать курьеры. В одобренный «План поражения» вносились последние поправки. Полевая его часть выглядела так: сдача немцам Летичевского укрепрайона, взрыв мостов на Днепре и Березине, летучие рейды специальных диверсионных групп по тылам сражающихся советских войск. Одновременно приводился в действие график расстройства железнодорожных перевозок, задержка резервов, неразбериха с подвозом фуража и продовольствия, с размещением ремонтных баз.

В самой Москве заговорщики намеревались парализовать управление страной одним ударом. Лубянская спецрота должна была ворваться в Кремль, обезоружить охрану и захватить правительственный телефонный узел. Гамарник получил задание занять здание Лубянки. К тому времени Крестинский обязан был составить списки тех, кого следовало «обезвредить» в первую очередь.

Особенное поручение возлагалось на Розенгольца: он должен был во что бы то ни стало добиться приема у Сталина и застрелить его.

Словом, Тухачевскому было что сообщить генералу Рунштедту... Внезапно 11 мая Тухачевский был снят с поста заместителя наркома обороны и отправлен в Куйбышев командо-

вать войсками Приволжского военного округа. Вместо него в Лондон поехал флагман ВМС В.Орлов.

Паникуя и догадываясь о самом страшном, Тухачевский тем не менее старался выглядеть спокойным. Прежде чем уехать в Куйбышев, к новому месту службы, он добился приема у Сталина. Его встреча с Генеральным секретарем состоялась 13 мая.

Он понимал: внезапное снятие с поста произошло не случайно. Над заговорщиками нависла смертельная угроза. Сейчас следовало выиграть хотя бы день-два. Все уже готово! Отобранные люди ждут сигнала и на Лубянке, и в кремлевской комендатуре, и в столичном военном округе. Москву можно захватить одним ударом. А там... Московские события мгновенно отзовутся в округах и на флотах.

Сталин встретил его сухо, не протянул руки, не предложил сесть. Как он был наивен, что верил этому человеку.

Не сводя с посетителя глаз, он принялся его отчитывать:

- В течение трех месяцев вы довели численность наших дивизий до семи тысяч. Что это такое? Пехота без артиллерии, без танков, без минометов. Без всякого огневого прикрытия! Вы что — профан в военном деле? Или вы считаете меня профаном? Ошибаетесь!

О, Тухачевский хорошо знал этот прищуренный сталинский взгляд.

- Увлекся, товарищ Сталин, — глухо ответил он.

- Опасно увлеклись. Очень опасно!

В эти минуты Тухачевский еще не догадывался о том, что уже известно Сталину.

На XX съезде партии в своем секретном докладе «О культе личности» Н.С. Хрущев изложил версию о заговоре военных в сильно искаженном варианте: будто бы гестапо сфабриковало фальшивое досье на Тухачевского, после чего ловко организовало его «утечку» в Москву (через Бенеша, президента Чехословакии). На Сталина полученные документы будто бы подействовали, словно удар обуха. У него открылись глаза, он прозрел и пришел в ярость. Этим-де объясняется скорая и безжалостная расправа с участниками заговора.

Иными словами, Сталин якобы примитивно «купился» и одним махом истребил своих выдающихся военачальников. Гитлер мог торжествовать: Красная Армия накануне войны лишилась руководства!

Допускал ли Сталин ошибки? Да, допускал. Он вел страну по неизведанной дороге и оступаться, оскальзываться ему приходилось неоднократно. Эти ошибки известны всему миру, о них и сказано, и написано немало. Многие из них, кстати, допущены с прямым участием Хрущева, при его активнейшем содействии.

Итак, досье гестапо, вернее, фальшивка Гейдриха, тогдашнего руководителя секретных служб у Гитлера, вошла в историю под названием «Красной папки». Там много настоящего, не сфальсифицированного (в частности, фамилии участников: генерала Скоблина, неких Израиловича и Беренса). Всей же правды в этой папке нет. А, как известно, нет ничего страшнее полуправды, особенно в таких событиях.

При оценке «Красной папки» необходимо прежде всего иметь в виду поразительные достижения наших секретных служб в насаждении своей агентуры в различные структуры западного мира. Особенно это касалось организаций русских эмигрантов. Любой шаг уцелевших белых генералов, продолжавших активную борьбу против СССР, находился под «колпаком» НКВД. Одним из наших агентов был генерал Скоблин, ставший вроде бы героем добывания «Красной папки», этой соблазнительной приманки коварнейшего Гейдриха.

Генерал Николай Владимирович Скоблин в свое время командовал Корниловской дивизией Врангеля в Крыму. Еще не старый, сорока с небольшим лет, он стал довольно ценным агентом ОГПУ-НКВД. Ему активно помогала жена, знаменитая русская певица Надежда Плевицкая. На свою беду, генерал Скоблин «заигрался»: он стал агентом-двойником (работал и на нас, и на Гейдриха). Имелись подозрения, что он связан и с какой-то третьей стороной. А такое виляние хорошим не кончается. С помощью Скоблина НКВД сумело похитить и обезвредить двух руководителей активнейшего РОВСа, генералов Кутепова и Миллера. После этого Скоблин бежал в Испанию и загадочно нашел смерть в Барселоне.

Плевицкая была арестована, осуждена и погибла во французской тюрьме.

Причастность их к «Красной папке» совсем невелика. Хрущев об этом прекрасно знал и все же увлеченно врал с трибуны съезда, пудря мозги партии и народу, вешая им густую лапшу

на уши. Однако он умолчал о самом главном: фальшивку Гейдриха не похищали, а покупали. И распоряжение купить отдал именно Сталин. Что же выходит на самом деле — «купился»? Нет, и еще раз нет!

Сталин знал, какого качества «товар» предлагают немцы. И все же он распорядился отпустить запрошенные 3 миллиона франков.

Все дело в том, что в фабрикации «Красной папки» активное участие принимал Шелленберг, руководитель зарубежной службы абвера (военной разведки, ведомства адмирала Канариса). А Шелленберг являлся ключевой фигурой в так называемом «английском канале» связи, имевшем ответвление и на Кремль. Фальшивое досье на Тухачевского составлялось с одобрения самого Гитлера. И нацистский фюрер напряженно ждал: клюнет Сталин или не клюнет? Разумеется, от покупки «Красной папки» следовало отказаться. Но тогда гестапо немедленно насторожится: а почему? И под угрозой разоблачения окажется Шелленберг. Аналитики гестапо цепко и придирчиво пройдутся по всей «цепочке» и шеф зарубежной разведки абвера никак не избежит опасных подозрений.

Фальшивки для того и составляются, чтобы вводить в обман. Сталин, покупая вроде бы убедительно сработанную липу, сознательно сыграл роль обманутого простака и тем самым надежно прикрыл Шелленберга от возможного разоблачения. Этот человек, работавший на английскую разведку, оставался на своем посту до самого конца войны и уцелел даже во время мясорубки после покушения на Гитлера, когда «сгорел» умнейший и хитрейший адмирал Канарис.

Ранней весной за «Красной папкой» в Берлин отправился Заковский, уплатил, как было оговорено, деньги и привез покупку в Москву.

Аналитики внимательно изучили этот сборник секретных документов. Новым для них оказались лишь некоторые детали из прошлой жизни Тухачевского. К роли военного триумфатора его готовили еще в немецком лагере военнопленных (как далеко умеют заглядывать ненавистники России!). Он стал членом масонской ложи, однако невысокой степени (еще не заслужил).

Сейчас известно, что «Красная папка» появилась на свет в феврале 1937 года. Однако за два месяца до этого Скоблин из

Парижа передал в Берлин спешное шифрованное сообщение: в Москве готовится заговор военных во главе с маршалом Тухачевским. Причем первоначальные замыслы военных сводились лишь к свержению Сталина. Они были убеждены, что планы партии по преобразованию страны абсолютно нереальны, утопичны. Следовало вернуть Россию к капитализму и дождаться созревания новой социалистической революции, — иными словами, не высовываться и терпеливо дожидаться, когда революции произойдут в развитых странах мира.

Такие, вроде бы непритязательные, намерения советских военачальников вполне устраивали стратегов из германского Генштаба. Однако Гейдрих посмотрел на ситуацию совсем иначе и углубил задачи московских заговорщиков. К операции был немедленно привлечен некий Израилович, сотрудник советского посольства в Берлине.

Тухачевский и его сподвижники по заговору не проявили ни глубокого ума, ни реального понимания международной обстановки. Несмотря на высокие чины, они близоруко и покорно исполняли роль пешек в руках опытных гроссмейстеров. Да, шахматной доской в надвигавшейся войне будет Европа, но игроки расположились за океаном, в роскошных офисах крупнейших банков. В глазах этих стратегов, настоящих хозяев современного мира, такие фигуры, как Гейдрих и Тухачевский (даже сам Гитлер) были из разряда так называемой бросовой агентуры, т.е. людьми, заранее предназначенными к жертве.

Значительная часть немецкого генералитета упорно следовала заветам Бисмарка: никогда не воевать с Россией (а тем более с СССР). Они видели не только дилетантскую зарывистость своего истеричного фюрера, но и догадывались о подспудном влиянии сионизма на все его завоевательные планы. Им, с их национальной армейской кастовостью, претило быть послушными исполнителями воли «богоизбранного» народа. У них имелись сугубо свои традиционные взгляды на назначение германской армии.

Завершение необычайно пестрой мозаичной картины, т.е. связывание всех кончиков, коротеньких и длинных, обыкновенно выявляет как самую суть разработанного замысла, так и настоящих организаторов готовящихся катаклизмов. В данном случае из всего, что пережила наша страна и что ей предстояло

еще пережить, все явственней высовывались тщательно скрываемые уши сионизма.

Многое в событиях тех лет еще хранится за семью замками. Но вот что любопытно. В декабре 1936 года (т.е. когда Скоблин уже послал в Берлин свою шифровку о заговоре Тухачевского) в Москве начал работу закрытый пленум ЦК ВКП(б). Сообщений о нем в печати не появилось по той причине, что там говорилось о слишком секретных вещах. А 23 февраля (т.е. с появлением на свет «Красной папки») собрался очередной пленум ЦК, который работал необыкновенно долго — до 6 марта.

На этом пленуме уже открыто говорилось об агрессивных намерениях заговорщиков. В частности, Ворошилов и Ежов в своих выступлениях назвали имена первых военных, взятых под стражу и уже дающих показания: Шмидт, Туровский, Саблин, Зюк, Примаков и Путна. При этом надо помнить, что за пять дней до пленума, 18 февраля, покончил с собой Орджоникидзе, а на Лубянке, во внутренней тюрьме, уже находились не только арестованные военачальники, но и заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан.

И еще один важнейший фактор необходимо не упускать из виду. К тому времени, когда начались аресты заговорщиков, в руках Сталина имелись три архива, вывезенных в свое время из России и вроде бы надежно спрятанных за рубежом. Речь идет о личных архивах Керенского, Троцкого и Горького. Добывались они в основном грубо, что называется с бою, — действовали опытные люди из спецслужб (в частности, крутые парни из «бригады Яши Серебрянского»). Доставленные в Москву документы «засветили» многих из числа тех, кто был подготовлен для глубокого залегания, в предвидении будущих событий. В этом отношении заговорщикам сильно не повезло. Добытые архивы помогли следствию проникнуть в самые потаенные норы большого государственного заговора и вытянуть на белый свет многих деятелей, казалось бы, имевших безупречную репутацию.

Гитлер, как известно, не верил многим из своих генералов. Но он был бессилен перед монолитом кастовости спесивой немецкой военщины. Сталин также вынужден был считаться с настроением военных. Однако теперь он обладал доказательствами вины многих из армейского начальства. И он, в отличие от Гитлера, не мешкал. Генералы — слишком важный фактор

в безопасности державы. Меры принимались экстренные и решительные. Арестованные, оказавшись в камерах, вели себя по-разному. Одни принимались вилять и упираться, другие моментально сламывались и начинали откровенничать настолько, что следователи едва успевали записывать.

Откровеннейшие показания давал арестованный В.Ромм, корреспондент ТАСС. Оказался на Лубянке и некий Готфрид, секретный сотрудник НКВД (работавший и на немцев). Он с любопытными подробностями осветил не слишком давний визит в СССР немецкого полковника Нидермайера (на самом деле — Ноймана, старинного агента немецкой секретной службы). Полковник Нидермайер несколько раз официальным образом встречался с заместителем наркома Тухачевским, однако во время этих встреч случались и минуты секретнейших откровений собеседников. И Ромм, и Готфрид, стараясь заработать приговор помягче, напрягали свою память и с головой топили всех, с кем им приходилось иметь дело.

Ухватывая даже слабенькие кончики в признаниях арестованных преступников, Ежов принимался тянуть ихс тщательнейшим бережением. Мало-помалу следствию открывались картины полного разложения самых высокопоставленных участников заговора.

Так, Уборевич насмешливо выговаривал Кирку, проявившему все ту же недоверчивость к красноармейской массе:

— Все уже продумано. Будешь у меня на правом фланге наступать вдоль Западной Двины на Ригу. Со стороны Вильно получишь удар в левый фланг. И вся твоя операция — брык!

(Как видим, повторение картины разгрома армий Тухачевского под Варшавой в 1920 году).

Досадный пробел открылся в показаниях Карла Радека. Ни на следствии, ни на суде он так и не вспомнил, что работал на немцев еще с времен эмиграции. Всплыла вдруг его встреча с полковником Николаи, первым руководителем возрождающейся после Версаля германской секретной службы. Отсюда вовсе не случайным предстал тот факт, что именно Радек подписал секретнейший пакт с генералом фон Сектом. Этот договор предусматривал тайное возрождение германской армии.

Международная конференция в Версале запретила Германии держать армию и производить оружие. Чтобы обойти этот

запрет, и был подписан договор: Радек — фон Сект. Между Берлином и Москвой стали курсировать тайные посланцы. За несколько лет в России были созданы мощные военные объекты. В Филях под Москвой фирма «Юнкере» производила несколько сот бомбардировщиков в год. Под Липецком, в Борисоглебске, на базе Четвертой эскадрильи, готовились немецкие летчики (в числе будущих немецких асов в Четвертой эскадрилье стажировался Герман Геринг). Немецкой фирмой «Берзоль» были модернизированы оружейные заводы в Туле, Гатчине, Златоусте, Петрограде. В Николаеве спускались на воду немецкие подводные лодки. В Казани готовились немецкие танкисты. Там, в танковом училище, несколько лет преподавал генерал Гудериан. На Кавказе стажировались и совершали восхождения на Эльбрус немецкие горные егеря.

На производство вооружения в СССР немецкий рейсхвер расходовал по тем временам изрядную сумму — более 150 миллионов марок (почти треть годового бюджета Германии тех лет). При этом необходимо обратить внимание, что основные финансовые вливания в возрождавшийся немецкий вермахт шли из-за океана, от еврейских банкиров США.

Троцкисты были уверены, что таким ловким способом куется оружие против... СССР, против ненавистного им Сталина, советского народа!

Гейдрих, подбирая документы для «Красной папки», использовал, в основном, подлинные документы. Несколько фальшивок потребовалось, чтобы «заткнуть» некоторые дыры (их изготовили за 4 дня).

В «Красной папке» нашел отражение любопытный националистический мотив: Гейдрих, сам еврей, конфиденциально сообщал Гитлеру, тоже далеко не чистокровному арийцу, что в жилах Тухачевского течет еврейская кровь.

В свете этого интересны две исторические подробности: в 1918 году гитлеровский теоретик Розенберг пытался в Москве стать членом РКП(б) и получил отказ, а в 1923 году Гиммлер, будущий рейхсфюрер СС, подавал в Совнарком заявление с просьбой разрешить ему поселиться на Украине в качестве немецкого колониста.

Штаб Приволжского военного округа находился в Куйбышеве.

Прежнего командующего П.Е. Дыбенко на месте не оказалось, — уехал в Ленинград принимать округ. Это было не по

правилам и лишь усилило чувство обреченности у Тухачевского. Он понял, что командовать больше не придется.

В Куйбышеве работала областная партконференция. Новый командующий обязан был присутствовать. Тухачевского пригласили в президиум. Зал встретил его настороженно, аплодисменты не раздались. Все знали об арестах в Москве. Опальный маршал сразу же ощутил неприязнь делегатов. Он сидел за красным столом сумрачный, с осунувшимся лицом. Речей ораторов он не воспринимал. Красивой изящной ладонью он часто прикрывал глаза от яркого света, от жадного глазения переполненного зала... В перерыве он прошел к телефону и позвонил в Москву. Об арестах А.Корка и Б.Фельдмана он знал еще дома. Сейчас ему сообщили, что ночью взят Р.Эйдеман. Дикой вспышкой мелькнул недавно слышанный анекдот: «Вы слышали — Теруэль взят!» «Не знаете — с женой или один?»

Положив трубку, он оставил руку на телефоне. Голова пылала. Вести были страшными, обрекающими.

Тухачевский еще не знал, что две недели назад сломался Примаков. Целых девять месяцев он отказывался разговаривать со следователями. Наконец ему устроили очную ставку с Лилей Брик, его очередной женой. После Маяковского, знаменитого, богатого, Лиля со своим вечным Осей лихорадочно искала нового покровителя. Ей повезло — на нее клюнул прославленный герой Гражданской войны. Устроившись под одеялом Примакова, постельная искусница покорила предводителя Червонного казачества. Примаков не знал, что Лиля и Ося являются давними и надежными агентами Лубянки.

Долгое одиночное заключение не действовало на Примакова. Его сломили показания Лили Брик. Ей удалось узнать слишком много. На очной ставке он в этом убедился. Лиля своими обличениями повергла его в настоящий шок. Эта «парижская штучка» имела острый глаз и чуткий слух. Он понял, что упорствовать дальше нет смысла. Не мальчик же он, который, разбив мячом стекло, испуганно твердит: «Это не я!» Примаков попросил бумаги и принялся писать письмо на имя Ежова.

«В течение девяти месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираться

и всячески уменьшать свою вину. Товарищ Сталин правильно сказал, что «Примаков трус». Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 году, я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским, и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания...»

Во второй половине дня Тухачевский в зале партконференции не появился. Его арестовали, сняли ремень, спороли петлицы и повезли в Москву.

Ежов продолжал действовать неутомимо и напористо. Он кожей чувствовал, как мечется подполье, встревоженное повальными арестами. Выступая на пленумах ЦК, он не скупился на самые жесткие заключения. В последний раз он прямо заявил, что подлая деятельность заговорщиков поставила страну на грань самой настоящей Гражданский войны.

Успешно вытягивалась ниточка, протянувшаяся еще в начале следствия к германскому посольству. Там, под защитой дипломатического иммунитета, уверенно орудовал опытный разведчик, военный атташе генерал Кестринг.

Сталин, сам опытный подпольщик, лишь усмехнулся. Он знал, что наиболее узкое место в любой тайной деятельности — связь. Именно на связи агенты засвечиваются и горят.

Но почему такая глазастая Лубянка проморгала эту важнейшую ниточку в германское посольство? А если бы не Ежов?

Ротозейство? Не похоже... Тогда пособничество?

После этого начались аресты на самой Лубянке. В камерах Лефортова и Сухановки оказались Ягода, Агранов, Паукер, Волович, Черток, Даген, Берман, Коган, Бродский, Курский.

В закрытых письмах ЦК ВКП(б), разосланных в низовые парторганизации, указывалось:

«Диверсанты и убийцы, все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы, ловко маскируются под большевиков, прикрываясь партийными билетами. Они замышляют реставрацию капитализма, ликвидацию колхозов и совхозов, восстановление системы эксплуатации, союз с фашистскими силами, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовку военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств».

Напряженная работа, кипевшая на Лубянке, напоминала бешеные действия артиллеристов, обрушивших шквал огня по позициям противника как раз в тот момент, когда он втихомолку изготовился для атаки.

Эти скорые и своевременные меры успели отвести от народа и страны очередную страшную беду.

Теперь, когда в руках следствия сосредоточились самые разнообразные материалы, можно было перевести дух и бросить взгляд в прошедшие годы, сделав заключение о том, почему же все-таки так запоздала эта спасительная артподготовка. Ведь успели едва-едва, в самую последнюю минуту!

Еще в 1924 г., вскоре после смерти Ленина, ОГПУ завело агентурное дело на группу военных специалистов из ближайшего окружения Троцкого (положение его стало колебаться). Эта секретная разработка получила название «Генштабисты». Видное место в ней отводилось фигуре Тухачевского, любимчику председателя РВС. Тогда были арестованы двое военных: Какурин и Троицкий. Оба работали с Тухачевским. Их показания бросили густую тень на репутацию будущего маршала.

Однако Тухачевского горячо защищали Якир, Гамарник и Дубовой. Дело «Генштабисты» развалилось. Арестованных освободили. Но агентура, в частности Зайончковская, продолжала наблюдать за группой лиц и постоянно сигнализировала на Лубянку.

Троцкий был выслан в 1929 г. Этот человек был давно на прицеле спецслужб разных стран. Американцы, пославшие его в Россию в 1917 году, немедленно задействовали его в новой ситуации. У Троцкого в СССР осталась огромная армия единомышленников.

29 апреля 1931 г. ненавистники России выработали совместный «Меморандум», в котором признавали, что единственным методом борьбы с Советской властью является война и з н у т р и, т.е. система заговоров. Полтора года спустя, 5 октября 1932 г., появились детальные разработки по различным регионам СССР. В частности, обращалось внимание на поддержку «борцов за независимость» на Украине и в Азербайджане. Тогда в Баку была арестована женщина, скромный сотрудник научного института нефтяной промышленности. При обыске на ее квартире обнаружили 8 килограммов цианистого калия, которого хватило бы отравить все население громадного города. Арестованная

оказалась двоюродной сестрой гитлеровского министра Розенберга.

В Киеве, примерно в то же время, стала проявлять активность так называемая «Украинская группа Балицкого» (тогдашнего наркома внутренних дел республики). Некий Штейн вышел на связь с заместителем Балицкого Зиновием Кацнельсоном и объявил, что обнаружил в архиве документы о давних связях Сталина с царской охранкой. Схватив эти фальшивки, Балицкий ринулся к Якиру, тот — к Косиору, а все вместе немедленно выехали в Москву, к Тухачевскому.

Маршал колебался. Документы были сработаны грубо, без затей. Подделка обнаружится сразу. Да и где с ними вылезать? На пленуме ЦК? Или дождаться очередного съезда партии?

На поддержку незадачливых мошенников Тухачевский не решился. У него имелись свои расчеты. Он уже работал в контакте с С.С. Каменевым и был уверен, что намеченный час и день служба ПВО будет полностью парализована. Сейчас налаживалась связь с руководителями военно-морского флота. Ну и разумеется, Коминтерн! Вот где настоящий кладезь кадров!

И все же маршал жил в беспокойстве: Ежов напал на след и понемногу подбирался к деятелям Центра (хотя Тухачевский давно распорядился, чтобы тем, кто входит в руководство заговором, никогда не собираться вместе. Этим он надеялся уберечься от зорких глаз маленького наркома, носившего в петлицах такие же, как и у него, маршальские звезды).

Созданный БЛОК (ИНО, ГРУ и Коминтерн) имел две хорошо законспирированные организации: группа Смирнова и некая «Группа О». Как первая, так и вторая пользовались активнейшей поддержкой важного человека, работавшего на Лубянке. Кто он такой — узнать не удавалось долго. Наконец, в поле зрения оперативников попал некий Фурер. Однако в день ареста он успел покончить жизнь самоубийством. Положение спасла установленная связь Фурера с Я.Лившицем. А через Лившица следствие вышло на того, кто так властно опекал заговорщиков.

Этим опекуном оказался начальник Секретно-Политического отдела ОГПУ Г. Молчанов.

Тайная война против СССР, набиравшая ход, вынудила Политбюро ЦК принять ответные меры. 15 мая 1935 года было создано две комиссии: Оборонная и Особая по безопасности. Их возглавил сам Сталин. В состав комиссий вошли секретари

ЦК А.А.Жданов и Н.И.Ежов, Генпрокурор Вышинский, секретарь Комиссии партконтроля Шкирятов и заведующий отделом руководящих кадров Г. Маленков.

13 мая, когда Тухачевский отправился на прием к Генеральному секретарю, Ежов подписал детально разработанную справку о всех материалах, имеющихся на Лубянке по руководителю заговора военных. Значительное место занимали донесения Зайончковской.

«Среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выделяются два течения: монархическое и бонапартистское. Концентрация последних происходит вокруг Тухачевского...»

«Тухачевский и С.С.Каменев отдельно друг от друга работают в пользу Германии. Тухачевский — активно, Каменев — очень вяло...». А тем временем продолжались интенсивные допросы Примакова. 14 мая он признался Ушакову, что на пост наркома обороны вместо ненавистного Ворошилова они намечали Якира. За какие отличия? Оказывается, у него имелся надежный канал связи личное Троцким!

15 мая был взят под стражу Б.Фельдман. Следователь Ушаков распознал его с первого взгляда и взял, как говорится, лаской. Фельдман с первого же часа стал активнейшим образом сотрудничать со следствием. Самый близкий друг Тухачевского, он дал на него убийственные показания. Выслуживаясь, Фельдман то и дело напоминал о своих заслугах.

Ушаков не гасил его отчаянных надежд: «Вы ж знаете, суд все учтет». Даже на рассвете, в камере, Фельдман часто бросался к бумаге и карандашу, готовя следователю свои послания. Вот образец одного из них:

«Зиновий Маркович!

Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы вызовите меня к себе и лично укажете. Переписать недолго. Благодарю за Ваше внимание и заботливость. Я получил печенье, яблоки, папиросы».

16 мая А.Корк, арестованный накануне и промучившийся первую ночь в камере, показал, что в заговор его вовлек Енукидзе.

Р.Эйдеман был арестован в один день с Тухачевским. Пока последнего везли в Москву, Эйдеман обратился с письмом к Ежову, предлагая свою помощь следствию. Демонстрируя свою

полезность и осведомленность, он тут же назвал много участников заговора (13 человек, только в Осовиахиме!).

Поезд из Куйбышева пришел в Москву ночью. Тухачевского привезли на Лубянку и поместили в камеру № 94. Следователь Ушаков спустился в тюрьму и понаблюдал в глазок за арестованным. Маршал нервно ходил по крохотной камере. В тесном помещении этот рослый гвардеец казался великаном.

Утром на допросе Ушаков не стал его томить и словно в преферансе раскрыл все свои карты. Маршал помертвел. Как подвела его проклятая самонадеянность! Будучи в Париже, он согласился на секретную встречу с генералом Миллером, председателем РОВСа. Разговор получился излишне откровенным. Не следовало бы так раскрываться! И вот: генерала Миллера похитили, привезли из Парижа в Москву и здесь, на Лубянке, подвергли интенсивному допросу. Старый генерал все выложил словно на исповеди!

Изрядно пооткровенничал и закадычный друг Борька Фельдман! Старается, хочет заслужить прощение...

Изобличения были ужасающими. Отрицать, упорствовать не имело никакого смысла.

Здесь же, в кабинете следователя, на краешке стола Тухачевский своей рукой написал первое признание. В камеру ему дали много бумаги и оставили в покое. Он трудился целую неделю и написал объемный труд признания.

«Начало моих отношений с немцами, — строчил он, — относится к периоду учений и маневров в Германии, на которые я был командирован в 1925 году». Тухачевский называет капитана фон Цюлова, прекрасно говорившего по-русски. На следующий год фон Цюлов приехал в СССР и был наблюдателем на маневрах в Белорусском военном округе.

Затем состоялось знакомство Тухачевского с неким Домбалем, поляком. Того интересовал новый Устав РККА.

В 1928 году Тухачевский пережил очередное понижение в должности: с поста начальника Генерального штаба его сняли и послали командовать войсками Ленинградского военного округа. Затаив обиду, он принялся собирать вокруг таких же недовольных. Он указал Туровского, Марголина. Зимой этого же года у него наладились контакты с закоренелым холостяком Енукидзе. Они не только весело проводили вечера, но и много

разговаривали о политике Сталина. Во время работы XVI съезда партии (26 июня — 13 июля 1930 г.) они вовлекли в свой круг Фельдмана, Якира, Уборевича, Эйдемана.

В 1931 году в Москву с официальным визитом приехал начальник германского Генштаба Адам. Его сопровождал Нидермайер, старый опытный разведчик, приезжавший в Москву еще в первые годы Советской власти. На следующий год Тухачевский снова побывал на маневрах в Германии, а поздней осенью во время отдыха на Кавказе к нему «с приветом от господина Нидермайера» подошел В. Ромм, работник ТАСС.

Этот человек, часто выезжавший за границу, станет связником заговорщиков.

В 1933 году состоялся первый разговор Тухачевского с Бухариным. Оба они признаются в ненависти к Сталину и к Ворошилову. В глубине души оба считали себя самыми главными и намеревались использовать один другого, как говорится, втемную. Ни тот, ни другой при этом не догадывались, что оба они являются игроками в планах хозяев «английского канала». Бухарин иронизировал над амбициями маршала, считая его фанфаронистым Наполеончиком. Тухачевский посматривал на Бухарина с презрением, возмущаясь тем, что этот сморчок всерьез претендует на руководящую роль в тех событиях, которые вскоре предстоят.

Особенное место в своих признаниях маршал уделил «Плану поражения». Он откровенно поведал о том, как ему удавалось систематически «смещать прицел» в организации обороны страны.

Тайное вредительство — чрезвычайно деликатное занятие. Здесь нет места взрывам и поджогам, отсутствуют разбитые головы и вспоротые животы. Вот, к примеру, метод промышленный. Строится громаднейший комбинат, закуплено за границей новейшее дорогостоящее оборудование. Кипит социалистическое соревнование, в строй досрочно вводятся основные цеха и производственные линии. Однако в горячке буден позабыт небольшой, вроде бы подсобный цех, совершенно незаметный в громадье построенного. И эта досадная «мелочь» не позволяет выдать готовую продукцию. Огромный промышленный гигант бездействует, мертвым грузом лежат израсходованные средства. А их так мало! Ведь собирали буквально по копейке. Займов-то

нигде не брали, превосходно зная, к какой кабале приведут эти щедрые займы! «Но ведь хотели-то как лучше!»

Тухачевский вспомнил военную игру в апреле прошлого года. По совету генерала Рунштедта для главных сил наступающих было избрано вильно-ковельское направление. Внезапный удар по левому флангу смешал и опрокинул все планы наступления. Эта игра была генеральной репетицией предстоящих боевых действий. Вскоре из Берлина поступили необходимые уточнения. Якиру указывалось сдать Летичевский укрепрайон и тем самым пропустить немецкие войска в глубокий тыл советской обороны. Уборевичу предстояло расстроить железнодорожные перевозки, создав предельную перегрузку всех тыловых учреждений.

В последние дни германский военный атташе генерал Кестринг указал на необходимость обратить внимание на планы снабжения армии горючим и фуражом, а также своевременно раскрыть предполагаемые места размещения штабов.

«План поражения» представлял собой плод творчества многих умов, в конце концов, в этом документе не осталось слабых мест.

А вот как пришлось вскоре, на полях Великой Отечественной, испытать «смещение прицела» нашей Красной Армии. У генерала Гудериана танковые дивизии состояли из двух стрелковых и одной танковой бригад. Тухачевский же спланировал совсем наоборот: две танковых и одна стрелковая. А известно, что территория считается завоеванной лишь тогда, когда на нее уверенно наступит сапог пехотинца... К тому же Тухачевский проявил подозрительную заботу об оснащении в общем-то хорошего танка «КВ». Вот как отразилось это на судьбе нашей 10-й танковой дивизии. В августовских боях первого военного лета она потеряла 56 из 63-х машин «КВ». Однако в сражении было потеряно лишь 11 танков. Остальные были брошены экипажами из-за технических неисправностей.

Страна добывала руду и плавила металл, возводила танковые заводы и создавала механизированные корпуса, чтобы... снабжать немцев грудами отборного металла!

С помощью Тухачевского Красная Армия начала войну без Т-34, ИЛ-2, ПЕ-2, ЯКов, МИГов и ЛАГГов (бомбардировщик ТБ-3 имел скорость мотоцикла). Не обеспечена была армия и зенитной артиллерией — пришлось просить у американцев.

О боевой связи с помощью флажков уже упоминалось. А у немцев на каждую танковую дивизию в небе висело по 10 «рам».

У немцев воевали мощные самоходки, у нас они появились лишь летом 1943 года, когда удалось откорректировать «прицел», так искусно смещенный заговорщиками 1937 года.

Завершив свое признательное и покаянное сочинение, Тухачевский постучал в дверь камеры и вручил изрядную кипу исписанной бумаги.

Всю последнюю неделю беспокойно вел себя Якир. Примчавшись из Киева в Москву, он добился приема у Сталина. Нервный, порывистый, он заявил Генсеку, что не доверяет Ежову и требует свидания с арестованным Шмидтом. Такое свидание ему устроили. Шмидт ничем не успокоил своего покровителя, лишь попросил его передать личное письмо Ворошилову. Прямо с Лубянки Якир отправился в наркомат обороны. Ворошилов небрежно бросил письмо на стол и не предложил посетителю даже присесть. Обескураженный Якир уехал в Киев. Ночью ему позвонили из Москвы и сообщили, что арестован его свояк И.Гарькавый. Утром салон-вагон командующего Киевским военным округом снова прицепили к московскому поезду. Ночью в Брянске в вагон вошла оперативная группа, арестовала Якира и доставила его на Лубянку. Всю дорогу от Брянска Якир, помещенный на заднее сиденье и стиснутый с двух сторон, изводил суровых конвоиров. Они не отвечали. Машина летела на предельной скорости. Над Москвой занимался ранний рассвет.

29 мая был арестован И.Уборевич. 31 мая застрелился Гамарник.

На Лубянке Якира провели в кабинет Леплевского. Он, еще не сломленный арестом, надменно потребовал объяснений. С него без всяких церемоний сорвали командирский ремень, спороли петлицы и оборвали пуговицы на гимнастерке. Якир растерялся, потерял дар речи. Ему велели взять руки за спину и повели вниз, в приготовленную камеру.

После первой же очной ставки с Корком он понял, что подельники сильно опередили его с признаниями. Надо было наверстывать упущенное. Якир попросил разрешения обратиться с письмом к Ежову. Вот что он написал наркому: «30 мая Вы лично с исчерпывающей ясностью доказали полную безнадежность дальнейшего запирательства с моей стороны. Я в своих

показаниях расскажу о всех делах и лицах право-троцкистского заговора, известных мне, с тем, чтобы помочь до конца разгромить эту подлую организацию».

На следующий день он пишет еще одно послание: «Я хочу помочь ускорить следствие, рассказать все о заговоре и заслужить право на то, что Советское правительство поверит в мое полное разоружение».

Шло настоящее соревнование в так называемом «разоружении». Следователи едва успевали записывать.

В самый канун суда, 9 июня, Якир пишет письмо на имя Сталина.

«Родной, близкий т. Сталин. Я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства. Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма!»

Свое участие в заговоре Якир назвал «каким-то провалом в кошмар». Это письмо сохранило визы членов Политбюро:

«Подлец и проститутка». Сталин.

«Совершенно точное определение». Ворошилов.

Молотов лишь расписался...

«Мерзавцу, сволочи и б... одна кара — смертная казнь». Каганович.

Ежов, внимательно прочитав признательное сочинение Тухачевского, велел привести его для личного допроса.

Недельное пребывание в подвале внутренней тюрьмы оставило на арестованном заметные следы. Красавец мужчина, любимец женщин (и любитель) выглядел постаревшим, опустившимся, окончательно сломленным. Его письменная исповедь, лежавшая сейчас на столе Ежова, свидетельствовала о полном раскаянии. Спасение от расстрельной пули он видел в одном — в чистосердечном откровении.

Стесняясь своего гвардейского роста, Тухачевский сильно горбился. Маленький Ежов, затянутый в скрипучие ремни, испытывал мстительное наслаждение. Этот аристократ, измятый и небритый, похожий на изловленного дезертира, был ему сейчас особенно ненавистен.

Ежов всю жизнь мучительно страдал от своего неказистого внешнего вида. Ему хотелось женского поклонения, поэто-

му он завидовал природным красавцам. Но барство, чванство, неистребимая страсть к роскоши, к наслаждениям! В Ленинграде, командуя войсками округа, Тухачевский облюбовал для своих утех старинный Петергофский дворец... В иные вечера, сильно подгуляв, он отдавал распоряжения вызвать к нему на дачу показательный оркестр наркомата обороны... Кроме того хозяин Лубянки уже собрал сведения о том, как Тухачевский вместе с Енукидзе «опекал» балетное училище Большого театра. Каждую субботу устраивались интимные вечера-концерты для избранных сановников. В 9 часов вечера ученицы младших классов отправлялись спать, старших усаживали за столы с высокими гостями.

Обладание властью убило в этом и других высокопоставленных лиц последние остатки совести и чести.

Тухачевского посадили на стул посредине кабинета. Он опустил руки между колен и повесил голову. Одна нога у него завинтилась вокруг ножки стула. Из-за своего массивного стола Ежов видел, как на полной шее маршала лихорадочно пульсировала жилка. Арестованный волновался.

Зарабатывая прощение, Тухачевский ловко подольстился к своему допросчику. Он вдруг сообщил, что Ягода намеревался устранить Ежова, тем же способом, что и Менжинского: пропитать ртутью шторы в его кабинете (вот в этом самом). Метод старинный, проверенный, выработанный аптекарями древности.

Маленький Ежов откинулся в кресле. Неожиданное признание раздавленного маршала наполнило его гордостью. В злодейских планах врагов народа он занимал место рядом с великим Сталиным!

Фанатическая преданность Вождю наполняла все его крохотное существо. Это Сталин вознес его на такую государственную высоту: секретарь Центрального Комитета партии, председатель Комиссии партийного контроля, член Оргбюро, а с недавних пор еще и Генеральный комиссар государственной безопасности (звание, равное маршальскому). Одно имя «железного наркома» заставляло вздрагивать любого, кто бы он ни был!

Знал ли Ежов о всеобщей лютой ненависти к себе? Разумеется, знал. Однако доверие Вождя перекрывало все. Ради Сталина он не пожалел даже своего приемного отца Шляпникова, известного деятеля оппозиции (он воспитывался в его семье).

Каждым своим словом, каждым шагом он ежедневно, ежечасно демонстрировал, что товарищ Сталин может в нем не сомневаться — не подведет!

1 июня состоялось заседание Военного Совета. Со всех концов страны в Москву съехалось 80 высших командиров РККА. Присутствовал Сталин. Вел заседание Ворошилов. Нарком обороны сделал обстоятельное сообщение о раскрытом заговоре военных. Он назвал лишь главные имена, хотя знал, что фамилии многих, кто находился в зале, значатся в допросных протоколах. Висело тяжелое молчание. Едва ли не каждый сознавал, что первыми арестами дело не ограничится. Кто следующий? Кому придется корчиться в безжалостных «ежовых рукавицах»?

Сам Ежов, с яркими звездами на рукавах и в петлицах, несколько раз то появлялся в зале, то уходил. Всем своим поведением он показывал, что машина следствия работает полным ходом и ближайшие аресты неизбежны.

Военный Совет заседал 4 дня. Выступило 42 человека. Каждый старался отвести от себя малейшие подозрения: клеймил предателей, заверял партию и лично товарища Сталина в своей преданности (вскоре почти все из выступавших будут арестованы).

2 июня на трибуну поднялся Сталин. Перед тем, как появиться в этом зале, он позвонил в Тбилиси. Его мать находилась в безнадежном состоянии. Врачи по обязанности вели уклончивые речи. Надо бы все бросить и лететь к постели матери. Она так надеялась, что он, ее единственный сын, закроет ей глаза. Но как тут бросишь!

Генеральный секретарь выглядел постаревшим, погруженным в свои тяжелые раздумья. Прежде чем начать речь, он долго молчал, с удрученным видом уставясь в листок с записями. Как всегда, Генеральный секретарь выступал не по написанному. Он не зачитывал, а говорил, беседовал.

Собравшиеся, затаив дыхание, молчали.

Каждое выступление Вождя поражало слушателей внезапным поворотом темы заседания. Так вышло и теперь. Иосиф Виссарионович начал с заявления о том, что рабоче-крестьянское происхождение отнюдь не является гарантией добропорядочности человека. Тот же Фридрих Энгельс по происхождению и занятиям — настоящий буржуй, однако, — кто станет оспаривать его гигантский вклад в марксистскую науку!

(Кроме того, именно благодаря его поддержке, Карл Маркс имел возможность завершить свой многолетний труд над «Капиталом»). Или Чернышевский... Сын попа, явно непролетарский элемент, а неплохой был человек. И в то же время, скажем, Серебряков — рабочий, без всякого подмеса, но каким же мерзавцем оказался! Лившиц — тоже рабочий, а — шпион.

Иосиф Виссарионович назвал 13 человек, из них только трое (Рыков, Бухарин и Гамарник) не состояли на содержании иностранных спецслужб. Так что не происхождение определяет человека, вовсе нет. Шпионами не рождаются — шпионами становятся!

Напряженная тишина по-прежнему господствовала в зале. Люди, казалось, старались не дышать.

Смяв листок с записями в кулаке, Иосиф Виссарионович вдруг заговорил о Дзержинском.

— Это был троцкист, очень и очень активный троцкист. И всю свою ВЧК он старался поставить на защиту Троцкого.

Помолчал и словно сам себе ответил:

— Но это ему не удалось...

Больше о «железном Феликсе» он не произнес ни слова. Но слушателей пронзила мысль, что грозовая туча, как видно, заходит и над Лубянкой (о начавшихся арестах чекистов уже ходили упорные слухи).

Сталин снова помянул недобрым словом Троцкого. Этот негодяй суетится за границей, не переставая расхваливать свой «товар» — единомышленников в СССР. Он ищет покупателей. И находит... Иосиф Виссарионович упрекнул товарищей за близорукость и преступную доверчивость. Ведь только благодаря этому и прошляпили такой зловещий заговор! Еще шесть лет назад имелись сведения о переписке Льва Седова с Мрачковским и вызывала подозрение (вернее, должна была вызвать!) связь Радека с Шмидтом.

При упоминании имени Тухачевского голос Сталина зазвучал особенно глухо. Этот мерзавец, сказал он, выдал немцам святая святых нашей национальной обороны — оперативный план.

Военный Совет, выслушав список подсудимых, утвердил состав суда. В отличие от первых процессов, совершенно открытых, с битком набитыми залами, военных придется судить закрыто: речь пойдет о важных государственных секретах.

4 июня, едва завершилась работа Военного Совета, Иосиф Виссарионович быстро вышел из-за стола и почти бегом направился в кабинет. Он стал звонить в Тбилиси. Долго не соединяли. Затем трубку взял главный врач больницы... Иосиф Виссарионович закрыл глаза и сел. Пока он находился в зале, слушая речи выступавших с обличениями, матери не стало. Она его так и не дождалась.

Не удалось поехать и на похороны. Он велел положить в изголовье гроба большой венок и продиктовал надпись: «Дорогой и любимой — от сына». Указал, чтобы надпись сделали на грузинском языке.

Само судебное разбирательство продолжалось недолго. В.Ульрих свое дело знал и провел допросы быстро, четко. Время затянули сами подсудимые. Б.Фельдман вдруг потребовал слова и начал так:

— Я просил бы, гражданин председатель, позволить мне вкратце — я долго не буду задерживать Ваше внимание — рассказать то, что мне известно, как члену Центра, то, что я делал...

И закатил речь, занявшую в стенограмме 12 страниц. Фельдман насмешливо посмотрел на сидевших рядом с ним подельников и назвал их институтками, которые изо всех сил отказываются называть вещи своими именами.

— Ведь чем мы занимались-то, если разобраться? Да самым настоящим шпионажем! Самым обыкновенным!

Он продолжал придерживаться избранной тактики: бил на полную искренность и не удержался, чтобы не напомнить суду о награде за свои услуги в следствии.

- Где же будет забота о живом человеке, если нас не помилуют! - заявил он под конец.

Очень долго и нудно говорил Корк (в стенограмме — целых 20 страниц).

Выступление Якира носило откровенный характер самооправдания. Он всю вину валил на Тухачевского.

Едва дождался своей очереди Примаков. Он извелся, слушая слишком уж покаянные речи своих соседей на скамье. В речи Примакова постоянно прорывалось плохо скрытое озлобление человека, втянутого помимо своей воли в гибельную авантюру, раздражение на тех, кто его, героя Гражданской войны, соблазнил, уговорил, завербовал.

Былой отважный конник, предводитель Червонного казачества, он говорил, как и действовал в свои боевые времена — рубил сплеча.

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства себе выбрал этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменить фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию более 70 человек, заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора. Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т.е., из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора — из людей, у которых нет глубоких корней в нашей советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая Родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Африкой не меньше, чем с Одессой. Эйдеман связан с Аргентиной...».

Удивительная особенность не только этого, но и всех других процессов 1936-1938 г.г. — ни один из 54-х подсудимых не проявил не только мужества, но и человеческого достоинства. Что уж говорить о качествах пламенного политического деятеля, готового пойти на плаху за свои убеждения, за свои идеи.

А люди, как на подбор, были далеко не рядовые, судился отборнейший крупняк. Имена многих (если не всех) были известны всему миру, как пламенных революционеров, т.е. деятелей, казалось бы, несгибаемой воли и высочайших помыслов. Ни один не нашел мужества заявить в последнем слове: «Умираю, но не сдаюсь».

Все лепетали жалкие слова и умоляли только об одном: сохранить им жизнь.

Не имелось у них никаких высоких помыслов и убеждений. Было лишь одно животное стремление — сладко жрать, мягко спать, жить в свое удовольствие.

Ради этого они были готовы пристроиться на последнюю бричку во вражеском обозе, надеясь, что от всей великой России им все же останется какой-нибудь уезд, где они смогут, обжираясь, владеть и править.

Особенно удручающее впечатление оставалось от поведения военных — мужчин породистых, рослых, полных сил. Казалось бы, эти люди водили в бой массы красноармейцев и видели смерть глаза в глаза. Нет, на этот раз никаких признаков командирского мужества они не показали.

Все без исключения вели себя, как нашкодившие мальчишки перед неизбежной поркой: «Простите, я больше не буду!». Наблюдать за их жалким трусливым поведением было невыносимо тяжело. Судьи, выслушивая их покаянные речи, морщились, как от невыносимой боли...

Из всего состава суда один Буденный не сводил с обреченных своих яростных конармейских глаз. Почти с каждым из них у него имелись давние счеты.

Он помнил напряженный бой под Касторной, отступление за Дон и выговор из штаба Тухачевского за якобы неумелое руководство войсками. А как забыть отчаянную рубку с польскими уланами, пробиваясь из-под Львова? И, конечно же, невыносимую боль вызывали у него воспоминания о пулеметной расправе с бойцами 6-й кавалерийской дивизии! 270 героев-конармейцев были свалены в общие могильники. Сейчас кровь расстрелянных дождалась справедливого возмездия.

И еще один эпизод вспомнил прославленный командарм, наблюдая за постаревшим лицом Якира.

Белую Церковь с бою взяли конники Котовского. В громадном саду с цветниками величественно возвышался дворец графов Браницких. Хозяева сбежали, оставив многочисленную прислугу присматривать за добром. Жена Котовского, Ольга Петровна, врач походного лазарета, забрала из дворца все постельное белье, — для перевязочного материала. Двое бойцов тащили несколько громадных узлов. На крыльце графского дома котовцы столкнулись с женой Якира. И сам Якир, и его располневшая жена готовы были провалиться...

В перерыве, когда подсудимых кормили тепленькой, доставленной с Лубянки баландой, Буденный рассказывал Горячеву, как подвел его Тухачевский в бою под станицей Мечетинской.

— Там любой у н д е р сообразил бы, а этот... Стратег х...! — с наслаждением выругался бравый усач.

Он часто выбирался из-за судейского стола и шел звонить Ворошилову. Нарком живо интересовался поведением подсудимых. «Сволочи!» - докладывал Буденный.

Блюхер, сославшись на нездоровье, весь день отсутствовал в зале суда. Он вернулся лишь к чтению приговора. Буденный посматривал на него искоса и понимающе усмехался в пышные усы.

Почти в полночный час Ульрих зачитал приговор. Все подсудимые приговаривались к расстрелу, конфискации имущества, лишению всех наград и званий.

Выдержав паузу (упала мертвящая тишина), Ульрих нарочито бесцветным голосом отдал распоряжение коменданту Военной прокуратуры Игнатьеву привести приговор в исполнение.

Возникло бесшумное движение солдат комендантского взвода. Члены суда, избегая смотреть на приговоренных, гуськом потянулись в узкую дверь позади судейского стола.

Оставалось последнее. Существующий закон определял круг лиц, обязанных присутствовать при исполнении приговора, чтобы затем скрепить своими подписями протокол.

В совещательной комнате все разом закурили. Разговора никто не затевал. Каждый смотрел на кончик тлеющей папиросы. Внизу, в подвале, куда вела лестница черного хода (та самая, по которой рано утром подняли на второй этаж подсудимых), заканчивались приготовления к казни.

Коменданта Военной прокуратуры Игнатьева сменил комендант Лубянки Блохин. (Ремесло палача принесло ему впоследствии чин генерала). У Блохина в таких случаях был выработан целый ритуал. Он стаскивал китель и облачался в длинный кожаный фартук черного цвета от самой шеи, закрывавший не только грудь от самой шеи, но и носки сапог. На руки он надевал перчатки с раструбами по локоть. На голову по самые уши натягивал черный кожаный картуз.

«Работал» он только наганом, — это оружие никогда не давало осечек.

Поведение Блохина в подвале было исполнено торжественности и величия. Он словно священнодействовал. Осужденного вводили и его глаза сразу же упирались в зловещую, всю в черном, фигуру неумолимого палача. Никого из остальных в подвале он уже не видел. В напряженной тишине раздавался резкий щелчок взводимого курка. Затем начиналось медленное поднимание ствола. Наконец грохал выстрел...

Весь ритуал расстрела в исполнении Блохина служил завершающим мгновением в возмездии за преступление. И в этой процедуре, медлительной и слишком тяжкой для посторонних, палачу никто помешать не мог. У Блохина за годы службы выработался свой взгляд на лиц даже в самых высоких чинах: не исключено, что в самом скором времени любой из них окажется его «клиентом».

Наконец дали знать наверх, что все готово. «Ну, товарищи...» — негромко произнес Ульрих. Побросав папиросы прямо на пол, все стали спускаться по выщербленным ступеням в самый низ.

Блохин уже стоял, как черная статуя, и держал наган в опущенной руке.

В последнее мгновение к вошедшей группе присоединился человек в белом халате с небрежно завязанными на спине тесемками. Это был врач.

Вся группа сбилась в углу, не сводя глаз с двери, в которую только что вошла.

Первым ввели Якира. Двое солдат держали его за локти. Вид человека в черном подействовал на него, словно на кролика. Солдаты мгновенно развернули его лицом к стене. Раздался щелк курка, и плечи осужденного стали подниматься вместе со стволом в руке медлительного палача...

Все-таки зрелище хладнокровного убийства невыносимо! Поплыл густой табачный дым...

Врач с торчавшими тесемками склонился над упавшим и констатировал смерть.

Двое солдат, пятясь, оттащили тело в угол и проворно стащили с правой ноги убитого сапог. На палец они привязали фанерную бирку с номером, написанным чернильным карандашом.

Блохин, пошевеливая опущенной рукой с наганом, стоял спиной к этой возне в углу и не сводил глаз с двери...

Ночь прошла, когда все, кому положено было присутствовать в подвале, подписали протокол о казни и выбрались на свежий воздух. Не разговаривая, не прощаясь, они расселись по машинам и разъехались.

Уже без них солдаты комендантского взвода запихали тела расстрелянных в патронные ящики. Обычно крытая машина направлялась в сторону Донского монастыря, в крематорий. На этот раз убитых отвезли на Ходынское поле, свалили в глубокие ямы и залили негашеной известью.

Небо розовело. Над Москвою занимался новый день. Через несколько часов появятся центральные газеты с напечатанным приказом наркома обороны Ворошилова:

«...Конечной целью этой шайки было ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами советский строй в нашей стране, уничтожить в ней советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить ярмо помещиков и фабрикантов».

На следующий день в «Известиях» жена Якира напечатала письмо, в котором заклеймила мужа, как «позорного предателя». Сестра Тухачевского Мария Николаевна обратилась с просьбой переменить фамилию...

А десять дней спустя, 22 июня, появился Указ о награждении орденами Ленина Ежова, Вышинского и Заковского.

И.В. Сталин был потрясен изменой военных. В преддверии надвигавшейся войны он не щадил своих сил, стараясь лично вникнуть во все вопросы государственного строительства. Через его рабочий кабинет в Кремле нескончаемой чередой шли начальники гигантских строек, директора комбинатов, конструкторы самолетов, танков, орудий, стрелкового оружия, деятели науки, искусства и литературы. Обыкновенного дня не хватало. Свет в его кабинете, как правило, горел до утра. Он был уверен, что мощь Красной Армии растет из года в год. «В целом мире нигде нету силы такой», — самозабвенно распевала вся страна. И вдруг открылось, что у этой могучей силы, как у гигантской рыбины, начисто сгнила голова!

Думается, ему в эти дни не раз вспоминались секретные сводки о недостойном поведении Тухачевского в быту. Молодой маршал чрезмерно увлекался «шефскими» посещениями балетного училища Большого театра. Своими длинными оле-

ньими глазами он всякий раз придирчиво выбирал девочку помоложе... Вызывала недоумение и страсть Тухачевского к кропотливому изготовлению скрипочек, а также к дрессировке мышей. Мыши! Сталина покоробило, когда он узнал, что трех своих кошек маршал называл кощунственно: «Отец», «Сын» и «Святой дух»... Праздное времяпровождение вызывало в Сталине привычное недоумение и раздражение. Столько дел, что не хватает суток, а этот... И находит же время! Но все прощалось во имя подготовки к отражению фашизма.

Напрасно думать, что Сталин не видел ограниченных возможностей наркома Ворошилова. Но этот человек был беспредельной верности, и он держал его за верность (после войны с Финляндией он все же с ним расстался навсегда).

После судебного процесса над военными Сталин, сильно волнуясь, удрученно признался авиаконструктору А.С.Яковлеву:
— Мы не знаем, кому верить!

И это было самым страшным последствием процессов середины 30-х годов.

Если уж такие люди предают, то... Подлые изменники стали мерещиться повсюду!

1937 год вошел в историю со страшным знаком. Однако напрасно думать, будто вся страна пребывала в мучительном оцепенении, ожидая ночного стука в дверь. Боялись те, кому и положено было бояться. Остальные работали, распевая песни, и ставили такие рекорды, которыми восхищался весь мир.

В ЕДИНОМ ТРУДОВОМ ПОРЫВЕ

Конец 30-х годов — это и счастливое избавление советских людей от безработицы и страшных заболеваний, это и стремительное обретение невиданной мощи духа и героизма.

Советский народ не только митинговал, требуя наказания двурушников и предателей — он героически трудился, покорял неизведанные трассы, строил заводы и фабрики, добывал уголь и выращивал хлеб. Страна рождала героев, герои прославляли свою страну, удивляли мир своими свершениями.

На весь мир за одну ночную смену, например, прославился Алексей Стаханов.

Произошло это 31 августа 1935 года в г. Кадиевка, на шахте «Центральное-Ирмино». Спустившись в забой, Алексей за 5 часов 45 минут нарубил 102 тонны каменного угля, перевыполнив сменное задание в 14 раз.

Такой производительности труда шахтерский мир еще не знал. Знатный забойщик родился на Орловщине и вырос сиротой. Горько сиротство на деревне! Обычный удел таких — голодная смерть. Несколько парней из деревни решили отправиться на заработки в Донбасс, «на шахты». С ними увязался и Алексей. Шли пешком, босые, в домотканых штанах и рубахах из серого рядна. Гадали — будет ли работа... Новичкам повезло, работа нашлась для всех. По малолетству Алексея назначили тормозным. Его обязанностью было следить, чтобы вагонетки с углем не раскатывались под уклон и не калечили лошадей. Деревенские на всю жизнь запомнили первый спуск в шахту. Они словно проваливались в преисподнюю. Спецовок тогда не полагалось: шахтеры работали в своей одежде. Вместе с ними в клеть впихнули молоденькую лошадку. Животное чуяло свою обреченность и отчаянно брыкалось. Если люди в конце смены поднимались наверх и могли снова видеть небо, солнце, зелень, то животное обрекалось на вечный мрак и каторгу. Рудничные лошади слепли и обычно издыхали в упряжке, таская по семь тяжело нагруженных вагонеток.

Подрастая, Алексей оставался таким же замкнутым и молчаливым как в деревне. Молодые шахтеры жили в общежитии, по шесть человек в комнате. Многие попивали и буянили, горланя с пьяною слезой: «А молодого коногона несут с разбитой головой...». Советская власть в те годы заботилась о молодежи, заставляла учиться. Алексей стал уборщиком породы, затем взял в руки обушок и сделался забойщиком. Заработки его росли, а родственников не имелось ни одной души. Он рано женился на такой же безродной девушке Дусе — уборщице в общежитии.

Шахтеры, как и весь советский народ, проклинали убийц Кирова. Разобраться в том, что происходит «наверху», в Москве, им помогала партийная организация. Частым гостем в забоях был парторг ЦК ВКП(б) Константин Петров. Он приглядывался к Алексею, отмечая его молчаливую старательность в работе и лошадиную выносливость. Забойщик - профессия мускульная, требующая огромной силы.

В нынешнем году на вооружении шахтеров появились отбойные молотки, заменив дедовские обушки. Добыча угля заметно возросла. Коллектив «Центральное-Ирмино» пообещал завершить годовое задание к дню рождения товарища Сталина. Алексей Стаханов не имел партбилета, — уже два года прием в партию был прекращен. Он помнил существование в деревне и считал шахту своим родным домом. Выполнить взятые к 21 декабря обязательства следовало во что бы то ни стало.

Вместе с Константином Петровым он прикинул, как лучше организовать работу смены, чтобы резко поднять производительность труда забойщиков. В конце концов «живой» уголь в вагонетки давали именно они.

Обычно угольная лава рубится десятью уступами. Темп забойщикам сбивает необходимость крепить кровлю. Алексей попросил дать ему двух крепильщиков. Взамен он обязался отбурить все десять уступов лавы.

Новый прием в организации работы, отбойный молоток вместо примитивного обушка в сочетании с необыкновенной выносливостью молодого забойщика сотворили настоящее трудовое чудо. За одну смену шахтер, работая без перерыва, выдал на гора более ста тонн угля!

В тот же день потрясающая новость облетела все редакции газет и радиостанций. На безвестного донецкого забойщика свалилась мировая слава.

Почин — великое дело!

Буквально на другой день на донбасских шахтах вызвались работать по стахановскому методу 40 молодых забойщиков.

Укоренилось разделение труда в забое. До тех пор забойщик был, как говорится, «и швец, и жнец». Теперь же он занимался только своим делом: безостановочно рубил уголь. Оглядываться ему не приходилось. Следом за ним исполняли свои обязанности крепильщики кровли. Так родился комплексный метод, родились бригады. Забойщики, основная сила на шахтах, были освобождены от непроизводительной траты своего времени. Они самозабвенно врубались в лаву, а всё остальное исполняли коногоны, уборщики породы, крепильщики.

Добыча угля резко поднялась. Появились новые рекордсмены. Никита Изотов, например, нарубил за рабочую смену 640 тонн угля!

В стране началось мощное движение, названное именем зачинателя. Стахановцами становились кузнецы и ткачихи, строители и паровозные машинисты. Каждый стремился давать в общенародную копилку, а не рвать себе. Больше сделаем — лучше заживем!

Девизом передовых трудящихся стало работать сегодня лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня.

На страну обрушилась лавина трудовых рекордов. Изумляя Запад, советские люди демонстрировали, что значит свободный труд в свободной от эксплуатации стране.

В Кадиевке имя Алексея Стаханова занесли на городскую Доску почета. Его премировали месячным окладом и предоставили квартиру в доме ИТР. Во Дворце культуры горняков Стаханову с женой выделили два постоянных места в первом ряду.

Ежемесячный заработок забойщика-рекордсмена достиг полутора тысяч рублей.

Осенью, в ноябре, Стаханова вызвали в Москву. В Большом театре на торжественном заседании забойщик сидел в первом ряду партера. Доклад об очередной годовщине Великого Октября сделал М.И. Калинин.

На следующий день Стаханов присутствовал на Красной площади во время военного парада и демонстрации трудящихся. Вечером передовики производства, съехавшиеся в Москву, были гостями наркома тяжелой промышленности С.Орджоникидзе.

13 ноября открылось Всесоюзное совещание стахановцев.

В то время никто из сидевших в огромном пышном зале Большого театра не знал и даже не догадывался о том, что в канун традиционных ноябрьских торжеств в Кадиевку инкогнито отправился работник Комиссии партийного контроля. Он прожил в городе шахтеров целый месяц (весь октябрь). Ему было поручено разузнать, нет ли в достижении Стаханова ловко подстроенной показухи (по-шахтерски: туфты). Нет, все было именно так, как благовестили и газеты, и радиостанция: честный труд, чистосердечное желание рабочего порадовать Родину рекордом. «У нас героем становится любой!»

Зал поднялся, когда на сцене, за столом президиума, появились Сталин и Орджоникидзе. Бурными аплодисментами восторженно встретили их мозолистые рабочие руки.

Начались выступления.

На трибуну вышел рабочий Мариупольского металлургического завода, одетый чистенько, но бедно: в пиджачке и косоворотке, в сапогах. От волнения он поглаживал скудную челочку на лбу. Голос его несколько раз сорвался.

— В цехе я, товарищи, сижу в самом темном углу. Мое дело — следить за форсунками. У меня там — темно, грязно. Сами понимаете: мазут! Начальство ко мне и не заглядывает. Никогда!

Он потерялся и умолк, затем вдруг вскинул руку и воскликнул:

— А вот советская власть взяла и заглянула. Да! Привезла меня в Москву, в самый Кремль пустила. Видано ли это? Потому я и хочу вас всех спросить: есть ли еще где на белом свете такая власть, как советская?

Это бесхитростное выступление рабочего тронуло всех и задало тон совещанию.

Зал гремел аплодисментами до тех пор, пока Сталин не унял своих рук. Он из президиума проводил глазами рабочего до места и, склонившись к Орджоникидзе, стал что-то говорить. Серго послушал и вдруг энергично вскинул большой палец.

Зал, следивший за ними во все глаза, снова раскатился дружными аплодисментами.

Выступление Стаханову помог подготовить парторг ЦК ВКП(б) Константин Петров. Они просидели за «работой» весь вечер в номере гостиницы. К Алексею то и дело заглядывали новые друзья. Петров их выпроваживал:

— Товарищи, товарищи, нам некогда!

Алексей Григорьевич о себе не говорил совсем. Обернувшись к президиуму, он попросил уделить побольше внимания новой технике. На шахтах недостаточно электровозов (продолжают работать лошади), отсутствуют врубовые машины, не хватает мощных компрессоров.

Выступление Стаханова появилось в очередном номере «Правды». Иосиф Виссарионович, как и на собрании колхозников-ударников, не столько слушал, сколько наблюдал. Восторженное настроение людей труда создавало непоколебимую уверенность в правильности курса партии. Напрасно бесновалась оппозиция, каркая о неминуемых провалах. Народ настроен на самопожертвование. «Мы не видели в жизни счастья,

пусть его увидят наши дети!» Такой народ свернет любые горы. Не надо лишь ему мешать. (И краешком сознания подумалось о расследовании черных дел окончательно проигравшей оппозиции).

Назавтра при очередном докладе Ежов не мог скрыть своей растерянности. Дело касалось как раз Стаханова. Ночью шахтеры загуляли в ресторане Белорусского вокзала. Потребовалось вмешательство милиции. Обуздать гуляк удалось с большим трудом. Всю компанию связали, запихали в камеру. Выручать их приехал поздно ночью сам Ежов. Протрезвевших бузотеров отвезли в гостиницу.

В эти дни в Москве проходила Декада искусств Монголии. На заключительном концерте Иосиф Виссарионович разглядел в зале Стаханова и велел привести его к себе в ложу.

— Как вам понравилась Москва? — спросил он робевшего шахтера. — Что видели? Где успели побывать?

Стаханов отвечал, что побывал в Большом театре, в МХАТе. Сталин помолчал. Повисла пауза.

— А на Белорусском вокзале были? Забойщик залился краской и онемел.

— Не надо туда ходить, товарищ Стаханов. У вас же есть друзья. Охота стало — соберитесь, сядьте, выпейте. А так... Не позорьтесь больше. Хорошо?

Стаханов собрался уезжать домой, в Кадиевку, однако его задержали и снова повезли к Сталину.

Для знатного шахтера, зачинателя всесоюзного движения рабочих, было сделано исключение: его приняли в члены партии на заседании секретариата (в стране уже два года не было приема). Ему сразу же выдали партбилет. Кандидатским стажем Алексею Григорьевичу засчитали ночную смену, когда он установил свой выдающийся рекорд.

Богатырь-забойщик вошел в круг людей, которых Сталин запоминал, привязывался к ним и постоянно окружал своим вниманием.

Вскоре Стаханова перевели в Москву, в наркомат угольной промышленности. Он возглавил отдел социалистического соревнования. (Яркую судьбу великого шахтера сломал пропойца Хрущев... Впрочем, только ли одну эту судьбу!).

А с каким восхищением было встречено появление в Париже символической фигуры «Рабочий и колхозница»!

Не забудем, что в 1937 году советские люди выполнили Второй пятилетний план за 4 года и 3 месяца...

В начале июня, когда проходил суд над военными заговорщиками, завершалась подготовка к героическому чкаловскому перелету. Неделю спустя после приговора, с подмосковного аэродрома взлетел тяжелый самолет и отважно устремился на северную оконечность планеты, осваивая трассу, которой еще не знали и которой страшились все летчики Западной Европы и Америки.

И мир, привыкший удивляться сообщениями из Москвы, снова замер в восхищенном и тревожном ожидании...

Крылатые люди, летчики, давно мечтали покорить северную вершину земного шара. Как правило, попытки оканчивались неудачей. Всего два года назад погиб американский летчик Вилли Пост. Его четырехмоторный самолет потерпел крушение. В том же году очередную попытку предпринял советский летчик Леваневский. Однако из района Баренцева моря ему пришлось вернуться.

Северный полюс оставался для летчиков загадочным и странным. Великий русский летчик В. Чкалов самой природой был создан для покорения небесных просторов. Ему было тесно на земле. В прошлом году со своим экипажем он совершил беспосадочной полет от Москвы до Камчатки. Мировой рекорд дальности, восхитивший специалистов! Героев-летчиков встречало все правительство во главе со Сталиным и тысячные толпы ликующих москвичей. Чкаловым гордились, Чкаловым восторгались! Советские мальчишки мечтали стать такими же, как Чкалов. Сам же летчик вынашивал дерзкую и вдохновенную мечту — «махнуть вокруг земного шарика».

После прошлогоднего полета на Камчатку Чкалов поставил цель проложить трассу через Северный полюс в Америку. Однако на этот слишком рискованный перелет не давало разрешения всесильное Политбюро.

— Ну, какие же вы... — упрекнул летчика Сталин. — Ну, подождите же немного. Лететь на одном моторе... Давайте сделаем четырехмоторный самолет!

Валерий Чкалов улыбнулся своей белозубой победительной улыбкой:

— Иосиф Виссарионович, на одном моторе — сто процентов риска. На четырех моторах — четыреста процентов!

Сталин рассмеялся:

— Ну, Чкалов, с вами трудно спорить!

Все же вождь не давал окончательного согласия. Экипажу предстояло лететь через Ледовитый океан — более пяти тысяч километров!

— Никто же не знает, что там, над Северным полюсом, происходит. Может быть, предварительно высадить небольшую экспедицию? Хоть обстановку изучить!

Чкалов продолжал убеждать. Год назад он, совершая перелет на Камчатку, где-то в районе Северной Земли вдруг радировал в Москву, что решил изменить курс и повернуть на полюс. Орджоникидзе, руководитель штаба перелета, категорически потребовал не отклоняться от утвержденного курса. Он не терпел никакой партизанщины. Чкалов, человек военный, не посмел ослушаться приказа. А так хотелось! Его так и подмывало положить машину в вираж и повести ее на северную маковку Планеты. Удивительная уверенность в своих силах владела этим богатырским человеком!

6 мая по установившейся традиции в Тушино проводился большой авиационный праздник. Зрители, задрав головы, наблюдали за четким исполнением фигур группового пилотажа. Восхищение искусством летчиков было всеобщим. Лишь на правительственной трибуне царила напряженность. Посвященные люди знали, что в эти часы кипит лихорадочная работа по обезвреживанию раскрытого заговора военных.

В конце праздника Чкалов поднялся к Сталину. Он просил о встрече. От него не укрылось сумрачное состояние Генерального секретаря. В отдалении стоял бледный председатель Осовиахима Эйдеман. Безудержно острил народный артист Москвин и никак не мог понять, почему его проверенные шутки не имеют успеха.

Сталин назначил Чкалову день приема.

25 мая из Куйбышева привезли арестованного Тухачевского. Он сразу же написал признательное заявление. Сталин ходил по кабинету в хмуром настроении. Молчаливый Поскребышев впустил Чкалова и Байдукова. Завидев этих честных бесхитростных людей в военной форме, Иосиф Виссарионович не сдержал улыбки.

- Что, орлы, опять вам Земли не хватает? Снова собираетесь лететь?

- Все готово, товарищ Сталин.

- Ну, что с вами делать...

Разрешение на перелет, таким образом, было получено. Стартовали герои уже после процесса над Тухачевским.

Самолет АНТ-25 сконструировал А.Туполев. Единственный мотор-детище А. Микулина.

Экипаж: командир — Валерий Павлович Чкалов, второй пилот—Георгий Филиппович Байдуков, штурман — Александр Васильевич Беляков.

18 июня 1937 г. на Щелковском аэродроме (теперь — Чкаловский) царила атмосфера праздника. Съехалась масса народа. На взлетной полосе стоял красавец самолет с громадным размахом крыльев. Такой совершенной машины не имела ни одна страна. Самолет был перегружен. Только горючего взято более 6 тонн. Для успешного отрыва от земли на взлетной полосе была оборудована специальная «горка».

В 4 часа утра самолет тяжело разбежавшись, полез в бледное рассветное небо.

Испытания начались над Баренцевым морем. В том месте, откуда Леваневский повернул назад, у чкаловского самолета забарахлило маслопитание. Чкалов распорядился: «На Землю об этом не передавать!». Он сам, вручную, взялся за помпу. И прокачал... Мороз, однако, становился все сильнее — замерзла трубка водяного охлаждения мотора. Перегрев грозил неминуемой катастрофой. Положение осложнилось тем, что от недостатка кислорода у летчиков пошла кровь из носа и ушей.

Чкалову вспомнилось сталинское предостережение насчет неясной обстановки в северных широтах. Так и оказалось. Облачность над Ледовитым океаном держалась необычно высоко. Самолет, пробивая мрачные тяжелые тучи, забрался на критическую высоту. Началось фарфоровое обледенение. Грузная машина могла в любую минуту развалиться на куски.

Наконец самолет пробил толщу облаков. Яркое полярное солнце быстро съело лед на фюзеляже и крыльях. Угрожающая тряска самолета прекратилась. Зато усилилось кислородное голодание. Кровотечение не прекращалось. За штурвал уселся Г.Ф.Байдуков. В.П.Чкалов и А.В.Беляков улеглись, чтобы сократить расход кислорода в кабине.

В таких критических условиях прошли все 63 часа героического перелета.

Температура в кабине опустилась до 12 градусов мороза.

На исходе первых суток А.В.Беляков достал топорик и принялся рубить замерзшие апельсины. Зубами летчики отламывали куски от шоколадных плиток. Захотелось пить, однако вся питьевая вода использовалась для охлаждения мотора.

В последние часы с самолетом потерялась связь. Над американским побережьем бушевала буря. Летчиков считали погибшими. И вдруг А.В.Беляков буквально нашарил в эфире позывные Сиэтла. Это помогло определиться на маршруте и взять курс на аэродром Пирсон Филд, в окрестностях Ванкувера.

В последние минуты перед посадкой мотор самолета подозрительно зачмокал. Как выяснилось, лед все же забил трубки водоснабжения к цилиндрам двигателя. Чкалов, невзирая на кровь из носа, бросился к резиновым мешкам с остатками питьевой воды.

Наконец внизу, под крыльями самолета, появились просветы в облаках, летчики увидели землю и блеск реки...

Всего за годы очищения армейских рядов было арестовано 8 тысяч командиров. 620 из них расстреляны. (Обратим внимание, что это намного меньше количества пострадавших в «чистке» армии, предпринятой в 20-е годы Троцким и самим Тухачевским).

Гитлер, готовя нападение на СССР, хвастался, что империя Сталина рухнет, едва он ударит ногой в ее дверь. Получив зубодробительный удар под Москвой, он с горечью признался, что, ударяя в дверь России, он совершенно не представлял себе того, что за этой дверью встретит. Во всяком случае «пятой колонны» он у нас уже не нашел. И под Москвой, когда немецкая разведка ворвалась однажды утром в Химки, ее уничтожили в одночасье. Удара изнутри навстречу фон Боку и Гудериану так и не последовало.

В европейских странах Гитлера угодливо встречали Петен, Лаваль, Квислинг, Тисо, Дегрель и Гамсун.

В СССР он не нашел предателей такого ранга. Сталинская чистка вырубила весь политический чертополох.

Случались ли перегибы в процессе очищения и выкорчевки? Имелись ли пострадавшие напрасно?

Спорить об этом нет никакой необходимости. Свидетельством тому, что при рубке такого леса летели и напрасные щепки, служит реабилитация ряда военных накануне фашистского нападения (в частности, Рокоссовского и других).

Насколько был велик урон для Красной Армии вследствие такой решительной очистки?

В этом вопросе не прекращается до наших дней кликушество всякого рода Волкогоновых и иже с ними.

Слов нет, некомплект командного состава ослабляет любую армию. Но не та ли это слабость, которую испытывает организм после оперативного удаления раковой опухоли? Слабость мало-помалу исчезает, зарубцовываются раны, восстанавливаются силы, появляется невиданная прежде мощь... Наше знамя над рейхстагом — вот лучшее доказательство того, что мы вовремя избавились от опаснейшей болезни.

Победу в сражении с фашизмом добыли совершенно новые военачальники. Их выявила и выковала сама суровая война.

Что же касается тех, разоблаченных и расстрелянных... Вспомним позорное бегство матросских отрядов Дыбенко под Нарвой в феврале 1918 года, а также скандальнейший провал Тухачевского под Варшавой. Обратим внимание, что маршал Блюхер провалил на озере Хасан пустяковую операцию дивизионного масштаба. Не забудем и того, что на Халхин-голе наши дела были поправлены лишь после срочного приезда молодого и еще совершенно неизвестного Г.К.Жукова.

А позорное бессилие в начале войны с Гитлером маршалов Ворошилова, Буденного, Тимошенко?

Старые кадры были мастерами кавалерийского клинка. Для современной же войны потребовались мастера «Катюши», Т-34 и ЯК-1.

И кто сейчас поручится, что из расстрелянных военачальников не нашлось бы «русского Петена»? (Маршал Петен считался национальным героем Франции, а после войны с Гитлером его приговорили к расстрелу, как гнусного изменника). Не нашлось в Красной Армии своего Петена! О генерале Власове — особый разговор, ибо его переход на сторону Гитлера противоречит всей логике предательства. Да и военный чин у него был далеко не маршальский.

И — последнее. Когда советские войска штурмовали центр Берлина, к обреченному Гитлеру в его подземный бункер су-

мел продраться швейцарский журналист К.Шпейдель. Ему выпала возможность взять последнее предсмертное интервью у фашистского фюрера. Разговор был недолгим. Наверху рвались советские снаряды, к рейхстагу приближались советские солдаты. Надвигалась заслуженная кара. На вопрос Шпейделя: «О каком решении в своей жизни вы жалеете больше всего?» Гитлер внезапно встрепенулся и принялся бранить немецких генералов. «Сталин, — сказал он, — совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнившей аристократии!» Затем он добавил: «Вермахт просто предал меня. Я гибну от рук собственных генералов».

Думается, комментарий к этому запоздалому признанию Гитлера, сумевшего покорить всю Европу и сломавшему голову на Советском Союзе, по силам сделать каждому...

ПАДЕНИЕ ГЛАВНОГО БАСТИОНА

Иосиф Виссарионович не любил поездок за рубеж.

В годы подполья ему пришлось выехать за границу трижды: два раза на съезды партии (в Стокгольм и Лондон) и один раз в Вену, для работы над статьей о национальном вопросе.

После Великого Октября разъезжать было попросту некогда — не отпускали домашние дела.

В позапрошлом году пришлось поневоле изменить устоявшейся привычке, он отправился в Тегеран для встречи с Рузвельтом и Черчиллем. Но в прошлом году Иосиф Виссарионович настоял, чтобы для очередной встречи союзники по антигитлеровской коалиции соблаговолили пожаловать в СССР, и они приехали в Крым, на Ялтинскую конференцию.

Ныне, через три недели после Парада Победы на Красной площади, пришлось в пятый раз покидать родную землю. Специальный поезд мчал главу Советского правительства, Главнокомандующего, Генералиссимуса Сталина в поверженный Берлин. Там в пригороде германской столицы, Потсдаме, собирается конференция глав государств, победителей фашизма.

За окнами вагона расстилалась изуродованная войной земля. И в Белоруссии, и в Польше фашисты сжигали всё дотла. Руины выглядели угнетающе. Невольно думалось о том, какие

усилия понадобятся для того, чтобы не осталось никаких следов недавнего варварства.

Война, что и говорить, явилась величайшим испытанием для народов Европы, для советского народа.

Восстановление разрушенного, как теперь виделось, потребует не меньшего напряжения сил, чем победа над фашизмом.

Личные встречи с союзниками помогли Сталину более ясно смотреть на ожидаемые трудности. О Черчилле у него имелось довольно полное представление. Британский премьер показал себя отъявленным антисоветчиком и русофобом еще во времена Гражданской войны. О Рузвельте приходилось лишь гадать. В Тегеране Сталину удалось установить с американским президентом отношения, которые можно было назвать доверительными. Трезвый, прагматичный политик, Рузвельт оценил редкостную искренность советского Вождя, его военную прямоту, его умение называть вещи своими именами. Со Сталиным американцу работалось легко и продуктивно. И он постоянно раздражался, сталкиваясь с закоренелой увилистостью британского премьера. Черчилль по обыкновению говорил одно, но на уме всегда имел совсем-совсем иное. Он называл это дипломатией. Рузвельт считал подобное двуличие недопустимым с партнерами по военному союзу.

Размышляя о предстоящих трудностях в Потсдаме, Иосиф Виссарионович искренне жалел, что не увидит там Рузвельта. Пост президента США недавно занял некий Трумэн, приезжавший с Рузвельтом в Ялту. Этот человек, тогда сенатор, относился к типу людей, которые ничем не запоминаются при первой встрече.

Выгодной позицией советской стороны виделось желание союзников заставить СССР вступить в войну с Японией. Без участия Советской Армии разгром японского милитаризма представлялся полным самых непредвиденных трудностей. Аналитики уже подсчитали, что одна лишь высадка американских войск на японские острова обойдется нападающей стороне в полтора миллиона солдат. О таких потерях американцы страшились даже думать. Почти четыре года войны им обошлись всего в 200 тысяч жертв. А тут... Нет, им совершенно необходимо участие Советского Союза!

Таким политикам, как Трумэн (да еще в союзе с Черчиллем), обладание атомной бомбой даст неоспоримое преимущество на любых дипломатических переговорах.

Словом, Сталин ехал и заранее готовился встретить объединенный фронт англосаксов. Черчиллю с Трумэном будет гораздо проще, нежели с Рузвельтом.

Выезжая из Москвы, Иосиф Виссарионович позвонил Жукову в Берлин и попросил не устраивать торжественной встречи. «Приезжайте сами, захватите товарищей...». Жуков встретил его у ступеней вагона. Поодаль стояла группа военачальников, чьи войска добивали гитлеровцев в самом Берлине. Красивые, мужественные лица, парадные мундиры с завесами боевых орденов... Военная форма всегда красила мужчин.

Ступив на немецкую землю, Иосиф Виссарионович сделал общий приветственный жест и направился к автомашине. Он уселся и пригласил Г.К.Жукова. Кортеж машин сорвался с места.

В последние месяцы Сталину постоянно нездоровилось, и он с завистливой обостренностью ощущал присутствие полнокровного, молодецки выглядевшего Жукова. Казалось, в могучем теле маршала поскрипывало само несокрушимое здоровье.

Улицы Берлина представляли собой сплошное крошево разрушенных домов. Население уже было мобилизовано на разборку кирпичных завалов. Работали вяло, — ковырялись...

Внезапно Сталин решил остановиться и вышел из машины. Сильно пахло гарью. Немцы с лопатами и носилками уставились на военных в блеске орденов. Сталин среди них казался незаметным.

А ведь всего три года назад фашистские полчища стояли под Москвой и Гитлер готовился к параду своих войск на Красной площади. Ох, этот несостоявшийся парад захватчиков!

Вспомнилось раннее снежное утро 7 ноября, самое начало серенького зимнего дня, колонны солдат в белых полушубках... Сорвался тогда парад немцев на Востоке европейского материка. Москва не пустила нибелунгов, расколошматила их наголову и тем самым обрекла на неминуемое поражение.

Примерно в те же дни, когда под Москвой кипело ожесточенное сражение, в Кремль доставили любопытный и зловещий документ. Наши летчики сбили немецкий самолет связи. Среди найденных бумаг имелся вот этот (перевод был уже сделан):

«...Военный триумф германской армии был бы неполным без назидательной экзекуции большевистских вождей в центре захваченной Москвы. Учитывая роль и значение для русских московского Кремля и примыкающей к нему Красной площа-

ди, представляется своевременным и необходимым проведение здесь публичной казни политических и военных руководителей большевистской России. Наш фюрер выразил пожелание ввести этот элемент как часть торжественного парада германских войск на Красной площади. Представляется следующий сценарий этой части. После торжественного прохождения войск по Красной площади туда выводятся под конвоем захваченные большевистские вожди. На их глазах военными саперами производится подрыв стен Кремля как символа советского сопротивления, затем производится подрыв Мавзолея как символа большевизма. На руинах Мавзолея раскладывается костер из смолистых пород дерева, на котором сжигается мумия Ульянова-Ленина. По окончании кремации мумии на водруженных среди руин Мавзолея виселицах под барабанный бой производится повешение большевистских вождей. В случае пленения советского вождя Иосифа Сталина — его казнь должна стать завершающим элементом этого сценария».

Трофейный немецкий документ был известен совсем немногим. Иосиф Виссарионович навсегда похоронил его в своем личном архиве. Однако помнил о нем все дни битвы под Москвой. Торжественное повешение в самом центре Москвы как бы венчало давнишние планы всех его закоренелых недругов, — от «почетного арийца» Троцкого и до «любимца партии» Бухарина. И все же сценарий собственной смерти не заставил его уехать из столицы. Он остался — и победил!

Среди глазевших немцев внезапно возникло общее движение испуга: среди блестящих военных они разглядели гражданскую фигуру Сталина.

Иосиф Виссарионович отвернулся и, наклонив голову в фуражке, сел в машину.

В Потсдаме для работы конференции привели в порядок единственное уцелевшее крупное здание — дворец германского кронпринца. Небольшая заминка возникла при поисках круглого стола. Такой стол пришлось спешно изготавливать в Москве. Жить участникам встречи предстояло в Бабельсберге, живописной дачной местности, утопающей в цветах. Война пощадила этот уголок. Генералиссимусу Сталину отвели роскошный особняк генерала Людендорфа (героя Первой мировой войны). Иосиф Виссарионович прошелся по вычурно обставленным покоям и распорядился убрать лишнюю мебель.

Вечером начались визиты вежливости. Первым приехал Черчилль. «Заклятый старый друг» сыпал шутками, пыхтел сигарой и с удовольствием налегал на отборный армянский коньяк. Хмель его не брал. Сталину показалось, что гость посматривает на него с затаенным злорадством. Видимо, он предвкушал впечатление, какое произведет на советского Вождя новый президент Соединенных Штатов.

Трумэн и в самом деле ничем не напоминал покойного Рузвельта. Разительно несхожими они выглядели даже внешне. Облик старого президента поражал своей врожденной величавостью. Измученный застарелой немощью (Рузвельт не владел ногами и передвигался на инвалидной коляске), он всегда держался уважительно к собеседнику, сохранял независимость в суждениях, уравновешенность при разрешении возникавших трудностей. Гарри Трумэн поразил Сталина своей невыразительностью, незначительностью. По внешности и по манерам это был типичный клерк, — наглядное свидетельство того, кому теперь доверено управление такой громаднейшей страной, как США. Одутловатость щек, бегающие глазки и отсутствие верхней губы делали Трумэна похожим на проворного мелкого хищника. Одет он был, как приказчик на гулянии: пестро-сиреневый пиджак, оранжевые брюки и лимонно-желтые штиблеты. Брюки он поддергивал так высоко, что открывались носки какого-то ядовитого зеленого цвета. У него была привычка переодеваться по три раза в день, и всякий раз от его одежды невольно рябило в глазах.

«Да, трудно будет», — вынес первое впечатление от знакомства Сталин. Он не сомневался, что нагловато-приказчичья натура Трумэна непременно скажется на всей атмосфере предстоящей конференции.

Недаром Черчилль так ухмылялся, потягивая коньяк!

Разумеется, Иосиф Виссарионович не считал своего старого знакомца Рузвельта сущим ангелом во плоти. Старый президент был сыном не только своего народа и страны, но и частицей той постепенно усложняющейся системы, которую называли мировым сионизмом. Полностью подчинив себе старинное масонство, сионизм все настойчивей протягивает свои руки к рычагам мирового управления. И все же Рузвельт избегал политической грязи. Когда вот этот же самый Трумэн

стал советовать ему применять в отношениях со Сталиным не только пряник, но и кнут (хотя бы время от времени!), Рузвельт возмутился: «Сталин с нами абсолютно честен. Как я могу ему ответить подлостью?»

А вот Трумэн, похоже, перед подлостью не остановится...

Здесь, в Берлине, у Сталина снова ожили подозрения насчет скоропостижной смерти Рузвельта. Президент США скончался в одночасье, позируя художнице, писавшей его портрет. Произошло это буквально накануне дня победы над фашизмом. Сталинские подозрения возникли едва он узнал, что власти США категорически запретили вскрытие тела президента, скончавшегося столь загадочно. Напрасны были хлопоты вдовы и сына, — запрет остался в силе и Рузвельт причину своей смерти унес с собой в могилу.

Как тут не заподозрить самый злостный умысел?

Не исключено, что такие политические деятели, как Рузвельт, перестали соответствовать и потребовались такие вот, как Трумэн.

Иосиф Виссарионович нисколько не заблуждался относительно дальнейшего развития событий. С падением Берлина по сути дела прекратились союзнические отношения. США и Великобритания не стеснялись демонстрировать свое исключительное положение на европейском материке. В каком качестве они теперь рассматривали СССР? По данным разведки, во всех зонах оккупации, кроме советской, не распускаются немецкие воинские части, собирается трофейное немецкое оружие. Напряженность в отношениях, вопреки постоянным дружелюбным заверениям, неизменно нарастала. Достаточно было одного неосторожного шага — и оружие, еще не остывшее от недавних боев, могло вновь заговорить.

У маршала Жукова состоялась встреча с генералом Эйзенхауэром. Во встрече старых боевых товарищей принял участие генерал Спаатс, командующий стратегической авиацией США. Деловая часть беседы была посвящена определению воздушных коридоров для полетов над территорией поверженной и оккупированной союзниками Германии. Генерал Спаатс невежливо перебил речь Жукова и напыщенно изрек:

— Американская авиация летала и будет летать без всяких ограничений!

Возникла неловкая заминка.

Маршал Жуков твердо глянул на нахала и властно заявил:

— Через советскую зону она никогда летать не будет!

Узнав об этом инциденте, Иосиф Виссарионович просиял. Правильно поступил! Молодец! Наглецам полезны оплеухи. Вот за такую несгибаемость Сталин и ценил своего постоянного и единственного заместителя.

Самовлюбленная напыщенность недавних союзников все больше отдавала самым настоящим хамством. И чего, спрашивается, пыжатся? Вояками они себя показали абсолютно никудышными. В те дни, когда на берегах Волги гремело Сталинградское сражение, в Сингапуре 35-тысячная группировка японцев взяла в плен 80 тысяч англичан. Лондонское радио, передавая фронтовые новости, уныло заметило, что за 28 дней немцы оккупировали Польшу, а в Сталинграде сумели взять только несколько домов. Франция легла под Гитлера за 38 дней, а в Сталинграде Паулюс всего лишь продвинулся с одной улицы на другую... Но вот союзники наконец-то высадились в Европе. Американский генерал, хвастунишка Паттон, объявил журналистам, что через три дня будет купаться в Бресте. А протоптался возле этого города целых полтора месяца. Фельдмаршал Монтгомери ухитрился своих десантников... сбросить прямо в расположение немецкого танкового корпуса. Из 7,5 тысяч солдат погибло 5 тысяч, остальные сдались в плен. Что уж говорить о панике союзников в Арденнах. Позор — другого слова не найдется.

А постоянно хорохорятся, надуваются спесью.

Безграничное нахальство англосаксов все больше раздражало советского генералиссимуса. Порою ему даже отказывала знаменитая выдержка.

«С кем приходится!» — с горечью думал советский Вождь.

Его угнетала мысль о том, что в руках этих политических деятелей скоро окажется атомная бомба. Он не сомневался, что они тотчас примутся размахивать этим страшным разрушительным оружием, словно разбойник кистенем.

Продумывая предстоящие ходы, Иосиф Виссарионович не терял надежды на т р е з в ы й разум своих высокопоставленных собеседников. Соображают ли они, что даже атомная бомба не в состоянии поставить СССР на колени? Страна слишком огром-

на, — у этих разбойников попросту не хватит бомб. Да и не бомбы решают исход сражений. На завоеванную территорию необходимо наступить солдатским сапогом! А в том, как это умеют делать американцы, мир убедился, когда гитлеровцы, уже совсем разбитые, предприняли наступление в Арденнах и едва не сбросили высадившихся англосаксов обратно в море.

Победоносные дивизии Советской Армии, развернувшись на просторах стран, союзников Германии, уперлись в Эльбу. Там они грудь в грудь столкнулись с армиями союзников. Встреча не высекла опасных искр, а обошлась объятиями, поцелуями, банкетами. И — слава Богу! Война слишком разорительное занятие. Советскому народу надоело воевать.

По своему обыкновению Иосиф Виссарионович стремился владеть всем объемом стратегической информации. Советская разведка в этом отношении работала отменно. Генералиссимуса тревожило воинственное настроение союзников. В их поведении отчетливо угадывалось недовольство итогами одержанной Победы. Поэтому не исключено, что они здесь, в Потсдаме, постараются исправить допущенные ошибки. Покойного Рузвельта уже открыто обвиняют в том, что и в Тегеране, и в Ялте он «капитулировал перед Сталиным».

Трудные, очень трудные ожидаются дни.

Два года назад, в Тегеране, Черчилль ныл и скулил насчет открытия второго фронта. То одного у него нет, то не подоспело что-то другое... Не сдержавшись, Иосиф Виссарионович резко встал из-за стола и позвал Ворошилова:

— Едем. У нас дома дел по горло!

Черчилль раскрыл рот от изумления. Ситуацию разрядил умница Рузвельт. Он нашел необходимые слова, и гнев Сталина утих. Но с Черчиллем с тех пор установились натянутые отношения.

В Потсдаме Черчилль намеревался взять реванш за вынужденные уступки, сделанные Сталину в Тегеране и Ялте. Своей козырной картой он сделал Польшу. В Лондоне всю войну сидело эмигрантское польское правительство, указания из Англии питали руководство Армии Крайовой. Даже теперь, спустя несколько месяцев после поражения Германии, в Польше гремели выстрелы, летели под откос поезда с демобилизованными советскими солдатами. Гибли люди, уцелевшие в боях с наци-

стами... Иосиф Виссарионович с трудом сдерживал гнев, парируя наглые предложения английского премьера: тот добивался, чтобы советское правительство признало власть лондонских эмигрантов на освобожденных территориях, власть этих вдохновителей диверсантов и убийц!

Польша была мучительной занозой, сидевшей в сталинской душе с 1920 года. Генералиссимус держался стойко. Даже при содействии наглеца Трумэна «заклятому другу Советской России» добиться ничего не удалось... А потом в Англии состоялись очередные выборы, и Черчилль потерял свой пост. Вместо него на конференции появился Эттли. Этот, на взгляд Сталина, походил на бедного родственника. Ему потребовалось время, чтобы осмотреться и освоиться.

Еще готовясь к работе «Большой Тройки» в Тегеране, Иосиф Виссарионович потребовал самых достоверных и глубоких сведений о своих обоих собеседниках. Разумеется, ни тот, ни другой не являлись для него совершенно незнакомыми людьми, но встречи лицом к лицу требуют знания более интимных черт. Слишком многое в таких случаях зависит от, казалось бы, совершенно незначительных мелочей: особенностей характера, привычек, даже от вкусов и манер.

У Рузвельта перенесенная в молодости болезнь парализовала ноги, он стал инвалидом и передвигался в коляске. Но голова этого выдающегося человека работала замечательно, — словно компенсируя досадный физический недостаток. Иосиф Виссарионович, еще будучи не знакомым с ним, высоко оценил сильный и смелый ход американского президента, предпринятый им во имя спасения своей страны. Когда Соединенные Штаты потряс небывалый экономический кризис (следствие капиталистического способа хозяйствования), Рузвельт обратился к опыту Советского Союза, где ни о каких кризисах не имели и понятия. Страна социализма развивалась, вызывая изумление специалистов всего мира (ежегодный прирост — 35%) Рузвельт своей властью прекратил рыночную вакханалию, усилил вмешательство государственных органов в бизнес и добился сначала стабилизации, а затем и желательного роста.

Благодарные сограждане принялись славить своего президента — инвалида, как спасителя нации, и выбирали его в Белый дом четыре раза подряд (рекорд непревзойденный).

В Тегеране Сталину удалось разбить общий фронт англосаксов. Рузвельт, оценив личные качества советского Вождя, проникся к нему величайшим уважением. Черчилль лез из кожи, чтобы сохранить атмосферу изоляции СССР, однако Рузвельт все больше подпадал под сталинское обаяние, чем постоянно раздражал британского премьера.

Встреча в Ялте ничего не изменила, если не считать возросших взаимных симпатий руководителей США и СССР.

Теперь Сталину предстояла нелегкая работа. Рузвельт ушел из жизни, а сменивший его Трумэн был слеплен из того же теста, что и Черчилль. Если Рузвельт олицетворял собою традиционную американскую политику изоляционизма, то в лице Трумэна на мировую арену выступил так называемый «гарвардский стиль» — воинствующее невежество и политическое хамство. Соединенные Штаты перестали прятаться за океаны, а совались на все материки с нахальным лозунгом: «Планета -для американцев!»

Впрочем, для Сталина, имевшего за плечами давние уроки о. Гурама, это библейское стремление к мировой гегемонии совершенной неожиданностью не явилось.

Словом, потеря Рузвельта была для Сталина слишком ощутимой, а соединение двух таких натур, как Черчилль и Трумэн — угрожающей. Два властных лидера мирового сионизма сомкнули свои плечи против одного грузинского большевика, ставшего русским коммунистом И.В. Сталиным.

Готовясь к поездке в Потсдам, Иосиф Виссарионович заранее предвидел тяжелые поединки.

Чем еще может изумить неистощимый Черчилль? Британский премьер являл собою представителя той политики, которую обыкновенно называют грязной. Несомненно, это был крупный ум, но все способности этого ума почему-то проявлялись исключительно в мутной воде. Грязь была его стихией. Он легко сыпал обещания (даже подписывая их), но отыскивал тысячи уверток от честного и своевременного исполнения. Иосиф Виссарионович не любил иметь с ним дело. Любой успех переговоров с Черчиллем ничего не значил, — британский премьер мог с ясными глазами дезавуировать свои же обещания и обязательства.

Так было, в частности, с постоянными клятвами открыть Второй фронт в следующем году!

Если верна теория наследственности, то Черчилль унаследовал от своих предков не слишком пристойные человеческие качества. Известно, например, к его роду принадлежал известный пират средневековья Ф.Дрейк. А титул герцога Мальборо (предмет его спесивой гордости) был обретен самыми низменными средствами: лихоимством, предательством и даже проституцией.

Мать Черчилля принадлежала к известному американскому (еврейскому) клану Вандербильтов. В этом отношении сэр Уинстон приходился родственником Рузвельту.

Богатства Великобритании скапливались веками и складывались из баснословных доходов, получаемых с колоний. На каждого британца, уроженца метрополии, в поте лица трудились десять рабов в колониях, разбросанных по всему земному шару. Лондон считался центром мировых финансов, недаром здесь обосновался самый влиятельный из клана Ротшильдов — Натан. Банки Лондона сделали английский фунт стерлингов мировой валютой.

Постоянным полем столкновений Сталина с Черчиллем был вопрос о скорейшем открытии Второго фронта. Советский Союз изнемогал в войне. Черчилль постоянно обещал, но выполнять обещания не спешил. У него в ходу была излюбленная поговорка: «Кто не хочет, когда он может, когда захочет, уже не сможет». Толковать ее он принимался на любой лад. В Тегеране Иосиф Виссарионович его прижал и добился твердого обещания. Однако Черчилль тут же стал придумывать различные уловки. Он обещал высадку в Нормандии, но обставил ее множеством условий: если будет определенная фаза луны, сила ветра, высота волны в Ла-Манше и степень прилива.

Наконец, он стал «играть» уже за Гитлера: для обороны Атлантического вала немцы должны были выделить только 12 дивизий. Сталин не вытерпел. «А если их будет тринадцать?» Поспешил вмешаться Рузвельт и пристыдил изворотливого потомка герцогов Мальборо. Абсолютно бессовестный человек!

Вдруг уперся в недостаток десантных средств, чтобы преодолеть пролив Ла-Манш.

— А на чем высаживались в Сицилии? — ехидно осведомился Сталин.

И снова пришлось краснеть бедному Рузвельту...

Определенную пикантность всем препирательствам придавала полнейшая осведомленность Сталина о закулисных пере-

говорах англосаксов с представителями Гитлера в Швейцарии. Советская разведка регулярно сообщала о тайных встречах Аллена Даллеса с генералом СС Вольфом. Поэтому-то на языке Черчилля было одно, а на уме — совсем другое.

Двуличие, лживость — основное качество Черчилля, как государственного деятеля. На словах он — прирожденный «демократ», но в глубине души — законченный нацист. Первой его привязанностью стал Муссолини, затем Пилсудский, затем сам Гитлер. В столицах этих государств его всегда принимали, как дорогого гостя. Изведав широкого гостеприимства Муссолини, Черчилль восторженно воскликнул: «Если бы я был итальянцем, обязательно стал бы фашистом!». Он приложил руку к тому, чтобы английский король вручил Муссолини самую высшую награду королевства — орден Бани... Три года назад, в 1942 году, Черчилль подписал договор между Великобританией и СССР о дружбе и взаимопомощи на 20 лет, но принялся нарушать его на следующий же день... Он и согласие на встречу в Тегеране дал только после Курской битвы, — все чего-то выжидал, на что-то втайне рассчитывал!

Сталинское презрение к этому потомку аристократов окончательно укрепилось после 1944 года. Тогда на финансовой конференции в Бреттон-Вудсе Великобритания с позором подписала безоговорочную капитуляцию своего фунта стерлингов и покорно уступила право быть мировой валютой американскому доллару. Это знаменательное поражение Иосиф Виссарионович целиком приписывал «талантам» Черчилля, руководителя страны. Эх, горе-стратег, профукал самый важный бастион британского владычества на Планете!

В Тегеране между Рузвельтом и Сталиным возникло взаимопонимание, в Ялте появилась близость, возникло что-то похожее на дружбу. Иосиф Виссарионович нисколько не заблуждался: эти нетрадиционные отношения между представителями противоположных лагерей (социализма и капитализма) явились результатом невольных уступок Рузвельта, подпавшего под его влияние.

Президент Соединенных Штатов, несомненно, был необыкновенно сложной натурой. Ревностный слуга своей системы, он, благодаря личным талантам, обрел колоссальный опыт и влияние. Решающее значение в перемене его мировоззрений

сыграл небывалый экономический кризис, до основания потрясший не только Америку, но и всю с таким старанием выстроенную систему империализма. В те страшные для Запада годы даже люди образованные примитивно, отчетливо осознали зыбкость своего жизненного положения. Империализм на самом деле предстал последней стадией прогнившего капитализма (по Ленину). Но острее всех это понял умница Рузвельт. И заинтересовался небывалым в Истории экспериментом, осуществлявшимся усилиями в основном единственного человека. В Тегеране Рузвельт познакомился с этим выдающимся человеком, личные отношения быстро наладились и, нисколько не сопротивляясь возрастающим симпатиям, американский президент невольно потянулся к советскому Вождю.

Америку и Запад Рузвельт спас, прибегнув к сталинским рецептам. Хотелось бы спасти свой мир и от причин, вызывавших рецидивы опаснейшего заболевания. К сожалению, этого он был не в силах совершить: хозяевами в этом мире были вовсе не известные политики, чьи имена находились постоянно на слуху, а почти загадочные персоны, предпочитавшие находиться за кулисами событий и никак не желавшие «светиться» на открытой сцене общественного внимания.

Доверие и симпатии Рузвельта к советскому Вождю проявились в том, что он послал в Москву своего доверенного человека Д. Дэвиса, бывшего послом в СССР в середине 30-х годов и до сих пор дружившего с Вышинским и Ульрихом. Посланец Рузвельта имел задание организовать конфиденциальную встречу американского и советского руководителей, встречу с глазу на глаз, без Черчилля. Иосиф Виссарионович без всяких колебаний предложение отверг. Такие встречи в секрете не сохранишь, а он с Черчиллем предпочитал сохранять полную ясность отношений. Доверительные отношения с американским президентом помогли Сталину поднять международный авторитет генерала де Голля. Руководитель «Сражающейся Франции», генерал не пользовался уважением ни Рузвельта, ни Черчилля. Президент Соединенных Штатов вообще отказывался с ним встречаться, Черчилль же позволял себе кричать на строптивого француза, выгонять его из кабинета, а под конец войны в Европе выгнал даже из Лондона. Иосиф Виссарионович имел свои виды как на послевоенную Германию, так и на Францию.

Предатели французского народа ввергли эту страну в унизительное положение. Но ...все же это — Франция с ее историей, культурой, литературой! Словом, он хотел бы восстановить ее растоптанную великость.

Рузвельт не мог скрыть своего удивления.

— Как можно уважать такую нацию? Она же легла под немецкого солдата за 36 дней. Да и нация ли она?

У Сталина имелись более веские причины относиться к французам с неприязнью. В 1940 году, во время войны с Финляндией, именно Франция суетилась с организацией военного похода на СССР. Она отправила в Финляндию 175 самолетов, 500 орудий, 5 тысяч пулеметов. Своими силами французы намеревались нанести мощные бомбовые удары по Баку и Батуми. С этой целью на Ближний Восток был срочно командирован генерал Вейган (тот самый, что помогал Пилсудскому в 1920 году). Погрязнув в этой непристойной суете, французский генералитет прозевал внезапный удар Гитлера по Парижу. Рузвельт прав: заносчивая французская армия не смогла даже с честью погибнуть на полях сражений!

Генерал де Голль из всех сил спасал честь своей так опозорившейся родины. Он налаживал связь со странами антигитлеровской коалиции, послал в Россию эскадрилью «Нормандия», сформировав ее из летчиков-патриотов. «Свободная Франция» вела борьбу с немецкими оккупантами. Фашисты ловили и расстреливали французских патриотов. Но в то же время на русском фронте вместе с немцами сражалось несколько французских дивизий.* В сражении под Москвой они понесли тяжелые потери — более 50 тысяч солдат.

Перевешивают ли скудные формирования де Голля союзные Гитлеру французские дивизии?

Иосиф Виссарионович предпочитал судить об этом с точки зрения приближающегося дня Победы. Генерал де Голль так или иначе станет крупной политической фигурой. А кто еще имеет право представлять послевоенную Францию?

Рузвельт подумал и согласился.

Франция была включена в четверку стран-победительниц фашизма. В ненавистной Германии ей отвели свою зону оккупации.

Возрастающий «сталинизм» Рузвельта был замечен кем следует. На страницах американской печати развернулась плохо

завуалированная травля президента. Незаметным образом Рузвельт оказался в положении «чужого среди своих». Несколько раз его открыто назвали «коммунистом». Нехороший признак!

Очередные президентские выборы в США прошли в канун Ялтинской встречи Большой Тройки. Лидерство Рузвельта было бесспорным.

Группа влиятельных лиц организовала сбор денег, чтобы вручить их инвалиду-кандидату и побудить его снять свою кандидатуру. Рузвельт отказался от позорной сделки. Народ Америки выбрал его своим президентом в четвертый раз.

В Крым Рузвельт приехал сразу же после церемонии инаугурации состоявшейся 20 января.

После возвращения из Ялты президенту оставалось жить около двух месяцев.

12 апреля его уговорили позировать художнице Елизавете Шумаковой. Во время сеанса он внезапно потерял сознание. Усилия врачей не дали желаемого результата. Через два часа президент скончался.

Что и говорить, крайне загадочная смерть!

Иосиф Виссарионович считал, что устранение такого человека, как Рузвельт, поставило Соединенные Штаты на край пропасти. Эту богатую страну, как и всю западную систему, ожидает неумолимый исторический крах. И рухнет она, эта невпроворот богатая страна, именно от своего богатства!

Одолев фунт и сделав доллар мировой валютой, США ступили на скользкий путь колоссальной мировой аферы, называемой у деловых людей ПИРАМИДОЙ. Доллар, забрав такую силу, повелевает не только миром, но в первую очередь своими хозяевами, американцами. Он требует от них постоянной подпитки, которая год от года обязана будет только возрастать. Короче говоря, Соединенные Штаты уподобились велосипедисту: ему никак нельзя остановиться и передохнуть, ибо он тут же свалится набок.

Такая обреченность на вечное движение (читай: на постоянное добывание гигантских средств) таит смертельную опасность. Свои ресурсы иссякают, приходится отнимать у соседей. Грабеж становится средством выживания, существования. (Как говорится, плачешь, а грабишь!). Но сколько может продолжаться такой вынужденный разбой? Не бесконечно же!

Рано или поздно Америка сломит свою голову в этом грабеже...

Наполеон, затевая вторжение в Россию, заявил, что он, приняв капитуляцию в Кремле, «ввергнет эту страну в мрак удельных веков»,

Гитлер, замахиваясь на господство в целом мире, имел тщательно разработанные планы уничтожения не только нашей страны, но и всего русского народа. Он намеревался оставить в живых не более 15 миллионов работоспособного населения, — этого, считал он, вполне достаточно для рабского обслуживания тевтонов-победителей.

В армии Наполеона находились солдаты 12 европейских наций. В полчищах Гитлера сражались мужчины 30 национальностей покоренного материка.

Наполеон закончил свое авантюрное существование тем, что был сослан на далекий остров и там отравлен.

Гитлер отравился сам, страшась неминуемого возмездия за свои злодейства.

Позорная смерть фюрера Третьего рейха знаменовала крах очередной попытки Мирового Зла расправиться с СССР.

Иосиф Виссарионович, направляясь в Потсдам, прекрасно знал, что усилия покончить с миром социализма не закончатся на Гитлере. У противников нашей несокрушимой державы попросту нет иного выхода: они полностью отдают себе отчет, что дальнейшие успехи СССР приближают день похорон капитализма.

Советский Вождь готовился к напряженнейшей работе, пытаясь предугадать очередные козни «заклятых друзей» по недавней антигитлеровской коалиции.

Борьба с фашизмом стоила Советскому Союзу неимоверного напряжения. Такого мощного удара История еще не знала. Когда гитлеровские войска завязали сражение у стен Москвы, Рузвельт послал к Сталину своего наиболее доверенного человека Гарри Гопкинса. Президент считал, что советская столица обречена. Но он хотел получить откровенные свидетельства о личности Вождя советского народа. Этот необыкновенный человек интересовал его сверх всякой меры. Рузвельт в те дни, давая своему посланцу последние инструкции, искренне недоумевал:

— Сталин просит алюминий. Я не понимаю: неужели он на самом деле уверен, что в сорок втором ему еще придется воевать?

Президент Соединенных Штатов не мог понять, какой источник силы питает мужество Сталина, а значит и всего советского народа.

Гарри Гопкинс, прилетев в Москву, уезжать не торопился и внимательней всего присматривался к Сталину. У них состоялось несколько встреч. Иосиф Виссарионович выглядел сумрачным, но держался с подчеркнутым достоинством. Он был проникнут убежденностью в окончательной победе. И он заставил поверить в это своего американского гостя, а тот в свою очередь — президента. Никаким Гитлерам не совладать с СССР, страной трудящихся. Социализм непобедим!

Во всем предсмертном поведении Гитлера — на это обратил внимание не только один Сталин — просматривалась жгучая надежда на сошествие какого-то чуда, чуда счастливого избавления от всех горестей и поражений. Не слепой же он был и не мог не видеть неумолимо надвигавшегося конца. 16 апреля, как известно, начался штурм Зееловских высот, последнего укрепленного рубежа обороны перед Берлином, и мощный гул советских орудий пугал не только чутких зверей столичного зоосада, но угнетающе действовал на мятущееся окружение фюрера, сидевшего глубоко под землей, в бункере имперской канцелярии. И все же Гитлер не терял самой последней надежды, — напряженно ждал внезапного спасения.

Время дало ответ на многие недоуменные вопросы.

Как всякий авантюрист, Гитлер испытал особенную горечь своего бесславного заката. При победах его безудержно славословили, но едва звезда успехов устремилась вниз, фюрера стали предавать все или, вернее почти все, за редким исключением. С ним остались только верный Геббельс со своей семьей и Ева Браун, разделившая с ним всю унизительную тяжесть окончательного краха. Остальные — предали. В самый последний миг он пережил предательство людей, с которыми начинал свое нацистское движение: Гиммлера и Геринга. Вспышка ярости подстегнула его сломленную волю и угасающий рассудок. В эти минуты ему удалось продиктовать свое «Завещание», а также дать последнее в жизни интервью швейцарскому журналисту Шпейделю.

Но случилось это в те часы, когда с потолка бункера сыпалась пыль от взрывов тяжелых снарядов. Бой шел уже на ули-

цах Берлина. До этих минут он продолжал призывать соратников к терпению и мужеству.

Как теперь выясняется, Гитлер не только излучал надежду на спасение, но и предпринял ряд распоряжений, свидетельствующих о том, какая это была живучая натура и сколь изобретательна была в поисках шансов на спасение.

Гитлер распорядился прочесать тылы сокращающегося рейха и сформировать из разной к а л е ч и 6-ю танковую армию СС (бывалые фронтовики иронически называли этих мобилизованных инвалидов «поносниками»). Тем не менее удар «поносников» в Арденнах обратил американцев в паническое бегство. Советской Армии, ради спасения союзников, пришлось начать наступление на неделю раньше срока.

Что скрывалось за этим ударом? Отчетливо угадывалось назидание — фюрер дал понять тем, кто шел с Запада, что у него еще не кончился порох в пороховницах. Поняли ли это те, кого он так больно стукнул в Арденнах? Скорей всего, и поняли, и задумались. Во всяком случае 12 апреля, за четыре дня до начала штурма Зееловских высот, Рузвельт внезапно умирает. Эта новость словно воскресила Гитлера. Он ликующе возгласил, что этот волшебный день станет началом необыкновенного перелома в ходе военных действий.

Гораздо меньше известно о других судорожных конвульсиях обреченного фюрера.

Убийство Сталина давным-давно значилось в планах всех врагов Советского Союза. Секретные службы Германии постоянно засылали под Москву хорошо подготовленные группы диверсантов. Удача так и не пришла. В самом конце совершить террористический акт против советского Вождя вызвался Риббентроп, министр иностранных дел. Но как было вызвать Сталина на встречу?

И Гитлер, и Риббентроп полностью отдавали отчет в том, как переменится ход войны в Европе, если исчезнут оба руководителя — советский и американский.

Необыкновенно привлекательным выглядел замысел, рассчитанный на стремлении советского главнокомандования поскорей занять Берлин. Некоторые из советских генералов (например, командующий 8-й гвардейской армией Чуйков) горячо доказывали, что войну можно закончить в феврале. Для этого

предлагалось не мешкать понапрасну и поскорее устремиться прямо на Берлин. Сталин вовремя остудил горячие головы генералов. В случае стремительного наступления русских войск им во фланг с севера из Курляндии последовал бы массированный удар и трудно подсчитать, сколько русских армий оказалось бы в котле. Могли погибнуть оба Белорусских фронта!

Наконец, пора пролить необходимый свет на глубоко продуманную комбинацию, имевшую целью потрясти Америку и возбудить ее народ против своих руководителей.

Самое высокое здание в мире — небоскреб «Эмпайр стейт Билдинг» — находится в центре Нью-Йорка. Это грандиозное сооружение считается своеобразным символом преуспевающей Америки. Небоскреб, как и статуя Свободы, царит над огромным мегаполисом и весь устремлен в небо, красноречиво свидетельствуя о несокрушимой мощи Соединенных Штатов.

Вот по этому зданию, по этому символу и был задуман разрушающий удар!

Конструктор Вернер фон Браун, любимец Гитлера, лихорадочно доводил свое изобретение — ракеты «Фау» — до необходимого совершенства. Повышался «убойный» вес ракет, увеличивался радиус их действия. Сокрушительную мощь этого оружия уже в достаточной мере испытал на себе Лондон.

Теперь настала очередь Нью-Йорка.

Над разработкой плана удара по Нью-Йорку усиленно ломали головы рейхсфюрер Гиммлер, начальник заграничной разведки Шелленберг и руководитель диверсионных операций Скорцени. Замысел был предельно прост: поднять в небо самую мощную ракету «Фау», заставить ее пересечь океан и обрушиться на центр самого спесивого города Америки, страны, никогда на знавшей всех ужасов современных войн. Величина заряда летавшей торпеды планировалась в 16 тонн. Этого количества должно было хватить, чтобы превратить гигантский небоскреб в груду обломков.

Одно кардинальное решение родилось сразу: ракетой должен управлять человек, летчик-камикадзе. На летающем снаряде появились крылья и кабина. Тщательный отбор среди преданных фюреру летчиков позволил создать специальное подразделение смертников: «Эскадрилью 200». Смертоносная торпеда для Нью-Йорка получила кодированное название «Изделие А -10».

Летающий снаряд испытала лучшая летчица Германии Ганна Рейч, фанатичная поклонница Гитлера. Взлетная полоса была сооружена на пустынном берегу Нормандии. Ганна подняла ракету в небо, но вскоре вернулась на аэродром. Ее заключение прозвучало убийственно: изделие А-10 не в состоянии прорваться в космос, а преодолеть расстояние до американского материка в плотной околоземной атмосфере невозможно.

Так несовершенство тогдашней техники избавило Америку от катастрофы, способной потрясти всю нацию.

Замысел удара по центру Нью-Йорка был предельно ясен: сделать Соединенные Штаты не противником, а союзником и вместе с ними все-таки завершить войну в Москве. И где, кстати, гарантия того, что пропаганда Геббельса, как и в случае расстрела польских офицеров в Катыни, не поднимет визг о коварстве русских? Тем более, что после взятия Берлина и встречи с американцами на Эльбе среди советских генералов господствовало стремление «рвануть» от Эльбы к Ла-Маншу!

Иными словами, Советский Союз выставлялся чудовищем, смявшим не только Гитлера, но и заносившим свой солдатский сапог на землю Европы и даже Америки!

Как видим, третья мировая война затевалась уже в дни сердечных объятий союзников на берегах Эльбы. Сейчас известно, что во время ликования москвичей по случаю Победы в американском посольстве у окна стояла группа сотрудников, наблюдала и желчно усмехалась: «Глупые, они совсем не понимают, что настоящая война только начинается!». До сих пор остается без ответа главный из вопросов: кто же все-таки настоящий автор сорвавшегося замысла? И — какая роль принадлежала в нем... самой Америке? Всерьез задуматься об этом заставляет внезапная и загадочная смерть президента Рузвельта. Разве здесь не угадывается никакой связи? Убедительной выглядит и манера неких организаторов мировых катастроф к массовым человеческим жертвам. Примером этому служит организация так называемого холокоста — варварского истребления несчастной еврейской бедноты («человеческой пыли») ради дальнейшего процветания обосновавшихся за океаном богатых единокровцев.

К концу войны стало очевидным стремление тех, кто устранил Рузвельта, не только не пустить русских в Берлин, но и вдобавок выставить их коварными и вероломными варварами с

Востока, «империей зла». Борьба с этим «злом» возводилась в степень доблести для каждого, кто почитал священными принципы так называемой «западной демократии».

Напрягая все свое искусство, Иосиф Виссарионович все же привел СССР к победному финалу. Берлин был взят. Немцы подписали безоговорочную капитуляцию.

Ради этого Генералиссимус не обострял отношений с коварными союзниками по поводу их подлых переговоров с посланцами Гиммлера в Швейцарии, ради этого пришлось срочно выручать американцев, пустившихся в позорный драп после наступления немцев в Арденнах. Правда, словно в отместку за этот удар, Гитлер немедленно перебросил с Западного фронта на Восточный целых 27 дивизий!

Комбинировал и всячески ловчил фюрер немецкого народа, никак не желая столь позорно сваливаться в историческое небытие. Он никак не мог понять, что его роль закончена. Англосаксам нужен был нацизм, но не он, запачканный кровью и грязью с ног до головы. Крест на нем был поставлен еще в прошлом году, когда его попытались убрать взрывом бомбы в бункере. Судьба сохранила ему жизнь, и он продолжал верить, что его не бросят, выручат, он еще пригодится. И ждал, нетерпеливо ждал счастливого спасения в своем подземном бункере. Судя по всему, ждал он именно американцев. Не дождался!

Сталин не пустил Трумэна и первым ворвался на улицы столицы разгромленного рейха.

Даже в эти роковые дни Гитлер продолжал надеяться и отказался от предложения Ганны Рейч вывезти его на своем самолете (отважная летчица посадила машину прямо на берлинской улице возле имперской канцелярии). Ганна улетела, он остался нетерпеливо ждать. Только 30 апреля он наконец уразумел: не придут. Ему ничего не оставалось, как принять крысиный яд...

Расставаясь с жизнью, он распорядился впустить к себе швейцарского журналиста Шпейделя и в отчаянии излил ему всю накопившуюся ненависть к тем, кто снарядил его в грандиозный «восточный» поход; теперь, проявив природное национальное коварство, предал, выкинув за ненадобностью, словно вещь разового пользования...

О том, что вся затея с коричневым нацизмом Гитлера придумана гешефтмахерами из-за океана, знал буквально каждый, по крайней мере, знали все, кто х о т е л об этом знать.

Для Сталина фигура будущего фюрера обозначилась тотчас после крушения Троцкого. Как один, так и другой усиленно «накачивались» из Америки. Поражение Троцкого свидетельствовало о непригодности борьбы подпольной, тайной. На повестку дня была поставлена открытая агрессия. Обильные финансовые вливания превратили Германию в Третий рейх, где все промышленное производство было нацелено на войну.

Упрощая ситуацию, можно сказать, что Гитлер снаряжался, как мощная торпеда, направленная в борт сталинского корабля.

Немцам не повезло в очередной раз: их уже вторично в XX веке избирали в качестве безотказного оружия для сокрушения России.

Разгром под Москвой похоронил планы «блицкрига». На длительную войну Третий рейх был неспособен. Поэтому уже в 1942 году настоящие ХОЗЯЕВА Гитлера принялись искать пути для продолжения борьбы с непотопляемым Сталиным. Разумеется, заниматься этим приходилось тайно, сохраняя благопристойную личину непримиримых противников фашизма.

Ставка Гитлера на Восточном фронте находилась в районе Винницы. В августе, когда загремело Сталинградское сражение, под Винницей собралось гитлеровское руководство. Сам фюрер ликовал: немецкие победоносные войска вышли на Волгу! Однажды Гиммлер, самый страшный человек в Германии, пригласил Шелленберга, шефа заграничной разведки, прогуляться по лесу. То, о чем он собирался говорить, следовало скрывать даже от стен своего салон-вагона. Изумив Шелленберга, рейхсфюрер СС вдруг повел речь о неминуемом поражении в войне. Умным людям следовало уже сейчас подумать о путях спасения. Соваться к Сталину смысла не имело. Но вот к американцам или англичанам?

При всем кажущемся безрассудстве затеянного разговора, Гиммлер играл наверняка: он з н а л, что Шелленберг, как и Канарис, работал на англичан.

Беседа в лесу под Винницей имела свое продолжение.

Немецкая 6-я армия еще не капитулировала, а Черчилль провел тайные переговоры с А. Даллесом и кардиналом Спеллманом, американцами. На одной из встреч таких маститых «зубров» однажды «засветился» молоденький Рауль Валленберг, отпрыск семьи шведских миллиардеров. Итогом закулисных махинаций явился секретнейший документ: меморандум «Об объединенной Европе». Участники переговоров не сомневались, что СССР потерпит поражение, и заранее определили так называемые «зоны влияния». В этой дележке шкуры не убитого еще медведя Сталина поразило самое активное участие Германии. Англичане потребовали себе Красноводск, турки — Нахичевань, Карабах и Месхетию, на Германию же пролился настоящий ливень щедрот: помимо Грузии ей отдавали Севастополь, Керчь и Новороссийск.

Выходило, что Гитлер рассматривался в качестве союзника не только турок, но и англичан? Или Гитлера в свое время уберут, и его место займет совсем другая фигура?

Иосиф Виссарионович вспомнил, как Черчилль вручал ему громадный инкрустированный меч, подарок короля Георга, восхищался подвигами Красной Армии и витийствовал о нерушимом братстве по оружию. Сам же в это время помогал туркам создавать «Северо-Кавказский национальный комитет». Эта организация напрямую связывалась с Берлином (Гиммлер, Канарис, Шелленберг). Турки отыскали правнука легендарного Шамиля, а Гитлер возвел его в ранг «Великого Имама». Вскоре в чеченском городе Шатое вспыхнуло восстание. Для его подавления советскому командованию пришлось снимать войска с фронта.

Черчилль не унялся и тут: сочувствуя трудностям Сталина, он предложил часть его забот переложить на собственные плечи. В частности, он стал уговаривать советского Вождя поручить охрану Баку и Мурманска английским морским пехотинцам.

Ну и лиса, ну и прохвост!

В этом, кстати, была одна из невыносимых трудностей сталинского положения: ЗНАТЬ ВСЁ о подлости союзников и делать вид, что ничего не знаешь и даже не догадываешься. Для

него не было важней задачи: все-таки заставить их открыть Второй фронт!

Нет, так и не заставил. Красной Армии пришлось вытягивать воз Победы в одиночку.

Поставкам по ленд-лизу Иосиф Виссарионович не придавал решающего значения. Эти поставки входили в правила союзнической игры: поддерживать всеми силами бойню, истощавшую обе стороны.

После победы под Сталинградом значительно возросла подлая деятельность секретных служб союзников. Американец Аллен Даллес на много месяцев поселился в самом центре европейского шпионажа, в нейтральной Швейцарии. Третий рейх трещал по всем швам. Приходилось принимать лихорадочные усилия, чтобы ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ воспрепятствовать победе ненавистного СССР.

Внезапно советская разведка сообщила, что немецкий флот, вроде бы блокированный англичанами в Бресте, беспрепятственно вышел в узкую канаву Ла-Манша и под самыми дулами мощных батарей Дувра и Кале проплыл в Северное море. Ни единого выстрела! Немцы, обустроив морскую базу в Тронхейме, принялись топить союзнические конвои у берегов Норвегии. Коварные англичане подыгрывали гитлеровцам как могли. Караван ПК-17 они бросили на произвол в открытом море. Немецкие корабли, самолеты и подводные лодки набросились на перегруженные пароходы, словно волки на овечье стадо. Из 87 судов каравана до Архангельска добрались лишь три жалких обгорелых развалины. Они с трудом держались на плаву. На дно отправились 430 танков, 210 самолетов, 3,5 тысячи автомашин и паровозов, а также разнообразного снаряжения, достаточного для 50-тысячной армии.

Так Черчилль проявил заботу о своем союзнике!

Узнав об очередной подлости англичан, Сталин пришел в ярость. Получив телеграмму советского Вождя, Черчилль сказал министру иностранных дел Идену: «Маршал Сталин очень сердитый мужчина!»

За полтора месяца до Курской битвы, 26 мая 1943 года, в Мадриде появился представитель абвера (военная разведка Гитлера) и организовал встречу с послом Великобритании Хором. Итогом их сверхсекретного разговора было решение:

«Мы не хотим, чтобы Красная Армия вступила в Берлин. Мы готовы бороться с коммунизмом!».

Едва прозвучали первые советские салюты, Управление стратегических служб США (будущее ЦРУ) разработало меморандум, получивший довольно общее название: «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?».

В этом документе указывалось на необходимость сделать главный упор на сговор с немцами против русских.

«Имеется лишь один способ победить Советский Союз: повернуть против него всю мощь все еще сильной Германии».

Меморандум УСС США получил гриф: «Высшая степень секретности».

В сговор вовлекаются все более крупные фигуры. Посол США в Болгарии Д.Эрл едет в Стамбул. Там его уже поджидает глава абвера адмирал Канарис. Мнения обоих собеседников одинаковы:

«Совместные усилия Германии, США и Англии должны воспрепятствовать советскому продвижению в Центральную Европу».

Адмирал Канарис предложил откомандировать своего специального агента в Лондон для обсуждения деталей, связанных с предполагаемой высадкой войск союзников в Нормандии. (Из этого видно, как отвратительно вели себя наши союзники, всячески мороча голову Сталину насчет открытия Второго фронта).

Стамбул всегда считался удобным местом для секретных встреч. Это было настоящее гнездо международного шпионажа.

5 октября 1943 года в Стамбуле появился американский разведчик Т.Морде. У него состоялось тайное свидание с послом Германии в Турции Ф.Папеном. Собеседники договорились о следующем:

«США и Великобритания гарантируют, что Россия никогда не вторгнется на германскую территорию. В случае необходимости они вооруженными силами помогут Германии, дабы воспрепятствовать вмешательству России в дела новой послевоенной Европы». (В это время советские войска подходили к Киеву).

Прощаясь с американским разведчиком, Папен выразил просьбу германского правительства задержать войска англосаксов на территории рейха как можно дольше.

К огорчению гешефтмахеров остановить наступление советских войск не удалось. Тогда началась деятельная подготовка к высадке союзников (ч ь и х ?) на территорию Франции. Эта операция состоялась 6 июня 1944 года. Затягивать высадку больше не имело смысла. При стремительных темпах советского наступления можно было не успеть и к шапочному разбору!

Фронтовые неудачи Гитлера подвигли западных политиков на решительный шаг: они замыслили устранить незадачливого фюрера и заменить его другой фигурой, не столь одиозной, а следовательно приемлемой для налаживания союзнических отношений. По сути дела, это был план спасения фашизма от разгрома. Самое активное участие в задуманном предприятии принимали Рокфеллер, Морган, Ламот и Леб. Связь с немецкой стороной обеспечивал Шелленберг. В эти дни окрепли связи шведских банкиров и промышленников Якоба и Маркуса Валленбергов с британским премьером Черчиллем.

Участники переговоров устремляли свои интересы на времена, когда не станет ни Гитлера, ни его партии, ни эсэсовских башибузуков в устрашающе-черных мундирах. Высказывались мысли об отмене государственных границ на европейском материке. Забрезжила идея создать «Европейское экономическое сообщество». Кто-то из участников произнес фамилию К. Аденауэра. Немецкий политик придерживался передовых (читай: сионистских) взглядов. По жене он приходился родственником самому Моргану.

А советские войска уже вступили на территорию Европы!

«Зазеркальная» возня в предпоследний год войны ознаменовалась выработкой «Генерального плана на 1945 год». Документ подчеркивал фактор Германии и ее промышленности для «здоровой Европы».

Любопытно, что в те дни на стол Сталина, наравне с политическими документами, легло разведывательное сообщение об инструкции для сотрудников британских секретных служб: «Как использовать формалистическую музыку для разложения войск противника». Сочиняли документ, как видно, специалисты. Они уверяли, что такая, с позволения сказать, музыка медленно, но верно превращает солдата в двуногого скота.

На встрече в Тегеране Сталину не удалось добиться открытия Второго фронта.

Единственным результатом этой конференции Иосиф Виссарионович считал раздвоение Рузвельта: американский президент проникся личной симпатией к советскому Вождю и стал по мере сил амортизировать непристойное поведение британского премьер-министра. На большее у Рузвельта попросту не имелось никаких возможностей: над ним, как высшим администратором, имелся свой ХОЗЯИН, невидимый, но чрезвычайно властный.

Всячески оттягивая высадку в Европе, союзники вдруг заторопились и наплевали на погодные условия.

Красная Армия наступала столь стремительно, что, взяв разгон на Висле, могла выкатиться на песчаные берега Ла-Манша...

И срочно приходилось принимать одно из самых кардинальных решений во всей затее с немецким нацизмом: поспешно убирать Гитлера. Заменить его, скорей всего, предполагалось Ф. Папеном, давним приверженцем «западных ценностей».

Фюреру повезло: бомба Штауфенберга разорвалась под его ногами, но все осколки пролетели мимо.

А Красная Армия надвигалась на Европу подобно мощной лавине, сметавшей любые преграды на своем пути!

О том, с каким блеском удалась союзникам операция «Оверлорд», написаны книги и сняты игровые фильмы. Высадка на побережье европейского материка считается на Западе образцом военного искусства. Эти высочайшие оценки следует считать справедливыми с одной поправкой: признать в успехе союзных войск немалую роль и немецкого главнокомандования!

Западным фронтом у немцев командовали опытные генералы Рунштедт и Роммель (герой сражений в Африке). За их плечами десятки, если не сотни ожесточеннейших сражений. Тем удивительней поведение обоих в такой судьбоносной для Германии операции, как «Оверлорд». Войска для высадки собирались и готовились в Англии. Десантными судами был забит весь не столь уж и широкий Ла-Манш. Поэтому первое изумление вызывает поразительное равнодушие немцев к концентрации десантных средств: на скопление судов в проливе не было совершено ни одного воздушного налета. И германские штабы, и хваленая германская разведка вдруг словно ослепли и лишились даже примитивного военного рассудка. Они позволили

союзным дивизиям и корпусам спокойно погрузиться на суда и двинуться на материк. Флотилия самых разнообразных плавучих средств представляла внушительное зрелище. Суда шли буквально борт к борту. Воды не было видно, — некуда плюнуть. Все пространство неширокого пролива покрыла шевелящаяся масса плавсредств, набитых солдатами и военной техникой.

Что же предприняло немецкое командование?

Трудно поверить, но в эти грозные часы генерал Роммель находился не на боевом посту, а в Берлине: он решил эту ночь провести с соскучившейся женой.

Генерал Рунштедт, получив сообщение о начавшейся высадке, долго чухался и скреб затылок. Когда на французский берег соскочили первые бойцы 3-й американской воздушно-десантной дивизии, генерал продиктовал телеграмму Гитлеру: он просил фюрера о разрешении применить танки и сбросить десант союзников в море. Тотчас от фюрера пришел ответ: «Не порите чепухи!».

Вполне уместно задать вопрос: почему на применение танков потребовалось разрешение самого фюрера? Для ответа необходимо вспомнить ситуацию в Дюнкерке в 1940 году и знаменитый гитлеровский «стоп-сигнал», остановивший немецких танкистов и не позволивший им раздавить союзные войска, ждущие посадки на суда, чтобы уплыть в Англию.

Точно такую же любезность Гитлер преподнес союзникам и теперь, позволив им высадку на французском берегу.

О неприступности Атлантического вала трещала в те годы вся западная печать. На деле же оказалось, что район высадки прикрывался лишь хилой линией примитивных окопчиков для пехотинцев. Само собой, в сокрушении такого «вала» у десантников не возникло никаких проблем.

Взяв разгон на побережье, войска союзников устремились в глубь Европы. Их продвижение было стремительным.

Американский генерал О. Брэдли писал:

«Мы ожидали, что противник создаст на Сене оборонительный рубеж, но вместо этого для нас был открыт путь через всю Францию до линии Зигфрида».

Американцев, которых с таким нетерпением ждал в Берлине Гитлер, всюду встречал режим наибольшего бла-

гоприятствования. Они мчались по отличным автострадам, сожалея лишь о нехватке горючего. Службе тыла союзников выпали трудные денечки.

Генерал Паттон отчаянно взывал к генералу О. Брэдли: «Дайте мне 400 тысяч галлонов бензина, и я доставлю вас в Германию через два дня!»

Служба тыла, разрешая возникшую проблему с доставкой горючего.

передовым частям, добилась введения одностороннего движения по главным магистралям. К линии фронта мчался безостановочный поток американских бензовозов.

А где отчаянное сопротивление немцев? На Восточном фронте, куда германское командование бросало в мясорубку всех, кто был способен держать в руках оружие. С наступающими советскими войсками дрались мальчишки из «Гитлерюгенда», пенсионеры из «Фольксштурма» и даже ветхие старухи, вооруженные фаустпатронами. На Западе этого не было и в помине. После «воспитательного» наступления в Арденнах немцы сняли на пути союзников все преграды и обеспечили им «зеленую улицу» на Берлин.

Когда генералу Паттону, прослывшему великим стратегом, сообщили, что 2-я танковая дивизия немцев желает сдаться в полном составе, он с досадой отмахнулся:

— Да ну их к черту. Чем их кормить? Узнайте, у них есть свои полевые кухни?

Не разменяваясь на мелочи с пленными, танковый генерал Паттон рвался в Берлин.

Иосиф Виссарионович изучал карту боевых действий союзников с саркастической усмешкой. Какой «котел» они могли устроить немцам под Фалезом! Нет, выпустили несколько дивизий. (Эти дивизии, впрочем, тут же перебросили на Восточный фронт). А какую недостойную ругань устроили американские и английские военачальники по поводу неудачи в Арденнах! Монтгомери всю вину свалил на генерала Брэдли, тот в свою очередь собрал журналистов (огромной стаей следовавших за войсками) и со злостью объявил, что немцев следует громить, обязательно соблюдая одно условие: скрывать свои штабные планы... от англичан.

Беспомощность союзников в боевых действиях наглядно проявилась в победной шумихе, устроенной по поводу взятия ничтожного городишка Кана. Успех фельдмаршала Монтгомери подавался, как победа исторического значения. Сталин, усмехаясь, отреагировал на успех союзников по-своему. Ему вспомнилась фронтовая байка по поводу боевых качеств румынских войск. Румынские генералы уверяли, что в России невозможно взять три населенных пункта: Москву, Ленинград и Ольховатку. Весь секрет подобного заявления заключался в том, что Москву и Ленинград штурмовали немецкие войска, а деревушку Ольховатку — румынские... Иосиф Виссарионович послал Черчиллю коротенькую телеграмму: «Поздравляю с блистательной победой при Кане». Весь корпус журналистов, сопровождавший армии союзников, оценил эту телеграмму советского Вождя, как шедевр юмора.

Союзники высадились в Европе отнюдь не воевать с фашизмом. Они явились «управлять процессами войны». В этом смысле Сталин принял известие о внезапной сдаче немцами Антверпена, третьего порта в мире. В результате этого успеха у союзников сразу исчезли все проблемы со снабжением войск.

Генерал Паттон, залив баки своих танков горючим, с непостижимой прытью устремился к Берлину.

Однако опередить русских ему не удалось...

Явно в пику Советской Армии войска Эйзенхауэра, успевшие добежать до Эльбы, устроили балаган с подписанием капитуляции во французском городе Реймсе. У Сталина этот трюк «заклятых друзей» вызвал лишь брезгливую гримасу. Он вспомнил умоляющие телеграммы и Черчилля, и Рузвельта во время наступления немцев в Арденнах. В эти минуты он понял справедливый порыв своих генералов (Жукова в том числе) форсировать Эльбу, разметать охамевших «союзников» и выйти к берегам не только Ла-Манша, но и Гибралтара.

Природная сдержанность советского Вождя проявилась в жестких интонациях посланий, направленных им соратникам по Большой Тройке. Никто — ни Черчилль, ни Трумэн, сменивший к тому времени Рузвельта — не посмел возразить Генералиссимусу. В сознании обоих возобладал трезвый рассудок. Они не хотели, чтобы их войска, наэлектризованные легкими победами, были размазаны гусеницами советских танков.

8 мая в поверженном Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Величайшая из войн в Истории человечества завершилась убедительной победой вооруженных сил страны социализма.

Когда Иосиф Виссарионович получил сообщение о том, в какой торжественной обстановке прошло подписание исторического документа, в Москве занималось раннее весеннее утро. Советский Вождь был взволнован. Его одолевали чувства, требовавшие немедленного выхода. Он сел за рабочий стол и стал писать пламенные строки «Обращения к советскому народу».

9 мая, в День Победы, этот документ напечатали все газеты необъятной страны.

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного командования союзных войск и Верховного главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня сутра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный

труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться —ход войны развеял их в прах. На деле получалось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»

Две недели спустя, 24 мая, в Кремле состоялся правительственный прием в честь победителей.

Однако эти две недели оказались насыщенными упорной борьбой с наглыми притязаниями недавних союзников, решившими, как видно, взять реванш за согласие прислать в Берлин своих представителей для участия в церемонии подписания капитуляции. У себя на Западе они постановили считать днем победы над фашизмом 7 мая.

Шустрый Трумэн изобрел в эти дни термин: «подвижная граница» и объявил, что отныне Соединенные Штаты решительно меняют свою внешнюю политику. На его взгляд, инте-

ресы национальной безопасности США требуют присутствия их войск во многих районах земного шара. В Москве было получено требование предоставить в Сибири базу для американских стратегических бомбардировщиков. Ответ советского правительства был краток и сдержан:

«Такие требования обычно предъявляют побежденному государству или тому, кто не в состоянии себя защитить. СССР не следует считать таким государством».

Во Франции в г. Намюре посол СССР В. Богомолов устроил церемонию награждения советскими орденами наиболее видных генералов союзных войск. Это была традиционная практика военной вежливости. Американские военные приняли советские награды и... угодили под расследование военной прокуратуры. По указанию Трумэна ФБР возбудило «Дело об измене». В ситуацию вмешался Черчилль и потребовал сурового наказания «преступников». Он заявил: «Нельзя верить Сталину!»

Так поворачивалась недавняя дружба и союзничество.

На правительственном приеме 24 мая Иосиф Виссарионович ничем не выдавал своих тревог. Сегодня был праздник заслуженного торжества. Громадный зал блистал орденами и золотом погон. Присутствовали командующие фронтами и армиями, офицеры и рядовые, ставшие Героями Советского Союза. Рядом с ними за столами сидели представители литературы, искусства, науки. Глаз советского Вождя радовался красочной картине. В памяти невольно возникали самые тяжкие дни, когда над Кремлем и над Москвой висели аэростаты и немецкие войска находились в 30 километрах от центра советской столицы.

Победили! Добыли невероятно трудную Победу!

Под конец праздничного застолья он попросил слова и произнес свой знаменитый тост:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего, Русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье Русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье Русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье Русского народа не только потому, что он - руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но Русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие Русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, Русскому народу, за это доверие!

ЗА ЗДОРОВЬЕ РУССКОГО НАРОДА!»

В глазах Сталина крах гитлеризма наложился на предвоенный разгром троцкизма. И Троцкий, и Гитлер «накачивались» одной и той же организацией. Оба напыщенные, велеречивые, они по сути дела являлись пешками на шахматной доске Большой Политики. Сами гроссмейстеры находились за океаном. Там, на очищенном от коренных жителей материке, свил себе прочное гнездо опаснейший враг человечества — СИОНИЗМ.

Поэтому крайне ошибочно рассматривать Гитлера, как некий Божий бич еврейского народа.

На самом деле, этот изувер играл роль топора на русском лесоповале. С мистером Томпсоном, прожившим в 1917 году целых шесть месяцев в Петрограде, Иосифу Виссарионовичу встречаться не довелось. Но с Гарриманом, послом США, но с самим Рузвельтом он познакомился близко и разговаривал с ними о многом и подолгу. Оба американца были, разумеется, противниками, и противниками, несокрушимыми в своем неприятии социалистической системы, но они отдавали должное

могуществу Советского Союза и вынуждены были разговаривать с ним, Генеральным секретарем партии и Генералиссимусом Советской Армии, с предельной уважительностью.

Совсем иное дело Трумэн. В этом пестро разодетом человечке в коротеньких, чрезмерно поддернутых брючках воплотилась наглая манера расчетливо воевавшей державы, собирающейся поразить мир уникальным атомным страшилищем. Трумэн явился в Потсдам как неприглядное олицетворение Мирового Зла, почуявшего долгожданный час для своего планетарного торжества.

Американцы, как нация, еще не успели обзавестись своей Историей. Они молоды и оттого нетерпеливы. Решительное истребление индейцев на облюбованном материке показало их повадку «играть с чистого листа». (В этом, несомненно, сказывались и заветы древней Торы). Капитально освоив северную часть Америки, они обратили свой взор на юг и для развития экспансии придумали «Доктрину Монро» — самопровозглашенное право вмешиваться во внутренние дела соседствующих держав, перекраивая их границы по своему усмотрению.

К старой Европе, а особенно к России, они собирались применить оба апробированных метода: библейский и современный.

«Знания умножают скорбь...». Иосиф Виссарионович со времен о. Гурама убеждался в справедливости этого древнего умозаключения много-много раз.

В самом конце войны, очищая от гитлеровцев Силезию, советские войска на одной из заброшенных шахт обнаружили спрятанный там архив мирового масонства. Добыча редкая и драгоценная! Документы бережно перевезли в Москву. Впоследствии для этих бесценных бумаг, раскрывающих все тайные дела и планы мирового «Зазеркалья», построили специальное хранилище.

Ни мистер Томпсон, ни Рузвельт с Гарриманом, и уж, конечно же, никак не Трумэн были инициаторами той упорной и целенаправленной политики, которая называлась «окончательным решением русского вопроса». Все они выступали лишь послушными исполнителями. Среди масонских документов обнаружились протоколы заседания, состоявшегося в 1871 году в американском городке Чарльзстоуне. Называлось это сборище довольно вычурно: «Светлейшее Великое Собрание

Заслуженных Мастеров». Участие в нем принимало всего 11 персон. Этот ареопаг руководителей масонских лож единогласно принял «Определение». Речь в нем шла о судьбе России.

В «Определении» указывалось:

«Полезно будет расплодить как можно больше гнусных шарлатанов из общественных подонков в роли лжепророков и лжесвятых, мерзкое ремесло которых было бы очевидным мошенничеством».

Нетрудно догадаться, что именно отсюда брали идеи составители пресловутых «Протоколов сионских мудрецов».

В те же времена всевластные руководители масонства создали мощную организацию и дали ей название — «ОРДЕН».

Иосиф Виссарионович моментально вспомнил, как упорно охотился за нею Ежов (они тогда называли ее «Организация О»). Сколько раз он вроде бы хватал ее за хвост, но она, подобно ящерице, отделывались мелкими ничего не дающими следствию жертвами.

«Орден» (или «Организация О») сильно приложил руку к развитию международных событий, которые и привели в конце концов к новой мировой войне. Причем речь идет не только о раздувании фигуры Гитлера, как фюрера немецкого народа, но и о таком крайне загадочном мероприятии, как вовлечение Соединенных Штатов в мировую бойню. Как известно, для этого потребовалось нападение японцев на Перл-Харбор.

Гитлер, как политический деятель, был целиком «сделан», т.е. прошел строгий отбор, прежде чем его признали годным для осуществления намеченных еще в Чарльзстоуне целей. Для его «накачки» понадобились прежде всего деньги, — и такие деньги в избытке нашлись в распухшей от золота Америке. Вся военная промышленность Германии создавалась на доллары. Изготовление немецких танков финансировали Г.Форд и корпорация «Дженерал моторз». Самолетами Геринга занимался сам Морган. Компания Рокфеллера «Стандарт ойл», заключив картельные соглашения с «ИГ Фарбен», обеспечивала немецкую армию бензином и смазочными маслами.

С первых своих шагов Гитлер алчно устремился на просторы Советского Союза. Уже через пять дней после прихода к власти он собрал немецкий генералитет и заявил: «Судьба Германии отныне зависит от ее границы на Востоке». И уточ-

нил: «Когда Урал с его безграничными природными запасами, Сибирь с ее богатейшими лесами и Украина с ее безбрежными полями зерновых культур перейдут к Германии, то каждому немцу хватит на всю жизнь».

Холуй коварнейшего сионизма, Гитлер постоянно подогревался непомерными похвалами заправил западного мира. Особенно восторженно приветствовали фюрера англосаксы. Он удостоился признания со стороны короля Великобритании Эдуарда VIII, бывшего премьера Ллойд Джорджа и самого Черчилля. Американский журнал «Тайм» назвал Гитлера «Человеком года».

Набиравшую военную мощь Германию отделяла от Советского Союза Польша. Там правил фашист Пилсудский, тоже точивший зубы на Украину. Гитлер расправился с ним одним щелчком. Фюрер органически не выносил поляков. После сокрушительных бомбежек Варшавы он объявил: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он становится рабочей силой, больше ничем». Недаром самые большие лагеря с бесчеловечным режимом немцы создали именно в Польше.

Спесивая шляхта веками мечтала о создании «великой Польши от моря и до моря». Гитлер поставил крест на этих бредовых планах. Он смотрел на Польшу всего лишь как на мусор под сапогами его солдат, победно марширующих на Восток. Фюрер восклицал: «Кто может оспаривать мое право уничтожать миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые?»

В августе 1939 года, зная, что в Москве сидят делегации Франции и Англии и «пудрят мозги» советскому руководству, Гитлер встретился с Верховным комиссаром Лиги Наций К.Буркхардтом и доверительно признался: «Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза». Через десять дней после этого заявления Риббентроп прилетел в Москву для подписания пакта.

Гитлер напрасно упрекает западных деятелей в глупости и слепоте. Этими недостатками скорее всего страдал он сам, никак не догадываясь, что его используют, что называется «втем-

ную». Он раздувался от спеси и приписывал все успехи нацизма исключительно своему гению. На самом же деле его шаги умело направлялись вдумчивыми «кукловодами». Именно они обеспечили вливание в германскую промышленность семи миллиардов долларов. При этом они регулярно снабжали Гитлера сведениями о нестабильном положении в СССР. В частности, из США он получил справку о человеческих потерях в советской стране: голод, как сообщалось, унес более 30 миллионов человек, а это значит, что Красная Армия лишилась 14 миллионов молодых мужчин, годных для военной службы. Так что — вперед, фюрер! Не бойся! Военная победа будет легкой и стремительной!

Прикормленные историки всячески замалчивают тот факт, что помимо широко известной книги «Моя борьба» Гитлер написал еще одну книгу. Она так и называется «Вторая книга Гитлера». В ней сквозит признание автора, что вся его антисемитская риторика — обыкновенная дань тогдашним условиям. На самом же деле главной целью немецкого нацизма были вовсе не евреи, а русские. Что давало Германии уничтожение евреев? Ровным счетом ничего. (Да и кто бы позволил ефрейтору поголовное истребление хранителей мирового золота?). Завоевание же России обеспечивало «будущее жизненное пространство немцев». Небесполезными для немецких генералов были и встречи с военными стратегами из США. Из-за океана, как выясняется, будущие рубежи побед выглядели совсем иначе. И фюрер родил совершенно сногсшибательную директиву своим военачальникам. Он указал: «Цель будет достигнута, если за Уралом мы выйдем к линии Обь-Иртыш-Тобол и если отсюда граница пройдет к Аральскому морю».

Сионизм планировал разломить Россию по Иртышу и Оби. Западная половина предназначалась Третьему рейху, а вся Сибирь, Приморье и Забайкалье — японцам.

Повторялись давние стратегические планы, едва не осуществленные еще в 1918 году, когда в бухте Владивостока появились боевые корабли Соединенных Штатов и Страны Восходящего Солнца.

Природа немецкого нацизма тесно связана с глобальными замыслами сионизма. Без четкого понимания того, что такое СИОНИЗМ, никогда не разгадать секрета, ПОЧЕМУ немецкий

народ (народ Гете и Шиллера) вдруг впал в такой звериный дикокаменный зоологизм. Только тогда станет понятна и фигура Гитлера, в молодости окопного ефрейтора Шикльгрубера, а затем бесприютного бомжа из Вены, пытающегося заработать на жизнь совершенно бездарной мазней красками по холсту. Глубокое понимание самой ПРИРОДЫ сионизма открывает глаза на такие глобальные потрясения, как оглушительный крах самодержавной России, а также на последующие опустошения в Европе, вызванные внезапным всплеском немецкого нацизма. В этом свете гибель царского флота при Цусиме выглядит вовсе не достижением японцев, но — сионистов. То же самое можно сказать и о так называемом «окончательном решении еврейского вопроса». Сионистская пропаганда во все горло вопит об истреблении европейского еврейства потомками немецких гуманистов, в то время как на самом деле одураченное человечество имеет дело с одним из самых грандиозных мировых гешефтов.

Да, насильственное истребление народа имело место, но только народом этим были вовсе не евреи, а — РУССКИЕ. На это указывает генеральное направление тогдашней мировой политики, об этом свидетельствуют сохранившиеся подлинные документы, на эту тему обильно высказывается и сам фюрер немецкого народа, вдруг выхваченный из венских трущоб и вознесенный на вершину самой бесчеловечной истребительной машины власти.

В книге «Моя борьба» Гитлер пишет:

«Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России. Это громадное государство на Востоке созрело для гибели. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая явится самым веским подтверждением правильности расовой теории».

«Русские, — заявляет Гитлер,— скоты, и ни большевизм, ни царизм здесь ни при чем, они скоты по своей природе».

Геринг в 1942 году высказывался так:

«В этом году до 30 миллионов русских умрут от голода. Так и должно быть: определенным народам предстоит исчезнуть».

Он предлагал «перебить всех украинцев, а затем послать туда эсэсовских жеребцов».

Розенберг настаивал на расстреле «каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд в сторону немца».

Существует ли хоть одна подобная нацистская инструкция насчет евреев?

Нет, ни одной!

На все лады обыгрывается термин: «окончательное решение еврейского вопроса». Сионисты утверждают, что речь идет о поголовном истреблении детей Израиля,— сначала германских, а затем и европейских (об остальных евреях нет и помину). Но почему об этом говорится так иносказательно? Сионисты отвечают (за Гитлера): потому что он опасался кары за свое злодейство. Какой, однако, застенчивый палач! Он почему-то пугается заявить об истреблении еврейства, но об уничтожении русского народа орет на весь мир. В России (и только - в России) он собирался построить 17 мыловаренных заводов, а во всей оккупированной Европе — ни одного. Неужели он всерьез считал, что из русских мыло более качественное, нежели из евреев?

НЕ БЫЛО ХОЛОКОСТА — вот в чем дело.

Термин: «окончательное решение еврейского вопроса» означал вовсе не истребление детей Израиля, а всего лишь переселение.

Наконец, полезно заглянуть в статистические данные. В 1939 году на Планете проживало около 12 миллионов евреев. Утверждается, что 6 миллионов уничтожили нацисты. Однако в 1983 году под солнцем обитало 14 миллионов детей Израиля. Рост, как видим, в два с половиной раза. Для этого потребна плодовитость гораздо выше африканской. А в еврейских семьях обыкновенно один, два ребенка...

При помощи простейшей арифметики нетрудно подсчитать, что, если принять на веру цифру в 6 миллионов уничтоженных, то к 1983 году евреев было бы около 6,3 миллиона человек.

Откуда же взялись 14 миллионов?!

История пресловутого холокоста сочинена не по документам, а по истерическим воплям.

Страшась разоблачения, сионисты позаботились о том, чтобы заткнуть рот любому сомневающемуся в холокосте. В уголовные кодексы стран Европы внесена специальная статья, безжалостно карающая всякого, кто осмелится потребовать более весомых доказательств.

Сомневаться можно в чем угодно — даже в существовании Бога. Но горе тому, кто заявит, что его никак не убеждают доказательства проведенного нацистами холокоста.

Правда, в прежние времена безбожие каралось смертью. Ныне сомневающихся в холокосте ждет всего лишь тюремное заключение. Гуманизм, однако!

Начались рабочие заседания конференции, и Сталин мгновенно ощутил могучие щупальца западного осьминога: Черчилль и Трумэн действовали сообща, по согласованному плану.

Еще совсем недавно советский Вождь вел сражение с беснующимся Гитлером. Сейчас вместо одного фюрера выступало сразу двое. Иосиф Виссарионович полностью отдавал себе отчет в том, что недавние союзники не простят ему победы над нацизмом. Столько было надежд, столько истрачено средств!

Закоперщиком в дуэте по праву старшинства выступал давнишний сталинский недруг, британский премьер-министр.

Вопрос о Польше, о ее границах и государственном устройстве, как был, так и оставался тараном Черчилля для сокрушения бетонной позиции Сталина во всех вопросах послевоенного устройства европейских дел. Советский руководитель никак не соглашался поступиться хоть частицей одержанной в войне с Гитлером Победы. Современная Польша должна, просто обязана, стать не врагом России, какой она привыкла быть в течение столетий, а дружественным государством, развивающим добрососедские, взаимовыгодные отношения. Появление в Варшаве нового Пилсудского, с его закоренелой русофобией и оголтелым фашизмом, СССР больше не допустит. Этого требуют национальные интересы народов Советской страны.

У русского народа с польским — давний и кровавый спор. Пиком напряжения Иосиф Виссарионович считал Смутное время, когда надменная польская шляхта воцарилась в старинном московском Кремле. Произошло это исключительно по вине государственной ослабленности и поголовному предательству среди высшего боярства. На русском троне едва не воцарился польский королевич Владислав, и для спасения страны понадобилось народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским.

Самые тяжелые воспоминания у Сталина остались от войны с поляками в 1920 году. Тогда он глубоко убедился в том, что поляки — пожалуй, самая русофобская нация

на белом свете. Презрение к «холопам», к «быдлу» — врожденное у шляхтичей.

Нет, пока он, Сталин, жив, полякам больше не удастся влезть на русский двор, даже если они устроятся на горбу напористого Черчилля!

Английский премьер нажимал на мировой скандал с Катынью. Иосиф Виссарионович парировал наскоки убедительными документами и указывал на поганенькую историю с формированием в СССР польской армии генерала Андерса.

После краха Польши в 1939 году тысячи поляков, убегавших от немецких войск, нашли прибежище в стране Советов. В их числе оказался и генерал Андерс, закоренелый ненавистник России и русского народа. Когда Гитлер обрушился на СССР, положение советского государства выглядело катастрофическим. На шестой день немцы захватили Минск, через два месяца блокировали Ленинград, а еще месяц спустя вышли на ближние подступы к Москве. Черчилль, опекавший польское правительство в эмиграции (обосновавшееся в Лондоне), выступил с идеей сформировать из поляков, находившихся в СССР, несколько дивизий, чтобы они усилили советское сопротивление фашистам. Сталин дал согласие. В подписанном соглашении генерал Андерс пообещал, что польские солдаты будут сражаться плечом к плечу с советскими воинами.

На формирование армии Андерса были отпущены громадные средства. Польским солдатам даже сшили традиционные головные уборы -конфедератки. Все дивизии получили советское вооружение.

По мере того, как заканчивалось формирование, менялось настроение генерала Андерса. А когда гитлеровцы вышли к Сталинграду, он потребовал, чтобы поляков отправили в Северную Африку.

Подлец! Куда девались его скромность и приниженность, едва он увидел целые полки своих солдат, вооруженных с ног до головы. Он сразу стал разговаривать с позиции силы. И эта хамская манера подпитывалась из Лондона. Задорный польский «петушок» отлично понимал, что из-за него советский Вождь не станет ссориться с премьером Великобритании. А Черчилль внезапно обратился к Сталину с просьбой не препятствовать отправке польских дивизий в Северную Африку. Ведь они и там будут сражаться против немцев! Какая разница?

Разница имелась, и огромная. Однако Иосиф Виссарионович ссоры затевать не стал и, скрипнув зубами, выпустил поляков.

Польские дивизии, полностью экипированные и вооруженные, покинули СССР в разгар Сталинградской битвы. Это было самое настоящее предательство.

Иосиф Виссарионович не раз с омерзением вспоминал обещания генерала Андерса, его льстивые заверения в дружбе и боевом братстве. Шипящий змей...гадина! Вот такие выродки и делают политику грязным занятием!

Впоследствии генерал Андерс объявил себя сторонником Лондонского эмигрантского правительства. Его солдаты составили костяк Армии Крайовой, подпольно действовавшей на территории освобожденной Польши, и убивали из-за угла советских солдат и офицеров.

Ломая сталинское сопротивление, Черчилль уверенно манипулировал «польскими козырями». По большому счету, ему было совершенно наплевать на генерала Андерса, нетерпеливо ожидающего в Лондоне.

Старый зубр британской политики продолжал осуществлять свою долголетнюю дипломатию по сокрушению Советского Союза. Недолгий период военного сотрудничества закончился. Снова наступило время изощренной конфронтации — скрытой и открытой.

Для Сталина не было секретом, что свои главные надежды Черчилль связывает с окончанием работ по созданию атомной бомбы. Что же касается тайных планов, то они, как и в 1920 году, целиком покоились на мощных возможностях мирового сионизма. Именно тогда, во время наступления Красной Армии на Краков и Варшаву, Иосиф Виссарионович впервые услышал название еврейского банка «Джойнт». Это же финансовое учреждение нет-нет да и проскочит в документах разведки («Джойнт» преследовал Сталина всю его жизнь!).

Здесь, в Потсдаме, Иосиф Виссарионович все чаще задумывался о том, что подпольные кадры сионистов должны орудовать и в СССР. Причем самыми искусными, а следовательно и самыми опасными из них, могут быть вовсе не евреи!

Удручали советского Вождя тяжелые потери на полях войны. Коммунистическая партия положила на алтарь Отечества более трех миллионов человек. Это были лучшие из лучших.

Восстановить такие гигантские потери трудно, а, пожалуй, и невозможно. И эти жертвы вскоре непременно скажутся!

За свою историческую победу над нацизмом Советский Союз заплатил слишком дорогую цену: война сожрала золотой фонд нации.

Русскую аристократию, почти полностью уничтоженную в годы «красного террора», Иосиф Виссарионович уважал за врожденное чувство собственного достоинства. Англичане кичатся своим джентльменством. Русские аристократы значительно превзошли в этом даже самых родовитых британцев.

В прежние времена великосветский Петербург увлекался устройством благотворительных вечеров. В особняках столичной знати проходили концерты, лотереи, литературные выступления. Считалось за правило, что ни артисты, ни литераторы не получают никакого гонорара. Средства, собранные участниками этих мероприятий, направлялись на помощь больным, обездоленным и нищенствующим.

Князь Белосельский-Белозерский обратился к заезжей гастролерше Полине Виардо, французской певице, с просьбой принять участие в концерте, который он устраивал в своем родовом дворце. Француженка (на самом деле — испанская еврейка) надменно ответила, что выступает только за плату. На вопрос, какая сумма ее устроит, она назвала 500 рублей. Деньги ей были обещаны.

После концерта, прошедшего с большим успехом, участников вечера пригласили на ужин. Всех... кроме Виардо. Ей распорядитель вынес на подносе конверт с деньгами. Остальным же актерам, согласившимся выступать бесплатно, хозяин особняка сделал подарки, стоимостью примерно две тысячи рублей каждый.

Умели аристократы отпускать публично пусть и символические, однако хлесткие пощечины!

Иосиф Виссарионович вспомнил этот случай в Крыму, на Ялтинской конференции, когда решил проучить наглеющего день ото дня Черчилля. Британского премьера раздражала установившаяся близость между президентом США и Генералиссимусом. Он старался никогда не оставлять их наедине, с глазу на глаз. Навязчивая настырность англичанина стала раздражать даже выдержанного Рузвельта. Иосиф Виссарионович решил проучить нахального британца.

Нужно заметить, что участники крымской встречи жили не в одном месте, как это было в Тегеране. Рузвельту, человеку больному, отвели апартаменты в Ливадийском дворце (там же проходили и рабочие заседания Большой Тройки). Черчилль поселился в Алупке, в Воронцовском дворце. Сталин жил в Кореизе. Охрана всего побережья была организована образцово.

Однажды утром Иосиф Виссарионович выехал из своей резиденции пораньше. Он договорился встретиться с Рузвельтом перед началом рабочего дня. В Ливадийском дворце Сталин застал Черчилля. Британский премьер выглядел озабоченным. В Англии начинались очередные выборы и сэр Уинстон, насасывая неизменную сигару, предавался тревожным размышлениям. Британские избиратели считали его превосходным военным руководителем, и пока шла борьба с фашизмом, дружные симпатии земляков ему были обеспечены. Бояться конкурентов ему не приходилось. Но войны не стало! В какой степени это обстоятельство скажется на выборе британцев?

Расхаживая в нижнем зале, Черчилль дымил сигарой и посматривал на запертую дверь, ведущую в покои президента. Рузвельт принимал завтрак и готовился к началу заседания.

Увидев советского Вождя, Черчилль быстрыми шагами поспешил ему навстречу. Они обменялись крепким рукопожатием. Своей размеренной походкой Иосиф Виссарионович направился на половину Рузвельта. Черчилль последовал за ним, однако невозмутимая охрана пропустила Сталина, а Черчилля задержала. Перед ним выросла громадная фигура морского пехотинца с заложенными за спину руками. С воловьей медлительностью охранник гонял во рту жевательную резинку. Черчилль словно уперся в каменную стенку. Он отпрянул и целых полчаса мыкался под дверями, сгорая от унижения и жгучего желания узнать, о чем там ведется разговор. Наконец двери покоев распахнулись и оба собеседника, смеясь и переговариваясь, прошли в зал заседаний (Рузвельта, как обычно, катил на коляске чернокожий камердинер). Президент дружески приветствовал мрачно настроенного Черчилля. Сталин же прошел мимо, не повернув головы.

Запомнил ли британский премьер-министр, потомок герцогов Мальборо, эту хлесткую пощечину русского Вождя? Бесспорно, не забыл и забывать не собирался. В Потсдаме, где

седого величавого Рузвельта сменил похожий на приказчика Трумэн, для отмщения возникало множество возможностей. Против Сталина выступал дуэт спевшихся во всем союзников. Таких упорных недоброжелателей русские называют «закляты-ми друзьями». Черчилль брал реванш, настойчиво добиваясь, чтобы советское правительство признало польских эмигрантов, сидевших в Лондоне, и предало Люблинский комитет, опирающийся на части Войска Польского, сражающиеся с гитлеровцами плечом к плечу с Советской Армией.

Настоящим мигом торжества для Черчилля было известие о том, что в США, в пустыне Нью-Мехико, прошло испытание атомной бомбы. Эта новость должна была сразить советского Вождя. Новое оружие неслыханной разрушительной силы разом сводило на нет все победы советских полководцев. Что может противопоставить Сталин? Да ничего не может. И все его армии, наводнившие Европу — ничто!

Для того чтобы оглушить Сталина неожиданным известием, Черчилль разработал целый ритуал. Трумэн пригласил своего собеседника отойти в сторонку, подчеркивая тем самым сугубую конфиденциальность сообщения. При этом он повернул Сталина так, чтобы его лицо было видно Черчиллю. Тот наблюдал за сценой очень внимательно.

Новость, что и говорить, была сногсшибательной!

Однако на лице Сталина не дрогнул ни один мускул. Поблагодарив президента, Иосиф Виссарионович, как ни в чем не бывало, перевел разговор на какую-то пустяковую тему. Черчилль испытал глубокое разочарование. Ему даже показалось, что советский руководитель не понял, а потому и не оценил полученного известия. Ведь с сегодняшнего дня решительно меняется весь баланс сил в международных отношениях (и без того крайне непростых).

Сталину сцена далась необыкновенно тяжело. Ему потребовалось мобилизовать всю свою знаменитую выдержку. Он сорвал миг торжества и Черчилля, и Трумэна. Но у себя в апартаментах обеими руками сжал виски, затем достал из кармана таблетки от давления. В глазах плыли разноцветные круги, слегка подташнивало. Он выпил полстакана колючей минералки и долго сидел с закрытыми глазами.

Выносить такие перегрузки становится уже невмоготу! Перед ним маячила одутловатая физиономия американского президента, его бухгалтерские очки и жадный, мстительный интерес в бегающих глазках. Он сам, бедный, еще не освоился с тем, что случилось на его далекой родине, на песчаном южном полигоне!

Надежды Черчилля ударить как следует «дядю Джо» сногсшибательной новостью не сбылись не только благодаря великолепной выдержке советского руководителя. У Сталина превосходно работала разведка, и он напряженно следил за успехами «Манхэттенского проекта» (под таким кодированным названием была засекречена у американцев разработка ядерного оружия). Его возмущало лицемерие союзников: они всячески утаивали от советского партнера свои атомные работы. А по заключенным договорам никаких секретов между союзниками по войне с фашизмом не полагалось.

Выдержав первый удар, Иосиф Виссарионович невольно задумался о том, какой характер отныне примут международные отношения. От него, разумеется, теперь потребуют значительных уступок и потребуют жестко, властно. Какой им смысл деликатничать? А у нас еще дымится от войны земля, не остыли пепелища, у нас еще не похоронены все погибшие в боях!

Над измученной страной, не залечившей ран, вновь заходит туча страшной беды...

Сталину снова вспомнился Рузвельт. Нет, к атомной бомбе этот политик никак не подходил. Невозможно представить в его руках такое смертоносное оружие. Тут настоятельно требовался только Трумэн!

Но с каким библейским упорством Соединенные Штаты проводят свою глобальную политику!

В 1913 году право печатать доллары обрела небольшая кучка банкиров. Тридцать лет спустя «подросток»-доллар уверенно сшиб с ног одряхлевшего «старикана» — английский фунт стерлингов. Человечество вступило в эпоху массовой долларизации. В жилы мировой экономики стала усиленно закачиваться «долларовая кровь», имеющая ядовитый цвет носков свежеиспеченного президента.

И вот только что хозяева мировых финансов обрели страшилище для любого, кто посмеет косо глянуть на американца, а точнее — на сиониста...

Приезжая из Алупки в Ливадию, Черчилль иногда подолгу любовался спокойной синей гладью моря. На юге уже чувствовалась весна, приятно припекало солнце.

В бульдожьей голове английского премьера теснились бесконечные планы послевоенного устройства Европы. К Германии он проявил жестокость: предложил расчленить ее территорию на три самостоятельных государства (южное, северное и западное). Сталин возражал. На его взгляд, защита человечества от будущих экспансий воинственных тевтонов заключается не в расчленении Германии. Немцы должны остаться единым народом. Необходимо подумать о том, чтобы Германия превратилась в подлинно демократическое государство, дружелюбно настроенное ко всем своим соседям.

Черчилль уступил, настояв лишь на отделении Пруссии — оплота германского милитаризма. Он заявил, что человечество должно забыть такие понятия, как Пруссия, пруссак, тевтонский прусский фундаментализм.

Тогда, в Ялте, «Большая Тройка» приняла конкретные решения. Иосиф Виссарионович принял дар союзников — Пруссию, пообещав взамен принять участие в войне с Японией.

Теперь, в Потсдаме, многое переменилось. Не имея атомной бомбы, Советский Союз сразу очутился на положении бедного родственника. И Черчилль плотоядно ухмылялся. Он предвкушал, как станет ломать сталинское упорство в решении судьбы послевоенной Польши. Получить наслаждение он не успел. В Англии подошла пора очередных выборов в парламент, консерваторов «прокатили». Черчилль был вынужден покинуть свой высокий поет премьера. На его место заступил лейборист Эттли.

Покидая Потсдам, сэр Уинстон нанес прощальный визит Сталину. Последняя встреча старых противников получилась необычной. Состарившийся политический зубр сознавал, что итоги выборов выпихнули его из Большой Политики. Теперь его ожидала унылая пора доживания — пора радостных и тяжких воспоминаний, благодатных для сочинения мемуаров.

Почтенный возраст сильно сказывался на обоих собеседниках. Старость не пощадила ни потомка герцогов Мальборо, ни сына грузинского сапожника. В молодые годы на густых и жестких сталинских волосах едва удерживалась армейская фуражка. Сейчас он стал совершенно сед, редки волосы. Голова же Черчилля стала совершенно голой.

Подведение итогов долгой бурной жизни уже началось в душе британского экс-премьера. Он совершенно иными глазами взглянул на советского Вождя. С этим человеком его свела безжалостная политическая судьба. С первых лет Советской власти сэр Уинстон заявил и проявил себя как ее непримиримый враг. Он приложил немало сил для изменения режима в России, но не добился ни малейшего успеха. Советский Союз на его глазах развился, окреп и уверенно выдвинулся в узкий круг ведущих мировых держав. Организатором таких исторических побед явился вот этот русский грузин, тоже постаревший и тоже, как замечал Черчилль, склонявшийся к подведению итогов своей жизни.

Разница была в одном: Черчиллю пришлось уйти, а Сталин оставался на своем посту и получал возможность завершить жизненный путь по-солдатски: в самой гуще непрекращающихся мировых баталий.

А испытания Советскому Союзу предстояли немалые и нелегкие. Об этом Черчиллю было известно, как никому другому.

Иосиф Виссарионович изумился, когда британский визитер, отговорив положенное по протоколу, стал выказывать желание продолжить беседу. Кажется, он догадался, что происходит в душе вдруг расстроившегося гостя. Что ж, понять это нетрудно. Тем более, что они, два старожила мировой политики, успели, как это по-русски говорится, съесть не один фунт соли.

Армянский коньяк по-прежнему был превосходен и Черчилль, колыхая чрезмерным чревом, то и дело тянулся к нарядной бутылке и сам себе все подливал и подливал.

У них со Сталиным никогда не возникало близости (такой, как у Сталина с Рузвельтом). Они как были, так и оставались врагами. Сблизил их на время общий недруг — Гитлер. Но вот его не стало и пути обоих разошлись, — они, подобно боксерам, мгновенно отскочили каждый в свой угол.

Гитлер... Ах, если бы удалось прошлогоднее покушение на этого ублюдка! Как сразу изменилась бы политическая конъюнктура в воюющей Европе! К тому времени, к концу июля, войска союзников стальной лавиной двигались на Восток. И где гарантия, что жителям Москвы вновь не пришлось бы убегать из своего города? Только вместо фон Бока и Гудериана под стенами советской столицы стояли бы Эйзенхауэр и Паттон...

Капризная судьба уберегла Гитлера, и все задуманное пошло кувырком. А теперь Сталин на коне и со щитом. СССР, детище советского Вождя, подобно стальному клинку, лишь закалился в огне невиданной войны.

Отставному британскому политику все время казалось, что советский Вождь посматривает на него с высоты своего несокрушимого положения.

Перед тем, как подняться из-за стола и произнести последние слова, Черчилль внезапно впал в меланхолию и долго рассматривал рюмку с коньяком на свет.

— В чем разница между государственным деятелем и политиком? — задал он неожиданный вопрос. Помедлил и сам ответил: — Первый думает о будущих поколениях, второй — о предстоящих выборах.

По-видимому, он сожалел о том, что понадеялся на симпатии англичан и не принял необходимых мер для победы на выборах.

После прощания с Черчиллем Иосиф Виссарионович остался в одиночестве. Он подошел к высокому окну и долго смотрел на газон ухоженных цветов. Мысли его по-прежнему были связаны с человеком, которому он только что долго жал руку. Несомненно, крупный человек, он вдруг потерял всякое влияние и власть по капризу подсчитанных бюллетеней в избирательных урнах. Все-таки дурацкие коленца выкидывает эта западная демократия! Черчилль, как к нему ни относиться, на несколько голов выше всяких там Чемберленов (недаром об этом старом Чемберлене и о Даладье, участниках Мюнхенского сговора, Гитлер презрительно заметил: «Это жалкие черви!»). Думается, Эттли окажется никак не выше Чемберлена. А между тем Черчилль отстранен волею своего народа. Но сознает ли сам этот народ всю важность своего неожиданного выбора?

Нет, у нас в СССР такое невозможно. И — слава Богу, что невозможно! Иначе... Иначе в разгар битвы под Москвой советские люди массово двинулись бы не в окопы, а на избирательные участки. Не видать бы нам Победы с такой демократией!

Медленно закатывался тихий вечер, уходил из жизни еще один прожитый день. Иосиф Виссарионович размышлял о таком мощном государственном рычаге в его руках, как партия. Зародившись на рубеже веков из ничтожного зерна, партия

большевиков выросла в великую созидательную силу. Другой такой не существовало нигде во всем мире. Благодаря партийной власти удалось такими темпами неузнаваемо преобразовать отсталую страну и добыть небывало трудную Победу. Имей Черчилль в своих руках такой рычаг, он не слетел бы со своего поста. Но... многопартийность, соперничество, постоянная состязательность перед взыскательными взглядами народа.

Уместна ли подобная нестройность в государственных делах при особо сложных ситуациях?

Единство — главное наше преимущество.

Вопрос о расстреле польских офицеров в Катынском лесу обсуждался уже без Черчилля. Всю муть с этими якобы «зверствами ЧК» поднял колченогий Геббельс. После поражения на Курской дуге гитлеровский режим осознал свою обреченность и занялся поисками спасения. К изумлению Сталина, полную поддержку Геббельс нашел в Лондоне. Там словно обрадовались возможности свести с русскими застарелые счеты.

Иосиф Виссарионович в объяснениях был краток, резок. Его память работала превосходно. Он до сих пор не мог забыть зверств поляков на захваченных в 1920 году землях Украины и Белоруссии. В г. Пинске польские жолнеры захватили в синагоге 40 евреев, бедных, плохо одетых и расправились с ними под тем предлогом, что те «выглядели, как настоящие большевики». Одному из них солдаты распороли живот, зашили туда живого кота и стали заключать пари: кто скорей умрет — еврей или кот? В г.Ровно поляки расстреляли 3000 евреев. Отступая, они мстительно разрушили артиллерийским огнем городок Борисов. В Киеве оставили после себя взорванную электростанцию, разрушенную канализацию и руины на месте собора Св. Владимира.

И это называется «бастионом христианской цивилизации против восточного варварства»?!

В общем-то гитлеровцам было у кого учиться!

Сталина возмущало подозрительное согласие лондонских эмигрантов с гибнущим нацистским режимом. Почему никому из них не пришло в голову дать вразумительный ответ на вполне естественный вопрос: а зачем потребовалось Советам расстреливать поляков, если они выпустили в Северную Африку более 130 тыс. солдат Андерса?

И — еще одна деталь. Все польские офицеры были убиты пулями немецкого образца. В Советском Союзе таких пуль не имелось. Однако клеветники не унимаются и тут. «Э, чекисты с п е циально раздобыли немецкие патроны!» Эту нелепость не хочется и опровергать. Поляков вроде бы расстреляли в июне 1940 года. А решение напасть на СССР Гитлер принял только в декабре (он подписал план «Барбаросса» 18 декабря). Выходит, что советские власти знали о нападении на СССР за полгода до решения Гитлера и при этом планировали свое отступление самое малое до Смоленска!

Выслушивая эти бредни, Сталин с трудом сдерживал гнев. Но ведь болтают и болтают, как говорится, на голубом глазу. О, мерзавцы!

Что касается «русских зверств», то в 1945 году СССР, сам находясь в тяжелом положении, передал Польше 150 тыс. голов крупного рогатого скота, 800 тыс. тонн зерна, много нефти, угля и других товаров.

Трумэн заикнулся о плохом содержании поляков в советских лагерях. Сталин вспыхнул. 800 граммов хлеба в сутки — плохое содержание? Да еще 75 граммов мяса, 50 граммов рыбы, 30 граммов сливочного масла. У нас такого снабжения не имеют даже солдаты на фронте! После такой отповеди Сталина оба собеседника оставили «польский вопрос» в покое.

Впрочем, Трумэн не удержался и как-то вклеил в свое выступление за круглым столом небрежный упрек советскому главнокомандованию за поражение Варшавского восстания. Уж лучше бы он промолчал!

Вся афера с восстанием Бур-Комаровского затевалась с намерением насолить все тем же ненавистным русским. Иосиф Виссарионович припомнил, как в самый канун восстания в Москве появились польские представители из Лондона: С.Миколайчик, С.Грабовский и Т.Ремер. В это время советские войска вышли на Вислу и, как ожидалось, с ходу начнут переправу. В Лондоне рассчитали, что первые части Красной Армии встретят повстанцы Бур-Комаровского. Получится, поляки сами освободили свою столицу!

На беседе в Кремле Миколайчик заносчиво объявил:

— Варшава может быть освобождена нами в любой момент!

— Дай-то Бог, дай-то Бог,— вздохнул Иосиф Виссарионович. Но — без танков, без артиллерии, без авиации?

— Но вы же нас всем этим снабдите!

Сталин демонстративно подавил сочувственный вздох и произнес:

— Нам об этом необходимо хотя бы вовремя услышать!

Авантюра с «собственным освобождением» потерпела крах. 2-го октября растрепанные отряды Бур-Комаровского капитулировали. Негодуя по поводу напрасных жертв, Иосиф Виссарионович обвинил в этом грязных политиков, неспособных видеть дальше собственного носа.

Ничтожные политические шавки! Они соображают, с кем имеют дело? В 1920 году французский генерал Вейган с помощью Пилсудского не пустил Красную Армию в Европу. Не хотят пустить и теперь? А силенок для этого у вас достаточно?

Сталин предвидел: «рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди бросили безоружных людей под немецкие танки, пушки и авиацию».

Как несостоявшийся священник, Иосиф Виссарионович отлично знал Священное писание и всегда с иронией относился к разглагольствованиям насчет так называемых «прав человека». Нигде — ни в заповедях Моисея, ни в заповедях Иисуса Христа нет ни слова о правах, а говорится только о ДОЛГЕ, об ОБЯЗАННОСТЯХ. Человек, высочайшее творение Вседержителя, с момента своего появления на белый свет обречен на исполнение своего жизненного ДОЛГА. Потому-то ему и положено оставаться Человеком, а не двуногим скотом!

Всячески обсасывая «права человека», собеседники Сталина исходили фальшивым гневом по поводу депортации в СССР целых народов.

Иосиф Виссарионович лишь устало морщился. Господи, как надоела демагогия! Почему они замечают соринку в чужом глазу, а л собственном не видят целого бревна? Да разве в Советском Союзе допустимы такие методы, как в тех же Соединенных Штатах? После трагедии Перл-Харбора ВСЕ американские японцы были заключены в концлагеря до конца войны.

Японцами считались граждане США, в жилах которых имелась шестнадцатая часть японской крови. За колючей проволо-

кой оказалось более 120 тыс. человек, так называемых японцев. Из них — 60 тыс. женщин и детей.

И это — демократия? Да в Советском Союзе такая с позволения сказать «демократия» попросту немыслима!

Насчет последней высылки чеченцев — у советского руководителя имелись убедительные доказательства.

Чеченцы в течение столетий считались проблемой многонациональной России. Этот народ привык жить грабежом, захватом заложников — и стоило больших усилий заставить его обуздать свой нрав и влиться в дружную семью народов. К сожалению, Кавказ издавна привлекал алчные аппетиты разнообразных переустройщиков мирового порядка. Тот же Черчилль еще в 1919 году указывал на Северный Кавказ, как на предельно уязвимое «подбрюшье» России и носился с планом совместной агрессии против СССР, сколачивая блок Лондона, Парижа и Анкары. Гитлер не придумал ничего иного, как пойти по следам Черчилля. «Регион Каспийского моря,— указывал он,— навсегда обезопасит восточноевропейский и азиатский тыл рейха». Свои намерения фюрер согласовал с Турцией. 18 июня 1941 года (за три дня до вторжения в СССР) появился секретный протокол о «дружбе и сотрудничестве». Под протекторатом Берлина и Анкары создавалась конфедерация «горских народов» (Чечено-Ингушетия, Дагестан, южная и северная Осетия, Кабардино-Балкария, Адыгея, Карачаево-Черкесия и Абхазия). Что касается остальных регионов, то юго-западная Грузия, Нахичеванский район и Аджария передавались Турции, Карабах возвращался Армении, Мингрелия со столицей в Поти провозглашалась «зоной особых интересов» самой Германии.

Секретные службы Третьего рейха придавали особое значение Чечне. Еще до нападения на СССР там действовала агентура абвера, заброшенная самолетами (ночные прыжки на парашютах). Когда на Волге началось Сталинградское сражение, немцы сбросили в горы мощный десант (под руководством майора Ланге) и в Чечне вспыхнуло кровавое восстание. Как всегда, первыми под нож «джигитов» пошли русские женщины и дети.

Неукротимой яростью отличались банды Д.Муртазалиева и А.Бадаева. Эти разбойники отсиживались в горах еще с 1925 года.

На языке военных восстание чеченцев называлось ударом в спину. За такое предательство в военное время полагалось самое жестокое наказание. Думается, те же американцы применили бы массовые расстрелы. Советское правительство ограничилось высылкой, т.е. очищением прифронтовой полосы. В Казахстане, куда отправили чеченцев, им предоставили землю, скот, денежное вознаграждение. Кстати, для русских, отправленных в ссылку во время коллективизации, таких благ никто не допускал.

Сталин органически не выносил национализма (в том числе и русского). Он был и оставался убежденным интернационалистом. И все же в упорных спорах с американским президентом и британским премьер-министром он принимался аргументировать страданиями русского народа. В самом деле, разве крымские татары не вырезали тысячи русских? А сколько русских женщин, стариков, детей пошло под нож чеченцев? А сколько русской крови пролилось под шашками калмыцких карательных батальонов? Получается явная нелепица: русских обязывают соблюдать права чеченцев, крымских татар, калмыков и других народов, но — каким образом? Только одним: безропотно подставлять свое горло под их ножи!

Странные ПРАВА и странные ОБЯЗАННОСТИ! Как бывший нарком по делам национальностей, Иосиф Виссарионович уверенно разбивал наскоки своих настырных собеседников. Ни в одном вопросе он ни на шаг не отступил от своей позиции.

Большая Политика, считал он, может быть очень сложной, но никогда не должна становиться грязной. Вытирай почище ноги и полы — в помещении будет постоянно чисто!

Еще накануне войны, перед нападением Германии на Советский Союз, Сталин сумел вернуть в состав СССР все территории России, которые растащили у царя хваткие соседи. Вернулись к отчим землям Западная Украина и Белоруссия, а также старинные русские губернии Прибалтики и Бессарабии. Оставалась одна незаживающая рана — остров Сахалин и острова Курильской гряды, захваченные японцами в нагло развязанной войне в начале века. Теперь настала очередь рассмотреть и решить территориальные вопросы и с Японией. Планы Сталина были обширны. Безоговорочная капитуляция японского милитаризма предоставляла победителям безграничные права. К

островам Курильской гряды так и просился остров Хоккайдо. Генералиссимус распорядился проработать план военной операции, наметить количество необходимых подразделений. У трех фронтов, добывших победу над Квантунской армией Японии, сил было вполне достаточно.

Однако атомная бомба смазала всю картину международных взаимоотношений. На пути сталинских планов плечом к плечу встали Черчилль с Трумэном. Они без лишних слов сумели продемонстрировать Сталину превосходство своих сил. Насчет возвращения СССР островов Курильской гряды и Сахалина они не возражали. Но едва Сталин заикнулся об о. Хоккайдо, оба англосакса замотали головами и в качестве запретительного аргумента пригрозили атомной бомбой. Пришлось уступить. Советскому народу не хватало лишь атомной бомбардировки!

Невольно вспомнилось прошлогоднее отступление союзников в Арденнах. Под занавес войны немцы решили показать американцам и англичанам, что вояки из них никудышние. От первого же удара немцев среди войск высадившихся англосаксов воцарилась паника. Черчилль с Рузвельтом направляли Сталину телеграмму за телеграммой, умоляя выручить их из свалившейся беды. Советской Армии пришлось начать наступление на неделю раньше запланированного срока. И часть союзников, бежавших к берегам Ла-Манша, была спасена. Немцы прекратили наступление на Западе и стали перебрасывать свои дивизии под Берлин.

Полякам в Лондоне (как и американцам с англичанами) все же пришлось признать Люблинское правительство. В боях за освобождение Польши от фашизма Красная Армия потеряла 600 тыс. солдат. Такие чудовищные жертвы предъявляли свои права. Будущая Польша, послевоенная, ОБЯЗАНА стать дружественным соседом Советскому Союзу.

— Для вас это вопрос престижа, — заявил он еще Черчиллю, — а для нас — это вопрос национальной безопасности!

Во время Варшавского восстания в польскую столицу был сброшен на парашюте советский разведчик Иван Колос. Он пробыл в сражавшемся городе около двух недель. Глазам советского офицера предстали жуткие картины озверелости восставших. Поляки без разбора расстреливали евреев и украинцев. А как они стали бы хозяйничать, если бы их планы осуществились полностью?

Нет, хватит СССР иметь под боком такого ненадежного соседа!

В завершение польских дел Иосиф Виссарионович убедил своего любимца маршала К.К.Рокоссовского принять на себя обязанности министра обороны демократической Польши.

Всю свою жизнь И.В.Сталин работал по жесткому графику. В Потсдаме этот привычный график пришлось дополнительно ужесточить. Помимо сражений за круглым столом ежедневно необходимо было заниматься домашними делами — фельдсвязь с Москвой работала безукоризненно.

Несмотря на предстоящую войну с Японией, начиналось массовое сокращение армии. Страна лежала в развалинах и требовала не военных, а рабочих рук. Советский Вождь настойчиво добивался от союзников разрешения вопроса о репарациях. Режим нацистов рухнул и рассыпался, но вина Германии за учиненное опустошение оставалась. Советские специалисты приступали к демонтажу немецких предприятий.

Без особых споров удалось договориться об учреждении Военного трибунала для суда над главными нацистскими преступниками.

Гитлер, Геббельс и Гиммлер покончили жизнь самоубийством. Остальных арестовали и бросили на тюремные нары.

Много забот вызывало формирование правительств в странах народной демократии. Красная Армия не пустила союзников на Балканы. Они постарались по-своему компенсировать этот пробел. Еще на заключительном этапе военных действий на территориях Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Австрии и Югославии появилось сионистское подполье, имевшее тесные связи с секретными службами западных стран.

«Еврейский вопрос» еще не стал главной проблемой послевоенного устройства мира. Но первые стычки за круглым столом все же состоялись. Советский Вождь никак не соглашался признавать евреев самой пострадавшей нацией. Гитлер прямо заявлял, что целью нацистов является истребление не евреев, а славян. И вот итог этой истребительной бойни: около 50 миллионов человек. Сколько же среди них евреев?

В советской делегации работали выдающиеся специалисты. Стоило Сталину протянуть за спину руку, он получал тщательно разработанный документ.

Бабий яр? Да, немцы расстреляли там 32 тысячи евреев. Но в этой гигантской могиле закопано еще более ста тысяч расстрелянных русских и украинцев!

«Протокол Ванзее»? Но этот документ появился лишь 20 января 1942 года, т.е. после разгрома немцев под Москвой. А год спустя Гиммлер уже подписал знаменитый приказ, запрещавший расстреливать евреев.

Легкий шок за круглым столом вызвали данные о количестве военнопленных, захваченных советскими солдатами. Причем не только тех армий, с которыми мы воевали (немцы, венгры, румыны, итальянцы, австрийцы). С оружием в руках были пленены поляки, французы, чехословаки, югославы, голландцы, финны, датчане, испанцы, шведы, норвежцы. Самое ошеломительное: среди солдат вермахта, угодивших в советский плен, оказалось более 10 тыс. иудеев и даже 383 цыгана!

В глазах советского Вождя блеснула искра юмора. Он представил, как вроде бы ненавистные немцам иудеи коченели в тощих солдатских шинелишках, кутались в бабьи платки и отламывали сосульки под своими атлетическими носами.

Василий Сталин, молодой 24-летний генерал, командовал Первой гвардейской истребительной дивизией. Не имея возможности встретится с отцом, он разговаривал с Власиком. Начальник сталинской охраны знал его с детских лет. Василий собирался говорить с отцом по важному делу. В дивизии, которой он командовал, участились аварии самолетов. Гибли лучшие летчики. Василий уверял Власика, что машины поступают в части с заводским браком. Власик огорченно крякал и отказывался верить. Как это так... брак? Кто такое посмел? Это же диверсия!

В конце концов ему удалось пропихнуть Василия к отцу.

Своих сыновей Иосиф Виссарионович школил. Даже Артем, сынишка покойного друга, постоянно чувствовал суровую сталинскую руку. Никому из трех мальчишек он спуску не давал. Слабостью Сталина, стареющего отца, была Светланка, девочка.

Зная отцовский нрав, Василий доложил о своем прибытии по уставу. Иосиф Виссарионович устало выбрался из-за стола. Он был рад минуте встречи с сыном. Глаз его отдыхал на стройной мальчишеской фигуре младшего сына. Василию необыкно-

венно шла военная форма. Своим живым подвижным лицом он все больше напоминал покойную мать.

После разговора с сыном Сталин помрачнел. Сигнал тревожный, что и говорить! Нет, надо поскорее завершать дела и возвращаться. Не годится так надолго оставлять рабочее место...

Уезжая домой, Иосиф Виссарионович оставил в Берлине молодцевато-победительного Г.К.Жукова.

Из Потсдама в Москву Иосиф Виссарионович вернулся 4-го августа. Он отсутствовал более двух недель. На столь долгий срок он еще не покидал страну (поездка в Тегеран заняла всего несколько дней).

Нечеловеческое напряжение в Потсдаме сказалось самым роковым образом: произошло кровоизлияние в мозг (инсульт или, как говорили в ленинские времена, удар). К счастью, знаменитое грузинское здоровье еще не покинуло советского Вождя.

Постельный режим длился недолго. От перенесенного недуга остались явные следы: речь Сталина замедлилась, удлинились паузы между редко произносимыми фразами. Иногда он вдруг прикрывал глаза, как бы одолевая какую-то внутреннюю боль. Потом следовал лёгкий вздох, распрямлялись плечи, поднималась голова...

Пришлось окончательно расстаться с трубкой. Табак ему был противопоказан.

Он заметил в глазах окружающих беспокойство. ХОЗЯИН сдавал. Старость не щадит даже самых выдающихся людей. Возраст Сталина приближался к 70-ти годам. Причем вся его жизнь была наполнена борьбой, лишениями, постоянным напряжением душевных и физических сил. Наступал и з н о с, как в любом даже самом совершенном механизме.

Через два дня после возвращения из Потсдама пришло известие, что американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму. Миновало три дня, и такая же бомба разнесла в пыль еще один японский город — Нагасаки. Число жертв среди мирного населения достигло четверти миллиона.

С такой разрушительной силой человечество столкнулось впервые. И эта сила находилась в руках самых оголтелых милитаристов-сионистов.

Пестренький Трумэн, как и ожидалось, принялся с упоением размахивать бомбой, как убийца окровавленным топором.

Спрашивается, какие военные объекты Трумэн нашел в этих несчастных японских городах? Ни в Хиросиме, ни в Нагасаки не было ни одного военного объекта! Их разрушение и массовое убийство мирного населения — акт самого отвратительного вандализма, наглая демонстрация своей силы всему ошеломленному миру.

Иосиф Виссарионович не сомневался, что атомное устрашение в первую очередь относится именно к Советскому Союзу. Уж слишком велика оказалась мощь наших армий после разгрома фашизма. Ударив по городам Японии, высшее руководство США и их сионистские круги назидательно погрозили пальцем лично ему, Генералиссимусу победоносной армии, Вождю советского народа!

В Потсдаме Сталин дал обязательство вступить в войну с Японией. 9-го августа Советская Армия перешла границу в Забайкалье и Приморье. Квантунская армия, самое боевое и многочисленное подразделение японцев, была разгромлена в первые дни. 2-го сентября на борту линкора «Миссури» представители Страны Восходящего Солнца подписали акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война закончилась.

В теперешнем поведении недавних союзников замечались откровенная досада и вызов Стране Советов, ее руководству. Гитлер не сломил Советского Союза. Достигнутая Победа значительно укрепила страну социализма, а симпатии к ней трудящихся на всей Планете возрастали с каждым днем.

РОКОВЫЕ ТРЕЩИНЫ В МОНОЛИТЕ

После разгрома фашизма СССР превратился в могучую державу — наглядный пример всем развивающимся странам.

Западный историк С. Моррисон высказал замечание, полное скрытых упреков тем, кто помогал СССР в его борьбе с Гитлером: «Западные союзники забыли о старом принципе, что наши сегодняшние враги могут нам понадобиться как союзники завтра».

Аналогично откликнулся американский публицист Х. Болдуин, известный своими симпатиями к разгромленным нацистам: «Величайшая возможность для демократии представилась 22 июня 1941 года, когда Германия напала на Россию. Но мы упустили эту возможность».

Стали подавать голоса и видные политические деятели. Сенатор Уоллес никогда не скрывал своей звериной ненависти к «красным». Теперь он стал трубадуром американской мощи. Его стратегический взгляд перекинулся с берегов Рейна на берега Волги и Хуанхэ. Он провозгласил: «Американская граница везде, куда может достать атомная бомба, где могут спуститься американские парашютисты. Наши границы — повсюду!»

Вся эта воинственная филиппика негласно адресовалась Советскому Союзу и странам народной демократии. Порою Сталину казалось, будто все угрозы направлены персонально против него. Иногда он размышлял: возникла бы или нет такая конфронтация при жизни Рузвельта? Но если бы и появилась, то устранить ее было бы намного легче. Рузвельт осмысливал процессы мировой политики гораздо глубже своего крикливого окружения.

Тем временем в Америке появился исторический документ, в котором сформулирована стратегическая программа по устранению с мировой арены могучего Советского Союза. Изложил эту дьявольскую программу Аллен Даллес, тот самый, кто усиленно шушукался в Швейцарии в конце войны с представителями Гитлера.

Документ этот, разработанный с такой же скрупулезностью, как и знаменитые «Протоколы сионских мудрецов», определял направление всей Большой политики США на многие десятилетия.

Вот о чем поведал Аллен Даллес (как видно, трудившийся над этим документом еще до капитуляции Японии): «Окончится война, всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем...всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников... своих помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем не заметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого.

Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать

основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, выветривать этот ленинский фанатизм. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это и сделаем».

Потрясающий цинизм!

Установку авторы документа, несомненно, почерпнули в давнишнем «Определении», разработанном масонским ареопагом в далеком 1871 году. Современный вариант «Майн кампф».

Отныне в отношениях с Советским Союзом военные действия исключались. Аллен Даллес, безусловно, знал изречение Ленина о том, что победить большевиков смогут...только большевики. Поэтому ставка сионистов делалась на создание «пятой колонны», на использование в своих подлых целях советского внутреннего отребья.

«Ленинский фанатизм...».

Иосиф Виссарионович испытывал чувство гордости. Все-таки он поступил на редкость дальновидно, сотворив из рано умершего Ильича колоссальную фигуру коммунистического Спасителя. Это признали и усвоили даже недруги!

«Самый непокорный народ...».

Свою самость (в непокорности захватчикам) русские доказали всей своей многовековой Историей, насыщенной войнами и трудом. Отныне на повестку постоянных домогательств Мирового Зла ставится вопрос истребления здоровых сил русского народа (а вместе с ним и всего советского), а затем превращения остатков этих народов в рабов, в двуногих скотов, в человеческую слякоть. Страшная угроза! Но разве не этому наставлял его еще в дни юности мудрый о. Гурам?

В работе время летит незаметно. В конце 1945 года совсем забылось, что еще недавно мощно грохотали все 10 советских фронтов.

Последний военный год стал первым послевоенным, мирным годом.

В марте следующего года дал о себе знать Черчилль. Пребывать в безделье этот человек не привык. И — не хотел. Старый политический конь, он деятельно откликнулся на боевой зов трубы мирового сионизма.

Самый яркий из политиков Запада, самый упорный из противников страны Советов, он острее всех переживал неуязвимость социалистической системы.

Старинный «заклятый друг» отправился в Мекку современного сионизма, в США, и там, в городишке Фултоне, на юбилее незначительного и ничем не примечательного колледжа произнес зажигательную речь, объявив Советскому Союзу настоящую войну,— пока что «холодную», а не «горячую».

По сути дела Черчилль подхватил запев Аллена Даллеса.

Натолкнувшись на неустрашимость Сталина перед атомной бомбой, деятели Запада положили все свои надежды на пресловутую «пятую колонну». В создании этого разрушительного «оружия» они достигли особенного мастерства. В свое время Ежов почти под корень вырубил заботливо выпестованные кадры предателей. Теперь ничего не оставалось, как начать всю кампанию вновь.

Иного пути для сокрушения страны победившего социализма у новоявленных претендентов на мировое господство попросту не имелось.

А в использовании разнообразной человеческой нечисти они никогда не знали себе равных!

Итак, снова «пятая колонна»...

Со времен Александра Невского «цивилизованный» Запад не оставлял настойчивых попыток «окультурить» лапотную сермяжную Россию. Недавняя установка Аллена Даллеса исключала военные действия.

«Холодная» война избрала полем сражения культуру, искусство, литературу. Ленинград, место недавней работы А.А.Жданова, ловко использовался сионистами, как «окно в Европу» — для проникновения за «железный занавес» сырых нездоровых сквозняков с Запада.

Жданов знал, что Генеральный секретарь не жаловал этот прекрасный город, как место гибели незабвенного Мироныча, «брата любимого». Законопатить наглухо «окно в Европу» не удалось даже старательному Ежову. Разнообразный гнус западных влияний проникал в любые щели. А, проникнув, принимался раздражительно зудеть и жалить.

Снова, как и в начале века, интеллигенция стала дрожжами внутреннего разлада и неустройства общества. По-

сиделки на обывательских кухнях постепенно обретали угрожающую опасность.

Опытный идеологический работник Жданов всеми силами стремился остановить внутреннее загнивание, выражавшееся пока что в космополитизме и в погоне за «красивой» жизнью. К сожалению, его усилия успеха не приносили.

Срабатывал закон сопротивления: чем сильней нажим властей, тем мощней обратная отдача. Строгости, а порою и репрессии, не излечивали опасного заболевания, а лишь загоняли недуг вглубь.

На Сталина, с трудом оправлявшегося от болезни, наваливались заботы, справиться с которыми требовались силы нерастраченные и здоровье богатырское. Страна после войны лежала в развалинах. Победителей ждал невыносимо тяжкий груз восстановительных работ.

Советский Вождь, несостоявшийся священнослужитель, припоминал вещие слова древнерусского прозорливца, епископа Феофана, закончившего свои дни в удалении от суетных людей, в глухом размыслительном затворе: «Западом и наказывал, и наказывает нас Господь, а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим. Есть уши, но не слышим и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня...».

Угар... Удивительно точное слово нашел мудрый старец-затворник.

А из-за океана продолжали поддавать этого помрачительного дурмана.

«Наша задача,— наставлял все тот же А.Даллес,— разоружить их идейно, выбить из них тот дух, который в конце концов позволил им выстоять и победить в войне против объединенных сил фашизма, в войне, которую по всем законам логики они выиграть не могли. Надо поставить свою работу таким образом, чтобы в будущей войне у них не было Космодемьянских и Матросовых».

Немецкий писатель Генрих Манн обрел мировую известность своими капитальными произведениями: романом «Верноподданный» и трилогией «Империя». Его герои живут в условиях Веймарской республики, государства, породившего

нацистский режим Гитлера. Беспощадно обличая дельцов и политиканов, писатель нажил массу врагов и вскоре был вынужден эмигрировать в Америку. Он приветствовал поражение фашизма и объявил себя горячим сторонником Германской Демократической Республики.

Послевоенный мир раскололся на два непримиримых лагеря: социализма и капитализма. Антифашист Г.Манн безошибочно угадал в сионизме продолжение ненавистного ему нацизма. Свое отношение к тому, что видели его глаза, он изложил в книге, названной «Обозрение века».

Выдающийся мыслитель и знаток нравов так называемой Большой Политики Г.Манн четко обозначил главную причину неистового обозления сионистов: отсутствие в СССР частной собственности, а следовательно невозможности экономического хаоса, помогающего разнообразному жулью плести комбинации и тем самым зарабатывать. Народная собственность ненавистна политической шпане, находящейся на коротком поводке у подлинных хозяев жизни.

Писатель уже в те годы прозорливо увидел грядущие испытания, которые выпали на долю народов великого Советского Союза. Он писал:

«Советский Союз отступить не может. Это было бы не временным отступлением, как некогда во Франции, а концом. Обобществленную собственность, превращенную в частную, нельзя национализировать вторично. Это не буржуазная пресса, которую то зажимают в тиски, то объявляют свободной. Для страны социалистической революции отступление означало бы войну, чрезвычайно кровавую, которая привела бы к гибели не только эту, но и любую другую страну. Экономика перешла бы в частные руки, но вовсе не в руки местного населения, и в результате в стране воцарились бы чужеземцы».

Необыкновенно правильное и предельно четкое понимание всех усилий недругов страны Советов! Страны, где не существует частной собственности, где общество свободно от стяжательства, от алчности, где народ в едином трудовом порыве напоминает одну огромную семью. Осуществленная мечта всех утопистов, грезивших о всеобщем счастье!

В Баку, городе своей революционной юности, Иосиф Виссарионович много раз слышал имя великого национального поэта

Низами, автора героического эпоса «Искандер — намэ». В духанах, на базарах, на собраниях местной интеллигенции непременно декламировались восхитительные строки поэта о сказочном обществе, в котором нет деления на бедных и богатых, нет нищеты и рабства, выдаваемых за некие Божественные установления.

Мы имуществом нашим равны.
Равномерно богатства нам всем вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим.
И у нас не смеются над чьим-либо плачем!

Недаром нефтяники Азербайджана первыми в Закавказье национализировали богатства своих недр, они прогнали и Манташева с Чермоевым, и лукавых англичан, успевших расстрелять в песках Красноводска 26 бакинских комиссаров...

Инсульт (удар в мозг) сделал Сталина инвалидом. Он уже не мог выдерживать неистового напряжения в работе до рассвета. Болен был и Жданов. Кто придет им на смену?

Недавно Иосиф Виссарионович высказался в директивном плане, обязав каждого из высших партийных и государственных руководителей заблаговременно подготовить по пять-шесть молодых работников, будущую смену самим себе.

К сожалению, указания Вождя встретили пусть и незаметное, но упорное сопротивление как раз этих самых старившихся управителей. Они уже настолько срослись со своими должностями, что собирались властвовать до смертного часа. Естественно, отсюда и незаметное стремление препятствовать росту именно талантливым работникам. «Топи их, пока они слепые!» Ради сохранения должностей властолюбивые старцы были готовы на любую подлость и незаметным образом превратились в большую государственную беду.

Словом, первое же нездоровье Великого Вождя обнаружило глубокие расстройства в, казалось бы, несокрушимом здоровье руководящей партии. Это был нехороший, грозный признак.

А разнокалиберная сволочь продолжала заполнять руководящие структуры в партии и государстве, всюду насаждая лицемерие и алчность. Ей хотелось л и ч н ы х самолетов, роскошных вилл на самых экзотических побережьях, безоглядно-

го расходования на свои прихоти огромных государственных средств. Все это в стране имелось, но ХОЗЯИНОМ богатств считался народ, государство, Великая Держава.

Да плевать нам на эту Державу! И на народ этот — тоже плевать. Жизнь в конце концов дается один раз!

Сволочь все же осуществила свои низменные желания,— правда, за счет развала Великой Державы и неслыханного ограбления Народа.

Коммунистами они себя никогда не считали, но горделиво выпячивали грудь как члены партии.

Так началась чудовищная девальвация высокого звания и призвания: многие коммунисты стали постепенно превращаться в «комуняк».

Мощный корабль страны Советов, надежно защищенный «железным занавесом» от врагов извне, оказался подвержен ударам изнутри. Это было смертельное заболевание. Закаленный во многих боях партийный монолит стал незаметным образом давать роковые трещины.

Самые губительные последствия имело прочно укоренившееся двухэтажное существование: на работе, на собраниях, на демонстрациях и митингах — звонкие барабанные лозунги, а дома, на тесных кухоньках — сплетни, байки, анекдоты. И — зависть, звериная зависть к любому, кто сумел устроиться получше.

Победа над Наполеоном привела русскую армию в Париж, победа над Гитлером — в Берлин. Бесследно это не прошло. Русские офицеры, побывавшие во Франции, вскоре вышли на Сенатскую площадь. Советские солдаты, разгромившие фашизм, привезли домой соблазнительные рассказы о заграничном быте (например, об электрических лампочках в свинарниках немецких бауэров и т.п.). «Господи, а у нас-то что творится!»

Советскую бедность воспринимали как родимое убожество, не сознавая, что это — спартанская бедность, вызванная лишениями постоянно воюющего государства.

Так возникало и стало крепнуть низкопоклонство перед Западом. Возбужденные витринами зарубежья, мещане стали мечтать об исправлении советской власти, вожделея сделать свою жизнь такой же, как в многочисленных трофейных кинофильмах.

Поэтому неудивительно, что тесная смрадная кухонька стала побеждать нарядную, обитую традиционным кумачом трибуну!

У настоящего коммуниста, считал Сталин, два самых главных испытания: сможет ли он выстоять, попав в руки врага, и как поведет себя, оказавшись у власти. После Октябрьской революции выяснилось, что второй случай потруднее. Человек забывает о своем партийном ДОЛГЕ — служить народу — и увлекается ПРАВАМИ власти.

Недаром Сталин мечтал о создании «ордена меченосцев», содружества руководящих деятелей, чья жизнь была бы полностью посвящена исполнению своего долга.

Именно отсюда любовь советского Вождя к людям подвига: В.Чкалову, А.Стаханову, Паше Ангелиной и многим другим. Отсюда выдвижение крепких партийных работников, нисколько не запачканных корыстью: Ф.А.Артем, С.М.Киров, А.А.Жданов. В последнее время Иосиф Виссарионович все внимательней приглядывался к А.А.Кузнецову и Н.А.Вознесенскому. Первый мог заместить его на посту Генерального секретаря (может быть, эту должность придется назвать по-другому), а Вознесенскому, как говорится, сам Бог велел возглавить Совет Министров.

К этим работникам он давно присматривался, обоим доверял. Лучших кандидатов он пока не находил.

Однако слишком велика страна (как усмотреть за всеми?) и слишком тяжелы— порою не в подъем! — каждодневные задачи. А человек, как утверждает Священное писание, слишком слаб.

Известен случай, когда Сталин немедленно снял с должности наркома путей сообщения И.Ковалева, узнав, что он в день рождения жены подарил ей колечко с каким-то камнем. Расправа Сталина имела государственное объяснение: партия дает тебе квартиру, дачу, поликлинику, санаторий, а от тебя требует лишь честности и бескорыстия. Ты же... Неужели ты не понимаешь, что такого же колечка пока не в состоянии купить каждый твой стрелочник? Вполне понятно твое желание: ты хотел порадовать свою жену. Но пойми и нас: на таком посту, когда ты на виду у всего огромного коллектива советских железнодорожников, тебе не место!

Впрочем, забота партии и правительства о своем народе со временем выявила и уязвимую сторону такого всестороннего опекунства. Уподобившись заботливым родителям, оберегающим своих детей от всяческой житейской грязи, партия и правительство совершенно упустили из виду возраставший с каждым годом потрясающий инфантилизм советских людей. Привыкнув жить на всем готовом, советские люди всецело вверили свою судьбу Кремлю и Старой площади. Там, наверху, всегда и все видят и все беды непременно отведут!

А между тем...

Мерзавцы, эти всесторонне натренированные особи, весьма искусны в достижении своих гнусных целей. Поэтому инфантильный, совершенно неподготовленный народ, оказавшись вдруг перед их оскаленными клыками, не смог, да и не приучен был, проявить необходимое сопротивление.

Народ-труженик, народ-воин, народ-победитель стал легкой добычей прохвостов от политики.

Так хищный волк всласть упивается кровью, ворвавшись в овечью кошару. То же самое творит и хорек в курятнике...

Партийное руководство скрыло от советского народа зловещий план Аллена Даллеса. Но почему? Этим была допущена крупная ошибка. Программу уничтожения Советского Союза следовало размножить миллионными тиражами, донести ее опасность до сознания людей. Пускай буквально каждый гражданин СССР вник бы в замысел врага и учитывал, исходя из этого, свои действия, свое повседневное поведение. Вместо этого такой судьбоносный документ зачем-то засекретили, а улицы городов, населенных пунктов украсили только лозунгами и призывами: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!», «Выполним и перевыполним планы!», «Догоним, перегоним!» и другими.

Трещины в монолите, как видим, уже стали понемногу расширяться, но ни одна рука не поднялась, чтобы поскорее их заделать.

Идеология — самый важный участок партийного строительства. Как правило, идеологи имеют дело с разумом и чувствами своих сограждан. Поэтому она требует специалистов не только умных и просвещенных, но и предельно утончённых, мгновенно реагирующих на малейшие под-

вижки в жизни общества. А между тем именно в отделах пропаганды и агитации было сосредоточено много заскорузлых, чрезмерно пустых на язык людей. Это они развесили на фронтонах зданий набившие оскомину призывы, и естественной реакцией на их мелькание перед глазами становились едкие разговорчики и анекдоты на кухнях.

Кто-то из военных, чуть ли не С.М.Буденный, сообщил Сталину афоризм армейских политработников: «Все начинается с небольшого — незнание противогаза, кража портянок, вшивость и дезертирство». Повседневно насыщаясь ядовитыми кухонными пересудами, советский обыватель-мещанин проникался отвращением к военной дисциплине, необходимости добиваться качества отечественного производства и мало-помалу скатывался к неготовности сражаться за свою страну.

Все чаще становились поездки за границу, росло количество заграничных фильмов. По глазам шибало пестрое изобилие магазинных витрин. На этом фоне как-то не верилось в устрашающую безработицу и в чудовищную плату за учение, лечение, отдых. Думалось, что и на Западе все точно так же, как и у нас — все почти задаром.

Словом, программа А.Даллеса осуществлялась без торопливости. Дальнейшее разрушение монолита требовало времени.

Знаменательно в этом отношении выступление одного из сенаторов США на заседании бюджетного комитета, где шла речь о возрастающей мощи Советского Союза и об ассигнованиях на оборону. Сенатор, как видимо, сторонник доктрины А.Даллеса, уверенно заявил:

Не нужны нам ваши бомбы и ракеты. Поверьте, сионизм и эстрада сделают все гораздо лучше и быстрее!

Не обязательно забрасывать СССР атомными бомбами. Достаточно у них поссорить родителей с детьми! — вещал лозунг, повешенный на растяжке поперек улицы с изречением одного из американских руководителей.

Людей, с которыми Сталин был на «ты», можно пересчитать по пальцам. Из числа таких был А.А.Жданов. Иосиф Виссарионович обращался к нему по имени: «Андрей».

Во время болезни, свалившей Сталина после возвращения его из Потсдама, Андрей Александрович взял на себя огромную часть обязанностей Генерального секретаря, в основном,

связанных с вопросами идеологии. Пришлось работать за двоих, хотя сам он постоянно пребывал в болезненном состоянии.

А.А.Жданов с тревогой следил за тем, как вроде бы исподволь создаются в мире интеллигенции культики неких лжепророков. Давал всходы посев по методам А.Даллеса. Подверженными западному влиянию оказались в первую очередь литераторы, музыканты и театральные деятели. Размывались четкие контуры советской идеологии и все чаще допускались загибы — так на сленге интеллектуалов назывались дерзкие выходки в творческой работе (в довоенные времена это называлось: «с кукишем в кармане»). До прямой антисоветчины пока не доходило, однако гнилью уже попахивало изрядно.

Андрей Александрович полностью разделял мнение В.И.Ленина о русской так называемой интеллигенции. Россия была славна людьми высокой национальной культуры. Интеллигенция — всего лишь суррогат этого великого сословия, срезанного, словно чернозем, бульдозерами «красного террора». Человек русской культуры никогда не стал бы пресмыкаться перед каким-нибудь чечёточником из парижского кафе-шантана. Интеллигент же падёт перед этим паяцем ниц, облобызает ему ноги, а тем, что нализал, смачно плюнет в тех, кто ему напомнит о национальном достоинстве.

У современных интеллигентов, считал Жданов, стало ремеслом возбуждать общественность и доставлять властям как можно больше хлопот.

Настораживала все возраставшая враждебность кухонных пересудов.

Читали Зощенко? Ну-у, блеск. Вот запустил он ИМ ежа под шкуру!

Слыхали, что ответила Ахматова Фадееву? Ну-у, этот мерзавец прямо с ног слетел!

И хотя никакого разговора Фадеева с Ахматовой не было в помине, а рассказик Зощенко не стоил доброго слова — по интеллектуальному болоту вспучивались и давали уже смрад самые нелепые сенсации.

Осложняло положение и сформировавшееся мнение, будто одержанная с таким блеском Победа над фашизмом снимает всякие цензурные ограничения и позволяет «творить смело, дерзко, по-европейски».

«Ну что это на самом деле за возмутительные запреты? Мы вколотили в гроб такого зверя, как фашизм, а боимся показать голую коленку! Стыдно же перед заграницей!»

Вроде бы правильно, однако... «Все начинается с небольшого».

Многое, слишком многое указывало, что пора принимать надлежащие меры. Не успеем оглянуться, как окажемся в грязи по самые уши!

Для партийного удара Жданов выбрал «маяки»: Ахматову и Зощенко.

Затем последовало директивное закрытие журнала «Ленинград».

В повседневный обиход вошли понятия-формулировки: «низкопоклонство перед Западом» и «безродный космополитизм».

Так партия ответила на первые атаки главного диверсанта сионизма А.Даллеса, возглавившего к тому времени Центральное Разведывательное Управление США (ЦРУ).

Постановление ЦКВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» газеты напечатали 14 августа 1946 года.

Этот документ имел глубокую и довольно сложную подоплеку. Появление его явилось итогом нараставшего противостояния двух людей в самом близком окружении Вождя: Берии и Жданова.

Берия, постепенно «подбирая под себя» наиболее важные направления государственного строительства, считался также и куратором «еврейского вопроса». Поддержкой его властной могучей руки объяснялось всесилие Михоэлса. К руководству Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК) стекались все жалобы обиженных (в основном тех, кто возвращался из эвакуации и находил свои довоенные квартиры в чужих руках). У Михоэлса обнаружились хорошо налаженные отношения и с посольством США в Москве, и с самим Вашингтоном. Американская печать играла большую роль в разжигании «холодной войны». С некоторых пор ее излюбленной темой стал якобы растущий в СССР антисемитизм. Закрытие журнала «Ленинград», а также суровая критика Ахматовой и Зощенко обыгрывались в этом отношении на все лады.

В партийных верхах на Старой площади на любые укусы из-за рубежа реагировали болезненно. Там не любили гласности и всеми мерами боролись с утечкой информации. Домашние дела не следовало выносить на международное обсуждение. На па-

радный мундир победителей фашизма не должно было садиться ни одной пылинки.

Помимо претензий материальных (в основном, квартирных) ЕАК все чаще влезал в отношения Старой площади с творческими союзами страны. Как правило, под защиту брались люди с репутацией «космополитов» (о национальности их, по тогдашнему обычаю, никогда не упоминалось). Жданов не был антисемитом, но не мог заставить себя постоянно закрывать глаза на поразительное з а силье представителей одной национальности среди тех, кто так откровенно низкопоклонничал перед Западом.

Эти люди уверенно считали, что ТАМ все хорошо, а у нас все плохо. Они провозглашали: «Пусть же и у нас все будет хорошо!». Это был хорошо рассчитанный ход. Сторонники «языка родных осин» объявлялись ретроградами и клеймились за отсталость. Выходило, что даже М.Шолохов не годился какому-нибудь Кафке и в подметки!

Все откровенней обозначалось противостояние «стая на стаю». Поощряемая с Запада, «холодная война» неуклонно разгоралась. Запад победоносно устремлялся на Восток. Речь шла о постепенном иекоренении русского национального самосознания. Великому народу, за здоровье которого Сталин поднял тост на празднике Победы, усилиями космополитов настойчиво навязывался «комплекс неполноценности». Свои достижения, которым завидовали трудящиеся всего мира, выставлялись в самом невыгодном свете, а за образец подавались «западные ценности».

Жданов считал, что нельзя одолеть нахальный Запад, так униженно склоняясь перед ним. Сдача идейных позиций — гибельная вещь!

Впрочем, разве это преклонение не входило одной из составляющих программы А.Даллеса?

Как назло, обострение идеологической борьбы совпало с болезнью Сталина. Жданову приходилось нелегко. Берия вел свою линию с большим искусством. Он избегал прямой и грубой конфронтации и опирался на участие таких людей, как Маленков, Шепилов (заведующий идеологическим отделом ЦК), Поспелов (главный редактор «Правды»).

Вся суть нараставшего конфликта так или иначе упиралась в «еврейский вопрос». Как обычно, наибольшее обострение

наблюдалось в среде творческих работников. Патриоты (или почвенники) противостояли космополитам. У тех и у других, как водится, имелись сильные покровители на Старой площади.

Самую сильную, самую «мохнатую» руку поддержки имел писатель Константин Симонов. Он пользовался симпатией Сталина. Этот молодой литератор сделал умопомрачительную карьеру. Пик его известности пришелся на годы войны. Поэзией Симонова зачитывалась вся страна (особенной известностью пользовалось стихотворение «Жди меня»). Лауреат шести Сталинских премий по литературе, он с одинаковым успехом писал не только стихи, но также романы и пьесы.

В первые послевоенные годы К.Симонов, счастливый баловень судьбы, стал во главе развеселой компании таких же, как и он, преуспевающих людей искусства: Роман Кармен, Михаил Жаров, Людмила Целиковская, Валентина Серова. Одно время с ними развлекался и Василий Сталин, младший сын Генералиссимуса, летчик-истребитель, в двадцать лет ставший самым молодым генералом Советской Армии. В компанию удалось привлечь и дочь Сталина Светлану, девочку 16 лет, худенькую, рыжую, некрасивую. Обольщать ее взялся Алексей Каплер, плакатный красавец, автор сценариев известных кинофильмов о Ленине.

«Золотая молодежь» притихла, когда на нее пал гнев Сталина.

Случилось это после того, как Генералиссимусу доложили, что Василий Сталин в сильном подпитии вздумал глушить гранатами рыбу в Москва-реке. Забулдыга-генерал был отправлен на гауптвахту, а затем снят с поста. Дочери Светлане отец в бешенстве залепил пощечину. Красавца Каплера выслали подальше от Москвы.

В кухонных пересудах внезапно возникло имя маршала К.К.Рокоссовского. Киноактриса Валентина Серова, сожительница Симонова, настолько увлеклась прославленным военачальником, что вознамерилась женить его на себе. Как водилось в те времена, она обратилась с жалобой в прокуратуру, обвинив маршала в коварстве. «Телеге» дали ход, о домогательствах актрисы узнал Сталин. Он позвонил прокурору и предупредил:

— Вы там можете решать, как хотите, только знайте, что Рокоссовский у вас один!

Потерпев очередную любовную неудачу, В.Серова запила...

Остепенившись, Симонов женился на вдове поэта Семена Гудзенко и с головой влез в литературные интриги. Он объявил себя сторонником «западной цивилизации». Группа космополитов задумала спихнуть А.Фадеева с поста руководителя Союза советских писателей и посадить на его место Симонова.

Трудность замысла заключалась в том, что Сталин симпатизировал и Фадееву, и Симонову.

Кроме того, среди космополитов не имелось ни одного яркого имени, в то время как во главе патриотов стояли такие фигуры как Шолохов, Леонов, Софронов, Первенцев и другие.

Интриги — излюбленное «творчество» космополитов. За письменным столом они беспомощны, зато большие мастера в хитросплетениях подковерной борьбы. Состоялась мобилизация сил, в ход был запущен весь проверенный арсенал подлейших мер.

Активное участие в интригах принимали деятели Еврейского Антифашистского Комитета. В этих схватках была детально отработана *секретная схема узнавания: «свой — чужой».*

В военное время писатели и киношники были вывезены в Среднюю Азию: в Алма-Ату и Ташкент. Среди фронтовиков этот далекий от боевых действий регион ехидно называли «Пятым Украинским фронтом».

Писатель Павел Нилин, человек немолодой и больной, не удержался и высказался насчет того, сколько же молодых мужчин укрывались в такие тяжелые годы на «Пятом Украинском». Разумеется, в него вцепились и ославили «фашистом». А в Москве к нему подошел разъяренный Каплер и поводил перед его носом пальцем:

— Ну, гад, теперь ты узнаешь, как МЫ умеем воевать!

И Нилин узнал — ему повсюду, что называется, «перекрыли кислород». В этом отношении «товарищи ташкентцы» привыкли действовать согласованно.

Старожилы помнят ожесточенную полемику по поводу литературных псевдонимов. С одной стороны выступали Шолохов и Бубеннов, с другой -Симонов. Спор шел о странной манере прятать свою национальность и менять фамилию, словно стыдясь своих родителей. Надо ли говорить о том, какой градус

общественного возбуждения добавило еще и партийное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»!

Космополиты, однако, хорошо усвоили правило: лучшая защита — нападение. Маргарита Алигер выступила на заседании секретариата Союза писателей и потребовала сбросить с пьедестала советского классика Михаила Шолохова и водрузить на освободившееся место молодого литературного шустрика Даниила Гранина.

— НАМ надоел ВАШ Шолохов! — гневно заявила эта властная литературная дама.

Замужем она была за неким Черноуцаном, крупным партчиновником со Старой площади. Ее поэма «Зоя» получила Сталинскую премию.

Берия по привычке не лез в открытые свары, а парил, словно орел, в руководящем поднебесье. Но глаз его был зорок, а ум — изощрен. Внезапно в совершенно непостижимом свете предстала судьба жестоко раскритикованных Ахматовой и Зощенко. Оказывается, травить их принялись не партийцы, а своя же братия. Группа ленинградских литераторов потребовала лишить обоих продовольственных карточек («они недостойны есть советский хлеб»), а известная писательница В.Кетлинская заняла роскошную квартиру Зощенко.

В эту трудную для опальных литераторов пору человеческое сочувствие к ним проявил один Жданов. Он принял их в Смольном и вручил обоим необходимые для жизни продовольственные карточки. Оба, растрогавшись, вспомнили, что и в 1941 году по указанию Жданова их вывезли на Большую землю специальным самолетом, затем Жданов звонил из Ленинграда в Ташкент и просил создать обоим сносные условия.

В такой напряженной обстановке вдруг громом с неба грянул еще один партийный документ: 9 сентября 1946 года появилось решение Оргбюро ЦК ВКП(б) «О распущенности ленинградских партийных кадров». Вполне естественно недоумение: а причем здесь партийные кадры? Однако Берия знал, что делал. Искуснейший боец в кремлевском поднебесье имел слишком дальний прицел. Этот человек всегда предпочитал бить не по вершинам, а по корням.

По крайней мере, пока следует обратить внимание на подозрительную изобретательность: и Зощенко с Ахматовой

были ленинградцами, и репрессии обрушились на ленинградские журналы, и суровое решение Оргбюро ЦК относились к нездоровому облику ленинградских коммунистов. Берия слишком пристально нацелился на Ленинград. Пройдет совсем немного времени и его дьявольские замыслы откроются во всей сатанинской глубине.

Иосиф Виссарионович не терпел того, что называется «блатом». Он строжайше запретил своим домашним передавать ему письменные просьбы не только от незнакомых людей, но даже от родственников. Иное дело — разговоры за семейным столом. Так сделал свою карьеру Хрущев, умело подъехав к Надежде Аллилуевой, с которой ему выпало учиться в академии. Так удавалось привлекать внимание отца Василию Сталину. Впрочем, Василий обращался только по своим авиационным делам и только в тех случаях, когда требовалось вмешательство Генерального секретаря и Генералиссимуса.

Потсдамская жалоба Василия получила продолжение в Москве. Вернувшись из Германии, Иосиф Виссарионович успел отдать необходимые распоряжения. Дотошное разбирательство с причинами участившихся аварий самолетов получило название «Дело авиаторов». Вскоре Сталин заболел, однако в прокуратуру уже вызывались директора заводов, военные, чиновники из министерств и даже со Старой площади.

К тому времени, когда Иосиф Виссарионович оправился после инсульта, расследование по «Делу авиаторов» шло полным ходом. Занимался им сам Жданов. Выявились крайне неприглядные подробности.

Причиной авиационных катастроф была некачественная техника. Советские заводы гнали брак. Нарком авиапромышленности А.Шахурин (генерал-полковник, Герой Социалистического Труда) увлекся перевыполнением планов и сбывал негодные самолеты как годные. Помогал ему в этом родственник, главный маршал авиации А.Новиков (дважды Герой Советского Союза), заставляя своих представителей на заводах принимать заведомо бракованную технику.

Вульгарное и примитивное очковтирательство заставило Сталина брезгливо сморщить губы. Запачкались не бригадиры грузчиков или маляров, а высшие руководители. Ради чего они

пошли на преступление? Ради наград? А честь и совесть? А доверие партии и Родины?

Следственные материалы начинались с протоколов обысков. На квартирах и на дачах преступников обнаружили горы различного барахла. Не довольствуясь государственными дачами (по должности), они потихоньку возводили собственные хоромы, выбирая для этого самые живописные уголки Подмосковья. Все, без исключения, обзаводились трофейными автомобилями.

Иосиф Виссарионович, узнавая о жадности и накопительстве, в расстройстве поднимался из-за стола и принимался расхаживать по кабинету.

Он приказал привезти арестованного А.Новикова в Кремль. После лубянской камеры он выглядел жалко, — мелким жуликом, пойманным и ожидающим суда.

— Скажите, — спросил Сталин, — зачем вам шесть автомашин? Ну, одна... Ну, даже две... Но — шесть?!

Маршал стоял, понурив голову, и не смотрел Сталину в глаза. Наконец он глубоко набрал в грудь воздуха и судорожно прижал рукав к глазам.

Окончательно расстроившись, Иосиф Виссарионович махнул рукой. Арестованного увели.

В прежние времена с провинившихся полетели бы головы. На этот раз высокопоставленные бракоделы отделались легко. Шахурин и Новиков получили ничтожные лагерные сроки. Маленкова даже не судили, а вывели из секретариата и «бросили на низовку» — послали на работу в Ташкент.

Что стало причиной столь незначительного наказания? Нет, отнюдь не воля Сталина. Вопреки вранью многочисленных разоблачителей-подонков, Генеральный секретарь никогда не обладал диктаторскою полнотой власти. Судьба провинившихся руководителей решалась не одним человеком (пусть и самого большого чина), а коллективным приговором. Чаще всего такие приговоры выносили пленумы ЦК. Так что карала партия, а не Генеральный секретарь!

Особый разговор о том, как организовывались эти коллективные решения. Тут, как и положено, имелись великие искусники, настоящие мастера сложнейшей подковерной борьбы.

«Дело авиаторов» впервые обозначило начало борьбы в

кремлевских верхах в связи с болезнью Генерального секретаря. Сказывалась клановость: «Своих не выдавать!» Имели место и обыкновенное прислужничество, и человеческая трусость.

Однако все заметнее становилось нетерпеливое ворчание в берлоге власти наиболее крупных фигур. Здесь уже все ощутимей попахивало кровью безжалостного взаимоистребления.

Тема эта еще совсем не разработана и ждет своего исследователя.

Место сосланного Маленкова занял Жданов. Министром государственной безопасности стал Абакумов, заменив Меркулова.

В секретариате ЦК появился Кузнецов, переведенный из Ленинграда.

Еще один ленинградец, Родионов, возглавил Совет Министров РСФСР.

Неожиданную должность получил Берия. Его назначили руководителем Атомного комитета. Страшная Лубянка осталась без своего всесильного хозяина.

Если «Дело авиаторов» вызвало у Сталина брезгливость, то новый скандал, в котором оказались замешаны крупнейшие военные чины, ошеломил и потряс Генерального секретаря...

В один из летних дней на Ягодинской таможне близ г. Ковеля обратили внимание на СЕМЬ вагонов, битком набитых разнообразной мебелью. Имущество было трофейное и принадлежало маршалу Жукову. Направлялось оно из Берлина в Москву.

По установленному правилу вагоны отцепили от московского поезда и отправили в Одессу, на склад. А о случившемся доложили по команде.

Трофей, трофейное имущество... На языке военных такая нажива за счет имущества разгромленного противника имеет более конкретное и неблагозвучное название: мародерство.

Сталин не допускал и мысли, что прославленный маршал мог пасть так низко. Семь вагонов! Он приказал разобраться, поставив на докладной записке свою знаменитую синюю «галочку».

Начавшееся расследование выявило совершенно неприглядную картину. В квартире и на даче Жукова был сделан негласный обыск. Все трофейные ценности описаны и даже сфотографированы. Опись выявленного имущества составила внушительную папку.

Читая, Иосиф Виссарионович брезгливо морщился.

«Шерстяных тканей, шелка, парчи и пан-бархата — более 4 тысяч метров, мехов — 323 шкуры.

Шевро — 35 кож.

Ковров из Потсдамского дворца — 44 штуки.

Ценных картин классической живописи— 55 штук.

Уникальных охотничьих ружей — 20 штук.

Золотых часов с бриллиантами — 24 штуки».

Сталин покачал головой, прочитав: «в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин».

Иосиф Виссарионович любил книги и всю жизнь собирал личную библиотеку. На каждой странице имелись его пометки карандашом.

Здесь же он читал: «На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и, кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу».

Работникам, производившим обыск, было известно о чемодане с уникальными драгоценностями. Они его не обнаружили ни на квартире, ни на даче. При проверке выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена Жукова и при поездках берет его с собой.

Верить, не верить? К сожалению, приходилось верить.

Советский Вождь испытал настоящее потрясение.

Нравственная нечистоплотность всегда возмущала Сталина. На этот раз он убеждался в патологической жадности видных военачальников. Дорвались! Неужели настолько уж бедны, что кинулись хапать без всякого зазрения совести? Подумать только: одних тканей более четырех километров! Когда он собирался их изнашивать?

Расследование выявило, что мародерствовал не один Жуков. Он только подавал пример. Мелькали другие фамилии: Телегин, Серов, Жаров, Крюков...

Ощущение было, словно от плевка в лицо. Маршал, которого он, Сталин, оставил в Берлине главой советской администрации, превратил разгромленную европейскую страну в свой личный трофей. К первоначальным документам прибавилась справка о том, что с короны германского кайзера Жуков содрал все золото для отделки подарочного стека к дню рождения одной из своих дочерей...

МАРШАЛ ЖУКОВ

Впервые Генеральный секретарь услышал эту фамилию во время боевых действий на Халхин-голе. Назрел вопрос о смене нашего командования. Фекленко, возглавлявший группу советских войск, явно «не тянул». В Маньчжурию был направлен Г.К.Жуков. Сталину понравилась решительность молодого командарма (вспомнился Царицын). Жуков, правильно оценив угрозу переправлявшейся через реку японской дивизии, бросил в бой все, что у него имелось под рукой: полк Ремезова и танковую бригаду Яковлева. Оба советских подразделения погибли, но и от японцев остались одни ошметки.

Потом стало известно, что командующий войсками округа Г. Штерн (герой Испании) пытался указать Жукову на предельно рискованное решение, однако тот его резко осадил:

— Кто здесь командует? Вот и не лезьте не в свои дела!

Сталину всегда импонировала убежденная властность.

После победы на Халхин-голе он принял Жукова, присмотрелся и назначил его командовать войсками Киевского военного округа, пожалуй, самого ответственного в свете ожидавшейся агрессии Гитлера.

Жуков не имел военного образования (командирские курсы не в счет) и, скорей всего, поэтому смотрел на армию, как на хорошо организованную машину, в которой солдаты и командиры — всего лишь винтики механизма. Всю Великую Отечественную войну Сталин держал Жукова своим единственным заместителем, посылал его на те участки, где требовалась, главным образом, безжалостность. Так было в Ленинграде, так было под Москвой. Никакого маневрирования не предполагалось. Требо-

валась только стойкость. Советские войска намертво врубились в землю и не пропустили немцев.

Разумеется, немцы могли взять и Москву, и Ленинград. Но для этого им понадобилось бы перебить ВСЕХ защитников до единого. Советским войскам был отдан приказ: «Стоять до последнего!» И солдаты сражались, погибая в своих окопах. За этим следил полномочный представитель Ставки и Верховного Главнокомандующего генерал армии Жуков. У него был несгибаемый характер, железная рука.

На протяжении всей войны Жуков осуществлял надзор за действиями командующих армиями и фронтами. Вместе с ним обыкновенно выезжал А.М.Василевский, крупный военный мыслитель и стратег.

В последнем сражении за Берлин Маршал Жуков получил долгожданную самостоятельность для применения своих талантов. К сожалению, в этой громадной и ответственнейшей операции, венчавшей всю борьбу с фашизмом, он избрал самый примитивный способ военных действий — навал.

Для защиты своей столицы Гитлер стянул более миллиона солдат. Особенное внимание немецкие генералы уделили укреплению Зееловских высот, последнего рубежа обороны перед Берлином. Что предпринял Жуков? Обход? Окружение? Ложный отвлекающий удар? Нет, он выкатил в передовые линии 140 прожекторов, намереваясь ослепить немецких солдат. Это было какое-то пошлое трюкачество, мейерхольдовщина в военном деле... Проломив солдатскими телами оборону на Зееловских высотах, Жуков бросил на улицы Берлина танки и потерял более полутора тысяч машин.

Всего же Берлинская операция обошлась Советской Армии в 360 тысяч солдат.

Жукову очень хотелось отрапортовать о взятии Берлина к 1 мая. Однако немцы отчаянно сопротивлялись. Иосиф Виссарионович позвонил безжалостному Маршалу и попросил не губить солдат напрасно. Какая теп ерь разница: день или два? А вот людей следовало поберечь! За четыре года войны Сталин хорошо изучил сильные и слабые особенности Жукова. Многое пришлось переоценить, во многом разочароваться. Настоящая цена даже самым близким людям узнается не сразу.

Вместе с Жуковым Генеральный секретарь начинал отражение фашистской агрессии, вместе с ним прошел весь сложный и тернистый путь к Победе. Ни разу он, сугубо штатский человек, не попытался спрятаться при неудачах за его широкую спину военного профессионала.

Никому не дано угадать ход мыслей Великого Человека. Но сделать такую попытку позволительно. Можно лишь представить, что пережил Вождь советского народа, когда немцы находились в десяти километрах от Кремля и готовились к параду на Красной площади. Завершением этого торжества фашистов планировалась показательная казнь его, Сталина, на специально сооруженной виселице. Момент был редкостный, отчаянный, легко сбивающий в панику. Помнится, позвонил Жуков и попросил разрешения перенести свой командный пункт с окраины Москвы подальше в тыл. Сталин ровным голосом ответил, что если такое произойдет, то он, Верховный главнокомандующий, приедет из Кремля и обоснуется на этом фронтовом командном пункте! Как и в годы обороны Царицына, Верховный демонстрировал старое командирское правило русской армии: «Делай, как я!» Но петля-то намыливалась немцами для него одного! И Сталин навсегда запомнил (в записи «прослушки») слова генерала армии Мерецкова, сказанные им своему другу в первый день фашистского вторжения: «Чего ты паникуешь? Мы с тобой и при Гитлере не пропадем!»

Что говорить, война началась совсем не так, как ожидалось. Но разве в этом вина была лишь одного Генерального секретаря?

О планах Гитлера, разумеется, знали и к войне готовились. Но вот о том, КАК готовились, нашими недругами наворочены горы самой низкопробной лжи.

Разведывательной деятельностью в предвоенные годы занимались два ведомства: наркомат обороны (Главное Разведывательное Управление — ГРУ) и наркомат внутренних дел (Первое Главное Управление — ПГУ). Военная разведка подчинялась начальнику Генштаба Жукову, лубянская — наркому Берии.

Прежде, чем загремят пушки, сражение ведут разведчики. И эта война секретных служб отличается неслыханным коварством.

Излюбленным методом стратегов Третьего рейха было создание «пятой колонны» в стане намеченной жертвы. В довершение к этому секретные службы занимались необыкновенно изощренной дезинформацией, заставляя противника принимать ошибочные планы для отражения агрессии. В СССР «пятую колонну», благодаря Ежову, удалось вовремя обезвредить, однако секретные службы состязания с немецкими не выдержали и свою специфическую войну проиграли подчистую. На подвиги разведчиков не бросается и тени. Всю вину за поражение несут руководители, не сумевшие правильно проанализировать поступавшие в изобилии донесения. В качестве примера изощренного коварства немцев лучше всего привести деятельность известного разведчика Рихарда Зорге.

Прежде всего, необходимо постоянно помнить, что Зорге работал, как говорится, «на полставки». Он являлся сотрудником разведки Третьего рейха, а с остальными разведками всего лишь сотрудничал. Как правило, к таким «многостаночникам» во всех секретных службах мира относятся с недоверием. Не полностью доверяли Зорге и в Москве.

Оставим за скобками совершенно непотребное поведение Зорге: он пил и отчаянно волочился за женщинами. Но разве у немцев такое поведение поощрялось? В итоге фигура разнузданного «плейбоя» была избрана в качестве поставщика дезинформации. В Берлине давно вычислили, что Зорге сотрудничает с Москвой. Через него и пошел в СССР поток неверных сведений. А чтобы советские аналитики не заподозрили игры, точно такую же «дезу» стали сплавлять через полковника Шоля, военного атташе в Таиланде.

Мало того, немцам удалось подключить к снабжению Москвы убедительной дезинформацией еще и Воронцова, военно-морского атташе в Берлине!

Догадывался ли Зорге о том, что стал своего рода подсадной уткой? Едва ли. Но с его подачи немцам удалось внушить советскому командованию, что Гитлер опасается войны с СССР и прибегнет на границе к провокации, как и при начале войны с Польшей.

Иными словами, он постарается выставить агрессором Сталина, сам представ перед всем миром в качестве безвинной жертвы.

Вот где таится ответ на мучительный вопрос: ПОЧЕМУ советское командование самым первым приказом распорядилось вышвырнуть немцев за рубеж государственной границы, но самого рубежа не переступать ни под каким предлогом!

Образно говоря, нахальному агрессору приказывалось дать решительный отпор, но не преследовать его, остановиться на границе.

Подобная деликатность диктовалась тогдашней политической обстановкой.

Недруги Советского Союза выставляли недавнюю войну с Финляндией, как акт агрессии большого государства против маленького. СССР был исключен из Лиги Наций. Ряд западных стран намеревался наказать нашу страну военным нападением, применив в качестве первой меры массированные бомбардировки нефтяных комплексов в Баку и Батуми.

На этом Гитлер и рассчитывал сыграть, снова, как и с Польшей, выставляя себя не агрессором, а всего лишь обороняющейся стороной.

Никак нельзя было Советскому Союзу вновь, как и с Финляндией, оказываться в роли нападающего. Отсюда и приказ: ни в коем случае не переступать границы!

Но самый главный грех Зорге — в сокрытии плана «блицкрига». От него в Москве было получено 144 донесения. Он убедил, что Гитлер прибегнет всего лишь к провокации на границе, использовав для этого самый минимум своих сил. На самом же деле на нашу страну обрушилась ВСЯ мощь фашистской армии (в резерве Гитлер оставил всего четыре процента своих сил). Главной доктриной «блицкрига» был разгром Красной Армии в течение десяти недель.

К этому добавились еще и неверные сведения о направлении главных ударов немцев. Ожидали — из Прибалтики, а на деле — этим направлением была группа армий «Центр». Именно этим объясняются гигантские «котлы», которыми изобиловало начало войны, а вовсе не бездарностью наших военачальников. В качестве примера можно привести умелые действия командира механизированного корпуса К.К.Рокоссовского. Попав в невероятно сложную обстановку под Луцком, он не только разгромил противника, но и прислал в штаб фронта запрос о разрешении ему развить наступление на Варшаву. Недостовер-

ными оказались сведения Зорге и о планах японцев на Дальнем Востоке. Он, в частности, насторожил наше командование сообщением о том, что шесть японских дивизий отправлены в Корею, а четыре дивизии — в Маньчжурию.

Любопытна дальнейшая судьба Рихарда Зорге.

Арестован он был 18 октября 1941 года и на первом же допросе признался, что работал на СССР (нарушив «железное» правило разведчиков). Японцы предложили Москве совершить обмен. Наши отказались. Тогда заботу о Зорге проявили немцы. Гитлер приказал доставить разведчика в Берлин. Но как это сделать? Тогдашние самолеты не обладали таким запасом дальности полетов. Вот если бы где-нибудь совершить промежуточную посадку! Прикинув расстояние от Токио до Волги (начиналось сражение под Сталинградом), Гитлер ткнул пальцем в пустынный район Прибалхашья, на территории Казахстана.

Поздней осенней ночью линию фронта пересек немецкий самолет и потерялся где-то в районе Балхаша. Немцы, высадившись, наспех оборудовали аэродром подскока, позаботившись главным образом о запасах горючего. Через несколько дней самолет из Берлина совершит здесь дозаправку, достигнет берегов Японии и на обратном пути заберет всех с собой. Немцев подвела мелочь: один чабан со своей отарой овец припоздал на отгоне и, возвращаясь домой, натолкнулся на немецкий аэродром. Овцы, оставшись без пастуха, разбрелись по степи. К тому же не дремала и советская контрразведка, встревоженная ночным полетом самолета.

Короче говоря, на аэродроме была устроена засада, в которую и угодил направлявшийся в Японию немецкий самолет.

Такова одна из неизвестных страничек нашей героической борьбы с фашизмом.

Снова и снова приходится повторять, что Сталин никак не хотел ввязываться в войну ни с фашистской Германией, ни с другими странами.

Великий человек, он постоянно ощущал свою ответственность за судьбы народа и своей страны. Глава партии и правительства знал цену точных и своевременных решений и не имел права на ошибки. И он всячески старался избегать таких ошибок. А между тем действия германской стороны, да и послания «доброжелателей», так и подпихивали на поспешные

решения. Среди «доброжелателей» самое видное место занимал Черчилль, возглавлявший британское правительство.

Иосиф Виссарионович не сомневался, что воевать с Гитлером все равно придется. Но только бы не сейчас, не в этом году! Оттянуть хотя бы на год, до будущей, весны! К тому времени картина переменится, кадры подготовим, и армию оснастим. Он хорошо запомнил саркастическую ухмылку на лице генерала Кестринга, немецкого военного атташе, когда тот на первомайском параде наблюдал за красочным прохождением по Красной площади тачанок. Советские тачанки против немецких танков!

Но если оттянуть войну, то на следующий год у нас появятся механизированные корпуса!

Ради этой спасительной оттяжки Иосиф Виссарионович категорически запретил сбивать немецкие самолеты, нахально лезущие в наше воздушное пространство, он перетерпел неслыханное унижение, когда за месяц до нападения к Москве проник немецкий бомбардировщик и совершил посадку на Центральном аэродроме.

Гитлер задирался, вызывая Сталина на ответный шаг.

Но Вождь советского народа лишь стискивал зубы. При дурной репутации СССР (из-за войны с Финляндией) любой ошибочный шаг мог привести к созданию ЕДИНОГО АНТИСОВЕТСКОГО ФРОНТА. А этого он стремился не допустить все последние годы. Красной Армии будет не под силу выстоять против объединенных сил Европы. Поэтому, задавив в душе свою гордость, он затевал переговоры, подписывал бумаги, тянул и волынил, зная, что в преддверии надвигавшейся войны немцы не нападут.

Так удалось дотянуть до июня. Еще бы один месяц! 14 июня появилось знаменитое заявление Советского правительства. Это был сильный ход в свете тогдашней обстановки. СССР воевать не хочет и намерен соблюдать абсолютно ВСЕ свои обязательства по сохранению мира в Европе.

Не удалось! Гитлер плюнул на обвинения в агрессивности и начал «Дранг нах Остен».

Так что, если быть честным до конца, то не было никакой внезапности нападения фашистов. Внезапность имелась совсем иного рода: количество войск вторжения агрессора. Гит-

лер бросил на Восток все, что у него имелось. Этот навал фашистской махины и привел к ужасающим последствиям.

Повторимся, всю вину за это Сталин полностью взял на себя. А следовало бы поделиться и с начальником военной разведки Голиковым, и с наркомом Тимошенко, и с Берией, в чьем ведении находился свой разведывательный орган, и, непременно, с Жуковым.

Вина Жукова была особенно весомой — он возглавлял в канун войны МОЗГ Красной Армии — ее Генеральный штаб.

Что стояло за назначением Жукова на этот важнейший пост?

Еще в 1930 году комдив Рокоссовский подписал характеристику на Жукова, командовавшего у него одним из полков: «Штабную работу ненавидит». И все-таки Сталин, сняв Мерецкова, назначил «главным военным мыслителем» именно Жукова. Во-первых, был слишком скуден выбор (а кто бы оказался лучше?). Во-вторых, перед этим Жуков командовал войсками Киевского военного округа.

Так что германская агрессия оставалась его постоянной заботой. И в Москву он привез свои киевские наработки, что сильно помогло ему в новой должности. Иными словами, переезжая из Киева в Москву, он перебрался в кабинет повыше, из которого ему открылись шире горизонты. Тем более что в самом начале нового года состоялась крупная командно-штабная игра. Жуков командовал «западной» стороной, т.е. «играл» за Гитлера и с подавляющим превосходством провел вторжение на Восток.

Начальник советского Генштаба знал противника лучше всех!

Назначив Жукова МОЗГОМ Красной Армии, Иосиф Виссарионович надеялся, что будет за его спиной, как за каменной стенкой.

Надежды не сбылись.

Пришлось выбираться из-за этой ненадежной спины и САМОМУ влезать в хомут войны. Сугубо штатский человек, Генеральный секретарь принялся осваивать искусство полководца. Он стал учиться воевать.

Начало войны на самом деле получилось устрашающим. На шестой день немцы ворвались в Минск. А месяц спустя загремело Смоленское сражение.

Впечатление неминуемого краха усиливалось еще и потому, что буквально вчера вся страна маршировала и самозабвенно распевала: «В целом мире нигде нету силы такой...». И — вот!

Подлецы-историки из советской «пятой колонны» взахлеб живописуют ошеломление Сталина. Он, якобы, не смог справиться с потрясением и впал в запой на целых две недели, до 3 июля.

К великому сожалению для бессовестных лжецов, сохранился специальный журнал, в котором сотрудники секретариата Сталина фиксировали: кто, когда и сколько времени пробыл в кабинете Генерального. Журнал исправно велся с 1927 года до последних сталинских дней.

Нас же сейчас интересует Жуков. В самый канун гитлеровского нападения, 21 июня, через кабинет Сталина в Кремле проходит беспрерывная череда посетителей. Казалось бы, первым собеседником Вождя в такие часы должен (и обязан) быть начальник Генерального штаба. А между тем это не так. 21 июня Жуков вызывается лишь десятым, а 22 июня, когда гремят первые сражения, Жуков принимается только после Мехлиса. Несколько следующих дней Сталин вообще обходится без начальника Генштаба. В Кремле Жуков появляется лишь 26 июня и его очередь в кабинет Генерального секретаря 12-я.

Чем объяснить такое, прямо скажем, пренебрежение? Гневом на плохую работу? А чем еще?

В эти грозные дни Сталин никак не мог добиться достоверных сведений о положении на фронте. Где противник? Где наши части? Внезапно, как обухом по голове, огрело сообщение западного радио о том, что немцы ворвались в Минск. Иосиф Виссарионович спустился к машине и приказал везти себя на улицу Фрунзе, в наркомат обороны. В кабинете Тимошенко он застал самого наркома, начальника Генштаба Жукова и начальника оперативного управления Ватутина. Военные опешили, увидев Сталина в дверях.

— Что у вас тут происходит? Вы знаете, где сейчас немцы?

Под яростным взглядом Генерального Жуков внезапно впал в истерику и выбежал из кабинета...

Иосиф Виссарионович не стал производить никаких кадровых замен. Где гарантия, что другие окажутся лучше? Просто ему пришлось взвалить на себя еще и военные заботы. А Жу-

кова он приспособил в качестве своего личного представителя. Волевой, решительный, безжалостный, этот человек оказался незаменим в самых безысходных ситуациях. В поражение СССР Жуков не верил и с первых дней работал для Победы. Именно в этом качестве он был незаменим в войсках.

Близкое сотрудничество Сталина и Жукова продолжалось четыре года. За это время Иосиф Виссарионович получил полное представление о военных и человеческих качествах своего заместителя. И все же сведения о мародерстве повергли Вождя в настоящий шок. Ну, понять солдата, вчерашнего колхозника, оставившего дома полмешка свеклы, совсем несложно. Но генералы и даже маршалы?! Он приказал копнуть поглубже — и открылась угнетающая картина безудержного генеральского грабежа. Мародеры в чинах хапали трофейное добро обеими руками. Награбленное увозилось домой, в СССР, грузовиками, вагонами, транспортными самолетами. И пример бессовестным хапугам подавал не кто иной, как сам «Георгий-Победоносец», Маршал Победы.

Несмываемый позор падал и на седую голову самого Вождя.

Расставим точки, назовем вещи своими именами: прославленный полководец совершил позорное воинское преступление, за которое во всех армиях полагается расстрел на месте.

Такое суровое наказание диктуется вовсе не заботой о населении завоеванной страны, а исключительно стремлением сохранить нравственное здоровье собственной армии. Солдат-мародер терял боевые качества и становился ненадежен. Мародерство губительно подрывало боеспособность любой армии. Поэтому расстрел мародера без суда и следствия напоминал действия хирурга, решительно отсекающего тронутую гангреной плоть.

Жестокое наказание солдата — вопрос простой. Как поступать, если мародерами оказались генералы и даже маршалы?

Что и говорить, тяжелую задачу задал своему Верховному Главнокомандующему победитель Берлина, трижды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов Победы!

Два внезапно прорвавшихся гнойника («Дело авиаторов» и генеральское мародерство) настроили мысли советского Вождя на мрачный лад.

Всю свою жизнь профессионального революционера Иосиф Виссарионович вынашивал мечту о «советской СПАРТЕ» —

государстве, где господствует коллективный разум, где в копилку национального опыта вносятся только великие свершения граждан. В этом государстве незнакома человеческая жадность, в нем искренне презирается золото, а потому государство это неразрушимо никаким железом!

Шесть личных автомобилей... Пять километров тканей... Чемоданы драгоценностей...

Негодовала и скорбела душа старого больного человека, с младых ногтей усвоившего евангельскую истину о пагубности и преступности любых богатств.

Разбились все мечты о создании «Ордена меченосцев», дружного сообщества партийных руководителей, которым была бы неведома страсть стяжательства.

Силен Дьявол, ничего не скажешь!

И вспоминалось горькое сожаление матери-страдалицы, услышанное им в последнюю встречу незадолго до ее кончины:

— Как жалко, что ты не стал священником!

Ленин плакал, сраженный не столько внезапной немощью, сколько сознанием бесполезности своих усилий Великого Революционера. Он тоже был идеалистом-утопистом, мечтающим о руководителях, вырывающих из груди сердце ради счастья человечества. У Сталина сжималось сердце, когда он вспоминал, как Ленин прижимал к глазам рукав старенькой пижамы и просил яду. Это было настоящее отчаяние. Создатель Партии и Вождь Революции убедился в безысходности своих усилий. Его надежды разбила суровая российская действительность. Последнее, что он сделал — продиктовал свои оценки тем, кого он узнал за годы совместной работы. Эти отрывочные записи умиравшего Вождя получили название «Завещания». Ильич, как теперь понимал его Сталин, попросту не видел среди остающихся товарищей никого, кто подхватил бы из его опустившихся рук эстафету так трагически завершавшейся жизни.

Еще на заре советской власти Ленин прозорливо угадал главную опасность молодого государства: прилипание к победившей партии ловких карьеристов, пронырливых рукосуев. Как в воду смотрел Ильич! Если в феврале 1917 года в рядах большевиков состояло всего 20 тысяч человек, то к марту 1921 года партия распухла до 730 тысяч обладателей членских билетов. В ряды партийцев устремились миллионы. Приходилось

отбиваться не только от пролаз, но и пропалывать тех, кто уже сумел пролезть. Понадобились систематические чистки.

Очищаясь от вредного балласта, ВКП(б) сумела в небывало короткий срок осуществить индустриализацию и коллективизацию, не только подготовиться к войне с фашизмом, но и одержать Великую Победу.

На фронтах Великой Отечественной партия потеряла более трех миллионов своих членов. Это были лучшие из лучших. Таких жертв на алтарь Отечества не приносила ни одна политическая организация мира. В год Победы в рядах ВКП(б) состояло около шести миллионов человек. Это был авангард советского народа, прошедший жестокую закалку на полях сражений с ненавистным врагом. На плечи этих замечательных людей легли основные трудности восстановительного периода. И они в очередной раз доказали, что для советских тружеников не существует преград непреодолимых.

Архивы сохранили покаянные жалобы арестованного жулья, написанные из тюремных камер на имя Генерального секретаря. Они посыпали головы пеплом и жаловались на помрачение рассудка. «Больше не будем и детям своим закажем!» — писал Главком ВВС Новиков, писал нарком Шахурин, писали генералы Телегин и Крюков, писал... да все писали, все — на чью голову опустилась тяжкая длань советского Закона.

Генерал Телегин, член Военного совета Первого Белорусского фронта, ближайший помощник Жукова не только в боевых, но и в преступных, позорных делах...

Иван Серов, генерал не армейский, а лубянский. От имени своего грозного ведомства хапал так, что вздрагивали даже самые матерые грабители...

Генерал Жаров, командующий Военно-транспортной авиацией. Приглядев виллу в пригороде Берлина, пригонял роту солдат, они быстро разбирали строение, грузили на самолеты и отправляли в Москву. Спустя неделю из этого материала построенная вилла уже красовалась в Подмосковье...

Генерал Крюков, командир гвардейского кавалерийского корпуса. Немецкие автостроители специально для Гитлера собрали вручную роскошную машину марки «Хорьх». Фюрер счел, что для народного вождя такие излишества не подобают. «Хорьхом» завладел генерал Крюков и отправил с адъютантом

в Подмосковье. Кроме автомобиля фюрера советский генерал прихватил еще два «Мерседеса» и «Ауди». При обыске у Крюкова конфисковали около двух центнеров изделий из серебра, 87 костюмов, 312 пар модельной обуви...

Лидия Русланова... Кто не замирал от ее неповторимого голоса исполнительницы русских народных песен! Во время войны певица часто бывала во фронтовых частях. Там она познакомилась с командиром кавалерийского корпуса генералом Крюковым, вышла за него замуж, бросив известного эстрадника Гаркави. В разгромленной Германии и у лихого генерала, и у знаменитой певицы разбежались глаза...

У Руслановой с мужем-генералом обнаружили две дачи и три квартиры в Москве. В шкатулках хранилось 208 крупных бриллиантов и множество золотых изделий. Картинная галерея насчитывала 132 полотна кисти выдающихся живописцев (четыре картины Нестерова, семь — Кустодиева, пять — Маковского, четыре — Шишкина, четыре — Репина, три — Поленова, две — Серова, две — Врубеля, три — Айвазовского, по одной — Верещагина, Васильева, Сурикова, Федотова, Тропинина, Левитана, Крамского и Брюллова).

Множество перечисленных в протоколах мелочей заставляли Сталина поднимать плечи и разводить руками. Например, 140 кусков мыла, 47 банок гуталина, 16 дверных замков, 44 велосипедных насоса.

Читая протоколы обысков, Иосиф Виссарионович морщился и потирал ноющий висок. Выдающиеся и известные люди в нашей стране и за ее пределами, далеко не бедные, а в какую грязь скатились!

Воистину помрачение рассудка!

Во всем этом безудержном разгуле алчности Иосиф Виссарионович обратил внимание (в первую очередь, конечно, следователей) на самую зловещую особенность. И картины, и уникальные изумруды стоили баснословных денег. Никакими заработками таких средств не накопить. Каким же образом составились и картинная галерея, и коллекция драгоценных камней? Задумываться заставляли два обстоятельства: все сокровища приобретались в годы войны и происхождение этих сокровищ— ленинградское. Иными словами — и картины, и камни были

приобретены во время блокады, когда дороже всего ценился обыкновенный кусок хлеба.

Страшное подозрение, что и говорить!

Секрета не было, что в ленинградскую блокаду имели место случаи людоедства. Но в то же время обогащались подлые людишки, распоряжавшиеся продуктами, завозимыми по «Дороге жизни». Что стоило кому-нибудь «завернуть влево» грузовик с тушенкой?

Но кто мог такое сделать? Только тот, кто обладал всей полнотою власти в осажденном городе. А была ли в те дни власть выше, чем у Жукова? Страшно, необыкновенно жутко даже допускать подозрения в таком кощунстве!

Но... с какой стати певица и после войны продолжала одаривать супругу маршала необыкновенно ценными подношениями по любому поводу?

На допросах генерал Крюков, не скрывая, называл себя «мародером и грабителем». Он также не скрывал, что ходил у Жукова в любимчиках, часто бывал у него на даче. Генерал был благодарен маршалу за спасение от серьезной кары в 1942 году, когда он в боях положил весь свой корпус. Лидия Русланова откровенно льстила маршалу, называя его «Георгием-Победоносцем». Жуков в долгу не оставался, наградил певицу орденом Отечественной войны 1-й степени (в приказе маршала указывалось: «За выполнение боевого задания»).

Горькой была бы участь всех арестованных и подозреваемых, если бы в необыкновенно грязную историю с позорным мародерством не вмешалась властная ручища Лаврентия Берии. Показания арестованных по «Делу авиаторов» внезапно приняли опасный крен: генералы-мародеры в один голос принялись обличать Жукова в сколачивании заговора военных для захвата в стране власти. Своего рода обновленный вариант давнишнего «Дела Тухачевского». Маршал Победы выставлялся еще одним советским Наполеончиком!

Имелся ли материал для обвинений? К сожалению, имелся.

Помимо патологической жадности маршал страдал непомерным зазнайством. Он постоянно брюзжал, что его мало ценят, что награды, положенные ему за победоносные операции, получают другие. Он даже Сталина обвинял в нечистоплотно-

сти: Верховный Главнокомандующий якобы без всякого зазрения совести присваивал себе часть его славы.

Следователи обкладывали маршала со всех сторон. Жестокость Жукова была известна всем. Бессудными расстрелами он грешил постоянно (война всё спишет!). Но личная трусость? Было и такое. При артналетах он прятался в укрытие, оставляя в это же время свою охрану под огнем. Когда был убит Усачев, начальник охраны, Жуков даже не оглянулся, не снял фуражки.— «Едем. Закопают без нас!» — произнес он. Случалось, в гневе маршал в кровь избивал подчиненных генералов, наплевав на всякие понятия об офицерской чести. Ну и нечистоплотность в личном плане: в своем вагоне он постоянно возил любовниц, награждал их боевыми орденами.

Обрекающим выглядело и обвинение маршала в гибели Н.Ф.Ватутина— командующего 1-м Украинским фронтом. Будто бы только Г.К.Жуков знал, куда и по какой дороге поедет командующий. Так от кого же об этом могли узнать те, кто устроил засаду?

Сталин, листая следственные протоколы, все больше узнавал о замашках своего заместителя. Жуков на самом деле оказался жаден до наград (хотя орденов получил столько, что впору вешать на спину!). Он совершенно не выносил талантливых помощников, считая их соперниками, особенно настойчиво отжимал от пьедестала славы К.К.Рокоссовского, полководческий талант которого ярко проявился во время командования с 1942 г. Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. Под конец войны он все-таки спихнул Константина Константиновича с 1-го Белорусского фронта, вознамерившись своим сапогом наступить на поверженную столицу Третьего рейха. Сохранился фронтовой документ: когда танкисты маршала И.С.Конева ворвались с юга на окраины Берлина, Жуков приказал открыть по ним огонь. Не хотел делиться лаврами победителя!

Сталину много раз докладывали, что Жуков громко похваляется: «Что вы стоите без меня?» Маршал искренне считал разгром Германии своим личным достижением.

Жестокая война заставила буквально всех забыть об отдыхе. Самозабвенно работал на Победу и маршал Г.К.Жуков. Но... не видать бы нам Берлина без него?!

Этимон оскорблял слишком многих. И в первую очередь таких же маршалов, командующих фронтами.

Недаром фанфаронистого маршала ненавидел близкий И.В.Сталину человек А.А.Жданов.

И все-таки это слишком страшное обвинение: «ВОЕННЫЙ ЗАГОВОР».

Берия, несомненно, играл крупными козырями. Он решил воспользоваться ситуацией и к обильному потоку генеральской грязи пристегнуть набор политических грехов. Удайся его замысел — Советская армия лишалась бы своих самых выдающихся военачальников - людей, занимающих высокие командные, штабные должности в Вооруженных Силах, прошедших суровое горнило войны.

Напрасно старались следователи на Лубянке. Сталин мог поверить во что угодно, только не в заговор маршалов и генералов. Не из того теста были эти выдающиеся люди, добывшие Победу над фашизмом.

По поводу своего недостойного поведения в Германии Жуков объяснялся со Ждановым — ему пришлось сочинять объяснительную записку. Ломая гордыню, маршал и каялся, и пытался оправдаться.

Жданов, выслушивая оправдания спесивого, осыпанного многими наградами военачальника — Маршала Советского Союза, не скрывал брезгливости и разговаривал сквозь зубы.

Само собой, награбленное имущество Г.К.Жукову пришлось сдать (сокровища принимались специальной комиссией под протокол). Судя по документам, отобрали не все. Маршалу оставили тысячу метров тканей, три кожи (шевро), 13 ковров, 5 ружей и 9 часов.

Вина Жукова разбиралась на заседании Высшего Военного Совета. Решить судьбу своего единственного заместителя Верховный Главнокомандующий предоставил боевым товарищам провинившегося полководца. Маршала судили маршалы.

Сталин появился в зале, когда все военачальники были в сборе. Он подошел к генералу С.М.Штеменко, исполнявшему обязанности секретаря Совета, и подал ему папку с материалами расследования. Штеменко, не садясь за стол, принялся читать. Первым документом была длинная жалоба главкома ВВС Новикова, посланная им из лубянской камеры на имя Сталина.

Все собравшиеся знали, что маршал Жуков по человеческим качествам — не подарочек. И все же брань, рукоприкладство и даже бессудные расстрелы — это одно, а поползновение на власть, военный заговор — совсем другое. А в письмах арестованных военных, которые зачитывал Штеменко, так и сквозила эта тревожная для государства нота.

Жуков сидел с опущенной головой, упорно смотрел на носки своих безукоризненно начищенных сапог. Он сознавал, что решается вопрос о его жизни и смерти.

Берия явился на заседание в мундире Маршала Советского Союза. Он застыл, как изваяние. Зловеще поблескивали стеклышки пенсне. За все время заседания совета он не произнес ни слова.

Сталин по обыкновению бесшумно прохаживался вдоль стола. В.М.Молотов выступил на заседании дважды, Маленков— один раз. Как один, так и другой решительно высказались за арест. Тогда на защиту опозоренного маршала дружно поднялись военачальники: И.С.Конев, К.К.Рокоссовский, А.М.Василевский. Горячую речь произнес маршал бронетанковых войск П.С.Рыбалко.

Военные костили Жукова, но в один голос отвергали обвинения в организации заговора. Этого не было, и быть не могло! Советские генералы сделаны совсем из другого теста!

При этом ни один из военных не глянул в сторону монументально застывшего хозяина Лубянки — Берии.

Сталин остановился и принялся выбивать трубку в пепельницу. Занимался он этим довольно долго. Картина в общем-то окончательно прояснилась. Иосиф Виссарионович не сомневался, что попади Жуков в лапы врага, он выдержал бы любые муки. А вот испытания властью не выдержал! «Скорняком был, скорняком и остался...». Никакой, конечно, он не заговорщик. Просто плохой коммунист, плохо воспитанный человек, зазнавшийся хам.

Однако возраставшее соперничество Жукова и Берии становало опасным.

Сталин остановился над головой опозоренного маршала.

— А что вы нам скажете, товарищ Жуков?

Пружинисто поднявшись, маршал прямо глянул в сталинские глаза:

— Прошу разобраться, при каких обстоятельствах были получены все эти показания.

На жирной физиономии Берии не дрогнул ни один мускул. Концом трубки Сталин коснулся груди стоявшего навытяжку маршала:

— Ви-и потеряли совесть, товарищ Жуков. «Я выиграл войну...». Стыдно!

Сталин снова принялся прохаживаться вдоль стола. Несколько раз он прошел мимо Жукова. Тот весь напрягся, понимая, что сейчас ему будет вынесен окончательный приговор.

Молчали военные, застыл с ледяным лицом монументальный Берия. В зале установилась напряженная тишина.

Иосиф Виссарионович снова стал ходить вдоль стола. Память подсказывала самые тяжелые дни Московского сражения. Этот проворовавшийся человек вместе с ним вынес тяжелейшую ношу. Москва выстояла (в отличие от многих столиц Европы). В этом подвиге защитников — огромная доля Жукова... Затем вспомнил и еще один тревожный день. Шли заседания Ялтинской конференции, решалась судьба гитлеровского режима. Сталин имел обыкновение даже в Крыму вникать вовсе детали фронтовых операций. Ему доложили, что Первый Белорусский фронт готовится начать штурм немецкой обороны и развить наступление прямо на Берлин.

Сталин похолодел. Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы увидеть гигантскую ловушку, заготовленную немцами. Как только войска Жукова разовьют успех, им во фланг ударит мощная группировка с севера. И судьба желанной и близкой Победы повиснет на волоске. Рухнут с трудом налаженные отношения с союзниками, станет совсем ненужной эта самая Ялтинская конференция! (Жуковская горячность объяснялась просто: он завидовал недавней операции «Багратион» с блеском проведенной Рокоссовским).

6 февраля Сталин немедленно связался с Жуковым на фронте и категорически потребовал выбросить из головы мысли о Берлине. Немцы только того и ждут!

Даже на таком гигантском расстоянии Иосиф Виссарионович почувствовал недовольство и раздражение своего заместителя. «У меня, - стал жаловаться Жуков, — украли близкую Победу!». Потом он, разумеется, познакомился с данными раз-

ведки и убедился, от какой беды спас его Верховный: 14 февраля немцы собирались ударом во фланг отсечь войска двух Белорусских фронтов. Досталось бы и Прибалтийским. Боевая зарывистость маршала грозила смешать все карты войны!

Неторопливое прохаживание и привычная возня с трубкой всегда успокаивали советского Вождя. Иосиф Виссарионович остановился и смерил маршала взглядом с головы до ног. У него вырвалось насмешливо-презрительное:

— Ишь какой... один выиграл войну!

И закрыл заседание.

Сталин не отдал Жукова в подвалы Лубянки, но отослал его с глаз подальше: назначил командующим войсками Одесского военного округа.

Берию он убрал с Лубянки, взвалив на него всю ответственность за деятельность архиважного Атомного комитета. Сам он с головой поринул в китайские дела.

К тому времени Мао Цзэдун сделал окончательный выбор в пользу Советского Союза, отвергнув все притязания Соединенных Штатов. Американцы оскорбились и стали разрабатывать планы атомной бомбардировки Китая. Узнав об этом, Иосиф Виссарионович создал очаг напряженности в Европе: так называемый Берлинский кризис. Американские стратеги оказались на распутье: бомбить Китай или СССР? Затея была авантюрной с самого начала и рассчитывалась на запугивание противника.

Сталин не испугался, отлично зная, что атомных бомб у США еще совсем немного. Великий Вождь советского народа создавал мощный противовес притязаниям Америки.

Армейскую мощь Жукова в полной мере в последующие годы использовал Н.С.Хрущев. Только с помощью прославленного Маршала ему удалось бескровно обезвредить Берию. Ни Лубянка, ни внутренние войска не посмели выступить в защиту своего заигравшегося повелителя. Армия как была, так и оставалась основной реальной силой в государстве.

Считал ли Жуков Хрущева на самом деле выдающимся государственным деятелем, способным заменить Сталина? Нет, не считал. Более того, он был уверен, что этот политический пройдоха навсегда сохранит свой пиетет перед его военными заслугами. Забрезжила перспектива задвинуть рыхлого и болтливого сверх всякой меры «Хруща» за свою широкую мар-

шальскую спину. А там..., чем черт не шутит? Словом, победитель Берлина попер во власть, словно на Зееловские высоты.

Прежде всего он вместе с Хрущевым принялся обливать скончавшегося Вождя ушатами грязи. Еще совсем недавно, спасенный Сталиным от ареста и расправы, он сочинил покаянное письмо. «Я признаю ошибкой то, что накупил слишком много для семьи...». Прозвучала «крепкая клятва большевика» сделать необходимые выводы. Свое послание он подписал со смиренной скромностью: «Член ВКП(б) Жуков». И покаяния, и клятвы были забыты моментально.

В своем докладе, подготовленном для пленума ЦК, маршал так отозвался о Вожде: «плохой руководитель, ничтожный стратег». Он стал помогать Хрущеву уничтожать армию и резать флот. Адмирала Н.Г.Кузнецова он покрыл площадным матом и сорвал с него погоны. Вконец, ошалев от власти, он устроил атомные учения на Тоцком полигоне. От облучения скончались тысячи солдат и офицеров. Этот «ундер» в маршальских погонах по-прежнему не брал в расчет обыкновенные человеческие жизни.

Хрущев в свою очередь стремился единолично решать актуальные вопросы жизнедеятельности партии и государства, игнорировать мнения других. В июне 1957 г. на заседании президиума ЦК ему были предъявлены серьезные претензии и принято решение об освобождении его с поста первого секретаря. Предполагалось назначить его министром сельского хозяйства.

Однако Хрущев, нарушив партийную дисциплину, не подчинился решению этого партийного органа. Ключевую роль в его спасении сыграл и министр обороны Жуков, который организовал и оперативно доставил самолетами военно-транспортной авиации членов ЦК. Хрущев остался на своем посту, постепенно убрал с политической арены тех, кто ему мешал и еще целых семь лет бесчинствовал в стране.

Признавая бесспорные заслуги маршала в Победе, следует по справедливости отметить и его посильный вклад в развал СССР. Приватизировав военную славу Жукова, неотроцкист Хрущев использовал ее в качестве тарана для сокрушения уникальных заслуг Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина.

Конец деятельности Жукова (как и его планам) положил все тот же Хрущев. Поблескивая крохотными свиными глазками,

он вовремя разглядел в размашистом маршале угрозу своему рептильному существованию. С помпой отправив Жукова в Югославию, к Тито, он в это же время принял решение о снятии его с поста министра обороны. Когда Жуков вернулся в Москву, возле трапа самолета его встретил один порученец. Маршал, следует отдать ему должное, выдержал этот удар достойно.

- А кого назначили? — поинтересовался Жуков.

- Малиновского.

- А! Я думал — Фурцеву...

Прославленный маршал отправился на дачу (подаренную в свое время Сталиным), и предался нелегким воспоминаниям, переоценке людей и событий.

Человек заслуженный и даже выдающийся, но прямолинейный, как солдатский штык, он убедительно доказал, что политики из маршалов бывают никудышние.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УДАРОВ ПРОТИВ СССР

Международная обстановка вокруг страны Советов все больше обострялась и насыщалась невероятной грязью. Могучий корабль СССР уверенно рассекал форштевнем волны дряни, надежно защитив свой внутренний мир «железным занавесом». Советский народ залечивал военные раны и создавал ядерный щит своей Отчизны. Зимой 1947 года в стране отменили карточную систему (СССР сделал это первым в Европе). Осенью 1948 года в Казахстане, под Семипалатинском, успешно прошло испытание советской атомной бомбы. Отныне у страны социализма появился убедительный ответ на любые наглые угрозы западного мира.

Грязные политики сионизма постоянно меняли направление ударов по Советскому Союзу. В одних случаях им удавалось достичь некоторых успехов, в других — получать сокрушительный отпор. Они легкомысленно затеяли так называемую «Корейскую войну» и мир вновь убедился в том, что вояки из них никудышние. Потеряв в боях десятки тысяч солдат, американцы убрались на заранее подготовленные позиции и поспешили возвести поперек всего Корейского полуострова гигант-

скую бетонную стену (длина — 140 километров, высота — 10 метров, ширина — наверху стены разъезжаются два джипа). Кстати, стену в Берлине давно убрали, а стена в Корее так и стоит! Взяв пример с китайцев, сионисты недавно принялись возводить в Палестине Великую Еврейскую Стену. Всемирное гетто, Израиль, решило отгородиться от гоев неперелазным барьером.

О разгроме «пятой колонны» в СССР убедительный документ оставили американские журналисты Сайерс и Кан. Они написали книгу «Тайная война против Советской России». Книга увидела свет в США в самый канун мировой войны. В Советском Союзе ее перевели и опубликовали в 1947 году. Значение этой книги было огромно. Глазами американских журналистов мир взглянул на гигантскую работу по очищению советского тыла от вражеской агентуры. Это очищение в значительной степени обусловило нашу победу над гитлеризмом.

Поражение немецкого нацизма нисколько не обуздало коварных сионистов. Наоборот, их происки совершенствовались постоянно, становясь все более подлыми, все более изощренными.

Международная обстановка усложнялась с каждым днем. Мировая «закулиса» научилась надежно прятать свои самые важные секреты.

О высоком нравственном настрое трудящихся СССР свидетельствовала песня, ставшая выразителем гражданской доблести недавних победителей фашизма: «Прежде думай о Родине, а потом о себе!»

К сожалению, в стране не исчезло (и не могло исчезнуть) мещанство. Этот клан людишек отличался непостижимой приспосабливаемостью к любым обстоятельствам. Советские мещане благополучно пережили военное лихолетье, теперь перед ними открылось широчайшее поле послевоенной жизни. О, тут многое зависело от ловкости и цепкости, от умения пускать пыль в глаза и устраиваться!

Величайшей трагедией ВКП(б) стал наплыв в ее ряды изощреннейших приспособленцев. Успешная карьера в СССР была немыслима без обладания билетом члена партии. Поэтому в ряды коммунистов всеми правдами и неправдами устремилась разнообразная человеческая сволочь. Вся мразь советско-

го общества обязательно стремилась иметь в кармане заветную партийную книжечку. И это ей неплохо удавалось.

Мировая История изобилует событиями, которые затруднительно объяснить с помощью нормальной логики. Например, с какой стати царская охранка вдруг убивает премьер-министра России П.А.Столыпина, вместо того, чтобы всеми силами его охранять?

Или непостижимое рассудку устранение силами своих секретных служб президентов Рузвельта и Кеннеди?

Наконец, почему так долго и упорно оберегается тайна полета Гесса в Англию накануне нападения Гитлера на СССР?

Добавим сюда решение японцев ударить осенью 1941 года не на Север — по СССР, а на Юг, — по базе Перл-Харбор.

Или загадочный «стоп-приказ» Гитлера перед Дюнкерком, где в ожидании неминуемой гибели под гусеницами немецких танков оцепенело замерли 350 тысяч британских солдат.

Примеры таких диковинных нелепостей можно продолжать. Однако какая-то логика все же лежала в основе всех этих событий! Так почему бы не попытаться найти ее, доискаться, докопаться?

Для этого придется припадать к малейшим щелочкам в «Зазеркалье» мировых событий, — туда, где бурно протекает деятельность искусных и мощных служб, называемых из-за своей специфики СЕКРЕТНЫМИ.

Иосиф Виссарионович еще в канун войны постиг природу немецкого нацизма и, в особенности, кажущийся феномен Гитлера. Сказалась ранняя выучка: о потаённых кознях мирового сионизма он получил представление еще в годы учебы в Тифлисской семинарии. Теперь, на закате жизни, уроки незабвенного о. Гурама помогали советскому Вождю прозревать коварные замыслы Мирового Зла и не попадать в смертельные ловушки.

После победы над Гитлером главным неприятелем страны Советов стал конгломерат западных секретных служб. Все его козни разрабатывались одним Центром, одним мозгом. Мускулистые щупальца подбирались к СССР со всех сторон, и мерцал змеиным блеском немигающий зрак этого чудовищного страшилища. Это и была «холодная война», выпестованное детище Черчилля и Трумэна.

Военные неудачи американцев становились фактором постоянным.

Они своими боками освоили жестокую науку поражений. Потерпев поражение, незадачливые вояки ушли из Кореи, Вьетнама, с Кубы.

Нет, «горячие» войны для них никак не подходили. Поэтому выбора не оставалось: только войны «холодные», тайные, тихой сапой. В этом виде единоборства у сионистов накопился колоссальный опыт. Как-никак — за плечами целых 57 веков!

Иосип Броз Тито, крупный деятель международного рабочего движения, имел в своем бурном прошлом невероятное множество темных пятен. Начать следует с его подлинной национальности и настоящего имени.

Это был венгерский еврей Иосиф Амброз. С ранних лет он связал свою судьбу с секретными службами. В 1913 году он учится в разведывательной школе в г. Печ. Его сосед хорват Иосип Броз внезапно умер и будущему коммунистическому функционеру вручили документы скончавшегося однокашника. Начальник разведывательной школы полковник Штанцер предназначил Иосипа для глубокого залегания в России. Выпускник школы разведки становится солдатом австро-венгерской армии, отправляется на фронт и там попадает к русским в плен.

Дальнейший путь вождя югославского народа чрезмерно туманен. В 1917 году он сидит в тюрьме Петрограда вместе с Троцким, затем вдруг оказывается в Омске, когда там хозяйничал Колчак, женится на русской Пелагее Белоусовой, затем бросает ее с ребенком и отправляется на родину.

Общеизвестно, что отряды Тито сражались не только с немцами, они воевали и с сербами, и с четниками Михайловича. Коминтерн из Москвы отказался от четников, как непримиримых националистов, и взял сторону титовцев, интернационалистов. В качестве постоянного представителя исполкома Коминтерна в Югославии обосновался некий Велебит. За годы войны этот человек наладил тесные связи с еще одним представителем при штабе партизан — англичанином Рэндольфом Черчиллем, сыном британского премьер-министра, сотрудником спецслужб, сброшенным в горы Югославии на парашюте.

Сын-разведчик, как видим, утолял давнишнюю боль отца-политика насчет Балкан.

На юге Европы у немцев держали оборону 10 дивизий, — силы незначительные. В Лондоне вынашивали планы десантирования трех британских дивизий. Черчилль никак не мог смириться с мыслью, что проклятые русские опередят его на Балканах.

После Курской битвы Велебита засекли в Каире, на встрече с резидентом американской разведки Р. Джеймсом. Это был грубый «прокол». Однако Тито решительно взял его под свою защиту.

Сомнений не оставалось: этот человек совсем не тот, за кого выдавал себя все военные годы.

Впрочем, в том же 1944 году ряд тайных встреч провел и сам Тито. Ему удалось благополучно пробраться в Италию, где его поджидал папа Пий XII, недавний кардинал Пачелли, сидевший в лагере военнопленных вместе с Тухачевским.

После войны Белград подобно Стокгольму превратился в крупный центр международного шпионажа. Там обосновался Д.Кеннан, старый «зубр» американских спецслужб, а в посольстве Чехословакии украдкой орудовал тишайший Корбел, отец М.Олбрайт.

Скандально «проколовшийся» Велебит занял пост заместителя министра иностранных дел народной Югославии.

В 1918 году ему удалось заложить основы коммунистической партии Югославии. Само собой, ее представители немедленно заняли свою нишу в системе Коминтерна.

Как водится, Иосип Броз арестовывается, сидит в тюрьмах.

В 1934 году он, как видный деятель международного коммунистического движения, приехал в Москву. Он считался референтом Коминтерна, имел документы на имя Фридриха Вагнера. Как и все коминтерновцы, он поселился в гостинице «Люкс» на улице Горького (тогда — Тверской). В Москве Тито узнал, что его жена Пелагея живет в далеком Казахстане, а подросший сын Жарко угодил в колонию малолетних преступников.

В том году среди обитателей гостиницы «Люкс» были часты аресты. Люди увозились на Лубянку и там следы их обрывались.

Тяжкие подозрения пали и на Тито. Он горячо оправдывался и сумел уцелеть. В память о тех трудных днях у него появилась ранняя седина.

Пик международной известности Тито пришелся на годы войны с фашизмом. Партизаны Югославии отражали яростные атаки немецких карателей. Штаб Тито укрепился в неприступных горах.

Оценив заслуги Тито в борьбе с гитлеризмом, советское правительство наградило его орденом Суворова Первой степени, а затем и орденом Победы.

Сын Тито, недавний правонарушитель, стал бойцом прославленной Панфиловской дивизии, сражался под Москвой, в бою за деревню Крюково потерял руку и был награжден орденом Отечественной войны.

Ореол командира югославских партизан сделал Тито самым популярным политиком на Балканах. Он выдвинул идею создания Балканской федерации, встретил сопротивление албанского вождя Энвера Ходжи и пригрозил ему тем, что пошлет в Албанию югославскую дивизию. Размашистая деятельность Тито вызвала осуждение Сталина. Лезть на рожон, пока сионисты обладают монополией на атомную бомбу, было опасно. Советский руководитель сделал югославскому руководителю товарищеское внушение. Однако Тито вдруг закусил удила. Он объявил, что Югославия — совершенно независимая страна и равняться на Москву более не намерена.

Ему мешал Георгий Димитров. Тито видел в нем соперника, желая сам занять пост руководителя Балканской Федерации.

Г.Димитров направлялся в Москву поездом и ехал через Белград. На станции Топчидер ему был устроен товарищеский обед. Вместе с Димитровым за столом находился генерал И. Караиванов, начальник болгарской разведки, не только близкий друг Тито, но и давний агент НКВД. Едва поезд тронулся дальше, Димитрову стало плохо. В Румынии его сняли с поезда и самолетом отправили в Москву. Через три дня он скончался.

Историки до сих пор старательно обходят вопрос об установлении народной демократии в Греции. В послевоенные годы эта тема не сходила со страниц мировой печати. Тито, демонстрируя свою независимость от Москвы, стал одним из организаторов блока: Югославия — Турция-Греция. Именно он похоронил все надежды Сталина на успех еще в одной стране Средиземноморья.

Тито уже нисколько не скрывал своих симпатий к НАТО. В Белграде вдруг появился Ф.Виснер, руководящий деятель ЦРУ, и пообещал снабдить Тито американским оружием. Он поставил одно условие: очистить югославскую армию от «сталинистов». После этого в Югославии арестовали ВСЕХ сторонников дружбы с Советским Союзом, многих из них расстреляли, а оставшихся в живых навечно заточили в концлагерь на отдаленном острове в море.

Велебит отправился в Париж. Там на совещании Международного банка реконструкции и развития близко сошелся с Генеральным директором этой влиятельной организации Ю.Блейком.

Тито, окончательно разоблаченный, принялся действовать с открытым забралом оголтелого сиониста. Вокруг него сплотилась клика таких же презренных перевертышей: Ранкович, Джилас, Кардель, Пьяде.

В 1948 году произошел окончательный разрыв Тито с Москвой, Международное совещание коммунистических партий приняло постановление: «Югославская компартия в лапах предателей и убийц».

В Белграде немедленно появился Ю. Блейк.

Велебит же полетел в США, прожил там целый год и установил тесные контакты с такими персонами, как А.Гарриман и Ч.Болен, который вскоре занял пост посла Великобритании в СССР.

Не оставлял предателя вниманием и старый знакомец Виснер, ставший к тому времени заместителем директора ЦРУ.

Американцы не скупились на обещания югославам. На примере руководителей этой страны они как бы обращались ко всему лагерю стран народной демократии: предайте Советский Союз, ивы сразу увидите, как вам станет хорошо!

Родители Мойши Шиловского были хасидами из Киева. Они уехали в Америку в поисках еврейского счастья. В Чикаго отец Мойши стал сапожником.

В 1917 году Мойше исполнилось 15 лет. Он слышал, каким золотым дном оказалась для детей Израиля далекая Россия. Туда уехал сын портного Тобисон, там ковали свое шальное счастье братья Хаммеры, сыновья основателя коммунистической партии США.

В 1928 году Мойша Шиловский превратился в Морриса Чайдлса и появился в Москве. На два года он стал слушателем школы Коминтерна. По заведенному обычаю он подписал вербовочное обязательство и стал агентом ОГПУ.

Коммунистическая партия США в те времена насчитывала всего 8 тысяч членов. Но деньги из Москвы на работу в США отпускались хорошие и поступали регулярно. Россия на самом деле оказалась страной с неисчерпаемыми богатствами.

Сотрудники ФБР не напрасно ели свой хлеб. Сначала они завербовали Джека, брата Мойши, а затем умело прибрали к рукам и самого Мойшу-Морриса. Он стал агентом-двойником.

На пик своей паскудной деятельности Мойша вышел после окончания войны в Европе. Американская компартия все громче заявляла о своих возможностях. В год победы над Гитлером численность ее рядов достигла 73 тысяч. Из них 10 тысяч служили в рядах американской армии.

Смерть Сталина, а затем подлейшая деятельность Хрущева привели к тому, что мировое коммунистическое движение стало трещать и расползаться. Недавние коммунисты с презрением выкидывали свои партийные билеты. Москва ответила усилением финансирования. Компартия США получала сначала по 200 тысяч долларов в год, затем — по миллиону, а накануне развала СССР дотации возросли до 2,7 миллиона долларов.

Деньги передавались из рук в руки, — привозились чемоданами. Номера купюр предварительно записывались в ЦРУ.

М. Чайдлс сумел настолько завоевать доверие самого Хрущева, что тот взял «американского товарища» с собой в Китай. Мойша стал свидетелем ссоры двух лидеров, о чем составил подробнейший отчет для своих хозяев в Вашингтоне.

В 1959 году Мойша-Моррис возглавлял делегацию компартии США на XXI съезде КПСС.

И на Лубянке, и на Старой площади М.Чайлдса искренне считали надежнейшим сотрудником. По заданиям обоих ведомств — ЦК и КГБ — Мойша побывал в 59 командировках. Благодаря ему ЦРУ держало под присмотром все мировое коммунистическое движение.

6 мая 1974 года Мойша получил приглашение на ужин к Брежневу. Из правительственного гаража за ним отправилась машина. Каково же было изумление гостя, когда,

спустившись вниз, к подъезду, он увидел за рулем не шофера, а шефа КГБ Андропова!

Никаких подробностей о товарищеском ужине втроем не сохранилось, кроме одной: провожая гостя, Брежнев вручил ему орден Трудового Красного Знамени.

В 1977 году М.Чайдлс в последний раз посетил СССР. Он принял участие в торжествах по случаю 60-летия Великого Октября.

Три года спустя американские хозяева посчитали необходимым вывести его из игры. К тому времени к главному посту подбирался выродок с кровавой отметиной навечно потной лысине.

В 1987 году правительство США наградило М. Чайдлса медалью «За заслуги в национальной безопасности». Это очень высокая награда. За всю историю Соединенных Штатов Америки Мойша стал пятым кавалером этой исключительно высокой награды!

После развала СССР штаб-квартиру ЦРУ посетили и Буш, и Клинтон. Оба президента горячо поздравили своих разведчиков с превосходно выполненным заданием. Отныне только Соединенные Штаты Америки вправе называться супердержавой, единственной на Планете.

В вестибюле ЦРУ заведена своеобразная «Доска почета». Однако вместо имен отличившихся сотрудников изображены безымянные шестиконечные звезды. Хозяева считают, что еще не настало время называть героев.

Любопытно, сколько звезд посвящено тем, кто принимал участие в умерщвлении нашей страны и нашего народа?

В 1960 году из мексиканской тюрьмы был освобожден Рамон Меркадер, убийца Троцкого. Он провел в заключении ровно 20 лет, лучшую пору своей жизни.

Герой гражданской войны в Испании, коммунист, готовый к любым жертвам ради светлого будущего человечества, Рамон пришел в ужас от того, что увидели его глаза в СССР. Куда он попал? Что сделалось с советскими людьми? Произошло непостижимое перерождение!

Диктатура пролетариата... Но советские рабочие превратились в городских мещан, более всего озабоченных своими конурками на шести сотках за городом.

О классовой солидарности никто из них не задумывается и не имеет ни малейшего понятия.

Коммунистическая партия, авангард трудящихся, становилась прибежищем откровенных негодяев.

В руководстве партией и государством главенствовали одряхлевшие деды, всецело занятые тем, чтобы избежать мучительных стариковских запоров.

По случаю приезда китайской делегации Района пригласили на правительственный прием. Он стал свидетелем того, как хитрющий Микоян жаловался китайскому гостю на жестокость Сталина. «Мы не смели пикнуть. Он бы нас всех убил!».

Видеть такой позор, такое гибельное перерождение руководителей великой страны, членов партии становилось невмоготу. Одолевали сожаления о бесполезности своей великой жертвы, и Рамон уехал из СССР на Кубу. Только там, в героической атмосфере повседневного сопротивления американскому фашизму, Рамон задышал легко и вольно, во всю грудь.

На Кубе они скончался...

Беловежская пуща вошла в историю России событиями 29 августа 1897 года. В тот день, находясь там на охоте, император Николай II подписал высочайший указ о введении в России золотого рубля. Речь шла не о золотом обеспечении бумажных ассигнаций, а о хождении среди подданных империи монет, изготовленных из этого драгоценного металла.

На первый взгляд, такое нововведение свидетельствовало о несокрушимом финансовом положении державы. На самом же деле осуществлялась тонкая, хорошо продуманная диверсия, направленная на подрыв экономической системы российского государства.

Золото, поступившее в обращение наравне с бумажными деньгами, привело к стремительному сокращению золотого запаса империи и к утечке его за границу, в сейфы иностранных банков. Повсеместная скупка русских золотых монет в обмен на ассигнации сделалась основным занятием проворных финансовых «жучков».

Автором этой диверсии был никто иной, как премьер-министр России СЮ. Витте, опытный финансовый делец, сильно наторевший в изобретении р е ф ор м, призванных вроде бы оздоровить экономику страны, а на самом деле мощно ее подрывающих.

Беловежский указ молодого государя, всего третий год находившегося на русском троне, положил начало стремительному ухудшению здоровья державы. Сокращение золотого запаса привело к нехватке оборотных средств, что заставило прибегнуть к усиленному вывозу хлеба за рубеж, а затем и к поспешным иностранным займам. Таким образом, Россия сама накинула себе на шею крепкую финансовую петлю, конец которой находился в безжалостных лапах еврейских банкиров. А те уж своего не упустили!

Вдобавок к финансовой диверсии Витте изобрел еще и так называемый «пьяный бюджет», т.е. открыл по всей стране сеть казенных кабаков. Спиваясь, русский народ своими пропитыми копейками и рублями судорожно пополнял опустошаемую казну государства.

Облагодетельствовав таким образом Россию, Витте подписал еще Портсмутский мир, отдав японцам острова Курильской гряды и половину Сахалина, после чего с чувством исполненного долга удалился доживать на свою роскошную виллу в Биарриц.

Сталин со своим выдающимся государственным умом отлично понимал роль финансов в международных отношениях. Ведущие банки мира контролировали не столько денежное обращение, сколько политику правительств и правителей. До недавних пор «владыкой мира» считался английский фунт стерлингов. Британские банки диктаторствовали на всей Планете.

Но вот в июле 1944 года ведущие финансовые воротилы собрались в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Гемпшир). Банкиры раскрыли карты. Козыри американцев оказались гораздо старше. К тому времени Федеральная Резервная Система, эксплуатируя печатный станок днем и ночью, наводнила Планету миллиардами долларов. К этому прибавились победы американского оружия. Крыть козыри британцам оказалось совершенно нечем. И они признали свое поражение.

Так американский доллар свалил с многолетнего трона британский фунт стерлингов и сделался основным платежным средством во всех межгосударственных расчетах.

В том же Бреттон-Вудсе были основаны Международный Валютный Фонд и Международный банк реконструкции и раз-

вития. Само собой, ведущую роль в этих руководящих организациях захватили американцы.

Общеизвестно, что за всю историю человечества из недр Земли добыто около 100 тысяч тонн золота. Более пятой части из них собрано в государственном хранилище форта Нокс, в США.

Ослепленные успехами, заокеанские банкиры потеряли всякую сдержанность. 17 февраля 1950 года банкир Д.Варбург, выступая на заседании сената, хвастливо заявил:

— Хотите вы или нет, но у нас будет мировое правительство. Единственный вопрос в том, произойдет это путем консенсуса или путем насилия!

Так человечество было оповещено о ближайших планах владетелей мирового золота.

Однако помимо банков в США имеется и такое учреждение, как ЦРУ.

А людям, там работающим, надлежит быть трезвыми аналитиками без излишних эмоций. Поэтому вопреки безудержному хвастовству Варбурга деятели разведки, изучавшие состояние экономики СССР, предупредили правительство своей страны:

«Время на советской стороне. Запад и США проигрывают!»

За свои выводы эти люди отвечают головой. Правительство об этом знало. И, естественно, насторожилось. Гигантские успехи СССР угрожали вывести страну социализма на недосягаемую высоту.

Предсказания аналитиков вскоре подтвердились полностью. Советский Союз оказался пионером по всем наукоемким технологиям: страна победившего социализма первой построила атомную электростанцию и реактивный самолет, запустила искусственный спутник Земли и послала человека в Космос.

Финансовая пирамида США, затеянная еще в 1913 году, издавала угрожающий треск и требовала срочных мер спасения.

В этот момент Сталин подготовил и нанес блистательный удар международным финансовым авантюристам: он во всеоружии появился на долларовом поле. 1 марта 1950 года в «Правде» появилось небольшое, в несколько строк, правительственное сообщение:

«Прекратить с 1-го марта 1950 года определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и пере-

вести на более устойчивую, золотую основу, в соответствии с золотым содержанием рубля».

Эти несколько строк произвели за рубежами СССР эффект разорвавшейся атомной бомбы. Удар пришелся по главным финансовым центрам (по штабам). Не нужно забывать, что для подпитки американской пирамиды требовался приток средств в геометрической прогрессии. Откуда теперь их добывать, если рубль с золотым обеспечением господствует уже на половине Планеты (Восточная Европа, Китай, Вьетнам и др.)? Соединенные Штаты воочию узрели свой близкий крах. Хваленый доллар имел только военное обеспечение: авианосцами, ракетами, бомбами.

Рубль стал самой надежной валютой мира: его стоимость составляла 4 доллара. Один доллар стоил 25 копеек (а по сути дела не стоил и того!).

Чувствительно щелкнул американцев по носу и генерал де Голль.

С военной поры он имел застарелый «зуб» и на Рузвельта, и на Черчилля. Как известно, оба англосакса не считали его за равноправного партнера. Генерал оказался человеком злопамятным. Когда его избрали президентом Франции, он отправился в США с первым официальным визитом. Вызвав своего министра финансов, генерал поинтересовался, какой в стране запас валюты. «750 миллионов долларов»,— был ответ. «Возьмите их с собой», — распорядился президент. Находясь в Белом доме, исполнив положенное по протоколу, де Голль уже направился к выходу, как вдруг словно невзначай вспомнил:

— У нас накопилось 750 миллионов долларов валюты. Я прошу вас обменять их нам на золото.

Хозяева застыли в настоящем столбняке. Высокому гостю было сказано, что сделать этого они не в состоянии.

— Ах, так!— изумился генерал. — Тогда слушайте меня внимательно. Там, за дверью, меня ждет тысяча журналистов. Через полчаса весь мир узнает, что ваш доллар ничего не стоит!

Образумившиеся хозяева вцепились в гостя обеими руками.

— Нет, нет, мы пошутили!

Но это был единственный случай, когда за зеленые бумажки пришлось выложить так жадно собираемое золото.

А в 1978 году по Ямайскому соглашению США официально объявили, что доллар не имеет никакого золотого обеспечения.

Дерзкая выходка генерала де Голля стоила ему жизни. Через два года после визита в Вашингтон ему пришлось умереть.

Такая же участь постигла и Сталина. После своего «атомного удара» по доллару он прожил около трех лет.

Спасаясь от неминуемого финансового краха, Соединенные Штаты жадно ищут поживы в любом регионе Планеты. За годы, прошедшие после победы над фашизмом, США пускали в ход оружие более 200 раз. В военных конфликтах погибло более 22 миллионов человек. Так что призрачное процветание этой державы зиждется на обильной человеческой крови. А иного выхода у финансовых марвихеров нет. Количество зеленых бумажек с портретом президента исчисляется тысячами тонн. Более двух третей этого бумажного хлама обращается за пределами США. Так что, обрушившись вместе с долларом, Соединенные Штаты утянут с собою в пропасть и население тех стран, где национальная валюта привязана к «зеленым».

Само собой, складывать оружия сионизм не собирался. Наоборот, состоялась мобилизация всех возможностей, приведены в действие самые потаенные рычаги. Враги социализма действовали неторопливо, но основательно: они умело поражали своих противников внутренним нездоровьем. Прошло совсем немного времени и во всех странах Варшавского договора у власти оказались представители только одной национальности. Такой кадровый перекос невольно бросался в глаза. В Венгрии из 11-ти членов Политбюро 10 были евреями. В Чехословакии: из 13 — 11. При этом выяснилось, что все они тайком поддерживают связи с западными спецслужбами. В частности, очень грубо «засветился» секретарь ЦК компартии Болгарии Костов: его засекли на встрече с полковником ЦРУ Бейли.

Открыто враждебную Советскому Союзу линию вел Тито. Он продолжал сотрудничать с усташами в Хорватии, заигрывал с Ватиканом и, ненавидя сербов, укреплял Боснию тем, что отдал мусульманам и католикам исконно сербские территории. Большую ставку Тито делал на Болгарию. Вместе с Костовым он планировал восстание в Софии, причем ему была гарантирована немедленная поддержка со стороны НАТО.

Балканы, как и прежде, снова превращались в болезненный центр международной напряженности.

Сталин разрядил обстановку массовыми чистками в руководящих кругах братских компартий. Под суд пошли: Р. Сланский-Зальцман в Чехословакии, Т. Костов в Болгарии, Л.Райк в Венгрии, В.Гомулка в Польше, К.Дзодзе в Албании. Опасному засилью пришел конец.

В ответ появился секретный план ЦРУ по физическому уничтожению советского Вождя».

Американский историк Б. Хэрш, посвятивший этой ситуацииспеци-альное исследование, тогда впервые назвал группу так называемых «агентов западного влияния» в кремлевском руководстве: Берия, Хрущев, Маленков, Булганин, Микоян и Каганович.

Сталин угасал — это бросалось в глаза. Поэтому в Кремле и на Старой площади кипели подковерные страсти, связанные с заблаговременным захватом позиций, с которых будет легче всего ринуться в предстоящую борьбу за власть.

Мало-помалу определились две «стенки» — фигуры лидеров, на плечи которых падет вся тяжесть и ответственность за будущее страны, если партия и народ вдруг лишатся своего испытанного многолетнего Вождя. С одной стороны: Берия, Маленков, Хрущев. С другой: Кузнецов, Вознесенский, Родионов.

Сильнейшим качеством первой группы являлся колоссальный кремлевский опыт. Это были искуснейшие интриганы в коридорах власти. Правда, за последние годы их позиции заметно пошатнулись. Берия покинул Лубянку и возглавил Атомный комитет. Маленков отправился в Ташкент. Подвинут был и Хрущев: с поста первого секретаря Компартии Украины его пересадили в кресло председателя Совета Министров республики.

Ветер удачи вроде бы победно надувал паруса второй группы. Тем более что на их стороне находились и явные симпатии самого Генерального секретаря. На свою беду, они совершенно не имели никакого опыта интриг и наивно рассчитывали на свою искреннюю преданность порученному делу. Что касается грозной Лубянки, то с этой стороны они были вроде бы надежно прикрыты Абакумовым, — глава МГБ и Кузнецов дружили семьями. Своим

человеком считался и генерал Кубаткин, возглавлявший Ленинградское областное управление госбезопасности.

В сложившуюся ситуацию решительно вломилась внезапная смерть Жданова. Андрей Александрович был болен, — сдавало перетруженное сердце. В годы блокады у него случился инфаркт, но он перенес опасную болезнь на ногах (лечился всего пять дней). Как и Сталин, он не любил врачей и обращался к ним лишь в безвыходных ситуациях. Держался на лекарствах. В конце лета 1948 года он уехал отдыхать на Валдай. Внезапно наступило ухудшение. Из Москвы, из Кремлевской больницы, доставили врача Л.Тимашук с аппаратурой для ЭКГ. Кардиограмма не оставила никаких сомнений: снова инфаркт. Тимашук пришла в ужас, узнав, что лечащие врачи рекомендуют Жданову усиленные физические нагрузки и даже пробежки по лесу... 31 августа сердце Жданова разорвалось.

Как водится, потребовалось медицинское заключение о причине смерти. Начальник Лечсанупра Кремля П. Егоров распорядился указать «функциональное расстройство», — «резиновый» диагноз, снимающий всякую ответственность с врачей.

Тимашук воспротивилась фальсификации и написала собственное заключение, возмутившись вопиюще неправильным лечением сердечного заболевания. Егоров пришел в ярость. Он потребовал переписать документ. Честная женщина отказалась выполнить приказ перетрусившего начальника. На нее попытались воздействовать коллеги-подхалимы Г. Майоров и С. Карнай. Тимашук осталась тверда. Егоров снова вышел из себя и назвал ее «жутким человеком».

Понимая, что спокойной жизни ей теперь не будет, она написала генералу Власику, с которым была хорошо знакома. Генерал прочитал письмо, посчитал его частным и даже не доложил Сталину.

Егоров узнал о письме Тимашук и снова устроил ей основательную головомойку за «нехорошую манеру выносить сор из избы».

Как бы то ни было, но руководителям Лечсанупра удалось скрыть от Сталина неправильное лечение скончавшегося Жданова. Вождь знал о больном сердце своего помощника и воспринял его кончину, как неизбежный удар судьбы.

Изрядно перетрусившему начальству «Кремлевки» на этот раз повезло: сор из лечебной правительственной избы не вылетел за ее порог.

Смерть Жданова моментально изменила ситуацию. Из Ташкента вернулся Маленков и уверенно уселся... в ждановское кресло, т.е. второго человека в партии и государстве. Секрет этого назначения не раскрыт до сих пор.

Общеизвестно, что Сталин быстро и сильно привязывался к людям. Но стоило ему убедиться в том, что его избранник в чем-то «вильнул», он менял милость на гнев. Этот шаг у Вождя был короче воробьиного носа. И не было ни одного случая, чтобы такой же шаг был сделан им в обратном направлении: от ненависти к прежней любви. Такого не было ни разу, и быть не могло!

А вот с Маленковым, с рыхлой и коварной «Маланьей», свергнутой с самого верха и сосланной в Среднюю Азию, произошло: этот сильно проштрафившийся человек не только покинул место ссылки, но и угнездился рядом с Вождем. Невероятный случай!

Иосиф Виссарионович тяжело пережил внезапную утрату ближайшего помощника. После убийства Кирова это было самое сильное потрясение. Словно наперекор всему, проклятая Смерть забирала самых необходимых, самых незаменимых.

Выдающийся советский художник С.Герасимов написал проникновенную картину «Сталин у гроба Жданова». Потрясает колоссальное внутреннее напряжение, схваченное живописцем в замкнутом лице советского Вождя. Провожая в последний путь друга и помощника, Иосиф Виссарионович предается глубоким и тревожным размышлениям.

Жданова похоронили у Кремлевской стены. В последний миг Вождь подошел к могиле и долго смотрел в глубину разрытой ямы, на опущенный гроб. Установилась жуткая тишина, окружавшие боялись дышать.

Что же все-таки стало причиной смерти такого выдающегося государственного деятеля? Досадная врачебная ошибка или... или все же что-то совсем иное? Слишком уж высока была профессиональная квалификация сотрудников Лечсанупра, чтобы вдруг заподозрить их в некомпетентности и верхоглядстве!

Не исключено, что именно об этом задумался и Вождь, стоя над прахом навсегда ушедшего ближайшего соратника...

7 ноября 1951 года Сталина впервые не было на трибуне Мавзолея, — парад и демонстрация состоялись без него. Иосиф Виссарионович находился в Сочи, лечился мацестинскими ваннами.

Министр здравоохранения Ефим Смирнов по долгу службы навестил Вождя. Сталин пригласил его прогуляться по саду. Стоял прохладный, но яркий солнечный день. Землю покрывал разноцветный ковер опавших листьев.

Тихий вопрос Сталина прозвучал внезапно и заставил министра вздрогнуть:

- Товарищ Смирнов, вы не знаете, какой врач лечил Димитрова и Жданова?

- Как же, товарищ Сталин, знаю: Коган.

- Странно... Коган. Лечил один и тот же врачи оба умерли.

- Товарищ Сталин, врач не виноват!

- Что значит: не виноват? Как это... не виноват? А кто, по-вашему, виноват?

Смешавшись, Смирнов стал объяснять, что интересовался историей болезни обоих умерших, внимательно изучил патологоанатомическое заключение... Кстати, Когана, как хорошего врача, Жданову рекомендовал Димитров.

- Вот как? Сам? Гм... Неужели у нас кроме Когана нет врачей?

Жданова внезапная смерть настигла в «ленинском возрасте»: в 52 года. А Щербаков скончался вообще в мальчишеском возрасте: в 43 года.

- Странная у нас медицина, товарищ Смирнов. Самые надежные работники... и умирают!

Что такое «агент влияния»?

Нет, это еще никакой не заговорщик. Просто человеку больше по сердцу порядки не отечественные, а западные. И он так или иначе проявляет свои вкусы в повседневной (в нашем случае — руководящей) деятельности. А поскольку рядом с ним работают люди с противоположными взглядами, неизбежно невольное сплочение по интересам. Такова природа пресловутых «стенок».

Первое проявление подобной групповщины случилось при замене Меркулова на посту министра госбезопасности сталин-

ским выдвиженцем Абакумовым. Сталина поддержал Жданов, против выступили Берия и Молотов. Голосованием прошло сталинское предложение.

Иосиф Виссарионович был искренне изумлен мнением старинного соратника Молотова. Он воспринял поведение «дорогого Вече», как откровенное предательство.

В свете того, что в скором времени разразилось в кремлевском руководстве, резкое обвинение Сталина следует признать справедливым. У советского Вождя сработало чутье опытнейшего политического бойца. В те минуты он кожей ощутил приближение времен невыносимо тяжких, напряженных.

Враги Страны Советов никак не унимались...

Мало-помалу члены определившейся «стенки» сплачиваются все теснее, становятся доверительнее один с другим. Вместе вырабатывается общее поведение при ответственных голосованиях, чтобы победило большинство.

Так складываются ЗАГОВОРЫ.

Ленинград (бывший Петербург — Петроград) изначально носил статус особенного города России. Он был оплотом реформатора Петра Великого, затем стал «колыбелью революции», а до убийства Кирова в нем безраздельно господствовал Зиновьев.

В руки Ежова, решительно очищавшего «еврейскую конюшню», однажды попала язвительная листовка, изготовленная подпольно. На рисунке изображена река с крутыми берегами. На одном берегу — Троцкий, Зиновьев и Каменев. На другом — Сталин, Микоян и Енукидзе. И две строчки текста:

И заспорили славяне,

Кому править на Руси!

Иосиф Виссарионович сохранил листовку в своем личном архиве. В той же папке лежал пожелтевший номер «Известий» за 10 июля 1943 года с обращением нашего великого национального писателя Леонида Леонова:

«ПОДНИМИСЬ ВО ВЕСЬ СВОЙ РОСТ, ГОРДЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК, И ПУСТЬ СОДРОГНУТСЯ В МИРЕ ВСЕ, КОМУ НЕНАВИСТНА РУССКАЯ РЕЧЬ И НЕТЛЕННАЯ СЛАВА РОССИИ!»

Примерно то же самое пришлось сказать советскому Вождю в его знаменитом тосте за Победу.

Одобряя поход Жданова против космополитов, Иосиф Виссарионович указал снять кинофильмы о Глинке, Пирогове, Мичурине, Павлове. Возобновилась постановка оперы «Иван Сусанин» («Жизнь за царя»), И вовсе не с потолка свалилась идея об орденах Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова.

Русским и на самом деле было чем гордиться!

Ленинградская блокада, стойкость ленинградцев потрясли весь мир. В последнее время город-герой стал незаметно оформляться в своеобразный Центр русской духовной автономии.

Ленинградская школа партийных и советских кадров успела выпустить на просторы страны сотни подготовленных руководителей. «Ленинградский почерк» отличался предельной добросовестностью и самоотверженностью в работе. Над этими людьми как бы витал ореол тех отважных мучеников, которые умирали в блокаду и не теряли несокрушимого национального духа. Это был тот самый «орден меченосцев», о котором мечтал И.В.Сталин, приступая к преобразованию страны.

Русские партийные работники, подбираясь один к одному, создавали необходимый руководящий монолит — основу могущества и долговечности социалистической державы.

По этому партийному монолиту и был задуман сокрушительный удар троцкиствующих подлецов, сумевших тихой сапой пробраться на самый верх.

Начало нападению было положено статьей Д.Лихачева. Вроде бы специалист по русской истории, он поведал о нравах и обычаях древней Новгородской республики, а под конец, как бы вполне логично, перешел к положению в современном Ленинграде, где руководители всех уровней стремятся возродить новгородский дух «русской вольницы».

Статья получилась, как статья, — если бы не эта самая «ленинградская» добавка. Но в ней-то и заключалась вся соль публикации. Из-под пера ученого вышел самый настоящий донос на опасное умонастроение руководителей города на Неве.

Работал с Лихачевым многолетний помощник «Маланьи» по фамилии Суханов. Он понимал своего лукавого патрона буквально с полуслова, поносную статью он заставил Лихачева переписывать трижды, пока не получилось то, что требовалось для задуманного преступления. Как раз в то время Сталин был

озабочен работой Эйзенштейна над кинофильмом «Иван Грозный». Основной идеей заказанной картины была борьба грозного царя с проявлением вольных нравов новгородских бояр и горожан. Сталин полностью одобрял жестокости Грозного, боровшегося за централизацию государственной власти и ломавшего строптивую волю зазнавшихся бояр.

Д. Лихачев впоследствии сделал ошеломительную ученую карьеру. Он стал академиком. Хотя в годы борьбы с троцкизмом сидел в Соловках. Однажды, уже в период перестройки, выступая по телевидению, он проговорился о том, что в Соловецком лагере пользовался неслыханными привилегиями: его, например, регулярно возили в Ленинград на все театральные премьеры! Какими же «подвигами» заслужил такие привилегии зэк-театрал?

Тут можно только догадываться, предполагать. А. Солженицын, в частности, честно признается, что был обыкновенным стукачом в Экибастузском лагере под псевдонимом «Ветров». Его сучья деятельность помогла начальству предотвратить лагерное восстание. Следствие и суд над схваченными повстанцами завершились для 20 зэков расстрельным приговором... В годы перестройки Д.Лихачев был объявлен «совестью» русской интеллигенции, а затем и всего русского народа. Бедный русский народ! Именно в эти подлейшие времена одна тучная демократка, похожая на разъевшуюся свиноматку, хрюкала с телеэкрана, что место русского народа у параши.

Верно кто-то заметил, что русский народ, как дерево: из него и лопата, и икона!

В лице Жданова заговорщикам удалось свалить настоящий русский баобаб, успевший разрастись и дать мощнейшую крону. Теперь дело стало за корнями.

В Советском Союзе смертную казнь упразднили в 1947 году. Маленков добился, что в начале 1950 года эту меру наказания восстановили. Больше того, его стараниями 4 марта того же года в московской тюрьме «Матросская тишина» был выделен специальный блок и назван «Особой тюрьмой». Здесь имелось 40 отдельных камер и 35 кабинетов для следователей. Наблюдение за этим секретным узилищем осуществлял заместитель министра внутренних дел генерал И.Серов (человек Хрущева).

Законодательная база для расправы, таким образом, была подготовлена, оборудовано и помещение для будущих узников. Следовало позаботиться о том, чтобы поскорее заполнить камеры «Особой тюрьмы».

Необходимо отметить, что намеченные жертвы отнюдь не были идеальными людьми. Да, работали они превосходно, на износ, но вот характеры, но вот повадки... Среди номенклатуры был известен случай, когда на заседании Совета Министров СССР Н.А.Вознесенский и министр угольной промышленности К. Вахрушев так сцепились в споре, что принялись трясти друг дружку за грудки.

Привыкнув в годы войны ломиться напролом и не таскать камней за пазухой, эти люди были сильно уязвимы в подковерных схватках. Перед закаленными интриганами они выглядели безоружными.

Огромное значение приобретала и застарелая мстительность заговорщиков. Берия, например, никак не мог забыть обидную острастку, полученную от Вознесенского во время обсуждения строительства газопровода Москва — Саратов. Дело было сразу же после войны, и нравы сохранялись военные. По своему обыкновению Берия кричал, размахивал руками и сыпал самой площадной бранью. Совещание вел Вознесенский. Он дал оратору выкричаться, затем холодно заметил:

— Ну, поорали и хватит. Давайте делом заниматься.

От такой дерзости Берия аж задохнулся... Имел на Вознесенского «зуб» и сам Сталин. Сразу же после разгрома немцев под Москвой речь зашла о наращивании наступления. Автором этого плана был Сталин. Не вдаваясь в детали обсуждения, Вознесенский твердо заявил:

— Наступать мы не можем. Материального обеспечения для этого у нас — ноль. — Изобразил ноль пальцами.

Спорить с ним было бесполезно. Смирился даже Сталин.

Уязвимым местом Кузнецова был его подчеркнуто демонстрируемый ленинградский патриотизм. На этом, как увидим, строились основные планы заговорщиков. К тому же блокадник Кузнецов пользовался постоянной поддержкой Жданова. Молодого ленинградца, сделавшего такую быструю партийную карьеру, откровенно ненавидели и Берия, и Маленков, и Хрущев.

Берия — особенно. Он уже не сомневался, что Сталин лишил его своей доверительности и начал серьезно подозревать. Не зря же он спихнул его в Атомный комитет, а в ЦК, на Старую площадь, назначил этого мальчишку (Кузнецову исполнилось всего 40 лет) надзирать над всеми силовыми органами: прокуратурой, МВД и МГБ. Сильно не нравилась Берии и дружба Кузнецова с Абакумовым. Последний сменил на Лубянке Меркулова (человека Берии) и сразу же убрал оттуда Богдана Кобулова (тоже человека Берии).

Положение складывалось угрожающее. С предупреждающим ударом следовало поторопиться.

Мастера сложной подковерной борьбы, заговорщики понимали, что им придется усиленно обрабатывать Сталина, добиваясь от него одобрения задуманной чистки. Для этого требовались веские доказательства вины. Одними следственными протоколами с подписями внизу каждой страницы Сталин не удовлетворится. За спиной у состарившегося Вождя такой громадный опыт борьбы с оппозиционерами, какой никому из них не снился.

Первый козырь (и очень сильный) в лапы заговорщиков дал второй секретарь Ленинградского обкома партии Я.Ф.Капустин. Еще до войны, в 1935 году, он, молодой инженер по паровым турбинам, был командирован в Англию. В том, как его там подловили, четко угадывались усилия секретных служб. Легкомысленно закрутив роман со своей переводчицей-англичанкой, он был застукан её мужем во время любовного свидания. Последовала безобразная драка, явилась полиция. Все остальное было делом вербовочной техники. На свою беду, вернувшись из Англии, молодой инженер не явился куда следует и не покаялся. Полетели годы, миновала война, пришел день Победы. О досадном случае в Англии стало забываться. И вот тут ему об этом и напомнили! Осторожные контакты секретаря обкома партии с гостями из-за Ла-Манша немедленно засекли. Все сразу и открылось!

Так был положен первый камень в фундамент обвинения.

Ясней ясного, что Капустину в Англии подсунули шлюху. Но — не разгадал, соблазнился, понадеялся, что пронесет. К сожалению, не пронесло. А теперь для разговора со Сталиным имелось убийственное доказательство. Была вербовка? Была.

Шпион? Именно. И куда этот шпион проник? С чьей помощью? Крыть Кузнецову совершенно нечем. Склоняй голову и кайся...

Густая грязь в этом неприглядном происшествии летела и в покойного Жданова с его постоянным русопятством. Однако он уже ушел из жизни. Все грехи за непроверенные, как следует, кадры обрушились на плечи Кузнецова.

В обвинительном заключении на будущем процессе эта часть будет выглядеть так: «Кузнецов насаждал своих людей повсюду — от Белоруссии до Дальнего Востока и от Севера до Крыма». А каких людей-то? Таких вот, как Капустин!

В этом свете ленинградская школа кадров стала выглядеть чуть ли не центром подготовки террористов.

Собирая обвинительный материал, заговорщики нигде ни словом не проговорились о том, что в Ленинграде проводили выучку кадры ответственных работников русской национальности. На это обращал взимание сам А.А.Жданов, этого же придерживался и А.А.Кузнецов. Национальная вина ленинградцев считалась основной (в глазах, естественно, лукавых заговорщиков). Вслух же об этом не произносилось ни слова.

Ленинградцев в первую очередь питала гордость за перенесенную блокаду. Такого массового подвига мир еще не знал. В этом проявился, без всякого сомнения, великий несокрушимый национальный характер. В среде партийных работников все чаще выражалось недоумение тем, что русский народ в СССР находится на странном положении. Он — старший брат, но почему-то без всяких прав. Скажем, у него нет своего Центрального Комитета партии, нет своей Академии наук... Да и мало ли еще чего!

Почему бы Москве не остаться столицей всего Советского Союза, а столицу России перенести в Ленинград? Для начала туда можно перевести Совет Министров РСФСР.

Самостоятельность никогда не поощрялась в партии. По любым решениям принято было советоваться. Ленинградцы об этом правиле забыли.

Пресловутая «общественность» по-разному отреагировала на эпидемию переименований улиц, площадей и набережных города на Неве. Проспект имени 25 Октября снова стал Невским, площадь Памяти Жертв Революции — Марсовым полем,

площадь имени Воровского — Исаакиевской, проспект имени Володарского — Литейным, улица Нахимсона — Владимирской, набережная имени товарища Рошаля — Адмиралтейской, площадь имени Урицкого — Дворцовой.

Львиная доля вины за столь характерные переименования ложилась на председателя Ленгорисполкома П.С.Попкова.

Серьезными прегрешениями ленинградцев начался 1949 год. В январе они, не посоветовавшись с Центральным Комитетом, провели в своем городе Всероссийскую оптовую ярмарку. Своеволие прямо-таки резало глаза. А в феврале в секретариат Сталина поступил донос о том, что при подсчете голосов на Ленинградской партийной конференции допущена вопиющая фальсификация. Это был сигнал о явно нездоровой атмосфере в парторганизации второго города страны, колыбели Октябрьской революции. Руководители скрывали недостатки в своей работе, занимались преступным очковтирательством.

Тут-то и пригодилось не так уж давнее постановление Оргбюро ЦК «О распущенности ленинградских партийных кадров». Центральный Комитет, дорогие товарищи, еще два года назад отчаянно сигнализировал о нездоровой обстановке в Ленинграде и в первую очередь — именно с кадрами. Не вняли, не приняли вовремя необходимых мер — и вот результат!

Комбинация Берии, задуманная и начатая почти два года назад, приближалась к завершению.

Добавилось еще и властное поведение первого секретаря Московского горкома партии Попова. Этого молодого руководителя нашел и выдвинул Кузнецов. Возглавив столичную парторганизацию, самую крупную и самую важную в стране, Попов стал бесцеремонно вмешиваться в деятельность министров. Он судил так: министрами вы являетесь на государственной службе, но в партии вы — рядовые коммунисты и полностью подотчетны Московскому горкому. Возмущение министров достигло самого верха. Не контроль ли это за всей деятельностью советского правительства? А если на посту секретаря МГК окажется какой-нибудь Капустин? При нынешних порядках с кадрами такое вовсе не исключено! В Ленинград отправился сам Маленков, второе лицо в партии.

22 февраля 1949 года начал работу объединенный пленум Ленинградских обкома и горкома партии. Маленков объявил,

что в Ленинграде выявлена обширная антипартийная группа. В зловещей тишине прозвучали имена А.А.Кузнецова, М.И.Родионова и П.С.Попкова. Эти люди, вещал своим бесцветным голосом «Маланья», исподтишка проводили вредительски подрывную работу, направленную на отрыв и противопоставление ленинградской партийной организации сталинскому Центральному Комитету, они превращали парторганизацию «колыбели революции» в опору для борьбы с партией и ЦК ВКП(б).

Особенный раздел его доклада был посвящен Капустину, уже взятому под арест.

Судьба обреченных партработников решалась голосованием. В защиту «заговорщиков» не раздалось ни одного голоса, не поднялась ни одна рука.

Исполнив свою миссию, Маленков отбыл в Москву.

Итогом этой начальственной поездки явилось Постановление Политбюро «Об антипартийных действиях членов ЦК ВКП(б) т.т. Родионова М.И. и Попкова П. С.» Дело пахло явным уклоном — преступлением, не встречавшемся в партийной жизни со времен больших чисток в середине 30-х годов.

Обработка Сталина прошла без всяких осложнений. Набор обвинений выглядел внушительно. Орудовали мастера. Маленков, докладывая, вовремя ввернул давнишний случай, еще военной поры: тогда Вознесенский своей властью прекратил производство автоматических винтовок, и выпуск их пришлось налаживать только после указания самого товарища Сталина.

Но это, докладывал «Маланья», случай давний. А вот поступки совсем недавние. Как теперь выяснилось, врач Тимашук, узнав о неправильном лечении Жданова, писала не только Власику, но еще и Кузнецову. Да, да, именно ему, как куратору силовых органов страны. И как же отреагировал Кузнецов? А никак. Он скрыл этот сигнал, посчитав письмо врача личным. Скрыл от партии, от народа, скрыл от товарища Сталина.

— Кем его считать после таких поступков? — возмущенно вопрошал «Маланья».

В заключение он положил на стол Генерального секретаря журнал со статьей Д.Лихачева.

Беспомощно выглядели бедные ленинградцы со своей «русскостью» перед усилиями кремлевских старожилов. Маленков с помощью Берии обыграл их, как новичков.

Настало время обратить внимание на тогдашнее физическое состояние Сталина. Он, как и Ленин, в последние годы жизни, изнывал от головной боли. Лицо Генерального секретаря приняло красноватый оттенок — зловещий признак высокого кровяного давления. Он часто доставал таблетки из стола. Лекарства, однако, нисколько не помогали, а порой лишь ухудшали самочувствие больного. Сталин жил и работал в состоянии постоянного гипертонического криза.

Советского Вождя мучительно терзал вопрос о том, что он оставит после себя. Он вспомнил слова Николая I, сказанные на одре смертельной болезни своему наследнику, Александру II: «Оставляю тебе хозяйство не в порядке».

Сталин страшился раскола в партии, губительного нарушения достигнутого единства. На память приходили тревожные дни 1926 года, когда в Ленинграде вот также совершил о т к о л Зиновьев. Нынешнее положение в Ленинградской парторганизации носило угрожающий характер. «Русская партия» выглядела настоящей кулацкой бандой. Какая-то современная Антоновщина! Не мог он допустить никакого раскола.

И было очень жаль, что так подвели, казалось бы, абсолютно проверенные люди. Кому верить, на кого надеяться?

Иосиф Виссарионович дал согласие назначить в Ленинград В.М.Андрианова (человека Берии) и вынести вопрос о преступлениях ленинградского руководства на очередной пленум Центрального Комитета партии.

Партийная машина в руках опытных механиков сработала безотказно.

Свое согласие на примерное наказание «раскольников», постоянно противопоставляющих Ленинград Москве, Иосиф Виссарионович дал еще и потому, что он в те дни всеми помыслами был погружен в ход тяжелейшего сражения на международной арене: он вел войну с американским долларом, не просто возвышая советский рубль перед любой зарубежной валютой, но и защищая социалистические принципы хозяйствования. Это была настоящая война, — финансы в руках сионистов являлись основным оружием для завоевания Планеты.

Осенью 1950 года министерство государственной безопасности провело массовые аресты. Только в Ленинградской области под стражу попало более двух тысяч человек. По стране

в застенках оказалось около десяти тысяч партийных и советских работников, так или иначе связанных с Ленинградом.

Основные обвиняемые были арестованы в Москве. Их вызывали к Маленкову и там надевали наручники.

Маленков лично руководил следствием. Он ежедневно приезжал в «Матросскую тишину» и подолгу наблюдал за тем, как осатанелые следователи добиваются от узников подписей под протоколами. Для самых строптивых были приготовлены особые камеры: 4-я и 31-я.

Тучная «Маланья» с дородным животом на коленях сонно присутствовал на допросе первого секретаря Ярославского обкома партии И.М.Турко. Узник был уже избит, вид его был страшен. Следователь стучал кулаком по столу.

— Слушай, ты должен понимать, куда попал. У тебя же кровь будет хлестать из одного места!

Окончательно рассвирепев, он вызвал конвой и распорядился:

— В тридцать первую гада!

Провожая Маленкова, ретивый следователь поклялся:

— Все подпишет, Георгий Максимилианович. Даю слово коммуниста!

О том, как добывались признания арестованных, свидетельствуют сохранившиеся документы. За физическим состоянием узников постоянно следили медики.

Помимо зверских избиений применялись «строгие» наручники: от малейшего движения они сжимались. Подследственных держали в таких наручниках круглые сутки. Днем — руки за спиной, ночью — на животе. Снимались браслеты только на время еды.

Справка медицинского обследования:

«Заключенный еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение. По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру... Допрашивать только лежа в течение двух часов».

Судилище над «русаками» решили устроить в Ленинграде. Количество подсудимых отобрали небольшое — всего девять человек: Н.А.Вознесенский — член Политбюро, заместитель председателя Совета Министров СССР, А. А. Кузнецов — член Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б), М.И.Родионов — член Орг-

бюро, председатель Совета Министров РСФСР, П.С.Попков — первый секретарь Ленинградских обкома и горкома партии, П.Г.Лазутин — председатель Ленинградского горисполкома, И.М.Турко — первый секретарь Ярославского обкома партии, Т.В.Закржевская — заведующая отделом Ленинградского обкома партии, О.Е.Михалев — управляющий делами Ленинградских обкома и горкома партии.

Приговор утверждался за три недели до суда на заседании Политбюро (Сталин не присутствовал — у него случился второй удар).

Текст приговора сочинил полковник Шварцман — заместитель начальника следственной части МГБ по особо важным делам.

Изломанных следствием узников повезли в их родной город. Туда же и тем же поездом отправилась большая группа чекистов с Лубянки во главе с заместителем министра госбезопасности Огольцовым и начальником управления МГБ Селивановским — для наблюдения за поведением подсудимых.

Суд был коротким, все подсудимые признали свою вину.

1 октября 1950 года приговор привели в исполнение.

Помимо карательных выстрелов в Ленинграде кровь партийных и советских руководителей пролилась почти во всех городах страны. По «Ленинградскому делу» было расстреляно 3894 человека.

Это была мощная целенаправленная чистка — первая с довоенных лет. Провели ее размашисто. С партийного поля убирали не дурную траву, а самую лучшую. В этом и заключался основной умысел коварных заговорщиков.

С тех пор партия ступила на губительный путь. Она так и не стала «орденом меченосцев», а постепенно превращалась в сборище будущих погубителей великой державы.

«Ленинградское дело» явилось кровавым отголоском «красного террора» — кампании, направленной на уничтожение русского народа, как н а ц и и, и на превращение его в просто население, в электорат. «Окончательное решение русского вопроса» после этого двинулось вперед без всяческих помех.

«Еврейский вопрос» традиционно обладал громадной взрывной силой. Берия, как многолетний куратор «еврейского вопроса» в Политбюро, убеждался в этом бесчисленное множество раз.

Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК) заявил о себе в годы войны с немецким фашизмом. Однако создана эта организация была заранее по инициативе Берии. Утвердившись на Лубянке, он досконально изучил опыт нацистов (в частности, Гитлера) и многое у них перенял.

Еще в октябре 1939 года, устранив Ежова, он арестовал в Польше двух лидеров БУНДа Г. Эрлиха и В. Альтера. Их привезли в Москву и стали готовить для контактов с еврейскими организациями США и Великобритании. Однако с началом войны от их услуг пришлось отказаться. Г.Эрлих повесился в камере Куйбышевской тюрьмы. В. Альтера расстреляли там же в феврале 1943 года. Вместо них на политической арене появились Михоэлс, Фефер и Эпштейн. (Поэт Фефер являлся давним и проверенным агентом Лубянки).

Во время войны с фашизмом ЕАК превратился во влиятельную контору, с мощной поддержкой из США. По своему обыкновению, сионисты никогда не соблюдают чувства меры. Михоэлс усвоил тон диктатора. Принимая жалобы своих единокровцев, возвращавшихся из эвакуации, он обращался прямо в Кремль, а затем жаловался в Вашингтон. «Мало мы настрадались от Гитлера, так теперь еще...». Хрущёв, работавший на Украине, в отчаянии звонил в Ташкент, тамошнему вождю Юсупову, и просил его придержать возвращение евреев. В Киеве они требовали квартир непременно на Крещатике. И не хотели слышать, что Крещатик лежит в развалинах, что его следует сначала восстановить. «Чем же вы тут занимались, пока мы воевали?!»

Мало-помалу ЕАК превратился в теневое правительство страны.

Много неприятностей Кремлю досталось от оживленной суеты евреев в связи с созданием в Крыму Израиля. Этот вопрос обсуждался в США, в 1943 году. Михоэлс и Фефер встречались там с Х.Вейцманом и Н.Гольдманом, а также с главным раввином Америки С. Вайзом. Президентом будущего государства евреев в Крыму должен был стать Михоэлс. Отсюда и все его диктаторские замашки!

Нахальные притязания детей Израиля превращались в серьезную государственную проблему. Властям пришлось принимать меры. 19 декабря 1947 года был аресто-

ван старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР И. Гольдштейн. Неделю спустя на Лубянке оказался старший научный сотрудник Института мировой литературы З.Гринберг. Оба являлись активистами разного рода сионистских сборищ (по-современному, тусовок). На допросах они рассказали о сокровенных планах сионистского подполья и основательно завалили С.Лозовского, а также П.Жемчужину, жену Молотова. В нехорошем свете предстал и Маленков (его дочь только что вышла замуж за еврея).

К Полине Семеновне Жемчужиной (Перль), супруге Молотова, Иосиф Виссарионович относился как к старому партийному соратнику. Это была женщина с мужским характером. На свою беду она слишком по-женски отнеслась к Голде Меир, первому послу государства Израиль в СССР. Все дело в том, что Полина и Голда родились в Киеве и учились в одном классе киевской гимназии.

В создании Израиля Сталин принимал самое активное участие. Он не скрывал, что рассчитывает на признательность со стороны этого маленького, но живучего и властного народа. Расчет Вождя не оправдался. Евреи ответили ему самой черной неблагодарностью. И первой, кто это продемонстрировал, стала Голда Меир, близкая подруга жены «дорогого Вече».

Как заведено, посольство Израиля в Москве находилось под постоянным агентурным наблюдением. Сразу же выявилось, что посольский особняк превратился в чрезвычайно активный сионистский центр. Вновь всплыла коварная организация «Джойнт», обнаружились связи со спецслужбами США, Великобритании, Израиля. В Москве побывал видный израильский деятель Моше Даян. Вместе с Голдой Меир он целый день гостил на даче Молотова. Гость из Израиля был озабочен тем, что идет чистка в руководящих сферах стран народной демократии. Уничтожается таким образом вся сеть с таким трудом налаженного сионистского подполья.

К Полине Жемчужиной не стали приезжать заполночь с ордером на арест. С ней поступили иначе.

Однажды Иосиф Виссарионович пригласил к себе Молотова и с удрученным видом подал ему тоненькую папку с документами. Тот принялся читать и побледнел. Лозовский, не-

давно арестованный, давал убийственные показания. Много рассказал и Фефер.

Молотов знал: документы в папке — самые достоверные.

Сталин курил трубку и молчал. Он понимал состояние своего старого товарища. Утешать, сочувствовать было бесполезно. Да и не нуждался этот железный человек в слащавых соболезнованиях!

Не проронив ни слова, Молотов тут же, в сталинском кабинете, взял трубку телефона и позвонил жене на работу. Жемчужина сразу все поняла. На снисхождение она не надеялась: муж был человеком с каменным сердцем.

Спустя час ее арестовали.

Берия сразу сообразил, чем эти аресты могут завершиться лично для него. В предвидении неминуемых событий он решил сыграть на опережение. План его был дерзок, но увесист. Разряжая угрожающую ситуацию, он запалил фитиль, ведущий к запасам «еврейского динамита».

Сначала в Минске, поздней ночью, под колесами бешено мчавшегося грузовика погибает Михоэлс. Затем начинаются аресты активистов Еврейского Антифашистского Комитета.

В зарубежной печати поднялся вселенский ор.

Этого Главный Мингрел и добивался!

БЕРИЯ

Своим выдвижением на самый верх кремлевской власти Л.П.Берия был полностью обязан Сталину. Ради своего молоденького земляка (разница в возрасте составляла 20 лет) Иосиф Виссарионович пренебрег мнением жены и вскоре ее лишился. Он собирался заменить Ежова знаменитым Чкаловым, но великий летчик погиб в испытательном полете, и на Лубянке воцарился Берия.

Новая метла решительно вымела «ежовский мусор», но это, казалось бы, благотворное очищение никак не сказалось на подготовке страны к гитлеровскому вторжению — начало войны получилось катастрофическим.

Остается неизвестным, когда Сталин впервые выстроил длинную цепочку подозрительных «проколов», сопровождав-

ших бешеную деятельность земляка во главе лубянского ведомства. Но один слишком уж приметный случай насторожил не только Сталина, но и запал в память всем, кто тогда присутствовал в кабинете Генерального.

Осенью 1941 года гитлеровские полчища прорвались к самой Москве. Положение сложилось угрожающее. В разгар московской паники, 19 октября, в Кремле собрался Государственный Комитет Обороны (ГКО). Сталин, осунувшийся, не выпускавший трубки из зубов, поставил на обсуждение один вопрос: какие имеются возможности для защиты Москвы? И здесь Берия, всегда выступавший последним, вдруг выскочил и задал тон. Он призвал столицы не оборонять, а подготовиться и встретить немцев на Волге. Предложение прозвучало страшно. Сталин ждал, что скажут остальные. Но члены ГКО молчали. Перед самым совещанием Берия переговорил со всеми, а спорить с ним, молвить слово поперек остерегались. Этот страшный человек никогда и ничего не забывал!

Над головой Сталина висело облако дыма. Его взгляд казался больным.

Медленно подняв телефонную трубку, Иосиф Виссарионович приказал соединить его с Жуковым. Тот находился где-то в районе Перхушкова.

— Отвечайте мне, — потребовал Сталин, — отвечайте, как коммунист коммунисту: отстоим Москву или нет?

Жуков уверенно ответил, что о сдаче Москвы не может быть и речи.

Сталин сделал глубокий вздох и положил трубку. В эту минуту он принял решение: из Москвы не уезжать и не отпускать членов ГКО.

При этом на Берию он старался не смотреть.

Не тогда ли в голове Сталина зародились первые подозрения насчет странностей поведения своего выдвиженца?

Москву той осенью отстояли, а с наступлением зимы погнали немцев вспять.

Словно на дрожжах стал расти авторитет Жукова.

Берия попытался завязать с ним дружеские отношения, однако начальник Генштаба, вообще не выносивший никакого панибратства, отвечал ему устойчивым ледяным презрением. В душе кавказца, хозяина Лубянки, Лефортова и Сухановки,

окаменела лютая ненависть. Он тешил себя надеждой, что настанет час, и он всласть насладится муками этого большого сильного тела, исторгнет из командирского, властного рта крик боли, превратит повелителя армий в измызганную тряпку, в подвальную пыточную слизь, в лагерную пыль.

Второе военное лето снова сложилось неудачно. Немцы вышли к Волге и к Кавказу. Берия улетел в Тбилиси. Он тронул Сталина тем, что намеревался вывезти гроб с телом его матери, «тетушки Кеке», в Сибирь (туда же, где сохранялась мумия Ленина из Мавзолея).

В следующем году Красная Армия вдруг надела старорежимные русские погоны, а 5 августа в московское небо взлетели огни первого салюта в честь освобождения Курска, Белгорода и Орла.

К тому времени обнаружилось резкое охлаждение Сталина к наркому внутренних дел.

Берия выбрал себе в жены замечательно красивую грузинку Н.Т. Гегечкори, племянницу министра иностранных дел в меньшевистском правительстве Н. Жордания. Париж на многие годы стал последним прибежищем грузинских эмигрантов.

Племянник Нины Гегечкори, некий Теймураз Шавдия, вел до войны развеселую жизнь обеспеченного всеми благами балбеса и, подобно старшему сыну Хрущева, не раз попадал в уголовные истории. Спасало его грозное имя родственника, хозяина Лубянки. В начале войны он окончил Подольское пулеметное училище, отправился на фронт и в первых же боях угодил в плен. Советские военнослужащие вели себя в плену по-разному (пример — Яков, старший сын Сталина). Теймураз Шавдия пошел другим путем. Он завербовался в Грузинский национальный легион, воевал против бойцов французского Сопротивления, затем появился под Туапсе. Он получил чин унтершарфюрера СС, был награжден медалью «Зеленая лента». В 1945 году заслуженный грузин-эсэсовец угодил в советский плен.

И снова сработали мощные родственные связи.

Теймураз жил в Тбилиси, беспрерывно веселился и однажды в пьяном виде застрелил девушку. В ситуацию вмешался сам министр госбезопасности Грузии Рапава и спас негодяя от заслуженного наказания.

Абакумову ничего не стоило употребить свою власть и сместить Рапаву (предварительно он заручился поддержкой Сталина, который постоянно помнил, что именно Рапава старательно истребил всю родню несчастного Серго Орджоникидзе). На пост министра госбезопасности республики был назначен Рухадзе, смертельный враг Рапавы, а следовательно, и самого Берии.

Так была завоевана первая позиция для задуманного броска.

Кадровые перемены в Грузии сильно облегчались традиционной ненавистью местных жителей к мингрелам. Их называли лазы — что-то родственное чеченским тэтам, горским евреям. Мингрелы, как правило, работали в торговле и в снабжении, насаждая взяточничество, воровство. Среди мингрелов постоянно жило стремление отделиться и от Грузии, создав собственное независимое государство.

Рухадзе, приняв бразды правления, не стал мешкать и арестовал своего недруга Рапаву, а также видных партийных работников Шония и Шария. Топор повис и над головой второго секретаря ЦК Барамия. В этот момент Берия попытался разрядить создавшуюся ситуацию — он вдруг «сдал» Чарквиани, первого секретаря парторганизации республики, заменив его Мгеладзе (соперника и Чарквиани, и Барамия).

Московская машина власти совершала тяжкие неторопливые обороты: в Лефортовской тюрьме уже сидели 37 грузин. Секретариат ЦК ВКП(б) принял два закрытых постановления о неудовлетворительной работе руководства Грузии.

Тяжелый каток неминуемого разоблачения надвигался. Какими мерами его остановить? Оставалась одна мера — убрать Сталина. Ничто другое уже не спасет.

Однако предварительно требовалось обезглавить Лубянку. Недавний смершевец Абакумов был всецело преданным Вождю и способным разрушить любую комбинацию.

Генерал-полковник В.С. Абакумов воцарился на Лубянке после Берии и Меркулова.

Стремительная карьера этого человека типична для советской власти. Мать его — уборщица, отец — истопник. Сам он начал трудовую деятельность с грузчика. Его, как комсомольца, мобилизовали для работы в органах. Там он, человек без всякого образования, стал быстро подниматься. (Этому способ-

ствовали и бесконечные кадровые чистки). На любом посту он отдавал все силы, люто ненавидел троцкистов, отличался твердостью и личным мужеством. Во время войны ему было поручено руководство органами «Смерш» (смерть шпионам). Это важное управление входило в структуру министерства обороны и подчинялось непосредственно Главнокомандующему Красной Армией (т.е. лично Сталину). Будучи человеком беззаветно преданным Вождю, Абакумов повторил судьбу Н.И.Ежова.

В министерский кабинет на третьем этаже Лубянки Абакумов пришел волею Сталина. Во время похорон Жданова у многих сделалось тревожно на душе, когда Вождь медленно подошел к могиле и надолго замер, с какой-то мрачной отрешенностью глядя вниз, на опущенный гроб с телом дорогого ему человека. О чем он тогда думал? Об этом никому неизвестно. Можно было лишь догадываться. В меру своих способностей догадывался и Абакумов. Проклятая Лубянка превратилась в предмет постоянных подозрений Вождя. Слишком многое в стране зависело от работы этого важного ведомства (в частности, кадровые назначения, — все выдвиженцы без исключения предварительно «просвечивались» по многолетним оперативным наблюдениям и получали так называемую «объективку»). Абакумов полностью отдавал себе отчет в том, что стоит за его назначением на пост министра государственной безопасности страны и готов был не пожалеть жизни ради этой самой безопасности. Он не имел никакого понятия об игре в шахматы, но не мог не догадываться о том, что скрывается за последними кадровыми перестановками. Он уже достаточно поработал в самых верхах и отчетливо представлял «кто есть кто».

Возглавив МГБ в такое время, он волею обстоятельств оказался в напряженной конфронтации с самим Берией.

О многом свидетельствовала и его большая дружба с Кузнецовым, получившем назначение в Центральный Комитет курировать все силовые органы страны.

Обретенный опыт, военный и послевоенный, помог ему многое уразуметь в густых и пряных ароматах кремлевских коридоров власти. Атмосфера здесь образовалась специфическая. Преуспеть было несложно, но удержаться на достигнутом уровне мог далеко не каждый.

Для этого требовались особенные качества. И основную угрозу представляло приближение к Вождю. Доверительное отношение Сталина к выдвигавшемуся человеку давало не столько прав, сколько наваливало обязанностей (и в этом заключалось испытание невыразимой трудности). Но главное — чрезмерное «приближение к Солнцу» вызывало бешеную ревность многолетних «спутников», бдительно оберегающих свое завоёванное положение и сильно наторевших в искусстве безжалостной расправы с любым счастливчиком.

Обладатели кремлевской власти составляли мощный клан равновеликих по своим способностям чиновников, никогда не соблюдающих мира в отношении одного к другому, но дружных в истреблении выдвигавшихся соперников.

В одной из таких операций истребления Абакумов вынужден был принять участие вопреки своему желанию. «Ленинградское дело» заставило его испачкать руки в крови своего друга Кузнецова.

Кое в чем он не оправдывал Кузнецова. В частности, почему он так невнимательно отнесся к сигналу Тимашук? Убоялся неминуемой свары с непредсказуемыми осложнениями? Но это же попахивает явным перерождением! Поморщился Абакумов, узнав о том, что Кузнецов породнился с Микояном: его дочь вышла замуж за одного из сыновей этого скользкого армянина. Ну, ее к черту, такую родню!

В общем, вина у Кузнецова, как и у многих ленинградцев, имелась, однако расправа с ними никак не соответствовала уровню вины. Там не было и намека на государственное преступление. А между тем... На этом чудовищно несправедливом кровопускании Абакумов убедился в страшной силе кремлевских старожилов, не признающих никакой пощады к поскользнувшимся соперникам.

Триумвирата главных негодяев он тогда не определил, совсем не придав значения фигуре Хрущева, и выделил лишь двоих: Берию и Маленкова.

Прежняя работа в «Смерше» выработала в нем основное качество контрразведчика — профессиональное чутье. Поэтому он быстро разобрался в личности Маленкова и сосредоточил внимание на персоне Главного Мингрела. Вскоре выяснил, что при всей своей предусмотрительности Берия некачественно

провел необходимую зачистку прошлых лет,— остались пусть и незначительные, но зацепки, в общем-то, вполне достаточные для такого опытного работника, как Абакумов.

В своей юности Берия подвизался в должности командира взвода охраны Бакинской коммуны. Было ему тогда всего 17 лет. Охрану он не обеспечил: англичане арестовали 26 комиссаров, увезли их в Красноводск и расстреляли. Этот разгром почему-то никак не отразился на судьбе Берии — он даже не был арестован и допрошен (к горькой участи бакинских комиссаров каким-то боком лепился и непотопляемый Микоян)... Три года спустя после разгрома Бакинской коммуны Берия занимает пост начальника секретно-политического отдела Азербайджанской ЧК. Уже тогда он принял меры, чтобы приукрасить свое прошлое: двое армян, попавших под арест, согласились дать письменные показания о том, что молоденький Берия работал вместе с ними в подпольной большевистской организации в Баку во время английской оккупации...

(Потом эту тему — работа Берии в большевистском подполье — разовьет в своей диссертации некий Барамия и займет, благодаря этому, пост второго секретаря ЦК партийной организации Грузии).

Прошло еще два года. Берия перебирается из Баку в Тифлис и становится заместителем председателя ГПУ Грузии. Завязывается тесная дружба чекиста с видным партийцем Б. Мдивани, известным троцкистом. Вместе с Мдивани Берия «поворачивается лицом к Константинополю» и принимается выселять из Тифлиса армян и курдов. Вскоре, однако, дружба с Мдивани стала нежелательной. Москва все больше демонстрировала свою властность. Буду показал себя недальновидным человеком и поссорился со Сталиным. Такой опасный друг Берии был не нужен. Однако Мдивани оскорбился и пригрозил недавнему коварному товарищу неприятными разоблачениями. Он назвал свидетелей его былых прегрешений: Мясникова, Атарбекова и Могилевского. Прикусив губу, Берия сощурился за стеклышками пенсне. Он употребил тогда все свои возможности и решительно разделался со свидетелями. Все трое оказались в самолете, направлявшемся в Москву. Едва взлетев с Тифлисского аэродрома, самолет вдруг загорелся и рухнул на землю.

«Нет человека — нет проблемы!»

Благодаря тому, что Сталин избрал местом отдыха Гагру, Берии, как главному чекисту Грузии, удалось с ним сблизиться. Вождь благосклонно приглядывался к добросовестному работнику. Особенно он оценил участие Берии в предотвращении массового восстания меньшевиков. Несколько раз Берия приезжал в Москву и удостаивался быть гостем в доме Генерального секретаря. Для окружения это не осталось незамеченным. В 1934 году Берия приехал с семьей на XVII съезд партии и остановился в гостинице «Селект», на Сретенке. Ему немедленно нанес визит вежливости сам нарком Ягода. Он привез сынишке Берии роскошный по тем временам подарок: велосипед. Опытный аппаратчик, Ягода нисколько не сомневался в том, какие служебные успехи ждут «товарища из Грузии».

Прошло время. Расстреляв Ежова, Берия на многие годы утвердился рядом с Вождем. Его уверенность возросла настолько, что он осмеливался во время совещаний обращаться к Сталину на грузинском языке. Ему, как видно, сам Сталин поручал наиболее секретные дела. Незадолго до войны у него на квартире жил молодой ученый-атомщик Роберт Оппенгеймер, тайно приехавший в Москву. В той же квартире (особняк возле площади Восстания), но уже совсем не тайно, проживал польский генерал Владислав Андерс, формировавший в СССР свою армию из пленных (в послевоенные годы Андерс командовал Армией Крайовой, «аковцами», убивавшими из-за угла советских солдат и офицеров).

Однако по мере того, как Берия прочнее укреплялся на самом кремлевском верху, стали замечаться подозрительные признаки в поведении всесильного хозяина Лубянки. Незадолго до вероломного нападения немцев именно Берия затеял перестройку всей аэродромной сети, заставив самолетный парк базироваться на временных грунтовых площадках. Там их и разбомбили немцы в первый же налет!

Примерно то же самое случилось и с укрепрайонами: старые разрушили, а новые построить не успели... Не удалось толком разобраться и в поведении Берии на Кавказе в 1942 году. Его послали защищать горные перевалы, чтобы не дать гитлеровцам прорваться к Баку. А он вдруг распорядился снять с перевалов два полка НКВД, якобы затем, чтобы создать резерв на всякий случай.

Берия тащил на своих плечах весь груз и всю ответственность за Атомный проект. Но вот что странно. Первые разведывательные данные о работе союзников над созданием ядерного оружия поступили из Англии в первый год войны. Доложил ему об этом начальник спецуправления генерал Квасников. Сигнал был тревожный, однако Берия изругал генерала последними словами и приказал «выкинуть чушь из головы». Положение изменилось, когда с фронта, из окопов, ученый-физик Г. Флеров послал письмо самому Сталину. Его письмо попало в руки адресату. А несколько месяцев спустя, в феврале 1942 года, с фронта доставили дневник немецкого офицера, попавшего в плен под Таганрогом. В дневнике нашли математические формулы, анализ которых показал, что над проблемой атомной бомбы работают не только союзники, но и немцы!

А если бы не письмо с фронта и не дневник пленного офицера?

Странное впечатление все это производило, очень странное...

Ни для кого не было секретом, что Берия чрезмерно увлекался женщинами. Его охранники буквально охотились за красивыми девушками на улицах Москвы. Но вот что скрывалось за одной из таких охот. Полковник Саркисов, начальник охраны Берии, запихнул в свою машину очередную жертву и привез ее в особняк патрона. Казалось бы, банальный случай. Однако на этот раз «жертва» оказалась женой помощника военного атташе США, кадровой сотрудницей ЦРУ.

Очередной контакт для связи? А что еще? Заподозрить явно неромантическую встречу заставлял и такой малоизвестный эпизод.

Берия сопровождал Сталина в Тегеран, но в работе конференции участия не принимал. На него в то время были возложены совсем иные заботы. В основном он обеспечивал безопасность «тройки».

В один из вечеров у него состоялась быстролетная встреча с каким-то молодым человеком. Поговорить им удалось буквально на ходу. Берия тут же вернулся назад, в посольство. Впоследствии выяснилось, что его собеседником был молодой грузин, мингрел из семьи парижского эмигранта. Отец молодого человека сражался с Красной Армией, но успел сбежать во Францию. Сведущие люди полагали, что молодой мингрел сотрудничал и с немцами, и с американцами.

Темные пятна в биографии заставляли Берию держаться в постоянном напряжении. В самом начале жизненного пути он сумел изрядно «засветиться». Теперь приходилось любыми способами обезвреживать всех свидетелей (вольных и невольных) своих юношеских грехопадений. Трудность заключалась в том, что многие из них сделали карьеру и стали властными, влиятельными людьми.

Станислав Реденс был женат на Анне Аллилуевой, т.е. приходился свояком самому Сталину. В семье Генерального секретаря его по-домашнему называли «дядя Стах». По партийному заданию его послали в Грузию «наводить порядок». В Тифлисе он попал в широкие объятия начальника секретно-политического отдела Лаврентия Берии. Столичному гостю была устроена пышная кавказская встреча. В свой особняк на улице Мачабели Берия созвал сотрудников и друзей. Застолье превратилось в угарную буйную пьянку. Наутро Берия позвонил в Москву, Сталину: «Батоно, прошу вашего совета, как поступить с вашим родственником?» Сталин, известный своим аскетизмом, приказал отправить Реденса в Москву.

А задача «наводить порядок в Грузии» легла на плечи Берии. Следующей жертвой молодого, но изобретательного карьериста стал Михаил Фриновский. В свое время этот человек возглавлял особый отдел в Первой Конной армии Буденного. Потом судьба забросила его в Азербайджан. Там, в архиве, ему попала в руки тоненькая папка: «Дело по обвинению Берия Л.П.» Полистав сохранившиеся документы, Фриновский установил, что в молодые годы Берия попадал под подозрение, как тайный агент мусаватистов. Желая подслужиться, Фриновский не придумал ничего лучшего, как передать обнаруженную папку властному хозяину Лубянки. Лучше бы он этого не делал!

Ничто не выдало испуга Берии. Но мысли его заметались. Прошло какое-то время, и Фриновский угодил в камеру внутренней тюрьмы, оттуда Берия его уже не выпустил.

Для рядового гражданина СССР, чтобы оказаться на Лубянке, хватило бы и сотой доли того, что уже было установлено. Однако в данном случае речь шла о крупном политическом и государственном деятеле, члене Политбюро. В отношении таких фигур был недопустим произвол любого отдельного работника, каким бы рангом он ни обладал. Покарать такого деятеля

могла только ПАРТИЯ. Потому-то вопросы о наказании провинившихся и выносились на обсуждение пленумов Центрального Комитета.

В делах секретных служб для Абакумова не существовало никаких тайн. Прежде, чем оказаться в министерском кабинете, он прошел все ступени службы, начиная с рядового оперативника. Поэтому о реальной силе «гвардейцев» Берии он судил здраво, сознавая, что Большой Мингрел не сдастся без сопротивления, даже по партийному постановлению, ибо понимает, что натворил и какая кара его ожидает.

Одним из самых преданных бериевских «гвардейцев» по праву считался князь Шалва Церетели. Они познакомились в молодые годы, когда оказались в одной камере кутаисской тюрьмы. У Берии это был первый арест, у Церетели — очередной. Это был бандит с огромным уголовным стажем. Молоденький Лаврентий взирал на него с почтением и робостью.

О смелости этого человека рассказывали легенды. Шалва Церетели не ведал, что такое страх. Его боялись даже самые отпетые уголовники.

В последующие годы Берия отыскал прежнего тюремного знакомца, приблизил, обласкал и привязал к себе. В 1938 году, уезжая навсегда в Москву, он взял его с собой. Теперь Шалва Церетели имел чин генерал-лейтенанта, отличался прямотой суждений и предельной честностью в делах. Он, например, открыто презирал Богдана Кобулова за постоянное стяжательство и брезгливо называл его «грязью». Берии он был предан беззаветно. Выполняя самые деликатные поручения своего патрона, генерал-лейтенант Церетели окружил себя людьми, готовыми выполнить любой его приказ.

Последней операцией князя с генеральскими погонами было уничтожение семьи маршала Г.И. Кулика. Произошло это в год расстрела ленинградцев. Самого маршала судили и расстреляли (считалось— за излишне откровенную болтовню), но с его женой, Кулик-Симонич, велась какая-то странная игра. Женщину не взяли дома и по ордеру, а подкарауливали на улице, дожидаясь, когда она покажется одна. Ждать пришлось не день и не два, а целых две недели. Наконец, ее схватили, сунули в машину и... след похищенной потерялся навсегда.

Только в свете лихорадочных приготовлений Большого Мингрела следует воспринимать появление на политической (а, следовательно, и кадровой) сцене борьбы совершенно невзрачной фигуры подполковника Рюмина, следователя с Лубянки.

Казалось бы, несравнимые величины: министр, генерал-полковник и какой-то следователь, один из многих тысяч. Но... таков закон шахматной игры: нередки комбинации, когда простенькая пешка бьет самого ферзя!

Подполковник Рюмин происходил из архангельских мужиков. Как и все поморцы, он был мал ростом и неказист внешне. В гражданской одежде, не в кителе, он походил на кладовщика с колхозного склада. Служебная карьера никак не удавалась Рюмину. Причиной этому, как он считал, были жиды. Антисемитом он слыл убежденным и нисколько этого не скрывал.

Необходимость в Рюмине возникла в пору, когда Берия и Маленков приготовились валить Абакумова. Невзрачному подполковнику с несложившейся судьбой отвели роль мощной торпеды, направленной с близкого расстояния в борт броненосца, чей вымпел вроде бы реял победительно и гордо.

Подозревал ли сам Абакумов, какой запас взрывчатки заложен в завидущей душонке следователя в таком ничтожном чине? Едва ли. Он привык считать своими противниками персон, обладающих государственной властью. В кремлевском поднебесье парили одни орлы, навозным мухам туда не было ходу.

Мы застаем Рюмина в служебном кабинете Д.Суханова, многолетнего помощника Маленкова. Лысенький подполковник в мешковато сидящем мундире, без шеи, с животиком, крепко держит всеми пятью пальцами перо и пишет под диктовку обладателя кабинета. Перо царапает бумагу, Рюмин конфузится и, усиленно потея, шмурыгает носом. Иногда он подтирает нос рукавом. Суханов по ходу диктовки отвечает на телефонные звонки. Рюмину кажется, что здесь, на Старой площади, даже городские телефоны звонят по-особенному.

Что за оказия занесла этого человечка в такие сферы? Прошлой осенью, в ноябре 1950 года, в камеру Лубянской внутренней тюрьмы попал известный профессор-терапевт Я. Этингер. Обвинение рутинное: статья 58 (10). Следовательно, болтовня.

Так оно и было: на квартире профессора работали «жучки» и прослушка зафиксировала его «преступный» разговор с сыном, в ходе которого старик-профессор отзывался неодобрительно о Сталине. Через три месяца после ареста профессор Этингер умер в тюремной камере от сердечной недостаточности. Сказался возраст? Или... Хотя следствие, как уверяли, велось без «бойла».

Рюмин «сделал стойку», узнав, что перед смертью профессор-терапевт признался в том, что намеренно залечил А.С. Щербакова, ближайшего помощника Сталина в годы войны, скончавшегося в возрасте 43 лет. В те дни в кабинетах спецтюрьмы завершилось следствие по «Ленинградскому делу». Рюмин изнывал от зависти.

Какие награды осыплют счастливцев! Сколько дырочек будет просверлено и на погонах, и на кителях! Рюмин ухватился за предсмертное признание профессора Этингера, затем добыл из архива оба сигнала врача Тимашук, посланные ею наверх три года назад. (На Лубянке все эти сигналы аккуратно подшивались и хранились вечно.) Одно письмо Тимашук адресовала генералу Власику, другое — самому Кузнецову. И — что же: полный молчок! Да за одно это необходимо ставить к стенке. Рюмин знал, что Кузнецов уже арестован и усиленно допрашивается, дождется своего и Власик. Как это у них,... проклятых, все ловко получается. Одни орудуют в медицине, другие покрывают их в партийных сферах, третьи подсобляют на Лубянке. Да что там... у них и в самом Кремле имеются свои!

Шансы для разматывания гигантского «дела» так и прыгали в глаза. Щербакова залечили? Залечили. А Жданова? Интересная, товарищи, петрушка получается! При этом все видят, что среди медицинского персонала «Кремлевки» поразительное обилие жидов.

Какое можно «слепить дельце»..., пальчики оближешь. Вровень с «Ленинградским»!

Абакумов раскусил Рюмина с первого же слова. Подполковник замахивался широко: заговор еврейских буржуазных националистов с участием не только деятелей науки и культуры, но и персонала Лечсанупра Кремля, а также генералов Министерства госбезопасности. Рюмин не мелочился и «шел в масштаб». Опыт Абакумова подсказывал, что на таких риско-

ванных затеях легко сломать голову. Где доказательства, кроме сомнительного признания Этингера? Письма Тимашук? Мало. Потребуются имена множества людей, связи, явки, пароли. Одними пытками ничего толкового не выстроишь. Провальное дело! И Абакумов, изругав как следует жаждавшего отличий подполковника, приказал ему оставить опасную затею. Сам сломает свою глупую голову и других подведет!

Здесь-то и возник Суханов. Он вызвал Рюмина на Старую площадь и усадил его за письменный стол. Грамотей из подполковника неважный (по анкете — неполное среднее образование). Помощник Маленкова заставил его переписывать свой сигнал шесть раз.

Дальнейшие события развивались с невероятной быстротой.

Через два дня Рюмин стоял навытяжку в кабинете Генерального секретаря и давал первые объяснения. Сталин, услышав дорогие ему имена Щербакова* Жданова, взглянул т подполковника внимательней. У него вдруг стали приподниматься нижние веки. Разом вспомнилась давнишняя охота Ежова за таинственной организацией, так искусно уходившей от разгрома. Неужели этому невзрачному следователю удалось вновь схватить таившихся врагов за хвост? Вот не упустить бы! Что же касается имен подозреваемых (и прямо обвиняемых!), то Вождь давно уже стал желчным скептиком. Ворошилова он освободил еще в 1940 году, год назад снял Молотова, заменив его Вышинским... Проклятая Лубянка снова демонстрировала свое гнилое нутро. Абакумов? Что ж, ломались и не такие люди. Следствие разберется.

Рюмин получил чин полковника, пост заместителя министра госбезопасности и возглавил следственную часть по особо важным преступлениям. Это стало результатом его появления в кабинете Генерального секретаря.

Полковник отличается от подполковника тем, что получает право носить папаху. Маленькому Рюмину этот раскошный головной убор из серых смушек добавлял величественности, так ему недостающей. Все подполковники втайне изнывали от стремления к папахе, но, как говаривали шутники, они имели право носить ее исключительно в домашних условиях. Чин полковника в сочетании с такой высокой должностью давал надежду на скорое получение генеральских погон и штанов с

лампасами. Пока же, как злословили те же шутники, он имел право носить лампасы только на кальсонах!

Обуреваемый великими планами, Рюмин деятельно приступил к массовым арестам.

Понимал ли он со всей отчетливостью, в какие жернова его втянуло? Сознавал ли, что его будут терпеть, покуда в нем имеется надобность? Предмет разового использования, этот выскочка и карьерист потерял голову от перспектив, был полон самых радужных планов и надежд. Облаченный доверием Вождя, он сыпал удары направо и налево. В стране моментально сгустилась атмосфера самой звериной юдофобии. Расползались слухи о массовых умерщвлениях новорожденных младенцев. Люди отказывались идти на прием к врачам-евреям.

Словом, Рюмин быстро добился того, что от него и требовалось!

Маленков, получив его донос, принялся за дело с навыками опытного аппаратчика. Первым делом он создал Специальную комиссию ЦК для проверки работы Министерства госбезопасности. Возглавив эту комиссию, Маленков включил в нее Берию, Шкирятова и своего надежного человека из аппарата, Игнатьева. Разумеется, выводы комиссии были определены заранее. Проверяющие не оставили Абакумову никаких надежд.

12 июля 1951 года его отстранили от должности, взяли под стражу и поместили в Лефортовскую тюрьму под номером 15. (Под этим номером он будет значиться до конца своих дней.).

Самое нелепое заключалось в первоначальном обвинении министра госбезопасности: его арестовали как разоблаченного лидера еврейских националистов!

Собственно, всякая надобность в Рюмине отпала, едва Абакумов лишился поста и свободы. Высокопоставленные организаторы аппаратной комбинации смотрели на новоиспеченного заместителя министра, то есть Рюмина, как на досадную и неприятную помеху.

Этот зоологический антисемит и в самом деле производил на окружающих отталкивающее впечатление. Особенно невыносимой казалась его все возрастающая напыщенность. Он предвкушал триумф и видел себя генералом с крупными звездами на погонах. Он заранее тщеславил, предвкушая, как станут сгибаться перед ним самые именитые руководители, ис-

пуганные перспективой оказаться в камере внутренней тюрьмы. Однако этого неумного выскочку приходилось до поры до времени терпеть. Он еще не полностью выполнил своей задачи. Помимо этого пусть заодно и всласть поиздевается над своим бывшим министром. В сейфе Абакумова при обыске обнаружили массу тщательно собираемого компромата и на Берию, и на Маленкова. Папка Берии была потолще: туда подшивались милицейские протоколы, связанные с похищением женщин его охранниками под руководством полковника Саркисова. Угрожающие папки, разумеется, были тут же уничтожены, но злоба на поверженного министра осталась навсегда.

Рюмин орудовал самозабвенно. Ему казалось, что в его лице русская страна обрела освободителя от жидовского ига. Под стражей оказались 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов. Не оставил он без внимания и родное министерство. Вместе с Абакумовым были арестованы начальник следственной части А. Леонов, его заместители К.Лихачев, В.Комаров и Л.Шварцман, начальник секретариата И. Чернов, его заместитель Я. Броверман. Кроме них в камерах внутренней тюрьмы оказались чекисты с крупными звездами на погонах: Селивановский, Питовранов, Шубняков, Райхман, Утехин, Белкин и другие. Арестовал он и полковника А. Свердлова, сына Янкеля Свердлова.

В свое время Абакумов попытался остудить пыл Рюмина. В следственных делах надо трезво исходить из имеющихся возможностей. Объявить о заговоре легче, но как выстроить всю систему убедительных доказательств? Разумеется, из арестованных можно выбить что угодно. Однако даже мало-мальски опытный человек сразу увидит все нестыковки и натяжки. А такое «громкое» дело, какое вздумал затеять Рюмин и его покровители, прямо-таки обречено находиться под личным контролем самого Сталина.

Абакумов знал, что говорил. Так и выходило. И первым, на ком споткнулся Рюмин, оказался Абакумов. Бывший грузчик, этот человек проявлял нечеловеческую выдержку. Рюмин и его мордовороты в Лефортовской тюрьме отбили об него все кулаки. Несколько раз допрос заканчивался тем, что у потерявшего сознание подследственного выпадала прямая кишка. В камеру его оттаскивали: Рюмин, остервеняясь, приказал держать его в

наручниках постоянно. Потом он изобрел такой способ пытки: Абакумову приковали кисти рук к лодыжкам ног и в таком согнутом состоянии поместили на несколько суток в морозильник. Ничего не помогало. Заключенный под № 15 держался стойко и ни одного протокола не подписал.

А следствием над Абакумовым постоянно интересовался Сталин!

Пришлось перейти на тактику «обкладывания», т.е. оговора. Необходимые показания стали выколачивать из других обвиняемых. Тут дело пошло успешнее. Рюмин выяснил, что Абакумов женат на дочери известного эстрадного артиста Орнальдо, а тот в свою пору находился в близких отношениях с маршалом Тухачевским. Ага, уже зацепка! (Тестя Абакумова уже не было в живых, но его дочь арестовали и вместе с грудным ребенком поместили в вонючую камеру. Там ее продержали целых три года.)

Хорошие показания подписали начальник Лечсанупра Кремля П.Егоров, лечащий врач Сталина профессор В. Виноградов, лечащий врач Жданова Г. Майоров. Активно взялись сотрудничать со следствием и бывшие коллеги Рюмина: полковники Лихачев и Шварцман. Эти долгого «бойла» не вынесли и подписывали все, что им писали в протоколах.

Особенно повезло Рюмину с бывшим следователем-важняком Львом Шварцманом. На Лубянке у него были обязанности «писателя»: он толково оформлял протоколы допросов, излагая в хорошей литературной манере следственный материал, добытый «забойщиками» в камерах пыток. В свои молодые годы Шварцман был журналистом, сотрудничал в газетах «Киевский пролетарий» и «Московский комсомолец». Его талант оказался востребованным на ниве борьбы с «врагами народа». Шварцман своими показаниями помог основательно «обложить» упорного министра. Абакумов, как он' утверждал, являлся признанным «вождем евреев в органах ЧК и прокуратуры». Правда, слаба была доказательная часть, но в этом отношении Абакумова «закопают» другие арестованные. Зато Шварцман смешал бывшего министра с грязью, показав, что он, Шварцман, как педераст, имел постоянные половые контакты с Абакумовым на службе (Рюмин знал, с каким отвращением относится Сталин к гомосекам). Следствие в этом отношении

совершило явный перебор, «установив», что Шварцман имел половые связи с послом Великобритании А. Керром, а также со своим сыном Сергеем и дочерью Анной.

Активные формы допросов давали изобильный материал. Труды «забойщиков» и «писателей» приносили свои плоды. Игнатьев, новый министр госбезопасности, выделил в отдельное производство дело полковника Майрановского, начальника Спецлаборатории, имевшего отношение к выполнению самых секретных поручений, а также двух провокаторов-педерастов Гаврилова и Лаврентьева, внедренных в штат обслуги посольства США в Москве.

Неотесанность Рюмина в кремлевских сферах не позволяла ему различать нюансы в отношениях между отдельными представителями верховной власти. Он догадывался, что новый министр Игнатьев является человеком Маленкова, но о том, что заместитель министра С.Гоглидзе всажен в министерство самим Берией (для пригляда за Игнатьевым), он даже не задумывался. Такие тонкости в соперничестве «высших» были не для его примитивных соображений. Он не отдавал себе отчета даже в том, ради чего проворачивалась вся многоходовая комбинация с арестом Абакумова и поспешным разматыванием «Мингрельского дела».

По «Мингрельскому делу» в Тбилиси работала московская группа следователей. Специалисты Лубянки показывали чудеса результативности. Рюмин в Грузию не выезжал, но с документами знакомился регулярно. Это было его служебной обязанностью. В конце марта 1952 года на Старой площади, в секретариате ЦК, было принято Постановление «О положении дел в компартии Грузии». Там фигурировали имена К.Чарквиани и М.Барамия, абсолютно преданных Берии людей.

Рюмин действовал прямолинейно и на этом в конце концов сломал себе шею. Не с его способностями было соваться в сферы таких необыкновенно сложных отношений.

По ходу следствия он неоднократно сталкивался с эпизодами, рисующими в невыгодном свете самого Берию. Касались они в основном отношений с женщинами. Рюмин их не брал в расчет. С кем не бывает! (Он сам порой грешил). Даже внезапному открытию, что в молодые годы Лаврентий Берия состоял любовником великой княгини Леониды (супруги вели-

кого князя Кирилла), он не придал никакого значения, в душе лишь позавидовав счастливцу. Точно так же он отнесся к свидетельству о том, что в доме Берии проживает его последняя наложница, девчонка 17 лет (вскоре она родила Большому Мингрелу девочку).

Все это свидетельствовало лишь о мужских достоинствах человека.

Однажды ему довелось побывать в кремлевском кабинете Берии, и Рюмин с каким-то простодушием принялся разглагольствовать на тему, сколь великую угрозу для СССР и всего человечества представляют эти проклятые жиды. Нашел же перед кем так распахивать свою душу!

Берия не оборвал болтливого полковника, но вынес ему свой приговор. В частности, он распорядился дать ход полученным анонимкам, в которых сообщалось, что отец Рюмина раскулачен, брат и сестра отбывали наказание за воровство, а тесть служил в армии Колчака.

Как начальник Следственной части министерства, Рюмин готовился доложить в Кремле о достигнутых успехах, однако вопреки его радостным надеждам Сталин отказался с ним разговаривать. Произошло то самое, чего следовало опасаться. Вождь внимательно прочитал представленные протоколы и невольно задержался на «педерастической» части документа. Он поморщился, когда дошел до признаний Шварцмана о любовных утехах с послом Великобритании. Перебор был явный. Сталин брезгливо обронил:

— Прогоните этого шибздика!

В середине ноября заместитель министра Рюмин был изгнан с Лубянки и с трудом устроился бухгалтером в министерство госконтроля.

Министр Игнатьев, подписывая ему документы, с явной завистью обронил:

— Легко отделался.

Так что грянувшее на весь мир сообщение в «Правде» об организации врачей-отравителей состоялось без участия Рюмина.

Берия недаром опасался следствия по «Мингрельскому делу». Могли всплыть самые потаенные страницы его мутной биографии.

Подарком судьбы он считал подхалимский поступок М.Фриновского, обнаружившего в бакинском архиве роковую папочку. С души свалился груз невыразимой тяжести. Однако, сколько же еще оставалось нераскрытого, рискованного, обрекающего! Нелегкая ему выпала судьба...

Концентрация в партии самого отборного отребья создавала для Большого Мингрела наиболее благоприятную обстановку. В мутной воде он плавал с уверенностью крупной щуки. Малопомалу ему удалось выстроить на Старой площади, в кабинетах партийной власти, свою крепкую «стенку», все чаще обеспечивая при голосованиях победу большинства. Партия, считал он, подпадает под его влияние. Люди не слепые и видят убывание физических сил Вождя. «Молодым везде у нас дорога...» Однако Сталин еще сопротивлялся и наносил довольно мощные удары. Затея с «Мингрельским делом» свидетельствовала, что глаз состарившегося Вождя оставался зорким, а ум изощренным. Следствие по этому «Делу» требовалось свернуть как можно поскорее, не позволив ему вызвать настоящую катастрофу.

Защищался Большой Мингрел с уверенностью опытного фехтовальщика.

Разве «Ленинградское дело» возникло в один день? Четыре года назад он сделал первый ход в комбинации, организовал Постановление Оргбюро ЦК о загнивании ленинградских партийных кадров. И стал накапливать обвинительный материал. По краткости удара «Ленинградское дело» слишком напоминало кровопролитие в «Ночь длинных ножей», когда Гитлер решительно и быстро расправился с «антикапиталистическим» (а следовательно и антиеврейским) крылом в своей партии. Так и в СССР одним ударом удалось ликвидировать мощный подрост русских управителей державы. (Прикончить тот самый «орден меченосцев», о котором всю жизнь мечтал Сталин).

Очень вовремя попал под руку дурак Рюмин со своим зоологическим антисемитизмом. Колхозный умишко подполковника оказался не в состоянии сообразить, кто отвечает в СССР за «еврейский прогресс», что Еврейский Антифашистский Комитет находится под личной защитой этого человека, — недаром в кругах советских сионистов именно Берию и Михоэлса называют «отцами еврейской нации».

Ради окончательного успеха Берии пришлось пожертвовать Михоэлсом. Зимой 1948 года глава ЕАК поехал в Минск. Следом за ним отправился заместитель министра госбезопасности С. Огольцов. С помощью Л. Цанавы, министра госбезопасности Белоруссии, была проведена простенькая операция (участники этой ликвидации были награждены орденами). Таким образом, одним «отцом нации» стало меньше. Но остался еще один, и он доведет задуманное до победного конца!

Понимал ли Большой Мингрел, что он сам является всего лишь послушной куклой в сионистском балагане?

Самым сложным, а, следовательно, и самым уязвимым местом агентуры является связь. Поэтому кукловодам приходятся изощряться, чтобы не обрывались ниточки руководства. Именно в этом свете и следует рассматривать арест в Будапеште шведского дипломата Рауля Валленберга, сотрудника секретных служб не только Америки, но и Германии. Под вывеской спасителя евреев он прилагал все силы, чтобы максимально затянуть сопротивление немецких войск. По планам сионистских заправил, американские войска должны были успеть в Берлин намного раньше советских войск. Там их встретили бы растрепанные русскими дивизии вермахта, и родилась бы новая коалиция союзников, объединенных общей ненавистью к варварам с Востока. Доказательством этих подлых планов служат тайные переговоры в Швейцарии Аллена Даллеса с представителем Гиммлера генералом СС Вольфом. Об этом же свидетельствуют сохранение американцами штабов немецких войск, сбор трофейного оружия, сколачивание растрепанных в боях подразделений гитлеровцев.

Падение Берлина поломало намеченные планы. Думается, в связи с этим и последовал арест сотрудниками «Смерша» Рауля Валленберга. Этот скромный шведский дипломат должен был исполнить слишком важное задание своих хозяев. Именно поэтому он не побежал, как все, от наступающих советских войск, а... устремился им навстречу. Схваченный смершевцами Абакумова, он был срочно увезен в Москву, помещен в камеру внутренней тюрьмы и вскоре предстал перед глазами Берии.

Так состоялась встреча тайного посланца кукловодов со слишком важным, слишком ценным агентом, всаженным в советскую структуру власти давным-давно и теперь, в момент

самого пикового напряжения, нетерпеливо ожидавшего руководящих указаний.

О том, какими были инструкции издалека, можно судить по развитию событий в СССР. Берия принимал в них самое активное участие. Даже пересаженный с Лубянки в Атомный комитет, он все же продолжал держать связь с этим вероломным ведомством (замечено было, например, что он появлялся в «Матросской тишине» во время следствия по «Ленинградскому делу»).

Судьба Валленберга, конечно же, трагична. Но не мог же Берия оставить его на Лубянке, в лапах Абакумова! Расколовшись на допросах, Рауль мог погубить всю грандиозную затею. Нет, рисковать Берия не мог, не имел никакого права. Поэтому связной исчез — он был обречен на исчезновение.

После расстрелов в Ленинграде (и по всей стране) на повестку дня встала главная задача — устранение Сталина. Избавившись от Вождя, Берия с помощью Лубянки мог легко убирать с дороги неугодных конкурентов и становиться хозяином в Кремле.

Итак, ему оставалось одолеть последний барьер. Над устранением Сталина он работал давно. Впоследствии выяснилось, что таблетки от повышенного давления крови были изготовлены специально. Они не снижали давление, а наоборот — резко повышали. В этом — причина двух сталинских инсультов. Вождь держался исключительно за счет природного кавказского здоровья.

Кроме этого Берия совершенно незаметно провернул уникальную операцию по добыванию самых важных государственных секретов — он установил прослушку в кабинете Сталина и в зале, где проходили заседания Политбюро. В последние дни он поступил еще круче: снизу, из рабочего помещения, в кабинет Сталина был сделан лаз с крышкой, прикрытой паркетом. Гайки, закрепляющие крышку, были изнутри.

К проникновению в сталинский кабинет он решил прибегнуть в самом крайнем случае.

По мере того, как власть сионистов распространялась на материки и континенты, их действия начинали обретать все более глубокий смысл. Скажем, не столь уж давнее убийство русского премьер-министра П.А. Столыпина. Заговорщики имели

возможность расправиться с ним на киевском вокзале. Однако обыкновенное вульгарное убийство в их планы не входило, им требовалось убийство, так сказать, с нагрузкой. Поэтому была продемонстрирована публичная казнь в переполненном театре, на глазах всего царского двора и дипломатического корпуса. Нагрузка преступления заключалась в назидании: пусть все убедятся в том, что любой, кто отважится стать сионистам поперек пути, обречен на неминуемую смерть!

С чудовищной нагрузкой отыграл свою роль незадачливый Шикльгрубер — Гитлер. Ненавистник славянства, он был подан, как безжалостный истребитель евреев. Навязанной ему ролью Гитлер обеспечил базу так называемого ХОЛОКОСТА, выдав таким образом сионизму вечный вексель для взимания платы за якобы понесенные утраты.

В устранении Сталина нагрузка заключалась в том, чтобы преподнести его в роли библейского Амана (книга «Эсфирь»). Не случайно же в самый канун его гибели было затеяно «Дело врачей-отравителей». Больше того, была названа дата, когда гнев свирепого Сталина обрушится на головы детей Израиля в СССР, — этим конкретным днем указывалось 15 марта. Однако всемогущий Иегова снова спас свой избранный народ. Как известно, 9 марта состоялись похороны Сталина. Поэтому понятно безудержное ликование евреев по случаю счастливейшего избавления от гибели.

Образ Мордахая, победителя Амана, втайне прикидывал для себя Великий Мингрел.

XIX СЪЕЗД ПАРТИИ. ПЛЕНУМ БЕЗ ПРОТОКОЛА

...Неприглядное зрелище представляет осенняя Москва: дождь вперемешку со снегом, низкие тучи и унылые оголенные деревья, мотающиеся под ветром. Больного Вождя потянуло к теплу, к солнцу и он отправился на родину, в Боржоми.

В эту позднюю осень, последнюю в его жизни, родная земля подарила ему несколько недель расслабленно-радостного состояния. Иосиф Виссарионович часами сидел на солнечной веранде и наслаждался ласковыми порывами ветра с шумящей внизу Куры. Ровно тридцать лет назад он точно в такое же время отдыхал здесь, в Ликанском дворце, с Надей и годовалым Васей. Однажды Надя растормошила его и потащила на развалины старой крепости на другом берегу реки. Она тогда была смешлива, жизнерадостна, подолгу возилась с непоседливым бутузом, постоянно норовившим сбежать с веранды на осыпающуюся тропу к Куре.

Бедная Надя, не нашла она с ним своего женского счастья. Надо запретить жениться людям на таких постах. Она хотела обыкновенного житейского счастья, он — стремился к необыкновенному. Она добивалась, чтобы он постоянно думал об одном человеке рядом с ним, он же думал о народе, о стране, об ухудшающейся международной обстановке... Да, не повезло ей с ним. И теперь ничего уж не исправишь!

Его потянуло в Бакуриани, куда они ездили в том году вдвоем. Но в первом же селе, Атене, машину окружил народ, огромная толпа.

Пришлось остановиться и выйти. Впереди стояли почтенные старцы с палками в руках. Женщины поднимали над головой детишек. Горели глаза мужчин... Принесли вина. Как отказаться? Обидеть насмерть... Но от поездки пришлось отказаться и вернуться.

«Проклятая старость! — почему-то подумалось ему тогда. - И нет от нее никаких лекарств!»

Домой, в Москву, он вернулся в конце декабря. Впрочем, домой ли? Тогда он впервые ощутил материнский зов родной земли и ему постоянно виделись старики с костылями из крепкого самшита...

И он, пожалуй, самый всемогущий человек во всем тогдашнем мире, позавидовал ветхим старцам, доживавшим свой век в тихом созерцательном покое, в окружении любящих и преданных чад и домочадцев. Сидеть на солнечном припеке, сложить руки на костыле и смотреть, любоваться на причудливые миражи, возникающие от игры света и воздуха над вечно ворчливой Курой.

Однако ему выпала совсем иная старость. И эту участь он избрал для себя сам.

В Москве, уже холодной, снежной, неприютной, его ждали заботы такого напряжения, какие невподъём и молодым: приближался день открытия XIX съезда партии.

Последний раз партийный съезд собирался перед войной, в 1938 году. С тех пор прошло 14 лет. И — каких лет! В такие насыщенные историческими событиями годы съезды полагалось бы собирать ежегодно. К сожалению, подпирали неотложные дела.

XIX съезд ВКП(б) работал 5-14 октября 1952 года.

С политическим отчетом выступил Маленков. Доклад о новой пятилетке сделал председатель Госплана СССР Сабуров.

Вполне естественно, что недавние военные успехи наслаивались на выдающиеся достижения в хозяйственном развитии страны.

С 1929 года (когда выгнали Троцкого) промышленное производство увеличилось более чем в 20 раз. Таков итог индустриализации. Героический труд ученых и конструкторов позволил создать совершенно новые отрасли: гидро- и атомную энергетику, авиа-и ракетостроение, радиотехнику и космонавтику... На 20 процентов возросло производство зерна, вдвое — подсолнечника, наполовину — свеклы и льна. Таков итог коллективизации. Мощное развитие Страны Советов обеспечивалось условиями, каких нет и не может быть при капитализме: централизованное планирование, общественные средства производства, отсутствие эксплуатации человека человеком.

Очередная пятилетка, и в этом не было никаких сомнений, явится новым этапом в развитии социалистического государства. Низовая масса, миллионы рядовых партийцев, по-прежнему строили и созидали, добывали уголь и выплавляли сталь, сеяли хлеб и учили детей с восторжен-

ной верой в правильность раз и навсегда избранного пути. С особенной силой эту правильность подтвердила победа над Гитлером. Великие преимущества социалистической системы вербовали сторонников на всех континентах. Марксизм-ленинизм-сталинизм становился мировым учением. Закат капитализма казался делом времени.

Однако высокопоставленные гости съезда замечали множество нюансов, невольно порождающих тревожные раздумья. Люди опытные, они умели делать выводы по одному небрежно брошенному слову, по косому взгляду, даже по нарочитому умалчиванию, которое порою красноречивей всяких слов.

Прежние съезды, все до единого, являлись ареной ожесточенной внутрипартийной распри. С трибуны выкрикивались лозунги и аргументы, свидетельствовавшие о непримиримости противников. На съездах выносился приговор всяческим уклонам, блокам и платформам. Здесь проигравшие раскаивались, а порой и становились на колени. Каждый съезд для партии был великим оздоровляющим событием. Любому выявленному недомоганию находилось подходящее лекарство, а заболевание, каким бы страшным не было, подавлялось в зародыше, не оставляя в организме метастаз... На этот раз на съезде не раздалось ни слова, ни намека на нездоровье. Подозрительное умолчание. Неужели так уж все безупречно?

Несмотря на то, что с оппозицией было покончено еще перед войной, опытный глаз замечал существование и блоков, и платформ, только нынешние оппозиционеры не горячилась на трибуне, а секретничали и выдавали себя манерой поведения: кучкованием. И эта потаенная от масс келейность была зловещим симптомом того, что недомогание стало серьезным заболеванием. А болезнь, как ни скрывай ее, все равно возьмет свое!

В президиуме съезда восседали величественные старцы, матерые, умудренные многолетней властью, всем своим видом демонстрирующие готовность эту власть не упустить, не уступить, сломать рога любому, кто посмеет посягнуть. Сейчас особенно бросалось отсутствие партийной молодежи, руководящего подроста, уничтоженного в недавнем «Ленинградском деле».

Непостижимо странным выглядело поведение и самого И.В.Сталина. В первые дни работы съезда он усаживался во втором ряду и с непроницаемым хмурым видом слушал выступающих. Затем в течение нескольких дней он вообще не появлялся в зале съезда. Здесь был простор для самых разных домыслов. Болезнь..? Или... что? По мере того, как съезд близился к концу, росло всеобщее подозрение, что наверху, в Кремле, что-то явно назревает.

Сталин чувствовал себя больным. Скоро ему исполнится 73 года. Он доживал свои дни с мозгом, простреленным дважды. Силы его убывали.

Тяжелые мысли одолевали в эти дни советского Вождя. Он понимал, что следующего съезда уже не увидит и невольно подводил итог всему сделанному и несделанному. В последнее время он все больше предъявлял претензий к самому себе, хотя, признаться, имелось сверх головы и такого, чем не грех и погордиться. Хорошо зная Историю, он понимал, что человечеству неведомо ни одного случая столь стремительного преобразования отсталой страны. Всего за три пятилетки советский народ под руководством коммунистов создал величайшее в мире государство, освоил самую большую на Планете территорию. В советском обществе укоренились лучшие в Истории человечества системы массового образования и здравоохранения (мечта всех утопистов). Гуманный пафос русской культуры по праву сделал ее образцом для всех народов мира. Создав самое справедливое и процветающее общество, советские люди недавно в очередной раз спасли человеческую цивилизацию от истребления.

Выдающиеся успехи СССР во всех областях строительства по праву получили название «Русского Чуда».

Последним достижением страны Советов было испытание ядерного оружия. Монополия США на это чудовищное средство массового поражения прекратилась. В отличие от американцев Советский Союз поставил энергию атома не на разрушение, а на созидание, на службу миру и прогрессу.

Иосиф Виссарионович был непосредственным участником всех достижений родной страны, и память возвращала его к самому началу великого пути:

В Гражданскую войну бойцы Красной Армии были разуты и раздеты, плохо вооружены...

В годы пятилеток рабочие огромных строек были неграмотны и неумелы, неважно одеты и голодны...

А война с Гитлером? Фашистский меч над Москвой, нечеловеческое напряжение Сталинградской битвы, когда многое висело буквально на волоске...

А беспримерная стойкость ленинградцев, умиравших с голоду, но не допускавших мысли о покорении ненавистному врагу? Да и послевоенные события...

Необыкновенное вдохновение народа, поверившего в идею всеобщего счастья, в идею социализма. Причем, все трудности преодолевались бодро, с песней. Ведь это был труд на себя, на благо народа, его подрастающего поколения, а не на угнетателей-капиталистов и помещиков. Так большевики обратили в свое могучее оружие закон о» прибавочной стоимости» Маркса.

Просвещенный и ожиревший от довольства Запад не узнавал лапотной России. Куда девалось совсем недавнее убожество? Откуда взялись такие умопомрачительные показатели?

На Западе промышленный прирост на 4 процента считался отличным.

В СССР прирост составлял 35 процентов! В 1927 году московская «башня Шухова» послала в мировой эфир свои первые позывные. Их приняли в Америке, но ответить не смогли: не было такого уровня радиотехники.

Самолет В.П.Чкалова и его экипажа пролетел над Северным полюсом, совершил посадку на американском аэродроме и тем потряс весь мир. Совершить что-либо подобное не могла ни одна страна в мире. Нигде не было таких машин. Но главное — нигде, ни в одной стране, не было таких феноменальных летчиков!

Западные специалисты до сих пор ломают голову над тем, что двигало советскими людьми, когда они, стиснув зубы, преодолевали нечеловеческие трудности. Дело в том, что на Западе не существует понятия: подвиг. Там все определяется суммой в платежной ведомости. А в ошеломительных достижениях страны социализма лежал исключительно подвиг, самоотверженный труд.

Советский Союз стал образцом для всех угнетенных в мире. Пример трудящихся страны социализма поднимает на борьбу с угнетателями миллионы обездоленных людей в колониях.

Красное знамя СССР победоносно реет уже над половиною Планеты!

И все же в глубине души советского Вождя накапливалось беспокойство. Точно так же, как заботливая мать угадывает заболевание ребенка, Иосиф Виссарионович ощущал, что, несмотря на грандиозные успехи, советская система мало-помалу начинает терять свое богатырское здоровье. Резкого ухудшения еще не наступило, температура вроде бы удерживалась прежняя, привычная, однако появилось много признаков того, что серьезная болезнь не за горами. Эта болезнь зародилась в наркоматах, в кабинетах всевозможных руководящих учреждений, и в первую очередь на Старой площади. В недрах самой советской системы сформировался и стал набирать неодолимую силу своеобразный класс казенных управленцев, превращаясь год от года в чудовищно уродливую внутреннюю опухоль.

Это смертельное заболевание имел в виду еще В.И.Ленин, указав: «Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов, если только не помешают ей... сами коммунисты».

Какими же прозорливыми оказались эти слова Владимира Ильича!

В те времена ряды партии пополнялись в основном за счет бойцов. Это были люди подвига. В наши дни в партию хлынули шкурники и подлецы. Это было заболевание — заболевание страшное, типа онкологического. Спасение зависело от своевременного принятия неотложных мер. Но — каких? Снова чистки? Или... что-то еще?

Спросить бы Ильича: что делать, как поступить?

Однако ни РКП, ни КПК не оправдали надежд на магическое очищение. Являясь обыкновенными отделами Центрального Комитета партии, они не имели, да и не могли иметь, самостоятельной власти. Всем заправляла «головка» избранных руководителей — Политбюро.

Нужен, настоятельно требовался еще один директивный орган над самим Политбюро. Но...

Вспомнилась судьба Черчилля, проигравшего выборы после войны. В этом брезжился какой-то выход. Но только нет, такое

не для нас. У нас, чтобы спихнуть с поста такого человека, как, скажем, Берия, обязательно требуется ЗАГОВОР, т.е. государственное преступление. Ничто другое не годится!

Внутреннее нездоровье партии становилось все ощутимей, все заметней. Поневоле рождалось подозрение, что болезнь подкралась тяжкая, неизлечимая, убивающая наповал.

Но неужели всем трудам суждено пойти прахом ради того, чтобы какие-то прохвосты могли сладко жрать и мягко спать?

Как он ненавидел этих бесстыжих ловкачей!

Какие они к черту коммунисты!

Подавая пример партийного аскетизма, он ни разу в жизни не поддался мещанской страстишке к приобретательству, к накоплению добра. И много, слишком много раз убеждался в том, насколько же силен враг человеческий: разврат власти оказывался неодолим.

Долго, необыкновенно долго не собирался партийный съезд. Между партийцами давно назрел большой и нелицеприятный разговор. Объясниться требовалось начистоту. От этого зависело дальнейшее партийное здоровье.

Вспомнилось, как смело Ленин предложил увеличить число членов Центрального Комитета за счет рядовых рабочих. Ильич хотел разбавить заскорузлых корифеев, возомнивших себя непререкаемыми авторитетами.

Теперешних стариков, одрябших на своих постах, следовало бы вообще отправить на покой. Спасибо, поработали. Теперь отдыхайте. Заменить вас, слава Богу, есть кому.

Скорее всего, пример такого добровольного ухода на покой следовало показать ему. А что? Силы уже не те, а обстановка постоянно усложнялась, накалялась....

Примерно с такими мыслями великий Вождь советского народа отправился на съезд, последний съезд партии в своей жизни.

Выступит Сталин на съезде или не выступит? Эта мысль владела всеми. Три года назад на праздновании своего 70-летия Иосиф Виссарионович молча просидел весь долгий вечер между Мао Цзэдуном и Хрущевым, выслушал все восторженные приветствия и... ни слова не произнес в ответ. Такая невежливость была не в сталинской манере. Все догадались, что Вождь серьезно нездо-

ров. Поправился ли он? Насколько? Как хотелось услышать его речь! Неужели опять не выступит?

В предпоследний день состоялась процедура голосования: выбирали Центральный Комитет и Центральную ревизионную комиссию. Сталин не показывался. Да и голосовал ли он? Счетная комиссия занялась подсчетом голосов, делегаты разъехались по гостиницам. Назавтра глаза всех были устремлены на сцену. Сталин появился, сел на свое место во втором ряду. Вел заседание Ворошилов. Объявили результаты вчерашнего голосования. Впервые за много лет список членов Центрального Комитета начинался не со Сталина. Избранные объявлялись не по значению, а по алфавиту. Фамилия Сталина значилась под номером 103... Затем выступили с приветствиями два гостя из-за рубежа.

— Слово предоставляется товарищу Сталину, — внезапно ровным голосом объявил Ворошилов.

Зал поднялся на ноги и бешено зарукоплескал.

А Сталин изумил: он вдруг так молодо, так быстро сбежал вниз к трибуне, что все — и делегаты, и гости — непроизвольно и радостно усилили овацию. Зал гремел, не переставая.

Выходит, нет никакого нездоровья! Выходит, вождь полон сил! Сгорая от нетерпения, зал оборвал овацию, как только Сталин взошел на трибуну и неторопливо разложил перед собой листки.

Ага, готовился!

И снова Сталин изумил: речь его была необыкновенно краткой. Но это был прежний Сталин, гроза колеблющихся, раскольников, двурушников. Выступление, продуманное и отшлифованное, прерывалось бурными аплодисментами после каждого абзаца. Он пережидал, не поднимая головы, и продолжал свою речь.

В эти несколько минут в зале, а также и после выступления Сталина, всякий, кто слышал или читал, обращали внимание на поразительные странности в речи Вождя. Впервые он даже не упомянул имени Ленина. Впервые он назвал партию не ленинской и даже не коммунистической, как прежде, а партией русских коммунистов. И почему-то не обмолвился ни словом о значении завершающегося съезда, а здравицу провозгласил в честь братских партий, но не своей!

Главное внимание Сталин уделил международной обстановке.

— Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности» — права личности признаются теперь только за теми, у которого есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан и принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт.

Это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары...

В глубокой напряженной тишине прозвучали заключительные слова советского Вождя: «Долой поджигателей войны!» Этот призыв победитель Троцкого и Гитлера сопроводил пренебрежительным жестом руки, — словно с брезгливостью отбрасывая какую-то нечисть.

И снова в зале вспыхнула овация. Поднявшись, делегаты и гости не садились до тех пор, пока Сталин не собрал листки и не прошел к своему месту во втором ряду.

Работа XIX съезда ВКП(б) завершилась 14 октября. Съезд принял решение изменить название партии — вместо ВКП(б) впредь именовать ее Коммунистической партией Советского Союза — КПСС. Съезд избрал Центральные органы партии: ЦК, Центральную ревизионную комиссию. Членами ЦК было избрано 125 человек, кандидатами в члены ЦК — 111 человек, среди них и маршал Г.К. Жуков.

Вечером состоялся торжественный банкет. К.Е.Ворошилов на банкете был тамадой.

Иосиф Виссарионович сидел рядом с М.Торезом, изредка переговаривался с ним, но был замкнут и задумчив.

Руководителя французских коммунистов Сталин считал надежным другом. Недавно, когда правительство Франции принялось, по примеру американцев, проявлять воинственность по отношению к СССР, Морис Торез с трибуны Национального собрания объявил, что в случае войны французские коммунисты создадут партизанские отряды народного Сопротивления (слава Богу, боевой опыт борьбы с фашистами еще не совсем забыт!).

Первый Пленум Центрального Комитета после съезда проходил в Свердловском зале Кремля. В соответствии с новым Уставом Пленум избрал Президиум и Секретариат ЦК. Основное время работы Пленума заняла на нем речь И.В.Сталина.

На этот раз советский Вождь выступал перед вновь избранными членами и кандидатами в члены ЦК. Он говорил без бумажки, все время смотрел в зал тяжелым мрачным взглядом.

Кое-кто потом сравнивал речь Сталина на Пленуме с его запомнившимися на всю жизнь выступлениями в начале войны: 3 июля и 7 ноября 1941 года.

— Итак, — подчеркнул Сталин, — мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят, для чего мы значительно расширили состав ЦК. Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит

в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, ее партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК — руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия намного выросла.*

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов — преданный нашему делу человек. Позови и, не сомневаюсь, он не колеблясь отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под «шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению

нашей коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая ошибка товарища Молотова. А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно было допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова — Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут неясно?

Мужик — наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна...

По мере того, как разрастались обвинения И.В.Сталина, в зале пленума устанавливалась напряженная, угнетающая тишина. Зал безмолвствовал. Каждый из делегатов понимал, что Вождь сегодня выступает перед своими и выносит на обсуждение необыкновенно болезненные вопросы, которые не дают ему покоя. Это было свидетельством доверия, но одновременно и большой тревоги. Если уж Молотов и Микоян... Самые испытанные, самые близкие! Особенно Молотов. Вечный спутник, вечный помощник — всегда, во все времена, на самых крутых переломах! А — вот же...

Иосиф Виссарионович перешел к организационным вопросам. На этот счет он продумал несколько предложений.

Во-первых, упразднить привычное Политбюро и заменить его Президиумом. Если членами Политбюро состояло несколько человек (их знала вся страна, их портреты украшали фронтоны зданий), то состав Президиума необходимо расширить более чем вдвое. Вождь назвал цифру — 25 человек. Необходимо также расширить и состав Секретариата ЦК — до 10-ти человек.

— Это руководящие органы нашей партии. Мы не отвергаем и членов прежнего Политбюро. Они войдут в состав Президиума. Кроме Андреева! С уважаемым Андреевым все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пускай лечится.

Сталин ушел с трибуны, а в зале по-прежнему незаметно ни малейшего шевеления. Участники Пленума ждали продолжения событий. За столом президиума поднялся тучный Г.М.Маленков и негромким голосом предоставил слово В.М.Молотову.

По притихшему залу прошло движение.

Бывший председатель Совнаркома, бывший министр иностранных дел говорил с трудом. Лицо его застыло и напоминало белую алебастровую маску. Он признал свои ошибки и попросил товарищей по партии не лишать его своего прежнего доверия. «Я, — заявил он, — были навсегда останусь верным учеником товарища Сталина».

Сталин сделал гневный жест рукой и резко произнес на весь зал:

— Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы — ученики великого Ленина!

Настала очередь каяться и Микояну. В свое оправдание он стал приводить какие-то длинные экономические выкладки. Сталин оборвал и его:

— Видите? Новоявленный Фрумкин. Сам путается и нас хочет запутать!

Сталину пришлось еще раз появиться на трибуне. Голос из зала выкрикнул, что Генеральным секретарем партии необходимо снова избрать товарища Сталина!

— Нет! — резко возразил Иосиф Виссарионович. — Меня освободите. И от обязанностей Генерального секретаря, и от обязанностей председателя Совета Министров СССР.

В зале возник и стал крепнуть дружный гул. Маленков, поднявшись за сталинской спиной, сделал делегатам подбадривающий жест, после чего обратился к ним вслух:

— Товарищи, мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего Вождя и Учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Гром аплодисментов прокатился под сводами зала. Сталин раздраженно поднял руку и произнес:

— На пленуме не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря и председателя Совета Министров. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

В первых рядах делегатов поднялась громадная фигура маршала С.К.Тимошенко.

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может!

Голос старого маршала потонул в шквале аплодисментов. На все попытки Вождя заговорить делегаты отвечали тем, что принимались хлопать в ладони еще сильней. Сталин опустил плечи и в усталой позе долго смотрел в зал, словно стараясь проникнуть в души этих людей. Наконец он махнул рукой и пошел с трибуны.

В соответствии с новым Уставом, утвержденным XIX съездом партии, Пленум избрал Президиум и Секретариат ЦК КПСС.

И.В.Сталин был избран членом Президиума и одним из секретарей ЦК КПСС. Настойчивое желание делегатов съезда оставить его во главе партии заставило Сталина покориться. Он понял, что ему, как старому мужицкому коню, придется закончить жизнь в рабочей борозде.

И все же в том, что увеличился состав Центрального Комитета, Секретариата и Президиума угадывалась властная рука Вождя. Иосиф Виссарионович следовал примеру своего бессмертного Учителя. Ильич добился, чтобы в состав ЦК избирали побольше рабочих от станка. Этим же путем пошел и Сталин. Он упрямо отодвигался от повседневного руководства, отходил в сторону, расширяя круг ответственных работников.

Пусть сменяют стариков и перекладывают всю тяжесть на свои молодые плечи, ведут страну к новым достижениям, — путь им для этого указан четкий, выверенный...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАЛИНА

Жить советскому Вождю оставалось немногим больше трех месяцев.

События последней сталинской зимы полны невыявленных до сих пор загадок. Не поддается объяснению постоянное возвышение Г.М.Маленкова. Уже упоминалось, что он, вдруг вернувшись из Ташкента, занял место умерщвленного А.А.Жданова, т.е. второго человека в руководстве партии. После XIX съезда партии он получил право подписи за Сталина! Что же, определился сталинский преемник? Нет, этого пока не произошло. Доказательство — ожесточение подковерной борьбы, в которой под удар попадали весьма заслуженные головы.

В декабре 1952 года неожиданно был арестован генерал-лейтенат Н.С. Власик, многолетний начальник сталинской охраны. Его обвинили в том же, что в свое время и Г.К. Жукова — в мародерстве. Будучи в Германии (во время Потсдамской конференции), Власик не стал охотиться за драгоценностями, а ограничился домашней скотиной: его «трофеями» стали три коровы, бык и две лошади. Эту живность генерал подарил брату, сестре и племяннице — колхозникам из разоренной в годы войны Белоруссии.

Затем на Лубянке оказался А.Н. Поскребышев, начальник секретариата Сталина — тоже, кстати, многолетний.

Арестовали коменданта Ближней дачи Сталина Федосеева. Еще один работник сталинского секретариата, Л.А. Логинов, внезапно умер на рабочем месте. Вроде бы по вызову к нему примчалась из «Кремлевки» медицинская сестра, сделала укол и тут же скрылась. Логинов скончался через несколько минут. Стали звонить в Кремлевскую больницу, там были удивлены: никакого вызова не поступало, и никакой медсестры не посылали!

К концу года рядом со Сталиным остался единственный преданный человек — генерал Косынкин, комендант Кремля.

В последние дни он сам занимался лечением Сталина: выбрасывал лекарства, присылаемые из «Кремлевки», и покупал их в обыкновенных аптеках — каждый раз в другой.

Наконец, последовал заключительный удар в сложной многоходовой комбинации: 13 января 1953 года «Правда» сообщила об аресте большой группы врачей-отравителей.

Под знаком постоянного вопроса находится участие самого Сталина в затеянной провокации относительно зловещей роли медицины в свержении Советской власти. В 1938 году заговорщики обошлись всего тремя врачами: Казаковым, Плетневым и Левиным. И хватило с избытком. В самом деле, а зачем больше? С увеличением числа участников только возрастает риск провала. На этот раз, как первый улов, в руки чекистов попало сразу 25 врачей (все — из Лечсануправа Кремля). Что-то многовато. Если бы каждый из них исполнил свое назначение, сколько бы могил появилось у Кремлевской стены?

Обращало на себя внимание также и то, что среди арестованных убийц в белых халатах был высокий процент русских.

И все-таки недоумение остается. Зачем столько «заговорщиков» для устранения одного Сталина? Для этого с избытком хватило бы и одного врача-киллера. Но арестовали два с половиной десятка специалистов в белых халатах. Причем среди них имелись и такие, кого к Вождю не подпускали и близко!

Так много «заговорщиков» потребовалась для одного — для пущего эффекта.

И эффект немедленно сработал. На всю Планету раздался истошный вопль: «Евреи, содрогнитесь! Идет новая погибель!»

Умело было взорвано, что и говорить! Советский Союз — несокрушимое государство трудящихся, страна победившего социализма, предстал в образе гигантского Освенцима, где уже разжигались печи крематориев, а Великий Сталин — в облике кровожадного библейского Амана.

Возникает вопрос: могли сам Сталин поверить в существование медицинского заговора? Ответ не так прост.

Разве А.А.Жданов умер не от врачебной ошибки?

А ранняя смерть А.С.Щербакова?

Почему орал на Тимашук ее начальник Егоров?

А предсмертное признание профессора Этингера?

Не ушла из памяти и смерть дорогих людей в середине 30-х годов.

Не сбросишь со счетов и зловещий вездесущий «Джойнт»: старый знакомец!

И не захочешь, да поверишь! Во всем этом необходимо разобраться, не допуская торопливости. Организаторов черной

акции выдает, прежде всего, вселенский ор насчет свирепых замыслов «сталинского режима». Этот режим будто бы в очередной раз с плотоядной алчностью вновь устремил свои хищные глаза на несчастных евреев, которым выпала горькая доля жить в СССР.

«Советский Союз — это третий рейх!»; «Сталин — это Гитлер!»

Сионизм — большой мастер на массовые пропагандистские кампании. И он не боится никого и ничего на белом свете, ибо обладает всем: и крупными финансами, и ракетами, и бомбами, и мощными авианосцами, и многим другим. Но одной вещи сионизм страшится, как чумы: СИОНИЗМ БОИТСЯ ТОЛЬКО ПРАВДЫ!

Поэтому самым мощным оружием антисионистов (не путать с пресловутыми антисемитами!) остается хватание искусных гешефтмахеров вовремя за содеянное и выволакивание их на солнышко.

Света ПРАВДЫ сионисты не выносят!

О бесчеловечных повадках следователей Лубянки имеется много свидетельств. Вроде бы не избежали безжалостного «бойла» и арестованные медики. Один из них, Б. Коган, не вынес «активных методов допроса» и скончался в камере внутренней тюрьмы. Но вот в чем незадача: Б.Коган действительно умер, однако не в тюрьме, а в собственной квартире, и случилась эта досадная кончина задолго до начала массовых арестов. На безвременную смерть уважаемого специалиста отозвались прочувствованными некрологами несколько газет.

Накладка организаторов акции? Бесспорно. Выяснилось также, что никакие «активные методы» к медикам не применялись. Сидели они совсем недолго, их водили к следователям, но допросы напоминали скорей всего консультации специалистов. Следователи, в частности, спрашивали: «А что такое дыхание Чейн-Стокса?» И опытные медики догадывались, что с кем-то слишком важным случилась настоящая беда: дыхание Чейн-Стокса означало приближение неминуемой смерти. Нетрудно догадаться, что проводилось медленное умерщвление Сталина и палачи, несведущие в медицине, консультировались со специалистами, сидевшими на Лубянке.

Вскоре, когда в них отпала всякая надобность, страдальцев освободили и на казенных машинах развезли по домам.

Заботило ли Сталина решение пресловутого «еврейского вопроса»? Заботило и очень. Над решением этого вопроса ломали головы многие политики во многих странах мира. Однако решение этой поистине мировой проблемы советский Вождь искал не в поголовном истреблении этого небольшого древнего народа, а в постепенной его ассимиляции. В СССР дети Израиля, как чукчи, казахи, армяне и любые из «последних удэге» становились советскими людьми, т.е. равноправными членами огромной многонациональной семьи народов.

По этому пути вскоре пошли и Соединенные Штаты. Там представителей всех племен, народов и народцев стали называть одним общим именем — американцы.

Иосиф Виссарионович никогда не был националистом (да это и немыслимо для такой огромной страны). Как известно, родителей не выбирают, поэтому преступно попрекать человека его национальностью. В СССР никто и никогда не обращал внимания на форму носа и цвет глаз. Люди чувствовали себя братьями по труду, но не по крови, не по религии, не по происхождению. Советский Союз для всех был Отчизной: от Памира до Арктики, от Бреста до Камчатки, от Карпат до Дальнего Востока.

Евреями рождаются, но сионистами становятся. И этот выбор целиком зависит от самого человека. Вспомнилось, как в первые годы советской власти собрание раввинов западных губерний обратилось к кровожадному Троцкому с мольбой: «Уймись, ты же погубишь нас всех!»

Нет, не все евреи — сионисты, а сионисты — не одни только евреи.

Здоровый советский национальный климат, дружба народов СССР постоянно бесили врагов нашей страны, они были ненавистны и сионистам. Национальный разлад составляет основную часть программы уничтожения «самого упрямого народа на Планете» (по определению Аллена Даллеса).

Кто же так старательно раздувал всю эту дурно пахнувшую истерику об истреблении «богоизбранного народа»?

Рюмина уже несколько месяцев не было на Лубянке, — натянув бухгалтерские нарукавники, он незаметно тру-

дился на тихой должности. Руководил следствием сам министр госбезопасности Игнатьев. За его спиной отчетливо вырисовывалась спевшаяся троица: Берия, Маленков, Хрущев (последнего после смерти Жданова срочно перевели в Москву, с 1949 г. он был секретарем ЦК и первым секретарем Московского горкома партии).

Итак, «Дело врачей» громыхало на всю Планету. Раздавался пронзительный «плач на реках Вавилонских». Над головой несчастного народа, едва уцелевшего от поползновений Гитлера, вновь нависла смертельная угроза. Инициатором этого чудовищного кровопускания выставлялся один-единственный человек — Великий Вождь советского народа.

В тени же этой провокации завершалось следствие по так называемому «Мингрельскому делу». Вышинский пообещал начать судебное слушание не позднее 15 марта. Суд над мингрелами, но не над евреями!

И этого суда Большой Мингрел боялся, как огня. Ибо это был неотвратимый крах всей сложной многоходовой комбинации, связанной с его «всаживанием» в советскую систему власти. Поэтому он принял меры, чтобы любой ценой опередить события.

Арест в Лечсанупре Кремля проверенных специалистов дал доступ к лечению членов Политбюро (в первую очередь, конечно, Сталина) совсем других врачей.

Новым министром здравоохранения в Правительстве был назначен Третьяков, личный врач Берии.

Медицина как была, так и оставалась могучим кардинальным средством Большой Политики.

Февраль, последний месяц в жизни Сталина, изобиловал бурными проявлениями ярости «богоизбранного народа».

Через две недели после публикации в «Правде» в далеком Иерусалиме сионистские боевики поджигают магазин советской книги.

Проходит еще неделя и в советском посольстве в Тель-Авиве гремит взрыв бомбы. Зданию посольства нанесен значительный ущерб. Тяжелые ранения получают сотрудник М. Гришин, жена советского посла К.Ершова и жена сотрудника А.Сысоева.

Спустя два дня, 9 февраля, правительство СССР разрывает дипломатические отношения с Израилем.

17 февраля генерала Косынкина, коменданта Кремля, находят в постели бездыханным. Вскрытие показало, что он отравлен сильным и быстродействующим ядом.

27 февраля Сталин в последний раз покинул дачу — в Большом театре посмотрел "Лебединое озеро".

Великий Вождь советского народа Генералиссимус И.В.Сталин остается в полном одиночестве абсолютно беззащитным.

Жить ему оставалось несколько дней...

Последние дни февраля 1953 г. насыщены приближением неслыханной грозы.

Оставшись в полном одиночестве, Иосиф Виссарионович решается на отчаянный шаг: 1 марта он приглашает на встречу в Немчиновке группу своих боевых маршалов — А.М.Василевского, И.С.Конева, С.К.Тимошенко. Из гражданских лиц приглашение получил один А.Я.Вышинский. Однако уже в ночь на 28 февраля все телефоны Сталина были отключены.. Ночь Вождь вынужден был провести в Кремле, а не на даче. С утра собралось Бюро Президиума.

О том, как проходило это заседание, рассказывает в своей книге племянник Л.М.Кагановича.

На председательском месте сидел Маленков, тучная дебелая «Маланья», забравший незаметным образом всю власть над аппаратом. По обе его стороны — Берия и Микоян. Хозяин Лубянки в этот день выглядел особенно внушительно. От всей его туши веяло сознанием силы и могущества. Как всегда, обрекающим змеиным блеском сверкали стеклышки вечного пенсне. Наступил решающий момент всего задания.

Выступивших было немного, всего двое: Каганович и Микоян. Первый потребовал отмены мартовских процессов над сионистами, второй — обращаясь не к Сталину, а к угрюмо сидевшим подельникам — отставки Сталина со всех постов.

Дальнейшее развитие событий представить совсем нетрудно. Сталин сидел одиноко, нахохлившись. Взгляды заговорщиков словно остекленели и остановились. Ни один из них не смотрел на него, старого, беспомощного,

обреченного. Вблизи не оказалось ни одного из преданных людей. На охрану, внутреннюю и внешнюю, надежды никакой — уж Берия позаботился!

Негодяи рассчитали точно — он был в капкане.

В душе Сталина бушевала буря, запоздалая, неистовая и оттого особенно болезненная, разящая. Не забудем, сосуды его изношенного мозга уже дважды не выдерживали перегрузок. Не вынесли напора клокотавшей ярости они и в третий, последний раз. Он внезапно почернел, стал рвать ворот мундира и повалился на пол.

Дело было сделано — заговор удался и достиг своей цели.

Остальное было делом времени и умелой демагогии изменников.

О дне кончины советского вождя существует множество версий. Советские люди услышали роковую весть утром 6 марта 1953 г. голосом Левитана, рокочущим, мерным, как удары погребального колокола.

Однако ненавистники Советского Союза за рубежом к тому времени ликовали уже пятый день!

1 марта начала свои передачи радиостанция «Свобода», орган Центрального разведывательного управления США. Первой ее сенсацией было сообщение о смерти Сталина. В тот же день эту весть подхватили радиостанции «Голос Америки», «Голос Израиля», «Голос Швеции», Би-би-си.

В пользу версии о смерти И.В.Сталина в ночь на 2 марта говорит и ход совместного заседания Центрального Комитета, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР ночью 5 марта. На подиуме появились члены Президиума ЦК, однако не 25 человек, избранных последним съездом партии, а прежние члены прежнего Политбюро (в их числе и Микоян с Молотовым, не избранные на XIX съезде).

Открыл заседание секретарь ЦК и МК партии Хрущев. Затем предоставлено слово Маленкову.

— Необходимо сформировать правительство, — объявил он и предоставил слово Берии.

На пути к трибуне они едва разминулись в узком проходе: повернулись боком и все же шваркнули один другого живот о живот.

Берия, закидывая голову и поглядывая в зал из-под стеклышек пенсне, предложил утвердить председателем Совета Министров «товарища Маленкова». Маленков опять вышел на трибуну и предложил утвердить первыми заместителями главы правительства Берию, Молотова, Булганина, Кагановича. Хрущеву поручили сосредоточиться на работе в секретариате ЦК. О назначениях на посты министров речь пока не заходила. Голосовали молча и покорно, подавленные всем случившимся. Дело в том, что всех немосквичей доставляли спешно, и сразу же, поместив в укромную комнату, под большим секретом прибывшим давали ознакомиться с бюллетенями о состоянии здоровья Сталина. Что за «мадридские тайны»? Почему не объявить об этом всему народу?

Берия умело «брал быка за рога»: по его плану вся власть отныне переходила от партийных органов к Совету Министров (Совмин, таким образом, сразу возносился над ЦК!). А главой этого органа центральной власти утверждался Маленков.

И лишь после голосования дележа должностей, последовало скорбное сообщение о кончине вождя.

Если сопоставить события по часам и минутам, то выходило, что отстранение Сталина со всех занимаемых им постов, произошло, когда еще не перестало биться его сердце!

6 марта министр иностранных дел Великобритании А.Иден в письме президенту США Д. Эйзенхауэру так выразил свою реакцию на смерть советского вождя: «...Кончилась целая эпоха, столь опасная для нас. Новые лидеры в Москве изменят внутреннюю и внешнюю политику, и это скажется на Восточной Европе и Китае... Примеру Тито, установившему тесные связи с нами еще в 1948 году, могут последовать и другие восточноевропейские лидеры».

А. Идеи знал, что говорил. Он знал много, очень и очень много. Необходимо постоянно помнить обо всей затее с «английским каналом связи» и о том, что Шелленберг, один из звеньев этого канала, находился в качестве военнопленного в Англии и уже писал книгу своих воспоминаний.

Совсем другим было отношение к трагическим событиям в Москве императора далекой Эфиопии Хайле Селассие, который не скрывал своей душевной скорби: «Благодаря Сталину Россия стала многонациональной великой державой, олицетво-

рением надежд русского и других народов этой огромной страны, недавно победивших тотальную фашистскую агрессию и в короткий срок восстановивших родину... Желаю преемникам этого великого человека столь же достойно и принципиально отстаивать честь и независимость СССР, как это в течение 30 лет делал Генералиссимус Сталин. Желаю вам сохранить, упрочить и приумножить оставленное Иосифом Сталиным».

Император Эфиопии словно чуял, какие «деятели» лезут на сталинское место...

Все дни начала первого весеннего месяца Большой Мингрел спешил «ковать железо».

Берия сумел засечь, что у Сталина появилась заветная тетрадь в обложке черного цвета. Туда Вождь вносил какие-то потаенные записи. О чем? Берия настойчиво искал эту тетрадь и нашел. Ничего страшного там не оказалось. Иосиф Виссарионович делал заметки для работы над «Вопросами языкознания» и «Экономическими проблемами социализма в СССР».

Пока Берия лихорадочно "ковал горячее железо", люди из спецслужб провели описание имущества, оставшегося после смерти Сталина. Перерыли кремлевскую квартиру и Ближнюю дачу.

Никаких ценных личных вещей не обнаружено. На пианино и на двух коврах висели казенные бирки.

На стенах красовались репродукции из "Огонька", вставленные в деревянные рамочки.

В гардеробе висели на плечиках парадный мундир с золотым шитьем и два костюма (один — из парусины).

Аккуратной стопкой лежали несколько выглаженных трусов.

Пять пар носков были заботливо заштопаны.

Нижние рубахи сшиты из солдатской бязи и не имели пуговиц, а завязывались тесемками из той же бязи.

Нашлись еще старый тулуп из овчины, такая же шапка и пошитые валенки.

Не нажил себе богатства за все годы напряженного труда Генеральный секретарь и Генералиссимус.

Зато оставил после себя богатейшую страну, признанную всем миром!

На день похорон Сталина пришелся день рождения Молотова. В благодарность за содействие Берия сделал имениннику по-

дарок: вернул из ссылки в Казахстан его жену, П.С.Жемчужину. И много хохотал, узнав, что Полина Семеновна, сойдя с трапа самолета, вместо объятий и поцелуев залепила «дорогому Вече» оглушительную оплеуху.

Раздражал Берию сын Генералиссимуса Василий Сталин. Угарно пьяный, он не переставал кричать: «Убили отца! Убили, сволочи!» Узнав, что жена Мао Цзэдуна лечится в «Кремлевке», Василий сумел пробраться к ней в палату и передать письмо. Такое же письмо он переправил и Энверу Ходже в Албанию.

Ни тот, ни другой на похороны Сталина 9 марта 1953 года не приехали. Оба знали о насильственной смерти великого Вождя и своим отсутствием на похоронах выразили презрение политической шпане, рвущейся к власти в СССР.

Мао оставил такое свидетельство о случившемся: «Заговор против Сталина был фактом, это осознавали и делегаты съезда, и его зарубежные гости».

В траурной процессии на Красной площади не появился и руководитель Югославии Иосип Тито. Но этот — по другой причине: именно в эти дни его, как старого агента, вызвали в Лондон, и он отправился туда в сопровождении очередной молоденькой жены.

«ПЕРЕСТРОЙКА»... «ПЕРЕКЛИЧКА...»

«Перестройка» страны социализма, задуманная Берией, началась с его зычной команды своему помощнику: — Хрусталев, машину!

С Ближней дачи, оставив своих подельников в тревожных размышлениях, главный заговорщик помчался не в Кремль, а на Лубянку, в свой огромный кабинет на третьем этаже, в котором он не бывал последние семь лет.

Стремительную манеру Берии носиться по Москве знали все регулировщики столицы. Они загодя обеспечивали сверкающему черному лимузину «зеленую улицу».

На бешеной скорости правительственный «ЗИС» влетел в угодливо распахнутые ворота крепости на Лубянке.

На ходу разматывая шарф, Берия пересек приемную, швырнул пальто и шляпу на диван и плюхнулся в кресло за столом. Одной рукой — за телефон, другой — на кнопки вызова секретарей, помощников и референтов. Людей как подстегнули. Машина заработала.

Уже на следующий день, 6 марта, со своих постов слетели генералы Селивановский, Райхман, Эйтингон, Белкин, Шубняков. Их кабинеты заняли Круглов, Гоглидзе, Кобулов, Серов, Савченко.

Личного звонка Берии удостоился Л.Е.Влодзимирский, который в прежние годы возглавлял следственное управление НКВД. Последнее время он прозябал в министерстве Госконтроля. Берия пригласил его на прежний пост.

Появились на Лубянке лихие полковнички Хват и Свердлов, большие мастера добывать подписи подследственных под протоколами.

В Берлин улетело распоряжение о переводе генерала С.М.Штеменко в Москву, в Генштаб. Он был чрезвычайно нужен!

Богдану Кобулову поручалось курировать органы внешней разведки. Перебираясь на Лубянку, Кобулов привез свой рабочий стол: в нем был искусно сделан вырез для его огромного брюха.

На первом заседании правительства Берия предложил слить МВД и МГБ в одно ведомство. Руководить им он вызвался сам.

Булганина назначили министром обороны.

Маленков и Хрущев остались на партийной работе.

Старику Ворошилову предложили пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Той же ночью карающая рука Лубянки опустилась на Лечсанупр Кремля. Ведомство упразднили, а его главу И. Куперина взяли под стражу. Арестовали и министра здравоохранения А. Третьякова. Профессор Русаков, производивший вскрытие тела Сталина, утром был найден мертвым.

В Тбилиси срочно улетел Деканозов, один из заместителей Берии. Ему было поручено поосновательнее разобраться с «Мингрельским делом»: кого надо — освободить из-под стражи, кого надо — примерно наказать. (Двое сотрудников абхазской госбезопасности к его приезду успели застрелиться.)

Круглое, еще один заместитель Берии, получил распоряжение подготовить «Справку» о новой структуре МВД.

Одновременно потеряли свои должности 82 руководителя областных и краевых управлений МВД.

2 апреля разразился гнев Берии на виновников гибели Михоэлса. Под арест угодили С. Огольцов и Л. Цанава.

28 апреля был арестован генерал-лейтенант Василий Сталин.

В те же дни вышли на волю маршал артиллерии Н. Воронов, главком ВВС А. Новиков, нарком авиапромышленности А. Шахурин.

Новый хозяин Лубянки всячески подчеркивал, что наступили совсем иные, не сталинские времена (хотя имени недавно скончавшегося Вождя пока не упоминалось).

Совершенно незамеченной прошла загадочная смерть руководителя Чехословакии К. Готвальда. Этого несгибаемого коммуниста под каким-то предлогом вызвали в Москву. После первого же товарищеского ужина в Кремле он утром не проснулся.

Столь же загадочно и в те же дни расстался с жизнью в Грузии гостивший там Ив Фарж, французский коммунист, хорошо знавший о «подвигах» племянника Берии, эсэсовца-карателя.

В мае Берия внезапно мелькнул в Риге и, не встречаясь ни с одним из руководителей Латвии, куда-то исчез на целых три дня.

Где он обретался? С кем разговаривал? Полная тайна до сих пор! Однако сразу же после прибалтийского визита Большой Мингрел с головой ушел в национальные проблемы.

Его коньком стала борьба с русификаторством. Во все республики СССР полетела партийная директива «Об исправлении национальной политики». Зазвучали старые песни об «оккупантах и колонизаторах». Были реабилитированы десятки тысяч «лесных братьев».

Предписывалось всеми мерами развивать чувства национальной гордости. В каждой республике учреждались свои собственные ордена. Государственные структуры решительно очищались от русских. Всё делопроизводство было приказано вести на языках Табельных наций.

В республиках Прибалтики борьба с «русским засильем» достигала апогея, были уволены все участковые некоренной национальности!

Мощный удар внезапной перестройки был нанесен по Украинской ССР.

Министерство внутренних дел республики возглавил Мешик. В заместители ему Берия откомандировал некоего Мильштейна, своего знакомца по работе в Грузии. Брат Мильштейна был в свое время расстрелян за шпионаж, его родители и другой брат жили в США. Тем временем были освобождены все обвиняемые в сионистском заговоре. Но Абакумов продолжал сидеть. Ему уже четвертый раз меняли обвинение. Он был взят под стражу как лидер и вдохновитель еврейских буржуазных националистов, теперь же его допрашивали как ярого антисемита, сталинского пособника.

Вышел на волю Рапава, но Рухадзе томился в Лефортово.

Продолжал хлебать тюремную баланду и посол СССР в Великобритании И.М. Майский (Ляховецкий).

Из самых неотложных перестроечных мер Большой Мингрел наметил отмену 6-й статьи Конституции СССР (отказ Коммунистической партии от власти), роспуск колхозов, возобновление дружбы и сотрудничества с Тито.

Понимал ли Берия опасность затеваемых перемен?

Думается, понимал. Страна не была готова безоговорочно принять все его опаснейшие авантюры. Слишком уж на многое замахнулся самоуверенный «отец еврейского народа»!

Затеяв «перестройку», Берия постоянно находился в напряженном состоянии. Об этом говорит малоизвестный случай, связанный со Светланой, дочерью Сталина.

Вернувшись с похорон отца, Светлана Иосифовна всю долгую ночь провела в безрадостных раздумьях.

Рано утром раздался звонок у входной двери. На площадке стоял совершенно незнакомый человек, грузин. Он держал в руке увесистый портфель.

- Слушай, как найти мне Жукова? — огорошил он вопросом. Светлана растерялась.

- Он живет не здесь, не в этом доме. На улице Грановского.

- Я писал Сталину, - сказал мужчина. - Берия - подлец. Здесь, - он тряхнул портфелем, - о нем все. Все! Я хочу передать это Жукову.

- Ваша фамилия Надирашвили? — спросила Светлана.

- Откуда знаешь? — изумился он.

Светлана промолчала. Странный гость быстро ушел и больше никогда не появлялся.

Вскоре зазвонил телефон. Светлана удивилась, узнав голос Берии. «Дядя Лара», старинный друг семьи, не звонил давно. Он справился о самочувствии, затем сообщил, что советское правительство назначило ей пенсию за отца.

- Звони, если что надо, не стесняйся, - сказал он. - Мы же свои люди, не чужие.

Прощаясь, он внезапно спохватился:

- Да, а этот... как его? Ну, Надирашвили... Он где остановился? У кого?

«Уже проследили!»

Она чистосердечно ответила, что не знает, что видела этого человека впервые и ни о чем его не расспрашивала.

Появление незнакомого грузина, портфель с какими-то документами, вкрадчивый звонок Берии — все это встревожило Светлану. Она отправилась к Ворошиловым.

Дома была одна Екатерина Давыдовна. Выслушав Светлану, она позвонила мужу на работу. Климент Ефремович заказал Светлане пропуск.

- Садись, рассказывай, — сердечно предложил он. — Что там у тебя? Через две минуты от его сердечности не осталось и следа.

- Да ты с ума сошла! - испуганно воскликнул он. - Ты хоть понимаешь, во что ты влипла?

Он принялся названивать М.Ф.Шкирятову, в Комиссию партийного контроля. Тот велел ей немедленно явиться.

— Садись, — приказал он, — и пиши. Откуда ты знаешь этого Надирашвили, кто он такой?.. Все пиши! Сумасшедшая девчонка, да ты знаешь, что он — злостный клеветник?

Оправданий Светланы он не захотел и слушать. Разговаривал грубо, не церемонясь. Теперь перед ним сидела не дочь Вождя, а обыкновенный рядовой член партии. Тут же, не отходя, как говорится, от кассы, Светлана Иосифовна Аллилуева схлопотала строгий партийный выговор «за содействие злостному клеветнику Надирашвили».

До сих пор никто не знает, какова судьба этого отчаянного грузина и его портфеля с документами.

1953 год. Майская трибуна Мавзолея наглядно показала порядок в расстановке деятелей новой власти. Берия выделялся и корпуленцией, и манерой поведения. Пальто и шарфа не было, но шляпа все так же надвинута на самые брови, из-под широких злодейских полей сверкают, словно вражеские перископы, стеклышки пенсне. Он горделиво взирает сверху на бесконечные колонны демонстрантов, словно прикидывая, как управиться с этакой массой совершенно чуждого ему народа.

Рядом с ним со своей обыкновенно сонной физиономией находится Маленков, многолетняя руководящая «Маланья». Коротышка Микоян на первый план, как и всегда, не вылезает, предпочитая пусть и вторые, но зато постоянные роли. А вот лоснящаяся хуторская физиономия Хрущева, этакого партийного Ивана Никифоровича с головой, как определил Гоголь, «редька хвостом вверх», постоянно лезет во все объективы. Ему теневое прозябание обрыдло, и он всячески тянется поближе к главной власти.

С самого начала своей ошеломительной карьеры Хрущев натянул на лоснящуюся селянскую ряшку маску деревенского простачка. И обманул всех, даже Сталина и Берию. Большой Мингрел не обратил внимания, что на Лубянке прочно угнездились Савченко, Епишев, Рясной, которые прежде работали на Украине и считались людьми Хрущева.

От этих-то людей и поступили первые сигналы тревоги.

Из Киева приехал надежный человек и сунулся к одному из своих. Весть была устрашающей: органы внутренних дел Укра-

ины переводились на режим боевой тревоги. Струсив, Хрущев стал с осторожностью советоваться. Что же он задумывает, гад? Хочет устроить Варфоломеевскую ночь?

В этот момент от Берии отшатнулись сразу двое: Круглов и Серов. Оба понимали, что «хозяин» расправится с ними в первую очередь. Зачем ему лишние свидетели? Кроме того, над Серовым висела ответственность за беспорядки в день сталинских похорон: тогда на улицах Москвы в невероятной давке погибло 129 человек. Повод для расправы вполне достаточный.

Серов и Хрущев были знакомы с фронтовых лет. Сделав выбор, Серов сильно помог новым заговорщикам. От него они своевременно узнавали обо всех подозрительных передислокациях внутренних войск.

В любом государстве реальную вооруженную силу составляют армия и внутренние войска. Хозяином внутренних войск являлся Берия.

На посту министра обороны тогда находился Булганин, типичный партийный карьерист, готовый на любую должность, лишь бы руководящую.

Булганин попивал, обожал актрис Большого театра и, зная, что о его слабостях известно товарищам по партии, «держался за компанию», т.е. всегда готовый колебнуться вместе с генеральной линией партии. Такие охотно примыкают к большинству.

Непререкаемым авторитетом в Советской Армии все-таки пользовался маршал Жуков. В полном здравии находились и остальные прославленные военачальники. Булганину хватило ума не важничать перед ними, не заноситься — он сознавал разницу в заслугах. Тем более для Берии он никакой ценности также не представлял.

Маршал Жуков ненавидел хозяина Лубянки. Он сразу указал на две фигуры, на которых Берия надеется: Штеменко и Артемьев. Первый вошел к нему в доверие еще с войны, с давней совместной командировки в Закавказье, когда немцы стали приближаться к Военно-Грузинской дороге. Артемьев же командовал дивизией имени Берии, т.е. самой ударной, самой надежной частью внутренних войск. Особую опасность представлял полк, расквартированный в Лефортовских казармах. Полностью бериевской была и охрана Кремля, внутренняя и внешняя.

На удивление легко согласились «поддержать компанию» Маленков и Хрущев. Они видели, что Берия ломится к единоличной власти, и всерьез опасались за свою дальнейшую судьбу.

Хитрый Микоян сначала заюлил:

— Позвольте, товарищи, я знаю Лаврентия Павловича с 1919 года. Он рос на моих глазах... Может быть, с ним стоит поговорить? Н-ну, указать на ошибки... и все такое...

Долгого разговора с ним заводить не стали, а сразу объявили, что все товарищи уже твердо определили свою позицию. Тогда Микоян моментально сориентировался и заявил, что уже давным-давно раскусил этого мерзавца.

Таким образом, Берия оказался в полнейшем одиночестве.

Однако в его подчинении оставались внутренние войска и гигантский аппарат объединенного МВД.

Главные трудности заключались в аресте самого Берии и в бескровном захвате его цитадели — Лубянки.

Министерство обороны, манипулируя планами летних маневров, стало подтягивать с Урала к Москве две танковые дивизии.

Сын генерала Веденина, коменданта Кремля, командовал полком в одной из «парадных» дивизий, дислоцированных под Москвой. Он пообещал самую активную поддержку.

Против Берии были настроены и «кремлевские курсанты» — училище имени Верховного Совета РСФСР.

Догадывался ли Берия о тайных приготовлениях своих недавних союзников? Неужели не сработали его вездесущие «глаза и уши» — многочисленные сексоты-стукачи, внедренные во все структуры тогдашнего советского общества?

По всей видимости, сработали.

23 июня стало известно, что в подвалах Лубянки без суда и следствия расстрелян М. Рюмин, бывший начальник следственной части МГБ.

Микоян позвонил Хрущеву и предложил встретиться. Оба знали о «телефонах с ушами» и договорились вместе погулять. Доверия не было ни стенам, ни потолкам. Оба деятеля отправились в лес и там, среди сосен, без свидетелей, принялись обсуждать расправу с Рюминым. Что за торопливость? Слишком походило на расстрел старухи Каплан, якобы стрелявшей в Ленина.

В те тревожные дни, в третьей декаде июня, состоялась не одна прогулка по лесу.

Мнение складывалось единое: действовать без промедления. Иначе...

Основную задачу выполняла «группа захвата» во главе с командующим войсками Московского военного округа Москаленко. Он сам подобрал себе надежных помощников: Батицкий, Юферов, Зуб и Баксов.

О том, как проходил захват хозяина Лубянки, существует (и даже опубликованы) несколько версий.

Вот одна из них. Автору этих строк ее рассказал администратор Большого театра Александр Рейжевский.

26 июня Большой театр закрывал свои представления на летние каникулы. Последним спектаклем исполнялась опера «Декабристы». По давней традиции на закрытии сезона присутствовало все правительство.

Левая сторона бельэтажа в Большом театре именовалась правительственной. Там имелся отдельный подъезд, свои комнаты отдыха, свой буфет. Командовал этим блоком проверенный «искусствовед» в чине полковника. Обязанности его простирались гораздо дальше буфета и антрактных междусобойчиков руководящих лиц. В частности, прекратить антракт и начать следующий акт можно было только с разрешения этого «искусствоведа»-полковника. Без его команды занавес в театре не раздвинется.

Москвичи и гости столицы, заполнившие вечером 26 июня пышный зал лучшего театра страны, дружно приветствовали членов правительства в ложах. Многие обратили внимание, что из всей «головки» нет лишь одного — Берии. Все остальные имелись налицо.

Объяснение этому странному отсутствию, как рассказывал Рейжевский, было следующее.

Присутствие на закрытии сезона в Большом театре считалось обязательным для членов правительства. Это стало законом «советской жизни» в партийных верхах. Однако буквально накануне, т.е. 25 июня, кому-то из членов антибериевской команды попал в руки оттиск (гранка) газетной полосы — предположительно «Правды» — с аршинным заголовком о разоблачении заговора против

советской власти. В числе заговорщиков назывались фамилии всех, кто возглавлял правительство и Центральный Комитет. Внизу страницы значилась подпись «Председатель Временного военно-революционного правительства Л. Берия».

Газетный оттиск был набран в типографии МВД. Там же стояли наготове печатные машины, чтобы выпустить экстренный номер «Правды».

С утра 26 июня Берия лично обзвонил всех товарищей и пригласил их после спектакля к себе в особняк на Вспольном — отметить какое-то семейное торжество в своем кругу. Попутно он извинился, что не сможет присутствовать в театре — надо получше приготовить праздничный стол.

— Жду вас сразу после спектакля. До встречи!

У приглашенных невольно пробежали мурашки по спине. Каждый понимал, что в особняке на Вспольном их всех ждет ловушка, капкан.

По рассказу Рейжевского, во втором акте оперы имеется балетная сцена. За время антракта артисты балета обыкновенно делают разминку, разогреваются. В конце антракта Рейжевский направился к «искусствоведу»-полковнику получить разрешение на продолжение спектакля.

— Подождите, — сурово молвил тот. — Вам скажут.

Минут через десять Рейжевский снова отправился к полковнику и снова получил отказ.

Балетные артисты принялись роптать: они уже остыли и разогревались снова.

Короче, первый антракт затянулся более чем на час.

Во втором антракте повторилась та же самая волынка: полковник никак не давал разрешения на продолжение спектакля.

В тот день произошло уникальное в истории театра событие: спектакль закончился заполночь.

Утомленные зрители поспешно разъезжались по домам. Метро уже не работало.

Члены правительства позвонили на Вспольный с извинениями: спектакль затянулся и все устали настолько, что едва держатся на ногах. А с утра важное заседание, надо хорошенько отдохнуть. Так что празднуйте без нас, дорогой Лаврентий Павлович!

Таким образом, приготовленной ловушки удалось благополучно избежать.

Что же теперь предпримет Берия? Штурм Кремля? Глупо. Не приедет на заседание? Тоже не слишком умно. Как толково объяснить причину неявки? Нет, этот волчара не дрогнет и приедет. Уж слишком он уверен в своей жестокой игре!

«Группа захвата» тщательно готовилась к выполнению своего задания. В этот день от них зависело многое — почти все. В громадном лимузине Булганина в Кремль, минуя внешнюю охрану, беспрепятственно проехали Москаленко, Батицкий, Юферов и Зуб. Последний из группы, Баксов, проехал в машине Жукова. Обоих, Булганина и Жукова, охрана знала в лицо и пропускала их автомашины без досмотра.

Сам момент ареста Берии уже описан многими и много раз. По сигналу Маленкова (он вел заседание) «группа захвата» появилась в комнате одновременно из трех дверей. У каждого в руке заряженный пистолет. Кое-кто испуганно вскочил на ноги.

— Спокойно, товарищи, — властно произнес Жуков и направился к помертвевшему Берии. — Встать!

Понимая, что все задуманное рухнуло, Берия делал отчаянные попытки прорваться к телефону. Его глаза искали кого-нибудь из знакомых охранников: подать знак тревоги. Внезапно он попросился в туалет. Жуков выругался. Не откажешь ведь! С брюк Берии срезали все пуговицы, сняли подтяжки. Хозяин Лубянки вынужден был придерживать штаны обеими руками...

Последняя трудность заключалась в том, как вывезти арестованного из Кремля. Его положили на пол лимузина и поехали не через Боровицкие, а через Спасские ворота. Охрана, небрежно глянув, кто сидит рядом с шофером, взяла под козырек.

В первый день Берию доставили в Лефортово, на гарнизонную гауптвахту. Через неделю его перевезли в специальный бункер в штабе Московского военного округа. Камера Берии помещалась на втором подземном этаже. Поверх бункера цвел яблоневый сад. По углам большого двора поставили четыре танка с постоянно дежурившими экипажами.

За 113 дней своей лихорадочной деятельности Большой Мингрел до ПЕРЕКЛИЧКИ, слава Богу, не довел (для этого по-

требовалась более подготовленная фигура с кровавой отметиной на лысине), но ПЕРЕСТРЕЛКУ устроил и очень интенсивную, с большими потоками крови.

Произошло это кровопролитие в самом центре Европы, в Берлине, ставшем столичным центром Германской Демократической Республики.

ГДР, молодое государство немецких трудящихся, возникшее на обломках гитлеровского рейха, стало первой мишенью кремлевских негодяев. 28 мая 1953 года на заседании Президиума ЦК КПСС Берия объявил: «Нам нужна мирная Германия, а уж будет ли в ней построен социализм — дело второстепенное». Члены Президиума пошли дальше и проголосовали за резолюцию, в которой предлагалось «отказаться от строительства социализма в ГДР» и в скором будущем рассмотреть вопрос о воссоединении разделенной надвое Германии.

К тому времени участились перебежки немецких граждан из Восточного Берлина в Западный, — самый надежный метод дестабилизации обстановки.

Вальтер Ульбрихт, узнав о решениях в Кремле, примчался в Москву. Его приняли Л.П.Берия, Г.М.Маленков, Н.С.Хрущев, В.М.Молотов. Разговаривали грубо, хамски. Он умолял повременить хотя бы две недели. «Мы же должны объяснить народу!» Ему дали понять, что у Кремля имеется в запасе более покладистый руководитель ГДР.

17 июня в Берлине народ вышел на улицы. Маршал А.А.Гречко, командующий Западной группой войск, двинул танки и бронетранспортеры. Загремели выстрелы, пролилась кровь.

Мировая печать подняла истошный визг: «Вот что такое социализм!»

Немцам пришлось в очередной раз платить кровью за происки политических гешефтмахеров своими уже изрядно мятыми боками.

А в эти летние послесталинские месяцы на ледяную Колыму спешно завозились тысячи километров колючей проволки. "Планета Колыма" готовилась покрыться новыми лишаями обширнейших лагпунктов с миллионами рабов для лесоповала и забоев...

Но ...многолетняя авантюра Берии провалилась. Заговор не удался. Не удался потому, что настоящим заговорщиком, имев-

шим четкую цель, был один Берия. Остальные более всего были озабочены тем, чтобы до гробовой доски удержаться на своих руководящих постах. Берия умело пользовался этой группой, однако в свои планы их не посвящал. Вполне могло быть, что он и убрал бы их в подходящую минуту. Никакой ценности для него они не представляли.

Судебный процесс над "бандой Берии" (так писали в то время газеты) начался 18 декабря 1953 года и занял 6 дней. Председательствовал на суде маршал И.С.Конев. Вместе с хозяином Лубянки на скамье подсудимых сидели еще шесть его ближайших подручных.

Суд, естественно, проходил за закрытыми дверьми. Приговор был суровый, но справедливый. Страна прочитала: "Действуя в интересах иностранного капитала... ликвидация советской власти и реставрация капитализма... восстановление власти буржуазии". В те дни эти формулировки казались шаблонными в угоду официальной идеологии, — своего рода словесной ширмы для нежелания посвящать массы народа в детали преступной деятельности разоблаченных негодяев. И лишь теперь, когда великой страны — СССР не стало, когда предатели, пробравшиеся к руководству, на самом деле реставрировали в нашей стране капитализм и восстановили власть буржуазии, формулировки тогдашнего приговора обрели чудовищную значимость. Наша катастрофа раскрыла нам глаза.

Эти мерзавцы, ввергнув нас в немыслимые беды, сейчас удовлетворенно ухмыляются: разве они не доказали, что строительство социализма несбыточная утопия, что бедным положено быть бедными, а богатым богатыми и что единственным принципом человеческого существования является мораль волчьей стаи?

По сути дела все годы Советской власти наш народ вел постоянную борьбу в злобном капиталистическом окружении, устраивая свою жизнь в осажденной крепости. У этой крепости были несокрушимые стены, о них разбивались несметные полчища врагов. Однако нашлись перевертыши и предатели, которые открыли для осажденных крепкие ворота. Наша крепость пала, пораженная изнутри.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Перелом веков — конец одного и начало другого — обычно складываются для России самым неблагополучным образом. Эти годы непременно смутны, бурливы, тяжелы для населения.

300 лет назад Россия пережила великую Смуту, нахальные поляки взяли Москву и засели в Кремле, для спасения Отчизны русским пришлось созывать народное ополчение Минина и Пожарского

Начало следующего века совпало с жестокими реформами Петра Великого, последовало новое нашествие врагов — на этот раз шведов. Гангут, Полтава... Россия явилась миру словно мощный стопушечный корабль с парусами, надутыми ветрами Балтийского и Черного морей.

Очередной век начался со зверского убийства Павла I, царя-реформатора, вознамерившегося круто поменять внешнюю политику России. Враги не дали, не позволили. И Росссия испытала грозное нашествие Наполеона. Понадобилась Отечественная война, чтобы спастись от очередной национальной беды. В конце концов после пожара Москвы русские взяли Париж.

Закат XIX века и заря следующего столетия поражали своей кровавостью даже по сравнению с тем, что испыталось прежде. Сначала бомбы террористов разорвали Александра II, затем преступное лечение оборвало жизнь Александра III, наконец последний русский венценосец, Николай II, был зверски растерзан не только сам, но и со всей семьей — царственной супругой, дочерьми-царевнами и отроком-наследником. Любопытно, что о своей мученической кончине российские самодержцы были предупреждены заранее. Сделал это человек святого монашеского жития по имени Авель.

Сама природа русского бытия изобилует людьми, живущими в полном забвении о самих себе. Все их помыслы устремлены к общему благу, к прозреванию будущего не своего, но всего народа. Эти люди исступленной веры и безупречного жития настолько чисты и беспорочны, что восхищенные сограждане считают их блаженными, т.е. сподобившимися некой Божьей благодати. В природе это-

го необъяснимого явления кроется что-то колдовское, от древней языческой природы русского народа.

В миру монах Авель носил простонародное крестьянское имя Василия Васильева. Он родился в селе Акулово Тульской губернии (подробное описание его чудесной жизни принадлежит перу замечательного ученого С.А. Нилуса, предавшего широкой гласности зловредные «Протоколы сионских мудрецов»). Авель, наделенный Божественным озарением, пытался активно вмешиваться в руководящие распоряжения имущих власть, за что постоянно бывал гоним и угнетаем. Слух о непостижимых свойствах монаха Александро-Невской лавры малопомалу вышел за пределы Санкт-Петербурга. Павел I обратил на него свое внимание, когда узнал, что этот юрод предсказал год и день смерти Екатерины II, его великой родительницы. Привезенный в Гатчину, блаженный Авель был введен в царские чертоги. Император пожелал узнать проспект своего начавшегося царствования. Ответ монаха был таков:

— Государь, коротко будет царствие твое. Умучен будешь от неверных слуг, удушен злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей!

Страшные слова, ужасное пророчество...

Справившись с волнением, император спросил блаженного о судьбе России и династии.

Безрадостными были откровения монаха. Царствование Николая, сына Павла, "зачнется бунтом вольтерьянцев", внуку, Александру II, «бунтари не простят его великих деяний и убьют среди ясного дня в столице верноподданной отщепенскими руками», правнуку, Александру III, «миротворцу истинному», также суждена нерадостная участь. Но самая жестокая судьба ожидает Николая II. «Предан будет правнук твой, - вещал бесстрашно Авель, — многие потомки твои убелят одежду кровию Агнца".

— Ну, а страна моя, народ мой? Говори мне прямо, черноризец!

— Три иноземных ига суждено перенести России. Два из них — татарское и польское — она уже изжила. Осталось третье, самое лютое, самое невыносимое — жидовское!

Император не дослушал и захохотал:

— Что ты мелешь? Святая Русь под жидовским игом! Безумец, не быть сему вовеки!

Блаженный дерзко возразил:

- Государь, где теперь татары? А где поляки? И с жидами то же будет!

И все же разгневанный император велел заточить монаха в узилище Шлиссельбургской крепости. Слишком нелепой показалась ему перспектива порабощения великой православной державы со стороны жалких жестянщиков и картузников, обитающих в перенаселенной "черте оседлости".

Жестоко поплатился царь за свое высокомерное неверие. Вскоре он лишился жизни от рук подлых заговорщиков, пополнив печальный мартиролог убиенных русских венценосцев.

Вдова убитого царя, Мария Федоровна, оставила своим наследникам запечатанный ларец, наказав вскрыть его в столетнюю годовщину умерщвления своего супруга. По мере того, как истекали неторопливые десятилетия и приближался назначенный срок, о содержимом ларца складывались разнообразные легенды. Общее мнение сходилось в том, что вдовствующая императрица скорей всего оставила редкостную коллекцию бриллиантов. А что еще могло там поместиться?

11 марта 1901 года в Гатчинском дворце состоялась торжественная церемония. Отлетела крышка, скрывавшая целый век содержимое загадочного ларца, и лица присутствующих разочарованно вытянулись. Их глазам предстал всего лишь пожелтевший лист бумаги. Это было завещание все того же Авеля, предупредившего Павла I о злодейском умысле заговорщиков. И снова слова блаженного, дошедшие из глубины минувшего века, поразили всех, словно набат тревоги. Святой Авель предупреждал:

"...кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмет власть, и наступит воистину казнь египетская... А потом будет жид скорпионом бичевать землю русскую, грабить Святыни ее, закрывать церкви Божий, казнить лучших людей русских. Новый Батый на Западе поднимет руку...".

На этот раз высокомерного смеха не раздалось. Сердца Романовых стиснула тревога. Пророчества Авеля уже давно начали сбываться.

В тот сырой балтийский вечер собравшиеся в Гатчинском дворце невольно оглянулись на события недавно закатившегося века. То, что казалось столь смешным и нелепым убитому

Павлу 1, сейчас, после истечения ста лет, подступало грозно, обрекающе. Уже состоялся первый Всемирный еврейский конгресс в Швейцарии, уже появились зловещие "Протоколы сионских мудрецов", уже свирепствовал террор народовольцев, и оставалось всего три года до большого антирусского восстания, названного "первой русской революцией". Черные тучи собирались над семейством последнего русского царя, уже открыто называемого Иовом многострадальным (Николай II родился в день этого святого, 6 мая).

«Новый Батый на Западе...».

Дикие орды захватчиков и поработителей, являвшиеся уже не из глубин Азиатского материка, а с просвещеннейших проспектов великих городов Европы.

Первой испытала потрясение надменная Великобритания, владычица морей и континентов, империя столь обширная, что над ее колониями никогда не закатывается солнце. Голова Карла 1, занимавшего тогда британский трон, скатилась на эшафоте под топором палача.. .Затем настала очередь блистательной Франции. Под восторженные вопли парижской черни голова Людовика XVI упала в корзину, отрубленная ужасным механизмом для убийства — гильотиной... Теперь кровавые тучи заклубились над Россией. Беда приближалась с неотвратимостью грозы, так что мрачные пророчества св. Авеля звучали губительным предостережением. Всех, кто собрался в тот сырой балтийский день вокруг распечатанного ларца с тайной, словно бы пронзило ожидание своей личной беды.

В угнетенном состоянии Романовы пропустили мимо своего внимания заключительные строки завещания святого, а были эти вещие слова возвышенны и утешительны:

"Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения русского. И восстанет князь великий, стоящий за сынов народа своего. Сей будет избранник Божий, и на главе его благословение. Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит свое призвание. Имя его трикратно суждено в истории российской. Велика потом будет Россия, сбросив иго жидовское. Дымом фимиама и молитв наполнится и процветет аки крин небесный. Великая судьба предназначена ей. Оттого и пострадает она, чтобы очиститься и возжечь свет во откровение языков".

Как всегда в преддверии больших глобальных катаклизмов, ум человечества будоражили пророчества самого непостижимого характера.

В 1905 году далеко от России, в Каире, известный оккультист Алистер Кроули объявил во всеуслышание, что ему явилось потрясающее откровение некоего демона по имени Айваз. Демон будто бы избрал Кроули, чтобы поведать ему тайну тайн: начавшийся век завершит второе тысячелетие человеческой истории глобальным торжеством сил разрушения, хаоса. Свое выражение этот хаос найдет в уже испробованных средствах — в кровавых революциях.

Алистер Кроули завоевал известность не одним оккультизмом. Он считал себя апокалипсическим «зверем 666» и убеждал своих собеседников в том, что в наступившем веке человечество обретет совершенно новые законы, что на всей планете установится новый мировой порядок... Примечательно, что именно Кроули научил молодого Уинстона Черчилля его знаменитому впоследствии жесту: поднимать вверх два растопыренных пальца. Восторженные почитатели английского премьера искренне верили, что это знак Победы («Виктория»). На самом же деле у людей посвященных два растопыренных пальца обозначали козлиную морду «Господина Шабаша».

Однако людям свойственно верить в то, во что так хочется поверить!

Тем временем «зверь 666» с великой изобретательностью проповедовал и насаждал свою неотвратимую "магию хаоса"". Англия, первой испытавшая кровавый смерч революции, обзавелась тайной организацией под названием «Шотландский обряд». Во Франции, после кровопусканий робеспьеровского Конвента, обосновалась «Великая ложа Востока». Признавая старшинство этих двух тайных сект, по остальной Европе расползлись укромные отделения «Великой национальной ложи». Их адепты, словно спирохеты в кровь, проникли в парламенты и в банки, на биржи и на рынки. Так что европейский материк с началом века управлялся вовсе не правительствами.

Второе тысячелетие Истории впору назвать российским, русским. Начав с выбора православия, как своей национальной идеологии, объединение славян прошло через кровопролитнейшие катаклизмы и превратилось в обширную могучую

державу. По «магии хаоса» последний век второго тысячелетия определялся для России, как весьма критический, последний. В третьем, наступающем, тысячелетии от великой империи на Востоке материка не должно остаться и названия.

Полное совпадение с тем, о чем пророчествовал в свое время святой Авель!

Почему мишенью сионизма стала именно Россия?

Во-первых, подошла ее очередь на Большую Перестройку. В Англии и Франции эти катаклизмы уже свершились и увенчались сокрушительным успехом. Во-вторых, Россия оставалась регионом, где сосредоточены более половины имеющихся на Планете ископаемых богатств. В-третьих, русский народ, преданный своей православной вере, показал себя в веках несокрушимым конгломератом, способным на самопожертвование ради своей свободы и независимости. Эту несокрушимость и следовало наконец-то сокрушить! Иначе никакому новому порядку на Планете не бывать, и само существование этого упрямого и жизнестойкого народа будет представлять смертельную угрозу хищным и бесцеремонным перестройщикам.

Библия, или Священное писание, текст которого канонизирован, в наши дни имеется почти в каждом доме. Первые пять небольших разделов этой Книги Книг — «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие» — составляют священную для иудеев Тору. Изучение евреями Торы поставлено так, что каждую субботу в синагогах читается вслух определенная глава (и толкуется раввином). Это коллективное учение рассчитано на круглый год. Окончание чтения отмечается как большой религиозный праздник — Симха-Тора.

Таким образом, с ранних лет, едва ли не с молоком матери, иудей впитывает свое отношение к окружающему миру и проникается сознанием собственного назначения под Солнцем.

«Ты будешь властвовать над всеми народами, но они не будут управлять тобой. Господь Бог поставил тебя выше всех народов Земли».

«Сделает тебя Господь главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу».

«Вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас».

«Всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше».

«И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, даст тебе. Да не пощадит их глаз твой!»

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их служить тебе..., чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся».

«Цари и царицы будут кланяться до земли, и будут облизывать прах ног твоих... И люди твои наследуют землю, яко состояние твое».

С этого, повторимся, начинается учеба любого еврея, научившегося ходить. Понятия национального превосходства и религиозной исключительности вдалбливаются в девственные мозги детишек и зарубаются, как говорится, на носу, диктуя им все их поведение в последующей жизни.

Сознание своей богоизбранности среди всех живущих на Земле составляет самую сердцевину еврейского менталитета.

Выживая в жесточайших катаклизмах, евреи не только приспосабливались к обстоятельствам, но и не забывали о своих заветах с всемогущим Ягве. Создание священной Торы было ответом на египетское рабство и вавилонский плен. Возникновение христианства вызвало появление Талмуда. Затем увидело свет сочинение раввина Коро под названием «Шулхан Арух». Три этих книги составили своего рода Устав, диктующий еврею единственный взгляд на все, что он видит вокруг себя, и определяющий его поведение на все случаи жизни.

«Иегова (Ягве) любит лишь евреев и ненавидит другие народы».

«Евреи приятнее Богу, нежели ангелы».

«Бог сотворил мир для того, чтобы могло осуществляться обрезание».

«Как человек высоко стоит в мире над животными, так евреи высоко стоят над всеми народами на свете».

Всякий нееврей называется «гой», «акум» (нечистый).

«Лучшего из гоев — убей», — учит Талмуд.

«Гой — труп. Сними с него одежду и отойди».

Проявление милосердия к любому гою — тягчайшее нарушение Талмуда.

Еврейское вероучение решительно отрицает все религии мира. Особенной же ненавистью оно проникнуто к христианству. О Спасителе, принявшем мучительную смерть на кресте, в Талмуде говорится, как о «сдохшей собаке, зарытой в куче нечистот». Эта ненависть к Христу определила на многие века отношение евреев к России и русскому народу, как несокрушимому оплоту православия.

Распяв Христа, евреи отреклись от заветов Моисея. Тора, Талмуд и «Шулхан Арух» заставили их жить по законам ненависти и лести. Легендарный царь Соломон, построивший первый храм в Иерусалиме, сформулировал пять основных правил поведения еврея в обществе иноверцев: «Разделяй и властвуй», «Чем хуже, тем лучше», «Загребай жар чужими руками», «Кто не с нами, тот против нас» и, наконец, самое лукавое: «Единство в многообразии».

Волчьи правила расового превосходства сделали евреев народом, ненавидимым повсюду. Везде, где бы они ни появлялись, немедленно начинались распри, свары, мятежи. Это — единственный народ под солнцем, исповедующий разрушение.

Знаменитый еврейский писатель М. Самуэль, забыв природную осторожность, вдруг воскликнул: «Мы, евреи, разрушители и навсегда останемся разрушителями!»

Итак, «обмани», «завоюй», «расчлени», «подчини», «разори», «убей», «истреби»!

Разве дикий зверь обладает правом на лес, где он обитает? Человек вправе убить зверя и завладеть этим лесом!

У презренного гоя нет никакого права обладать каким-либо имуществом. Любой еврей может убить его и завладеть тем, что ему принадлежало.

«Бог дал евреям власть над жизнью и имуществом других народов!»

Низшие существа, гои, терпимы до тех пор, пока смиренно обслуживают Богом избранный народ. Скотская их природа предназначила гоев исключительно для рабства.

Древняя мечта еврея — приход Мессии, царя царей, который раздавит всех гоев колесами своей мощной колесницы. Тогда любой, даже самый ничтожный из евреев, получит 2800 рабов.

Все великие победы обыкновенно добываются в битвах миллионных армий. Евреи избрали совершенно иной способ. Булат им заменило золото. Талмуд запретил еврею любую деятельность, кроме наживания денег. «Давать в долг всем и не занимать ни у кого!» Сосредоточив запасы золота в своих руках, евреи сделались всепланетарным ростовщиком.

В прежние времена ссужение денег в рост считалось занятием презренным. Ростовщик принужден был действовать украдкой, соблюдая унизительные правила предосторожности. В наши дни даватели в долг под проценты действуют открыто, даже нагло, горделиво воздвигая небоскребы своих банков в самом центре самых крупных городов Планеты. Банки сделались настоящей кровеносной системой, подчинившей все государства. Без кредита, как без притока крови, стала немыслимой никакая деятельность правительств, президентов, императоров.

Так еврей исполнил древний завет Ягве и заставил человечество жить по своим законам.

Дотошные исследователи установили. что вездесущие евреи двигались за легионами Александра Македонского и ехали в обозах Чингисхана. Зачем, с какою целью? Их назначение было одно — они добились права собирать налоги с покоренных народов и земель. Их питала война с ее кровавыми плодами. С тех пор пожива на чужом несчастье стала как бы национальной чертой характера евреев.

Создание мировой финансовой системы дало им неограниченные возможности выгодно использовать как частные, так и общественные разорения.

Забрав в свои руки мировое золото, а также печатая «мировые деньги», они обрели мощный рычаг для любых изменений политических и экономических условий существования народов.

Недаром мудрый Карл Маркс озаглавил свой главный труд увесистым словом: КАПИТАЛ.

За многие века нашей истории почему-то никто и никогда не потрудился напрячь свое воображение в попытке представить, что стало бы с Россией и ее народом, избери Владимир Святой не христианство, а иудаизм или ислам?

Выбор, кстати, был нелегкий, потому что в приграничьи Киевской Руси в те времена существовали три великих государства: Византийская империя, Хазарский каганат и Арабский халифат.

Выбор христианства сделал Киевскую Русь объектом ненависти тех, чьи предложения были отвергнуты. Особенные притязания русские испытали от хазар, где утвердилась вера иудейская, и это недобрососедство продолжалось до тех пор, пока князь Святослав не взял с бою столицу хазар ("неразумных хазар", по определению Пушкина).

Хазарский каганат прекратил свое существование под русскими мечами. Это историческое поражение еще больше озлобило проигравших и дальнейшая борьба восточных иудеев с потомками Владимира Святого пошла уже не в бранном поле, а исподтишка, методами подлыми и коварными.

Первым ристалищем, где православные столкнулись с коварством своих ненавистников, стал Киев — мать городов русских.

В 1054 году христианство, не сохранив единства, раскололось надвое. На Западе воцарились латиняне (католики). Славянский Восток, храня заветы Спасителя, основал православие. Этот раскол имел необратимые последствия для судеб верующих.

В 1093 году права на киевское великое княжение получил Святополк Изяславич. На свое высокое назначение этот Рюрикович смотрел, как на возможность быстренько набить не слишком толстую мошну. Первым делом князь обратился в Германию и пригласил оттуда специалистов по быстрому обогащению. Это были тамошние евреи-ростовщики. Приехав на берега Днепра, чужестранцы полностью прибрали к рукам княжескую семью, построили в Киеве роскошную синагогу и в короткий срок отняли у местных жителей все доходные промыслы. Алчные, хитрые, бессовестные, они принуждали великого князя к набегам на соседей и захвату пленных. Наторелые в торговле людьми, они делились с князем выручкой от работорговли.

Возмущение киевлян нарастало год от года. Святополк умер в 1113 году. В день похорон князя горожане учинили ужасающий еврейский погром. Вместе с ненавистными ростовщиками был убит и княжеский подручник, тысяцкий Путята. Это был

первый еврейский погром на русской земле. От Владимира Мономаха, наследовавшего великокняжеский стол, население потребовало «управы на жидов». Совет князей в Выдубиче принял постановление о выселении этого алчного племени за пределы русских земель.

Жестокая, но необходимая мера!

Примеры такой профилактической жестокости в истории уже имелись. В 640 году халиф Омар, укрепляя государственные основы Арабского халифата и сознавая всю пагубность еврейства, повелел «изгнать сынов Иуды, дабы они не оскверняли арабской почвы".

Через пять веков, в 1096 году, точно так же поступили с местными евреями жители Чехии.

В 1220 году евреи были изгнаны из Англии.

В 1390 году польский король Ягайло, выпроваживая это племя из своей страны, разрешил их массовые убийства.

Два года спустя на головы евреев обрушился гнев испанцев, а еще через два года во Франции был принят закон, которым евреям запрещалось проживание в этой стране.

В 1495 году великий князь Литовский Александр, потеряв терпение, сначала "отрешил всех жидов от пера и чернил", а затем распорядился "всю жидову выбить вон из земли!"

Племя ненавидимое и гонимое, народ необузданный и жестокий, евреи затравленно метались по Европе, а над их головами гремел трубный голос Исайи, библейского пророка:

«Ваши руки полны крови. Перестаньте делать зло... научитесь делать добро!»

Добро... Это значит вернуться к древним заповедям Моисея и к Нагорной проповеди Христа, т.е. сменить любовью ненависть, а милосердием — лютую злобу. Но это значит перестать быть евреем и сравняться с окружающими гоями!

Греховная закоренелость, начавшись с казни Спасителя, усугублялась век от века.

«Нас мало, нас все не любят, но... мы все равно победим!»

ПИСЬМО КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ К ИСПАНСКИМ «Дорогие братья в Моисеевом законе. Мы получили ваше письмо, в котором вы извещаете нас о муках и горе, которые вы переносите и которые вас заставляют так же страдать, как и нас. Мнение великих сатрапов и раввинов таково:

Относительно того, что вы говорите, что король Испании заставляет вас сделаться крестьянами — сделайтесь такими, ибо вы не можете иначе поступить.

Относительно того, что вы говорите, что вас заставляют покинуть ваше имущество — сделайте ваших сыновей купцами, чтобы у них, испанцев, мало-помалу отнять их имущество.

Относительно того, что вы говорите, что у вас отнимают вашу жизнь — сделайте ваших сыновей врачами и аптекарями и вы отнимете у них жизнь.

Относительно того, что вы говорите, что они разрушают ваши синагоги — сделайте ваших сыновей священниками, теологами, и вы разрушите их церкви.

Относительно того, что они причиняют вам другие мучения — старайтесь, чтобы ваши сыновья были адвокатами, прокурорами, нотариусами и советниками и чтобы они постоянно занимались государственными делами для того, чтобы, унижая их, вы захватили эту страну, и вы сумеете отомстить им за себя.

И не нарушайте совета, который мы вам даем, чтобы вы путем опыта увидели, как вы из презираемых станете такими, с которыми считаются».

Программа действий, тактика, словно в подполье...

Истекало пятое тысячелетие человеческой истории, возникали и рушились великие империи, исчезали народы и языки, постоянным, неизменным оставалось лишь упорное противостояние евреев окружающему миру.

Мы всюду не совсем чужие.

Мы всюду не совсем свои...

«Стань лучше!» — требует православие.

«Стань богаче!» — наставляет сионизм.

В своем стремлении к наживе еврей снова припал к подножию золотого тельца, — языческий грех, за который Моисей громил своих единоверцев еще в годы скитаний по пустыне после египетского плена.

Золото стало настоящим божеством еврея, обогащение — подлинной его религией.

Разгромленные на берегах Днепра, иудеи не унялись и предприняли попытку проникнуть на берега Волхова, в северную республику русских.

В 1470 году в Новгород из Киева в пышной свите князя Михаила приехал ученый иудей Схария. Астролог и чернокнижник, он принялся тайно распространять основы иудейской веры. Совратив священнослужителей Дионисия и Алексея, он обратил в иудейство также их семьи. Общественно-политический деятель, писатель, историк Н.И.Костомаров указывает, что Схария учил отвергать св. Троицу, божество Иисуса Христа и все церковные постановления. Новообращенные раскольники усваивали учение Маймонида. Секта жидовствующих ширилась, ее тайными членами стали протопоп Гавриил, поп Максим и «еще много других лиц, духовных и светских». Через десять лет Дионисий и Алексей сумели перебраться в Москву, там один из них стал настоятелем Успенского собора, другой — Архангельского. Тайные иудеи стали распространять свое влияние на великого князя Ивана III. К счастью, архимандрит Чудова монастыря Геннадий вовремя раскрыл гнусный заговор еретиков. На следствии открылось, что все раскольники предавались отвратительной содомии. Впрочем, это и не удивительно: гниль душевная ведет к загниванию телесному.

Великий поэт России Гавриил Державин помимо поэтического творчества занимался и высокой государственной деятельностью. Будучи сенатором в чине тайного советника, он с целью ревизии обследовал весь Привисленский край, место скученного еврейского проживания. Вот его суждения о том, что предстало взыскательным глазам выдающегося государственного деятеля.

«...тунеядцы сии обманами и пронырствами пребывали в изобилии на счет своих гостеприимцев, и содержали их всегда своими данниками. Никогда никто не был из них хлебопашцем, а всякий имел и переводил более хлеба, нежели семейственный крестьянин, в поте лица своего достающий оный. Не находилось также никогда между ними капиталистов по торговле, но вероломством и банкротством нередко делались они обладателями чуждых стяжаний. Подобно в прочих ремеслах и рукоделиях они не поднимались и не несли никогда действительной тягости работ, ибо всевозможно избегали трудолюбия, будучи по их талмудам удостоверены, что они господствовать, а другие народы раболепствовать им должны, при всем том

находили изобильное себе продовольствование и содержание с многочисленными своими семействами.

...Возвысилась и утвердилась между ними и прочими неединоверцами с ними, так сказать, неразрушимая стена, которая, окружая их мраком, содержит в твердом единстве и отдалении от всех обитающих с ними. Там детей своих они воспитывают с наивеличайшим тщанием относительно только религии их и суеверства, в прочем ничему иному не учат, правил благонравия и честности не преподают. Напротив, поощряют и наставляют к обманам, хотя и хвастают, что будто между ними находятся мужи, имеющие великие познания. За научения талмудов платят они дорого и ничего не жалея. Закон свой содержат, особливо в буквальном смысле обрядов, весьма твердо. В субботу ни за что не примутся. Посты свои соблюдают с крайним благоговением, весьма строго и постоянно.

Женятся весьма рано, иногда прежде 10 лет, от чего хотя плодущи, но слабы... В сих сонмищах преподается и укореняется суеверное учение, что они почитают себя единственно истинными богочтителями, а о всех других не единоверных с ними думают уничижительно, признавая их за язычников и идолопоклонников под названием: акум (поганый).

Честь у жида ничего не стоит. Себя они чтут перед всеми другими превосходнейшими. Вследствие этого, чтоб не показать своего унижения, не снимают ни перед кем своих ермолок...»

Обратим внимание на наблюдательность и глубину анализа: мудры же были наши знаменитые сенаторы-поэты!

Вернувшись из Привисленского края и ужаснувшись тому, что увидели его глаза, Гавриил Романович настоял, чтобы этому бесцеремонному и хищному племени был решительно перегражден («засечен») путь для проникновения на Восток русской державы. Урал, Сибирь, Приморье имели жизненно важное значение для России. Великий Ломоносов указал, что именно оттуда будет прирастать богатство и могущество империи.

Применив "черту оседлости", Россия тем самым защитила свое державное здоровье.

Как уже указывалось, путь еврейского племени по лицу Земли был долог, извилист и тернист. Всюду гонимые, они слышали вслед одни проклятия тех, кто имел

неосторожность потесниться и дать им место в своем доме, на своем дворе.

Вечные квартиранты, без своего угла, они всюду и всегда озабочены одним: правами проживал на чужой земле (в то время как хозяин дома и земли знает только свои обязанности, свой долг).

С предостережениями о пришельцах, жаждущими только прав и пренебрегающими обязанностями, постоянно возвышали свои голоса самые выдающиеся деятели всех времен.

«Жидам ездити в Россию с торгами не пригоже для того, что от них многие лиха делаются, что отварные зелья привозили и христиан от христианства отводили... Они привозили к нам отраву душевную и телесную, — не хочу о них и слышать».

Иван Грозный

«Я хочу лучше видеть у себя народы магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю. Не будет для них в России ни торговли, ни жилища,- сколько они о том ни стараются и как ближних моих ни подкупают».

Петр I

УКАЗ Екатерины I (26 апреля 1727 года) «Сего апреля... жидов как мужского, так и женского полу, которые обретаются на Украине и в других российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и засим впредь их ни под каким предлогом в Россию не впускать, и того предостерегать во всех местах накрепко. А при отпуске их смотреть накрепко ж, чтоб они из России за рубеж червонных золотых и никаких российских серебряных монет и ефимков отнюдь не вывезли, а буде у них червонные и ефимки или какая российская монета явятся, и за оные дать им медными деньгами».

УКАЗ Елизаветы Петровны (2 декабря 1742 года) «Жиды в нашей Империи под разными видами жительство свое продолжают, отчего не иного какого плода, но токмо, яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников, нашим верноподданным крайнего вреда ожидать можно. Ввиду сего повелеваем:

всех жидов мужского и женского пола, какого бы кто звания и достоинства ни был с объявлением указа, со всех их имением, немедленно выслать за границу и впредь оных ни под каким видом в нашу империю ни для чего не впускать».

«Я не знаю, для чего могли бы еще годиться евреи, если не для того, чтобы служить шпионами».

Бисмарк

«Нищета, вызываемая евреями, не исходит от одного индивидуального еврея, но является сущностью всего этого народа. Они как гусеницы или саранча, которые поедают Францию... Я не хочу их иметь больше, чем их есть в моем государстве».

Наполеон

«Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Какой мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги... То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде — презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку, как самоцели, — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли!.. Еврейство не могло создать никакого нового мира».

Карл Маркс

«Я начинаю понимать французский антисемитизм, когда вижу, как эти евреи польского происхождения с немецкими фамилиями пробираются повсюду, присваивают себе все, повсюду вылезают вперед, вплоть до того, что создают общественное мнение города-светоча Парижа».

Фридрих Энгельс

«Когда самодержавная Россия останется последней цитаделью христианства, мы спустим с цепи революционеров-нигилистов и безбожников и вызовем сокрушительную катастрофу».

Альберт Пайк, глава всемирного масонства, 1871 год

«Никто из других людей под солнцем не является таким жадным, как они, которые есть и будут жадными, на что указывает их проклятое Богом ростовщичество».

Лютер

«Грабеж и сдирание шкуры с бедного человека, производимые жидами, превосходит все меры, и дальше терпеть его, прости Господи, невозможно».

Эразм Роттердамский

«Настанет момент, когда все христианские нации, среди которых живут евреи, поставят вопрос: терпеть ли их дальше».

Ф.Лист

Бесспорно, подбор высказываний тревожный, устрашающий. Однако совершенно недопустимо подозревать этих деятелей в слепой, вульгарной юдофобии. Каждый из них озабочен в первую очередь судьбами своих народов, своих стран. К сожалению, тревоги авторов высказываний нашли свое подтверждение в кровавых событиях закатившегося двадцатого века и катаклизмах начавшегося третьего тысячелетия.

Историю не приукрасишь и не обманешь.

Расистская идеология мирового господства одной «богоизбранной» нации над всеми остальными вызывала гнев и возмущение таких выдающихся личностей, как АРИСТОФАН, ПЛУТАРХ, ГЕРОДОТ, ТАЦИТ, ГОМЕР, ЮВЕНАЛИЙ, ТИТ ЛИВИИ, ПОЛИБИЙ, ЦИЦЕРОН, ПОМПЕЙ, ВЕСПАСИАН, ТИТ, СЦИПИОН, АДРИАН, ВОЛЬТЕР, ВАГНЕР, МИШЛЕ, ГИББОН, ШЕКСПИР, ШОПЕНГАУЭР, КАНТ, ФИХТЕ, ГЮГО...

Ф.М.Достоевский, замечательный национальный и религиозный мыслитель, мучительно искал спасения от надвигавшейся на Россию громадной государственной БЕДЫ. В своем «Дневнике» он записал:

«Недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторяю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше — конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их цар-

ство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажды правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей».

«Безбожный анархизм близок, и наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России и начнется, ибо у нас нет для нее подходящего отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы, стойла. Евреи сгубят Россию и встанут во главе анархии... Предвидится страшная, колоссальная революция, которая изменит лик мира всего. Но для этого потребуется 100 миллионов жертв. Весь мир будет залит кровью».

А между тем именно в преддверии XX века (последнего для России, по определению «господина Шабаша») православная держава неудержимо раздвигала свои границы и совершенствовала внутреннее устройство. На Востоке ее пределом стали берега Великого океана, северный ее фасад испытывал близкое студеное дыхание океана Ледовитого, на Юге под ее могучую державную руку устремлялись народы Северного Кавказа и Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Обустраивая свой густо населенный многонациональный дом, русское самодержавие только за каких-то десять лет осуществило ряд выдающихся государственных реформ: крестьянскую, военную, судебную, финансовую, а также реформы образования и местного самоуправления.

Россия становилась исполином, неподступным для орд любых захватчиков.

Это качество и возбуждало ненависть ее врагов, — в первую очередь тех, кто держал в мыслях переустройство мира на свой лад.

Перестройщики, владетели золота Планеты, как всегда, продумывали свои дерзкие шаги до мелочей. Так вышло и с

Россией. Один из ведущих банкиров Америки и, пожалуй, самый яростный ненавистник русского народа Якоб Шифф осуществил на практике вариант Слона и Моськи: он устроил маленькой Японии крупный финансовый заем и помог ей создать мощный современный флот.

В качестве объекта нападения японцам была указана громаднейшая неповоротливая Россия. Расчет банкиров оказался точен. Мир был потрясен трагедиями Цусимы, Мукдена, Порт-Артура. Затем последовал похабнейший Портсмутский мир. Впервые в мировой истории маленькая островная страна нанесла сокрушительное поражение необъятной материковой державе. Япония проглотила Курильскую гряду и на закуску отхватила половину Сахалина. Имперское положение России пошатнулось. Впервые за многие века ее принялись рвать на части.

Новый век, таким образом, начался для России бурно и несчастливо. Вскоре последовал расстрел воскресной рабочей манифестации в Петербурге, затем вспыхнули декабрьские бои на баррикадах Красной Пресни в Москве... Агрессия Сиона, направленная на сокрушение великой империи на Востоке евро-азиатского материка, нарастала год от года.

На переговорах в Портсмуте российскую делегацию возглавлял премьер-министр СЮ. Витте. На церемонии подписания договора банкир Якоб Шифф, нисколько не считаясь с высоким рангом царского чиновника, взял его за отвороты фрака и внушительно тряхнул.

— Слушайте... вы! Если только ваш царь не предоставит евреям всех гражданских прав... берегитесь: вы получите такую революцию, каких мир еще не знал!

Слов своих банкир на ветер не бросал.

Россию стало корчить от всевозможных неурядиц. Первая революция, как ее привыкли называть историки, была по сути дела первым антирусским восстанием. А разгул терроризма и убийство Столыпина с особенною силой подчеркнули, насколько деятельны и искусны силы зла и сколь одрябла государственная мощь империи.

В 1912 году Якоб Шифф заставил американское правительство разорвать торговый договор с Россией (заклю-

чен в 1832 году). После этого он собрал многолюдный митинг в Филадельфии и заявил:

— Пора навсегда освободиться от царского деспотизма. Необходимо собрать фонд, чтобы послать в Россию оружие и руководителей, которые научили бы нашу молодежь истреблять угнетателей, как собак. Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным народом. Собирайте деньги! Деньги смогут это сделать!

А в это время компаньон Шиффа по банку Герман Леб выступал на таком же митинге в Нью-Йорке:

— Трусливая Россия вынуждена была уступить какой-то маленькой Японии. Я вам говорю: она уступит, она не может не уступить избранному Богом народу. Деньги нам помогут добиться этого!

31 марта 1912 года все крупнейшие американские газеты вышли с аршинными заголовками: «ЕВРЕИ ОБЪЯВИЛИ ВОЙНУ РОССИИ» Как снова не вспомнить святого Авеля? Он предупреждал об этом!

Шкодливые историки почему-то обходят вниманием одно событие, оказавшее влияние на всю историю начавшегося века.

В самый канун Большой войны в Европе, в 1913 году, конгресс Соединенных Штатов Америки принял беспрецедентное постановление, которое стало законом этой страны и сильно сказалось на развитии всей Мировой Большой Политики.

Выпуск денег — одна из привилегий (и обязанностей) любого правительства любой страны. Печатание собственных ассигнаций — рычаг власти и показатель мощи государственной системы. Поэтому внезапное решение американского конгресса и выглядело беспрецедентным: парламент великой страны вдруг отказался от печатания долларов и уступил это важнейшее право группе частных банков. Закон получил название «Федерал Резерв Акт». Группа частных банков, получивших столь неслыханную привилегию, стала называться «Федерал Резерв Корпорэйшн» (Федеральная Резервная Система США).

Отбор в эту группу проводился с необыкновенной тщательностью. В нее вошли: Ротшильд, Рокфеллер, братья Варбург,

Леман и Лазар, Гольдеман, Закс, а также вездесущая контора «Кун и Леб» с семейством Якоба Шиффа.

С тех пор только они могут печатать зелененькие бумажки с портретом президента.

Долларовая эмиссия вручила этой кучке финансистов конец петли, наброшенной на шею политической и экономической жизни всей Планеты (Правительство США по мере надобности берет доллары у этой кучки взаймы под так называемый ссудный процент). Осуществилось таким образом библейское пророчество, провозглашенное в священной Торе еще 25 веков назад: «Ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы. И господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (Второзаконие, 15.6).

Ростовщики сделались фактическими владыками мира.

Власть этих людей, объединенных по национальному признаку, стала в наши дни безграничной, абсолютной.

Рассчитаться с такой чудовищной задолженностью, само собой, немыслимо. Правительству США остается одно: служить и выслуживаться перед теми, кто печатает американские деньги. Это выслуживание заключается в поддержании высочайшей боевой готовности вооруженных сил страны. Именно авианосцы, атомные бомбы и ракеты гарантируют «твердость» доллара, как мировой валюты, но никак не золото. Никакого золота в мире не хватит, чтобы обеспечить паритет купюр салатного цвета, наводнивших и продолжающих наводнять нашу Планету.

Однако, получив возможность печатать доллары в течение круглых суток, не останавливая станка ни на минуту, удачливые гешефтмахеры положили основание чудовищной, еще не виданной в Истории финансово-государственной ПИРАМИДЫ, и сами стали ее обреченными заложниками. Такие аферы, подобно легендарному дракону, требуют подпитки, постоянной и неумолимо возрастающей, — иначе вся затея рухнет и погребет под своими развалинами ее зачинщиков. Поэтому с тех самых пор Соединенные Штаты Америки превратились в агрессора, вкрадчивого, но настырного, обреченного добывать пропитание для своей долларовой махинации.

Между тем Россия, оказавшись в состоянии войны с евреями, не переставала пышно праздновать многочисленные юбилеи, — как бы в досаду своим всевластным ненавистникам. В 1911 году она подымала бокалы с шампанским в честь пятидесятилетия со дня отмены крепостного права. В следующем году грянул столетний юбилей Отечественной войны с Наполеоном, разгрома французов, взятие Парижа. Гордость победителей подогревалась тем, что на всенародных празднествах присутствовали ветераны Бородинского сражения и очевидцы великого Московского пожара. А уже накатывал юбилей из юбилеев: 300-летие династии Романовых. Целых три века минуло с того дня, как на русском престоле утвердился юный государь Михаил Федорович, слабенький отрок с исплаканным личиком, вся сила которого оказалась в высокородной влиятельной родне и в поддержке всех слоев русского народа.

Наиболее проницательные умы уже в то время подумывали о том, что юбилея Романовых могло бы и не быть — помогла быстрая победа над разрушителями империи в 1905 году. Сокрушив наспех возведенные баррикады на улицах Москвы, власти сохранили трон и обеспечили празднование. Однако приговор царствующему в России дому был уже вынесен. Действовала всего лишь отсрочка. «Новый мировой порядок» требовал очередного жертвоприношения — на этот раз династии Романовых.

Натиск сионизма креп и обретал чудовищную силу.

В такие критические времена во главе России надлежало бы находиться самодержцу типа Петра Великого или Ивана Грозного. К сожалению, государственные деятели такого ранга рождаются чрезвычайно редко. На царском троне восседал вялый и бесцветный Николай II, типичный российский чиновничек, «человек 20-го числа», любивший пилить дрова и пропустить с устатку чарочку калганной. Будучи ангелом по характеру, он был никчемнейшим руководителем. А трон такой империи — слишком неподходящее место для ангелов!

Вовлечение России в новую войну было очередным шагом в планах сионистов. Страна еще не оправилась от поражения в войне с японцами, а принялась вновь воевать. Какие государственные цели преследовала Россия, став самым активным участником Антанты? Ровным счетом никаких. А все-таки

ввязалась! Русская армия воевала по указаниям из Лондона и Парижа, из России методично выпускали кровь и поднимали градус озлобления народа. Русское самодержавие, соблюдая верность своим коварнейшим союзникам, доживало последние дни. Против России действовали выдающиеся мастера интриг — настоящие гроссмейстеры, умевшие рассчитывать ситуацию на много ходов вперед.

Шведско-немецкий банкир Феликс Варбург, зять Якоба Шиффа, постоянно подпитывая русскую смуту, подписал чеки на 12 миллионов долларов.

Часть из них поступила для оплаты в берлинский банк Мендельсона. Этот финансист имел своих доверенных в России, наладивших длинную цепочку для передачи денег тем, кому они были отпущены.

Немецкий банкир Фидлендер, компаньон Мендельсона, на обсуждении ближайших мер против России, решительно заявил:

— Династия Романовых должна быть уничтожена. Дебет ее счета более чем переполнен... Смягчить приговор? Нет, нет, господа, более мягкий приговор просто невозможен!

Ненавистники России уже нисколько не маскировались. Они набрали такую силу, что никого не боялись.

В Государственной Думе депутат Герценштейн с высокой трибуны насмешливо рассуждал «об иллюминациях дворянских усадеб». Он призывал:

— Разоряйте эти гнезда, а воронье разлетится само!

Один из лидеров кадетской партии Мойша Винавер вышел на трибуну и грозно объявил:

— Покуда бедные евреи не обретут необходимых прав, никакого мира в России не будет. Зарубите это себе на носу, господа!

И погрозил депутатам пальцем.

Одинокое, сиротливое, однако неизменно отважное «Новое время» (единственная газета патриотического направления) в конце концов задало вопрос всему народу, всей стране:

«Кто же на самом деле правит Россией: государь император Николай II или же его величество Винавер I ?».

Ну как тут снова не вспомнить пророчества Св. Авеля!

Великий завоеватель Наполеон считал, что четыре газеты могут сделать больше, чем стотысячная армия. Во-

енный гений, он знал толк и в тайной разрушительной работе в тылах противника.

Путь ордам Чингисхана проложила поразительная разобщенность русских удельных князей. Поляки захватили московский Кремль благодаря едва ли не поголовному предательству самых родовитых русских бояр. Наполеон продумал совершенно новый способ завоевания и покорения: он начал с воспитания своих союзников непосредственно в самой России. Впоследствии, много лет спустя, этот коварный метод назовут «пятой колонной».

Замыслив поход на Восток, в Россию, Наполеон начал свое вторжение с завоевания русских умов.

Во время встреч с Александром I он убедил русского императора в своем стремлении помочь ему осуществить его честолюбивые государственные планы. Подданные императора чрезвычайно нуждаются в совершенствовании, чтобы влиться в семью цивилизованных народов! И Наполеон командирует в «немытую» Россию хорошо подобранную группу политических советников. Эти люди быстро втираются в ряды царской администрации и, орудуя словом, искусно отравляют сознание россиян ядом собственного несовершенства. Особенное внимание при этом обращается на подрастающее поколение. Русская молодежь, потянувшись к «прогрессу», с ранних лет настраивается против правительства, против самодержавия и даже — страшно молвить! — против церкви, против православия. «Агенты французского влияния» рыщут по лицу державы от хладных скал Финляндии до горячих песков Туркестана, от Вислы и до Приморья и повсюду сеют семена национального несогласия, а то и раздора. Этим самым они медленно, но верно расшатывают фундамент древней, многими веками сложившейся империи.

Тайная армия Наполеона, засланная в тыл русского противника, умело расчищала путь армии вторжения.

Французская оккупация России начиналась с тихого завоевания ее мозгов.

Если учесть, что Наполеон, при всей его гордыне и спесивости, сам являлся всего лишь «шестеркой» мирового еврейства, то вся эпопея Первой Отечественной войны выглядит, как военная схватка русского народа с военным натиском зловредного сионизма.

Армия Наполеона нашла бесславную гибель на земле России. За Неман удалось спастись лишь жалкой кучке ощипанных захватчиков. Русские войска вошли в Париж. Александр I был провозглашен освободителем Европы от тирании кровавого корсиканца. Однако блистательная победа русского оружия не принесла спокойствия России. Наоборот, с тех пор православная держава превратилась в постоянную мишень устроителей «нового порядка» на Планете.

«Французская зараза», занесенная Наполеоном, оказалась неизлечимой. В России появилось целое сословие, пораженное этой прилипчивой болезнью. Имя этому сословию было «русская интеллигенция». Неведомое прежде в русском языке, новое словечко вошло в обиход с легкой руки известного писателя П.Боборыкина. Этим бранным словом он назвал развинченную публику, у которой весь культурный багаж состоял из нескольких прочитанных модных книжек. Сменив зипуны и поддевки на «спинджаки», лохматые, нечесаные, с обильной перхотью по плечам, в криво надетых очках и скверных сапогах, они вдруг возомнили себя «совестью России». На их «прогрессивный» взгляд, российские порядки никуда не годились. Надо их поскорей переменить и сделать как на Западе.

Образы этих «прогрессистов», представителей самой омерзительной прослойки русского народа, красочно выведены в романах Достоевского и Лескова. Образованные примитивно и совершенно бескультурные, эти суетные и визгливые людишки полезли из всех щелей, словно бесы из преисподней. Обитатели самого дна российского общества, бесы, в конце концов стали могильщиками великой державы.

В планах вековечных ненавистников России зловредный яд интеллигенции был использован с невероятной изощренностью.

Твердые убеждения покоятся на знании. Поэтому политические ловкачи, затевая смуты, более всего озабочены обманом неискушенных и доверчивых, поэтому основное место в их зловещих планах занимает самая разнузданная, самая грубая ложь.

В 1900 году, в самом начале века, появилось сочинение Д.И.Менделеева «К познанию России». Наш гениальный ученый, обеспокоенный замыслами международной нечисти, неопровержимо доказал, что если русским предоставят всего 15 лет мирной жизни (без войн, нашествий и революций), Россия

станет богатейшею державой, настолько мощной, что ей не страшны будут никакие захватчики.

Книга Д.И.Менделеева в очередной раз всполошила ненавистников России!

Губительная спирохета «господина Шабаша», действуя в организме империи, мало-помалу подводила ее к грани смертельного разложения. Вместо энергичного лечения Россия зачем-то с азартом вовлеклась в «великий блуд войны», легкомысленно надеясь достичь выздоровления за счет победы. В этом шарлатанстве уже проглядывало настоящее безумие.

Снова и снова приходится говорить о разлагающем влиянии так называемой русской интеллигенции. Плохо образованная, глубоко невежественная, она с азартом попугая затрещала о правах человека, о прогрессе, о построении всемирного светлого дома. Совершенно чуждая народной культуре и религии, она усвоила поверхностное европеизирование и возмечтала изменить существующий строй в державе на некое «государство всеобщего счастья». Интеллигенция агитировала обывателя твердым обещанием всеобщей сытости и веселья, настойчиво натравливала его, обывателя, возненавидеть все, что этому якобы противодействовало. Передовым, прогрессивным объявлялся лишь тот, кто стремился сокрушить устои веры и государства, кто считал себя не русским человеком, а «Гражданином Вселенной».

Отщепенство интеллигенции от исторических судеб России проявлялось в решительном отрицании общественного порядка, в воспевании анархии, в вере в очистительный огонь всеобщего хаоса.

«Легион бесов вошел в гигантское тело России, и сотрясает его в конвульсиях, мучит и калечит», — писал Сергей Булгаков.

Рассудок русского народа помрачился: даже самый спокойный обыватель ждал взрыва революции, словно светлого дня Пасхи.

А неистовая продажная печать, эти «фабрики сплетен и слухов», эти «чернильные гиены всяческих беспорядков», продолжала с потрясающей продуманностью поднимать градус общественного возбуждения.

Первоначальный лозунг: «Чем хуже, тем лучше!» сменился чуть подновленным, чуточку подправленным, углубленным: «После нас хоть потоп!»

Однако чем глубже проникает разложение, чем ощутимей становилось торжество «идей хаоса», тем откровенней, без всякой уже маскировки, проявляется воля тех, кто с самого начала готовился пожинать обильные плоды небывалой российской катастрофы: «ПОСЛЕ ПОТОПА — МЫ!»

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

История русского народа насчитывает многие века (только период христианства насчитывает более тысячи лет). За все это время у государства древних русов не имелось столь злокачественной организации как ВЧК— ОГПУ — КГБ. Возникшая на плечах вконец исподличавшейся царской охранки, эта «контора» разрослась подобно раковой опухоли, чем и подвела великую державу к смерти.

Мрачное здание Комитета Государственной Безопасности, угнездившееся в самом центре Белокаменной, все годы советской власти действовало подобно воспаленному гнойнику, постоянно лихорадя и партию, и народ, и страну. К концу XX века, как и предсказывал Алистер Кроули, гнойник прорвался, и население Планеты стало свидетелем омерзительных картин великого национального краха некогда непобедимых русов.

Во главе Лубянского ведомства пребывало 12 руководителей. Все они, кроме Ежова, работали исключительно во вред стране. Так была эта организация задумана, так она и действовала.

Крупность ее начальников определялась тем, насколько близко тот или иной из них приближался к вершинам власти. Совсем близки к ней были Дзержинский и Ягода, но прорвался на самый верх только чекист, работавший всю жизнь под псевдонимом «Андропов». Успех счастливца во многом объясняется тем обстоятельством, что колею в Кремль ему проложил никто иной, как Берия. Этому персонажу советской истории пришлось труднее всех своих предшественников, ибо ему выпало орудовать рядом со Сталиным — деятелем, равных которому человечество еще не знало.

Последующим мерзавцам неудача Берии послужила хорошей школой. В одиночку державы не разваливают. Необходима была надежная КОДЛА.

И она постепенно формировалась, готовилась, скрывая от советских людей и партии свои намерения и планы. Для осуществления этих планов нужно было время. Когда оно наступило — черные замыслы новых заговорщиков-«перестройщиков» были осуществлены. Они своего добились — Советский Союз был разрушен.

Крах Советского Союза неповторимо уникален: великая держава рухнула не в результате военного поражения, как это бывает в истории, а исключительно от гнусных происков ее руководителей, выступивших в роли «пятой колонны». Перевертыши, предатели-заговорщики сделали цветущую страну богатейшим трофеем поборников «нового мирового порядка».

Растаскивание национальных богатств страны сопровождается планомерным истреблением русского народа, совершенно открыто объявленного «лишним». В наши дни сокращение русского населения достигло умопомрачительной цифры: по 6 тысяч человек в сутки! В стране рождается один русский, умирает три. И в это же время «всенародный аллерген» Чубайс по поводу депопуляции России заявляет: «Пусть умрут 30 или 40 миллионов тех, кто хронически не вписывается в новые реформы, вместо них вырастут деловые цепкие люди. Старшее совковое поколение — это тяжесть на наших реформаторских ногах». Как созвучны эти слова с известными всему миру заявлениями Гитлера и Геббельса о необходимости сохранения чистой арийской расы.

Великая страна напоминает дом, брошенный хозяевами. Уничтожаются села, превращены в руины тысячи заводов и фабрик. В карманы "марвихеров" и политических рукосуев утекают грандиозные накопления, сделанные за годы Советской власти. В разоряемой стране утвердился уголовный принцип: «Умри ты сегодня, а я завтра!»

Своеобразной визитной карточкой Советского Союза была обаятельная улыбка Юрия Гагарина, простого русского парня, первым из землян вырвавшегося в Космос.

Визитной карточкой «перестройки» сделалось бесформенное мурло существа по кличке «Гайдар».

И страшно представить, что в древнем московском Кремле, где работал Сталин, угнездились личности с уголовными кликухами.

Однако чем темнее ночь, тем ярче звезды. Гудящим набатом в душах истребляемого народа звучат колокольные слова нашего национального поэта о Божьем суде и грозном Судии.

Преступления против человечности не имеют срока давности. Следовательно — грозное возмездие неотвратимо!

Сталин, как известно, за всю свою жизнь покидал пределы родной страны всего пять раз: три — до 1917 года, два — после, когда уже держал в своих руках рычаги управления державой. Эти две последние поездки связаны с самыми насущными заботами о государстве: в Тегеран (1943 г.) и в Потсдам (1945 г.). Все остальное время советский Вождь был занят работой на благо народа и страны. Ему некогда было порхать по планете подобно безмятежной моли.

Обладая чувством времени, умом и энергией, потрясающей, беспримерной работоспособностью, Сталин, как политический деятель, оказался прекрасным организатором и строителем .мирного времени. Поэтому-то он и оставил после себя великую страну — Союз Советских Социалистических Республик — с ее несметными богатствами.

Нынешний президент, как и предшественник, без устали порхает по планете (по 50 поездок за год!). Его же подельники — рыжие и жгуче-кучерявые, картавые и шепелявые — разваливают армию и флот, всячески укрепляют карательные структуры России. Ибо они уже чувствуют — не могут не ощущать! — под их ногами клокочущий вулкан народного гнева. Как и где прорвется эта лава, — знать покамест не дано. Но в том, что этот вулкан, в конце концов, рванет и рванет страшно, сомнений нет. И тогда настанет час великого возмездия.

Это возмездие неотвратимо — иначе сломается сам ход Мировой Истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
УРОКИ ОТЦА ГУ РАМА	4
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ	19
С КИРОВЫМ	29
ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО	58
ВЕХИ ИСТОРИИ	82
ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ	96
ОТЕЛЬ «ФРАНЦИЯ»	122
ТРОЦКИЙ	134
ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЯ	154
КОГДА УМИРАЛ ЛЕНИН.	178
РАЗГРОМ	190
ПО ОСТРИЮ НОЖА	206
МЕТАСТАЗЫ	228
КЛУБОК ИЗМЕНЫ. ИЛИ ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ	245
ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ	285
ВСКРЫТИЕ ПЛАСТА	304
КАПИТАЛЬНАЯ ПРИБОРКА В ДОМЕ	335
РАДЕК	342
ФЕЙХТВАНГЕР	347
ЛИКВИДАЦИЯ	358
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК	375
А ЧТО ЗА ЗЕРКАЛОМ?	393
ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ	404
ПРОВОКАТОР	412
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЛЕНИНА	421
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ «ЛЮБИМЦЕВ»!	460
ЧЕСТЬ ИМЕЮ	510
В ЕДИНОМ ТРУДОВОМ ПОРЫВЕ	551
ПАДЕНИЕ ГЛАВНОГО БАСТИОНА	562
РОКОВЫЕ ТРЕЩИНЫ В МОНОЛИТЕ	622
МАРШАЛ ЖУКОВ	643
ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ. НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УДАРОВ ПРОТИВ СССР	663
БЕРИЯ	694
XIX СЪЕЗД ПАРТИИ. ПЛЕНУМ БЕЗ ПРОТОКОЛА	717

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАЛИНА 731
«ПЕРЕСТРОЙКА»... «ПЕРЕКЛИЧКА...„ 741
ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ГЛУБЬ ВЕКОВ 753
АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ 779

Николай КУЗЬМИН

ВОЗМЕЗДИЕ

Издательство «Профессионал»
Москва, ул. Михайлова, д.4а
Тел.: 8 (499) 746-82-04

Формат 84x108/32. Объем 25 печ. л.
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 4095

Прибрести данную книгу можно, обратившись в издательство или посетив книжную ярмарку в спорткомплексе «Олимпийский» (торговое место № 30, 1 этаж, тел. 8-903-519-85-41).

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-901838-66-2

Роман-хроника Николая Павловича Кузьмина «Возмездие» посвящен политической борьбе Иосифа Виссарионовича Сталина с происками международного сионизма, и в частности – троцкизма. Данная тема развивается автором в книгах «Противостояние» и «Черные тюльпаны» перестройки».